

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра общей психологии
Кафедра клинической психологии

**ФГБОУ ВО «ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО»**

Кафедра специальной психологии, дефектологии и социальной работы

ФГБОУ ВО «БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра социологии и психологии

**ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

**Материалы Всероссийской с международным участием
научно-практической конференции
(г. Донецк, 05 декабря 2024)**

Донецк – 2024

УДК 159.923(062.552)

ББК Ю936.2я431 + 936.1я431

Л666

Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Донецк, 05 декабря 2024) / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Донецкий гос. ун-т, каф. общей психологии, каф. клинической психологии [и др.]; под общ. ред. А.В. Гордеевой, С.А. Вильдгрубе, Э.А. Ангелиной. – Донецк: ДонГУ, 2024. – 654 с.

В сборник вошли работы ученых, аспирантов и магистров, принявших участие во Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека» 05 декабря 2024 года в ФГБОУ ВО «ДонГУ» при участии ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого» и ФГБОУ ВО «БГУ».

Публикации отражают результаты психологических исследований по следующим направлениям: методологические и теоретические проблемы соотношения личностных и ситуационных факторов в поведении и деятельности человека, поведение человека в кризисных, экстремальных ситуациях, влияние современных СМИ и компьютерных технологий на сознание и поведение человека, адаптационные детерминанты психофизического здоровья человека, проблемы развития лиц с ограниченными возможностями здоровья в современной образовательной, социальной среде.

Редакционный комитет:

Гордеева А. В., зав. каф. общей психологии, канд. психол. наук, доц.

Вильдгрубе С. А., зав. каф. клинической психологии, канд. психол. наук, доц.

Ангелина Э. А., доц. каф. клинической психологии, канд. филос. наук, доц.

Рецензенты:

Ярошенко Н. А. – канд. филол. наук, доцент, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «ДонГУ»;

Головлева Е. В. – канд. психол. наук, доц., доц. каф. социологии управления ФГБОУ ВО «Академия управления и государственной службы».

Рекомендовано к печати

Ученым советом биологического факультета

(протокол № 4 от 20 декабря 2024 г.)

За грамотность, аутентичность цитат, достоверность фактов и ссылок несут ответственность авторы

Секция 1. Методологические и теоретические проблемы соотношения личностных и ситуационных переменных в поведении и деятельности человека

УДК 159.9

ИДЕАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ЛИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Александровская Валентина Николаевна

*д-р филос. наук, д-р психол. наук, профессор кафедры философии и психологии
Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
Министерства здравоохранения Российской Федерации (РФ, г. Донецк)*

Боцан Елизавета Витальевна

*ординатор кафедры внутренних болезней,
Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
Министерства здравоохранения Российской Федерации (РФ, г. Донецк)*

Кучковая Яна Викторовна

*студент 1 лечебного факультета
Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
Министерства здравоохранения Российской Федерации (РФ, г. Донецк)
(a_nessy@mail.ru)*

В работе показан синтез культуры и идеального образа, культура представлена в виде «социального гомеостаза». В работе подробно расписана культурная связь личности со своим родом, показана оберегающая роль культуры в жизни личности, рода и общества.

Ключевые слова: культура, образ, культурогенез рода, культурная защита жизни.

IDEAL PERSONALITY IMAGES:

CULTURAL NATURE AND MULTIFUNCTIONAL ORGANIZATION

Alexandrovskaya Valentina Nikolaevna

*Doctor of Philosophy Sciences, doctor of Psychological Sciences
Professor of the Department of Philosophy and Psychology
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
Of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Botsan Elizaveta Vitalievna

*Resident of the Department of Internal Medicine № 2
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
Of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Kuchkova Yana Viktorovna

*Student 1st medical faculty
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
Of the Ministry of Health of the Russian Federation*

The work shows the synthesis of culture and an ideal image, culture is presented in the form of "social homeostasis". The work describes in detail the cultural connection of a person with his family, shows the protective role of culture in the life of a person, family and society.

Key words: culture, image, cultural genesis of the genus, cultural protection of life.

Актуальность. Проблема синтеза культуры и идеального образа широко исследуется в отечественными и зарубежными учеными. «Теоретическое изучение проблемы продиктовано сложностью и многовекторностью самого идеального образа, что в практической психологии фиксируется сложными психическими репрезентациями личности в социуме» [2, с.273]. Полифункциональная организация идеального образа личности основана на индивидуальной и общественной культуре. Интеграция культуры и идеального образа является источником культуорогенеза человека, его социализации, социальной адаптации. В данной статье мы попытаемся проанализировать взаимосвязь таких феноменов, как культура и идеальный образ.

Основное содержание. По мнению большинства специалистов, культуру можно рассматривать, как «способ личностной саморегуляции человека в обществе» [2]. Ведь культура помогает человеку развивать свой внутренний мир, который проявляется в его поведении и деятельности. Внутренняя культура закономерно оказывает влияние на развитие личности. Так, человек может оперативно реагировать на социальные требования общества, понимать смысл этих требований, принимать решения в ситуации морального выбора. В то же время, социальные требования общества нельзя рассматривать как механизм регуляции поведения личности, так как этим регулятором является культура [2].

Культурный человек имеет богатый внутренний мир и осознает, что материальные ценности являются лишь средством. При этом, материальные и духовные ценности имеют тесную взаимосвязь и определяются культурой, ведь культура – это мера развития человека и человечества. Культура динамична,

проявляется в деятельности и является образовательным компонентом образа Я человека [3].

Культура является основой для формирования гуманитарной основы образа личности и является связующим звеном между личностью и культурой общества. Культура имеет творческую основу. Благодаря культурному развитию, человек может ориентироваться в жизненных противоречиях проблемный характер жизни и ориентироваться в нем. Разнообразие культурного формирования человека оказывает влияние на его самоактуализацию и на адекватное отражение окружающей действительности. Культура помогает личности ориентироваться в первую очередь на гуманитарные потребности и является основой развития мировоззрения.

По мнению Г.В. Драч, культура – это почитание, культ и почет. Ученый указывает, что и социально, и психофизиологически эти феномены представлены в виде идеальных образов. В виду этого, ученый говорит о прямой и естественной взаимосвязи феноменов идеального образа и культуры. Также, Г.В. Драч, указывает, что по мнению Ф. Ницше, культура является историческим развитием разума, основой формирования чувства прекрасного и волевых компонентов личности. Ведь именно культура, как составляющая образа Я личности, «поднимает саму личность над хаосом» [3, с. 42]. Можно говорить о влиянии уровня культуры личности на ее образованность, просвещенность и благовоспитанность. Поэтому идеальный образ в сознании личности является ключом к познанию культуры человека. Юнг писал: «Архетипы культуры заложены в психике человека, в ее наиболее глубоких слоях – коллективном бессознательном. Архетипы, проецируясь на внешний мир, определяют своеобразие культуры» [1, с. 171].

По мнению Г.В. Драча культура – это «ценность, смыслообраз, из которого вырастают все модусы человеческого существования» [1, с. 171]. Идеальные образы содержат гуманитарную аксиологию, несут в себе «тайное образное мировидение», обеспечивают онтологический поиск в жизни. Гуманистическое

знание есть культивирование человека, его «образа-Я», идеальных образов в целом.

Выводы. Работа с научной литературой позволяет сделать ряд выводов: 1) задача культурного воспитания – построить генетику культуры в образе-Я личности; 2) в случае отклонения от родословной традиции надо изучать факторы мутационного воздействия на межпоколенческую линию культуригенеза; 3) необходимо изучать суммарные отклонения от передаваемой из поколения в поколение культуры, а также причины мутаций в «культурном коде» своего рода.

Список использованных источников

1. Александровская, В.Н. Идеальный образ: Концептуально-психологические векторы исследования: монография / В.Н. Александровская. – Сумы : Университетская книга, 2015. – 338 с.
2. Александровская, В.Н. Культурная природа и полифункциональная организация идеального образа / В.Н. Александровская // Мир науки, культуры, образования. – № 1 (44), 2014. – С. 273-276.
3. Драч, В.Г. Культурология / Г.В. Драч // издание третье, под научной редакцией В.Г. Драча. – Ростов-на-Дону : «Феникс», 2002. – 608 с.

УДК 159.9

ОБОБЩЕНИЕ ПОНЯТИЙ КАК МАКРОДИНАМИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Александровская Валентина Николаевна

д-р филос. наук, д-р психол. наук

профессор кафедры философии и психологии,

Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Министерства здравоохранения Российской Федерации

Куликова Николь Вячеславовна

ординатор кафедры неврологии и медицинской генетики

Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Министерства здравоохранения Российской Федерации

Боцан Елизавета Витальевна

ординатор кафедры внутренних болезней № 2

Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Министерства здравоохранения Российской Федерации

(РФ, г. Донецк) (a_nessy@mail.ru)

В работе показано обобществление понятий как показателя единого макродинамического процесса исторического развития, в частности обобщения языка. Результатом этой операции явился языковой симптомокомплекс – естественные языки, научные языки, метаязык (философия).

Ключевые слова: макродинамика, естественный язык, научный язык, метаязык, мышление.

GENERALIZATION OF CONCEPTS AS A MACRODYNAMIC REGULARITY OF COGNITION

Alexandrovskaya Valentina Nikolaevna

*Doctor of Philosophy Sciences, doctor of Psychological Sciences, professor of the
Department of Philosophy and Psychology
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Kulikova Nicole Vyacheslavovna

*Resident of the Department of Neurology and Medical Genetics
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Botsan Elizaveta Vitalievna

*Resident of the Department of Internal Medicine № 2
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
of the Ministry of Health of the Russian Federation
(RF, Donetsk) (a_nessy@mail.ru)*

The work shows the generalization of concepts as an indicator of a single macrodynamic process of historical development, in particular the generalization of language. The result of this operation was a linguistic symptom complex - natural languages, scientific languages, metalanguage (philosophy).

Key words: macrodynamics, natural language, scientific language, metalanguage, thinking.

Актуальность. В отечественном обществоведении выделена общеисторическая тенденция – возрастание уровня общественного развития. На языке кибернетики эта закономерность названа макродинамическим процессом общественного развития. Поскольку этот процесс закономерный, то он лежит в основе всех общественных процессов, в том числе и исторического развития мышления и языка. В связи с этим цель данного исследования – назвать языки и обозначить уровни их развития. Задача работы – дать краткое объяснение этих процессов.

Основное содержание. Обобщение понятий в процессе мышления – это макродинамическая закономерность всей человеческой истории. Обобщение понятий в процессе мышления основывается на всеобщей тенденции возрастания уровня организации человеческого общества как объективной всемирной закономерности. При этом мыслительная деятельность мозга и языка, развиваясь вместе с человеческой социокультурной историей, также формировали этапы языкового отражения исторического процесса, множественности окружающего мира, усложнения общественной жизни и общения между людьми.

Историческое социокультурное развитие языка показало, что язык – это не только средство общения между людьми, но и средство познания окружающего мира. При этом выяснилось, что знание – это целая языковая система (по П.В. Копнину), а язык – это непосредственная действительность мысли (по К. Марксу). По мере развития мышления развивалась и потребность в обобщении понятий. Так, уже в античной Греции была необходимость в видении «начала начал» всего сущего. Такого единого понятия не было, но потребность в нем была. Эту проблему решил Демокрит, он сформулировал понятие «атом», которого не было ни в одном естественном языке. Современная физика давно опровергла то содержание, которое вкладывал в понятие атома Демокрит, но от него наука не отказалась. Искусственность этого понятия не мешает современной физике развиваться и дальше. Т. Павлов, болгарский философ, писал: «Идея эфира – давно пройденный этап физики, однако в течение более двух столетий она была необходима для физических объяснений: эфир принимался в качестве среды для распространения света и в качестве абсолютной системы отсчета. Это чисто теоретическое понятие было до того необходимым, что от него не отказывались даже тогда, когда стало ясно, что эфиру надо приписать совершенно противоречивые свойства». «В формальной генетике в свое время понятие гена также было введено как чистый конструкт. Его много раз пробовали выбросить как надуманный конструкт, а теперь на наших глазах он превращается чуть ли не в эмпирический термин» [1, с. 358].

В истории науки Л.С. Козачков выделил три уровня развития языков: предметный язык – научный язык – метаязык. Отечественный кибернетик, академик Р.Ф. Абдеев отредактировал эти языковые уровни, и мы получили систему: естественные языки – язык науки – метаязык (философия) [1, с. 317].

I уровень – естественные языки – каких-либо изменений не претерпевают несмотря на научно-техническую революцию, компьютеризацию и информатизацию всех сфер жизни. Р.Ф. Абдеев считает, что «это можно объяснить лишь тем, что, достигнув достаточно высокой степени организованности, естественные языки уже приобрели устойчивую структуру, отвечающую целевой функции (общения, познания), они в настоящее время развиваются эволюционным путем, пополняя свой словарный запас новыми терминами и уточняя (незначительно) грамматику» [1, с. 318]. При этом ученые отмечают, что устойчивость естественных языков создает благоприятные условия (базис) для развития языков более высокого уровня. Согласно концепции Р.Ф. Абдеева о макродинамике процессов развития, диалектика скачков внутри указанных уровней и начальные скачки, означающие зарождение новых (эквипотенциальных) уровней, образуют метаструктуру. Каждый из указанных выше уровней развития языка имеет свои особенности как в словарном составе, так и в логике (грамматике) [1, с. 318]. То есть, метаструктура – это результат макродинамики процессов развития всего сущего с диалектикой скачков внутри уровней и с зарождением новых, с их особенностями.

Элементы II уровня языка (научного) появились уже в глубокой древности в предметном языке на I этапе, так как язык был не только средством общения, но и средством познания. Появление первых понятий в мышлении – это умение обобщать увиденные и осознанные явления окружающего мира. Язык науки (II уровень) – это обобщение жизненных фактов в теоремах, законах и теоретических понятиях, это правило построения фраз и умозаключений. Отличительная черта обобщения понятий науки на II уровне – это его структуриализация и формализация [1, с. 318].

Все уровни отличаются высокой организованностью. Так, вершиной естественного (I уровня) языка был язык Шекспира и Толстого, поэзия Пушкина и Лермонтова. II уровень (научный язык) имеет свои «формы красоты» – теоремы, формулы (уравнения Максвелла, Эйнштейна).

Первые философские понятия (элементы III уровня) – метаязыка – появились в зачаточной форме в древневосточной философии (Индия, Китай), в античной философии (Милетская школа, пифагорейцы, элеаты, Гераклит, атомисты, Эпикур, Левкипп и Демокрит), то есть еще в недрах I-II уровней [1, с. 319].

Метаязык (философия) – это результат обобщения знаний и познания как высшей формы мышления. Гегель отмечал, что впервые философский метаязык проявил себя в учении Фалеса, в его философском мышлении впервые появились понятия «абсолют», «первоначало», «единое» и др. Механизм обобщения подвел к пониманию того, что за «многообразием чувств скрывается их единство», что «все сущее имеет единую субстанцию» [2, с. 42].

Подобное развитие мышления позволило Аристотелю в его «Метафизике» выделить новую область знания – философию. Мышление человека уже владело механизмом обобщения настолько, что поднялось до уровня понимания «мира в целом», «сущности мира» и т.п. Это обобщенное видение «всего мироздания» позволило Аристотелю представить его как философское учение о мире в целом, о его сущности. Что касалось частных, эмпирических наук, то Аристотель отвел им для изучения отдельные аспекты мироздания. Понимание философии как высшего уровня (обобщения) мыслительной деятельности человека в течение двух тысячелетий считалось эталоном философской культуры мышления. Затем, в XVII-XVIII веках античная диалектика сменилась метафизическим способом мышления. Метаязык стал языком высшего уровня развития мышления. Появляются «наиболее общие законы развития объективного мира» (законы диалектики), основные философские категории (материя, пространство и время, причинность, необходимость и случайность, информация, система, структура и др.).

Каждый уровень имеет свою диалектику развития (принципы, законы, формы), свои скачкообразные переходы и временные интервалы. Так,

естественные языки развивались в течении тысячелетий, язык науки – несколько сотен лет, метаязык (философский, законы материалистической диалектики) начал формироваться около 200 лет назад.

Выводы. В процессе познания окружающего мира человек должен был пройти через макродинамические процессы общественного развития и соответственно через три уровня развития языка: естественный язык, научный язык, метафизический (философский) язык. Это позволило мышлению синтезировать их и на этой основе сформировать наиболее общие законы развития природы и общества – законы диалектического материализма.

Список использованных источников

1. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – Москва : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Александровская, В.Н. Идеальный образ: Концептуально-психологические векторы исследования: монография / В.Н. Александровская. – Сумы : Университетская книга, 2015. – 338 с.

УДК 159.9

НРАВСТВЕННАЯ ЗРЕЛОСТЬ: ОБЗОР И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ

*Андрюшкова Надежда Петровна
старший преподаватель кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(andruchkova@rambler.ru)*

В статье рассматривается нравственная зрелость, как сложное и многоаспектное явление, тесно связанное с социальным, эмоциональным и интеллектуальным развитием. Анализируя и систематизируя различные отечественные и зарубежные подходы автором выделено семь основных элементов нравственной зрелости. Полученные результаты могут стать отправной точкой для разработки программ развития нравственности.

Ключевые слова: зрелость, нравственность, ответственность, социальные навыки.

MORAL MATURITY: OVERVIEW AND SYSTEMATIZATION OF COMPONENTS

Andryushkova Nadezhda Petrovna

Senior Lecturer at the Department of General Psychology
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)
(andruchkova@rambler.ru)

The article considers moral maturity as a complex and multidimensional phenomenon closely related to social, emotional and intellectual development. Analyzing and systematizing various domestic and foreign approaches, the author identifies seven main elements of moral maturity. The results obtained can become a starting point for the development of programs for the development of morality.

Key words: maturity, morality, responsibility, social skills.

Достаточно популярна и актуальна в последнее время разработка программ нравственного развития, формирования нравственной зрелости, что является достаточно сложным и трудоемким процессом. Но что же такое нравственная зрелость? Нравственно зрелый человек должен быть узнаваем. Нравственная зрелость- системное качество личности взрослого человека, характеризующаяся уровнем его духовно-нравственного развития. Анализируя и систематизируя различные отечественные и зарубежные подходы. Было выделено семь элементов нравственной зрелости [1,2,3,4,5]. Безусловно, нравственная зрелость тесно связана с социальным, эмоциональным и интеллектуальным развитием, которые зависят друг от друга. Их нельзя чётко разделить.

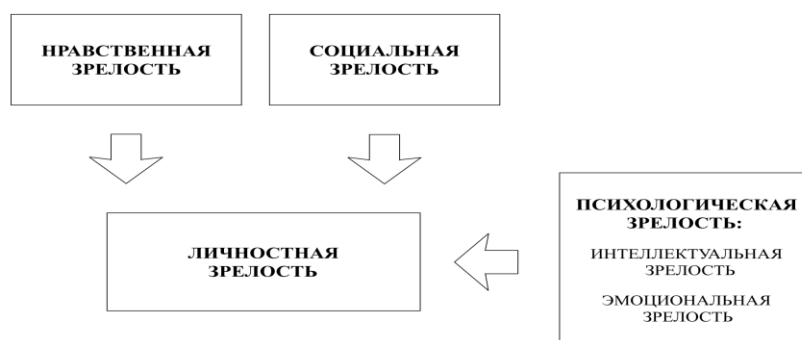

Рис. Соотношение видов зрелости

Говоря о нравственной зрелости, можно рассмотреть соотношение различных видов зрелости (рис.), личностная зрелость является обширным, многокомпонентным феноменом, включающим в себя нравственную, социальную, эмоциональную и интеллектуальную зрелость. При этом, незрелость какого-либо из ее компонентов препятствует становлению личностной зрелости в целом.

1. *Моральная ответственность.* Нравственно зрелый человек не только является моральным субъектом, но и осознает это. Признание моральной ответственности помогает людям осознать свою обязанность действовать во имя добра. Осознание того, что есть «я», что «я» выбираю определенный стиль поведения, и своими действиями влияю на себя и других, является основой нравственной зрелости.

2. *Использование когнитивных способностей.* Когнитивные способности являются краеугольным камнем нравственного мышления (Л. Кольберг). Например, чтобы разрешить нравственную дилемму, нужно определить заинтересованные стороны, оценить их интересы в ситуации, понять противоречия между принципами и часто идти на компромисс. Все эти шаги требуют абстрактного мышления. Хорошо развитые когнитивные способности помогают лучше представить себе последствия различных вариантов действий. Предположим, родитель понимает, что он ругает ребёнка, который совершает обычные детские проступки. Чтобы избавиться от привычки, родителям нужно сознательно следить за своим автоматическим поведением. Это требует постоянной когнитивной бдительности. То есть информация, которая противоречит текущим убеждениям, заставляет людей пересматривать своё мышление. Кроме того, осознанность, когда человек обращает внимание на автоматические действия, является когнитивно-целенаправленным действием. Когнитивные навыки помогают людям распознавать конфликты и создавать новые системы смыслов.

3. *Использование эмоциональных ресурсов.* Эмоции во многом определяют наше поведение. Эмоции задают цели для рационального мышления,

иррациональное мышление перенаправляет эмоции, а иногда и подавляет их (Р. Плутчик). Нравственно зрелые люди понимают эту сложную взаимосвязь. Они принимают во внимание свои эмоции и эмоции других людей при интерпретации определенных событий. Они знают, например, что первоначальные эмоциональные реакции не всегда отражают глубинные ценности человека. Эмоции важны для инициирования и поддержания действий. Эмпатия, когда человек чувствует эмоции других (Э. Хоффман), помогает ему понять, как определенные ситуации влияют на других людей.

4. *Использование социальных навыков.* Нравственно зрелые люди обладают навыками, позволяющими им участвовать в социальной жизни. Они могут понимать других, добиваться, чтобы их понимали, и иногда убеждать других принять их собственную точку зрения. Социальные навыки особенно важны для тех, кто стремится лучше понять мир, объединяя свои взгляды со взглядами других людей. Нравственно зрелые люди знают, что групповые нормы влияют на поведение и что социальное давление используется для манипуляции. Они могут распознавать нежелательное социальное давление, оказываемое на них самих и на других, отстаивать свои принципы и свою позицию.

5. *Использование принципов.* Высшим признаком нравственного развития является рассуждение, основанное на принципах (Л. Кольберг). Принцип – это абстрактная моральная идея, применяемая в различных ситуациях. Справедливость является одним из наиболее важных принципов. Однако нравственно зрелые люди не подчиняются слепо одному принципу. Они осознают конфликты между принципами, лежащие в основе моральных дилемм. Они понимают общественные стандарты и отношения, которые объединяют сообщества.

6. *Уважение к другим.* Уважение нравственно зрелого человека к другим проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, другие люди ценятся, признаётся ценность человека просто потому, что он человек. Такие моральные принципы, как справедливость и забота, отражают внутреннюю ценность людей. Во-вторых, нравственно зрелые люди знают, что они являются частью

взаимозависимых социальных отношений, осознают сложную связь отношений, которые связывают нас друг с другом. Эти взаимосвязи поддерживают нас и ограничивают. Однако социальные «факты» сильно различаются в разных культурах. Нравственно зрелый человек способен взаимодействовать с другими, не чувствуя, что его собственное мировоззрение находится под угрозой.

7. Развитое чувство цели, целеустремленность. Один из элементов нравственной зрелости – это чувство жизненной цели (В. Франкл, А. Маслоу). По мнению разных авторов, чувство цели делает жизнь достойной жизни, а осознание смертности переносится легче. Эта способность к нацеленности на конкретные цели и последовательному движению в их сторону, что играет ключевую роль в формировании смысла жизни и достижении выдающихся результатов.

Нами было определено семь элементов нравственной зрелости: моральная ответственность, использование когнитивных способностей, использование эмоциональных ресурсов, использование социальных навыков, использование принципов, уважения к другим и развитое чувства цели. Это может стать отправной точкой для разработки программ развития нравственности. Однако, безусловно следует помнить о нескольких вещах. На самом деле, большинство людей, вероятно, не достигают полной нравственной зрелости в течение своей жизни. Однако этот образ представляет собой конечную цель, к которой следует стремиться.

Список использованных источников

1. Брюхова, Н.Г. Ответственность как нравственная основа личностного развития молодёжи / Н.Г. Брюхова, Ю.В. Ильященко // Пенза, Изд-во «Социосфера». – 2013. – №. 4-1. – С. 133-134.
2. Веселова, Е.К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности / Е.К. Веселова. – СПб. – 2002. – 316 с.
3. Каташев, И.А. Критерии нравственного развития / И.А. Каташев, В.В. Линьков // Наука и школа. – 2016. – №. 2. – С. 196-206.
4. Gibbs, J.C. et al. Moral maturity: Measuring the development of sociomoral reflection. – Routledge, 2013. – 232 p.

5. Reimer, K.S., DeWitt Goudelock B.M., Walker L. J. Developing conceptions of moral maturity: Traits and identity in adolescent personality // The Journal of Positive Psychology. – 2009. – Т. 4. – №. 5. – P. 372-388.

УДК 159.9

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА КОНСТРУКТИВНОЕ-НЕКОНСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНФЛИКТЕ

Ануфриев Евгений Геннадиевич
студент 2-го курса магистратуры
Яновский Михаил Иванович,
канд. психол. наук, доцент
доцент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(anufrievgeniy1986@mail.ru)

В статье сделана попытка раскрыть содержание конфликта как способа взаимодействия людей друг с другом, а также проанализировать возможность влияния индивидуально-психологических особенностей личности на стиль поведения в конфликте в разрезе его конструктивности-неконструктивности.

Ключевые слова: конфликт, поведение, личность, темперамент, характер.

INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF A PERSON AS A FACTOR INFLUENCING CONSTRUCTIVE-NON-CONSTRUCTIVE BEHAVIOR IN CONFLICT

Anufriev Evgeny Gennadievich
is a 2nd year graduate student
Mikhail Ivanovich Yanovsky,
PhD. Psychology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of General Psychology
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)
(anufrievgeniy1986@mail.ru)

The article attempts to reveal the content of conflict as a way for people to interact with each other, as well as to analyze the possibility of the influence of individual psychological characteristics of personality on the style of behavior in conflict in the context of its constructiveness-non-constructiveness.

Key words: conflict, behavior, personality, temperament, character.

Практически каждый день современный человек вынужден контактировать с другими людьми. Эти контакты могут осуществляться в комфортных условиях для его участников, а могут возникать сложности, противоречия в отношениях между людьми. В наше время нестабильность социальной обстановки, многообразие мнений, повышенная эмоциональная напряженность все чаще и чаще способствуют не сглаживанию и контролю данных противоречий, а провоцирует возникновение конфликтных ситуаций.

Возникновение и развитие конфликтной ситуации обуславливает во многом специфика ситуации, мотивы участвующих в конфликте сторон, многообразие идей и мнений, которые создают условия для столкновения, но гораздо важнее иногда понимать – от каких внутренних качеств личности зависит развитие конфликтной ситуации; одинаково ли будет поведение людей в конфликте или есть личностно-детерминированные факторы, влияющие на такое поведение?

Гипотеза, которая будет проверяться в рамках исследования: поведение человека в конфликтных ситуациях связано с индивидуальными особенностями человека.

Проблема конфликтов в психологии рассматривалась в трудах как отечественных (И. С. Веренко, О. Н. Громова, А. В. Дмитриев, А. И. Донцов и др.), так и зарубежных психологов (Дж. Бартон, К. Боулинг, Р. Дарендорф, Д. Доллард, З. Фрейд, Ч. Чарли и др.). Конфликт – это такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок и т. п.).

Суть конфликта составляют его основные признаки и условия его возникновения. Выделяются два основных признака конфликта:

- 1) конфликт всегда возникает на основе противоположно направленных мотивов или суждений. Такие мотивы и суждения являются необходимым условием для возникновения конфликта;

2) конфликт – это всегда противостояние субъектов социального взаимодействия, которое характеризуется нанесением взаимного ущерба (морального, физического, психологического и т. п.) [2].

Конфликт, как и любое социально-психологическое явление, может быть рассмотрен как структура и как процесс, протекающий во времени. Следовательно, он должен иметь определенные этапы, стадии своего возникновения, протекания и завершения [3].

Этапы конфликта: возникновение и развитие конфликтной ситуации. Конфликтная ситуация создается одним или несколькими участниками взаимодействия и является предпосылкой конфликта; осознание конфликтной ситуации хотя бы одним из участников взаимодействия и эмоциональное переживание им этого факта.

Следствиями и внешними проявлениями такого осознания и эмоций, связанных с ним, могут быть: изменение настроения, критические и недоброжелательные высказывания в адрес своего оппонента и т.д.

3. Начало открытого конфликтного взаимодействия. Этот этап выражается в том, что один из участников взаимодействия, осознавший конфликтную ситуацию, переходит к активным действиям (нападкам, оскорблениям), направленным на нанесение ущерба оппоненту. Другой участник при этом предпринимает ответные действия против своего оппонента.

4. Развитие открытого конфликта. Здесь участники конфликта открыто заявляют о своих позициях и выдвигают требования, претензии друг к другу.

5. Разрешение конфликта. В зависимости от содержания, конфликт может быть разрешен различными методами (средствами).

Основными фазами конфликта являются: 1) начальная фаза; 2) фаза подъема; 3) пик конфликта; 4) фаза спада [11].

Изучение признаков и условий возникновения конфликтов, его этапов и фаз необходимо для фиксирования и анализа поведения людей, в него вовлеченных, а также для вывода о конструктивности-неконструктивности такого поведения.

Таким образом, авторы, исследуя динамику конфликта, делают акцент на соотношении объективных и субъективных факторов, где определяющим является все же субъективный (осознание конфликтной ситуации хотя бы одной из сторон). Указывая на важность осознания конфликтной ситуации, они утверждают, что социальные явления и процессы прогнозируемы и управляемы. Личность, иногда включенная в них независимо от ее воли и сознания, может вносить свой вклад в развитие событий [7].

Не нужно быть психологом, чтобы понимать, что все люди разные, отличаются друг от друга благодаря наличию у них индивидуальных особенностей, что, в свою очередь, влияет на поведение конкретного человека в конфликте.

Личность в психологии – это социокультурный опыт человека, благодаря которому человек успешно интегрировался в общество. Личность человека многогранна, формируется многие годы из его предпочтений, привычек, социокультурного опыта и навыков. Основой для её формирования служат индивидуальные психофизиологические особенности человека, данные ему от рождения: темперамент, особенности нервной системы, наследственность и др. [5].

К индивидуально-психологическим особенностям личности, которые образуются в результате объединения биологических и социально-приобретенных свойств, принято относить психические особенности личности, которые проявляются в темпераменте, характере, способностях, эмоциях человека, к индивидуальным особенностям относятся возрастные и половые различия, конституциональные, индивидуальные особенности нервной системы [8].

Так, психика личности с точки зрения различий по половому признаку имеет как биологическую основу, так и социальную. Психика мужчин характеризуется эмоциональной стабильностью, сосредоточенностью, логико-математическим складом ума, замкнутым характером. Женщины же более эмоциональны, чувственны, и превосходят мужчин по счету, памяти, скорости реакции, преобладании интуиции.

Следующий критерий особенностей личности – это возраст человека. Каждый возрастной период отличается своими особенностями психики и поведения человека, набором убеждений и мировоззрения [9].

Темперамент определяет такие особенности личности как: эмоциональность, впечатлительность, стабильность, стрессоустойчивость и тревожность. Всего типов темперамента 4: холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик. В чистом виде любой из 4 данных типов у людей не отмечается, скорее можно говорить о смешении у человека 2-3 типов темперамента.

Следующий критерий индивидуально-психологической особенности личности – это характер человека. Характер – это индивидуально-психологические особенности человека, сформировавшиеся в процессе его жизнедеятельности и влияния общества. Ученые выделяют в структуре характера волю человека, темперамент, убеждения, чувства, интеллект и потребности.

В пилотажном исследовании для получения данных были использованы следующие методики, которые позволяют определить такие наиболее значимые и выявляемые с большой долей достоверности индивидуальные особенности человека, как темперамент и характер, а также тактики (стили) поведения в конфликте [1]:

1. Методика для определения типа темперамента – опросник Г. Айзенка, состоящий из 57 утверждений [6].

2. Методика диагностики типа акцентуации личности – Тест Леонгарда-Шмишека, разработанный немецким психологом Г. Шмишеком [4].

3. Методика диагностики тактики поведения в конфликте К.Н. Томаса [10].

После проведения пилотажного исследования по указанным методикам среди выборки из 10 испытуемых было выявлено, что холерики и сангвиники (4 испытуемых), склонные к проявлению демонстративных и эмотивных черт, импульсивным действиям, тяготеют к соперничеству как стилю поведения в конфликте, а флегматики и меланхолики (6 испытуемых), обладатели застревающими и тревожно-боязливыми чертами, осторожности как

поведенческих паттернов показывают среди своих стилей поведения в конфликте компромисс и сотрудничество.

Таким образом, индивидуальные особенности человека являются существенным фактором, влияющим на конструктивное-неконструктивное поведение в конфликте. Так, в результате проведения данного пилотажного исследования было установлено, что стиль поведения в конфликте зависит от комбинаций характерологических черт и темперамента человека.

Полученные данные подтверждают перспективность соответствующего исследования на большой выборке.

Список использованных источников

1. Аверин, В.А. Психология личности: Учебное пособие / В.А. Аверин. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. – 89 с.
2. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина // 2-е издание, переработанное и дополненное. – СПб. : Питер, 2008. – 544 с. – ISBN 978-5-91180-895-2.
3. Емельянов, С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов // 3-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 384 с. – ISBN 978-5-388-00684-4.
4. Забродин, Ю.М. Психодиагностика / Ю.М. Забродин, В.Э. Пахальян // под общ. ред. Ю.М. Забродина. – Москва : Эксмо, 2010. – 448 с. .
5. Ильин, Е.П. Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 701 с.
6. Римский, Р.Р. Альманах психологических тестов / Р.Р. Римский, С.А. Римская. – Москва : КСП, 1995. – 320 с. – ISBN 5-88694-029-4.
7. Леонов, Н.И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения: Учебное пособие / Н.И. Леонов. – СПб. : Питер, 2005. – 240 с.
8. Мерлин, В.С. Собрание сочинений / В.С. Мерлин // Том 3: Очерк теории темперамента. – Пермь : ПСИ, 2007. – 276 с.
9. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2001. – 720 с.
10. Шаньгина, Н.В. Опросник стилей управления конфликтом К. Томаса-Р. Килманна – русскоязычная версия: Методическое руководство / Н.В. Шаньгина, Загорюев А.Л. – Екатеринбург : УИПП, 2015. – 84 с.
11. Шейнов, В.П. Управление конфликтами / В.П. Шейнов. – СПб : Питер, 2017. – 783 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Балакшина Елена Владимировна
канд. психол. наук, доцент, доцент
Тверской государственный технический университет (РФ, г. Тверь)
(balakshina79@mail.ru)

В статье представлены результаты анализа теоретико-прикладных исследований, посвященных проблеме социально-психологической адаптации человека в ситуации неопределенности. Приводятся основные показатели данного процесса и его виды, а также рассматриваются смежные понятия, наиболее часто употребляемые в научных источниках. Указывается ряд критериев, отражающих специфику приспособления субъекта к изменяющимся условиям окружающей среды.

Ключевые слова: адаптация, готовность к неопределенности, неопределенность, саморегуляция, социально-психологическая адаптация.

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF HUMAN ADAPTATION TO A SITUATION OF UNCERTAINTY: A THEORETICAL ASPECT

Balakshina Elena Vladimirovna
PhD. Psychology, Associate Professor, Associate Professor
Tver State Technical University (Russian Federation, Tver)
(balakshina79@mail.ru)

The article presents the results of an analysis of theoretical and applied research on the problem of socio-psychological adaptation of a person in a situation of uncertainty. The main indicators of this process, its types are given, as well as related concepts that are most often used in scientific sources are considered. A number of criteria are indicated that reflect the specifics of the subject's adaptation to changing environmental conditions.

Key words: adaptation, readiness for uncertainty, uncertainty, self-regulation, socio-psychological adaptation.

На сегодняшний день особое значение приобретают исследования, посвященные проблеме адаптации человека к окружающей действительности. Это связано, с динамично развивающимися, социальными процессами, а также с усилением общей напряженности, обусловленной необходимостью быстро приспосабливаться к ситуации неопределенности на экономическом,

политическом, социально-психологическом и др. уровнях. Особого внимания заслуживают труды отечественных и зарубежных ученых (Ю. А. Александровский, Е. Е. Бочарова, К. С. Вызулина, А. А. Налчаджан, А. С. Обухов, Г. Селье, Р. М. Шамионов и др.), в которых раскрывается своеобразие переживаний и адаптация личности к субъективной неопределенности, специфика ее активности и саморегуляции в нестандартной обстановке.

При этом готовность личности к изменениям можно рассматривать, как способность быстро приспосабливаться к кризисным, экстремальным ситуациям, опираясь на паттерн внешних и внутренних ресурсов [3]. Успешность протекания данного процесса (на психологической основе) поддерживается следующими детерминантами: трансформацией убеждений или гибкостью мышления; пластичностью линии поведения (перестройка под влиянием условий); позитивным эмоциональным фоном (общий настрой на жизнь) [12]. Все перечисленные показатели относятся к внутренним адаптивным возможностям человека и базисом социально-психологической адаптации.

В современной профессиональной литературе термин адаптация трактуется следующим образом – это приспособление человека к различным воздействиям, факторам, инцидентам окружающей среды. Т.е. адаптация является результатом взаимодействия живых организмов и среды, где в итоге происходит оптимальная форма приспособления [4].

С точки зрения психологии, хороший уровень выраженности рассматриваемого нами качества, позволяет человеку адекватно функционировать при любых обстоятельствах и быть максимально эффективным в достижении поставленных целей [9]. Согласно А. А. Обухову, успешность привыкания зависит от жизненной позиции личности в ситуации неопределенности и изменчивости [10]. В этом смысле в качестве психологических предикторов психологической адаптации выступают нервно-психическая и эмоциональная устойчивость, положительная мотивация, саморегуляция, толерантность к неопределенности, уравновешенность, рефлексивность, личностные особенности и др.

В контексте взаимодействия процессов социализации и развития человека в онтогенезе, многими исследователями отмечается тесная взаимосвязь указанных явлений с адаптацией [2]. Данный вид адаптации называется социально-психологической. О. С. Назаревич приводится два вида показателей, способствующих успешной адаптации личности к необычным жизненным событиям в обществе (объективные и субъективные). К первым относятся физиологические затраты, состояние удовлетворенностью деятельностью, включенность в работу, социальный статус в группе; ко второй группе - уверенность в себе, адекватная самооценка, уровень притязаний, понимание собственных возможностей [8]. Психологи обозначают такой тип системы, как двухфакторная (личность – среда).

При этом активация адаптационного потенциала происходит в ответ на дисбаланс и несогласованность системы (личность – среда) или потери равновесия между ними. Главная функция адаптации заключается в достижении динамического равновесия между личностью и требованиями среды, социума [5]. В результате формируется индивидуальный стиль реагирования на неопределенность (адаптационная готовность). Под адаптационной готовностью личности в профессиональной литературе понимается способность человека воспринимать ситуацию на особом уровне и на этой основе предпринимать действия, направленные на нивелирование отрицательного воздействия ситуации [6].

Анализ особенностей адаптации личности к ситуации неопределенности указывает на необходимость рассмотрения значения термина «неопределенность». В психологических источниках отмечается, что существует множество точек зрения для трактовки его содержания. В целом под неопределенностью понимается совокупность обстоятельств, связанная с наличием противоречивых, неясных, неоднозначных данных и высокую степень риска. Поэтому отрицательное воздействие рассматриваемого нами явления на психику обусловлено несовместимостью когний и несогласованностью поведения на этой основе [7]. В качестве негативных или позитивных реакций на

ситуацию неопределенности можно отнести следующие показатели: тревожные состояния, чувство запутанности, отсутствие опоры на внутренние ресурсы; положительные: радость, любопытство, азарт [1]. Отсюда следует, что готовность быстро адаптироваться к ситуации неопределенности поддерживается также толерантностью, возможностью выхода за рамки типичных реакций, таким качеством как поливариативностью мышления и саморегуляцией.

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Адаптация личности к ситуации неопределенности зависит от индивидуальных особенностей реагирования, совокупности личностных характеристик, специфики восприятия, мышления и общей мотивационной направленности [1].

2. Изменения в современном мире происходят постоянно, динамично, множественно, а это значит, что вопросы, касающиеся психологической и социально-психологической адаптации человека, будет попадать в локус внимания ученых все чаще и чаще [12], это требует дополнительных исследований и детализации структуры изучаемого феномена.

3. Параллельно с решением вопросов, связанных с адаптационными процессами человека в непрерывно меняющейся окружающей среде, постоянно будет подниматься проблема переживания или проживания человеком ситуации неопределенности, какие стратегии им применяются для совладания с ней, степень эффективности данных стратегий.

4. В общем понимании неопределенность может рассматриваться на двух уровнях (объективный и субъективный). Самые яркие и интересные изменения происходят на втором из-за субъективной оценки личностью внешних обстоятельств и реагирования на них.

5. Кроме того, взаимодействие личности с неопределенностью актуально изучать исходя из позиций: раскрытия особенностей переживания ситуации неопределенности на уровне ее ресурсов, общего потенциала, структуры мотивов, эмоциональных состояний, возможных способах реагирования.

Таким образом, адаптация человека в ситуации неопределенности сложный, динамичный и постоянный процесс, который зависит от активного приспособления к условиям социальной среды. Успешность данного процесса зависит от сочетания глубинного и поверхностного уровней реагирования.

Список использованных источников

1. Александровский, Ю. А. Состояние психической дезадаптации и ее компенсация / Ю. А. Александровский; АН СССР, Ин-т психологии. – Москва : Наука, 1976. – 272 с.
2. Бочарова, Е. Е. Временная перспектива личности студента с разным уровнем адаптационной готовности / Е. Е. Бочарова // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 108–113.
3. Бызова, В. М. Переживание субъективной неопределенности и готовность к изменениям / В. М. Бызова, М. О. Аванесян // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 103–111.
4. Вызулина, К. С. Личностные детерминанты социально-психологической адаптации личности: теоретико-методологические основы исследования / К. С. Вызулина, Б. А. Ясько // Вестник АГУ. – 2015. – Вып. 1 (157). – С. 180–185.
5. Григорьева, М. В. К разработке концептуальной модели взаимодействия личности и среды / М. В. Григорьева // Мир психологии. – 2008. – № 1. – С. 93–100.
6. Григорьева, М. В. Понятийный аппарат психологии адаптации личности / М. В. Григорьева // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3. – Вып. 3. – С. 259–263.
7. Михина, М. В. Неопределенность: основные характеристики и определение / М. В. Михина : // Инновационная наука. – 2018. – № 5–2. – С. 140–143.
8. Назаревич, О. С. Теоретические подходы к определению социально-психологических аспектов адаптации личности / О. С. Назаренко // Вестник угроведения. – 2012. – № 4 (11). – С. 66–70.
9. Налчаджан, А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии) / А. А. Налчаджан; АН АрмССР, Ин-т философии и права. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1988. – 262. ISBN 978-5-699-36228-8.
10. Обухов, А. С. Современные исследования проблемы мотивации и саморегуляции человека в ситуации неопределенности и изменчивости мира / А. С. Обухов // Исследователь. – 2019. – 1–2. – С. 10–20.

11. Шабанов, Л. В. Социальная адаптация личности: методология психологического исследования / Л. В. Шабанов, И. Л. Шелехов, Е. В. Мороденко // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – № 3. – С. 74–79.
12. Шамянов, Р. М. Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия / Р. М. Шамянов // Известия Саратовского университета. – 2015. – Т. 15. – Вып. 4. – С. 106–112.

УДК 378.014:15

МОТИВАЦИЯ К ОБУЧЕНИЮ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ В ДНР

Безродный Владимир Иванович

*канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии
(bezrodnuy@rambler.ru)*

Святенко Екатерина Анатольевна

*студентка магистратуры
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(sv.ekaterina2020@mail.ru)*

В статье исследуются особенности мотивации к обучению у студентов гуманитарного и естественно-научного профиля в образовательных учреждениях ДНР. Рассматриваются факторы, влияющие на уровень учебной мотивации, выявляются различия в мотивационных установках студентов двух профилей, а также анализируются основные трудности и барьеры, препятствующие эффективному развитию мотивационной сферы. В работе уделяется внимание современным подходам к стимулированию учебной активности студентов, включая внедрение интерактивных и цифровых технологий.

Ключевые слова: мотивация к обучению, студенты гуманитарного профиля, студенты естественно-научного профиля, профессиональная ориентация, образовательные технологии.

MOTIVATION TO LEARN AMONG HUMANITIES AND NATURAL SCIENCES STUDENTS IN THE DPR

Bezrodnuy Vladimir Ivanovich

*Candidate of Psychological Sciences
Associate professor of the Department of Psychology,
(bezrodnuy@rambler.ru)*

Svyatenko Ekaterina Anatolievna

*Master's student
Donetsk State University (RF, Donetsk)
(sv.ekaterina2020@mail.ru)*

The article examines the specifics of learning motivation among humanities and natural sciences students in educational institutions of the DPR. The study identifies factors influencing the level of academic motivation, highlights differences in motivational attitudes between students of the two profiles, and analyzes the main challenges hindering the development of their motivational sphere. Particular attention is paid to modern approaches for enhancing students' learning activity, including the integration of interactive and digital technologies.

Key words: learning motivation, humanities students, natural sciences students, career orientation, educational technologies.

Мотивация к обучению является ключевым элементом образовательного процесса. Она определяет не только степень активности студентов в освоении учебного материала, но и успешность их дальнейшей профессиональной деятельности. В условиях современной системы высшего образования в ДНР, которая сталкивается с целым рядом вызовов, исследование мотивации студентов становится важной задачей.

Гуманитарные и естественно-научные направления подготовки предполагают различный характер профессиональной деятельности и, соответственно, формируют различные подходы к учебной мотивации. Для студентов гуманитарного профиля характерно стремление к социальному взаимодействию, творческому самовыражению, а также ориентация на понимание культурных и социальных процессов. Студенты естественно-научного профиля, напротив, чаще ориентируются на прикладные задачи, что делает их мотивацию более прагматичной и направленной на достижение конкретных целей, связанных с трудоустройством и карьерным ростом [1].

В образовательной системе ДНР специфические условия, такие как ограниченный доступ к современным учебным материалам, дефицит научных ресурсов и кадров, а также сложная социально-экономическая обстановка, оказывают значительное влияние на мотивацию студентов. Эти факторы создают дополнительные трудности в организации образовательного процесса и требуют поиска новых методов для формирования устойчивой мотивационной сферы.

Целью настоящей статьи является анализ факторов, влияющих на учебную мотивацию студентов гуманитарного и естественно-научного профиля, а также

изучение возможных путей ее стимулирования в условиях современного образовательного пространства ДНР.

Мотивация к обучению рассматривается как сложная структура, включающая когнитивные, эмоциональные и социальные компоненты. Она формируется под влиянием внутренних и внешних факторов, а также зависит от личностных характеристик и профессиональной ориентации студента.

Гуманитарное образование предполагает глубокое изучение вопросов, связанных с обществом, культурой, историей и личностью человека. Для студентов этого профиля характерно преобладание внутренней мотивации, основанной на интересе к изучаемым дисциплинам и стремлении к самореализации. Многие из них выбирают профессию, ориентируясь на желание внести вклад в развитие общества, что делает их мотивацию социально направленной [3].

Исследования показывают, что студенты-гуманитарии чаще других демонстрируют высокий уровень вовлеченности в учебный процесс, если образовательная среда предоставляет возможности для творчества, межличностного взаимодействия и критического осмысления изучаемого материала. Однако, несмотря на это, их мотивация может снижаться в условиях недостаточной поддержки со стороны преподавателей, отсутствия доступа к современным образовательным ресурсам и низкой оценкой значимости гуманитарных профессий в обществе.

Студенты, обучающиеся на естественно-научных направлениях, имеют иные мотивационные установки. Их обучение связано с особыми требованиями к точности, аналитическому мышлению и практическому применению полученных знаний. Для них характерно преобладание внешней мотивации, которая проявляется в ориентации на карьерный рост, материальное благополучие и востребованность на рынке труда [4].

При этом естественно-научные специальности предъявляют высокие требования к студентам, что может вызывать усталость и снижение мотивации. Огромное значение имеет доступ к современным лабораториям, возможность

участия в научных исследованиях и взаимодействие с профессиональными сообществами. В условиях ограниченных ресурсов образовательной системы ДНР, предоставление таких возможностей становится сложной задачей, что может негативно сказываться на уровне учебной мотивации студентов [2].

Образовательная среда играет ключевую роль в формировании мотивации. В вузах ДНР значительная часть студентов сталкивается с проблемами, связанными с недостатком учебных материалов, устаревшими методами преподавания и ограниченными перспективами трудоустройства. Тем не менее, существует множество способов преодоления этих трудностей, включая внедрение интерактивных методов обучения, развитие цифровой инфраструктуры и повышение квалификации преподавателей.

Преподаватели играют решающую роль в мотивации студентов. Их способность адаптировать методы преподавания к потребностям студентов, создавать условия для диалога и совместного поиска решений существенно влияет на вовлеченность в образовательный процесс. Использование современных технологий, таких как мультимедиа, дистанционные платформы и симуляционные тренажеры, позволяет сделать обучение более увлекательным и значимым для студентов [6].

Личностные характеристики также оказывают значительное влияние на учебную мотивацию. Уровень саморегуляции, способность к самостоятельному планированию времени, уверенность в своих силах и склонность к долгосрочному планированию играют важную роль в успехе образовательного процесса. Для студентов с низким уровнем внутренней мотивации важным стимулом становится поддержка со стороны преподавателей, группы или семьи [7].

Существует также необходимость учитывать культурные и социальные особенности региона. В условиях ДНР, где система образования сталкивается с дополнительными вызовами, важным элементом становится развитие патриотической мотивации, связанной с вкладом в восстановление и развитие республики. Это может стать значимым фактором для студентов как гуманитарного, так и естественно-научного профиля.

Современные подходы к формированию мотивации студентов включают внедрение проектной деятельности, развитие междисциплинарных программ, интеграцию научных исследований в учебный процесс и привлечение студентов к реальным практическим задачам. Особое внимание следует уделить созданию условий для профессиональной ориентации, включая встречи с работодателями, экскурсии на предприятия и участие в стажировках.

Для гуманитариев важно развивать социальные проекты и волонтерские инициативы, которые позволят применять теоретические знания на практике. Для студентов естественно-научного профиля приоритетом остается доступ к современному оборудованию, участие в конкурсах и грантовых программах, а также интеграция с международными научными сообществами [1].

Мотивация к обучению у студентов гуманитарного и естественно-научного профиля в ДНР определяется рядом факторов, включая специфику профессиональной ориентации, образовательную среду и индивидуальные особенности.

Для повышения уровня учебной мотивации необходимо внедрение современных образовательных технологий, развитие междисциплинарных подходов и усиление профессиональной ориентации. Создание условий для реализации потенциала студентов будет способствовать повышению качества образования и подготовке высококвалифицированных специалистов, готовых к решению актуальных задач, стоящих перед обществом.

Список использованных источников

1. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – Москва : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Булкин, А.П. Социокультурная динамика образования: [Ист. опыт России] / А.П. Булкин. – Дубна : Феникс+, 2001. – 207 с. – ISBN 5-9279-0024-0.
3. Калиновский, Ю.И. Философия образовательной политики: монография / Ю.И. Калиновский. – Москва : Вита-Пресс, 2000. – 320 с.
4. Крылова, Н.Б. Культурология образования / Н.Б. Крылова. – Москва : Народное образование, 2000. – 272 с. – ISBN 5-87953-146-5

5. Пинский, А.А. Образование свободы и несвобода образования / А.А. Пинский. – Москва : Ун-т рос. акад. образования. – Москва : Изд-во УРАО, 2001. – 228 с. – ISBN 5-204-00248-0.
6. Тоффлер, Э. Футурошок : [Перевод] / Алвин Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 461 с. – ISBN 5-86617-004-3.
7. Удовик, С.Л. Глобализация: семиотические подходы / С. Л. Удовик. – Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2002. - XV, 461 с. – ISBN 966-543-048-3); ISBN 5-87983-110-8.

УДК 159.9.07

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧАСТНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ МАЛОГО ИНДИВИДУАЛЬНОГО БИЗНЕСА

***Безродный Владимир Иванович**
канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(bezrodnuy@rambler.ru)*

В статье приводятся результаты сравнительных гендерных исследований характеристик частных коммерческих предпринимателей малого индивидуального бизнеса. Как показывают результаты сравнительных исследований отмечаются существенные гендерные различия по многим психологическим характеристикам предпринимателей, работающими на коммерческих рынках Донбасса.

Ключевые слова: гендер, предприниматель, мотивация, склонность к риску, удовлетворенность трудом, невротичность.

GENDER DIFFERENCES IN PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS PRIVATE COMMERCIAL ENTREPRENEURS OF SMALL INDIVIDUAL BUSINESS

***Bezrodnuy Vladimir Ivanovich**
candidate of Psychological Sciences
associate professor of the Department of Psychology
Donetsk State University (RF, Donetsk)
(bezrodnuy@rambler.ru)*

The article presents the results of comparative gender studies of the characteristics of private commercial entrepreneurs of small individual businesses. As the results of comparative studies show, there are significant gender differences in many psychological characteristics of entrepreneurs working in the commercial markets of Donbass.

Key words: gender, entrepreneur, motivation, risk appetite, job satisfaction, neuroticism.

Большинство ученых считает, что при благоприятных условиях предпринимательство может активно способствовать либерально-демократическим преобразованиям в России [3,4]. Одна из главных черт, отличающих российских предпринимателей от зарубежных, состоит в том, что они являются бизнесменами в первом поколении [1,5]. Сложность, противоречивость и малая исследованность процесса изучения нового предпринимательства обуславливают актуальность и особый интерес разных специалистов, в том числе и психологов к этой проблеме [2].

С целью создания портрета частного коммерческого предпринимателя малого индивидуального бизнеса проведено психологическое исследование предпринимателей Донецкого и Макеевского рынков (38 респондентов-мужчин и 57 респондентов-женщин). В качестве методов исследования были использованы интервью и тестирование с помощью многофакторного опросника FPI (форма В).

Целью интервью было выявление причин прихода респондентов в частный бизнес; отношение к работе, условиям труда; возможных причин неудовлетворенности трудом; проявлений мотивов как причин, определяющих выбор направленности поведения - трудовой деятельности в сфере бизнеса; наличия или отсутствия склонности к риску, направленности на успех с высоким уровнем притязаний; выяснение ожиданий, планов на будущее.

В результате проведения интервью были получены данные, свидетельствующие о том, что как у мужчин, так и у женщин преобладающая возрастная категория предпринимателей-работников коммерческих вещевых рынков – 26-35 лет. Преобладающий образовательный уровень как предпринимателей-мужчин, так и предпринимателей-женщин – среднее техническое образование. Основная масса предпринимателей как в группе мужчин (73,8%), так и в группе женщин (68,5%) до прихода в частный бизнес имела рабочие специальности, причем 45,2% от указанной цифры в группе

мужчин - бывшие шахтеры. 28,6% мужчин и 32,8% женщин предпочли не акцентировать внимание на рабочем стаже, предшествующем занятию предпринимательством. Средний трудовой стаж, приходящийся на 1 мужчину ($n = 30$) составляет 9.1 года, на 1 женщину ($n=38$) – 10,3 года. Большинство предпринимателей-мужчин (66,7%) и предпринимателей-женщин (79%), работающих на вещевых коммерческих рынках, имеют семьи, но холостых мужчин больше, чем незамужних женщин на 22,2%; в женской группе зафиксирован больший процент разведенных (12,3% по сравнению с мужчинами, у которых этот показатель равен 2,4%), что, несомненно, сыграло роль в необходимости самостоятельного жизнеобеспечения и возможности реализации этой цели в сфере бизнеса (5 женщин из 7 разведенных имеют детей). 74,1% женщин-предпринимателей и 59,5% мужчин-предпринимателей имеют детей. Примерно по 1/3 опрошенных респондентов (без значимых различий по половому признаку) приходится на людей, довольных своей личной жизнью, не довольных и тех, кто затрудняется ответить. Больше половины респондентов, как мужчин, так и женщин (54,8% и 56,9% соответственно) отметили, что близкие относятся к их работе положительно. 95,3% мужчин и 81% женщин работают до трех лет в сфере частного коммерческого предпринимательства. На 14,2% больше, чем мужчин, работает женщин свыше трехлетнего срока.

Анализируя полученные результаты мотивации трудовой деятельности, отмечаем, что частный коммерческий предприниматель (39,4% мужчин и 42,1% женщин) акцентирует внимание на самостоятельности трудовой деятельности, свободе в принятии решений. Данный мотив является и наиболее значимым по сравнению с остальными – 21 респондентов-мужчин ($n=41$ чел.) и 26 респондентов-женщин ($n=54$ чел.) отметили его на первом месте среди трех указанных. На втором месте по степени важности мотивов трудовой деятельности работники коммерческого вещевого рынка отметили "гибкий темп работы и рабочее время" (14,8% мужчин, 14,7% женщин). Далее идут - "хороший заработок" (12,3 и 8,8% ответов), и "возможность проявить и развить свои, ранее не востребуемые способности" (12,3% и 15,7% ответов).

На склонность к риску и направленность на успех указывают 38,9% ответов респондентов-мужчин и 42,8% ответов респондентов-женщин. О целеустремленности, настойчивости, довольно высоком уровне притязаний говорят следующие цифры: "неудачи в жизни только усиливают желание преодолеть их" у 28,6% респондентов-мужчин (n=42 чел.) и 32,8% респондентов-женщин (n=58 чел.), 31% мужчин и 27,6% женщин считают, что "могут достичь в жизни большего, чем другие". Сомневаются в своих способностях в плане создания собственного крупного бизнеса всего 2,4% предпринимателей-мужчин и 1,7% предпринимателей-женщин.

Только 6,15% ответов мужчин и 1% ответов женщин указали на привлекательность труда как работы без больших напряжений. 72,4% женщин и 52,4 % мужчин отметили, что "работа сильно выматывает", 47,6% мужчин и 25,9% женщин испытывает обычное чувство усталости. Считаем, что есть определенная взаимосвязь между степенью трудоемкости работы и индивидуальным самочувствием предпринимателя, опираясь на сопоставление результатов ответов интервью: самочувствие стало хуже у 50% мужчин и 69% женщин. не изменилось лишь у 24,1% женщин и 40,5% мужчин. Таким образом, большинство частных коммерческих предпринимателей-женщин (72%) и респондентов-мужчин (52,4%) считают свою трудовую деятельность тяжелой, которая существенно влияет на состояние здоровья. Специфика работы более сказывается на женском труде.

Не устраивают условия труда 78,6% мужчин и 86,2% женщин-предпринимателей. Основная причина - система налогообложения России (на неё приходится 55,8% ответов мужчин и 62,7% ответов женщин), что неудивительно в период становления рыночных отношений при недостаточном совершенстве законодательной базы. Именно с этой причиной 42,9% мужчин и 55,2% женщин связывают невозможность создания собственного крупного бизнеса.

62 % мужчин и 67,2% женщин не имеют никаких перспектив и в ближайшее время от жизни в основном ничего хорошего не ждут. Основные

планы на будущее – "заработать больше денег для жизни, обеспечения себя, детей, семьи, нормального отдыха" (ответы 52,4 % респондентов-мужчин и 53,4% респондентов-женщин). Расширить бизнес планируют всего 4,8 % мужчин и 12,1% женщин. Таким образом, большая часть представителей частного коммерческого предпринимательства озабочены удовлетворением первичной потребности - физиологической (люди стараются "выжить") и потребности в безопасности и уверенности в будущем.

Рассмотрим результаты исследования по шкалам многофакторного опросника FPI (форма В), анализируя наличие высоких и низких показателей, при необходимости сопоставляя с результатами интервью.

Первая шкала – невротичность. Выраженные признаки невротического синдрома астенического типа со значительными психосоматическими нарушениями отмечены у 18 мужчин и 41 женщины (соответственно 47,7% и 71,9%); низкие оценки отмечены у 9 мужчин и у 5 женщин (23,7% и 8 8%).

Наличие симптомов невротического синдрома астенического типа подтверждается данными сопоставления с результатами интервью: в основном ничего хорошего от жизни не ждут и полное отсутствие перспектив у 81,5% мужчин и 87,7% женщин с высокими показателями невротичности. Если учесть количество тех, кто затруднился ответить эти показатели будут еще выше: 89,5% мужчин и 93,1% женщин. В группе мужчин с высокими показателями невротичности не нашлось ни одного, уверенного в способности создать крупный бизнес, то же – в группе женщин с оценками 8-9 баллов по первой шкале.

У 88,9% мужчин и 85,4% женщин высокие показатели шкалы невротичности соответствуют высоким показателям шкалы эмоциональной лабильности (шкала 11), что говорит о факте наличия крайней неустойчивости эмоционального состояния за счет недостаточной саморегуляции.

Высокие оценки по второй шкале (спонтанная агрессивность) отмечены у 9 мужчин(п=38) – 23,7% и 7 женщин (п=57) – 12,3%. Низкие оценки – у 10,5% мужчин и 33,3% женщин.

Высокие оценки по третьей шкале (депрессивность) отмечены у 25 мужчин (n=38) – 65,8% и 41 женщины (n=57) – 71,9%.

Одновременно высокие оценки по третьей и восьмой шкале (застенчивость) имеют 17 мужчин – 44,7% и 35 женщин – 61,4%. Это 54,7 % опрошенных (n=95 человек). Всего высоких оценок имеют по восьмой шкале 20 мужчин – 52,6% и 42 женщин – 73,7%, что составляет 65,3% опрошенных (n=95 человек). Наличие тоски, неуверенности четко прослеживается в ответе на вопрос интервью: "Что Вы ждете от жизни в ближайшее время?": 84,2% мужчин (n=38) и 89,5% женщин (n=57) ответили "Трудно сказать; ничего хорошего не ждут; не имеют никаких перспектив".

При дальнейшем сопоставлении результатов исследования, отмечено, что 52,6% мужчин и 73,7% женщин, имеющих высокие показатели по восьмой шкале, ответили на вопрос интервью "Как Вы себя чувствуете в среде постоянно меняющихся лиц?" следующим образом: "В среде часто меняющихся лиц (что предопределено спецификой работы), чувствуют себя прекрасно" - 20 человек из 42-х женщин (47,6%) и всего 3 человека из 20 мужчин (15%). Таким образом, женщины, имеющие трудности в социальных контактах (73,7%, n=57) гораздо лучше себя чувствуют в окружении больших масс людей и широкого круга общения, чем мужчины (52,6%, n=38), также имеющие трудности в социальных контактах.

Высокие значения по шестой шкале (уравновешенность) отмечены у 9 мужчин из 38 (23,7%) и 24 женщин из 57 (42,1%)

При анализе соотношения количества высоких и низких оценок двенадцатой шкалы (маскулинизм, феминизм), установили, что 28,9% мужчин (n=38чел.) характеризуется протеканием психической деятельности по женскому типу, в то время как всего 5,2% женщин (n=57 чел.) характеризуется протеканием психической деятельности по мужскому типу.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно составить обобщенную социально-психологическую характеристику частного коммерческого предпринимателя сферы торговли.

Частный коммерческий предприниматель сферы торговли - это человек 20-45 лет (97,6%) – мужчина и 26-35 лет (53,4%) – женщина. Мужчина чаще имеет среднее техническое образование (42,9%), женщина пробует свои силы в бизнесе, имея за плечами школьный минимум (25,9%) или знания, полученные в училище (22,4%). в техникуме (32,8%).

Прежний трудовой стаж как у мужчин, так и у женщин в среднем составляет до 10 лет по одной из рабочих специальностей. Причем, если это мужчина, то вероятнее всего, он – бывший шахтер (45,2% из 73,8% рабочих).

"Коммерсант" – это человек, который не нашел работы по специальности или не удовлетворен ею по причине низкой заработной платы в настоящее время перемен (78,6% мужчин и 72,4% женщин). Это семейный человек (66,7% мужчин, 79% женщин), для которого интересы семьи стоят далеко не на последнем месте (большинство предпринимателей озабочены обеспечением благосостояния – своего и своих близких), что является основным планом на будущее как для предпринимателя-мужчины (52,4%), так и для предпринимателя-женщины (53,4%). Настоящая работа порой является для него единственно возможным вариантом "выживания" в сложных условиях становления рыночной экономики. Он недоволен налоговой политикой (55,8% мужчин, 62,7% женщин), что является основным сдерживающим фактором в возможности организации собственного крупного бизнеса (57% мужчин, 55,9% женщин). Вторым отмечена ограниченность в денежных средствах как у мужчин, так и у женщин (27% и 39%).

Основной "плюс" в трудовой деятельности предпринимателя – достаточная самостоятельность в действиях и в принятии решений, как следствие - гибкий темп работы и рабочее время, и лишь затем – хороший заработок. Как для мужчин (38,9%), так и для женщин (42,8%) характерна выраженная склонность к риску, при которой высока уверенность в своих силах: направленность личности на успех.

Женщина-предприниматель (72,4%) считает, что её труд не из легких и основательно сказывается на самочувствии – у 69% женщин здоровье стало

хуже. Хотя примерно половина предпринимателей – мужчин «испытывают обычное чувство усталости», все же и у них (50%) здоровье стало хуже.

Эмоциональная неустойчивость со склонностью к аффективному реагированию, агрессивное отношение к социальному окружению, амбиверт, достаточно высокий уровень самокритичности, мужской тип полоролевого поведения – это особенности, которые присущи предпринимателю-мужчине.

В среде мужчин мы встречаем значительно больший процент индивидов (28,9%), которым присущ женский тип полоролевого поведения, чем в группе "мужеподобных" представительниц рассматриваемой сферы деятельности (5,2%). Статистически закономерно ($p < 0,01$), что наблюдается феминизация мужской популяции исследуемой категории представителей предпринимательства по отношению к женской группе.

Наличие признаков невротического синдрома астенического типа, депрессивного синдрома, недостаточная саморегуляция, неустойчивость поведения, агрессивное отношение к социальному окружению, и, как следствие, трудности в социальных контактах, невысокая потребность в общении, женственный тип полоролевого поведения – особенности женщины-предпринимателя.

Среди предпринимателей характерно наличие большего количества женщин, чем мужчин, стремящихся к стандартности и стереотипности поведения ($p < 0,01$).

Женщины, имеющие трудности в социальных контактах (73,8%) гораздо лучше себя чувствуют в окружении больших масс людей и широкого круга общения (в силу специфики работы), чем мужчины (52,6%), тоже имеющие трудности в социальных контактах. Существует закономерность с вероятностью ошибки статистического прогноза менее 1%.

Близкие в основном относятся положительно к вынужденной смене рода деятельности "нового бизнесмена", который работает в этой сфере в среднем около 3-х лет (и мужчины, и женщины). А степень удовлетворенности "бизнесмена" личной жизнью колеблется в приблизительно одинаковых

пропорциях для мужчин – по 1/3 приходится на "довольных личной жизнью", "не довольных" и тех, кто "затрудняется ответить". Среди женщин – немного больший процент "недовольных" личной жизнью: 43,1 (у мужчин-31%).

Не нравится предпринимательская деятельность примерно третьей части работающих мужчин и женщин. "Очень" и "пожалуй, нравится" новая трудовая деятельность более, чем половине предпринимателей-мужчин (54,8%) и предпринимателей-женщин (58,6%).

Как показывают результаты сравнительных исследований отмечаются существенные гендерные различия по многим психологическим характеристикам предпринимателей, работающими на коммерческих рынках Донбасса. Учет этих различий позволит грамотно планировать региональную политику, которая позволит совершенствовать экономическое и нравственно-психологическое развитие данной категории жителей ДНР.

Список использованных источников

1. Пиньковецкая, Ю.С. Гендерные различия предпринимателей, специализирующихся на торговле и информационных технологиях / Ю.С. Пиньковецкая // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки, 2021. – №2. – С. 248–255.
2. Семенова, Ю.А. Гендерные аспекты мотивации предпринимательской деятельности / Ю.А. Семенова // Тенденции развития науки и образования, 2020. – № 66-4. – С. 130-132.
3. Халимов, Ш.И. Анализ динамики проблем и перспектив развития предпринимательства в России / Ш.И. Халимов // Аллея науки, 2020. – Т. 1. – № 5 (44). – С. 447-453.
4. Холуд Алгада. Гендерный аспект в предпринимательстве и особенности женского предпринимательства в РФ / А. Хоулд // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2022. – Том 12. – № 5А. – С. 358-364. – DOI: 10.34670/AR.2022.50.56.030
5. Шмелева, А.Н. Гендерные механизмы и методы предпринимательства /А.Н.Шмелева // Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития. Сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции: в двух томах. Том 1. – Издательство: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва), 2020. – С. 232-233.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ КРЕАТИВНОСТИ И ЛИДЕРСТВА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Бухарова Инна Сергеевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры
педагогики и психологии детства*

*Уральский государственный педагогический университет (РФ, г. Екатеринбург)
(Inessa71@mail.ru)*

Булатова Оксана Алексеевна

*учитель начальных классов (РФ, г. Екатеринбург)
(nata-vasia77@mail.ru)*

В статье рассматривается актуальная для современной психологии проблема – проблема развития креативности. Проанализировано понятие «креативность» и «лидерские качества», выделены общие черты креативных личностей и лидеров, проанализированы факторы, способствующие и препятствующие развитию креативности. Представлены результаты диагностического исследования креативности и лидерских качеств, показана взаимосвязь данных понятий. Описано содержание игрового комплекса занятий для развития креативности и лидерских качеств.

Ключевые слова: креативность, лидерские качества, младшие школьники, игровой тренинг.

THE RELATIONSHIP OF CREATIVITY AND LEADERSHIP IN JUNIOR SCHOOL AGE

Bukharova Inna Sergeevna

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
of Pedagogy and Psychology of Childhood
Ural State Pedagogical University (Russia, Yekaterinburg)
(Inessa71@mail.ru)*

Bulatova Oksana Alekseevna

*Primary school teacher (Russia, Yekaterinburg)
(nata-vasia77@mail.ru)*

Article discusses a problem that is relevant for modern psychology - the problem of the development of creativity. The concept of “creativity” and “leadership qualities” is analyzed, the common features of creative individuals and leaders are highlighted, and the factors that promote and hinder the development of creativity are analyzed. The results of a diagnostic study of creativity and leadership qualities are presented, and the relationship between these concepts is shown. The content of a game complex of activities for the development of creativity and leadership qualities is described.

Key words: creativity, leadership qualities, primary schoolchildren, game training.

Демократические преобразования в обществе, динамизм окружающей действительности, конкурентоспособность и другие явления рыночной экономики на первое место ставят индивидуальность и неординарность личности человека, его умения взаимодействовать с этим миром на разных уровнях: от исполнительского до творческого, созидательного (в зависимости от сложившейся ситуации). Все это предъявляет подрастающему поколению особые требования: быть активными и инициативными, самостоятельными и ответственными, творческими личностями.

Однако, сами по себе творческие способности не развиваются. На развитие креативности, как на любой другой процесс, влияет множество факторов, в том числе и уровень развития лидерских качеств.

В психолого-педагогической литературе особое внимание уделяется вопросам исследования креативности личности, или креативных личностей. После того, как Дж. Гилфорд стал определять различия между креативными и некреативными личностями, эта линия исследований была поддержана многими отечественными и зарубежными психологами (Т. Амабайл, Ф. Бэррон, Дж. Гилфорд, Л.Б. Ермолаева-Томина, Р. Кеттелл, М. Коллинз, Н.С. Лейтес, Р. Лири, А.Н. Лук, К. Мартиндэйл, Я.А. Пономарев, Д. Уэлш, М. Чухуентмихалин, Х. Швет и др.) [2]. Данные исследователи черт креативных личностей выделяют многие особенности творческих людей, в том числе и лидерские качества.

Вопрос о реализации активности личности поднимался в работах Л.И. Анцыферовой, Л.И. Божович, Н.Ф. Добрынина, В.Л. Хайкина и др. Ученые утверждают, что творческая личность сама должна активно участвовать в деятельности, чтобы достичь высоких результатов, эффективно овладеть нужными знаниями, умениями, развить как можно полно свои способности и личностные свойства и качества, в том числе и лидерские.

Между специалистами до сих пор продолжается спор на тему: «лидерами рождаются» или же «лидерами становятся». Да, некоторые из них убеждают в том, что кто-то, несомненно, от рождения обладает некой «экстраординарной особенностью», которая делает его лидером, в то время как другие убеждены, что

при условии определенного правильного сочетания образования, подготовки и имеющегося опыта лидера можно «создать» и сформировать, поэтому лидерами и рождаются, и становятся. Психологи считают, что лидерство в той или иной мере присутствует в каждом, только надо его обнаружить и развить. От умелого руководства, сочетания различных форм работы, направленных на формирование лидерских качеств у младших школьников, зависит социальная успешность детей в будущей, учебной, личной, профессиональной деятельности [3].

Несмотря на значительное число исследований проблемы креативности и личностных особенностей творческих личностей, отметим, что данные исследования относились к взрослым людям. Проблема личностных особенностей креативных детей, а также взаимосвязи креативности и лидерства, по нашему мнению, еще недостаточно изучена в современной психолого-педагогической литературе.

Цель исследования: теоретически обосновать и проверить опытно-поисковым путем взаимосвязи между креативностью и лидерством в младшем школьном возрасте.

Гипотеза исследования:

- для успешного развития креативности необходим средний или высокий уровень развития лидерских качеств;
- низкий уровень развития лидерских качеств мешает развитию креативности, то есть обуславливает и низкий уровень развития креативности;
- таким образом, креативность и лидерство взаимосвязаны.

Проанализировав литературу по проблеме креативности и лидерства, мы выявили, что креативность – это способность к продуцированию нового, но в тоже время и постоянное изменение, проявление собственной неповторимости. Креативность – это обширная характеристика личности, которая на данном этапе развития психологии определяется не только способностью к творчеству, но и комплексом иных психических свойств личности: эмоциональной подвижностью, мотивацией, эмпатией, определенным интеллектуальным уровнем, коммуникативными качествами, определенным восприятием и т.д. Креативность

помогает человеку найти творческое решение в нестандартной ситуации, помогает ярче высказать свою индивидуальность и не затеряться в толпе [4].

Проанализировав черты креативных личностей и лидеров, мы сделали вывод о том, что общими являются следующие черты: уверенность в себе, независимость, стремление к доминированию, творческое воображение и мышление и др. Исходя из анализа литературы, мы предположили, что креативность и лидерство взаимосвязаны, а именно – у детей с высоким уровнем развития креативности – высокий уровень развития лидерских качеств; соответственно у детей с низким уровнем развития креативности и низкий уровень развития лидерских качеств.

Среди личностных черт, благоприятствующих развитию креативности, выделяют следующие: уверенность в своих силах; ситуации незавершенности или открытости в отличие от жестко заданных и строго контролируемых; разрешение и поощрение множества вопросов; стимулирование ответственности и независимости; акцент на самостоятельных разработках, наблюдениях, чувствах, обобщениях; внимание к интересам детей со стороны взрослых и сверстников.

Развитию креативности препятствуют следующие факторы: избегание риска; стремление к успеху во что бы то ни стало; жесткие стереотипы в мышлении и поведении; конформность; неодобрительные оценки воображения, фантазии, исследования; преклонение перед авторитетами.

Развитие креативности будет способствовать и формированию лидерских качеств ребенка и наоборот. Таким образом, такие важные характеристики личности как креативность и лидерство нужно развивать совместно в ходе игровых внеклассных занятий.

Для оценки креативности использовались следующие параметры теста Е.П. Торренса: беглость, оригинальность, разработанность, абстрактность названий и сопротивление замыканию [5].

В результате исследования было выявлено, что учащиеся имеют разные уровни развития креативности. Несколько выше нормы – 4 человека (20%),

норма – 15 человек (75%), несколько ниже нормы – 1 человек (5%).

Диагностическое исследование показало, что уровень развития образной креативности у большинства детей в исследуемой группе соответствует норме.

Для изучения лидерских качеств нами использовался метод наблюдения за процессом игры «Кораблекрушение» и опросная методика выявления коммуникативных и организаторских способностей.

В результате исследования было установлено, что 4 ученика являются лидерами в классе (Влада Г., Настя Т., Фахриддин И., Оля П.). Лидеров характеризовало умение организовывать дискуссию, идти на компромиссы, слушать других, аргументировано доказывать свою точку зрения, презентовать результаты. Эти же ребята показали и высокий уровень развития креативности.

На основе результатов исследования креативности и лидерства мы сделали вывод, что младшие школьники, обладающие уровнем креативности выше нормы, проявляют высокие лидерские способности и являются лидерами в группе. Уровень лидерских качеств предполагает и соответствующий уровень развития креативности.

Для более полного представления о взаимосвязи креативности и креативности мы воспользовались математико-статистическим методом обработки данных, который включает в себя подсчет коэффициентов ранговой корреляции по формуле А. Спирмена.

Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой связи между всеми показателями креативности и Организаторскими способностями, где наибольшая статистическая взаимосвязь выявлена между показателем «Организаторские способности» и «Оригинальность», а также между показателем «Организаторские способности» и «Беглость». Несколько меньше результаты корреляционного анализа между показателями «Коммуникативные способности» и всеми показателями креативности.

Это подтверждает наше предположение о взаимосвязи креативности и лидерства, т. к. между всеми (за исключением одного) показателями образной креативности и лидерства выявлена статистическая взаимосвязь.

Далеко не все педагогические ресурсы используются в сфере воспитания и развития ребенка. К таким мало используемым средствам воспитания относится игра.

Игра подготавливает детей к продолжению дела старшего поколения, формируя, развивая в нем способности и качества, необходимые для той деятельности, которую им в будущем предстоит выполнить. Словом, в игре, как в фокусе, собираются, в ней проявляются и через неё формируются все стороны психической жизни личности в ролях, которые ребенок, играя, принимает на себя, расширяется, обогащается, углубляется сама личность ребенка.

Нами были разработаны занятия, развивающие креативность и лидерские качества, которые проводились в свободное от занятий время 1 раз в неделю по 30-60 мин. Всего было проведено 24 занятия.

Обязательными условиями успешности занятий были неформальная игровая обстановка, возможность постоянного общения со сверстниками, доброжелательная эмоциональная атмосфера, использование в играх простого, житейского, хорошо знакомого материала.

Принципы осуществления игрового комплекса занятий: коммуникация ребенку его безусловного принятия, недирективность в управлении развивающим процессом, в процессе взаимодействия дети помогают друг другу взять на себя ответственность за построение межличностных отношений, приобрести опыт построения отношений с другими людьми во взаимно удовлетворяющей манере. Каждый ребенок в группе должен получить возможность свободного самовыражения, без угроз и насмешек, неуспеха и отвержения.

Разработанный нами игровой тренинг был направлен на развитие более позитивной «Я-концепции»; стать более ответственным в своих действиях и поступках; стать более самоуправляемым; в большей степени полагаться на самого себя и овладеть чувством контроля; выработать большую способность к самопринятию и самостоятельному творческому принятию решений; развить внутренний источник оценки и обрести веру в самого себя.

Развитие креативности и лидерства было реализовано в виде трех последовательных блоков: вводного, основного и заключительного, содержание которых включало в себя использование разнообразных игр, которые развлекают детей, проверяют умение предотвратить конфликтные ситуации, способствуют взаимопониманию, рефлексии и контролю своего поведения.

Сравнительный анализ данных, полученных на начальном и итоговом этапах опытно-поисковой работы, показал, что проведенное исследование дало положительные результаты.

Детей с уровнем развития креативности «Несколько ниже нормы» не выявлено по сравнению с начальным этапом работы; на 10% уменьшилось количество детей со средним уровнем развития (норма), так как появилось 15% детей с уровнем развития выше среднего и детей с уровнем развития «Несколько выше нормы» осталось также 20%.

Достоверность значимости различий определялась с помощью χ^2 – критерия. В нашем случае выявлены статистически значимые различия в уровне развития креативности на начальном и итоговом этапах опытно-поисковой работы.

Проведенное диагностическое исследование креативности и лидерства показало, что разработанная совокупность заданий и игр по формированию лидерских качеств и развитию креативности оказалась необходимой и достаточной для достижения более высоких уровней развития креативности. Это свидетельствует о том, что достижение более высоких уровней развития креативности обусловлены не случайными факторами, а имеют закономерный характер. В нашем случае такой закономерной причиной является включение игровых развивающих занятий в образовательный процесс. Лидерский потенциал учащихся в целом повысился, также, как и уровень развития креативности. Результаты проведенной опытно-поисковой работы дают основания утверждать, что креативность и лидерство взаимосвязаны. Гипотеза подтвердилась. Цель и задачи достигнуты.

Список использованных источников

1. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Д.Б. Богоявленская. – Москва : Изд. Центр «Академия», 2002. – 320 с.
2. Дорфман, Л.Я. Основные направления исследований креативности в науке и искусстве / Л.Я. Дорфман, Г.В. Ковалева // Вопросы психологии. – 1992. – №2. – С.101-106.
3. Емельянова, М.Н. Воспитание ребенка-лидера / М.Н. Емельянова // Воспитание школьников. – 2006. – №5. – С. 23–25.
4. Терентьева, Ю.В. Гендерные особенности креативности детей дошкольного возраста / Ю.В. Терентьева, И.С. Бухарова // Психология способностей и одаренности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией В.А. Мазилова. – 2019. – С. 460-462.
5. Туник, Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е.П. Торренса / Е.Е. Туник. – Санкт-Петербург : Иматон, 1998. – 186 с.

УДК 331.101.386

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Головлева Елена Викторовна

*доцент, канд. психол. наук, доцент кафедры социологии управления
Донецкая академия управления и государственной службы
(РФ, г. Донецк) (kyrienco@yandex.ru)*

В статье анализируются современные взгляды на мотивирование персонала, описываются классические и современные подходы к поощрению и наказанию сотрудников. На сегодняшний день перед менеджерами стоит непростая задача выработки не просто эффективной мотивационной системы, но и системы стимулирования, отвечающей стремительно меняющимся экономической, политической и социальной ситуаций.

Ключевые слова: мотивация персонала, поощрение, наказание, социальные санкции, система стимулирования, формы организации труда.

MODERNIZATION OF THE MOTIVATION SYSTEM IN MODERN MANAGEMENT

Golovleva Elena Viktorovna

*Associate Professor, PhD. Psychology, Associate Professor
of the Department of Sociology of Management
Donetsk Academy of Management and Public Administration
(Russian Federation, Donetsk) (kyrienco@yandex.ru)*

The article analyzes modern views on staff motivation, describes classical and modern approaches to encouraging and punishing employees. Today, managers face the difficult task of developing not only an effective motivational system, but also an incentive system that meets rapidly changing economic, political and social situations.

Key words: staff motivation, encouragement, punishment, social sanctions, incentive system, forms of labor organization.

С момента начала промышленной революции в конце XIX века перед руководителями стоит непростая задача – мотивировать сотрудников на качественное выполнение своих обязанностей. При этом, необходимо учитывать фактор конкуренции, поскольку грамотных и опытных сотрудников легко могут переманить конкуренты, предложив им более выгодные условия труда и формы поощрения за профессионализм и включенность в работу.

«Способность работать» и «готовность работать» – это две разные вещи. Человек может быть физически, умственно и технически пригоден для работы, но он может не хотеть работать, следовательно, существует потребность в чем-то, что пробуждает желание работать. Это что-то и есть мотивация. Таким образом, мотивация заключается в создании потребности и желания со стороны работника улучшить свою текущую производительность.

Уже в начале XX века появляются научные изыскания мотивационных составляющих процесса управления. Принято считать, что первым таким трудом была концепция научного управления Фредерика Тейлора (1911 г.). Подход Тейлора к повышению производительности основывался на экономических стимулах и предпосылке, что существует «один лучший способ» выполнить любую работу.

Теория человеческих отношений Элтона Мэйо (1928) постулировала, что на работников влияют не только деньги, но и социальная динамика и групповые нормы. Это подчеркивало важность стиля управления, участия в принятии решений и чувства принадлежности к компании.

Наверное, самая известная мотивационная теория Абрахама Маслоу (1943 г.) предполагает, что основой мотивации людей является ряд иерархических потребностей. Сюда входят физиологические потребности, потребности в

безопасности, социальные потребности, потребности в уважении и потребности в самоактуализации. Например, человек, борющийся с финансовой нестабильностью (физиологическая потребность), вряд ли будет мотивирован предложением престижной работы (потребность в уважении), пока не будет удовлетворена его основная финансовая потребность.

С точки зрения теории трех потребностей Макклелланда у каждого из нас есть три потребности в большей или меньшей степени. Три потребности: потребность в достижении (например, карьерный рост), потребность в принадлежности (быть частью группы) и потребность во власти.

Макклелланд утверждал, что потребности человека зависят от его культурного происхождения и жизненного опыта. С точки зрения этого подхода руководителю можно предложить использовать теорию трех потребностей для установления мотивационных целей, адаптированных для каждого члена своей команды.

Описанные выше подходы активно использовались управленцами, как в отечественном, так и в зарубежном менеджменте для выработки разнообразных стимулов поощрения и наказания сотрудников с целью мотивировать их на более качественное выполнение своих профессиональных обязанностей. Однако мир стремительно меняется и на смену привычным формам организации приходят новые. А, соответственно, известные и хорошо зарекомендовавшие себя методы мотивации сотрудников устаревают.

С одной стороны, материальные способы поощрения и наказания не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день. С другой – результаты социологических опросов показывают, что они теряют первостепенное значение для сотрудников, тогда как более значимыми становятся нематериальные стимулы. Речь идет о таких факторах, как социальный климат в коллективе, условия труда, возможность самореализации и т.п.

С нашей точки зрения, необходимо так же рассмотреть и роль новых форм организации труда, в данном случае мы имеем в виду, например, удаленную работу (форма трудовой деятельности, при которой специалист выполняет

обязанности за пределами офиса). Специфика заключается в том, что сотрудники физически не обязаны находиться в офисе, выполняя свои обязанности из любой точки земного шара. Таким образом, общение в коллективе происходит по новым каналам и непосредственное воздействие друг на друга трансформируется в новые формы.

В своих исследованиях [1, 2] мы выяснили, что социальные санкции в виде поощрений и наказаний оказывают мотивационное воздействие на сотрудников и коллектив при непосредственном и постоянном общении в коллективе. Сложившаяся система взаимоотношений является фундаментом для взаимодействия и воздействия друг на друга. Основопологающими моментом в таком процессе являются непосредственное общение, ролевая структура коллектива, нормы и правила поведения в нем, организационные ценности и культура.

В 2022-2024 годах нами было проведено исследование, одной из целей которого было выяснить, какие формы мотивационного воздействия сотрудники, работающие в форме удаленной организации труда, считают эффективными. В опросе приняли участие 270 сотрудников предприятий с указанной формой организации труда.

В первую очередь необходимо отметить, что материальные стимулы не были названы. Среди наиболее эффективных форм положительной мотивации на первом месте (67%) рядовые сотрудники называют возможность организации личных встреч трудового коллектива. При пояснении выбора данного варианта были указаны следующие аргументы: возможность чувствовать себя членом реального, а не виртуального коллектива повышает личную ответственность (63%); люди, с которыми у тебя общие цели скорее помогут решить производственные задачи, чем малознакомые коллеги (32%) и неожиданный аргумент, которые назвали 5% опрошенных – очень значимо быть причастным к какому-то коллективу.

На втором месте (20%) оказалась система льгот для наиболее успешных и опытных сотрудников. Объясняя данный вариант ответа, респонденты

аргументировали его следующим образом: если, кроме заработной платы, сотрудник получает дополнительные бонусы в качестве льгот, он выше ценит свое рабочее место (45%), наличие определенных льгот на предприятии в глазах сотрудников повышает «статусность» рабочего места (37%) и когда сотрудник получает за свой труд сверх зарплаты еще дополнительные льготы, это рождает чувство ответной благодарности и одновременно ответственности (18%).

На третьем месте среди значимых и эффективных мотивационных стимулов (13%) был назван карьерный рост. На первый взгляд это неожиданный стимул для людей, работающих «на удаленке». Однако пояснение выбора данного варианта ответа разъясняет ситуацию. Больше половины (57%) выбравших этот вариант ответа говорят о том, что перспектива карьерного роста дает возможность видеть смысл и цель работы на данном рабочем месте. 29% указали на то, карьера рождает стремление выполнять работу лучше. 14% опрошенных считают, что карьерный рост улучшает качество и уровень жизни и поэтому является стимулом.

Мы можем констатировать, что современный сотрудник приходит с определенным набором новых идей и изменений, которые они хотели бы видеть. Традиционный подход к мотивации сотрудников, который часто опирался на финансовые стимулы и иерархические структуры, претерпевает существенный сдвиг парадигмы. Здесь предлагаются основные внутренние и внешние мотиваторы сотрудников, которые работодатели могут получить и использовать.

Список использованных источников

1. Головлева, Е.В. Совершенствование мотивационных воздействий в управлении /Е.В.Головлева // Социально-правовые аспекты управления: проблемы теории и практики : материалы VI Республиканской научной интернет-конференции (Донецк, 1-8 ноября 2022г.) / ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». – Донецк : ДОНАУИГС, 2022 – С. 84-90.
2. Головлева, Е.В. Роль неформальных отношений в организации труда коллектива /Е.В.Головлева // Актуальные проблемы исследований социальной сферы ЛДНР в условиях интеграции с РФ : материалы виртуального круглого стола с международным участием

УДК 378.14

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Данилова Светлана Владимировна

канд. психол. наук, доцент

доцент кафедры социологии управления

Донецкая академия управления и государственной службы (РФ, г. Донецк)

(svtIndanilova2015@yandex.ru)

В статье проводится анализ содержания понятий «компетенция», «конфликтологическая компетенция». Рассмотрены взгляды различных авторов относительно места и значения конфликтологической компетентности в жизни и деятельности человека. Проанализирована сформированность конфликтологической компетентности специалистов социальных служб через призму ее функций.

Ключевые слова: компетенция, конфликтологическая компетенция, функции конфликтологической компетенции, специалист социальной службы.

CONFLICT COMPETENCE OF SOCIAL SERVICES SPECIALISTS AS A SUBJECT OF THEORETICAL ANALYSIS

Danilova Svetlana Vladimirovna

Cand. Psychology, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Sociology of Management

FGBOU VO «Donetsk Academy of Management and Public Service» (RF, Donetsk)

(svtIndanilova2015@yandex.ru)

The article analyzes the content of the concepts «competence», «conflictological competence». The views of various authors regarding the place and significance of conflictological competence in human life and activity are considered. The formation of conflictological competence of social service specialists is analyzed through the prism of its functions.

Key words: competence, conflictological competence, functions of conflictological competence, social service specialist.

Современное развитие общества характеризуется ростом социальной напряженности, обострением конфликтогенных ситуаций и противоречий во

взаимодействии в разных сферах жизнедеятельности человека. Конфликты в организациях являются неотъемной составляющей любых отношений, и появляется на почве разногласий (мнений, взглядов, желаний, установок, стилей работы), приводящие к нарушению устойчивых отношений как в коллективе, так и с клиентами. Данные противоречия приводят к возникновению кризисной ситуации, и конфликтологическая компетентность является ресурсом гармонизации любых отношений.

Значимость конфликтологической компетентности специалистов социальных служб довольно высока, поскольку их профессиональная деятельность направлена на формирование, развитие и поддержку необходимого качества человеческого потенциала общества, путем эффективного разрешения разного рода проблем, противоречий и конфликтов. Эффективность профессиональной деятельности социальных работников зависит не только от уровня профессионализма, высокой профессиональной культуры, но и от умения конструктивно разрешать конфликты.

К изучению проблематики конфликтологической компетентности личности и профессионала в разное время обращались такие исследователи, как С.В. Баныкина, М.В. Башкин, Г.М. Болтунова, М.В. Вдовина, Н.В. Гришина, Е.А. Миронова, Ж.А. Карманова, Б.И. Хасан, Л.В. Цой и др. Теоретический анализ исследований проблемы конфликтологической компетентности в социальной сфере и ее формированию указывает на их явную недостаточность.

Для более глубокого понятия сущности «конфликтологическая компетентность», необходимо рассмотреть понятие «компетентность», которое легло в его основу. В научной литературе понятие «компетентность» трактуется довольно широко, но в общем виде можно данное определение подразумевает пригодность индивида к исполнению возложенных на него функций и полномочий в определенной области деятельности [6, с. 136]. Под компетентностью понимается «психологическое качество, обозначающее силу и уверенность, которое дает человеку осознание своей способности эффективно взаимодействовать с окружением» [11, с. 203]. То есть под компетентностью

понимают определенную совокупность знаний, умений, навыков, качеств личности, а также профессиональный опыт.

Анализируя современные исследования, можно отметить отсутствие единого понимания термина «конфликтологической компетентность», в настоящее время в литературе нет его единого определения, до конца не определена его структура и составляющие. Существуют разные видения относительно места и значения конфликтологической компетентности в жизни человека в целом и в профессиональной деятельности в частности, а именно:

- конфликтологическая компетентность как составляющая социально-психологической компетентности (А.Я. Анцупов, У. Мастенбрук, Н.В. Самсонова, А.И. Шпилов, Л.Н. Цой) [2; 5; 9];

- конфликтологическая компетентность как составляющая общей коммуникативной компетентности (Л.А. Петровская) [7];

- конфликтологическая компетентность как отдельный вид профессиональной компетентности, имеющий связи с другими видами компетентностей, в частности, с социально-перцептивной, ауто-психологической, с административно-правовой (или профессионально-руководящей), психолого-педагогической (Л.Ю. Александрова, А.Ю. Мунши) [1];

- конфликтологическая компетентность соотносится с социальной компетентностью, состоящая из перцептивной, коммуникативной межличностной и управленческой компетентности (Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин) [3];

- конфликтологическая компетентность как способность управлять конфликтными ситуациями (Л.А. Петровская, Б.И. Хасан, М.М. Кашапов, М.В. Башкин) [4; 8].

Конфликтологическая компетентность рассматривается нами как одна из необходимых составных частей профессиональной компетентности, которая предполагает искусство индивидуальной работы с личностью, обладание разнообразными «ключами» коммуникации, специальными методами организации собственной психики, средствами понижения уровня

эмоционального напряжения и тревожности. При этом владеть конфликтологической компетентностью необходимо, прежде всего, специалистам социальных служб, предусматривающих работу с людьми и постоянное общение во время профессиональной деятельности.

Сформированность конфликтологической компетентности специалистов социальных служб рассматривается через ее функции:

- *коммуникативная функция* – умение аргументировать, передавать информацию, вести конструктивный диалог с участниками конфликта с учетом их особенностей и эмоциональных состояний, владеть вербальными и невербальными средствами общения;

- *рефлексивная функция* заключается в способности специалиста к рефлексии и саморефлексии, осознание себя и окружающего мира, умение адекватно реагировать во время конфликта. Данная функция позволяет социальному работнику выработать собственную форму поведения в конфликтной ситуации;

- *профилактическая функция* направлена на снятие напряжения в общении между участниками конфликта на ранних стадиях и предупреждение развития конфликтного взаимодействия. Компетентность данной функции проявляется у социального работника в способности вычленять организаторов конфликта в организации;

- *обучающая функция* предполагает не только конструктивное разрешение и предупреждение конфликта, но и создание во время конфликта ситуаций, в которых была бы возможность получить опыт конструктивного поведения в конфликте и усвоить опыт использования всех функций конфликтологической компетентности. То есть специалисты социальных служб должны актуализировать конструктивный потенциал конфликтной ситуации субъект – субъектного взаимодействия;

- *инновационная функция конфликтологической компетентности* направлена на разрешение субъектами противоречий конфликтного взаимодействия. Компетентность специалистов социальных служб заключается

в умении использовать новые, креативные методы предупреждения и урегулирования конфликтов;

– *регулятивная функция конфликтологической компетентности* предполагает умение социального работника воздействовать на оппонентов, урегулировать противоречия, возникающие в социальном взаимодействии. Компетентность заключается в способности специалиста влиять на оценки, суждения и мотивы конфликтующих, разрешать конфликт и выступать в качестве «третьего судьи»;

– *инновационная функция конфликтологической компетентности* предполагает способность влиять на разрядку напряжения в межличностных и межгрупповых отношениях; на согласование индивидуальных и коллективных интересов; на консолидацию формальных и неформальных групп; на углубление и стабилизацию всеобщих интересов.

Формирование конфликтологической компетентности у специалистов социальных служб позволяет предупреждать и эффективно разрешать конфликтные ситуации в социальном пространстве. Частота и острота конфликтов в социальных учреждениях зависят от профессиональной подготовки социальных работников к деятельности в ситуации конфликта. Конфликтологическая компетенция заключается в способности прогнозировать, понимать и анализировать конфликты.

Конфликтологическая компетенция специалистов социальных служб предполагает систему социально-психологических знаний и умений взаимодействия в конфликтной ситуации, найти закономерности возникновения и развития конфликта, чтобы ликвидировать его или способствовать его конструктивному разрешению. Конфликтологическая компетенция позволяет специалисту социальной службы прогнозировать конфликтную ситуацию, либо найти конструктивное разрешение конфликта.

Таким образом, в реальной жизни и профессиональной деятельности конфликтологическая компетенция позволяет социальному работнику как можно лучше решить конфликтную ситуацию реализуя при этом стратегию

сотрудничества. Поэтому формирование конфликтологической компетентности является актуальной проблемой, которую необходимо формировать в рамках различных мероприятий.

Список использованных источников

1. Александрова, Л.Ю. К вопросу о конфликтологической компетентности специалистов / Л.Ю. Александрова, А.Ю. Мунши // Вестник РУК. 2009. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konfliktologicheskoy-kompetentnosti-spetsialistov> (дата обращения: 13.11.2024).
2. Анцупов, А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – Москва : ЮНИТИ, 1999. – 551 с. – ISBN 5-238-00062-6.
3. Богданов, Е.Н. Психология личности в конфликте: учебное пособие / Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин. – [2-е изд.]. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 224 с. – ISBN 5-469-00230-6.
4. Кашапов, М.М. Психология конфликтной компетентности: Учеб. Пособие / М.М. Кашапов, М.В. Башкин; Яросл. // Гос. Ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 130 с. – ISBN 978-5-8397-0745-0.
5. Мастенбрук, У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации / У. Мастенбрук: пер. с англ. – Москва : ИНФРА-М, 1996. – 256 с. – ISBN 0-471-94141-7 (англ.) ISBN 5-86225-238-X (русс.).
6. Мекшун, А.Д. Компетентность социальных работников как основной элемент профессиональной успешности / А.Д. Мекшун // Наука и современность. – 2013. – №26-1. – С. 136-140.
7. Петровская, Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта / Л.А. Петровская // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М., 1977. – С. 131–142.
8. Психология конфликта и переговоры : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Б.И. Хасан, П.А. Сергоманов. – 4-е изд., стер. – Москва : Академия, 2008 (Саратов: Саратовский полиграфкомбинат). – 190 с. – ISBN 978-5-7695-5261-8 (В пер.)
9. Самсонова, Н. В. Конфликтологическая компетентность специалиста / // Вуз-XXI и культура. – Казань, 2000. – С. 37–40.
10. Цой, Л.Н. Практическая конфликтология. Книга первая / Л.Н. Цой – Москва : Глобус, 2001. – 233 с. – ISBN 5-89697-044-7. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/8169.html> (дата обращения: 26.04.2022).

11. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. - 806 с. – ISBN 5-222-06803-X.

УДК 37.015.324

ЭГОЦЕНТРИЗМ И КАНЦЕЛЯРИЗМ В РЕЧИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Зубова Анжелика Васильевна

аспирант 3 курса

Московский государственный лингвистический университет

(РФ, г. Москва) (adalegna@mail.ru)

Предмет исследования – эмоциональный интеллект старших школьников. Цель – исследование взаимосвязи проявлений канцеляризма и эгоцентризма в речи старших школьников и развития эмоционального интеллекта. В результате сформулирован вывод, что употребление канцеляризов в разговорной речи ведет к обезличиванию высказываний школьников, уровень эгоцентризма снижается, становясь недостаточным для адекватной оценки обстоятельств с помощью эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эгоцентризм, канцеляризм, речь, старший школьный возраст, Я-высказывание.

EGOCENTRISM AND CLERICISM IN THE SPEECH OF HIGH SCHOOL STUDENTS AS FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

Zubova Anzhelika Vasilievna

Postgraduate student, 3rd year

Moscow State Linguistic University (Russian Federation, Moscow)

(adalegna@mail.ru)

The subject of the study is the emotional intelligence of high school students. The aim is to study the relationship between the manifestations of clerical and egocentrism in the speech of senior schoolchildren and the development of emotional intelligence. As a result, the conclusion is formulated that the use of clerical phrases in colloquial speech leads to depersonalization of schoolchildren's statements, the level of egocentrism decreases, becoming insufficient for an adequate assessment of circumstances with the help of emotional intelligence.

Key words: emotional intelligence, egocentrism, clerical, speech, high school age, Self-utterance.

В психологии на настоящий момент эмоциональный интеллект является основой адаптации личности в социуме [6]. Эмоциональный интеллект в первую очередь помогает сформировать субъективную оценку окружающей и внутренней среды. Эта оценка определяет, какой именно выбор о дальнейших действиях в данных условиях сделает человек [1]. На адекватность оценки в сложившейся ситуации влияет направленность внимания личности, то, насколько она устремлена внутрь себя или вовне. Данный аспект психики можно определить как тип эгоцентризма – интровертированный или экстравертированный [4].

Эмоциональный интеллект также ярко проявляет себя в речи. В частности, выразительная красочная речь может говорить о том, что эмоциональная оценка ситуации для данной личности имеет большую роль. В то же время невыразительная «сухая» речь может свидетельствовать о том, что эмоциональная оценка используется личностью недостаточно, чтобы опираться на нее в принятии решений. Сама по себе «сухая» речь имеет место в коммуникации между людьми. Такой стиль речи называется канцеляризмом. Однако, как мы опишем в основной части данной статьи, использование канцеляризма в разговорной речи может привести к недостаточности развития эмоционального интеллекта.

Целью нашего аналитического исследования является обсуждение проблемы снижения эмоционального интеллекта современных старших школьников через призму тенденции к формализации разговорной речи.

Канцеляризм – элемент деловой и научной речи, преимущественно письменной. Существующие реалии школьного образования внедряют канцеляризм в обиход школьников через структуру сочинений, эссе, докладов и других форм подачи учебного материала. Например, старшие школьники готовятся к написанию итогового сочинения на последнем году обучения, имея не только структуру предполагаемого ответа, но и готовые примеры из литературы и жизни, а также готовый список обязательных к употреблению в тексте канцелизмов. С одной стороны, это учит школьников размышлять структурированно, формирует логику высказывания и навык формулирования

выводов. Однако многие школьники не понимают смысла используемых ими фраз и начинают оперировать ими не по назначению, руководствуясь идеей, что это сделает их речь быть более понятной. На самом деле, подобные слова в повседневном общении нагромождаются друг на друга и смысл высказывания теряется в ненужных «мертвых» словах [3].

Личность всегда находится в различных коммуникациях с другими людьми, существуя как субъект общения и деятельности. Язык и речь неминуемо отражают актуальное состояние и основные характеристики этой конкретной личности. В этом смысле язык формирует внутриличностную картину мира человека, включая его представления о себе, других среде вокруг. Отсюда, внутренняя речь человека во многом определяет его Я-концепцию. И если внешняя речь проявляется в «сухих» оборотах научного стиля, то, вероятно, внутренняя речь также бедна на эмоциональные проявления.

Формальный стиль характеризует обезличенность высказываний: «по мнению британских ученых», «психологи считают», «предполагается» вместо «я думаю», «я считаю», «мне кажется». Согласно методике исследования эгоцентрических ассоциаций и методике изучения эгоцентризма как черты личности Т. А. Пашуковой, частота употребления местоимения "Я" и его производных определяет уровень эгоцентризма личности, как ее свойства и состояния. Отсюда, подобные проявления в речи в виде частой обезличенности высказываний можно определить как низкий уровень эгоцентризма, то есть личность не ориентируется в собственных переживаниях по предмету разговора, не сформулировала своей точки зрения и не может высказаться относительно своих собственных взглядов.

Эгоцентризм часто обусловлен индивидуальной потребностью в отстаивании своих интересов во взаимодействии с другими людьми. Как считал Ж. Пиаже [5], такая потребность определяется ограничениями общества. В последние десятилетия всё чаще исследуются внутренние факторы эгоцентризма.

В современной психологии при исследовании уровня эгоцентризма учитываются не только особенности познавательных процессов в ходе развития

человека. Эгоцентризм все чаще определяется и как свойство, и как состояние личности, которое проявляется в межличностном общении. Анализ соответствующих опубликованных отечественных и зарубежных работ позволяет предположить, что внешние факторы определяют уровень эгоцентризма личности так же, как и внутренние.

Следовательно, низкий уровень эгоцентризма ведет к нарушению адаптации в обществе, так как человек не способен адекватно оценить обстоятельства, сформулировать свою точку зрения и отследить свои переживания в связи с тем, что фокус его внимания смещен на абстрактный внешний мир и высказывания «не имеют лица». Это ведет к тому, что эмоциональный интеллект личности, как один из главных инструментов ориентации в среде за счет субъективных переживаний и взглядов, искажается и перестает быть достаточно эффективным в принятии решений.

Таким образом, употребление старшими школьниками канцеляризов в разговорной речи ведет к обезличенности их высказываний, что в свою очередь формирует низкий уровень эгоцентризма. Подобная тенденция ведет к тому, что старшие школьники становятся менее инициативными в высказывании мнения, выражения своих переживаний в речи, менее способны понимать и отстаивать свои интересы, что в целом влияет на их социализацию. Данное наблюдение может быть полезно не только в теоретических изысканиях специалистов в области психологии, но и в их практической деятельности.

Список использованных источников

1. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78-86.
2. Булденко, С.В. Изучение изменения выраженности эгоцентризма в детском возрасте в рамках теории Ж. Пиаже / С.В. Булденко, Т.Г. Волченко // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – С. 194-196.
3. Галь, Н. Слово живое и мертвое / Н. Галь. – Москва: Международные отношения, 2001. – 227 с.

4. Пашукова, Т.И. Эгоцентризм: основные психологические характеристики, закономерности и механизмы формирования и коррекции : автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.05, 19.00.13 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 39 с.
5. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже // Пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – Москва : Международная педагогическая академия, 1994. – С. 24-32.
6. Юркевич, В.С. Проблема эмоционального интеллекта / В.С. Юркевич // Вестник практической психологии образования. – 2005. – № 3 (4). – С. 4-10.

УДК 37.012

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Исмагилова Эльмира Шамилевна
студент

Тимофеев Кирилл Александрович
студент

Ширин Александр Глебович
д-р пед. наук, профессор

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(РФ, г. Великий Новгород) (ismagilova3lmira@yandex.ru)*

В статье исследуется развитие эмоционального интеллекта у студентов-педагогов. Анализируются теоретические подходы к проблеме и представляют результаты эмпирического исследования уровня и факторов развития эмоционального интеллекта. На основе полученных данных разработаны рекомендации по развитию эмоционального интеллекта будущих педагогов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, развитие студентов, педагогический институт, самообразование, ВУЗ, эмоции, эмпатия.

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN STUDENTS OF PEDAGOGICAL INSTITUTE

Ismagilova Elmira Shamilevna
Student

Timofeev Kirill Alexandrovich
Student

Shirin Alexander Glebovich
Dr. ped. Sciences, professor

*Novgorod State University named after Yaroslav the Wise
(RF, Veliky Novgorod) (ismagilova3lmira@yandex.ru)*

The article investigates the development of emotional intelligence in student teachers. The authors analyse theoretical approaches to the problem and present the results of the empirical study of the level and factors of emotional intelligence development. On the basis of the obtained data recommendations for the development of emotional intelligence of future teachers are developed.

Key words: emotional intelligence, student development, pedagogical institute, self-education, higher education, emotions, empathy.

Введение. Профессиональная деятельность педагога характеризуется высоким уровнем межличностного взаимодействия, требующего эффективных навыков разрешения конфликтных ситуаций и развитых эмпатических способностей для успешной коммуникации. В связи с этим развитие эмоционального интеллекта является важнейшим компонентом подготовки будущих учителей и представляет собой актуальную задачу педагогической науки и практики.

Целью исследования является выявление закономерностей и особенностей развития эмоционального интеллекта у студентов педагогического института. В рамках данной цели мы ставим перед собой следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к пониманию и развитию эмоционального интеллекта; изучить уровень развития компонентов эмоционального интеллекта у студентов педагогического института; выявить факторы, влияющие на развитие эмоционального интеллекта у данной категории студентов; определить особенности развития эмоционального интеллекта на разных этапах обучения и разработать рекомендации по развитию эмоционального интеллекта у студентов педагогического института.

Основная часть. Данный феномен раскрывается в работах следующих авторов: Андреева И.Н., Загорная Е.В., Бредберри Т., Гривз Д., Д. Гоулман, Мартинес М.Н. и других исследователей.

Концепт эмоционального интеллекта, является достаточно новым в современной науке, при этом имеет исторические прецеденты. Прототипы эмоционально интеллектуальной личности можно обнаружить в древних текстах и философских учениях времен античности. Значимость эмоционального

интеллекта рассматривается в работах Платона, которые трактуют обучение как процесс, имеющий эмоциональную основу, а также понимание Аристотелем, которые утверждает, что сложности адекватного выражения гнева также указывают на раннее осознание значения эмоциональной регуляции [1].

Эти исторические параллели демонстрируют длительный интерес человечества к пониманию и управлению эмоциями, что является центральным аспектом концепции эмоционального интеллекта.

Бредберри Т. и Гривз Д. рассматривают эмоциональный интеллект как составляющую социального интеллекта, включающую способность к распознаванию, пониманию и управлению как собственными эмоциями, так и эмоциями других, использованию этой информации для направления мыслительных процессов и поведения [2].

Д. Гоулман изначально определял эмоциональный интеллект через такие характеристики личности, как самоконтроль, усердие, настойчивость и самомотивация. Впоследствии он расширил это определение, включив в него способность осознавать свои эмоции и эмоции других, а также умение эффективно регулировать эмоциональные состояния, как свои собственные, так и чужие [3].

Более широкое определение предложено Мартинесом М.Н., который рассматривает эмоциональный интеллект как совокупность некогнитивных навыков, способностей и компетенций, позволяющих индивиду эффективно адаптироваться к требованиям и стрессовым факторам окружающей среды [4].

Андреева И.Н. утверждает, что индивиды с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта обладают выраженными способностями к пониманию эмоций (собственных и других людей), их выражению и управлению ими, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении и деятельности. Автор также обращает внимание теоретическому обоснованию значимости феномена эмоционального интеллекта в своей работе и трактует его как: совокупность ментальных способностей к идентификации, пониманию и управлению эмоциями [5].

Развитие гуманистической психологии, в частности, концепции самоактуализации А. Маслоу, способствовало формированию интегративного подхода к изучению личности, рассматривающего когнитивные и эмоциональные процессы в их взаимосвязи. Актуальность такого целостного подхода подтверждается рядом современных исследований. Загорная Е.В. прямо связывает в своем исследовании развитие гуманистической психологии и концепции самоактуализации А. Маслоу. Автор отводит значительное внимание развитию креативности через призму самоактуализации, что предполагает интегративный подход к изучению личности, учитывающий, как когнитивные (креативность), так и эмоциональные (самоактуализация) аспекты [6].

Основываясь на теоретическом анализе научной литературы и приведенных выше дефинициях, мы можем определить понятие «эмоциональный интеллект педагога» как: *интегративная личностная характеристика, определяющая способность педагога распознавать, понимать, управлять собственными эмоциями и эмоциями учащихся, а также использовать эмоциональную информацию для эффективной организации педагогического взаимодействия, создания позитивного эмоционального климата в образовательной среде и достижения педагогических целей.*

Материалы и методы. Изучение проблемы развития эмоционального интеллекта у студентов Педагогического института потребовало комплексного подхода и применения разнообразных методов, соответствующих целям и задачам исследования. К таким методам отнесены теоретические методы (анализ специализированной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; изучение и обобщение передового психолого-педагогического опыта; сравнение и обобщение) и эмпирические методы (наблюдение и опрос в формате анкетирования). В исследовании приняли участие 100 студентов 1-4 курсов Педагогического института, Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Результаты и обсуждение. В данном исследовании объектом выступают студенты 1-4 курсов Педагогического института Новгородского государственного

университета имени Ярослава Мудрого. Предметом исследования является процесс развития эмоционального интеллекта у студентов-педагогов. Теоретическую основу нашего исследования составили труды в области развития эмоционального интеллекта у студентов педагогического института.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о преобладании стратегий подавления и сокрытия эмоций (56%) как способа совладания со стрессом среди респондентов. Данный факт может указывать на наличие определенных социальных факторов, таких как страх социального осуждения и недостаток доверительных отношений, препятствующих открытому проявлению эмоций. Стратегии позитивного мышления (46,7%) и переключения внимания (43,3%) также занимают превалирующие позиции, демонстрируя использование когнитивных механизмов регуляции эмоционального состояния. Радует, что низкий процент респондентов (3,3%) прибегают к использованию фармакологической продукции при решении стрессовой ситуации.

Способность к эмпатии, выражающаяся в понимании эмоционального состояния другого человека, отмечается у большинства респондентов (60%). Однако, значительная часть (33,3%) испытывает затруднения при интерпретации чужих эмоций, а 6,7% демонстрируют полное отсутствие данного навыка. Этот факт подчеркивает необходимость развития эмпатических способностей как важного компонента эмоционального интеллекта студентов-педагогов.

Грамотная реакция на критику в свой адрес, являются неотъемлемой частью эмоционального интеллекта. Анализ возможных реакций выявил, что 56,7% респондентов склонны к рефлексии и пониманию первопричины стрессового катализатора. Вместе с тем, тревожным является то, что более трети педагогов (33,3%) реагируют на критику деструктивно: игнорированием, замкнутостью и уходом от коммуникации. Такой тип реакции может негативно влиять на профессиональную деятельность и требует коррекции через развитие конструктивных стратегий взаимодействия с критикой.

Обратим внимание на способность выражать свои эмоции с другими людьми. Исследование выявило определенные затруднения и дискомфорт в

открытом проявлении эмоций у значительной части респондентов (66%). Подобное наблюдение обусловлено следующими наиболее распространенными факторами: страх уязвимости перед окружающими, особенно при наличии предыдущего негативного опыта (насмешки, критика, предательство); отсутствие эмоциональной грамотности; социальное давление и культурные нормы, при которых происходит трансляция стигмы, что проявление эмоций - это признак слабости. Данные факторы могут негативно сказываться на межличностных взаимодействиях и психологическом благополучии педагога.

Применение юмора как стратегии поведения характерно для 63,3% респондентов. Эта группа, обладающая более высокой самооценкой, как отмечается, использует юмор для регуляции эмоционального состояния и преодоления стрессовых ситуаций. 33,3% респондентов прибегают к юмору ситуативно, что может свидетельствовать об адекватной самооценке и способности к самоконтролю. Небольшая часть (3,4%), не использующая юмор, потенциально может иметь трудности с эмоциональной регуляцией и склонность к замкнутости. Однако, интерпретация данных только на основе использования юмора недостаточно объективна.

Саморазвитие в области эмоционального интеллекта влечёт за собой повышение социальной креативности и разнообразия коммуникативных стратегий. Способность распознавать, понимать и управлять как своими эмоциями, так и эмоциями других, формирует более гибкое и многогранное восприятие ситуации, что, в свою очередь, расширяет спектр возможных решений и стимулирует поиск нестандартных подходов. Исследование выявило две равнозначные группы респондентов, составляющие по 30%: первая группа выражает намерение заниматься самообразованием, однако не реализует его на практике; вторая группа не занимается самообразованием вовсе. Такое распределение свидетельствует о потенциальном дефиците самодисциплины и мотивации у 60% участников исследования. Оставшиеся 20% респондентов демонстрируют устойчивое поведение, ориентированное на саморазвитие. Предполагается, что такая целенаправленная деятельность способствует

достижению значительных успехов и позволяет им преодолевать новые профессиональные и личностные барьеры.

Исследование демонстрирует высокую осведомленность респондентов о важности развития эмоционального интеллекта в профессиональной сфере: 53,3% опрошенных признают эту потребность, связывая её с повышением продуктивности, развитием лидерских качеств и способностью создавать благоприятные педагогические условия для эффективной работы. Доля респондентов, не рассматривавших данный вопрос (30%), потенциально указывает на недостаточное внимание к роли эмоционального интеллекта в профессиональном развитии.

Среди практикуемых методов развития эмоционального интеллекта респонденты выделяют: досуговые активности, расширение кругозора, практику благодарности, межличностное общение, а также рефлексия и анализ происходящих событий.

Заключение. Основываясь на результатах исследования, направленного на выявление закономерностей и особенностей развития эмоционального интеллекта у студентов педагогического института, предлагаются следующие рекомендации:

- развитие эмоциональной грамотности через организацию обучающих курсов по распознаванию и пониманию эмоций. Учитывая выявленные затруднения студентов в интерпретации как собственных, так и чужих эмоций, необходимы тренинги и практические занятия, направленные на развитие навыков идентификации и дифференциации эмоциональных состояний;

- формирование культуры обратной связи на этапе студенчества. Создание безопасной и доверительной атмосферы в группе, способствующей открытому обсуждению эмоциональных переживаний и развитию конструктивной критики;

- тренинги по развитию эмпатии. Использование ролевых игр, ситуационных задач, а также анализа художественных произведений для повышения чувствительности к эмоциональному состоянию других людей;

- формирование навыков активного слушания и невербальной коммуникации. Обучение техникам, позволяющим более точно воспринимать и интерпретировать эмоциональные сигналы.

Список использованных источников

1. Saarni, C. Emotional Competence and Self-Regulation in Childhood // Emotional Development and Emotional Intelligence / C. Saarni. – New York: Basic Books, 1997.
2. Бредберри, Т. Эмоциональный интеллект 2.0 / Т. Бредберри, Д. Гривз. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 208 с.
3. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 544 с.
4. Martinez, M.N. The Smarts that count / M.N. Martinez // Human Resource Magazine. – 1997. – P. 72–78.
5. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2011. – № 3. – С. 78–86.
6. Загорная, Е.В. Структура и содержание креативности в контексте самоактуализации личности: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Загорная Елена Владимировна; РГПУ им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2015. – 24 с.

УДК 159.99

ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ СЧАСТЬЯ

***Карпетова Алина Владимировна**
преподаватель кафедры психологии образования
и развития личности Педагогического института
Иркутский государственный университет (РФ, г. Иркутск)
(alina.karapetowa@yandex.ru)*

Статья посвящена исследованию концепта «счастье» как категории второго блока мировоззренческих универсалий, как компонента камертонной культуры. Представления о счастье задают смысл жизни человека и приоритетные ценности на уровне индивидуального и общественного мировоззрения. В статье представлен анализ традиционного для русской культуры содержания концепта «счастье» и современного содержания, транслируемого медиа; конкретизируются отличия содержаний. Делается вывод о трансформации камертонного содержания концепта «счастья» в современном медиадискурсе.

Ключевые слова: дискурс, концепт, счастье, мировоззренческие универсалии, субъективное благополучие.

DISCURSIVE MODELS OF HAPPINESS

Karapetova Alina Vladimirovna

*Lecturer at the Department of Psychology of Education
And Personality Development of the Pedagogical Institute
Irkutsk State University (Russian Federation, Irkutsk)
(alina.karapetowa@yandex.ru)*

The article is devoted to the study of the concept of "happiness" as a category of the second block of ideological universals, as a component of tuning fork culture. Ideas about happiness set the meaning of human life and priority values at the level of individual and social worldview. The article presents an analysis of the traditional content of the concept of "happiness" for Russian culture and the modern content broadcast by the media; the differences between the contents are specified. The conclusion is made about the transformation of the tuning fork content of the concept of "happiness" in modern media discourse.

Key words: discourse, concept, happiness, ideological universals, subjective well-being.

Феномен «счастье» выступает предметом исследований разных наук, таких как философия, социология, психология, лингвистика, культурология, имиджелогия и др. «Счастье» как научная проблема до сих пор является одной из актуальных для научного исследования, так как личные представления о счастье отражают цели жизни и стремления конкретного человека, они плотно вплетены в его мировоззрение и картину мира; представления о счастье формируются у человека под влиянием воспитания, социума, культуры, частью которой он является. Учитывая это, мы можем говорить о возможности влияния на представления о счастье, манипулятивной трансформации образов счастья, что влечет за собой изменения как на уровне индивидуального, так и общественного мировоззрения. Все вышесказанное подтверждает актуальность и необходимость изучения феномена «счастье» современной наукой. Опираясь на проявленный интерес различных научных отраслей к данной проблеме, можно заключить о междисциплинарном исследовании «счастья» как наиболее продуктивном.

Рассмотрим научные представления о счастье. Понятие «счастье» не имеет одной единственной трактовки, что отражено в наличии множества значений понятия «счастье» в современном дискурсе. Наиболее емко эти значения описаны в работах польского философа В. Татаркевича, который занимался изучением проблемы счастья. В. Татаркевич выделяет четыре главных значения «счастья»: 1) благосклонность судьбы, удача, везение; 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, общий положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворенности жизнью [7; 9]. Описанное выше можно дополнить пятым вариантом, при котором счастье понимается как высшее благо, как субъективная цель деятельности человека [7]. Подчеркивая тем самым, что «счастье» является не только целью деятельности человека, но и целью, и смыслом всей его жизни.

Психологическим подходом к проблеме счастья является соотнесение счастья с удовлетворенностью жизнью, что нашло отражение в термине «субъективное благополучие» [1]. Согласно подходу Д.А. Леонтьева, счастье рассматривается как идеал жизни, цель, к которой стремиться человек, а субъективное благополучие – насколько близко человек приблизился к достижению этой цели. В итоге, счастье выступает в качестве наивысшего значения субъективного благополучия [3].

Стоит отметить противоречивость концепта «счастье». Выделяют два направления изучения счастья: гедонистическое и эвдемоническое. В концепции Д.А. Леонтьева они представлены как дефицитарное счастье и бытийное счастье [3]. Первый вид рассматривается в терминах удовольствия, зависит от внешних факторов и заключается в удовлетворении базовых потребностей, наслаждении, материальной обеспеченности. Второй – определяется внутренними факторами и заключается в реализации своего потенциала, совершении добродетелей, ощущении ценности своей жизни, наличие цели и смысла.

Значимость концепта «счастья» не только для индивидуального мировоззрения, но и для культуры акцентируется многими авторами. Так, И.Ю. Тимофеева рассматривает концепт «счастье» как общекультурную

ценность. Одной из важнейших характеристик концепта «счастье» является то, что он содержит в себе духовно-нравственные основы культуры русского народа [11]. И.Ю. Тимофеева подчеркивает значимость концепта «счастье» для русской культуры, отводя ему одно из центральных мест. Опираясь на это, мы можем говорить о концепте «счастье» как об элементе камертонной культуры, включающей в себя наиболее значимые ценности и смыслы. Следовательно, традиционное наполнение концепта (например, в сказках, пословицах, фразеологизмах) отражает камертонные представления о счастье в русской культуре. И.М. Кыштымова акцентирует внимание на том, что пренебрежение ценностями камертонной культуры деструктивно влияет на развитие личности и общества в целом [6].

Мы рассматриваем концепт «счастье» в рамках мировоззренческих универсалий культуры, введенных В.С. Стёпиным. Мировоззренческие универсалии являются категориями, которые содержат в себе весь накопленный опыт, в системе которых человек оценивает, осмысливает и переживает мир. Они выступают базисной структурой человеческого сознания в конкретную историческую эпоху. Следовательно, все изменения и трансформации общества отражаются в мировоззренческих универсалиях нашей культуры, в глубинных структурах человеческого сознания, а также на уровне индивидуального мировоззрения [8].

На наш взгляд, категория «счастье» относится к мировоззренческим универсалиям второго блока, которые относятся к человеку, его отношениям, ценностям [4]. Следовательно, изучение концепта «счастье» позволяет нам определить представления о цели, смысле и идеальном образе жизни, к которому стремится современное общество, а также определить степень трансформации традиционного образа счастья в современных условиях развития общества.

Итак, можно сделать вывод, что в современном понимании понятие «счастье» соотносится с чувством удовлетворенности жизнью, а также с целью, смыслом и идеалом жизни, в котором отражается не только индивидуальное значение, но и общие тенденции, характерные для современного общества.

Далее перейдем к рассмотрению дискурсивных моделей счастья, то есть к анализу эмпирических исследований, выявляющих сложившиеся в ходе культурно-исторического развития способов объяснения и описания феномена «счастье». Обратимся к лингвистическим исследованиям. Опираясь на результаты анализа словарных статей и пословиц Е.А. Черкашиной, анализ сказок и словарных статей И.Ю. Тимофеевой, а также на результаты исследований С.Г. Воркачева, О.М. Михайленко, И.Б. Русаковой, можно выделить следующие особенности понимания концепта «счастье», характерные для русской культуры [2, 5, 11, 12]: 1) факторы счастья: внешние (благополучная жизнь) и внутренние (качества личности, правильный образ жизни); 2) пути достижения счастья: собственным умом, трудом, преодолением трудностей или случайность, удача; 3) индивидуальность счастья (у каждого оно свое); 4) связь собственного счастья с счастьем других; 5) тесная связь с другими категориями второго блока мировоззренческих универсалий (дружба, правда, любовь); 6) доминирование бытийного счастья (преобладание духовных ценностей над материальными); 7) связь с богатством (счастье может быть причиной богатства, но богатство не является причиной счастья); 8) динамические характеристики (неожиданно, случайно, непостоянно, мимолетно).

Как уже было отмечено выше, концепт «счастье» включает в себя много противоречий: 1) несчастье – необходимое условие счастья; 2) счастье связано как с положительной эмоциональной окраской (радость), так и с возникновением негативных эмоций; 3) одновременно утверждается возможность достичь счастье и его недостижимость; 4) счастье можно достичь как случайным путем, так и упорным трудом [2, 5, 11, 12].

Учитывая, что счастье включает в себя представления о том, какой должна быть жизнь человека, о его целях, доминирующих ценностях и стремлениях, то можно сделать вывод, что такая вариативность понимания счастья отражает его индивидуальный характер. Не существует правильного или неправильного счастья. Каждый человек, в зависимости от воспитания, культуры, уровня развития личности формирует представления об уникальном

собственном счастье, к которому стремиться. Данное обстоятельство формирует уязвимость и возможность для влияния на представления о счастье извне, так как у человека нет твердой опоры в этом вопросе. Культура в данном случае формирует ориентиры и предлагает диапазон возможного счастья, а какой вариант счастья выбрать – человек решает самостоятельно.

Стоит отметить, что в современном обществе большое влияние на человека, его мировоззрение, в том числе и на представления о счастье, оказываются различными медиасредствами, которые транслируют измененные традиционные концепты. В связи с этим, обратимся к исследованию Ю.В. Крылова, в котором анализируется современный рекламный дискурс, транслирующий представления о счастье [5], а также к исследованию Е.С. Анисимовой, в котором анализируются интервью, открытые письма, светская хроника, рекламный дискурс, транслирующие представления о счастье [10]. Опираясь на результаты исследований, можно выделить следующие особенности концепта «счастья», транслируемые современным медиаконтентом: 1) мелочность счастья (счастье как наслаждение от обладания вещами, от обыденных событий); 2) акцент на внешние факторы (вещи, услуги, деньги); 3) переход от «качества» счастья к «количеству» (акцент на количество того, чем обладает человек, а не на его качество); 4) легкость в достижении счастья (достичь счастья очень легко: достаточно просто купить какой-либо товар); 5) прогнозируемость счастья (концептуальные цепочки: «Купил товар» – «Счастье»; «Деньги» – «Успех» – «Счастье»); 6) смешение «счастья» и «несчастья» (ситуации, которые общепризнано не считаются счастливыми, транслируются как счастье); 7) типичность, стереотипность, шаблонность счастья (призыв к подражанию, чтобы стать счастливым) [5, 10].

Сопоставляя традиционное наполнение концепта «счастье» с транслируемым современным медиаконтентом, можно сделать вывод, что изменения касаются таких характеристик, как: факторы счастья, путь достижения счастья, доминирующий вид счастья, связь с богатством, успехом, несчастьем, с счастьем других, динамические характеристики счастья.

Обобщая все вышесказанное, можно конкретизировать результаты сопоставления традиционного и современного содержания концепта «счастье» (см. Таблица).

Таблица.

Сопоставление традиционного и современного содержания концепта «счастье»

Характеристики	Традиционное, культурное содержание концепта «счастье»	Современное, медийное содержание концепта «счастье»
Факторы счастья	Внешние и внутренние	Преобладание внешних
Доминирующий вид счастья	Бытийное счастье (преобладание духовных, нравственных ценностей над материальными). Богатство, успех, материальные блага не являются причиной счастья.	Дефицитарное счастье (преобладание материальных ценностей над духовными). Обладание вещами, наслаждение от обыденных событий и мелких вещей, богатство, деньги являются причиной счастья.
Динамические характеристики	Счастье неожиданно, случайно, непостоянно, мимолетно.	Прогнозируемость счастья.
Индивидуальность счастья	Акцент на индивидуальности счастья (у каждого оно свое).	Типичность, стереотипность, шаблонность счастья.
Связь собственного счастья с счастьем других	Присутствует связь (обретая свое счастье, человек приносит или делится им с другими).	Отсутствие связи.
Способность достичь счастья	Одновременно утверждается возможность достичь счастье и его недостижимость.	Легкодостижимо.
Пути достижения счастья	Собственным умом, трудом, личными заслугами, преодолением трудностей или благодаря случайности, удаче.	Легкий путь достижения счастья (купить товар, подражать образцу, обладать вещами и т.д.).
Способность контролировать счастье	Ведущая роль у судьбы, удачи, случайности, человек способен контролировать, но в меньшей степени.	Человек контролирует, управляет своим счастьем.
Связь с несчастьем	Несчастье противопоставляется счастью. Несчастье – необходимое условие счастья.	Смешение «счастья» и «несчастья» (ситуации, которые общепризнано не считаются счастливыми, транслируются как счастье).
Эмоциональный фон	Счастье связано как с положительной эмоциональной окраской (радость), так и с возникновением негативных эмоций.	Преобладание положительных эмоций. Подмена негативных эмоций положительными.
Потенциал для развития личности	Есть, так как есть возможность ставить перед собой и достигать более высокие цели.	Нет, так как новые цели заключаются в преумножении материальных благ, ограничена возможность выхода на уровень бытийного счастья.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о несоответствии традиционного для русской культуры и современного, транслируемого с помощью медиасредств, содержания концепта «счастья». Следовательно, мы можем предположить наличие трансформаций содержания концепта «счастья» как на уровне индивидуального мировоззрения, так и на уровне мировоззренческих универсалий культуры. Что может нести в себе деструктивный потенциал, так как «счастье» является одним из центральных, камертонных концептов культуры, заключающий в себе цель, смысл жизни, приоритетные ценности. Это предположение будет проверено в будущем исследовании, направленном на изучение ментальной репрезентации концепта «счастья» в сознании молодежи.

Список использованных источников

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 672 с.
2. Воркачев, С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. — 2001. — Т. 60. — № 6. — С. 47-58.
3. Леонтьев, Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Д. А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2020. — № 1. — С. 14-37.
4. Карапетова, А.В. К вопросу о счастье и мировоззрении личности: психологический аспект. / А.В. Карапетова // Психологическое знание в контексте современности : теория и практика: сборник статей по материалам XIV Всероссийской научно-практической конференции (30 июля 2024 года). — Йошкар-Ола: АНО ВО МОСИ, 2024. — С. 39-46.
5. Крылов, Ю.В. Концепт «Счастье» в современном рекламном дискурсе / Ю.В. Крылов // Сибирский филологический журнал. — 2013. — №3. — С. 244-251.
6. Кыштымова, И.М. Семантика визуальных образов, транслирующих традиционные ценности (на примере оценки рекламы студенческой молодежью) / И.М. Кыштымова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. — 2016. — №. 15. — С. 3-14.
7. Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: преде. В.С. Степин, заместители преде: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — М: Мысль, 2010. — Т.III. — 2010 — 692 с.

8. Степин, В.С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры / В.С. Степин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2011. – №1. – С.8-17.
9. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека, пер. А.В. Коноваловой / В. Татаркевич. – Москва: Прогресс, 1981. – 368 с.
10. Технологизация дискурса в современном обществе : коллективная монография / С.Н. Плотникова [и др.]. – Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет, 2011. – 320 с.
11. Тимофеева, И.Ю. Концепт «счастье» в русской культуре / И.Ю. Тимофеева // Инновационные аспекты развития науки и техники. – 2020. – №2. – С. 186-194.
12. Черкашина, Е.А. Концепт «Счастье» в русском языке / Е.А. Черкашина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – №2. – С. 38-43.

УДК 159.9.075

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИННОВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Когай Изольда Александровна
Студент 1 курса магистратуры
высшей школы социально-гуманитарных наук
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РФ, г. Москва)

Эйфир Маргарита Михайловна
Студент 1 курса магистратуры
высшей школы социально-гуманитарных наук
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РФ, г. Москва)

Шукина Людмила Викторовна
Д-р филос. наук, доцент
кафедры политического анализа и социально-психологических процессов
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РФ, г. Москва)
(eyfir2001@yandex.ru)

В статье рассматриваются психологические аспекты, связанные с инновационной готовностью и удовлетворенностью жизнью сотрудников образовательных организаций. Рассматривается понятие «инновационная готовность персонала», а также исследуется взаимосвязь инновационной готовности и удовлетворенности жизнью персонала.

Ключевые слова: инновационная готовность, удовлетворенность жизнью, организационная психология, оценка персонала, психология труда.

THE CORRELATION BETWEEN INNOVATION READINESS AND LIFE SATISFACTION AMONG EMPLOYEES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Kogay Izolda Aleksandrovna

1st year Master's student

Higher School of Social Sciences and Humanities

Plekhanov Russian University of Economics (RF, Moscow)

Eyfir Margarita Mikhailovna

1st year Master's student

Higher School of Social Sciences and Humanities

Plekhanov Russian University of Economics (RF, Moscow)

Shukshina Lyudmila Viktorovna

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Department of Political Analysis and Social-Psychological Processes

Plekhanov Russian University of Economics (RF, Moscow)

(eyfir2001@yandex.ru)

The article examines the psychological aspects related to the innovative readiness and life satisfaction of employees of educational organizations. The concept of "innovative readiness of staff" is considered, and the relationship between innovative readiness and satisfaction with the life of staff is also investigated.

Key words: innovative readiness, life satisfaction, organizational psychology, personnel assessment, labor psychology.

Цель исследования заключается в изучении взаимосвязи инновационной готовности и удовлетворенности жизнью у сотрудников образовательных организаций.

Задачи исследования:

1. Изучить теоретические аспекты удовлетворенности жизнью и инновационной готовности сотрудников;
2. Выявить психологические особенности инновационной готовности и удовлетворенности жизнью у сотрудников образовательных организаций;
3. Выявить взаимосвязь между инновационной готовностью и удовлетворенностью жизнью у сотрудников образовательных организаций.

Мы предполагаем, что удовлетворенность жизнью связана с инновационной готовностью персонала: сотрудники с высоким уровнем удовлетворенности жизнью более открыты для изменений.

Современные образовательные учреждения сталкиваются с необходимостью адаптации к быстро меняющимся условиям, таким как цифровизация, новые методики преподавания и требования рынка труда. Инновационная готовность сотрудников становится важным фактором для

успешного внедрения этих изменений. В условиях стремительной цифровизации, охватывающей все сферы деятельности, многие предприятия сталкиваются с необходимостью адаптации и внедрения инноваций. Такие изменения требуют от сотрудников проявления определенного рода готовности и психологической устойчивости. Анализ взаимосвязи психологических аспектов инновационной готовности и удовлетворенности жизнью позволяет выделить ключевые психологические характеристики, которые помогают сотрудникам успешно справляться с вызовами цифровизации.

Рассматривая понятие инновационной готовности персонала, следует понимать, что данный феномен состоит из компонентов, затрагивающих эмоциональную, мотивационную, когнитивную, организационную и личностную сферы, представленные во всех подструктурах: направленности, способностях, опыте [6].

Инновационная готовность персонала также является и ключевым фактором успешной цифровизации образования, так как именно люди, обладающие необходимыми навыками и мотивацией, способны эффективно внедрять и использовать новации в своей работе.

На сегодняшний день единой точки зрения относительно содержания понятия и структуры удовлетворенности жизнью не существует, несмотря на достаточно большое количество исследований как за рубежом, так и в отечественной науке [1]. Однако анализ показывает, что большинство ученых определяют удовлетворенность жизнью, как оптимальное состояние человека, которое возникает при соответствии личностных потребностей с результатами и последствиями деятельности данной личности [3].

Исследование проводилось онлайн в сервисе Яндекс. Формы с помощью методики Пантелеевой В.В., Кнышевой Т.П. «Опросник инновационной готовности персонала» [5] и опросника Мельниковой Н.Н. «Удовлетворенность жизнью, УДЖ» [2]. Обработка результатов проводилась в Microsoft Excel. В исследовании приняло участие 46 респондентов в возрасте от 25 до 56 лет, имеющих высшее образование и опыт рабочей деятельности. Затем респонденты

были поделены на две равные группы ($n_1=n_2=23$). Основой для такого разделения послужил опыт работы. В первую группу вошли специалисты с опытом работы в бизнес-организациях менее 6 лет, во вторую группу попали специалисты с опытом работы в бизнес-организациях более 6 лет.

В ходе исследования взаимосвязи инновационной готовности и удовлетворенности жизнью у сотрудников образовательных организаций были получены следующие усредненные данные (Рисунок 1).

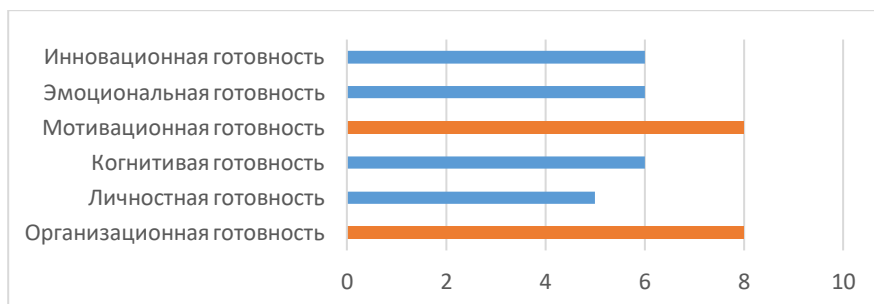

Рисунок 1. Результаты среди респондентов с опытом работы менее 6 лет согласно тесту инновационной готовности персонала

Для респондентов характерны в основном высокие показатели по шкалам «мотивационного» и «организационного» компонента инновационной готовности.

Во многом это может быть связано с тем, что молодые специалисты обладают высоким уровнем мотивации и готовности к внедрению различного рода инновационных изменений в свою профессиональную деятельность.

Так же такие результаты могут быть связаны с наличием в их профессиональной среде поддерживающих факторов, таких как доступ к современным технологиям, наличие времени и ресурсов для проведения тестов по внедрению инноваций в рабочую деятельность, наличие положительной настроенной команды в организациях. Кроме того, высокий уровень представленных выше компонентов может быть связан с актуальностью и смыслом внедрения инноваций в профессиональную деятельность респондентов, что усиливает их желание в развитии и применении новых подходов. Важно также отметить, что внешние факторы, такие как конкурентная среда, высокий спрос на сотрудников, умело интегрирующих инновационные решения, могут также способствовать повышению мотивационной готовности к инновациям. Тем

не менее средние показатели по остальным шкалам могут свидетельствовать о том, что, несмотря на высокий уровень мотивационной готовности, респонденты недостаточно эмоционально готовы к таким переходам. Это может быть связано и с недостаточным опытом работы, не желанием брать на себя ответственность за реализацию перехода на инновационные решения.

На следующем этапе были проанализированы результаты сотрудников с опытом работы более 6 лет (Рисунок 2).

Как мы можем увидеть из полученных данных, то для респондентов характерны в основном высокие показатели по шкалам «личностного», «когнитивного» и «эмоционального» компонента инновационной готовности.

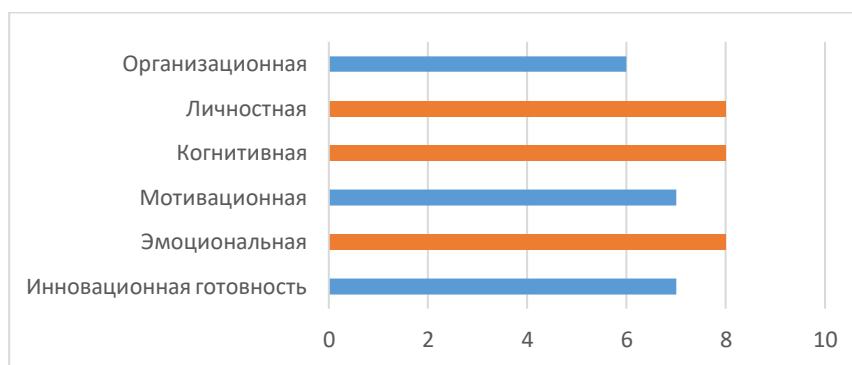

Рисунок 2. Результаты среди респондентов с опытом работы более 6 лет согласно тесту инновационной готовности персонала

Во многом это говорит о психологической подготовке к инновационным изменениям внутри организации, готовности к переходу, на новые и усовершенствованные технологии, положительное отношение к изменениям в организационной структуре. Такие сотрудники уверены в себе и своих силах, умеренно склоны к риску, практичны в исполнении имеющихся задач, достаточно креативны, исполнительны, ответственны и заинтересованы в реализации инновационной деятельности. Тем не менее отмечаются средние результаты по «организационной» и «мотивационной» шкале, а также общий балл «инновационной готовности» оценивается, как средний. Это означает, что среди опрошенных отмечается не ярко выраженное желание участвовать в непосредственной организации инновационных изменений, а также брать и нести ответственность за их проведение.

На следующем этапе исследования была проведена методика Удовлетворённостью жизнью под редакцией Н.Н. Мельниковой, в ходе которой были получены следующие результаты (Рисунок 3).

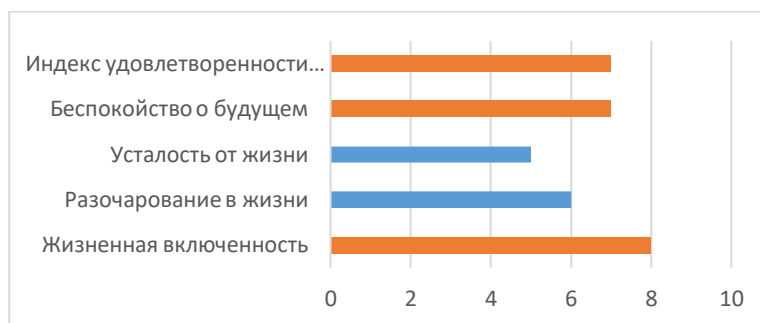

Рисунок 3. Результаты среди респондентов с опытом работы менее 6 лет согласно опроснику удовлетворенности жизнью

Опираясь на полученные результаты, стоит отметить, что для данной категории респондентов характерны высокие результаты по шкалам «жизненная включенность» и «беспокойство о будущем». Это означает, что для молодых людей характерно позитивное отношение к будущему, активность, желание реализовывать себя, активно интересоваться и познавать что-то новое. Но в тоже время проявляется и тревожное ожидание, неуверенность в завтрашнем дне, чувство нестабильности, отсутствие психологической безопасности.

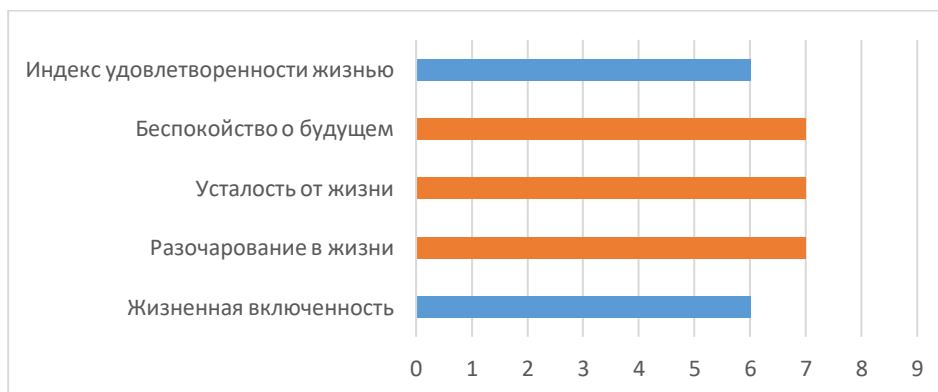

Рисунок 4. Результаты среди респондентов с опытом работы более 6 лет согласно опроснику удовлетворенности жизнью

Как мы видим из рисунка, представленного выше (Рисунок 4), для респондентов старшего возраста, характерно проявление высоких результатов по таким шкалам, как «беспокойство о будущем», «усталость от жизни», «разочарование в жизни». Полученные данные позволяют говорить о том, что опрошенным свойственно проявление чувства усталости, апатия, переживание

несправедливости от расхождения ожиданий с текущим результатом, неудовлетворённость в своей деятельности в реализации планов и целей. Также стоит отметить, что так же, как и молодым людям, респондентам свойственно проявление чувства неуверенности в завтрашнем дне, нестабильности в окружающей обстановке, отсутствие ощущения стабильности и безопасности.

Далее нами была проанализирована взаимосвязь инновационной готовности и удовлетворенности жизнью сотрудников (Таблица).

Мы видим, что была выявлена прямая статистически значимая связь между интегральным показателем инновационной готовности и удовлетворенности жизнью у сотрудников со стажем работы менее 6 лет. Также была выявлена слабая обратная взаимосвязь между интегральным показателем инновационной готовности и удовлетворенности жизнью у сотрудников со стажем работы более 6 лет.

Таблица.

Значения коэффициента корреляции Спирмена, отражающие силу и направление связи между инновационной готовностью и удовлетворенностью жизнью сотрудников образовательных организаций с разным стажем работы

Удовлетворенность жизнью	Инновационная готовность		
		сотрудников со стажем <6 лет	сотрудников со стажем >6 лет
	сотрудников со стажем <6 лет	0,375*	-
	сотрудников со стажем >6 лет	-	-0,292

* – корреляция значима на уровне 0,05

Это значит, что сотрудники со стажем работы менее 6 лет с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью в большей степени проявляют инновационную готовность, чем сотрудники аналогичным стажем, но более низким уровнем удовлетворенности жизнью. И наоборот, сотрудники со стажем работы более 6 лет с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью склонны в меньшей степени проявлять инновационную готовность, чем сотрудники аналогичным стажем, но более низким уровнем удовлетворенности жизнью.

Таким образом цель исследования была достигнута, а гипотеза частично подтверждена у сотрудников со стажем работы менее 6 лет.

В целом, с развитием цифровизации меняются не только рабочие процессы, но и само восприятие труда, что влияет на мотивацию и удовлетворенность работников. Понимание этих изменений способствует созданию эффективной корпоративной культуры и улучшению психологического климата в командах [4]. Таким образом, в условиях быстро меняющегося мира и цифровизации образования готовность сотрудников к внедрению инновационных методов обучения и управления становится одним из факторов для повышения качества образовательного процесса. Сотрудники, находящиеся в гармонии с собой и своими близкими, более склонны принимать изменения и предлагать новые идеи. Соответственно понимание взаимосвязи между инновационной готовностью персонала и удовлетворенностью жизнью может помочь образовательным учреждениям разработать стратегии поддержки своих сотрудников. Это может включать проведение тренингов, программ гибкого рабочего графика, оздоровительных мероприятий, которые учитывают, как профессиональные, так и личные потребности сотрудников.

Список использованных источников

1. Мазанова, А.Е. Удовлетворенность жизнью: проблема исследования на примере студентов нижегородских университетов / А.Е. Мазанова, М.Е. Халак, Е.В. Дорофеев, Е.А. Припорова // Психологические науки. – 2022. – № 5. – С. 78-82.
2. Мельникова, Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности : учебное пособие / Н.Н. Мельникова. – Челябинск : ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
3. Меренкова, В.С. Исследование феномена «удовлетворенность жизнью» / В.С. Меренкова, О.Е. Солодкова // Комплексные исследования детства. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 4-13.
4. Пантелеева В.В. Структура инновационной готовности персонала в аспекте организационной культуры // Социально-психологические механизмы организационной культуры: Сб. ст. / под ред. С. В. Быкова. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. С. 76-88.
5. Пантелеева, В.В. Опросник инновационной готовности персонала / В.В. Пантелеева, Т.П. Кнышева // Акмеология. – 2016. – №3. – С. 81-86.
6. Тихомирова, Ю.М. Анализ видов психологической готовности к профессиональной деятельности / Ю.М. Тихомирова // Перспективы науки. – 2014. – № 3(54). – С. 24-26.

ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ КАК ФАКТОР ДЕСТРУКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГА

Комарова Лилия Романовна

студент

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(РФ, г. Великий Новгород)*

Тимофеев Кирилл Александрович

студент

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(РФ, г. Великий Новгород)*

Ширин Александр Глебович

Д-р пед. наук, профессор

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(РФ, г. Великий Новгород) (liya.komarova.02@inbox.ru)*

Статья исследует влияние вредных привычек на формирование профессиональной идентичности студентов-педагогов. Представлены результаты исследования, выявляющего распространенность аддикций и их корреляцию с отношением к будущей профессии. Разработаны рекомендации по профилактике и созданию условий для успешного профессионального становления.

Ключевые слова: вредные привычки, студенты, педагоги, профессия, мировоззрение, образ жизни, профессиональная идентичность.

BAD HABITS AS A FACTOR OF DESTRUCTIVE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL TEACHER'S IDENTITY

Komarova Lilia Romanovna

Student

Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Veliky Novgorod)

Timofeev Kirill Alexandrovich

Student

Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Veliky Novgorod)

Shirin Alexander Glebovich

Doctor pedagogical sciences, professor

*Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Veliky Novgorod)
(liya.komarova.02@inbox.ru)*

The article investigates the influence of bad habits on the formation of professional identity of student teachers. The article presents the results of the research revealing the prevalence of addictions and their correlation with the attitude to the future profession. Recommendations on prevention and creation of conditions for successful professional formation are developed.

Key words: bad habits, students, teachers, profession, outlook, lifestyle, professional identity.

Введение. Проблема эффективности педагогической деятельности в Российской Федерации является предметом пристального внимания. Значимым фактором, определяющим эту эффективность, выступает профессиональная идентичность педагога, формирование которой начинается уже на этапе вузовской подготовки. Профессиональная идентичность педагога представляет собой динамичную, многокомпонентную структуру, подверженную влиянию комплекса факторов, как позитивных, способствующих её развитию и консолидации, так и негативных, оказывающих деструктивное воздействие на её целостность и функциональность.

Основная часть. В современных условиях особую актуальность приобретает исследование деструктивных факторов, препятствующих формированию и развитию профессиональной идентичности педагога. Среди таких факторов значимое место занимают вредные привычки.

Вредные привычки, или аддикции, такие как никотиновая зависимость, злоупотребление алкоголем, наркомания и игровая зависимость, оказывают негативное влияние не только на соматическое и психическое здоровье индивида, но и детерминируют деструктивные изменения в его социальном функционировании, в том числе, в профессиональной сфере. В контексте педагогической профессии, характеризующейся высокой степенью эмоциональной нагрузки и ответственности за воспитание и развитие подрастающего поколения, наличие аддикций у педагога приобретает особую остроту и социальную значимость.

Целью нашей научно-исследовательской работы являлось определение специфики влияния вредных привычек на деформацию профессиональной идентичности педагога и разработать рекомендации по ее профилактике.

Понятие «идентичность» соотносится с качественной определенностью субъекта и его принадлежностью к определенной группе [1]. С раннего детства индивид идентифицирует себя с различными социальными группами.

Профессиональная социализация, как отмечает Н.А. Перинская, предполагает уже сформировавшуюся личность [2].

В исследованиях А.С. Берберян, Т.В. Богдановой, С.В. Сильченковой, Е.Б. Ермолаевой и Н.Т. Варданяна рассматривается структура педагогической идентичности. Выделены следующие структурные компоненты: философия профессии, профессиональные знания и умения, реализация профессиональной роли/ролей, профессиональное отношение к работе, взаимодействие с коллегами, профессиональная репрезентация, жизнестойкость, толерантность, информационная культура [3].

Исходя из вышеизложенного, профессиональную идентичность педагога можно определить как *динамическую, многокомпонентную систему самовосприятия индивида в качестве субъекта педагогической деятельности, интегрирующую когнитивный (знания, убеждения о профессии), аффективный (эмоциональное отношение, самооценка), поведенческий (реализация профессиональных компетенций) и ценностно-смысловой (мотивация, профессиональные ценности) компоненты. Формирование профессиональной идентичности педагога детерминировано комплексом факторов, включающим формальное образование, профессиональный опыт, взаимодействие с профессиональным сообществом и социокультурный контекст.*

Процесс формирования профессиональной идентичности характеризуется внутренней противоречивостью, обусловленной необходимостью согласования индивидуальных интересов с потребностями общества. Следует отметить, что к представителям педагогической профессии предъявляются повышенные социальные требования, что создает объективные трудности для студентов педагогических специальностей в процессе становления их профессиональной идентичности.

Значимым фактором формирования здорового образа жизни у учащихся является пример педагога, его образ жизни, отношение к вопросам здоровья, стремление к физическому и духовному самосовершенствованию [4]. В связи с этим, осознание наличия у себя вредных привычек может приводить студентов

педагогических институтов к сомнениям в собственной будущей профессиональной компетентности.

Вредные привычки обуславливают истощение ресурсов организма, снижение мотивации, преждевременное старение и развитие различных заболеваний, а также препятствуют адекватной концентрации внимания на окружающем мире.

Материалы и методы. Изучение проблемы негативной корреляции вредных привычек и качества профессиональной идентичности педагогов потребовало комплексного подхода и применения разнообразных методов, соответствующих целям и задачам исследования. К таким методам отнесены теоретические методы (анализ специализированной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; изучение и обобщение передового психолого-педагогического опыта; сравнение и обобщение) и эмпирические методы (наблюдение и опрос в формате анкетирования).

Результаты и обсуждения. В рамках исследования «Как вредные привычки разрушают образ педагога?» было проведено онлайн-анкетирование, в котором приняло участие 58 студентов 1-3 курсов Педагогического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Результаты опроса показали, что преобладающее большинство респондентов отмечают у себя следующие аддиктивные поведенческие модели: нерациональное питание (69%); нарушение режима сна (65,5%); сквернословие и гиподинамия (37,9%); зависимость от просмотра видеоконтента (34,5%). Выявленные особенности могут быть обусловлены такими факторами, как высокая учебная нагрузка, нежелание выполнять непривычные бытовые действия, недостаточно развитые навыки планирования режима дня.

В ходе исследования выявлены корреляции между работоспособностью и наличием вредных привычек. У 46,4% респондентов наблюдается снижение концентрации внимания на поставленных задачах, снижение мотивации к деятельности и упадок физических сил. В равной степени (25%) респонденты отмечают снижение желания обучаться и передавать знания как следствие

вредных привычек. Менее 10% опрошенных указывает на повышение работоспособности в качестве следствия наличия вредных привычек. Можно предположить, что данная группа респондентов рассматривает свои аддиктивные поведенческие паттерны как элемент рабочего процесса.

Нами был проведен анализ ответов на предмет идентификации ряда причин, влияющих на их эмоциональное состояние. Более половины опрошенных (62,1%) испытывают трудности с волевой регуляцией в привычных бытовых условиях, связывая это имеено с наличием вредных привычек. Второе место по частоте ответов занимает утверждение: «Закончив работу, я нуждаюсь в длительном перерыве» (41,4%). Затруднения в переключении с одного вида деятельности на другой, характерные для лиц с зависимым поведением, объясняют потребность респондентов в продолжительном отдыхе между сменой видов деятельности. Абсолютное большинство респондентов осознают важность в личных контактах и взаимодействиях с другими людьми, при этом половина опрошенных отмечает, что их вредные привычки не влияют на их общение. Четверть (26%) ощущает деструктивное влияние своих вредных привычек на взаимоотношения. Это может быть причиной выхода из зависимости.

На вопрос о корреляции вредных привычек и педагогической деятельности: «Может ли педагог, имеющий указанные вредные привычки, полноценно осуществлять обучение детей?» утвердительный ответ дают 25% респондентов. Выражают сомнения относительно данного тезиса 55,2% опрошенных. Категорически отрицательный ответ дают лишь 6,9% респондентов. Ввиду того, что педагог является значимой ролевой моделью для учащихся, многие студенты, испытывая неуверенность относительно своей будущей профессиональной деятельности, демонстрируют снисходительное и несерьезное отношение к имеющимся у них аддикциям. Большинство студентов полагают, что наличие вредных привычек мешает им эффективно формировать здоровый образ жизни у обучаемых, что негативно сказывается на формировании и становлении их профессиональной идентичности.

Несмотря на наличие вредных привычек, чуть более половины респондентов занимаются саморазвитием в личностной, социальной и духовной сферах, уделяя им значительное внимание. На третьем месте по приоритетности находится интеллектуальное развитие (48,3%). Рост интереса к духовным практикам в современном обществе обуславливает популярность данного направления саморазвития. Неожиданно низкий показатель наблюдается в сфере профессионального развития (26%). Вероятно, такая низкая заинтересованность в профессиональном росте связана с разочарованием в выбранной профессии в процессе обучения в вузе.

Будущие педагоги на вопрос о стремлении избавиться от вредных привычек делают акцент на том, что ухудшается их здоровье и воля (62,1%); создают коммуникативный барьер (37,9%). Лишь пятая часть респондентов (20%) видит ключевым мотивом избавления от вредных привычек – развитие в профессиональной сфере. Общение с людьми — это неотъемлемая часть профессиональной деятельности, особенно педагогической. Большинство респондентов (88%) относят своё окружение к ключевым причинам появления и развития вредных привычек у них.

Заключение. Таким образом, исследование выявило тесную связь между наличием вредных привычек у студентов педагогических вузов и трудностями в становлении их профессиональной идентичности. Для минимизации негативного влияния вредных привычек необходимы целенаправленные усилия как со стороны образовательных учреждений, так и самих студентов. В этом контексте представляются важными следующие рекомендации:

- Разработка и реализация программ профилактики вредных привычек в педагогических вузах, включающих информационно-просветительские мероприятия, тренинги по развитию навыков саморегуляции и стрессоустойчивости, формирование здорового образа жизни.

- Интеграция вопросов формирования здорового образа жизни и профилактики аддикций в учебные дисциплины, с акцентом на специфику педагогической профессии и важность личного примера педагога.

- Создание в вузе поддерживающей и мотивирующей среды, способствующей профессиональному самоопределению и развитию студентов, повышению престижа педагогической профессии.

- Организация психологического консультирования и поддержки для студентов, испытывающих трудности с контролем аддиктивного поведения.

- Активное вовлечение студентов в проектную и научно-исследовательскую деятельность, связанную с проблемами здорового образа жизни и профилактикой аддиктивного поведения.

- Развитие системы наставничества и тьюторства в вузе, с целью индивидуальной поддержки студентов в процессе профессионального становления.

Список использованных источников

1. Девятова, И.Е. Роль субъектности в профессиональной идентичности педагога / И.Е. Девятова // КПЖ. – 2019. – № 3 (134).
2. Перинская, Н.А. Профессиональная идентичность / Н.А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 2. – С. 209-211.
3. Берберян, А.С. Международное исследование профессиональной идентичности педагога / А.С. Берберян, Т.В. Богданова, С.В. Сильченкова, Е.Б. Ермолаева, Н.Т. Варданян // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – № 3 (47). – С. 306-319.
4. Лощаков, А.М. Проблемы формирования здорового образа жизни будущего педагога / А.М. Лощаков // Вестник ИвГМА. – 2012. – № 4. – С. 5-7.

УДК 156.6.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕЛИНКВЕНТНЫХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Коротаева Анастасия Игоревна

канд. психол. наук, доцент

доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения

Ярославский государственный педагогический

университет им. К.Д. Ушинского (РФ, г. Ярославль)

tiger77706@mail.ru

В статье рассмотрена проблема особенностей социально-психологической адаптации делинквентных младших школьников с разной гендерной

идентичностью. Младшие школьники обоего пола чаще идентифицируют себя с родителями своего пола, чем демонстрируют самоидентификацию, в отличие от нормотипичных сверстников. У мальчиков показатель «стеничность» и «спонтанность» взаимосвязаны с «идентичностью с отцом» и «эмоциональным отношением к родителям»; в группе девочек обнаружены взаимосвязь показатели «тревожность» и «идентичность с матерью».

Ключевые слова: гендерная идентичность, делинквентные младшие школьники и подростки, правонарушения, социально-психологическая адаптация.

FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF DELINQUENT PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Korotaeva Anastasia Igorevna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education

Yaroslavl State Pedagogical

University named after K.D. Ushinsky (RF, Yaroslavl)

tiger77706@mail.ru

The article examines the problem of the peculiarities of socialization of delinquent junior schoolchildren with different gender identities. Younger schoolchildren of both sexes more often identify themselves with parents of the same sex than demonstrate self-identification, in contrast to their normotypical peers. In boys, the indicators of “sthenicity” and “spontaneity” are interrelated with “identity with the father” and “emotional attitude towards parents”; in the group of girls, a relationship between the indicators “anxiety” and “identity with the mother” was found.

Key words: gender identity, delinquent primary schoolchildren and adolescents, offenses, socio-psychological adaptation.

Социально-психологическая адаптация и гендерная идентичность являются двумя важнейшими аспектами формирования личности человека. Социально-психологическая адаптация включает в себя процесс освоения культуры, норм и ценностей общества, а также усвоение социальных ролей и поведенческих стереотипов. Гендерная идентичность, в свою очередь, определяется чувством принадлежности к определенному гендеру и соответствует тем нормам и ожиданиям, которые общество накладывает на представителей определенного пола. Взаимосвязь социально-психологической адаптации на формирование гендерной идентичности проявляется в том, какие роли и стереотипы навязываются людям в зависимости от их пола, а также как

они усваивают эти нормы и принимают их как свои. Гендерная идентичность – это понятие, означающее внутреннее осознание человеком своего пола. В психолого-педагогической литературе гендерную идентичность часто сравнивают с половой ролью, но эти понятия не являются синонимами.

Гендерная идентичность включает не только понимание, но и внутреннее осознание и внешнее выражение своего пола. По мере роста детей их интерес к представителям своего пола увеличивается. Существует несколько компонентов гендерной идентичности, таких как гендерная схема, межгрупповая предвзятость, гендерная центральность. Эти компоненты требуют дальнейшего изучения, чтобы лучше понять процесс формирования гендерной идентичности. Гендерная идентичность – понятие многоаспектное и формируется оно в результате взаимодействия множества факторов, включая биологические, социальные, культурные и психологические аспекты. Например, существует множество культурных стереотипов и ожиданий относительно того, как должны выглядеть и вести себя мужчины и женщины, что может оказывать влияние на формирование гендерной идентичности у индивида. Одним из важных аспектов гендерной идентичности является гендерная центральность, которая определяет, насколько сильно человек идентифицирует себя с определенным полом. Некоторые люди могут испытывать дисфорию по отношению к своему биологическому полу и стремиться к изменению своей гендерной идентичности. Изучение гендерной идентичности имеет важное значение для создания инклюзивного общества, где каждый человек имеет право на свое уникальное самовыражение и идентификацию. Понимание структуры гендерной идентичности как ядра и периферии является довольно распространенным в научных исследованиях, при этом ядро – практически константная часть гендерной идентичности, тогда как периферия является социально конструируемым элементом. Содержание ядра гендерной идентичности в большей степени формируется в детстве. Ядро и периферия взаимосвязаны, оказывают взаимовлияние друг на друга. В исследованиях Э. Гросс [1] представлена идея психологического процесса изменения гендерной

идентичности на протяжении онтогенеза. Так перекодировка гендерной идентичности происходит, когда содержание гендерной идентичности личности имеет противоречия с представления о гендерной идентичности социального окружения, далее происходит изменение иерархических отношений компонентов идентичности (деструкция), восстановление структуры понятий в новом обобщении (реконструкция) позволяет личности адаптироваться в существующих условиях и достигать самореализации. Делинквентное поведение характеризуется широким репертуаром проявлений, среди которых есть правонарушения. Причины правонарушений младших школьников могут быть разнообразными и индивидуальными для каждого ребенка. Поэтому для предотвращения правонарушений необходимо обращать внимание на потребности и эмоциональное состояние детей, а также обеспечивать им поддержку и воспитание в соответствии с их потребностями.

При изучении психологии несовершеннолетних правонарушителей важно обратить внимание на мотивацию преступного поведения, так как она наиболее ясно отражает социальную опасность противоправного поведения, антисоциальные потребности правонарушителя. У несовершеннолетних преступников часто наблюдаются завышенная самооценка, низкий уровень ответственности за свои поступки, отсутствие чувства стыда, дефицит совести и равнодушие к другим людям, их проблемам и заботам. Их изучение у младших школьников, совершивших правонарушение, практически не представлено. Среди младших школьников и подростков можно выделить группу, которая совершает правонарушения.

Целью исследования является выявить особенности социализации делинквентных младших школьников с разной гендерной идентичностью. Для исследования использовались индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик в модификации для детей, опросник «Идентификация ребенка с родителями» А.И. Захарова. Группой исследования была выбрана группа из 38 человек младшего школьного возраста, среди которых 18 мальчиков и 20 девочек,

совершивших правонарушение и состоящих на учете в ОПДН (отдел по делам несовершеннолетних и защите их прав) УМВД России по Ярославской области.

Как правило, правонарушение компенсирует неудовлетворенные потребности. В результате исследования особенностей гендерной идентичности было выявлено, что делинквенты имеют более низкий уровень гендерной самоидентичности, чем младшие школьники, не совершавшие правонарушения. Начало формирования гендерной самоидентичности связано с эмансипацией от норм и ценностей родителей и построение своих моделей поведения. Для младших школьников, совершивших правонарушение, характерна более частая идентификация с родителями своего пола. Обратимся к исследованию индивидуально-типологических особенностей делинквентных младших школьников и подростков.

У мальчиков, идентифицировавших себя с маскулинными характеристиками, с отцом, ведущими свойствами личности выступают «стеничность» - 5,1, «экстраверсия (социальная активность)» - 4,7, «ригидность» - 4,7 и «спонтанность» - 4,5. Высокие показатели по данным шкалам указывают на низкую управляемость, непослушание в отношении общепринятых норм и правил, склонность к агрессивному поведению, к самоутверждению любыми доступными способами. Способность нанести физический и моральный вред, импульсивность и подчиненность сиюминутным желаниям, хулиганские действия, зависть – характерные черты индивидуально-типологического портрета младшего школьника мужского пола, совершившего правонарушение. Негативизм, вербальная агрессия во время бесед косвенно указывают на компенсаторные механизмы. Младшие школьники, совершившие правонарушения, рано проявляют интерес к курению, алкоголю и другим запрещенным веществам. У мальчиков показатели «стеничность» и «спонтанность» взаимосвязаны с «идентичностью с отцом» ($r=0,316$, при $p\leq 0,05$) и «эмоциональным отношением к родителям» ($r=-0,180$, при $p\leq 0,05$). Взаимосвязь «стеничности» и идентичности с отцом указывают, что фигура отца в большинстве семей отождествляется мальчиками с агрессивным поведением. Чем

сильнее мальчик идентифицирует себя с отцом, тем ярче проявляется агрессия как глубинное личностное свойство или в качестве ситуативной реакции. Показатель спонтанности обратно взаимосвязан с показателем «эмоциональное отношение к родителям». Меньшая эмоциональная привязанность к родителям может в большей степени стать причиной спонтанного, с низкой подчиняемостью, подчеркнуто агрессивного поведения [4].

Для девочек, проявляющих феминную идентичность, характерно преобладание таких качеств личности, как «тревожность» - 5,3, «лабильность» - 5,1 «стеничность»- 4,7. В группе девочек обнаружены взаимосвязь показателей «тревожность» и «идентичность с матерью» ($r=147,000$, при $p\leq 0,001$). Сильная взаимосвязь между данными показателями могут указывать на нестабильное поведение матерей в этих семьях. Если принять во внимание выраженные в группе девочек другие свойства личности, можно предположить, что чем выше напряжение, которое испытывает мама, тем более девочки – правонарушители испытывают незащищенность, сильные конформистские тенденции, неустойчивость морально-ценностных ориентаций, чувство вины. Во время бесед они признают свою неправоту быстрее, чем мальчики, практически всегда есть попытка выставить хищение вещи как нечто незначительное и обыденное. Разнонаправленность индивидуально-типологического свойств девочек может свидетельствовать о выраженных, в большей мере, чем у мальчиков интересах и легком вхождении в разные социальные роли. Выявлено, что у мальчиков ведущими свойствами личности выступают «стеничность», «экстраверсия», «ригидность» и «спонтанность», для девочек характерно преобладание таких качеств личности, как «тревожность», «стеничность», и «лабильность» [4].

Содержание правонарушений мальчиков младшего школьного возраста имеет более широкий репертуар: нанесение побоев, вандализм и хулиганство. Девочки младшего школьного и подросткового возраста, как правило, уличены в хищении, в основном одежды. Гендерная идентичность делинквентов младшего школьного возраста имеет иную специфику, чем младших школьников, чье поведение находится в пределах нормы. Так, младшие

школьники – правонарушители чаще идентифицируют себя с родителями одного с ними пола.

В результате исследования установлено, что девочки младшего школьного возраста, совершившие правонарушения, имеют разнонаправленные личностные свойства высокого уровня выраженности, что указывает на противоречия индивидуально-типологического портрета, стремление реализовать полярные модели поведения. У мальчиков показатель «стеничность» и «спонтанность» взаимосвязаны с «идентичностью с отцом» и «эмоциональным отношением к родителям»; в группе девочек обнаружены взаимосвязь показатели «тревожность» и «идентичность с матерью» [4].

Профилактика делинквентного поведения у младших школьников играет важную роль в их социализации и развитии. Так, создание поддерживающей среды помогает младшим школьникам чувствовать себя в безопасности и поддержке как дома, так и в школе. Обучение навыкам решения конфликтов помогает адекватно реагировать на различные ситуации, конфликты и стрессовые ситуации. Развитие социальной активности способствует формированию эмпатии, а также умению выстраивать взаимоотношения с другими. Повышение уровня самоконтроля формируют способность управлять своими эмоциями и поведением, контролировать свои действия и реакции. Сотрудничество между школой и семьей играет ключевую роль в профилактике делинквентного поведения. Важно, чтобы у детей было достаточно интересных и полезных занятий, в том числе внеучебная деятельность. Соблюдение этих рекомендаций поможет предотвратить делинквентное поведение у младших школьников и способствует их нормотипичному развитию и социализации с учетом гендерной идентичности.

Список использованных источников

1. Гросс, Э. Изменяя очертания тела / Э. Гросс // Введение в гендерные исследования. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 599-625.

2. Клёцина, И.С. Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования / И.С. Клёцина // «Женщина в российском обществе». Российский научный журнал. – № 3 (44). – 2007. – С. 60-65.
3. Клёцина, И.С. Гендерная идентичность и права человека : психологический аспект / И.С. Клёцина // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. – Санкт-Петербург : Норма, 2005. – С. 167-184.
4. Коротаева, А.И. Содержание феномена гендерной идентичности / А.И. Коротаева // Проблемы современного педагогического образования. – №80-2. – 2023. – С. 435-438.
5. Una Masic, Veronica Ranieri Gender identity development in children and young people: A systematic review of longitudinal studies. March. 2023. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34493506/> (дата обращения 02.06.2024).
6. Young, B. Longitudinal Outcomes of Gender Identity in Children (LOGIC): protocol for a prospective longitudinal cohort study of children referred to the UK gender identity development service. October. 2022 // Young B - Search Results - PubMed (nih.gov) (дата обращения 02.06.2024).

УДК 159.9

ФЕНОМЕН ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА В ПСИХОЛОГИИ К. ЮНГА

Кучковая Яна Викторовна

студент 1 лечебного факультета

Куликова Николь Вячеславовна

ординатор кафедры неврологии и медицинской генетики

Александровская Валентина Николаевна

д-р филос. наук, д-р психол. наук, профессор кафедры философии и психологии

Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Министерства здравоохранения Российской Федерации (РФ, г. Донецк)

(a_nessy@mail.ru)

В работе показан момент принятия решения К. Юнгом стать психиатром, дан общий взгляд К. Юнга на психиатрию и психические заболевания человека. К. Юнг квалифицировал психические болезни личности и видел их источник в социокультурном дефиците воспитания личности.

Ключевые слова: личность, психика, социокультурное развитие личности, историко-духовный контекст жизни человека, роль воображения в представлении жизни личности, визуализация восприятия.

THE PHENOMENON OF THE IDEAL IMAGE IN THE PSYCHOLOGY OF K. JUNG

Kuchkova Yana Viktorovna

Student 1st medical faculty

Kulikova Nicole Vyacheslavovna

Resident of the Department of Neurology and Medical Genetics

Alexandrovskaya Valentina Nikolaevna

*Doctor of Philosophy Sciences, doctor of Psychological Sciences, professor of the Department of
Philosophy and Psychology*

*Donetsk State Medical University named after M. Gorky of the Ministry of Health of the
Russian Federation (RF, Donetsk)*

(a_nessy@mail.ru)

The work shows the moment of K. Jung's decision to become a psychiatrist, gives K. Jung's general view of psychiatry and human mental illnesses. K. Jung qualified mental illnesses of personality and saw their source in the socio-cultural deficit of personality education.

Key words: personality, psyche, socio-cultural development of personality, historical and spiritual context of human life, the role of imagination in the representation of personal life, visualization of perception.

Актуальность. Одним из актуальных направлений психологии является изучение теоретического наследия выдающегося психолога мира. В данной работе наш интерес сфокусирован на творчестве выдающегося психолога с мировым именем К. Юнга. В связи с этим интересом цель нашего исследования – узнать путь, по которому К. Юнг пришел в психологию. Задача работы – выяснить общие представления К. Юнга о психиатрии и психологии.

Основное содержание. Научный потенциал и место идеального образа в психологии определяется, прежде всего, его объектом и предметом. В свое время об этом точно сказал К. Юнг готовившийся стать хирургом. Всего лишь одна фраза из книги Крафта-Эбинга круто изменила всю его жизнь: «Психозы – это заболевание личности»! Эта фраза оказалась для него настолько значимой, что определила дальнейший творческий путь ученого и основное направление его дальнейших исследований: изучение глубины личности человека. К. Юнг четко осознал, что психиатрия – это, прежде всего, наука о личности. Он записал: «психиатрия – это «эмпирическое поле общее для биологических и духовных фактов, которые я искал повсюду и нигде не находил. Человеческая психика

является местом встречи науки и религии, конфликт между ними преодолим на пути подлинного самопознания». К. Юнг всю жизнь искал своего «внутреннего человека» [1, с.78].

На этом пути К. Юнг в рамках аналитической психологии рассматривал психику человека как саморегулирующуюся систему, им была вскрыта природа человеческой психики, сформирована теория динамики психического (концепция сознательного и бессознательного, концепция психических типов, детальное описание универсальных психических образов и концепция архетипов). Несмотря на блестящее знание медицины, К. Юнг ушел от нее в психологию и смотрел на медицину как на «мертвый космос естествознания». Он давно чувствовал, что (как сказали бы в наше время) надо лечить личность, а не болезнь. По мнению ученого, чтобы четко разделять понятия нормы и патологии, нужно опираться на глобальные культурологические процессы, на духовную историю всего человечества, в которой интериоризируется личность. Указанные культурные процессы и черты К. Юнг считал биологически наследуемыми [1].

Ученый, определяя шизофрению как болезнь, указывал на то, что в психике больного присутствуют фрагментарные личности, которые находятся за пределами сознания и больных шизофренией диссоциация личности гораздо более выражена, чем у людей в норме, что в свою очередь, может приводить к разрушению сознания, распаду личности, на месте которой остается ряд комплексов [1]. В дальнейших своих исследованиях К. Юнг разграничивал комплексы личного бессознательного и архетипы коллективного бессознательного, акцентируя внимание на том, что архетипы бессознательного напоминают отдельные личности. Если раньше безумие объяснялось «одержимостью бесами», которые приходили в душу извне, то у К. Юнга оказывалось, что все они уже находятся в душе, и при определенных обстоятельствах могут одержать верх над «Я» личности. Душа любого человека включает множество личностей, у каждой из которых есть своё «Я»; периодически они заявляют о себе и выходят на сознательный уровень. Таким образом, ученый образно говорил о том, что психическая жизнь человека обретает

различные маски, которые человек предъявляет в зависимости от актуальной ситуации в обществе.

К. Юнг понял, что не только медицинские учебники, но и вся история человеческой культуры должна стать открытой книгой для психиатра. Поэтому, считал он, больную личность нужно изучать, учитывая ее социальное окружение и культуру, через призму которых у личности формируются интересы, убеждения, установки, ценностно-смысловая сфера. По мнению ученого, индивидуальный путь отдельной личности интегрируется в общественную среду общества, в котором живет и развивается личность, а потом – и в жизнь всего человечества [1].

Как верно отмечали философы, учение об идеальном возникло, в первую очередь, в мире культуры, а не природы. Так, выдающийся ученый-философ Сократ указывал на необходимость познания природы человека, не рассматривая при этом людей как культурных носителей эволюции человечества. По мнению ученого, культура вообще и культурное мышление, в частности, являются основой для идеального. Так, Сократ утверждал, что поступок изначально возникает в голове человека в виде целей и идеалов, а сам поступок является закономерным следствием. Подобной своей позицией Сократ фактически предопределил в будущем место «необходимости» в философии как категории этого вида знания. Это логику философы считают началом классического понимания идеального [1, с.26].

Как указывал К. Юнг, личностная норма и патология формируются в зависимости от целостности личности. По мнению ученого, психика и жизнь человека утратили свое единство. В противовес К. Юнгу З. Фрейд утверждал, психика и жизнь – это две противоположные категории, находящиеся в процессе постоянной борьбы. Он сделал выводы о причинах разрушения личностной целостности – отрыв ее от культурно-исторического и историко-духовного контекста, родного и имманентного для данной личности. Он понял функциональные возможности психики и однозначно заключил: «Воображение – ключ ко всему, это вход в будущее, представление – это механизм

осуществления действия, позитивного мышления, все задачи надо визуализировать» [1, с.74].

Выводы. В качестве выводов приведем позицию самого Юнга. Занимаясь научным исследованием личности, К. Юнг вышел на сознательное и бессознательное, на архетипы и феномен образа в психике. На этом пути он осознал ряд вещей, а именно: 1) «образ – это концентрация мысли, это сила мысли»; 2) «образ – это знак судьбы (но иногда не вашей судьбы)»; 3) «люди зеркалят друг друга»; 4) «культуры – разные в разных странах, а разум – один»; 5) «если удача давно не стучится в вашу дверь, надо поставить новую дверь»; 6) в связи с этим пониманием психиатрии К. Юнг заключил, что именно семья является первой инстанцией приобщения ребенка у человеческому миру, и от нее зависит многое, в том числе и психическое здоровье.

Список использованных источников

1. Александровская, В.Н. Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования: монография / В.Н. Александровская. – Сумы: Университетская книга, 2015. – 338 с.

УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКВАДОРЕ И РОССИИ

*Монтаньо Андраде Мариукси Элисабет,
Магистрант*

*Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры социологии и психологии*

***Воронцова Евгения Геннадьевна**
Байкальский государственный университет
(РФ, г. Иркутск)*

Статья посвящена анализу исследований и раскрытию различий в точках зрения на субъективное благополучие с точки зрения представителей России и Эквадора. Проанализировано понимание, функции, составляющие субъективного благополучия научных представлений. Определены факторы благополучия (возраст, пол, этническая принадлежность, семейное положение, здоровье, занятость, образование, религия, социальные контакты, личность,

экономические и политические условия); две общие парадигмы благополучия – гедоническая и эвдемоническая.

Ключевые слова: благополучие, субъективное благополучие, население России и Эквадора.

THEORETICAL ASPECTS OF THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE INDIVIDUAL IN ECUADOR AND RUSSIA

Montaño Andrade Mariuxi Elisabeth,

Master's student

*Academic supervisor: Ph.D. in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology*

Vorontsova Evgeniya Gennadyevna

Baikal State University

(Russian Federation, Irkutsk)

The article is devoted to the analysis of research and the disclosure of differences in points of view on subjective well-being from the point of view of representatives of Russia and Ecuador. The understanding, functions, components of subjective well-being of scientific concepts are analyzed; well-being factors (age, gender, ethnicity, marital status, health, employment, education, religion, social contacts, personality, weather of use, economic and political conditions) are determined; two general paradigms of well-being are hedonic and eudemonic.

Key words: well-being, subjective well-being, the population of Russia and Ecuador.

С древних времен одной из главных целей человека было стремление к счастью и достижению благополучия, осознание своего потенциала и желание прожить хорошую жизнь. В наше время мировая психологическая наука активно проводит исследования, направленные на выявление факторов, влияющих на благополучие и здоровье. Следовательно, субъективное благополучие можно определить как индивидуальную оценку, которую люди делают своему собственному благополучию, как они его воспринимают и переживают. Э. Динер и В. Тов отмечают, что культура играет важную роль в построении концепции счастья и, следовательно, в том, как проживается субъективный опыт [11].

Кажется разумным предположить, что счастье имеет как универсальные, так и специфические характеристики и что удовлетворяемые ценности и потребности различаются в зависимости от общества. Тем самым культура

указывает на большую проблему: переживание благополучия у всех сопоставимо с чем-то одним, но это мнение нецелесообразно, поскольку сравнивать счастье между людьми из разных культур, думая о единой группе факторов, объясняющих это счастье, а также предполагая, что актуальность и влияние этих факторов однородны для всех культур, будет ошибкой. Идея провести исследование по таким темам, как изучение восприятия жизни людьми и соотнести эти данные в двух культурах, а именно среди населения стран Эквадора и России, возникла из-за недостаточной освещённости этой темы в науке и практике.

В данной статье мы преследуем цель раскрытия теоретических основ изучаемого вопроса, и поэтому теоретическая гипотеза исследования состоит в предположении о наличии различий в уровне и структуре субъективного благополучия у человека, живущего в России и человека, проживающего Эквадоре, подтверждаемые в представлениях исследователей этого вопроса.

В конкретном случае России и Эквадора, обращая внимание на их субъективное благополучие, мы можем лучше понять различия и сходства с точки зрения восприятия счастья и удовлетворенности их жителей, что может помочь укрепить сотрудничество и взаимопонимание между обеими странами.

По мнению М. Рохаса, теория концептуального референта счастья утверждает, что концепция счастья человека не является независимой от личного и социального контекста, в котором он растет, и что на нее влияют социально-экономический и демографический статус личности [10].

Э. Деси и Р. Райан писали, что благополучие – это сложная конструкция, относящаяся к оптимальному опыту и функционированию. В психологических и медицинских исследованиях сосуществуют две общие точки зрения на благополучие: гедонистический подход, который фокусируется на счастье и определяет благополучие с точки зрения достижения и избегания боли; и эвдемонический подход, который фокусируется на значении и самоактуализации и определяет благополучие с точки зрения степени, в который человек полностью функционирует [2]. Дж. Качиоппо и Г. Бернтсон все больше

признают, что благополучие – это не отсутствие психических заболеваний, а, скорее, предполагает позитивное развитие физического, психического и социального благополучия [9].

Особенности представлений о субъективном благополучии в научной литературе зарубежных стран и России раскрываются у исследователей из России П.П. Фесенко Т.Д. Шевеленкова, которые представляют субъективное благополучие как сознательное согласие с тем, что человек, удовлетворённый своей жизнью, может строить перспективы на будущее и сохранять позитивные ощущения о настоящем. Следует учесть, что существующая разница в актуальном и потенциальном состоянии благополучия вызывает желание выявить эти уровни актуального и потенциального благополучия [12, с. 101-109.].

Согласно Э. Саторре, субъективное благополучие – это «то, что люди думают и чувствуют о своей жизни, а также о когнитивных и эмоциональных выводах, к которым они приходят, оценивая свое существование. Субъективное благополучие, которое они испытывают, когда они испытывают приятные эмоции, когда они занимаются интересной деятельностью и когда они удовлетворены своей жизнью, обычно называют «счастьем» [7].

М. Гарсия, определяет субъективное благополучие как глобальное суждение, исходя из которого, посредством когнитивных и аффективных элементов, человек оценивает свое душевное состояние, а также достигнутые достижения и ожидания и ожидаемые проблемы на протяжении всей своей жизни [6, с, 18-39.].

По мнению Э. Динера, субъективное благополучие содержит три важные характеристики: его субъективный характер (относящийся к жизненному опыту человека); его глобальное измерение (основанное на общей оценке различных сфер жизни человека) и, наконец, включение позитивных показателей [3, с.542-575].

В заключение отметим, субъективное благополучие определяется как степень, в которой человек удовлетворен различными аспектами своей жизни, оценивая его как эмоционально, так и когнитивно.

Ф. Эндрюс и С. Уити, определяют субъективное благополучие также на основе когнитивных и аффективных компонентов. Аффективный аспект относится к гедоническому плану, то есть имеет дело с чувствами или эмоциями, которые человек испытывает наиболее непосредственно [1]. В этом смысле, согласно М. Гарсия [4, с. 71-75.], удовлетворенность жизнью и аффективный компонент субъективного благополучия также имеют тенденцию коррелировать, поскольку оба элемента являются результатом оценки индивидом общих обстоятельств, в которых они развиваются. Эти компоненты связаны друг с другом, так что удовлетворенность жизнью положительно коррелирует с положительным аффектом и отрицательно с отрицательным аффектом, как отмечают Э. Динер, Р. Эммонс, Р. Ларсен и С. Гриффин [4].

Таким образом, субъективное благополучие состоит из трех компонентов.

Компонент 1: аффективный, эмоциональный. При глобальной оценке жизни одним из способов узнать, насколько человек удовлетворен, является эмоциональный баланс. Этот баланс может включать пережитые настроения, отрицательные или положительные эмоции и чувства. В целом считается, что эмоциональное удовлетворение или положительный баланс (то есть, когда состояния настроения считаются хорошими, а положительные эмоции преобладают над отрицательными) подразумевает, что все потребности человека в данный момент в достаточной мере удовлетворяются, о чем упоминают авторы М. Рохас и Р. Винховен [10]. Р. Винховен указывает, что глобальная оценка жизни, которую делают люди, основана в меньшей степени на когнитивном сравнении с культурными стандартами того, что такое хорошая жизнь, и, следовательно, указанная оценка более тесно связана с аффективной частью. Следовательно, если счастье коренится в удовлетворении потребностей, являющихся частью человеческой природы, то условия для счастья во всем мире очень схожи. Однако он также признает, что, несмотря на вышесказанное, влияние аффектов на оценку жизни различается в разных культурах.

Компонент 2: удовлетворенность жизнью. М. Рохас упоминает концепцию удовлетворенности жизнью, основанную на идее, что человек может оценить

свое счастье на основе когнитивного опыта, предполагающего рефлексивное исследование, суждение о том, хорошие или плохие дела, то есть оценка своего состояния, сравнения с внешним эталоном или собственными стремлениями [10]. В этой когнитивной оценке — в отличие от аффективного баланса, где теоретически выражается удовлетворение основных потребностей — удовлетворенность жизнью указывает на то, в какой степени человек считает, что его желания или потребности были удовлетворены. «Эти недостатки или желания не являются естественными и присущими человеку, как потребности в аффективном равновесии, но они приобретаются сознательно, поэтому и различаются в разных обществах, поскольку имеют социальный или культурный субстрат», — говорит Р. Винховен.

Компонент 3: Домены удовлетворенности. Домены жизни представляют собой еще один подход к изучению благополучия людей. Это включено в когнитивную часть субъективного благополучия, и утверждается, что удовлетворенность жизнью человека можно понимать, как результат удовлетворения, которое человек испытывает в тех областях, в которых он развивается как человеческое существо. По этой причине можно оценивать жизнь человека как общую конструкцию, состоящую из различных областей, так что таким образом удовлетворенность жизнью понимается как результат удовлетворенности в различных 20 областях жизни. Некоторые из областей, в которых различные авторы согласны, — это работа, семья, отдых, здоровье и экономическая сфера; некоторые другие: дружба, человек, время и обстановка в сообществе [5 с. 2584].

С другой стороны, Э. Су и С. Оиси упоминают, что традиционно многие ученые указывали на тот факт, что более счастливые нации просто богаче. Несомненно, существует тесная связь между доходами (например, ВВП) и уровнем субъективного благосостояния во всех странах. Однако этот аргумент «самый богатый = самый счастливый» является неполным. Одна из острых проблем заключается в том, что богатые страны не только лучше в экономическом плане, но и обладают рядом нематериалистических

характеристик, которые способствуют субъективному благополучию (например, более стабильное и демократическое правительство, больше прав человека).

Исследователи обнаружили, что представители культуры-индивидуалистов более счастливы, чем представители культуры-коллективистов. Объяснить это можно так, что индивидуалистические нации богаче коллективистских наций, подразумевая, что различия в объективных условиях жизни, которые влияют на их жителей, объясняют это культурное различие. Однако, как упоминалось ранее, существует слишком много богатых коллективистских стран (Япония, Гонконг), которые противоречат этой простой экономической интерпретации. Кроме того, по словам Динера, когда степень индивидуализма нации контролируется статистически, доходы больше не предсказывают субъективное благополучие. Очевидно, что помимо дохода существуют и другие причины, способствующие высокому субъективному благополучию индивидуалистических культур [8].

Подводя итоги анализа благополучия в представлении исследователей в России и Эквадоре, мы определили следующее.

Для определения субъективного благополучия одним из авторов, выдающихся в исследованиях по этой теме, является Э. Динер, где понятие субъективного благополучия согласуется с концепцией Р. Винховена, где субъективное благополучие – степень, в которой человек оценивает ход своей жизни в целом в положительном плане.

Авторы из России П.П. Фесенко Т.Д. Шевеленкова представляют субъективное благополучие как сознательное согласие с тем, что человек удовлетворённый своей жизнью может строить перспективы на будущее и сохранять позитивные ощущения о настоящем. Следует учесть, что существующая разница в актуальном и потенциальном состоянии благополучия, вызывает желание выявить эти уровни актуального и потенциального благополучия.

Чтобы описать компоненты субъективных благ, Динер делит эти компоненты на: положительный аффект, отрицательный аффект,

удовлетворенность жизнью и области удовлетворения. Так же и А.В. Воронина построила модель, состоящую из психосоматического здоровья, социальной адаптации, психического здоровья и психологического здоровья.

Э. Динер упоминает, что к факторам, которые могут влиять на благосостояние, относятся такие характеристики, как возраст, пол, этническая принадлежность, семейное положение, здоровье, занятость, образование, религия, социальные контакты, личность, экономические и политические условия и т.д. Что касается этих переменных, данные о демографических характеристиках обширны и неоднозначны, с преобладанием статистически значимых связей, хотя и с низкой объяснительной силой.

А. Козьма и соавторы отмечают, что факторами, которые могут влиять на субъективное благополучие, являются демографические переменные, субъективное удовлетворение, вовлеченность в деятельность, стрессовые события в жизни, факторы окружающей среды и личностные факторы.

Э. Су и С. Оиси отмечают, что культурным измерением, тесно связанным с субъективным благополучием, является индивидуализм или коллективизм. С другой стороны, Э. Динер и В. Тов обнаружили, что в некоторых аспектах субъективное благополучие одинаково во всех культурах. Несмотря на вышесказанное, они отмечают, что благополучие следует понимать в контексте каждой культуры, поскольку существуют определенные специфические закономерности, которые делают опыт благополучия уникальным в каждой культуре.

Э. Деси и Р. Райан отмечают, что существуют две общие парадигмы благополучия, такие как гедонистический подход, который фокусируется на счастье и определяет благополучие с точки зрения достижения и избежания боли; и эвдемонический подход, который фокусируется на смысле и самореализации и определяет благополучие с точки зрения степени, в которой человек полностью функционирует.

Исследование субъективного благополучия продолжится в рамках эмпирического этапа, поскольку, полученные результаты имеют практическую

значимость и могут быть использованы при создании государственных программ или в сотрудничестве с фондами, которые стремятся улучшить субъективное благополучие людей, способствуя тем самым положительному влиянию на качество жизни общества.

Список использованных источников

1. Andrews, F. M. and Withey, S. B. (1976). Social indicators of well-being: Americans' perceptions of quality of life. New York: Plenum Press.
2. Deci, E. and Ryan, R. (2008). Hedonia, eudaimonia and well-being: an introduction. *Journal of Happiness Studies*, 9, 1-11. doi:10.1007/s10902-006-9018-1.
3. Diener, E. (1984). *Psychological Bulletin Subjective Well-being*, 95 (3), 542-575.
4. Diener, E. D., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The life satisfaction scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71-75.
5. Easterlin, R., & Sawangfa, O. (2007). Happiness and mastery satisfaction. Theory and evidence. Discussion document. p. 2584
6. García Martín, M. A. (2002). Subjective Well-being. *Psychological Writings*, 6, 18-39.
7. Satorre, E. (2013). Psychological well-being in old age and its relationship with functional capacity and life satisfaction. Doctoral thesis, Faculty of Psychology, Valencia.
8. Suh, E. M. and Oishi, S. (2002). Subjective well-being in all cultures. *Online readings in psychology and culture*, 10.
9. Cacioppo, J. and Berntson, G. (1999). The affect system: Architecture and operational characteristics. *Current Directions in Psychological Science*, 8, 133-137. doi:10.1111/1467-8721.00031.
10. Rojas, M. and Veenhoven, R. (2013). Contentment and affection in the estimation of happiness. *Social Indicators Research*, 110(2), 415-431.
11. Динер Э. и Тов В. (2009). Культура и субъективное благополучие. В Э. Динер (ред.), *Культура и благополучие*. (стр. 9-42).
12. Сырцова, А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо [Текст] / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // *Психологический журнал*. – 2008. – Т. 29 - № 3. – М.: Наука. – С. 101-109.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАРЦИССИЗМА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Ничепорук Екатерина Викторовна

*ассистент кафедры логопедии и коммуникативных технологий
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(РФ, г. Пермь)
(ekaterina.nicheporuk@bk.ru)*

Статья посвящена анализу философских и психологических аспектов нарциссизма, исследуется вопрос его происхождения и роль в истории человеческой цивилизации. Автор проводит обзор различных концепций этого феномена в античной, средневековой и новоевропейской философии и психологии. В центре внимания находится вопрос, какой смысл вкладывается в понятие нарциссизм.

Ключевые слова: нарциссизм, самопознание, античный миф, нарцисс (мифологический персонаж), европейская культура.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF NARCISSISM AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Nicheporuk Ekaterina Viktorovna

*Assistant of the Department of Speech Therapy and Communication Technologies
Perm State Humanitarian and Pedagogical University
(Russian Federation, Perm)
(ekaterina.nicheporuk@bk.ru)*

The article is devoted to the analysis of the philosophical and psychological aspects of narcissism, the issue of its origin and role in the history of human civilization are investigated. The author reviews various concepts of this phenomenon in ancient, medieval and modern philosophy and psychology. The focus is on the question of what meaning is put into the concept of narcissism.

Key words: narcissism, self-knowledge, ancient myth, narcissus (mythological character), European culture.

Содержание мифа о Нарциссе носит глубокий смысл и некую психологическую реальность, объясняя поведение человека на каждом этапе развития общества, его ценности и моральные устои. На сегодняшний день исследователи отмечают тенденцию к росту неклинического нарциссизма в обществе, однако остается неясным, что представляет собой данный феномен и как из мифа нарциссизм стал рассматриваться в психологии личности.

Миф о Нарциссе, описанный римским поэтом Овидием в «Метаморфозах», начинается с предсказания Тиресия о том, что у юноши Нарцисса будет долгая жизнь “*si se non poverit*” — если только он не увидит своего лица. Нарцисс был очень красивым юношей и часто отвергал любовь многих. За такое поведение он был наказан богами - попал в ловушку безответной любви, увидев свое отражение в воде. Нарцисс стал одержим, парализован своей красотой, что погубило его. На месте гибели юноши вырос цветок нарцисс (Овидий, 1983).

Тема нарциссизма в эпоху Античности носит сугубо созерцательный и природный характер, миф лишь инструмент объяснения наблюдаемого объекта: ядовитые свойства цветка (Лаврова Н.Л., 2011), высокомерие и гордыня человека (Graves R., 1954). Созерцающее сознание относится к предметам и явлениям природы без критики и без попыток их изменить, а как данность. Метаморфоза Нарцисса в цветок является частью древнегреческого эпоса, что отражает веру в духов и магию, одушевление природы.

Средневековое общество рассматривало мир через призму религии и догм божественного мира. По этой причине в Нарциссе видели гордыню из-за телесной красоты и опасались такой привязанности к своей красоте (Jacoby M., 1991). К примеру, Святой Августин считал чрезмерную любовь к себе формой гордости, которая приводит к греху и отделению от Бога (Шамшикова О.А., 2007). В работе “Божественная комедия” Данте изображает нарциссов как оказавшихся в ловушке в Адно, самом глубоком уровне ада, где они мучаются своим собственным самолюбованием (Пукшанская И.П., 2009). Здесь миф приобретает характер морализации и наставления.

В эпоху Возрождения и Новое время философские взгляды претерпевают изменения, происходит обращение к внутреннему миру Нарцисса. Появляются первые объяснения его поступков, раскрываются темы самосозерцания и самопознания. Например, Мишель де Монтена не смотря на поддержку взглядов об опасности чрезмерной любви к себе, писал о важности самопознания. Он утверждал, что нарциссизм может привести к отсутствию сочувствия к другим и игнорированию социальных норм и моральных принципов (Торубарова Т.В.,

2017). Радикальная точка зрения принадлежала Макиавелли Н.: любовь к себе необходима для политического успеха, но она должна быть сбалансирована с признанием интересов и потребностей других (Толстенко А.М., 2009).

В начале 17 века Бекон Ф. впервые начал рассматривать Нарцисса как символ себялюбия и тщеславия, которые могут давать стимул широкому кругу человеческих достижений и достоинств, а также истощать от внутренней грандиозности. Можно говорить о том, что Нарцисс обретает две полярности качеств: положительные и отрицательные, а не только отрицательные. В дальнейшем себялюбие интерпретировалось как самодостаточность и это был шаг в социальном развитии общества (Шварц-Салант Н., 2007), так как появился индивидуальный поиск порядка внешнего или внутреннего. В это же время развивается идея самопознания: П. де ла Серре охарактеризовал Нарцисса как “самый целомудренный среди всех влюбленных” (Pulver S.E., 1970). Аббади Ж. описал любовь Нарцисса к самому себе через призму ложной самооценки, как тенденцию сохранения собственного «Я». Новые взгляды привлекли внимание к самому человеку, к возможности самопознания и к возможности влиять на общество. Нарциссизм описывается в терминах самооценки и ее поддержании, а фокус внимания с текста мифа смещается на фигуру главного героя Нарцисса и на его отражение.

В работах Шлегеля В.А. прослеживается мотив гения, восхваление индивидуальности, а его душа как зеркало мира, отражение мира, например, его слова “Художники всегда Нарциссы!”. Так появляется мотив цветка нарцисса и интерпретируется как символ художника, который потерял себя и сможет обрести вновь только в творчестве (Шамшикова О.А., 2007).

В 19 веке происходит перелом взглядов мыслителей на тему человека, влюбленного в свой образ. Например, Крейцер Ф. (1812) обратил внимание на следующее: “ищущая душа находит себе чистую иллюзию вместо экзистенции, а оскорбленный Эрос требует смерти гордеца (искупления вины)”. Культовой книгой, поддерживающей эти мысли, становится “Портрет Дориана Грея” Уайльда О. (1890). В ней Грей Д. рассматривается как Нарцисс, который отказался

от своей души в пользу портрета, стареющего вместо него. Каждый порок, поступок отпечатывается на портрете, отягощая состояние Грея, в конечном счете, Грей не выдерживает постоянное присутствие своего “зеркала на стене”, уничтожает портрет, а вместе с ним и самого себя. Снова происходит возврат к идее телесности и отказу от самопознания, от духовного начала.

На рубеже 19-20 веков появляются несколько новых точек зрения на тему нарциссизма. Одна из них принадлежит Жид А., Валерии П. и Гессе Г., и др., они рассматривали Нарцисса как символ аскезы и созерцания, как духовное начало души. Соединение с другими влюбленными для Нарцисса стало бы означать потерю самого себя (Жеребин А.И., 2003). Например, в книге “Нарцисс, или миф и воображение” Касснера Р., главный герой связан с рождением абсолютной человеческой личности, приобщения к полноте божественного бытия, а нарциссизм переосмысливается как метафизическая тоска о воссоединении с миром в Боге, когда уже сама смерть юноши является залогом духовного воскресения (Kassner R., 1978).

Синкретический Нарцисс появляется в труде 1921 года Андреаса-Саломе Л. «Двойная ориентация нарциссизма». В это время «Нарцисс выступает как одна из наиболее суггестивных условных фигур, предназначенных окрашивать своей традиционной символикой ситуацию кризиса современной личности». Первой “ориентацией нарциссизма”, по мнению Андреаса-Саломе Л., является образ эстета-индивидуалиста, отлучившегося от источников бытия и обособившегося в самом себе. Примером могут служить произведения Гофманнсталя Г., Брюсова В. и др. Весь мир представляется ему игрой его собственного воображения, во всех вещах встречает он только самого себя и гибнет от неосуществимой любви к тому, чего нет на свете. «Вторая ориентация» сводится к тому, что Нарцисс наблюдает не свое отражение в ручье, а скорее «зеркало Природы», то есть он теряет свою идентичность в отражении, и видит “себя как все вокруг” (Ханзен-Леве А., 1999). Такой нарциссизм утрачивает условность любых границ, выходит за рамки «Я», проявляя маниакальную любовь к себе.

Позднее в книге “Эрос и цивилизация” Маркузе Г. (1950) описал аналогичную концепцию нарциссизма, в которой нарциссизм представляет собой позитивную экзистенциальную альтернативу репрессивной культуре. Шпильрейн С. в статье “Деструкция как причина становления” фокусирует внимание на значении личной воли к саморазрушению для восхождения личности на высшую ступень бытия, которая достигается в любви к самому себе, то есть “становление обусловлено разрушением”.

Вышеописанные взгляды повлияли на работы врача-сексолога Эллиса Х., который в 1928 году ввел термин “нарциссизм” в сексуальную психопатологию для обозначения аутоэротического сексуального состояния. С его точки зрения, нарциссизм — это патологическое себялюбие или самолюбование (влечение индивида к самому себе). Фрейд З. раскрыл нарциссизм как извращение (перверсия) в «Очерках по теории сексуальности» (1910), что также послужила формированию представлений о клиническом нарциссизме. Позднее Фрейд З. разработал теорию нарциссизма, которая подчеркивала роль раннего детского опыта в развитии личности. По его словам, нарциссизм нормальная часть человеческого развития, но она может стать патологической, если ребенок испытывал дефицит любви и отсутствие здоровой привязанности. С этой работы, по сути, началось развитие идей о нарциссизме как психологическом феномене.

На рубеже 19-20 веков тема нарциссизма приобретает очевидное многообразие смыслов и интерпретаций, так по словам Pulver S.E. (1970), миф о Нарциссе — это переходная драматическая иллюстрация чего-то наиболее общего в человеческом поведении, чем только сексуальная психопатология. Возможно, отсутствие ясности в понимании нарциссизма связано с большим количеством интерпретаций разной полярности как на временном континууме: от гордыни и греха до мотива гения, восхваление индивидуальности, так и в рамках одного столетия (рубеж 19-20 веков): от аутоэротического сексуального состояния до быстротечности красоты как наличие связи между нарциссизмом, завистью и смертью.

Дальнейшее развитие нарциссизма в психологии разделилось на два направления: нарциссизм как расстройство личности и нарциссизм как черта личности присущая каждому человеку. Все больше научных работ в психологии посвящены черте личности нарциссизм, развешаются концепции и модели неклинического нарциссизма, рассматриваются взаимосвязи с такими личностными конструктами как Темная триада, Большая пятерка личностных черт (Ничепорук Е.В., 2023). Такой интерес связан с тем, что современную эпоху называют Эрой нарциссизма (Pulver S.E., 1970). Современному человеку присущи два полярных, взаимоисключающих модуса: крайний индивидуализм и глубокая деперсонализация (Жукова О.И., Жуков В.Д. (2015)). Первый модус приводит впоследствии к эгоцентризму и нарциссизму, а второй выражается в потере образа своей целостности, состоянию апатии, психической анемии, беспомощности. Наличие подобных противоречий говорит о переходе общества от индустриальной стадии капитализма к постиндустриальному обществу потребления, за чем следует и смена мифологического образа поколения, как отмечают многие философы и исследователи, “от Эдипа к Нарциссу” (Разинов Ю.А., 2019). Прошлая эпоха фокусировалась на труде, накоплении, переносе желаний на будущее, формируя “ограниченный индивидуализм”, тогда как настоящее время в приоритеты ставит потребление, моментальное удовлетворение желаний, ценность личных достижений, определяя “тотальный индивидуализм” (Разинов Ю.А., 2019). Культура успеха и распространение социальных сетей, огромное количество информации и высокая конкуренция на рынке труда становятся причиной развития нарциссизма. Такой человек обладает повышенным вниманием только на своей персоне, атрибутами которого становятся следующие социально-психологические явления: высокомерие, персонализация, безразличие, пренебрежение моральными нормами, манипулятивность, индивидуализм и переживание бессмысленности жизни (Жукова О.И. и Жуков В.Д. (2015)). Если еще в прошлом веке нарциссизм в большей степени рассматривался как патология, то сейчас нарциссизм становится нормой.

Понятие нарциссизм изменялось с течением времени, вбирая особенности каждого исторического этапа развития европейской культуры: как инструмент предостережения от губительных для человека явлений, способ распространения религиозных догм, как путь самосозерцания и самопознания человека, как символ себялюбия и тщеславия, которые могут давать стимул широкому кругу человеческих достижений и достоинств, как символ кризиса современной личности, иллюзорный мир человека, потеря собственной идентичности, как аутоэротическое сексуальное состояния, как этап развития человека, как черта личности, характеризующаяся крайним индивидуализмом и глубокой деперсонализацией.

Не смотря на большое количество работ, посвященных нарциссизму в рамках одной только психологии, остается неясным конечное определение данного феномена, его механизм формирования и проявления и др. Нарциссизм остается важной темой для понимания внутренней структуры современного человека, объяснения его поведения и возможности прогнозировать дальнейшее развитие общества в целом.

Список использованных источников

1. Жеребин, А.И. О прошлом одной иллюзии. Психоанализ и русское мировоззрение в историко-литературном контексте конца 19-начала 20 веков. Монография / А.И. Жеребин. – СПб.: Петербург – XXI век. 2003. – 104 с.
2. Жукова, О.И. Нарциссический» человек как символ современного социума / О.И. Жукова, В.Д. Жуков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №1-2. – С. 203-206.
3. Лаврова, Н.Л. Мотивный комплекс Нарцисса: от мифа к сюжету / Н.Л. Лаврова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки, 2011. №1. – С. 541-550.
4. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Герберт Маркузе ; [Пер. с англ. А.А. Юдина]. – Москва : АСТ : Ермак, 2003. – 312 с. – ISBN 5-17-005059-3.
5. Мучник, П. Моральная непостижимость и самоконституирование у Канта / П. Мучник // Кантовский сборник. 2014. №4. – С. 17-38.
6. Ничепорук, Е.В. История развития представлений о неклиническом нарциссизме // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика / Е.В. Ничепорук. – Пермь. – № 1(7), 2023. – С. 179-183.
7. Овидий. Любовные элегии, Метаморфозы, Скорбные элегии // пер. с латин. С.В. Шервинского; вступ. статья С. Ошерова; коммент. М. Томашевской. – Москва : Худож. лит-ра., 1983. – 512 с.

8. Пукшанская, И.П. «Божественная комедия» Данте Алигьери как начало ренессансного самосозидания человеческой души / Пукшанская И.П. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2009. №2. – С. 120-127.
9. Разинов, Ю.А. От Эдипа к Нарциссу: по краям общества потребления / Ю.А. Разина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2019. № 1 (25). – С. 3-14.
10. Стародубцева, Л.В. Философский нарциссизм и припоминание / Л.В. Стародубцева // Мир психологии. 2002. №2. – С. 200-209.
11. Толстенко, А.М. «Политический разум» Никколо Макиавелли / А.М. Толстенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения, 2009. №4. – С. 221-229.
12. Торубарова, Т.В. Скепсис М. Монтеня как путь человека к самому себе / Т.В. Торубарова // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2017. №10 (259). – С. 5-11.
13. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд. – Москва : АСТ, 2009. – 320 с.
14. Фрейд, З. О введении понятия «нарциссизм» / З. Фрейд // Психология бессознательного. Москва : СТД. – 2006. – С. 39-73.
15. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов / А. Ханзен-Леве. – СПб. : Академический проект, 1999. – 816 с.
16. Шамшикова, О.А. Миф о Нарциссе: экскурс в историю – от Античности к современности / О.А. Шамшикова // Социокультурные проблемы современной молодежи. Материалы II Международной научно-практической конференции. Ч.1. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2007. – С.140-151.
17. Шварц-Салант, Н. Нарциссизм и трансформация личности. Психология нарциссических расстройств личности Н. Шварц-Салант. – Москва : Класс, 2007. – 296 с.
18. Graves R. Discoveries in Greek mythology // Hudson Review. 1954. №7. – С. 167–181.
19. Jacoby M. Individuation and Narcissism // The Psychology of the Self in Jung and Kohut, tr. From the German by Myron Guibitz. London.: Imprint Routledge, 1991. – 280 с.
20. Kassner R. Narziss, oder Mythos und Einbidungskraft // Samtl. Werke. Hrsg. Von E.Zinn u. K.E.Bohenkamp. Pfullingen. 1978. Bd. IV. – P. 219.
21. Pulver S.E. Narcissism: The term and the concept // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1970. №18. – С. 319-341.
22. Sartorius B. der Muthos von Narziss: Notwendigkeit und Grenzen der Reflexion // Analyt. Psychologie. Basil: Karger, 1981. №12 (4). – С. 286-97.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К СОБСТВЕННОЙ ВНЕШНОСТИ У РЕЛИГИОЗНО- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДЕВУШЕК

Оленникова Марина Васильевна
доцент, канд. психол. наук, доцент
(mariola@mail.ru)

Лучшева Людмила Михайловна
канд. психол. наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(РФ, г. Санкт-Петербург)
(lucseva@mail.ru)

В статье рассматривается отношение к собственной внешности у религиозно-ориентированных и нерелигиозных девушек. Показано самоотношение и образы физического Я студенток, установлены между ними взаимосвязи.

Ключевые слова: самоотношение, религиозно-ориентированные студентки, физическое Я.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ATTITUDE TO ONE'S OWN APPEARANCE AMONG RELIGIOUSLY ORIENTED GIRLS

Olennikova Marina Vasilyevna
Associate Professor, PhD. Professor of Psychology, Associate Professor of Peter the Great
(mariola@mail.ru)

Luchsheva Lyudmila Mikhailovna
cand. Professor of Psychology, Associate Professor of Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University (Russian Federation, St. Petersburg)
(lucseva@mail.ru)

The article examines the attitude of religiously oriented and non-religious girls to their own appearance. The self-relation and images of the physical self of the students are shown, and the interrelationships between them are established.

Key words: self-attitude religiously oriented female students, physical self.

Психология религиозно-ориентированного человека связана с глубинными трансперсональными переживаниями, религиозными установками, чувствами, ценностями [6]. По мнению В. Джеймса, под религией следует понимать «совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности,

поскольку их содержанием устанавливается отношение ее к тому, что она почитает Божеством» [4, с.14].

Центром религиозного самосознания верующего человека является понятие «Дух» как категория надприродная, метафизическая [1]. Одним из последствий диалога психологической науки и богословия является представление о личности в контексте душевного, материального и духовного. Религиозные переживания человека, процесс формирования личности религиозно-ориентированных людей представляют большой интерес для академической психологии.

В частности, актуальны вопросы, связанные с формированием «Образа Я» и особенностями самоотношения у нерелигиозных и религиозно-ориентированных людей.

Необходимо отметить, что заявленная проблема изучена недостаточно. Можно сослаться на работу Р.В. Маркина, и Т.И. Сурьяниновой где показано, что «формы религиозной ориентации тесно связаны с уровнем эмпатии личности и особенностями самоотношения» [6, с. 382]. Этот вывод укладывается в представления Л.С. Выготского, согласно которым самосознание представляется как один из результатов процесса взаимодействия человека с культурой и обществом, в котором религия занимает важное место [3].

Современная психология все большее внимание уделяет изучению взаимосвязей телесного и психического. Тема телесности раскрывается в новом контексте – обозначения активной роли человека в преобразовании и развитии телесных феноменов. Тело – не только аватар –местилище психического, субъектного, но и объект, с которым коммуницируют другие люди. Внешность человека является знаком, который передает информацию о его многочисленных качествах [2]. В этом контексте необходимо подчеркнуть, что содержание Я-концепции зависит как от самооценки, так и от реакции на оценки других людей.

Сниженная самооценка, тревожность могут быть последствиями неудовлетворительной оценки своего внешнего облика, роль [7]. При этом в процессе воспитания важно помнить, что основой психического здоровья является внутренняя убежденность в своей ценности и уникальности.

Позитивное самоотношение связано с верой в свои силы, обуславливает ожидание успешности в различных ситуациях. Негативное самоотношение является источником различных коммуникативных трудностей.

Образ физического «Я» человека вбирает в себя не только физиологические аспекты, но и социальные, которые, выражаются в стереотипных, эталонных представлениях о внешности и наряду с образом тела включают внешние компоненты имиджа.

Тема телесности раскрывается также в контексте обозначения активной роли человека в преобразовании и развитии телесных феноменов.

Следует отметить также возрастающий теоретический и практический интерес к проблеме влияния оценки внешнего облика на качество жизни человека. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о тесной связи показателя удовлетворенности внешним обликом с интегративным показателем субъективного благополучия.

Актуальность проблемы возрастает в контексте представлений о влиянии внешнего облика не только на различные аспекты жизни, в частности связанные с самопредъявлением и коммуникативной успешностью, но и выражает стремление к активному преобразованию внешности, способствующему профессиональной успешности, уверенности в себе и, в конечном счете, позволяющему стать более счастливым.

Триада: «внешний облик – качество жизни – субъективное благополучие» отчетливо прослеживается во многих работах [5]. В связи с этим возникают вопросы, связанные с отношением к внешнему облику, субъективной ценности такого отношения у людей, принадлежащих к разным социальным группам.

В контексте исследования обозначенных проблем мы обратились к изучению проблемы самоотношения религиозно-ориентированных девушек. К этой теме нас подтолкнули встречи и беседы с девушками-прихожанками православных приходов и студентками Духовной семинарии.

Подчеркивалось, что эта проблема не только интересует их, но и воспринимается довольно остро, так как всевозможные информационные

ресурсы предлагают готовые стандарты «идеальной женщины» как внешние, так и внутренние.

Исследования включали эмпирическое изучение проблемы с помощью следующих методик: методика исследования самоотношения к Образу Физического Я (МИСОФ) А.Г. Черкашиной; методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева (МИС); тест «Инспирит» Дж. Касса; мультимодальный опросник отношения к собственному телу Томаса Кэша. (MBSRQ).

С целью получения достоверных результатов мы сравнивали показатели религиозных девушек с аналогичными показателями девушек, которые не причисляли себя к религиозным.

В начале исследования мы определяли степень выраженности религиозных переживаний, что в сочетании с результатами интервью позволило выделить две группы респондентов с высокими и низкими значениями показателей выраженности базовых духовных переживаний. В дальнейшем представителей первой группы мы будем обозначать термином «религиозно-ориентированные студентки», а респондентов второй группы термином «нерелигиозные студентки». Выборка составила 100 человек. Возраст респондентов 18-25 лет, все студентки высших учебных заведений г. Санкт-Петербург.

Нами изучалось как отношение к собственной внешности в целом, так и отношение к отдельным компонентам внешнего облика. Традиционно выделяют три компонента внешности: анатомические (статические), характеризующие особенности анатомического строения человека; функциональные (динамические), характеризующие двигательные, экспрессивные, выразительные особенности; социальные, характеризующие оформление внешнего облика. Указанные показатели оценивались как по критерию самооценки при сравнении себя с другими, так и по критерию субъективной значимости отдельных компонентов внешности.

Главный вывод можно сформулировать следующим образом: отношение к собственной внешности, как у нерелигиозных, так и у религиозно-

ориентированных студенток во многом отражает социальные стандарты, но при этом имеет свою специфику.

По критерию самооценки при сравнении себя с другими девушки обеих групп продемонстрировали высокий уровень удовлетворенности внешностью (56% и 60%). Однако, личностная значимость и самооценка отдельных компонентов внешности различна у нерелигиозных и религиозно ориентированных студенток.

Если в отношении анатомических характеристик достоверных различий не получено, то в отношении функциональных и социальных характеристик такие различия статистически достоверны.

Так, нерелигиозные студентки в сравнении с религиозно-ориентированными выше оценивают динамические компоненты функционирования своего тела, в особенности это касается показателей гибкости ($U=7,49$, $p \leq 0,05$), ловкости ($U=7,12$, $p \leq 0,05$) и быстроты ($U=7,62$, $p \leq 0,05$). Они в большей степени заинтересованы в развитии этих качеств, прежде всего, благодаря занятиям спортом и танцами.

Что касается социальных параметров «Образа Я», то при наличии достаточно высокой личностной значимости оформления внешности, нерелигиозные девушки в сравнении с религиозно ориентированными в значительно большей степени заинтересованы в важности самопрезентации через одежду ($U=7,68$, $p \leq 0,05$) и другие компоненты оформления внешности. Они склонны целенаправленно и осознанно формировать свой имидж, ориентируясь на текущую ситуацию и долгосрочные цели. Эти девушки затрачивают больше усилий, тратят больше средств на то, чтобы хорошо выглядеть.

В группе нерелигиозных девушек четко проявлена тенденция к отслеживанию веса, тревога, связанная со страхом поправиться, увлеченность диетами и готовность к ограничениям ради сохранения приемлемого внешнего вида.

Поскольку нас интересовал вопрос, связанный с включенностью компонентов самооценки в структуру показателей глобального самоотношения,

мы исследовали соответствующие показатели респондентов обеих групп. Статистические различия по ряду показателей самопринятия ($U=7,57$, $p \leq 0,05$), религиозно ориентированные студентки обладают более низким уровнем уверенности в себе и самопринятием.

Корреляционный анализ показал, что показатели глобального самоотношения, отражающие веру в свою успешность в разных областях жизни, положительно связаны с показателями удовлетворенности различными аспектами внешности. Наибольшее количество корреляций обнаружены в отношении социальных показателей внешности.

Таким образом, мы считаем, что научные исследования различных аспектов религиозности, в том числе и психологии телесности, позволят более осознанно подходить к созданию и реализации воспитательных программ в контексте психологического благополучия молодежи, детерминант поведения.

Список использованных источников

1. Белая, А.К. Особенности самосознания религиозной личности / А.К. Белая, Е.Е. Чурилова // АНИ: педагогика и психология. 2021. №1 (34). – С.326-330.
2. Бескова, Д.А. Телесность как пространственная структура / Д.А.Бескова, А.Ш. Тхостов // Междисциплинарные проблемы психологии телесности. / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – Москва : 2004. – С.133-148
3. Выготский, Л. С.: собр. соч.: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина / Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика, 1984. – 432 с.
4. Джеймс, В. Многообразие религиозного опыта / В. Джеймс. Пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович, М. В. Шик – Москва : Наука, 1993. – 431 с.
5. Кайт, Л. Больше чем тело. Принять и полюбить / Л. Кайт. Пер. с англ. О. Медведь. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 400 с.
6. Маркин, Р.В. Особенности самоотношения и эмпатии в контексте проблемы религиозного комплекса / Р.В. Маркин, Т.И. Сурьянинова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №1. – С.376-377.
7. Соколова, Е.Т. Исследования «образа тела» в зарубежной психологии / Е.Т. Соколова, А.Н. Дорожевец // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. - 1985. - № 4. – С. 39-49.

**РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ МОЗГ – РАСПРЕДЕЛЕННАЯ
НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ НАВИГАЦИОННО-ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ
СЕМЬИ (К ПРОБЛЕМАТИКЕ ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА)**

Папков Валерий Евгеньевич

*канд. мед. наук, доцент кафедры философии и психологии,
Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
Министерства здравоохранения Российской Федерации (РФ, г. Донецк)
(papkovvalery@rambler.ru)*

Станина Валерия Михайловна

*студент магистратуры
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(staninavaleriya@mail.ru)*

Дзадзамия Стефания Дмитриевна

Студент 1 лечебного факультета

Христуленко Артем Андреевич

Студент 1 лечебного факультета

Ларионов Константин Константинович

Студент 1 лечебного факультета

Боечко Сергей Дмитриевич

Студент 1 лечебного факультета

*Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(РФ, г. Донецк)*

Р. Сперри и М. Газзанига выявили наличие альтернативных модусов личности и сознания в каждом из полушарий головного мозга. Тем не менее, за весь этот период в нейропсихологии отношение к профилю функциональной межполушарной асимметрии остается в узких рамках индивидуальных различий. Межличностные отношения в патриархальном браке позволяют реализовать более контрастные индивидуальные латеральные профили ФМА, взаимодополняющие друг друга. Гендерная специализация межполушарного взаимодействия позволяет разделить информационные потоки между двумя группами людей, формируя тем самым гендерный разрыв.

Ключевые слова: межполушарной асимметрии, гендер (gender), навигация, брачные структуры, менопауза, сознание, гендерный (gender) разрыв.

**DISTRIBUTED BRAIN – DISTRIBUTED NEUROPSYCHOLOGY OF THE
FAMILY'S NAVIGATION AND GENDER SYSTEM (ON THE GENDER GAP)**

Papkov Valery Evgenievich

*Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology,
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
Ministry of Health of the Russian Federation (Russian Federation, Donetsk)
(papkovvalery@rambler.ru)*

Stanina Valeria Mikhailovna
Master's degree student
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)
(staninavaleriya@mail.ru)
Zadzamiya Stefania Dmitrievna
Student of the 1st medical faculty
Hristulenko Artem Andreevich
Student of the 1st medical faculty
Larionov Konstantin Konstantinovich
Student of the 1st medical faculty
Sergey Dmitrievich Boenko
Student of the 1st medical faculty
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
Ministry of Health of the Russian Federation (Russian Federation, Donetsk)

R. Sperry and M. Gazzaniga revealed the presence of alternative modes of personality and consciousness in each of the hemispheres of the brain. Nevertheless, during this entire period in neuropsychology, the attitude to the profile of functional hemispheric asymmetry remains within the narrow framework of individual differences. Interpersonal relationships in a patriarchal marriage make it possible to realize more contrasting individual lateral profiles of PMA that complement each other. The gender specialization of interhemispheric interaction makes it possible to divide information flows between two groups of people, thereby forming a gender gap.

Key words: hemispheric asymmetry, gender, navigation, marital structures, menopause, consciousness, gender gap.

Р. Сперри и М. Газзанига (1981), в экспериментах по рассечению мозолистого тела, выявили наличие альтернативных модусов личности и сознания в каждом из полушарий головного мозга. Были проведены исследования профилей функциональной межполушарной асимметрии (ФМА) головного мозга у сотрудников областного управления Ворошиловградского (Луганского) КГБ СССР (Чуприков А.П., 1985), выявившие взаимозависимость профилей ФМА от занимаемого места в иерархии упомянутой организации и функциональных обязанностей сотрудников. В контексте данного подхода к ФМА следует упомянуть исследования группового асимметричного поведения животных, проведенных биологами (Гилёв А.Н., Каренина К.А., Малашичев Е.Б. [1, 2]). Определенные обобщения в культурно-общественном распределении ФМА были сформулированы семиотиками, филологами и лингвистами Ю.М. Лотманом, Вяч. Вс. Ивановым, У. Эко, Р. Якобсоном и другими. Особого

внимания заслуживают многочисленные исследования и наблюдения гендерной обусловленности ФМА. Тем не менее, за весь этот период (более 50 лет) в нейропсихологии и психологии отношение к профилю ФМА остается в узких рамках индивидуальных различий, что, в общем-то, противоречит всей логике предыдущего развития в данной области знаний.

Цель. Очертить эпистемологию формирования распределенных систем сознания и человеческой навигации как результата возникновения менопаузы [6-8], а позже брачных структур (по К. Леви-Стросу) [8], сформировавшихся на фоне ФМА [8-11] и, соответственно – гендерного разрыва (gender gap) [13].

Материалы и метод. Применен метод генетической эпистемологии в изучении навигационных процессов с их двухкодовым семиотическим взаимодействием [14-17]. Проводится сравнительное обобщение данных наблюдений за навигационным поведением человека в контексте его гендерного разрыва [13].

Обсуждение и результаты. Нами был разработан метод нейропсихологического исследования группы связанных лиц: группового интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии (ГИПФМА), достоинством и инновационной новизной, которого является выявление факторов межполушарного трансперсонального взаимодействия ряда лиц, объединенных (какой-то деятельностью) в группу (коллектив) связанных лиц [18-21]. Можно полагать, что межличностные отношения в патриархальном браке позволяют реализовать более контрастные индивидуальные латеральные профили ФМА, взаимодополняющие друг друга [10, 11, 22-25]. Выявление особенностей семиотико-лингвистических парадигм языков правого и левого полушария, а также определение их взаимного функционирования в интегративном межполушарном модусе сознания позволяет сделать предположение, что современное феноменологическое сознание сформировано в рамках многопоколенных традиций патриархальной семьи [10, 11, 22-25], когда происходит гендерное перераспределение ролей межполушарной специализации в соответствии с физиологическими ролями присущими каждому полу, как

взаимодействие контрлатерально доминирующих ФМА [10, 11, 22-25]. Пара лиц с противоположным доминированием ФМА является минимальной структурой интегративного феноменологического сознания, что соответствует брачным отношениям в семье традиционного типа [10, 11, 22-25]. В рамках этой парадигмы следует говорить не только о гендере как эндокринно-соматическом факторе, фундированном генетической субстанцией индивида, но, прежде всего, как факторе, обусловленном специализацией ФМА. Гендерная специализация [24, 25] межполушарного взаимодействия позволяет разделить информационные потоки на сукцессивный и симультанный между двумя группами людей, увеличив тем самым скорость их специфической обработки, используя возможности рецессивных контрлатеральных полушарий для коммуникации и интеграции столь различных сознаний, каковыми являются симультанное сознание левополушарных мужчин с речевым строем, описываемым в терминах генеративной грамматики Н. Хомского и сукцессивное сознание правополушарных женщин, с речевым строем, описываемым в терминах грамматики Ч. Осгуда [10, 11, 22-25].

Выводы. Значение семиотической конвергенции в ГИПФМА семьи на микроуровне (нейропсихологии ФМА распределенного мозга семьи) соответствует на макроуровне индексам гендерного разрыва общественно-политического устройства, что позволяет интерпретировать их синонимично как явления, имеющие в основе семиотическую распределенную навигационно-гендерную гетерогенность, задаваемую наличными брачными структурами и семейными структурами на основе менопаузы.

Список использованных источников

1. Гилев, А.Н. История изучения моторных асимметрий у птиц / А.Н. Гилев, К.А. Каренина, Е.Б. Малашичев // Рус. орнитол. журн. 2011. – № 664. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-motornyh-asimmetriy-u-ptits> (дата обращения: 02.12.2024).
2. Каренина, К.А. Асимметрия мозга и материнско-детские взаимоотношения млекопитающих: монография / К.А. Каренина, А.Н. Гилев, Е.Б. Малашичев // Издательство «Лань». 2019. – 204 с.

3. Adaptive Prolonged Postreproductive Life Span in Killer Whales / Emma A. Foster, Daniel W. Franks, Sonia Mazzi, Safi K. Darden, Ken C. Balcomb, John K. B. Ford, and Darren P. Croft // SCIENCE 14 Sep 2012, Vol 337, Issue 6100, p. 1313. DOI: 10.1126/science.1224198
4. Brent, Lauren & Franks, Daniel & Foster, Emma & Balcomb, Kenneth & Cant, Michael & Croft, Darren. (2015). Ecological Knowledge, Leadership, and the Evolution of Menopause in Killer Whales. Current Biology. doi.org/10.1016/j.cub.2015.01.037. 10.1016/j.cub.2015.01.037.
5. By Ed Yong Why Killer Whales (and Humans) Go Through Menopause / The Atlantic, January 12, 2017. – URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2017/01/why-do-killer-whales-go-through-menopause/512783/> (дата обращения 02.12.2024).
6. Папков, В.Е. Эволюционные аспекты происхождения менопаузы в контексте навигационно-гендерной антропологии / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 63-70. – EDN RAGTLI.
7. Папков, В. Е. Диалектика Сократа в парадигме навигационной антропологии картезианского дуализма / В. Е. Папков // Философия в мире: история и современность: Сборник научных трудов IX Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т.Н. Брысиной, Ульяновск, 26–27 апреля 2024 года. – Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2024. – С. 104-111. – EDN HBNESH.
8. Valery E. Papkov Distributed navigation and gender the family system in the era of the second demographic transition // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” Part 1, October 9, 2024. Beijing, PRC, pp. 64-71. – DOI 10.34660/INF.2024.47.62.101
9. Папков, В. Е. Гендер в контексте картезианской антропологии (как навигационный конструкт личности и семьи) / В. Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Донецк, 07 декабря 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 359-366. – EDN TZPBJQ.
10. Папков, В. Е. Семиотика гендера и семьи в контексте распределенной системы экологической навигации / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 83-93. – EDN KMJFYQ.
11. Папков, В. Е. Модель глоттогенеза в контексте семиотики эгоцентрической речи и расстройств гендерной идентификации у детей / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 63-72. – EDN VAJGBA.
12. Папков, В. Е. Проект картезианской антропологии / В. Е. Папков // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Сибай, 24

ноября 2023 года. – Сибай: Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 205-207. – EDN VZORBE.

13. Папков, В. Е. К проблеме гендерного разрыва (разворота) в контексте второго демографического перехода / В. Е. Папков // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки, Москва, 27–29 сентября 2024 года. – Москва: Русское общество истории и философии науки, 2024. – С. 293-297. – EDN DUMEGU.
14. Папков, В. Е. Очерк картезианской антропологии / В. Е. Папков // Антропосфера. Герменевтика. Интеракция: Сборник трудов Всероссийской научной конференции, Орел, 16–17 ноября 2023 года. – Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2023. – С. 236-254. – EDN EEIEWV.
15. Папков, В. Е. Семиотика рефлексорного и пострефлексорного поведения как проблематика экологической навигации / В. Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 215-223. – EDN AXZDDG.
16. Папков, В. Е. Эволюционно-экологические аспекты когнитивного оператора опорно-двигательной системы человека / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 78-87. – EDN NOQZRV.
17. Папков, В.Е. Эпистемология антропогенеза, глоттогенеза и гендера в контексте навигации и картезианской антропологии / В. Папков // Карбышевские чтения. Наше дело правое - победа будет за нами!: Сборник научных трудов молодых ученых Международной научно-практической конференции, Тюмень, 06–08 декабря 2023 года. – Тюмень: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова» Министерства обороны Российской Федерации, 2023. – С. 324-331. – EDN EYDAST.
18. Папков, В.Е. Эпидемиологический скрининг риска возникновения расстройств аутистического спектра у детей / В. Е. Папков, Е. М. Фомичева // Перспективы отраслевого взаимодействия в комплексной реабилитации: Материалы V Международной научно-практической конференции, Орёл, 20–21 октября 2022 года / Под общей редакцией А.И. Ахуловой, науч. редактор Е.Г. Речицкая. – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2023. – С. 256-263. – EDN YSHWMR.
19. Папков, В.Е. Гигиенические аспекты профилактики и принципы персонифицированного восстановления расстройств аутистического спектра у детей: диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Папков Валерий Евгеньевич, 2023. – 160 с. – EDN ASYTBV.

20. Кулемзина, Т.В. Методика исследования группового интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // Российская девиантологическая панорама: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 180-185. – EDN ABJTDP.
21. Кулемзина, Т.В. Способ выявления семей групп риска детей с расстройствами аутистического спектра / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков, С. В. Красножон // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 9. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 277-279. – EDN ILBZIR.
22. Папков, В.Е. Семья как распределенная навигационно-гендерная система / В. Е. Папков // Актуальные вопросы развития института семьи и сохранения семейных ценностей в контексте современной государственной политики: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15 мая 2024 года. – Ростов-на-Дону: РАНХиГС, 2024. – С. 39-46. – EDN KAEAAH.
23. Кулемзина, Т.В. Теоретико-методологические аспекты изучения семьи в картезианской навигационно-гендерной парадигме / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков, С. В. Красножон // Психолого-педагогическое образование родителей: история, современность, перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Таганрог, 30 мая 2024 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2024. – С. 190-196. – EDN QFONGY.
24. Папков, В.Е. Гендер в контексте картезианской антропологии (как навигационный конструкт личности и семьи) / В. Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Донецк, 07 декабря 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 359-366. – EDN TZPBJQ.
25. Папков, В.Е. Гендер как психогигиенический фактор риска второго демографического перехода / В. Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 166-172. – EDN JXXDSI.

**РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ СИСТЕМЫ СОЗНАНИЯ И НАВИГАЦИИ:
БРАЧНЫЕ СТРУКТУРЫ К. ЛЕВИ-СТРОСА И МЕНОПАУЗА
(К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА)**

Папков Валерий Евгеньевич

*канд. мед. наук, доцент кафедры философии и психологии,
Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(РФ, г. Донецк) (papkovvalery@rambler.ru)*

Станина Валерия Михайловна

*студент магистратуры
Донецкий государственный университет
(РФ, г. Донецк) (staninavaleriya@mail.ru)*

Анализируется двойное ограничение прокреации человека как формирующих распределенную систему навигации и сознания: вначале – менопауза с ее укорочением фертильного периода женщин, а позже – брачные структуры (по К. Леви-Стросу) с их культурным запретом инцестуальных половых (sex) связей, с последующим порождением гендерного (gender) разрыва, семиотическом заполнении которого численность человеческой популяции увеличилась в 10^5 сравнительно с другими животными с такой же массой тела.

Ключевые слова: менопауза, гендер (gender), навигация, брачные структуры, сознание, гендерный (gender) разрыв, семиотический Рубикон.

**DISTRIBUTED SYSTEMS OF CONSCIOUSNESS AND NAVIGATION:
MARRIAGE STRUCTURES OF K. LEVI-STRAUSS AND MENOPAUSE
(TO THE PROBLEM OF THE GENDER GAP)**

Papkov Valery Evgenievich

*Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology,
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
Ministry of Health of the Russian Federation
(Russian Federation, Donetsk) (papkovvalery@rambler.ru)*

Stanina Valeria Mikhailovna

*Master's degree student
Donetsk State University
(Russian Federation, Donetsk) (staninavaleriya@mail.ru)*

The double limitation of human procreation as forming a distributed system of navigation and consciousness is analyzed: first, menopause with its shortening of the fertile period of women, and later – marital structures (according to K. Levi–Strauss) with their cultural prohibition of incestuous sexual relations, followed by the

generation of a gender gap, after the semiotic filling of which the human population increased by 10^5 compared to other animals with the same body weight.

Key words: menopause, gender, navigation, marital structures, consciousness, gender gap, semiotic Rubicon.

В опубликованных ранее текстах посвященных проблематике навигационно-гендерной антропологии [1-12], нами на основе модели двухкоординатного и двухкодowego пространства аллоцентрической и эгоцентрической навигации [1, 2] была постулирована бинарная структура образа мира человека, находящаяся в основании биологических, когнитивных и сознательностных структур психики и деятельности [1, 2], с наличием распределенной системы двух (аллоцентрического и эгоцентрического) навигационных операторов сознания [1, 2]. Из которых аллоцентрический является общим у человека с остальными животными, а эгоцентрический навигатор был топологически модифицирован в антропогенезе [3], в результате чего у человека произошло не просто расширение эгоцентрического пространства, но и с перекрытием внешних границ аллоцентрического пространства. Где мозг человека оказался местом пересечения и когерентности двух навигаций, а экологическую среду можно было бы интерпретировать как двух координатное пространство навигации, в котором специфика человека с его сознанием и языком (как «домом бытия» по М. Хайдеггеру) трактуется как результат этого «пересечения». Два когнитивных оператора навигации (=gender) в онтогенезе посредством громкой эгоцентрической речи [1, 8] формируют внешнюю коммуникацию мозга индивидуума, наряду с внутренней реципрокной межполушарной коммутацией [1, 8]. Вследствие чего речь индивидуума (язык человека) имеет, как минимум, двухкодую структуру асимметричного типа, с доминирующим преобладанием одного из кодов (из-за реципрокности полушарных коммутаций), обуславливая последующее формирование агглютинирующей системы социальности – семьи, как уже полной, распределенной, взаимодополняющей навигационно-гендерной системы сознания [1, 7-12]. Реципрокное взаимодействие навигаторов в мозге индивидуума позволяет обосновать трансгендерный, переключающийся

(эпилептиформный) архетип Трикстера или – «андрогинна» в аналитической психологии К. Юнга. Эту интерференцию когерентности (эпилептиформность) двух навигаций естественному отбору удалось преодолеть еще в период антропогенеза введением менопаузы [4, 6, 13-15] с формированием на ее основе первичной системы распределенного сознания и экологической навигации [7-12].

Цель. Очертить эпистемологию формирования распределенных систем сознания и человеческой навигации как результата возникновения менопаузы [4, 6, 13-15], а позже брачных структур (по К. Леви-Стросу), сформировавших гендерный разрыв (gender gap) [5] и, как следствие – демографический взрыв человечества.

Материалы и метод. Проводится сравнительное обобщение данных наблюдений за навигационным поведением косаток, находящихся в менопаузе [13-15], и навигационным поведением человека в контексте его гендерного разрыва [1, 5]. Применен метод генетической эпистемологии в изучении навигационных процессов с их двухкодовым семиотическим взаимодействием [1].

Обсуждение и результаты. Эволюционно-культурный генезис двух операторов экологической навигации сформировал два типа гендера [1, 5, 7-9]: аллоцентрический – «феминный» и эгоцентрический – «маскулинный» [1, 5, 7-9]. Поскольку период фертильности у женщин равен периоду менопаузы, то ничто не мешает сложиться такой структуре навигационной системы семьи, когда в ранних периодах существования человечества носителями гендера эгоцентрической навигации становились старшие женщины [4, 6], находящиеся в менопаузе, возглавлявшие матриархальную семью, подобно тому, как это происходит у касаток, также приобретших в эволюции менопаузу [13-15]. И у касаток, и у *homo sapiens* первичные матриархальные структуры на основе менопаузы женщин старшего поколения реализовали пищевую навигацию поиска [13-15], создав первый тип семейных распределенных навигационно-гендерных структур сознания, с распределением ролей аллоцентрической и эгоцентрической навигации между женщинами фертильного возраста и женщинами старшего возраста, находящимися в менопаузе [4, 6-12].

Фертильность пронизана протяженной цикличностью навигационного функционирования и предполагает сукцессивность и семантическую последовательность, что специфично для аллоцентрической навигации. Симмультианность или одновременность ориентации в окружающем пространстве более характерна для эгоцентрической навигации, которая может быть обеспечена женщинами *homo sapiens* (или самками касаток) в период менопаузы [4, 6, 13-15]. Следует указать на редкость и необычность такой адаптации как менопауза, свойственной среди наземных млекопитающих только человеку, а среди водных – двум видам – касаткам и китам-лоцманам [13-15]. Что позволяет непротиворечиво объяснить возникновение менопаузы у касаток как способа перераспределения функций аллоцентрического навигатора, а у человека как фона для персонификации эгоцентрического оператора [4], с метафорой Сократа о себе как женщине, находящейся в менопаузе [6]. Где каждый гендер являет собой специализированный когнитивный оператор в одном из интерферирующих навигационных пространств окружающего мира [1, 2, 7]. Однако, менопауза у касаток и человека формирует различные последствия: у человека последующее распределение между двумя индивидуумами навигационных функций вызвано негативными последствиями взаимодействия двух навигаций, с выраженной интерференцией архетипа Трикстера в парадигме К.Юнга [4, 6]. У касаток же произошло групповое распределение функций между пищевым аллоцентрически-групповым ориентированием самки в менопаузе и прокреационной аллоцентрической навигацией фертильных самок [13-15]. У человека на фоне навигационно-гендерных структур матриархальной семьи с ее инцестуальными отношениями и менопаузой, сформировались вторичные патриархальные брачные структуры навигации, зафиксированные парадигмой К. Леви-Строса, с радикальным запретом инцеста и жестким контролем половых (sex) отношений, что определило механику гендерного разрыва [5]. Обусловившего демографический взрыв человечества в последние 4 тысячи лет его существования [1, 9]. Мужчинам и женщинам присущи оба типа оператора навигации [1, 8]. И если

навигационно-гендерное распределение в менопаузе запускало при ее наступлении у женщин инверсию навигационного доминирования [4, 6], то специализация мужчин в эгоцентрической навигации вовсе не нуждалась в таком переключении навигаторов в середине жизненного пути с фертильности на менопаузу, что само по себе обеспечивало конкурентное преимущество брачных структур перед матриархальной системой семьи, что, собственно, и закрепило успешность патриархальной революции. Соответствие гендера (как одного из двух типов навигации) в традиционных сообществах формируется вторично и атрибутивно-символически, как результат онтогенеза индивидуума, определяемого культурой: женского пола – с аллоцентрическим, а мужского пола – с эгоцентрическим навигатором. В результате такого двойного ограничения, сначала менопаузой, а позже культурным запретом инцеста, возникла определенная симметрия: менопаузы, с одной стороны и культурного запрета инцестуальных половых отношений, с другой. Биологический вид животных с массой тела особей 100 кг при двух таких ограничениях в половых репродуктивных функциях (природных и культурных) смог размножиться и расселиться на планете с огромным демографическим отрывом в 10^5 от остальных млекопитающих с аналогичной массой тела. Что предполагает явную корреляционную связь между парадоксальным ограничением полового репродуктивного поведения (посредством менопаузы и брачных патриархальных структур) и гиперболическим, взрывным демографическим ростом популяции *homo sapiens* (= человечества). Иначе говоря, введение двух существенных ограничений полового размножения у *homo sapiens*, сначала в виде менопаузы у женщин второго периода жизненного цикла, а затем культурных брачных ограничений инцеста, вызвало небывалый рост численности популяций этих самых *homo sapiens*. Формирование распределенной системы навигации среди половых и возрастных групп, в итоге приведших к формированию многопоколенной семьи патриархального типа, вызвало небывалый гендерно-семиотический разрыв между гендерами – операторами навигации и одновременно членами этой распределенной семейно-

навигационной структуры. Заполнение гендерно-семиотического разрыва возможно за счет увеличения численности новых поколений, выполняющих роль семиотических компенсаторов этого гендерного разрыва.

Выводы. Классическая патриархально-рекурсивная структура семьи предполагает свое воспроизводство через обмен женщинами, что всегда сопровождалось определенным уровнем насилия и, соответственно, конфликтностью со стороны рекурсивных эгоцентрических навигационных гендерных структур по отношению к аллоцентрическим (= семантическим) гендерным формированиям. Что обуславливало и поддерживало на высоком уровне, с одной стороны, выраженную навигационно-гендерную специализацию членов семьи, с другой – семиотический гендерный разрыв (gender gap) между ними, неумолимо требующий своего прокреационного заполнения детьми. При этом показатель емкости семиотической лакуны гендерного разрыва (gender gap) распределенной гендерно-навигационной системы семьи определяет фертильно-прокреационный коэффициент отдельной семьи. Высокие показатели гендерного разрыва (gender gap) и, соответственно, прокреационного потенциала семьи, определяют фактор превенции расстройств аутистического спектра, гендерной идентичности, формируя высокий уровень расширенного воспроизводства детей.

Список использованных источников

1. Папков, В. Е. Очерк картезианской антропологии / В. Е. Папков // Антропосфера. Герменевтика. Интеракция: Сборник трудов Всероссийской научной конференции, Орел, 16–17 ноября 2023 года. – Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2023. – С. 236–254. – EDN EEIEWV.
2. Папков, В. Е. Семиотика рефлексорного и пострефлексорного поведения как проблематика экологической навигации / В. Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 215–223. – EDN AXZDDG.
3. Папков, В. Е. Эволюционно-экологические аспекты когнитивного оператора опорно-двигательной системы человека / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 78–87. – EDN NOQZRV.

4. Папков, В. Е. Эволюционные аспекты происхождения менопаузы в контексте навигационно-гендерной антропологии / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 63-70. – EDN RAGTLI.
5. Папков В.Е. К проблеме гендерного разрыва (разворота) в контексте второго демографического перехода / В. Е. Папков // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей / Русское общество истории и философии науки. Москва: Издательство РОИФН. 2024. – С. 297–302.
6. Папков, В. Е. Диалектика Сократа в парадигме навигационной антропологии картезианского дуализма / В. Е. Папков // Философия в мире: история и современность: Сборник научных трудов IX Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т.Н. Брысиной, Ульяновск, 26–27 апреля 2024 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2024. – С. 104-111. – EDN HBNESH.
7. Папков, В. Е. Гендер в контексте картезианской антропологии (как навигационный конструкт личности и семьи) / В. Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Донецк, 07 декабря 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 359-366. – EDN TZPBjq.
8. Папков, В. Е. Семиотика гендера и семьи в контексте распределенной системы экологической навигации / В. Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 83-93. – EDN KMJFYO.
9. Папков, В. Е. Гендер как психогигиенический фактор риска второго демографического перехода / В. Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 166-172. – EDN JXXDSI.
10. Папков, В. Е. Семья как распределенная навигационно-гендерная система / В. Е. Папков // Актуальные вопросы развития института семьи и сохранения семейных ценностей в контексте современной государственной политики: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15 мая 2024 года. – Ростов-на-Дону: РАНХиГС, 2024. – С. 39-46. – EDN KAEAAH.
11. Кулемзина, Т. В. Теоретико-методологические аспекты изучения семьи в картезианской навигационно-гендерной парадигме / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков, С. В. Красножен // Психолого-педагогическое образование родителей: история, современность, перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Таганрог, 30 мая 2024 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2024. – С. 190-196. – EDN QFONGY.

12. Valery E. Papkov Distributed navigation and gender the family system in the era of the second demographic transition // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” Part 1, October 9, 2024. Beijing, PRC, pp. 64-71. DOI 10.34660/INF.2024.47.62.101
13. Adaptive Prolonged Postreproductive Life Span in Killer Whales / Emma A. Foster, Daniel W. Franks, Sonia Mazzi, Safi K. Darden, Ken C. Balcomb, John K. B. Ford, and Darren P. Croft // SCIENCE 14 Sep 2012, Vol 337, Issue 6100, p. 1313. DOI: 10.1126/science.1224198
14. Brent, Lauren & Franks, Daniel & Foster, Emma & Balcomb, Kenneth & Cant, Michael & Croft, Darren. (2015). Ecological Knowledge, Leadership, and the Evolution of Menopause in Killer Whales. Current Biology. doi.org/10.1016/j.cub.2015.01.037. 10.1016/j.cub.2015.01.037.
15. By Ed Yong Why Killer Whales (and Humans) Go Through Menopause / The Atlantic, january 12, 2017. –URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2017/01/why-do-killer-whales-go-through-menopause/512783/> (дата обращения 02.12.2024).

УДК 159.99

ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – ОСНОВА УСПЕШНОГО КОНСАЛТИНГА

Пеклун Инна Александровна
магистрант

(innapeklun@yandex.ru)

Буланая Юлия Викторовна

старший преподаватель кафедры философии и психологии
Донецкая академия управления и государственной службы
(РФ, г. Донецк) (buv7777@gmail.com)

В работе рассматривается важность эффективной коммуникации в консалтинге. Проанализированы этапы, способствующие установлению спешной коммуникации консультанта и клиента. Представлены различные инструменты для установления эффективной связи консультантов с клиентами, включая активное слушание, использование открытых вопросов и визуальных инструментов, а также роль технологий в установлении связи с клиентами.

Ключевые слова: коммуникация, эффективная коммуникация, консалтинг, этапы, инструменты.

EFFECTIVE COMMUNICATION – THE BASIS OF SUCCESSFUL CONSULTING

Peklun Inna Alexandrovna

Undergraduate student

(innapeklun@yandex.ru)

Bulanaya Julia Viktorovna

Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Psychology

Donetsk Academy of Management and Public Service

(Russian Federation, Donetsk) (buv7777@gmail.com)

The paper discusses the importance of effective communication in consulting. We analyzed the stages that contribute to the establishment of hasty communication between the consultant and the client. Various tools are presented to establish effective communication between consultants and clients, including active listening, the use of open questions and visual tools, and the role of technology in establishing communication with clients.

Key words: communication, effective communication, consulting, stages, tools.

Эффективная коммуникация является значимым фактором успешного бизнеса, особенно в сфере консалтинга. В условиях быстро меняющегося рынка, где компании сталкиваются с постоянными вызовами и неопределенностью, способность четко и ясно передавать идеи, намерения и стратегии становится решающим фактором для достижения поставленных целей. Консультанты, работающие с различными организациями, должны не только обладать глубокими знаниями в своей области, но и уметь устанавливать доверительные отношения с клиентами, слушать их потребности и предлагать решения, которые действительно работают. В этом контексте эффективная коммуникация не просто вспомогательный инструмент — она становится основным движущим механизмом, позволяющим создавать ценность и достигать результатов.

Коммуникация представляет собой процесс передачи информации от источника к получателю с целью изменить его знания, установки или поведение; это форма активного взаимодействия, которая предполагает собой информационный обмен [1]. Коммуникация в контексте консалтинга играет ключевую роль, поскольку консультанты должны не только передавать информацию, но и обеспечивать ее понимание и применение клиентами. В данном

аспекте важную роль играет понятие «эффективная коммуникация» — это обмен информацией, на основе которого консультант получает возможность принятия эффективных решений и доводит до сотрудников принятые решения [2].

Эффективная коммуникация является ключевым фактором успеха консалтинговых проектов. Важность коммуникаций в этой сфере обусловлена необходимостью создания доверительных отношений между консультантом и клиентом, что влияет на восприятие профессионализма и успех проекта в целом [3]. Эффективное взаимодействие помогает определить и согласовать ожидания, своевременно выявлять и решать проблемы, а также обеспечивает согласованность действий между всеми участниками процесса, что ведет к успешной реализации проекта и достижению его целей. Для достижения эффективной коммуникации, консультантами должны соблюдаться этапы, представленные в таблице.

Таблица.

Этапы установления эффективной коммуникации консультанта с клиентом

№	Этап	Характеристика
1	Определение потребностей	Консультанты начинают с активного слушания и анализа потребностей клиента. Это позволяет им понять, какие знания или изменения в установках необходимы для достижения целей клиента
2	Передача информации	На этом этапе консультанты представляют свои выводы, рекомендации и стратегии. Эффективная коммуникация здесь важна для того, чтобы информация была понятна и доступна для клиента, что может включать использование различных форматов (презентации, отчеты, семинары)
3	Изменение установок и поведения	Целью коммуникации является не просто передача информации, а изменение знаний и установок клиентов. Консультанты должны убедить клиентов в необходимости изменений и поддержать их в процессе внедрения новых подходов
4	Обратная связь	Важно не только передать информацию, но и получить обратную связь от клиента. Это помогает консультанту понять, насколько эффективно была проведена коммуникация и какие дополнительные шаги могут быть предприняты для улучшения понимания и внедрения рекомендаций

Таким образом, коммуникация в консалтинге – это не просто обмен информацией, а активное взаимодействие, которое требует внимательности, эмпатии и способности адаптироваться к потребностям клиента. Эффективная коммуникация способствует созданию доверительных отношений, что в свою

очередь увеличивает вероятность успешного внедрения предложенных решений и достижение поставленных целей

Взаимодействие между консультантом и клиентом начинается с момента их первой встречи. Специалист, имея собственное представление о своих возможностях, пытается в понятной для клиента форме донести до него информацию о том, что именно он с наибольшей эффективностью выполнит предстоящую работу. Консультант и клиент по-разному могут представлять результат консультационной деятельности. Консультант объясняет клиенту, в чем заключается его услуга и в какой форме будет получен результат. Он берется решить все проблемы клиента или только задачи, которые находятся в его компетенции, а также оказывает содействие в поиске наиболее эффективных путей решения задач [4].

Взаимодействие клиента и консультанта может осложняться некоторыми коммуникационными барьерами:

Коммуникационные барьеры между клиентом и консультантом в менеджменте могут проявляться в различных формах. Вот некоторые из них:

- языковые барьеры. Использование специализированной терминологии или профессионального жаргона может затруднить понимание. Если консультант использует сложные термины, клиент может не понять суть;

- разные ожидания. Клиенты могут иметь неопределенные или завышенные ожидания от консультационных услуг, что может привести к недопониманию и разочарованию;

- культурные различия. Различия в культурных нормах и ценностях могут повлиять на восприятие информации и способы взаимодействия;

- эмоциональные барьеры. Страх, недоверие или стресс со стороны клиента могут затруднить открытое общение и восприятие информации;

- отсутствие активного слушания. Если консультант не уделяет должного внимания клиенту или не задает уточняющих вопросов, это может привести к недопониманию;

- неясные цели и задачи. Если цели консультации не четко определены, это может вызвать путаницу и недопонимание между сторонами;

- разное восприятие проблемы. Клиент и консультант могут по-разному воспринимать суть проблемы, что затрудняет совместную работу над ее решением;

- технические барьеры. Проблемы с технологиями (например, плохое качество связи на видеозвонках) могут мешать эффективному общению;

- недостаток времени. Ограниченное время на обсуждение вопросов может привести к недостаточному освещению важных тем;

- неэффективная обратная связь. Если обратная связь не предоставляется или предоставляется недостаточно конструктивно, это может затруднить процесс улучшения взаимодействия.

Преодоление этих барьеров требует активного участия обеих сторон, открытости и готовности к диалогу, а также применения инструментов, которые могут оптимизировать процессы коммуникации, сделать его более качественным и результативным.

Консультанты используют различные инструменты и методы для установления эффективной коммуникации с клиентами [5]:

- активное слушание. Это ключевой навык, позволяющий консультантам понимать потребности и беспокойства клиентов. Он включает в себя внимание к словам клиента, невербальным сигналам и задаванию уточняющих вопросов;

- визуальные средства. Использование диаграмм, графиков и презентаций помогает наглядно представить информацию и облегчить понимание сложных концепций;

- инструменты для совместной работы. Платформы, такие как «Slack», «Microsoft Teams» или «Trello», позволяют консультантам и клиентам легко обмениваться информацией, отслеживать прогресс и управлять проектами;

- опросы и анкеты. Эти инструменты помогают собирать мнения и отзывы клиентов, что позволяет лучше понять их потребности и ожидания;

- презентации и воркшопы. Проведение обучающих сессий или семинаров может помочь клиентам лучше понять предложенные решения и вовлечь их в процесс;

- регулярные встречи. Личные или виртуальные встречи помогают поддерживать связь, обсуждать прогресс и решать возникающие вопросы;

- отчеты и документы. Подробные отчеты о проделанной работе, анализе данных и рекомендациях помогают клиентам видеть результаты и обоснования предложенных решений;

- эмоциональный интеллект. Умение распознавать и управлять своими эмоциями и эмоциями других способствует более эффективному взаимодействию и построению доверительных отношений;

- обратная связь. Регулярное получение и предоставление обратной связи помогает улучшить коммуникацию и адаптировать подход к потребностям клиента;

- технологические инструменты. Использование CRM-систем (например, «Salesforce») для управления взаимоотношениями с клиентами, а также аналитических инструментов для сбора и анализа данных.

Эти инструменты и методы помогают консультантам наладить продуктивное взаимодействие с клиентами, что в свою очередь способствует успешному выполнению проектов и достижению поставленных целей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективная коммуникация в консалтинге является ключевым фактором, определяющим успех взаимодействия между консультантом и клиентом. Умение слушать, задавать правильные вопросы и адаптироваться к культурным особенностям позволяет консультантам глубже понять потребности клиентов и выстраивать доверительные отношения. В условиях постоянных изменений и технологических новшеств, способность к открытому и конструктивному общению становится не только необходимостью, но и конкурентным преимуществом.

Список использованных источников

1. Зуляр, Ю.А. Массовые коммуникации в рекламе: Учебник для вузов / Ю.А. Зуляр – Иркутск: Оттиск, 2016. – 405 с.
2. Эффективные коммуникации в организации // Элитариум. Центр дополнительного образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.elitarium.ru/organizacionnyye-kommunikacii-soobshhenija-barery-sistema-obmen-informaciej-jeffektivnost-slushanie/> (дата обращения: 02.11.2024).
3. Архангельская, А. С. Коммуникации в сфере консалтинга: от традиционных маркетинговых технологий к созданию доверительных отношений / А. С. Архангельская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-v-sfere-konsaltinga-ot-traditsionnyh-marketingovyh-tehnologiy-k-sozdaniyu-doveritelnyh-otnosheniy> (дата обращения: 02.11.2024).
4. Шарков, Ф. И. Коммуникология: коммуникационный консалтинг : учебное пособие / Ф. И. Шарков. – 3-е изд., стер. – Москва : Дашков и К, 2022. – ISBN 978-5-394-03546-3. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/277301> (дата обращения: 02.11.2024). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – С. 224.
5. Ульянов, Н. Customer communication best practices [Электронный ресурс] / Н. Ульянов. –URL: <https://umnico.com/ru/blog/customer-communication-best-practice/> (дата обращения: 02.11.2024).

УДК 159.9

ПРОКРАСТИНАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Рогозина Марина Юрьевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(muyrsan@mail.ru)*

В статье проанализировано место прокрастинации в структуре временной перспективы личности студентов. Рассмотрена связь прокрастинации и всех ее элементов (перфекционизма, мотивационной недостаточности, тревожности) с отдельными компонентами и параметрами временных отношений и смысложизненных ориентаций личности. Доказано, что прокрастинация в большей степени проявляется у студентов, ориентированных на настоящее и прошлое, а при их ориентации на будущее прокрастинация снижается.

Ключевые слова: прокрастинация, временная структура личности, перфекционизм, мотивационная недостаточность, тревожность.

PROCRASTINATION IN THE STRUCTURE OF TEMPORAL RELATIONS OF STUDENTS' PERSONALITY

Rogozina Marina Yuryevna

*candidate of Pedagogical Sciences, associate professor
of the Department of Psychology
Donetsk State University
(RF, Donetsk)(muyrsan@mail.ru)*

The article analyzes the place of procrastination in the structure of the time perspective of students' personality. The connection of procrastination and all its elements (perfectionism, motivational insufficiency, anxiety) with individual components and parameters of time relations and life-meaning orientations of the personality is considered. It is proven that procrastination is more pronounced in students oriented towards the present and the past, and with their orientation towards the future, procrastination decreases.

Key words: procrastination, temporary structure of personality, perfectionism, motivational insufficiency, anxiety.

Время является одной из наиболее сложных категорий, рассматриваемой еще древними философами. Внимание к изучению проблемы времени в современной психологической и педагогической науке связано с необходимостью формирования у подрастающего поколения умений оптимальной организации времени собственной жизни, построения временной перспективы, умений жить в настоящем, опираясь на опыт прошлого, выдвигая при этом адекватные ситуации четкие, наполненные личностным смыслом, цели на будущее, осознанно планировать свои дела.

Временной аспект жизни человека отражает такой важный личностный конструкт, как временная перспектива, имеющая сложную многомерную структуру. Изучением проблемы временных отношений личности в контексте особенностей планирования ею своей деятельности занимались такие зарубежные и отечественные научные ученые, как К.А. Абульханова-Славская, Р.А. Ахмеров, Т.Н. Березина, Е.И. Головаха, Ф. Зимбардо, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, К. Левин, Ж. Нюттен, В.Э. Чудновский, Л. Франк и др. Исследователи отмечают, что временная перспектива представляет собой существующую в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого. При этом

прошлое, настоящее и будущее личности являются взаимосвязанными и оказывают влияние друг на друга: Временная перспектива обуславливается наличием во внутреннем плане разноудаленных во времени объектов-целей, или «мотивационных объектов» и выступает основным компонентом в построении психологического времени личности.

Проблема планирования времени, процесс достижения жизненных целей может быть связан с таким феноменом, как прокрастинация. Она заключается в постоянном, добровольном, иррациональном откладывании личностью различных, даже самых важных дел. Отличительными особенностями феномена прокрастинации (по Н. Чернышевой) являются: осознанность процесса, активность процесса, озабоченность собственным «эго», наличие тревоги и напряжения, нацеленность на результат, ургентная аддикция, независимость от процесса планирования, конкретная направленность [4]. К факторам, способствующим актуализации прокрастинации, относят: перфекционизм, тревожность, мотивационную недостаточность и др.

Выделенный Ковылиным В.С. тип «напряженной прокрастинации» предполагает неудовлетворенность личности своими прошлыми достижениями, неуверенность в своём будущем и неясность целей личности, относящихся к её будущему [2]. Всё это соотносится с такими аспектами временной перспективы, описанными Ф. Зимбардо, как позитивное прошлое и будущее, которое отражает цели и планы личности, а также стремление к их реализации. Таким образом, чем более выражена ориентация личности на позитивное прошлое, что будет отражать её удовлетворенность им, а также на будущее, что предполагает наличие четких и ясных целей, тем, вероятнее всего, в меньшей степени она будет склонна к откладыванию своих дел [1; 5].

Различные исследователи предполагают, что прокрастинация может иметь положительные последствия в тех случаях, когда она используется в качестве своеобразной стратегии, которая помогает вызвать острые эмоциональные переживания в условиях нехватки времени. Некоторые люди чувствуют большую сосредоточенность на выполнении своей деятельности и повышение

активности психических процессов именно в условиях повышенного стресса. Следовательно, можно предположить, что чем более сжатым, насыщенным, ограниченным и быстрым будет ощущаться время личностью, тем более успешно она будет выполнять свою деятельность, то есть будет менее склонна в этот момент к прокрастинации [4; 6]. Таким образом, склонность личности к прокрастинации может быть обусловлена различными аспектами её временных отношений.

Целью данной работы является изучение прокрастинации в структуре временных отношений личности студентов.

Настоящее исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» (при выполнении квалификационной работы Пюрой Д.А.). Выборку составили 60 студентов четвертого курса различных специальностей, из которых 48 человек – девушки и 12 – юноши. Для достижения поставленных задач были использованы следующие психодиагностические методики: «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, «Шкала переживания времени» Е.И. Головахи и А.А. Кроника, «Смыслоразностные ориентации» Д.А. Леонтьева, «Степень выраженности прокрастинации» М.А. Киселевой, О.В. Кариной, Н.Е. Шустовой;

В качестве испытуемых были выбраны только студенты выпускного курса, так как окончание обучения в вузе оказывает непосредственное влияние на особенности их временной перспективы, а именно – формирует у них необходимость принятия решения и осуществления деятельности по дальнейшему трудоустройству или же продолжению обучения с целью повышения квалификации.

При анализе временной перспективы испытуемых в исследуемой выборке была выявлена достаточно выраженная их ориентация на позитивное прошлое и будущее, что отражается в самоорганизованности и целеустремленности, способности предвидеть последствия своих поступков и отказа от удовольствий настоящего ради успехов в будущем. Анализ структуры временных отношений

личности выпускников позволяет констатировать, что на момент исследования они практически в равной степени ориентированы на все три временные составляющие: прошлое, настоящее и будущее. Прошлое воспринимается ими достаточно позитивно, они удовлетворены им, настоящее вполне насыщено, а будущее – наполнено целями. И хотя их цели еще не имеют четких временных границ, они чувствуют свою способность самостоятельно строить свою жизнь в соответствии со своими личными представлениями. При этом они видят смысл в том, чтобы жить и строить какие-либо планы.

С помощью «Метода мотивационной индукции» Ж. Нюттена была конкретизирована структура временной перспективы личности испытуемых: наиболее выраженной для испытуемых данной выборки является временная ориентация на открытое настоящее, их планы, цели, желания связаны с тем, что происходит непосредственно сейчас, но также распространяются на их будущее, то есть испытуемые стремятся к ним и «сейчас», и «каждый день». Также достаточно сильно в данной выборке выражена временная ориентация на всю жизнь, то есть на события, относящиеся к некоторому периоду предстоящей жизни, который в данный момент нельзя точно определить во времени. Ориентации на ближайшее будущее и актуальный период выражены гораздо меньше, но занимают далеко не последнее место во временной перспективе испытуемых. Это говорит том, что события, относящиеся к текущему моменту, дню, неделе, месяцу, а также к учебному процессу, актуальному для испытуемых, представляют определенную важность для них, им свойственно их планирование.

Для оценки общей склонности к прокрастинации и выраженности отдельных ее компонентов испытуемые были разделены на 5 групп по критерию преобладания в их временной перспективе тех или иных ориентаций: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее. При сравнении результатов испытуемых выделенных групп было выявлено следующее: в наибольшей степени склонны к прокрастинации те испытуемые, у которых преобладает временная ориентация на гедонистическое

настоящее, а менее всего –испытуемые с преобладанием ориентации на будущее. У испытуемых из групп с наиболее выраженной временной ориентацией на негативное прошлое и на фаталистическое настоящее прокрастинация в большей степени проявляется в тревожности. В группах испытуемых с временной ориентацией на позитивное прошлое, на будущее и гедонистическое настоящее преобладает такой феномен, как перфекционизм.

В целом, сильнее всего все изучаемые элементы (мотивационная недостаточность, перфекционизм и тревожность) выражены у испытуемых, которые ориентированы на гедонистическое настоящее. Менее всего мотивационная недостаточность и тревожность выражены у испытуемых с ориентацией на будущее, перфекционизм – у испытуемых, ориентированных на фаталистическое настоящее.

Было отмечено, что у испытуемых с разным уровнем прокрастинации различается субъективное ощущение времени. В группе студентов с низким и средним уровнем прокрастинации наиболее выражены показатели оценки скорости течения времени. Также были выявлены значимые различия между всеми выделенными группами испытуемых по показателю ощущения организованности времени ($p \leq 0,05$).

Группы с различной выраженностью прокрастинации различаются и по своим смысложизненным ориентациям. Испытуемые с преобладанием мотивационной недостаточности имеют самый низкий показатель осмысленности своей жизни ($p \leq 0,05$), локуса контроля-жизнь ($p \leq 0,05$) и смысложизненной ориентации на результат жизни ($p \leq 0,05$), а также для них наиболее характерно ощущение растянутости, однообразности и раздробленности времени ($p \leq 0,05$). В целом, мотивационная недостаточность, как и общая прокрастинация, наиболее свойственна испытуемым с ориентацией на гедонистическое настоящее ($p \leq 0,01$).

Испытуемые, для которых высокий уровень прокрастинации связан с преобладанием тревожности, имеют самый низкий уровень выраженности локуса контроля-Я среди всех испытуемых ($p \leq 0,05$), для них наиболее

характерно ощущение скачкообразности ($p \leq 0,05$) и неорганизованности ($p \leq 0,05$) времени своей жизни и наименее характерно – переживание его насыщенности ($p \leq 0,05$).

Применение корреляционного анализа позволило выявить связи между компонентами прокрастинации и отдельными параметрами временных отношений личности. Было выявлено, что чем более растянутым, неорганизованным и неприятным будут ощущать время своей жизни испытуемые, а также чем менее осмысленной является их жизнь, чем слабее они удовлетворены самим процессом своей жизни ($p \leq 0,05$) и своей самореализацией на данный момент ($p \leq 0,05$); чем меньше их вера в свои собственные силы и способность самостоятельно строить свою жизнь, чем сильнее они ориентированы на негативные воспоминания из прошлого и цели, которые не требуют реализации в ближайшее время и события после своей смерти, тем сильнее им будет свойственна склонность к прокрастинации.

Уровень выраженности перфекционизма, как элемента прокрастинации связан у студентов со склонностью переживать время своей жизни как пустое и растянутое ($p \leq 0,05$), с ориентированностью на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время ($p \leq 0,05$) и на также на негативные события из своего прошлого, вызывающие неприязнь ($p \leq 0,01$).

Следует отметить, что уровень мотивационной недостаточности у испытуемых связан с неорганизованным, растянутым и раздробленным ощущением ими временем своей жизни ($p \leq 0,05$).

Уровень тревожности испытуемых коррелирует с переживанием времени своей жизни как однообразного, неприятного ($p \leq 0,05$), а также со слабой ориентированностью на своё будущее ($p \leq 0,05$), у них преобладает ориентация на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время, их жизнь является недостаточно осмысленной, они не вполне удовлетворены прожитой частью своей жизни и настоящим её процессом и испытывают неприязнь по отношению к своему прошлому.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что склонность к прокрастинации наиболее характерна для лиц с ориентацией на гедонистическое настоящее. Она связана с такими переживаниями времени жизни, как растянутасть, неорганизованность и неприязнь, а также с уровнем осмысленности жизни, смысложизненных ориентаций на процесс и результат, локусом контроля-Я, с ориентацией на негативное прошлое, на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время, и события после своей смерти.

Мотивационная недостаточность также в большей степени свойственна испытуемым, которые ориентированы на гедонистическое настоящее. При этом для студентов-выпускников с преобладанием данного феномена характерны низкий уровень осмысленности жизни, локуса контроля-жизнь и смысложизненной ориентации на результат, а также ощущение растянутасти, однообразности и раздробленности времени. Также уровень мотивационной недостаточности испытуемых связан с ощущением неорганизованности времени и ориентацией на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время.

Уровень перфекционизма связан с ощущением пустоты и растянутасти времени, с ориентацией на негативное прошлое, а также с ориентацией на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время, и на события, относящиеся к периоду после смерти самого человека.

Для студентов-выпускников с преобладанием тревожности характерны низкий уровень выраженности локуса контроля-Я, ощущение скачкообразности, неорганизованности времени своей жизни, а также им более свойственно ощущение пустоты времени, чем его насыщенности. Показатель тревожности связан с ощущением однообразия и неприязни по отношению к времени своей жизни, с общим уровнем осмысленности жизни, со смысложизненными ориентациями на цели, процесс и результат, а также с ориентацией на цели, которые не требуют реализации в ближайшее время и на негативные события прошлого.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что между склонностью к прокрастинации и особенностями временных отношений

личности, действительно, существует взаимосвязь. Следовательно, для преодоления негативных последствий проявления прокрастинации у студентов при организации учебно-воспитательного процесса в вузе следует создавать специальные условия по формированию у них определенных параметров временной перспективы.

Список использованных источников

1. Болотова, А.К. Психология организации времени. / А.К. Болотова. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 254 с.
2. Ковылин, В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации / В.С. Ковылин // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – № 2 (2). – С. 22-41.
3. Розенова, М.И. Психосемантические аспекты отношения ко времени: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / М.И. Розенова. – Москва, 1998. – 234 с.
4. Чернышева, Н.А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения / Н.А. Чернышева // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2016. – № 1. – С. 17 – 26.
5. Шемякина, О.О. Влияние прокрастинации на уровень стресса у студентов [Электронный ресурс] / О.О. Шемякина // Психология и право. – 2013. – Т.3. – №4. – URL: https://psyjournals.ru/files/66242/psyandlaw_2013_4_Shemyakina.pdf
6. Шустова, Н.Е. Смыслжизненные ориентации молодых людей с разной степенью выраженности прокрастинации / Н.Е. Шустова // Гуманизация образования. – 2015. – № 6. – С. 40-44.

УДК 159.92

К ВОПРОСУ СООТНЕСЕНИЯ ФЕНОМЕНА МАКИАВЕЛЛИЗМА И РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ИНТЕЛЛЕКТА

Руденко Светлана Викторовна
канд. психол. наук, доцент
доцент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(Rudenko_SV@mail.ru)

Данная статья посвящена анализу феномена макиавеллизма и различных форм интеллекта. Представлен анализ основных подходов к изучению макиавеллизма. Раскрыта сущность феномена академического интеллекта и его

неакадемических форм, проанализированы особенности эмоционального и социального интеллекта. Представлены результаты аналитического обзора и соотнесения феномена макиавеллизма и различных форм интеллекта в современной психологии.

Ключевые слова: макиавеллизм, интеллект, социальный интеллект, эмоциональный интеллект.

ON THE ISSUE OF THE CORRELATION OF THE PHENOMENON OF MACHIAVEELLISM AND VARIOUS FORMS OF INTELLIGENCE

Rudenko Svetlana Viktorovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Associate Professor of Department of General Psychology

Donetsk State University, DonSU (RF, Donetsk)

(Rudenko_SV@mail.ru)

This article is devoted to the analysis of the phenomenon of machiavellianism and various forms of intelligence. The analysis of the main approaches to the study of machiavellianism is presented. The essence of the phenomenon of academic intelligence and its non-academic forms is revealed, the features of emotional and social intelligence are analyzed. The results of an analytical review and correlation of the phenomenon of machiavellianism and various forms of intelligence in modern psychology are presented.

Key words: machiavellianism, intelligence, social intelligence, emotional intelligence.

Постановка проблемы. Проблема изучения макиавеллизма на настоящий момент является достаточно распространенной в кругу современных психологических исследований. Феномен макиавеллизма довольно часто становился предметом исследования в работах зарубежных ученых, но мало представлен в отечественной психологии. При этом проблема изучения склонности к макиавеллизму, ее взаимосвязи с личностными свойствами, сохраняет свою актуальность. Навязчивое формирование «грамотного потребителя» и «общества потребления», социальное одобрение манипулятивного поведения, рост агрессивных и лидерских тенденций в обществе, жесткая конкуренция в профессиональной среде, реализация радикального профессионального поведения, гиперадаптация и т. п. — все это обуславливает обострение межличностных отношений и возрастание внимания к

проблемам манипуляции, использованию манипулятивных приемов и различных способов противодействия другим субъектам. Весомую роль в успешном взаимодействии с людьми имеет интеллект и его различные формы, в частности – социальный и эмоциональный интеллект. Таким образом, целью данной работы является сопоставление понятий макиавеллизма и различных форм интеллекта.

Основная часть. Макиавеллизм традиционно рассматривается как склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. При этом субъект взаимодействия скрывает свои истинные намерения, но с помощью разнообразных отвлекающих маневров он добивается того, чтобы его партнер изменил свои первоначальные цели, не осознавая этого. Таким образом, макиавеллизм можно описать как стратегию социального поведения, включающую манипуляцию другими в личных целях, зачастую противоречащую их собственным интересам [2, 5]. Как свойство личности макиавеллизм традиционно включает убеждение человека в том, что при общении с другими людьми ими не только можно, но и нужно манипулировать, а также умения и навыки манипуляции, склонность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков. Последняя характеристика, как мы видим, имеет непосредственное отношение к проявлениям интеллекта личности.

Одними из первых термин «макиавеллизм» в психологии использовали Р. Кристи и Ф. Гейс, им же принадлежат и первые работы, посвященные данной тематике. Авторы положили начало ряду исследований, рассматривающих данный феномен в разрезе склонности ко лжи, эгоистичности, другими словами – в контексте социально неодобряемого поведения и черт личности. В этом направлении работали и отечественные исследователи – В.В. Знаков, А.К. Акименко, Л.М. Анцибор, И.Г. Кокурина и др. [2, 3, 4, 6].

Социально-психологический подход анализировал макиавеллизм как качество, необходимое лидеру (Д. Симонтон, А. Дрори, Ю. Глускинос, В.В. Знаков и др.). Лидеры-макиавеллисты способны быстро ориентироваться в сложной и нестабильной ситуации, подстраиваться под нее, гибко менять свое поведение в соответствии с реалиями (например, в сложной ситуации обращаться

к подчиненным с просьбой о помощи, а не приказывать) [3, 4]. Представления о макиавеллизме получили свое развитие в трудах В.В. Знакова. Как считает автор, макиавеллист – человек, манипулирующий другими на основании своих определённых жизненных принципов, которые служат ему оправданием манипулятивного поведения; склонен рассматривать других как объекты манипулирования [2]. Эволюционный подход к заявленной теме знакомит нас с понятием «макиавеллистский интеллект», предложенным Ф. де Ваалом. Данный термин использовался для обозначения как способности людей ориентироваться в социуме сфере, так и способности оказывать влияние на других. Исследования в данном направлении получили свое развитие в работах Р. Бирна и А. Уиттена. Авторы практически отождествили макиавеллистский интеллект с социальным. Макиавеллистский интеллект включает развитые когнитивные способности в социальной сфере – умение понимать партнеров по общению, оказывать влияние на них, разрабатывать и успешно реализовывать стратегические планы в межличностных отношениях [3, 4].

Теоретический анализ позволяет обозначить макиавеллизм как тенденцию субъекта манипулировать другими людьми в межличностных отношениях, включающую наличие склонности умение убеждать других, понимать их намерения и причины поступков.

Сказанное выше подводит нас к сопоставлению понятий макиавеллизма и интеллекта.

Проблема интеллекта традиционно является одной из ведущих в истории психологических исследований. При этом данная тема, сохраняя свою значимость и распространенность, по-прежнему является и одной из самых дискуссионных. Взять хотя бы тот факт, что до сих пор не сложилось однозначного определения интеллекта, хотя это понятие активно используется в различных областях психологической науки. Одни авторы подразумевают под интеллектом всю познавательную деятельность, другие же говорят о нем как о наиболее обобщенном понятии, характеризующем сферу умственных способностей человека. Так, Ж. Пиаже считал, что развитый интеллект

проявляется в универсальной адаптированности, в достижении «равновесия» индивида со средой [1]. Интеллект как возможность биопсихической адаптации к наличным обстоятельствам жизни рассматривался В. Штерном и другими психологами [1, 8]. С точки зрения К.М. Гуревича интеллект выступает как присущий человеку психофизический механизм, постоянно находящийся в действии и служащий условием приобретения, переработки и использования информации. Как считает М.А. Холодная, интеллект следует понимать как особую форму организации ментального опыта в виде наличных ментальных структур, прогнозируемого или ментального пространства и строящихся в рамках этого пространства ментальных репрезентаций происходящего [1]. Интеллект зачастую рассматривается как относительно устойчивая структура умственных способностей индивида; как разум, проницательность, способность мыслить, как комплекс умственных операций, превращающих данные восприятия в знания, или же критически анализирующих уже имеющиеся знания. Также интеллект отождествляют с системой умственных операций, со стилем и стратегией решения проблем, с эффективностью индивидуального подхода к ситуации, требующего познавательной активности, с когнитивным стилем и т. д. [1]. По мнению Е.И. Худобиной, можно выделить два основных подхода к определению интеллекта. Согласно одному из них, интеллект проявляется в оперировании абстрактными символами и отношениями. Согласно другому, интеллект преимущественно отождествляется со способностями к обучению и проявляется в приспособляемости к новым ситуациям и использовании приобретенного опыта [1, 7, 8].

Бесспорно, интеллект – чрезвычайно многогранный феномен, что во многом может объяснить отсутствие однозначности в существующих определениях интеллекта. При этом всем его проявлениям свойственна тех психических функций, которые отвечают за познание окружающего мира – мышления, памяти, воображения и т.п.

На протяжении почти уже полувека актуализируется интерес к неакадемическим формам интеллекта. Для их исследования было предложено

концепция практического интеллекта, представления о социальном, эмоциональном, внутриличностном и межличностном интеллекте. О неакадемических формах интеллекта и пойдет речь далее.

Первая из анализируемых нами форм интеллекта – социальный интеллект. В зарубежной психологии проблемой изучения социального интеллекта занимались Э. Торндайк, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк, Р. Стернберг, Н. Кэнтон и др. Среди отечественных исследователей следует упомянуть Ю.Н. Емельянова, Н.А. Кудрявцеву, В.Н. Куницыну, Н.Ф. Калину, О.Б. Чеснокову, Е.С. Михайлову-Алешину, Д.В. Ушакова и др. Преимущественно в зарубежных исследованиях социального интеллекта ключевая роль отводится либо способности понимать окружающих, прогнозировать их поведение, либо – социально-полезной адаптации, как приспособлению к жизни в обществе. Школа отечественной психологии рассматривает социальный интеллект как способность к рациональным умственным операциям, направленным на процессы межличностного взаимодействия; как способность понимать себя и окружающих и их взаимоотношения, способность предвосхищать и прогнозировать поведение других; как систему интеллектуальных способностей, реализующихся в отношении познания поведенческой информации; как когнитивную основу коммуникативной компетентности [5, 7, 8].

Анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет сформулировать следующее определение анализируемого феномена. Социальный интеллект выступает в качестве когнитивной основы коммуникативной компетентности; включает способность субъекта понимать и прогнозировать поведение других лиц в разных жизненных ситуациях (с учетом не только вербальных, но и невербальных аспектов поведения), на основе рефлексивного мышления понимать и адекватно оценивать себя, а также свои поведенческие проявления в отношении к окружающим. Социальный интеллект регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов, обеспечивает адекватность и эффективность межличностного взаимодействия [5].

По мнению Д.В. Ушакова, социальный интеллект – очень значимое практическое качество. Это феномен, в котором взаимодействует аффективное и когнитивное. Следовательно, и личность целесообразно рассматривать как когнитивно-эмоциональную сущность [5, 7]. Сказанное позволяет нам перейти к анализу эмоционального интеллекта.

Феномен эмоционального интеллекта стал предметом широкого круга исследований в современной психологии. В зарубежной психологии свое внимание данной проблематике уделяли П. Селавей Дж. Мейер, Д. Голмен, Д. Карузо, Р. Бар-Он, Р. Стернберг и др. Отечественные исследования представлены работами Г.Г. Гарсковой, Д.В. Люсина, И.Н. Андреевой, М.А. Манойловой, Т.П. Березовской, А.С. Петровской и др. Довольно распространенной среди исследователей является тенденция рассматривать эмоциональный интеллект не как самостоятельный феномен, а как часть или разновидность социального интеллекта (П. Сэловей, Дж. Мейер, Г. Гарднер, И.Н. Андреева и др.), а также – как разновидность интеллекта, пересекающуюся с академическим, абстрактным интеллектом (Р. Стернберг, Р. Бар-Он, в некоторой мере Д.В. Люсин, М.А. Манойлова и др.). В целом эмоциональный интеллект рассматривается как способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений. Это способность к пониманию своих и чужих эмоций, к их осознанию, принятию и регуляции [6, 7].

Заключение. Проведенное теоретическое исследование позволяет выделить следующее. И макиавеллизм, и интеллект (преимущественно в его неакадемических разновидностях – социальный и эмоциональный виды интеллекта) находят свое отражение в организации и осуществлении взаимодействия с людьми, имеют непосредственное отношение к успешности этого взаимодействия. При этом в проявлении феномена макиавеллизма, как правило, находит свое отражение тенденция оказывать воздействие, действовать «непрозрачно», манипулировать другими и использовать их в своих целях. При

этом социальный интеллект подразумевает реализацию, помимо когнитивной составляющей феномена, и эмпатической способности. Эмоциональный же интеллект позволяет лучше понимать свои и чужие эмоции и управлять ими. Это, соответственно, делает ненужным применение манипулятивных форм воздействия (последние данные нашли свое эмпирическое подтверждение – см. по [6]). Таким образом, можно сделать вывод, что макиавеллизм и интеллект являются достаточно близкими, но не тождественными, феноменами, различия между которыми лежат, в том числе, в проявлении эмпатии, уровне понимания эмоций, а также в выборе целей и средств их достижения.

Список использованных источников

1. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей. Изд. 2-е, расшир. и доп. / В.Н. Дружинин. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 368 с. (Серия «Мастера психологии») – ISBN: 5-314-00121-7.
2. Знаков, В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – № 6. – 2002. – С. 45-54 – UPL: <http://www.voppsy.ru/issues/2002/026/026045.htm> (дата обращения: 26.11.2024).
3. Ларина, А.Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма / А.Д. Ларина // Вопросы психологии. – 2010. – Т. 3, № 3. – С. 75–82. – UPL: [https://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP032010/Lpy-001.htm#\\$p75](https://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP032010/Lpy-001.htm#$p75) (дата обращения: 26.11.2024).
4. Поддьяков, А.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок / А.Н. Поддьяков, И.Н. Калущкая // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 4. – С. 78–89. – UPL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11780049_38641030.pdf (дата обращения: 26.11.2024).
5. Руденко, С. В. Макиавеллизм и социальный интеллект: к проблеме сопоставления понятий / С.В. Руденко // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Донецк, 07 декабря 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 140-146. – UPL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=61480368> (дата обращения: 26.11.2024) – EDN BTKRVD.
6. Руденко, С.В. Проявление макиавеллизма у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2023. – № 3. – С. 148-160 – URL: https://donnu.ru/public/journals/files/Vestnik_DonNU_D_2023_N3.pdf (дата обращения: 26.11.2024). – EDN ONPVXR.

7. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – Москва : Институт психологии РАН, 2004. – 176 с. – ISBN 5-9270-0058-4.
8. Стернберг, Р. Практический интеллект / Р.Дж. Стернберг, Дж.Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272с. – ISBN: 5-318-00013-4.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Самсоненко Людмила Сергеевна

канд. психол. наук, доцент

доцент кафедры возрастной и педагогической психологии

Оренбургский государственный педагогический университет (РФ, г. Оренбург)

(lsamsonenko@yandex.ru)

В статье актуализируется проблема изучения феномена жизнестойкости у студентов педагогического вуза. Рассматривается несколько подходов к понятию «жизнестойкость» в отечественной психолого-педагогической науке. Представлены результаты эмпирического исследования общего уровня и структурных компонентов жизнестойкости у будущих педагогов. Предлагается ряд рекомендаций для психологической службы вуза по организации работы, направленной на развитие жизнестойкости студентов.

Ключевые слова: жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска, педагогическое образование, юношеский возраст, студенты.

PECULIARITIES OF FUTURE TEACHERS' RESILIENCE

Samsonenko Lyudmila Sergeyevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Age and Educational Psychology

Orenburg State Pedagogical University

(RF, Orenburg) (lsamsonenko@yandex.ru)

The article actualizes the problem of studying the phenomenon of resilience in students of pedagogical university. Several approaches to the concept of «resilience» in Russian psychological and pedagogical science are considered. The results of the empirical study of the general level and structural components of resilience in future teachers are presented. The article offers a number of recommendations for the psychological service of higher education institution on the organization of work aimed at the development of students' resilience.

Key words: resilience, involvement, control, risk taking, teacher education, adolescence, students

Условия жизни современного человека в силу социально-экономических,

политических, эпидемиологических и иных факторов, выступают достаточно мощным внешним фактором возникновения стресса, напряженности, при снижении чувства защищенности и комфорта. Ответственность за жизнь, за принятие решений полностью ложится на самого человека. Возрастает значение способности личности противостоять многочисленным стрессорам. Особенно активизируются процессы развития конструктивного решения проблем, способности сохранять и восполнять ресурсы личности, находить внутренние возможности для устойчивости и сопротивляемости в стрессовых ситуациях в студенческий период. Таким ресурсом и внутренней возможностью для молодого человека можно назвать жизнестойкость.

Для педагогической деятельности такая характеристика личности как жизнестойкость приобретает ведущую роль. Общеизвестно, что деятельность учителя насыщена специфическими стрессовыми факторами: высокий уровень ответственности, насыщенное эмоциональное общение с различными субъектами образовательной среды, взаимодействие с «трудными» учениками, информационные нагрузки и многое другое. Все это определяет актуальность изучения особенностей жизнестойкости у будущих педагогов.

Начало исследований феномена жизнестойкости в науке связывают с именем С.Р. Мадди, который рассматривает эту категорию и как психологическую «живучесть», и как расширенную эффективность человека, и как показатель психического здоровья человека [7].

В отечественной науке содержание понятия «жизнестойкость» активно исследуется. Представим некоторые подходы к определению жизнестойкости в таблице 1.

Таблица 1.

Определение феномена жизнестойкости в работах отечественных психологов

Автор	Определение
Д.А. Леонтьев [4]	Жизнестойкость, как характеристика способности человека справляться с внешними обстоятельствами, а также внутренними проблемами. Структура жизнестойкости включает сравнительно автономные компоненты: включенность, контроль, принятие риска.
Л.А. Александрова [1]	Жизнестойкость – качество, определяющее адаптивные возможности личности.

С.В. Книжникова [3]	Жизнестойкость – умения преодолевать деструктивные, разрушительные воздействия факторов среды, справляться с проблемами, превращать трудности в возможности для развития.
Т.В. Наливайко [5]	Жизнестойкость личности включает совокупность ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, поведенческих навыков, сформированных социальным окружением.
С.А. Богомаз, Д.Ю. Баланев[2]	Жизнестойкость как системное качество личности, позволяющее трансформировать проблемные ситуации в новые возможности.

В целом, среди значимых характеристик жизнестойкости в отечественных исследованиях можно отметить следующие:

- это системное, интегральное качество личности;
- это способность справляться с трудностями, трансформировать проблемы в ситуации для личностного развития;
- это интегральная способностью к социально-психологической адаптации на основании динамики смысловой саморегуляции.

В нашем исследовании, с целью определения уровневых характеристик жизнестойкости будущих педагогов, мы опирались на подход Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой. Данный подход является одним из наиболее теоретически и методически обоснованных. Кроме того, данным авторам принадлежит адаптация методики С. Мадди «Тест жизнестойкости», который был выбран нами для эмпирического исследования [4].

В нашем исследовании принимали участие 64 студента в возрасте от 19 до 21 года, в числе которых 28 юношей и 36 девушек. Все студенты обучаются в Оренбургском государственном педагогическом университете, на очной форме, по направлению – педагогическое образование.

Результаты изучения структурных компонентов и общего уровня жизнестойкости представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Количество студентов с разными значениями компонентов жизнестойкости (в %)

Шкалы	Количество человек в %		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Вовлеченность	28	47	25
Контроль	29,7	46,9	23,4
Принятие риска	31,2	42,2	26,6
Общий уровень жизнестойкости	31,2	43,8	25

Из таблицы видно, что большая часть выборки студентов показывает средний уровень жизнестойкости (43,8%). Данные показатели можно описать как наличие достаточной способности у студентов преодолевать жизненные проблемы, справляться со стрессовыми факторами. Такой уровень характеризует личность как умеющую гибко применять различные стратегии приемов совладающего поведения. Ситуативно могут возникать состояния беспомощности, невозможности повлиять на события, даже упадок активности и нежелание действовать для решения проблем. Однако чаще они проявляют субъектное отношение к жизни, стремятся эффективно преодолевать негативные переживания и препятствия на пути к цели.

Высокий уровень жизнестойкости был выявлен у 25% студентов. Можно сказать, что будущие педагоги данной группы уверены в наличии контроля над событиями своей жизни, удовлетворены жизненными обстоятельствами. Обучающиеся данной группы готовы решать возникающие проблемы, справляться с трудностями, устойчивы к негативным воздействиям среды. Такие студенты умеют трансформировать жизненные трудности в условия для личностного развития.

Низкий уровень жизнестойкости показали 31,2% выборки будущих педагогов. Такой уровень свидетельствует о низкой сформированности умений гибко и конструктивно реагировать на негативные обстоятельства. Скорее всего, студенты данной группы испытывают чувство беспомощности и невозможности управлять событиями своей жизни. Может наблюдаться некоторая отстраненность от происходящего в собственной жизни, нежелание рисковать, проявлять активность в преодолении препятствий, что существенно затрудняет эффективное преодоление стрессов.

Обнаруженные в ходе сравнительного анализа различия в показателях агрессивности в группах студентов с разным уровнем жизнестойкости мы проверили с помощью непараметрического критерия различий U-Манна-Уитни (таблица 3).

Таблица 3.

Различия в показателях уровня жизнестойкости
в группах студентов (по U-Манна-Уитни) *

Уровень жизнестойкости	Сравниваемые группы		
	Высокая / средняя жизнестойкость	Высокая / низкая жизнестойкость	Средняя / низкая жизнестойкость
Значение U-критерия	135 (для $p \leq 0,05$)	76,5 (для $p \leq 0,01$)	142,5 (для $p \leq 0,01$)

По результатам исследования можно сделать вывод, что в рамках работы психологической службы вуза необходимо организовывать целенаправленную работу по развитию жизнестойкости у будущих педагогов. Содержанием такой работы может стать система развивающих занятий, целью которых будет развитие участников и предоставление им инструментов для эффективного управления своими эмоциями, разрешения конфликтов и укрепления позитивной самооценки.

С учетом компонентов жизнестойкости – вовлеченности, контроля и принятия риска занятия могут быть иметь следующее содержание:

1. Развитие вовлеченности:

- осознание личных ценностей и жизненных целей каждого участника;
- упражнения по выявлению и поддержанию мотивации к достижению целей.

2. Тренировка навыков контроля:

- обучение методам эффективного управления стрессом и эмоциями;
- проведение упражнений по установлению приоритетов и разработке планов действий для решения проблем.

3. Развитие способности к принятию риска:

- практика выхода из зоны комфорта и освоения новых навыков;
- обучение принятию ответственности за свои решения и действия.

4. Тренировка адаптивных стратегий совладания со стрессом:

- проведение упражнений по релаксации и дыхательным техникам для снятия напряжения;
- развитие стратегий совладания со стрессом, конструктивного разрешения трудностей и противоречий и сохранения внутреннего баланса, устойчивости в

стрессовых ситуациях.

5. Развитие социальных навыков:

- тренировка умения эффективно общаться и решать конфликты;
- расширение диапазона ролевых моделей в разрешении различных жизненных трудностей.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод, что большинство участников исследования – студентов педагогического университета – показали средний уровень жизнестойкости (43,8%), только 25% на высоком уровне и более 30% на низком уровне. Такие результаты говорят о необходимости психологического сопровождения личностного развития обучающихся педагогического вуза, в частности организации работы по развитию жизнестойкости. Перспективами дальнейшей работы может стать разработка содержания развивающих программ и изучение их эффективности.

Список использованных источников

1. Александрова, Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире / Л.А. Александрова // Известия Южного федерального университета. – 2014. – Т. 51. – № 7. – С. 57-86.
2. Богомаз, С.А. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека / С.А. Богомаз, Д.Ю. Баланев // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 32. – С. 23-28.
3. Книжникова, С.В. Педагогическая профилактика суицидального поведения на основе формирования жизнестойкости подростков в условиях общеобразовательной школы: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Книжникова Светлана Витальевна; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2005. – 28 с.
4. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – Москва :Смысл, 2006. – 63 с.– ISBN 5-89357-228-9.
5. Наливайко, Т.В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: / Наливайко Татьяна Викторовна; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2006. – 27 с.
6. Особенности формирования жизнестойкости и совладания с трудными жизненными и стрессовыми ситуациями несовершеннолетних в образовании: методическое пособие.

Составители О.В. Борисенко, Т.А. Матерова, О.А. Ховалкина, М.В. Шамардина. – Барнаул :
Главное управление образования и молодежной политики Алтайского края, 2014. – 184 с.

7. Maddi, S.R. Hardiness training at Illinois Bell Telephone / S.R. Maddi // Health promotion evaluation
/ In J. Opatz (Ed.). – WI: National Wellness Institute. 1987. – Pp. 101-115.

УДК 159.943.7:37.09-051

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Сарычева Ольга Витальевна
старший преподаватель кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(sarycheva_olga@internet.ru)

Данная статья посвящена анализу ключевых психологических детерминантов, влияющих на готовность студентов специальности «психология служебной деятельности» к профессиональной деятельности. В статье выделены и проанализированы такие факторы, как мотивация, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость и самоэффективность, каждый из которых имеет значительное влияние на профессиональную подготовку и успешность студентов в данной сфере. Проведенное аналитическое исследование подтверждает значимость указанных детерминантов, что делает данное исследование актуальным в условиях современного профессионального образования.

Ключевые слова: психологические детерминанты, профессиональная готовность, студенты, психология служебной деятельности, эмоциональный интеллект

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY OF STUDENTS OF THE SPECIALTY «PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY»

Sarycheva Olga Vitalievna
Senior Lecturer at the Department of General Psychology
Donetsk State University (RF, Donetsk)
(sarycheva_olga@internet.ru)

This article is devoted to the analysis of the key psychological determinants affecting the readiness of students of the specialty "psychology of professional activity" for professional activity. The article highlights and analyzes factors such as motivation, emotional intelligence, stress tolerance and self-efficacy, each of which

has a significant impact on the professional training and success of students in this field. The conducted empirical research confirms the importance of these determinants, which makes this study relevant in the context of modern vocational education.

Key words: psychological determinants, professional readiness, students, psychology of professional activity, emotional intelligence.

Вопросы готовности студентов к профессиональной деятельности становятся все более актуальными в контексте современных образовательных стандартов и требований к специалистам, работающим в сфере психологии служебной деятельности. Развитие мотивации, эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости и самооффективности у студентов данной специальности позволяет не только повысить их профессиональную подготовку, но и сделать их более конкурентоспособными на рынке труда [5, 9]. Мотивация, как показывает исследование В.Г. Леонтьева [1], формирует у студентов целеустремленность и настойчивость, позволяя им преодолевать профессиональные трудности. Поддержание высокой мотивации, направленной на приобретение и использование знаний, способствует укреплению профессионального интереса и вовлеченности, что напрямую влияет на уровень готовности к работе.

Другим важным аспектом подготовки студентов к профессиональной деятельности является развитие навыков ситуационного анализа и адаптивности, что способствует их успешному функционированию в условиях динамичных изменений. Способность оперативно принимать решения и адаптироваться к непредсказуемым обстоятельствам является важнейшим фактором профессиональной компетентности в служебной сфере. Развитие этих навыков требует систематического внедрения симуляционных методов обучения, которые создают условия для их практического применения. Именно возможность проработки стрессовых ситуаций в учебной среде способствует развитию устойчивости и уверенности в собственных силах, что важно для будущих специалистов, работающих с высокой нагрузкой и ответственностью. Различные исследования показывают, что интеграция элементов эмоционального интеллекта в программу подготовки студентов позволяет

повысить качество межличностного взаимодействия и улучшить командную работу. В свою очередь, это указывает на значимость развития эмоциональной компетентности для снижения уровня профессионального выгорания, что особенно важно в психологической и служебной деятельности. Такой подход к обучению помогает студентам более гибко реагировать на сложные профессиональные вызовы, уменьшая риск эмоционального истощения.

Эмоциональный интеллект как детерминанта готовности к профессиональной деятельности становится ключевым фактором в условиях возрастающей важности межличностных навыков в служебной сфере. Психологи с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны эффективно справляться с эмоциями как своими, так и других людей, что особенно актуально в условиях кризисных ситуаций и работы с клиентами, испытывающими психологические проблемы [8]. Исследования указывают на то, что высокий уровень эмоционального интеллекта способствует снижению стресса и увеличению эффективности взаимодействия с клиентами. Значит можно сделать вывод о том, что развитие эмоционального интеллекта у студентов становится важной частью их профессиональной подготовки, что включает тренинги по управлению эмоциями и развитию эмпатии, способствующие лучшей адаптации к сложным ситуациям и повышению уровня удовлетворенности работой.

Особое внимание следует уделить также процессу формирования навыков самоконтроля и самостоятельного принятия решений, которые напрямую связаны с развитием личной ответственности и автономности в профессии. Способность к саморегуляции позволяет специалистам служебной деятельности адекватно реагировать на изменение ситуаций, сохраняя высокую результативность в условиях стресса и неопределенности. В этой связи необходима интеграция методик развития навыков самоконтроля и принятия решений в образовательные программы. Участие в практических тренингах и моделирующих ситуациях формирует у студентов способность к быстрому

анализу и адаптации, что важно для их профессиональной готовности в служебной сфере.

Стрессоустойчивость как важный фактор готовности к профессиональной деятельности занимает особое место в условиях службы, где высока вероятность возникновения стрессовых ситуаций и эмоционального выгорания [6]. Недостаточный уровень стрессоустойчивости может стать причиной профессионального выгорания и потери интереса к профессии. Студенты, способные справляться со стрессом, проявляют лучшие результаты в своей работе, так как они остаются эффективными даже в условиях давления. Стрессоустойчивость может быть развита через участие в моделирующих упражнениях и практических занятиях, которые помогают студентам лучше подготовиться к будущим профессиональным вызовам [7]. Поддержка со стороны преподавателей и возможность обучения на примерах реальных ситуаций также способствуют развитию этого важного качества.

Самоэффективность выступает важнейшим фактором профессиональной адаптации, так как она способствует повышению уверенности в собственных силах и устойчивости к трудностям. Студенты с высокой самоэффективностью легче адаптируются к профессиональной среде, что объясняется их убежденностью в возможности успешного выполнения профессиональных задач [5]. Кроме того, самоэффективность положительно влияет на мотивацию, усиливая стремление к достижению результатов, несмотря на возможные трудности. Формирование самоэффективности у студентов требует от образовательных учреждений создания среды, способствующей развитию уверенности в своих силах и навыках, что можно достичь через поддержку и обратную связь со стороны преподавателей, а также включение в программу учебных занятий, направленных на развитие практических навыков [10].

Рассмотрение всех четырех детерминант профессиональной готовности позволяет заключить, что мотивация, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость и самоэффективность играют существенную роль в подготовке студентов специальности «психология служебной деятельности» [4].

Мотивация направляет действия студентов и поддерживает их профессиональные стремления, делая их более целеустремленными и способными к преодолению трудностей. Эмоциональный интеллект способствует улучшению межличностных взаимодействий и помогает студентам успешно адаптироваться к профессиональной среде. Стрессоустойчивость обеспечивает устойчивость к давлению и помогает избегать эмоционального выгорания, а самоэффективность поддерживает уверенность в своих способностях, способствуя успешному выполнению профессиональных обязанностей.

Профессиональная подготовка студентов должна включать элементы, развивающие все указанные детерминанты, так как только комплексный подход позволяет формировать компетентных специалистов, готовых к выполнению профессиональных обязанностей в условиях служебной деятельности. Необходимо учитывать, что каждое из этих качеств требует времени и практики для своего развития, а значит, важна систематическая работа над укреплением мотивации, эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости и самоэффективности на протяжении всего учебного процесса. Будущие исследования могут быть направлены на детальный анализ взаимовлияния данных факторов и разработку программ повышения уровня профессиональной готовности студентов, основанных на данных детерминантах.

Список использованных источников

1. Леонтьев, В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования / В.Г. Леонтьев. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2002. – 261 с. – ISBN 5-94023-037-7.
2. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 332 с.
3. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека / В.Д. Шадриков. – Москва : Логос, 2019. – 245 с.
4. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 86–92. – (Научные труды Республиканского института высшей школы; Вып. 18, ч. 2: Психологические науки).

5. Берман, Н. Д. Влияние самооффективности на обучение студентов / Н.Д. Берман // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/83PDMN220.pdf> (дата обращения: 08.11.2024). – Загл. с экрана. – Текст: рус., англ.
6. Дворцова, Е. В. Стрессоустойчивость как фактор эмоционального выгорания у сотрудников - лечебно-исправительного учреждения / Е.В. Дворцова // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2022. – № 2 (18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-kak-faktor-emotsionalnogo-vygoraniya-u-sotrudnikov-lechebno-ispravitelnogo-uchrezhdeniya> (дата обращения: 08.11.2024).
7. Лузько, А. В. Пути и методы развития стрессоустойчивости у студентов / А.В. Лузько // Архивариус. – 2015. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-i-metody-razvitiya-stressoustoychivosti-u-studentov> (дата обращения: 08.11.2024).
8. Соловьева, О. В. Эмоциональный интеллект в структуре профессионально важных качеств психолога разной профессиональной направленности / О.В. Соловьева, О.С. Бондаренко // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-strukture-professionalno-vazhnyh-kachestv-psihologa-raznoy-professionalnoy-napravlennosti> (дата обращения: 08.11.2024).
9. Чепайкина, А. С. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов-психологов как фактор повышения их конкурентоспособности / А.С. Чепайкина, С.А. Домрачева // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013004954> (дата обращения: 08.11.2024).
10. Ли Вэйвэй. Методы развития самооффективности обучения в высших учебных заведениях / Ли Вэйвэй // МНКО. – 2023. – № 1 (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-razvitiya-samoeffektivnosti-obucheniya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (дата обращения: 08.11.2024).

**ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОФИЛАКТИКИ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Тимофеевко Вероника Андреевна
канд. филос. наук, доцент
(Nika61ru@mail.ru)

Монченко Ксения Ивановна
магистрант

Таганрогский институт имени А. П. Чехова
(РФ, г. Таганрог) (m.5kifras.k@gmail.com)

Аннотация. В данной статье сделана попытка рассмотреть проблемы безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, изучение психолого-правового анализа, а также причины возникновения безнадзорности и мероприятия по ее профилактике, основанные на современном научно-методическом материале.

Ключевые слова: безнадзорность несовершеннолетних, система профилактики, психолого-правовой анализ проблемы и пути их решения.

**PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PREVENTION
OF NEGLECT AND DELINQUENCY OF MINORS IN THE TERRITORY OF
SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Timofeenko Veronika Andreevna
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Nika61ru@mail.ru)

Monchenko Ksenia Ivanovna
Master's student

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(Russian Federation, Taganrog) (m.5kifras.k@gmail.com)

Annotation. This article attempts to consider the problems of neglect and delinquency among minors, the study of psychological and legal analysis, as well as the causes of neglect and measures to prevent it, based on modern scientific and methodological material.

Key words: neglect of minors, prevention system, psychological and legal analysis of the problem and ways to solve them.

В современный период содействия в обеспечении безопасного и благополучного детства, стало одним из важнейших приоритетов Российской

федерации, ключевые концепции направлены на защиту прав каждого ребенка, создание эффективной системы психолого-правовой профилактики правонарушений совершаемых в отношении несовершеннолетних детей и правонарушения самих детей, определены ключевыми задачами федерального закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Так, в подростковый период общение является неотъемлемой частью, каждый несовершеннолетний копирует манеру поведения, в каждом возрасте общение с родителями важно, но в данном возрасте является значимой ступенью для становления личности в подростковом возрасте, для включения в полезные виды деятельности, общение со сверстниками приводит к более пагубному поведению, ведь копируется манера поведения. В основу деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних положены психолого-правовые характеристики и все психологическое положение в целом, ведь каждый подросток формируется, складывается как личность и развивается, всему этому положен психологический аспект для реализации полезных событий, деятельности, общения, которые приносят несовершеннолетним успех.

Проблема безнадзорности и правонарушений на психолого-правовом уровне наиболее остро становится в период подросткового возраста, ведь подростковый возраст самый ранимый, кризисный, трудный. Ведь, у несовершеннолетних подростков психически-духовное развитие, только проходит этап ремиссии, а на психологическом уровне, это говорит о том, что этап развитие не завершён, а только продолжается, заключается это в характерных поступках и поведении несовершеннолетних подростков которые совершают противозаконные поступки, копируя поведения сверстников идут на проступки и приключения за которыми кроится любопытство и неспособность адаптации согласно собранной статистической информации психолого-правового анализа.

Примером данной ситуации может служить сговор сверстников и копирование их поведения, которые часто берут спокойного подростка на «слабо», в Ростовской области произошла ситуация, когда группа подростков влезла в дом, одна группа, подговорила спокойных подростков совершить противоправные действия.

Именно в этом возрасте ребенку необходима поддержка семьи, родители должны научить ребенка выстраивать конструктивные отношения, чувств ответственности, забыты, уважения, если до этого этапа это не произошло, то неудовлетворение данных потребностей приведут подростка в группу сверстников, а объединившись сверстники, они же подростки будут выстраивать свою иерархию общения и законов, которые с легкостью могут оказаться губительными для их личности [1].

На современном этапе распространённая сеть интернета вовлекая подростков в преступность, предоставляет опасность для жизни несовершеннолетних, ведущая их к противозаконным действиям, экстремисткой деятельности. неповиновению правоохранительным органам, в связи с вышеизложенных на территории субъектов Ростовской области необходимо создать новую информационную политику [2].

Психолого-правовой анализ собранной информации по правонарушениям и безнадзорности несовершеннолетних позволяет сделать вывод, о том, что недостаток, а именно упущения в работе сотрудников, работающих с несовершеннолетними детьми (**инспектор по делам несовершеннолетних и правоохранительные органы**) предполагает разработку новых методик и законов, способствующих предотвратить нарушения и противоправные действия несовершеннолетних [3].

Существует несколько этапов психолого-профилактической работы с несовершеннолетними:

1. Первый этап, он направлен на предотвращение негативного воздействия биологических и социально-психологических факторов, влияющих на формирование девиантного поведения;

2. Второй этап, это комплекс медицинских, социально-психологических, юридических мер, направленных на работу с несовершеннолетними, имеющими девиантное поведение.

3. Профилактика и предотвращение рецидива, на данном этапе психолого-профилактической работы важно чтоб подросток не совершил повторного преступления.

Статистические данные взятые за последние несколько лет говорят о том, что каждый год сотрудниками правоохранительных органов выявляется большая численность правонарушений и нарушений законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В органах системы профилактики нет комплексного подхода к работе с семьями, находящимися в социально опасной ситуации, нет должного межведомственного взаимодействия. Именно сотрудники определенных служб полиции, сотрудники по делам несовершеннолетних выявляют социально опасное положение несовершеннолетнего подростка и после их вмешательства в ситуации удастся изменить ситуацию, сотрудники исполнительной власти оказывают семьям и детям психологическую помощь [1].

В систему психолого-правовой профилактики, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят психолого-правовые аспекты, представленные на рисунке.

Рисунок. Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Согласно представленному и изложенному материалу психолого-правового анализа, можно сказать следующее: трудности в общении, копирование манеры поведения, издевательства со стороны сверстников, конфликты с окружающими, все эти негативные факторы ведут к становлению спокойного подростка, к преступнику.

Для решения психолого-правовой проблемы безнадзорности несовершеннолетних необходима нормативно-правовая база и различные методы регулирующие права несовершеннолетних [3].

Психолого-правовой анализ указывает на то, для устранения асоциального поведения подростков, необходимо участие родителей в воспитание и образовании детей, так же для предотвращения девиантного поведения необходимо привлечение и иных сотрудников, детям в данном возрасте необходимо посещение библиотек, музеев, данные действия вовлекут несовершеннолетних в социально-полезную деятельность, для этого необходимы вышеизложенные методы [2].

Для всестороннего развития ребенка и становления его как личности, необходимы определенные условия, лишь объединенные усилия гражданских институтов, всех правоохранительных органов и государства в целом будут способствовать и позиционировать правильную сторону развития несовершеннолетних детей.

Меры, направленные на профилактику противоправных действий несовершеннолетнего:

1. Обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, связанных с организацией благоприятных условий для их содержания, воспитания и развития;
2. Свести к минимуму преступления среди несовершеннолетних в целях охраны общественных порядков и безопасности;
3. Помощь подростку с плохим поведением, а также социальная реабилитация.

Все правовые механизмы, которые позволяют призвать подростков к соблюдению закона с целью снижения правонарушений и профилактики безнадзорности несовершеннолетних.

Важнейшими направлением государственной политики на психологическом уровне должна стать разработка новой системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, с целью предотвращения девиантного поведения подростков необходимо учитывать следующее: система дополнительных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, порождающих правонарушения и антиобщественное поведение несовершеннолетних, а также развитие системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, должна быть результатом деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Психолого-профилактическая работа для предотвращения совершения преступлений и безнадзорности несовершеннолетних на территории субъектов Российской Федерации, предполагает проводить с подростками тренинги, дискуссия, мозговой штурм, ролевые игры, так же будут полезными групповые задания.

Подводя итог данной статьи, следует сделать вывод о том, что для решения проблемы безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, необходим психологический подход, эффективным действием решения проблемы станет взаимодействие полиции со всеми субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений, включая уже имеющуюся правовую базу, рациональным использованием будет включение механизма обмена.

Список использованных источников

1. Бакаев, А.А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие / А. А. Бакаев, Н. И. Остапенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Первая образцовая тип., фил. «Ульяновский дом печати», 2019. – 239 с. – ISBN 978-5-98585-269-1
2. Винниченко, Е.О. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации: административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Винниченко Евгений Олегович ; [Место защиты : Тюмен. гос. ун-т]. 190 с.

3. Гета, М.Р. Ювенальная юстиция: проблемы и перспективы : учебное пособие / М. Р. Гета, Е. А. Писаревская ; Кемеровский гос. ун-т, Новокузнецкий ин-т (филиал). – Новокузнецк : 2013. – 121 с. –URL: <https://icdlib.nspu.ru/views/icdlib/4398/read.php> (дата обращения: 13.12.2024) . – ISBN 978-5-8353-1359-4.
4. Киселев, А.В. Нормативно-правовое регулирование и практика профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / А.В. Киселев // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних: Материалы международной научно-практической конференции (26-27 августа 2015 г.) Часть II. – Москва : ВНИИ МВД России, 2006. – С. 74-79.

УДК 159.9

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО СВЕРСТНИКАМИ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Устинова Наталия Валериевна
канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(d-ustin.80@mail.ru)

Проведено исследование особенностей формирования у старших дошкольников гуманных взаимоотношений со сверстниками в процессе совместной деятельности. Результаты могут быть использованы в деятельности воспитателей и психологов с целью разработки средств и методов по формированию и улучшению гуманных взаимоотношений детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: гуманные взаимоотношения, совместная деятельность, дошкольный возраст, личностный рост дошкольника, нравственный компонент.

JOINT ACTIVITY WITH PEERS AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF HUMANE RELATIONSHIPS AMONG OLDER PRESCHOOLERS

Ustinova Nataliya Valerievna
candidate of Psychological Sciences,
associate professor of the Department of Psychology
Donetsk State University (RF, Donetsk)
(d-ustin.80@mail.ru)

A study of the peculiarities of the formation of humane relationships with peers in the process of joint activities among older preschoolers has been conducted. The results can be used in the activities of educators and psychologists in order to develop tools and methods to improve the humane relationships of preschool children.

Key words: humane relationships, joint activities, preschool age, personal growth of a preschooler, moral component.

Важнейшей задачей отечественного образования является разностороннее развитие человека, создание условий для развития его нравственной сферы, формирования социальной ориентации и нравственной позиции, что имеет не только педагогическое, но и глубокое общественное значение. Дошкольное детство – один из важных этапов становления морально-нравственного облика ребёнка. Именно в этот период зарождаются и наиболее активно развиваются ключевые особенности взаимоотношений с другими людьми. Дети стремительно растут, развиваются, сознательно и подсознательно постигают моральные нормы социума, в котором живут. Крайне важно, чтобы они научились жить и налаживать общение в среде сверстников, приобретали друзей, поддержку от них своих интересов, помощь в случае неудачи и удовлетворение иных социальных потребностей. Первый опыт таких взаимоотношений выступает в качестве фундамента для дальнейшего личностного роста дошкольника. В этот период закладываются основные личностные механизмы – система представлений об окружающей действительности, о своих возможностях. Данные механизмы ложатся в основу духовно-нравственного эмоционального развития ребёнка, порождая наиболее сильные переживания и определяя мотивы главных поступков. Поэтому проблема формирования взаимоотношений ребёнка со сверстниками в условиях появления нарастающего числа факторов индивидуализации интересов приобретает особую актуальность. Она крайне актуальна и для дошкольных учреждений ввиду распространённости негуманного поведения детей вследствие копируемого авторитарного стиля взаимоотношений, недостаточно высокой культуры общения взрослых в окружении ребёнка. В основе формирования гуманных взаимоотношений лежат способность переносить переживания на себя, эмпатия, умение понимать другого, что А.В. Запорожец считал видом внутренней психической активности ребёнка [2].

Теоретическую основу представляемого исследования составили труды Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович, А.В. Запорожца, В.В.

Абраменковой, К.А. Орлова и др. Категория «гуманных отношений» рассматривается в русле социально-психологического, коллективистского (Иванов И.П., Вейт И.А.), деятельностного (Орлов К.А., Лихачёв Б.Т.), системного (Авраменко О.В., Востриков А.А., Козлова С.А., Марьенко И.С., Маркова Т.А., Вакуленко О.В., Абраменкова В.В.) подходов [1, 3, 4]. В своих исследованиях авторы по-разному рассматривают понятие «гуманные взаимоотношения»: как иерархию центральных гуманных качеств (И.С. Марьенко); как единство нравственно ценных представлений и понятий, чувств и действий человека (Б.Д. Кисикова); как особый вид общения, взаимодействия, основанный на реализации принципов взаимопонимания, взаимодоверия, взаимоактивности, взаимооткрытости (К.А. Орлов, Т.А. Вережкина); как включение социальных мотивов сочувствия, сопереживания, помощи (А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, А.Д. Кошелева, И.С. Хомякова).

Несмотря на различия в трактовке феномена гуманных взаимоотношений и его дефиниций, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что данный вид отношений при любой форме проявления включает три основных компонента – когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный компонент представлен знаниями и представлениями о сущности гуманизма, нравственных норм, ценностей, идеалов, об особенностях и сложностях реализации гуманного отношения, относительности трактовки конкретных форм поведения и гуманных либо негуманных действий в зависимости от реальных условий. Эмоциональный компонент предполагает наличие совокупности эмоциональных переживаний, обуславливающих стремление человека проявить гуманность. Поведенческий компонент отражает умение соблюдать нормы и правила в общении, проявлять уважение к другому человеку, нетерпимости к антигуманности в отношениях между людьми.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что совместная деятельность и занятия со сверстниками в дошкольных учреждениях является фактором формирования гуманных взаимоотношений детей старшего дошкольного возраста. Исследование проводилось на базе Муниципального

бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Ясли – сад №34 г. Макеевки» (далее МБДОУ №34). Выборку составили воспитанники двух старших и подготовительных групп в количестве 52 человек (в экспериментальную и в контрольную группы вошли по 26 человек) в возрасте 5–6 лет. Из них в экспериментальной группе 12 мальчиков и 14 девочек; в контрольной – 10 мальчиков и 16 девочек. На основе анализа трудов Славиной Л.С., Коломинского Я.Л., Котырло В.К. и Прокошенко Л.Н., в ходе исследования был выделен ряд критериев и показателей уровня сформированности у детей старшего дошкольного возраста гуманных взаимоотношений со сверстниками. Исходя из этих критериев были подобраны диагностические методики для их выявления. Для статистической проверки полученных данных использовался t – критерий Стьюдента. Компоненты, показатели и используемые диагностические методики приведены в Таблице.

Работа при проведении эксперимента распределилась на три этапа:

1. Мотивационный этап, целью которого являлось формирование у детей желания проявлять гуманные взаимоотношения со сверстниками в процессе совместной деятельности. Он включал в себя просмотр мультфильмов и ситуации-инсценировки, чтение художественных литературных произведений.

2. Когнитивный этап, в ходе которого у детей старшего дошкольного возраста формировались представления о том, что представляют собой «гуманные взаимоотношения» со сверстником, о способах и правилах проявления гуманных взаимоотношений в различных ситуациях, включая ситуации оказания помощи, эмоциональной поддержки сверстника, выражения радости в случаях успеха сверстника.

3. Деятельностно-обучающий этап, целью которого являлось формирование умения понимать эмоциональное состояние сверстников, определять их причину, замечать ситуации неблагополучия у сверстника и оказывать помощь.

С целью выявления уровня сформированности гуманных взаимоотношений со сверстниками у старших дошкольников в

экспериментальной и контрольной группе была проведена первичная диагностика выделенных в ходе теоретического анализа характеристик гуманных взаимоотношений с помощью подобранного пакета методик.

Таблица.

Компоненты, показатели и диагностические методики исследования

Компонент	Показатель	Диагностическая методика
Когнитивный	1.1. Представление детей о «гуманных взаимоотношениях» с другими.	Методика «Рукавички» (Цукерман Г.А.)
	1.2. Умение определить гуманность поступка ребёнка и выделять мораль.	Методика «Как поступить?» (в модификации Смирновой Е. О.)
	1.3. Представление детей о сверстниках, как о партнёрах взаимодействия и совместной деятельности	Методика «Изучение навыков культуры общения во взаимодействии со сверстниками» (Урунтаева Г. А., Афонькина Ю. А.)
Поведенческо – деятельностный	2.1. Уровень развития гуманной направленности личности ребёнка во взаимодействии со сверстниками.	Методика «Сделаем вместе» (Калинина Р.Р.)
	2.2. Умение сохранить доброжелательность к сверстнику в ситуациях столкновения интересов детей, уступать.	Методика «Как поступить?» (в модификации Смирновой Е.О., Калягиной Е.А.)
	2.3. Умение замечать ситуации неудач сверстника и проявлять сочувствие.	Методика «Раскрась рисунок» (Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А.)
Эмоционально – мотивационный	3.1. Исследование потребности в проявлении гуманных взаимоотношений к сверстникам.	Методика «Незаконченный рассказ» (в модификации Урунтаевой Г.А., Афонькиной Ю.А.)
	3.2. Изучение эмоционального отношения детей к нравственным нормам.	Методика «Сюжетные картинки» (Матвеева Л.Г., Выбойщик И.В.)
	3.3. Изучение стремления дошкольников к проявлению гуманных взаимоотношений.	Методика «Незаконченный рассказ» (в модификации Урунтаевой Г.Л., Афонькиной Ю.А.)

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что высокий уровень развития когнитивного компонента гуманных взаимоотношений был выявлен у 37,3% детей, что говорит о способности самостоятельно вступать в контакты, поддерживать диалог, предупреждать конфликты. Средний уровень выявлен у 47,3% дошкольников, что свидетельствует о наличии знаний о гуманном

поведении, поступках, но возможном возникновении трудностей при их воспроизведении в реальной жизни. Низкий уровень был выявлен у 15,3% дошкольников исследуемой группы. Этим детям характерна слабая сформированность понятия «гуманные взаимоотношения». Результаты диагностики поведенческо-деятельностного компонента показали, что высокий уровень его развития характерен для 32% исследуемых дошкольников, такие дети самостоятельно замечают ситуацию неблагополучия у сверстника и готовы прийти на помощь. У 47,3% дошкольников был выявлен средний уровень данного показателя, у этой группы детей отмечается умение гуманно относиться к окружающим, однако, с помощью подсказок взрослого. Низкий уровень, выявленный у 20,6% дошкольников, говорит о том, что они испытывают трудность в оказании помощи и взаимодействии со сверстниками. Результаты диагностики эмоционально-мотивационного компонента показали, что высокий уровень его развития свойственен 17,6% дошкольников исследуемой группы, это говорит о том, что такие дети проявляют интерес к гуманным поступкам, готовы к преодолению антигуманного поведения. Средний уровень, выявленный у 64,3% исследуемой группы, показывает, что такие дети в меньшей степени стремятся проявлять гуманные взаимоотношения со сверстниками. Низкий уровень (18% дошкольников) говорит об их нежелании проявлять гуманность в поступках не только по отношению к сверстникам, но и к окружающим.

На этапе первичной диагностики было выявлено, что уровень сформированности гуманных взаимоотношений у детей экспериментальной и контрольной групп статистически не отличается. Результаты диагностики экспериментальной группы после проведения развивающей работы, направленной на формирование у старших дошкольников гуманных взаимоотношений со сверстниками в процессе совместной деятельности, сравнивались с показателями, полученными ранее на диагностическом этапе исследования для оценки эффективности проведенной развивающей работы.

Так, результаты повторной диагностики по методике «Рукавички» (Цукерман Г.А.) показали более высокий уровень сформированности действий

по согласованию усилий в процессе организации и осуществления сотрудничества (кооперации) у детей экспериментальной группы ($t=2$; $p\leq 0,05$). Дети, с которыми проводилась развивающая работа, демонстрировали более высокий уровень совместной деятельности, что выражалось в их умении договариваться друг с другом, аргументировать и делать общие выводы по принятым решениям, в отличие от детей в контрольной группе.

В результате повторного применения методики «Как поступить?» (в модификации Смирновой Е.О., Калягиной Е.А.) были выявлены значимые различия ($t=2$; $p\leq 0,05$), что подтверждает развитие коммуникативной компетентности в общении у детей экспериментальной группы. В процентном соотношении можно отметить, что у детей экспериментальной группы в большей степени стали преобладать вербальный (53%) и продуктивный – 23% способы решения проблемных ситуаций, по сравнению с констатирующим этапом эксперимента (вербальный – 39%, продуктивный – 19%). Снизилось количество ответов с 23% до 12%, которые не содержат в себе каких-либо самостоятельных решений предложенной проблемной ситуации; агрессивное решение проблемной ситуации также снизилось с 19% до 12%.

Повторная диагностика по методике «Сделаем вместе» (Калинина Р.Р.) ($t=2,1$; $p\leq 0,05$) позволяет сделать вывод о различии в двух группах уровня развития нравственной направленности личности ребёнка, проявляющейся во взаимодействии со сверстниками. В экспериментальной группе наблюдается значительное увеличение доли дошкольников, обладающих высоким уровнем анализируемого свойства (с 23% до 39%).

Результаты по методике «Раскрась рисунок» (Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А.) демонстрируют статистическое отличие в контрольной и экспериментальной группах ($t=2,3$; $p\leq 0,05$). Умение замечать ситуации неблагополучия у сверстника, проявлять сочувствие и осуществлять помощь в экспериментальной группе повысилось в отличие от контрольной.

По методике «Сюжетные картинки» (Матвеева Л.Г., Выбойщик И.В.) были выявлены значимые различия ($t=2,2$; $p\leq 0,05$), что указывает на увеличение

уровня знаний о нравственных нормах у дошкольников экспериментальной группы, которое проявляется в умении правильно применить моральное правило к ситуации.

Таким образом, в экспериментальной группе, где было осуществлено целенаправленное развивающее воздействие, отмечается положительная динамика в формировании гуманных взаимоотношений со сверстниками в процессе совместной деятельности, что доказывает необходимость, а также эффективность совместной деятельности со сверстником для формирования гуманных взаимоотношений детей старшего дошкольного возраста. Развивающая работа, ориентированная на формирование гуманистической направленности, подтвердила положение о значительных возможностях влияния совместной деятельности на личность ребёнка. Результаты исследования могут быть использованы в педагогической деятельности воспитателей и работе психологов с целью разработки средств и методов по улучшению гуманных взаимоотношений дошкольников со сверстниками.

Список использованных источников

1. Абраменкова, В.В. Сорадование и сострадание в детской картине мира / В.В. Абраменкова. – Москва : Эко, 1999. – 224 с.
2. Запорожец, А. В. Воспитание эмоций и чувств у дошкольника / А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, А.Д. Кошелева и др. // Под ред. А.Д. Кошелевой. – Эмоциональное развитие дошкольника : Пособие для воспитателей детского сада. – Москва : Просвещение, 1985. – 176 с.
3. Маркова, Т.А. О детской дружбе и воспитании дружеских взаимоотношений / Т.А. Маркова. – Обучение и воспитание дошкольников в деятельности. – Москва, 2004. – 152 с.
4. Орлов, К.А. Особенности формирования гуманности на отдельных этапах развития личности / К.А. Орлова // Совершенств. учебно-воспитательного процесса в образовательном учреждении: сб. науч. тр. – Москва : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. – С. 162–165.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРУДОГОЛИЗМА У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Цурко Елизавета Сергеевна

студент 4-го курса направления подготовки Психология

Ковальчишина Наталья Ивановна

канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры психологии и конфликтологии

Филиал Российского Государственного Социального Университета в г. Минске

Республики Беларусь (РБ, г. Минск)

(li.tsurko@gmail.com)

В статье рассмотрена проблема понимания феномена трудоголизма современной молодежью и его признаки в их жизнедеятельности. Обозначена актуальность изучаемого процесса, эмпирически выявлен уровень выраженности этого явления у молодых людей. Предложены рекомендации по коррекции высокой степени трудоголизма у современной молодежи и намечены перспективы дальнейшего исследования данной темы.

Ключевые слова: трудоголизм, социально-психологические особенности, социально-психологические факторы, социально-психологическая коррекция, социально-психологический тренинг.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF WORKAHOLISM IN MODERN YOUTH

Tsurko Elizaveta Sergeevna

4th year student majoring in Psychology

Kovalchishina Natalia Ivanovna

PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of

Psychology and Conflictology

Branch of the Russian State Social University in Minsk, Republic of Belarus (RB, Minsk)

(li.tsurko@gmail.com)

The article examines the problem of understanding the phenomenon of workaholism by modern youth and its signs in their life. The relevance of the process under study is indicated, the level of expression of this phenomenon in young people is empirically identified. Recommendations are offered for the correction of a high degree of workaholism in modern youth and prospects for further research on this topic are outlined.

Key words: workaholism, socio-psychological features, socio-psychological factors, socio-psychological correction, socio-psychological training.

Труд является одним из важнейших видов деятельности для человека. Л. С. Выготский писал о труде как о неотъемлемой части развития мышления человека в онтогенезе [2]. Однако в современном мире все чаще и чаще можно наблюдать смещение цели труда из средства достижения благ и удовлетворения потребностей (как базовых, так и высших) на саму трудовую деятельность [5].

Явление трудоголизма сегодня – актуальная тема современных исследований не только психологии, но и других смежных наук. Ранее подобные исследования проводились значительно реже, так как трудоголизм являлся социально одобряемым поведением, и в наши дни остается таковым, однако на данный момент изучению данного явления уделяется значительно больше внимания, поскольку учеными было выявлено негативное влияние трудоголизма (равно как и любой другой зависимости) на психоэмоциональное состояние человека.

Впервые феномен трудоголизма был описан в 1971 г. профессором психологии и религии W. Oates, который не только ввел в употребление термин «трудоголик», но и описал признаки трудоголизма у человека [1].

Данный феномен изучали такие авторы, как А.А. Балко [1], Б. Киллинджер [6], Е.Н. Рядинская [3], Д. Шульц [4], Л.Н. Юрьева [5] и др.

Б. Киллинджер под понятием трудоголизма раскрывает использование человеком работы как средства бегства от реальности, когда трудовая деятельность становится единственной целью в жизни, а все остальное переходит на второй план [6].

Д. Шульц разделяет трудоголиков на две условные группы: те, кто с энтузиазмом берутся на дело и получают удовлетворение от работы, и те, для кого тяга к работе становится болезненной, зависимой [4].

Л.Н. Юрьева выделяет следующие факторы риска формирования трудоголизма [5]:

- 1) стиль воспитания;
- 2) психологические особенности личности;
- 3) социально-психологические и культурные факторы.

К психологическим особенностям личности трудоголика относят следующие явления [3]:

- 1) повышенная личностная тревожность;
- 2) эмотивность;
- 3) экстраверсия;
- 4) сенситивность.

Таким образом, несмотря на многочисленность исследований в области проявления трудоголизма у человека, представленная тема актуальна и требует дальнейшего более детального исследования.

Цель статьи – выявить социально-психологические особенности проявления трудоголизма у молодежи.

Задачами исследования являются: анализ подходов в отечественной и зарубежной психологии к пониманию феномена трудоголизма и его проявлениям, выделение психологических характеристик трудоголизма, эмпирическое исследование особенностей проявления трудоголизма у молодежи и разработка практических рекомендаций по результатам исследования.

Для реализации цели исследования нами использовались: анкетирование респондентов, методика Б. Киллинджера «Опросник трудоголизма» в адаптации Ц.П. Короленко.

Анкета состояла из девяти вопросов и содержала два блока: социально-демографический, содержащий информацию о возрасте и поле респондентов, и психологический, содержащий вопросы о понятии трудоголизма.

В исследовании приняли участие 49 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, среди них 38 женщин (78%) и 11 мужчин (22%).

Вначале нами был проведен опрос молодых людей относительно их понимания процесса трудоголизма. На вопрос, знакомы ли респонденты с понятием «трудоголизм», почти все (98%) ответили утвердительно.

В ходе исследования были получены данные о том, как молодые люди понимают феномен трудоголизма. Основные ответы представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Понимание студентами понятия «трудоголизм»

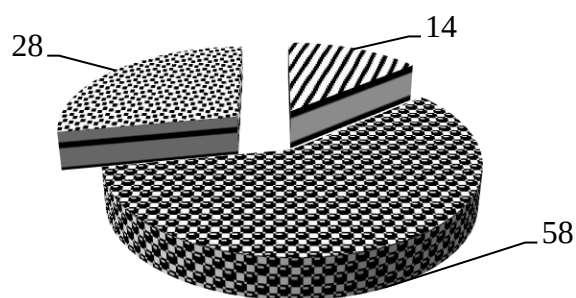
Анализ полученных данных в ходе анкетирования показал, что не все респонденты в полной мере осведомлены о том, как понимается и что значит трудоголизм. Соответственно, данный вопрос требует детального прояснения и информирование молодежи.

Важным результатом выявился также и тот факт, что большинство опрошенных (63%) сталкивались в своей жизни с трудоголизмом и испытывали трудности в связи с этим процессом (79%), лишь у небольшой группы (12%) не возникало проблем с этим.

В ходе анкетирования были выявлены и пути совладания респондентов с проблемой трудоголизма:

- 1) рефлексия, ведение дневника чувств и эмоций;
- 2) разделение проблемы с близкими;
- 3) личная психотерапия;
- 4) тайм-менеджмент и изменение режима дня;
- 5) уход из трудоголизма в прокрастинацию;
- 6) смещение акцента с работы и учебы на хобби и личную жизнь;
- 7) насильственное прекращение деятельности;
- 8) отдых.

Проанализировав степень проявления трудоголизма у молодых людей по методике Б. Киллинджера, можно отметить, что у более половины студентов (58%) наблюдается средний уровень трудоголизма и у небольшой группы (14%) – высокая степень (Рисунок 2).

▣ Высокий уровень ▣ Средний уровень ▣ Низкой уровень

Рисунок 2. Выраженность уровня проявления трудоголизма у молодежи, в %

Из полученных результатов следует, что преобладающее большинство респондентов (72%) – трудоголики (высокий и средний уровни).

Таким образом, можно подчеркнуть, что, несмотря на возраст, современной молодежи свойственно проживать явление трудоголизма. Скорее всего, это связано с их личностными особенностями и определенными субъективными причинами, условиями жизнедеятельности и др.

Для профилактики подобных деструктивных фактов в жизни молодых людей, в качестве практических рекомендаций, нами предлагаются следующие результативные шаги: во-первых, сконцентрироваться на повышении уровня информированности о феномене трудоголизма за счет проведения разнообразных тематических лекций и диалоговых площадок; во-вторых, разрабатывать и целенаправленно осуществлять проведение социально-психологических тренингов среди молодежи, направленных на выработку новых паттернов поведения, формирование навыков тайм-менеджмента и других необходимых компетенций.

Таким образом, результаты данного исследования подчеркивают значимость дальнейшей работы по вопросу проблемы трудоголизма, более глубокого изучения социально-психологических особенностей его проявления и разработки практических рекомендаций по оказанию помощи молодым людям, столкнувшимся с данной проблемой.

Список использованных источников

1. Балко, А.А. Психологический анализ проблемы трудоголизма / А.А. Балко // Молодежная наука: вызовы и перспективы : материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Макеевка, 6 апреля 2020 г.) / под ред. В.И. Веретенникова. – Макеевка : ДОНАГРА, 2020. – С. 20–23
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь : [монография] / Л.С. Выготский. – Москва : Лабиринт, 2007. – 350 с.
3. Рядинская, Е.Н. Особенности проявления трудоголизма / Е.Н. Рядинская, В.В. Волобуев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, вып. 1. – С. 67–73.
4. Шульц, Д. Психология и работа / Д. Шульц, С. Шульц. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 560 с.
5. Юрьева, Л.Н. Трудоголизм : факторы риска развития и признаки патологической зависимости / Л.Н. Юрьева // Вестник психиатрии и психологии Чувашии, 2015. – № 3. – С. 21.
6. Killinger, B. Workaholics: The respectable addicts. – New York: Simon& Schuster, 1991.

УДК 159.922.83-057.87:[316.48:316.362]

ВЗАИМОСВЯЗЬ РОДИТЕЛЬСКИХ КОНФЛИКТОВ С НАВЯЗЧИВЫМИ ГРЕЗАМИ

Черных Лариса Анатольевна

*Д-р психол. наук, доцент, профессор кафедры психологии
(larisa_pon@inbox.ru)*

Левков Александр Геннадиевич

*аспирант кафедры психологии
Луганский государственный педагогический университет
(РФ, г. Луганск) (sasha.levkov.01@mail.ru)*

В статье рассматривается явление навязчивых грез, или неадаптивных мечтаний (maladaptive daydreaming), являющееся неоднозначным и противоречивым в современной психологической науке. Выявлена специфика внутрисемейных конфликтов и их влияние на развитие личности. Обоснованы результаты исследования взаимосвязи родительских конфликтов с формированием навязчивых грез.

Ключевые слова: навязчивые грезы; личность, склонная к фантазиям; механизм психологической защиты; травматичный опыт; внутрисемейный конфликт; супружеский конфликт.

CORRELATION BETWEEN PARENTS CONFLIKTS AND MALADAPTIVE DAYDREAMING

Chernykh Larisa Anatolyevna

*Doctor of Psychology, Associate Professor
Professor of the Department of Psychology
(larisa_pon@inbox.ru)*

Levkov Alexander Gennadievich

*Post-graduate student of the Department of Psychology
Lugansk State Pedagogical University
(Russian Federation, Lugansk) (sasha.levkov.01@mail.ru)*

The article examines the phenomenon of obsessive dreams, or maladaptive daydreaming, which is ambiguous and contradictory in modern psychological science. The specifics of intra-family conflicts and their impact on personality development are revealed. The results of the study of the relationship between parental conflicts and the formation of obsessive dreams are substantiated.

Key words: Maladaptive Daydreaming; a Person prone to fantasies; a Mechanism of psychological protection; Traumatic experience; Intra-family conflict; Marital conflict.

Проблема формирования навязчивых грез еще более неоднозначна, чем сама их концепция в психологической науке. Выделить факторы, приводящие к закреплению «привычки» уходить в фантазии с целью совладания со стрессом, напряжением и огромным количеством трудностей окружающего мира, оказалось сложным, поскольку проблема навязчивых грез охватывает значительное количество сфер психической жизни человека, как в своем формировании, так и в дальнейшем воздействии на его повседневную жизнь.

Е. Somer, первооткрыватель проблемы навязчивых грез, определяет их как чрезмерную мечтательную деятельность, которая заменяет собой межличностное взаимодействие и/или мешает учебной, профессиональной деятельности [13].

В вопросе о том, чем именно являются навязчивые грезы, очень важно заметить, что, с одной стороны, такая деятельность воображения является естественной защитной реакцией психики. Об этом можно говорить из результатов исследования Е. Somer, Н.М. Abu-Rayya и R. Brenner [12], которые свидетельствуют о том, что грезы и фантазии являются способом преодоления

тяжелых ситуаций, отвлекают людей от болезненных, нередко травматических, воспоминаний, помогают в регуляции болезненных эмоций.

До становления самостоятельной проблемы навязчивых грез, похожие проявления чрезмерного фантазирования также изучали J. Singer, S.C. Wilson и Т.Х. Barber. Последние в результатах своих исследований обнаружили и определили склонность личности к фантазированию как отдельную личностную характеристику и представили это понятие как: «Личность, склонная к фантазиям – это личность с предрасположенностью или личностной чертой, в которой человек на протяжении жизни испытывает обширную и глубокую вовлеченность в фантазии» [14; 15].

От навязчивых грез и навязчивых фантазий следует отличать явление руминации как заикливание на одних и тех же мыслях, часто негативного характера, связанных с прошедшими событиями и негативными переживаниями, которые, по мнению М.А. Калининой, больше свойственны для обсессивного расстройства, в частности, при малопрогредиентной шизофрении [2]. Д.В. Труевцев, О.А. Сагалакова рассматривают руминации в контексте метакогниций и навязчивых мыслей, которые приводят к неспособности справиться с жизненными трудностями [4].

Сходным с навязчивыми фантазиями выступает явление патологического фантазирования, наблюдающегося у психопатических личностей, в особенности из круга истерических, у которых наблюдается незрелость мышления со склонностью к фантазиям, получившего название синдрома фантастической псевдологии или мифомании. Вследствие психического инфантилизма, повышенной внушаемости и снижения критических возможностей возникают патологические фантазии как показ своей исключительности, отрицание отталкивающей, невыносимой реальности, т.е. способ психологической защиты [1].

Возвращаясь к вопросу навязчивых грез, некоторые авторы (Е.С. Цветкова, М.В. Яковлева и др.) рассматривают их как синдром, хотя в медицинской классификации болезней нет такой нозологической единицы. Вместе с тем проявление навязчивых грез с их отрешенностью от реального

мира, уходом в мир захватывающих фантазий, нарушениями концентрации внимания и пренебрежением своими обязанностями в реальном мире, сокращением общения со значимыми людьми можно отнести к патологическим проявлениям и даже к психическому расстройству [6].

Людей, уходящих в мир навязчивых грез для снижения уровня тревоги и облегчения своего состояния, получения в грезах недостающей поддержки и комфорта, называют «дейдримерами» [11]. Одной из причин развития такого состояния исследователи называют избегающее поведение вследствие психических травм, насилия в семье [5, с. 22], а некоторые связывают его с адаптивным механизмом совладающего поведения, следствием которого становятся диссоциации и поведенческая зависимость, социальная дезадаптация, трудности в осуществлении даже простой ежедневной активности [9; 10].

Здесь важно заметить, что склонность личности к фантазированию нами выделяется как отдельный фактор, на основе которого формируются навязчивые грезы. В свою очередь, авторы определили ряд других факторов, влияющих на формирование склонности к фантазированию.

В рамках данной работы нами рассматривается первый из выделенных S.C. Wilson и T.X. Barber фактор, а именно: фактор влияния родителей или опекунов на формирование склонности к фантазированию. В проблеме влияния семейных взаимоотношений на формирование навязчивых грез, в первую очередь, важно выделить внутрисемейные конфликты [15].

Семейный конфликт – это не просто скандал или ссора, «выяснение отношений», это следствие и форма проявления столкновения противоположно направленных целей, интересов, позиций, ролей, мнений, ценностей или взглядов каждого участника конфликта [3].

Навязчивые грезы в контексте родительского конфликта как фактора их формирования также следует рассматривать в качестве защитного механизма психики ребенка, но в случае преобладания избегающего типа поведения ребенка в ситуации конфликта. Так, при возникновении конфликта между родителями, в случае, когда ребенок становится его свидетелем, в соответствии

с личностными особенностями, он ведет себя определенным образом, нацеленным на прекращение конфликта, защиту одного из родителей или защиту себя самого посредством избегания.

Итак, внутрисемейные конфликты, в частности, конфликты между родителями, являются одними из наиболее деструктивных по своему влиянию на личность участников конфликта, поскольку семейная среда становится актуальной для каждого прямого и косвенного участника конфликта [7]. Нарушения этой среды (непосредственный факт наличия конфликтов, возникающее напряжение, психологическая атмосфера и характер межличностных отношений) оказывают серьезное влияние на отношения в семье, но главное – специфика влияния такой среды на растущего в ней ребенка.

С целью определения взаимосвязи навязчивых грез и внутрисемейных конфликтов родительской семьи студентов было проведено исследование, в котором приняли участие респонденты в возрасте от 17 до 21 года в количестве 90 человек.

На основе полученных с помощью методики MDS-16 данных, выборка была разделена на подгруппы: 20 студентов (22%), чьи показатели характеризуют выраженные навязчивые грезы, и 70 испытуемых (78%), у которых навязчивых грез выявлено не было, что явилось основой для сравнения дальнейших результатов.

С помощью составленной анкеты было выявлено, что, независимо от факта наличия или отсутствия грез, семейная ситуация в обеих подгруппах студентов имеет приблизительно одинаковое соотношение по количеству конфликтов и степени их переживания. Небольшое отличие наблюдается в том, что студенты с грезами чаще становились свидетелями родительского конфликта и предпочитали избегать ситуации посредством «ухода в себя».

По результатам методики FPI, наблюдаются значительные различия между характеристиками студентов с навязчивыми грезами и без них. Студенты с навязчивыми грезами имеют повышенный уровень невротизации личности, что проявляется не только в данных шкалы «невротизация», но и других результатах,

способствующих более острому реагированию и переживанию ситуаций, событий. Это обуславливает выявленные показатели «депрессивности», а в связи с повышенной интроверсией приводит к подавлению переживаний, к формированию поведения, основанного на сдерживании чувств. Взаимодействие таких характеристик, вероятно, способствует формированию навязчивых грез, и может подтверждать результаты теоретического исследования проблемы.

Интересные показатели демонстрируют результаты корреляционного анализа. Во-первых, между шкалами «Потребность в фантазировании» и «Депрессивность» обнаружена прямая статистически значимая взаимосвязь, свидетельствующая о повышенной потребности погружаться в грезы и фантазии как средство переработки отрицательных эмоций и состояний при высокой депрессивности. Во-вторых, была выявлена прямая статистически значимая взаимосвязь между показателями шкал «Потребность в фантазировании» и «Эмоциональная лабильность», свидетельствующая о том, что навязчивые грезы позволяют переживать эмоции, которых, возможно, в повседневности людям недостаточно, потому грезы и фантазии создают некоторую зависимость и обуславливают развитие эмоциональной лабильности, скорости и легкости смены эмоционального состояния. И в-третьих, пожалуй, самым важным оказались результаты анализа взаимосвязи между методиками MDS-16 и анкетой исследования внутрисемейных отношений, которые свидетельствуют об отсутствии взаимосвязи между навязчивыми грезами и конкретно супружескими конфликтами родителей студентов.

Однако, была выявлена статистически значимая взаимосвязь между навязчивыми грезами и непосредственной вовлеченностью ребенка в конфликт с родителями/родителем. Предположительно, в этом случае, навязчивые грезы могут служить средством «переживания» возникающего в процессе конфликта, стресса и эмоций, уровень которых будет значительно выше, чем, если бы ребенок становился свидетелем конфликта между родителями.

Таким образом, родительский конфликт не оказывает значительного влияния на формирование навязчивых грез, и взаимосвязь между этими

категориями отсутствует. Однако можно утверждать о необходимости проведения более детального исследования навязчивых грез как реакции, возникающей вследствие детско-родительских конфликтов, а также их взаимосвязи. В связи с чем, реакция ребенка на такой конфликт и повышение уровня напряжения в отношениях, вероятно, способствует возникновению навязчивого характера грез как способа защиты от переживания стресса и напряжения.

Список использованных источников

1. Жмуров, В.А. Общая психопатология / В.А. Жмуров. – Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1986. – 280 с.
2. Калинина, М.А. Синдром навязчивостей при малопрогредиентной шизофрении в детском возрасте: (Психопатол. , клин.-динам., сравн.-возрастной аспекты) : автореф. дис. ... к.м.н.: специальность 14.00.18 «Психиатрия»; Рос. акад. мед. наук, Науч. центр псих. Здоровья / М.А. Калинина. – М. 1993. – 26 с.
3. Конфликты в сфере семейных отношений: социально-психологический аспект: учебное пособие / С.В. Бобрышов, В.В. Ивакина. – Ставрополь : СГПИ, 2017. – 194 с.
4. Труевцев, Д.В. Руминации в контексте метакогниций, неадаптивных схем и психической ригидности / Д.В. Труевцев, О.А. Сагалакова // Педагогика и психология, 2011. – С. 69–72.
5. Фрит, К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит ; пер. с англ. П. Петрова. – Москва : АСТ; CORPUS, 2021. – 40 с.
6. Цветкова, Е.С. Навязчивые грезы как патологическая поглощенность фантазиями / Е.С. Цветкова, М.В. Яковлева // Психология XI века – 2022. Психология в непредсказуемом мире: условия и возможности: сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых (11–13 мая 2022 г.); ред. А. Шаболтас. – СПб. : Скифия-принт, 2022. – С. 80–81.
7. Эйдемиллер, Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб. : Питер, 2008. – 672 с.
8. Abu-Rayya, H.M. Maladaptive daydreaming is associated with intensified psychosocial problems experienced by female survivors of childhood sexual abuse / H.M. Abu-Rayya, E. Somer, H. Knane // Violence Against Women. – 2019. – P. 825–837.
9. Ferrante, E. The Mediating Role of Dissociation and Shame in the Relationship between Emotional Trauma and Maladaptive Daydreaming / E. Ferrante, A. Marino, F. Guglielmucci [et al.] // Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice. – 2020. – № 9(1). – P. 27–39.

10. Jayne, B. Compulsive Fantasy: Proposed Evidence of an Under-reported Syndrome through a Systematic Study of 90 Self-identified Non-normative Fantasizers / B. Jayne, S. Cynthia // Consciousness and Cognition. – 2011. – № 20. – P. 1634–1648.
11. Shubh, R. Maladaptive Daydreaming: Overview / R. Shubh, M. Vyas // IAHRW International Journal of Social Sciences Review. – 2022. – № 10(3). – P. 370–375.
12. Somer, E. Childhood antecedents and maintaining factors in maladaptive daydreaming / E. Somer D. S. Jopp // J Nerv Ment Disease. – 2016. – P. 471–478.
13. Somer, E. Maladaptive Daydreaming: A Qualitative Inquiry / E. Somer // Journal of Contemporary Pshychoterapy. – 2002. – P. 197–212.
14. Wilson, S.C. The fantasy-prone personality: Implication for understanding imagery, hypnosis, and parapsychological phenomena / S.C. Wilson, T.X. Barber // Imagery : Current theory, research, and application. – New York : Wiley, 1983. – P. 340–390.
15. Wilson, S.C. Imagery: Current theory, research, and application / S.C. Wilson, T.X. Barber // the fantasy-prone personality: Implication for understanding imagery, hypnosis, and parapsychological phenomena; In A. A. Sheikh (Ed.). – New York: Wiley, 1983. – P. 340–390.

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ У СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Черных Лариса Анатольевна

д-р психол. наук, доцент

профессор кафедры психологии

Луганский государственный педагогический университет

(РФ, г. Луганск) (larisa_pon@inbox.ru)

Сухобрус Яна Максимовна

студент I курса магистратуры

Луганский государственный педагогический университет

(РФ, г. Луганск) (sukhobrus@bk.ru)

В данной статье автор рассматривает особенности ценностно-смысловой сферы старших школьников и её взаимосвязь с формированием образа будущего. Данная проблема является актуальной, так как изучение этого вопроса помогает отслеживать динамику влияния различных составляющих «Я-концепции» подростков на их образ будущего.

Ключевые слова: старшие школьники, подростки, ценности, смыслы, ценностные ориентации, смысловые ориентации, образ будущего, самоопределение.

FEATURES OF VALUES AND MEANINGS ABOUT THE FUTURE OF HIGH SCHOOL CHILDREN

Chernykh Larisa Anatolyevna

Doctor of Psychology, Associate Professor

Professor of the Department of Psychology

Lugansk State Pedagogical University

(Russian Federation, Lugansk) (larisa_pon@inbox.ru)

Sukhobrus Yana Maksimovna

First-year Master's student

Lugansk State Pedagogical University

(Russian Federation, Lugansk) (sukhobrus@bk.ru)

In this article, the author examines the features of the value-semantic sphere of senior schoolchildren and its relationship with the formation of an image of the future. This problem is relevant, since the study of this issue helps to track the dynamics of the influence of various components of the “I-concept” of adolescents on their image of the future.

Key words: high school students, teenagers, values, meanings, value orientations, life-meaning orientations, image of the future, self-determination.

Ценностно-смысловые представления о будущем у старших школьников являются важным аспектом их психологического развития и социальной адаптации. В современном обществе происходят изменения в структуре ценностей и смыслов, которые оказывают влияние на ожидания и перспективы молодежи в отношении будущего.

В настоящее время наблюдается динамичное развитие технологий, изменения в социокультурной сфере и глобальные вызовы, такие, как: экологические проблемы, политические перемены и экономические трансформации. Эти факторы оказывают значительное влияние на мировоззрение и ожидания старших школьников относительно своего будущего. Это заставляет пересматривать уже в подростковом возрасте ценности и смыслы, которые формируются в семье с раннего детства, а также трансформировать понятие об образе будущего в период профессионального самоопределения – в старшем школьном возрасте. Влияние семьи на подростков не вызывает сомнений, хотя сами подростки в силу специфики возраста предпочитают больше признавать влияние сверстников на формирование их ценностей и смыслов, чем семейных ценностей, норм и традиций. Изучением влияния семьи на ценностно-смысловую

сферу подростков занимались отечественные и зарубежные психологи: Л.И. Божович, Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, М. Мид, А. Маслоу, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др.

Семья оказывает сильное влияние не только на формирование ценностно-смысловой сферы, но и на становление образа будущего у старших подростков, что отражено в трудах К.А. Абульхановой-Славской [1], Б.Г. Ананьева, Ш. Бюлер, А.В. Наприса [6], С.Л. Рубинштейна и др.

Рассматривая возрастные особенности, связанные с формированием и развитием ценностно-смысловой сферы личности, следует отметить работы: Л.И. Анцыферовой, А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, Г.Е. Залесского, В.В. Знакова, В.Е. Ключко, Н.Б. Крыловой, Д.А. Леонтьева [5], М. Рокича, Э.В. Сайко, В.Ф. Сержантова, В.Э. Чудновского, Ш. Шварца, В.А. Ядова, М.С. Яницкого [9] и др.

Ценности представляют собой идеалы и эталоны должного поведения, выступая субъективными образами объективной действительности и определяя направленность активности человека [7]. Они тесно связаны с деятельностью, на основе которой формируются ценностные ориентации, объясняющие поведение и деятельность личности [2; 3].

М. Рокич выделяет в ценностных отношениях три компонента: 1) когнитивный – информация о желаемых состояниях и способах их достижения; 2) аффективный – эмоции, возникающие при взаимодействии с окружением; 3) поведенческий – действия, активируемые потребностями или возможностями [3].

Ценностные ориентации связаны с личностными смыслами, выражающими значимость явлений для человека и выступающими регуляторами его жизнедеятельности (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев [5], В. Франкл). Осознание мотива и цели порождает личностный смысл, переводя ценности в ориентиры жизнедеятельности [1; 5; 9], что четко можно проследить уже в старшем школьном возрасте.

Старший школьный возраст считается сензитивным для формирования ценностных ориентаций. В этот период развиваются мировоззрение,

самосознание и готовность к самоопределению, что связано с формированием жизненных планов [8]. А.В. Наприс выделяет: близкие планы, которые реализуют желания и поведение; средние – отражают интересы и общение; дальние, связанные с идеалами и достижением жизненных целей [6], что становится основой для формирования образа будущего.

Образ будущего исследуется через социальное и психологическое время (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн). Важную роль в формировании ценностных ориентаций играют семья и школа, при этом смысложизненные ориентации подростков связаны с целями (будущее), процессом (настоящее) и результатом (прошлое). Подростковый возраст характеризуется переходом от простых интересов к абстрактным вопросам, включая мораль, мировоззрение и психологические переживания, что способствует развитию устойчивых ценностных ориентаций.

Изучению сформированности образа будущего и смысложизненных ориентаций посвящено проведенное констатирующее исследование на базе Государственного бюджетное общеобразовательного учреждения Луганской Народной Республики ЛНР «Луганская гимназия №30 имени Н.Т. Фесенко». В исследовании приняли участие учащиеся в возрасте с 14 до 17 лет. Общее количество респондентов составило 52 человека. Среди учащихся 9–11 классов было 29 респондентов женского пола и 24 респондента мужского пола. Были использованные следующие психодиагностические методики: «Методика Ш. Шварца (Ценностный опросник Шварца)»; «Методика предельных смыслов» (Д.А. Леонтьев); «Шкала семейного окружения (ШСО)»; «Определение ценностно-ориентированного единства группы (ЦОЕ)» (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева); «Методика изучения образа возможного будущего» (В.Н. Петрова).

В результате качественного анализа методики изучения образа возможного будущего В.Н. Петровой старшеклассники были разделены на 2 группы: учащиеся со сформированным образом будущего – 38,5% (20 человек) и с несформированным образом будущего – 61,5% (32 человека).

Можно предположить, что такие результаты были получены по причине того, что часть учащихся только вступили в сензитивную фазу развития ценностно-смысловой сферы личности, и формирование образа будущего не является приоритетной задачей.

По результатам первой части «Ценностного опросника Шварца» для учащихся со сформированным образом будущего ценностями, которые оказывают влияние на их личность, оказались: универсализм, доброта, самостоятельность; наименее значимыми – стимуляция, гедонизм, власть.

По результатам «Методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева» наиболее значимыми для подростков со сформированным образом будущего являются экзистенциальные, коммуникативные и семейные смыслы (30%, 6 человек). Наименее значимые смыслы – альтруистические, статусные (30%, 6 человек) и когнитивные (40%, 8 человек).

Наиболее значимыми смыслами для подростков с несформированным образом будущего являются экзистенциальные (43,8%, 14 человек) и гедонистические (50%, 16 человек) смыслы. Наименее значимыми смыслами являются коммуникативные (28,1%, 9 человек) и семейные (21,9%, 7 человек).

По результатам методики ШСО, для выборки старшеклассников, у которых сформирован образ будущего, были получены следующие данные: пиковыми значениями являются средние показатели по всем шкалам, кроме «Ориентации на достижения» и «Сплоченность». В первой шкале, соответственно, наблюдаются одинаковые значения по среднему и высокому показателю (50%, 10 человек), во второй шкале ярко выражен высокий показатель (70%, 14 человек). Такие данные могут свидетельствовать о том, что дети со сформированным образом будущего являются осознанными, и их отношение к семье и внутрисемейным взаимоотношениям положительное, они понимаются как необходимые для становления личности (Рисунок 1).

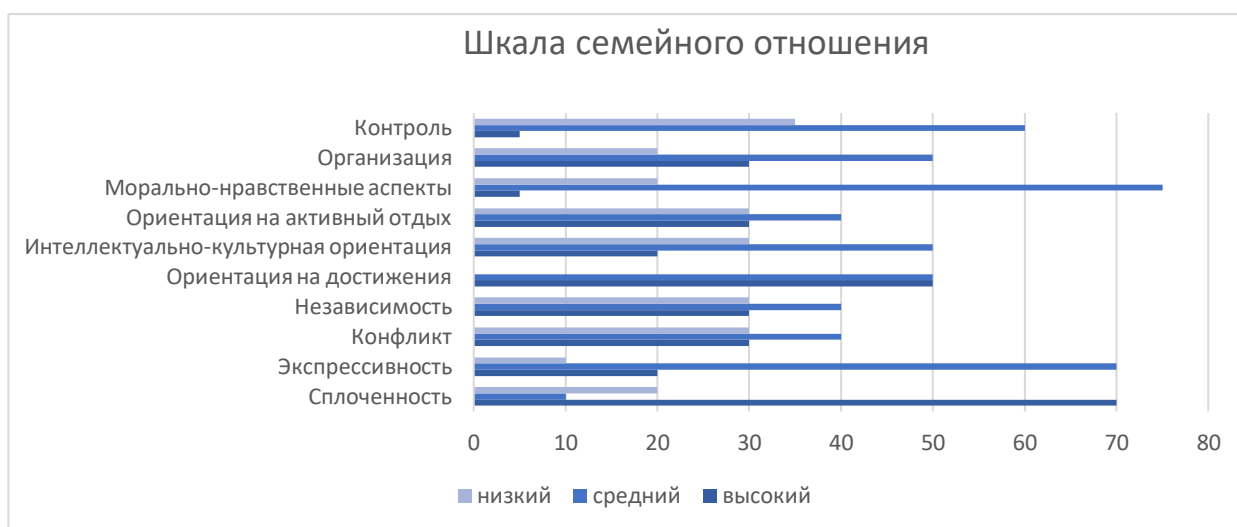

Рис. 1. Шкала семейного отношения старшекласников со сформированным образом будущего

У старшекласников с несформированным образом будущего пиковыми значениями являются средние значения по всем шкалам, кроме следующих шкал: «Контроль», «Конфликт», «Сплоченность». Низкие показатели по шкале «Контроль» (56,2%, 18 человек) могут свидетельствовать о преимущественно попустительском стиле воспитания в семьях учащихся, что также подтверждают низкие показатели по шкалам «Конфликт» (46,8%, 15 человек) и «Сплоченность» (46,8%, 15 человек). Конфликты в семьях с подростками возникают в тех случаях, когда родители не интересуются и никак не принимают участия в жизни ребенка (Рисунок 2).

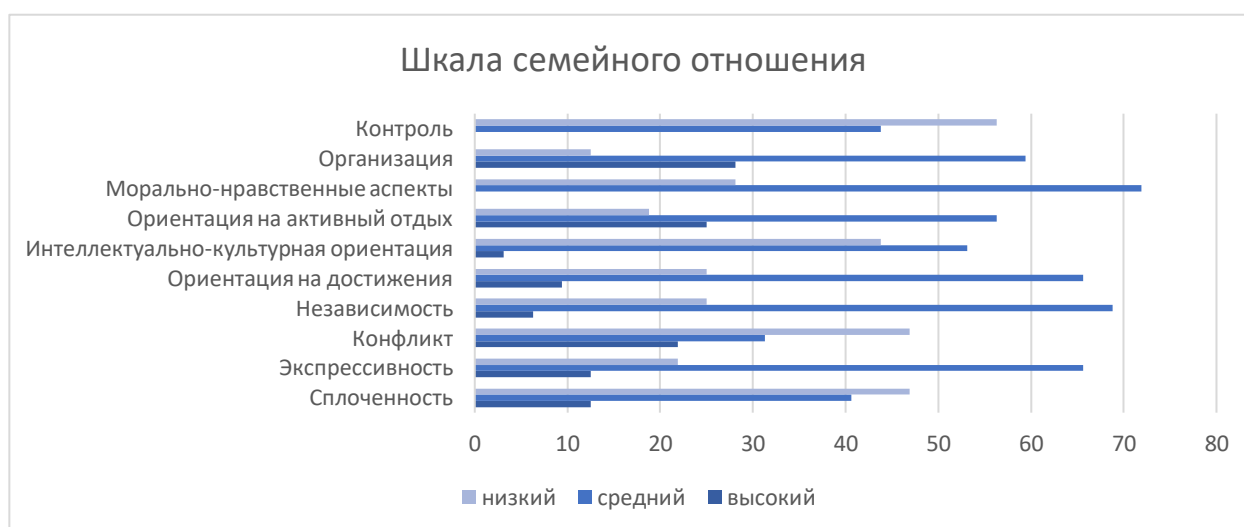

Рис. 2. Шкала семейного отношения старшекласников с несформированным образом будущего

Соответственно, мы можем предположить, что старшеклассники со сформированным и несформированным образом будущего имеют одинаковые ценности, но вкладывают в них разные смыслы, что может быть обусловлено внутрисемейными отношениями. Ценностно-смысловая сфера личности не имеет значительного влияния на формирование образа будущего, однако благоприятная обстановка внутри семей старшеклассников положительно сказывается на формировании планов на будущее.

Список использованных источников

1. Абульханова-Славская, К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К.А. Абульханова-Славская // Психология формирования и развития личности. – Москва : Наука, 1981. – С. 19–45.
2. Баширова, Д.М. Психологические особенности проявления мышления в игровой деятельности юных теннисистов / Д.М. Баширова // Актуальные проблемы физической культуры и спорта : материалы VI Международной научно-практической конференции ; под ред. Г.Л. Драндрова, А.И. Пьянзина. –Казань, 2016. – С. 642–644.
3. Драндров, Г.Л. Личностно-ориентированный подход в формировании физической культуры студентов / Г.Л. Драндров, К.Б. Тумаров // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2011. – Т. 6. – № 2. – С. 24–30.
4. Клименко, И.Ф. Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека / И.Ф. Клименко // К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. – М., 1992. – С. 3–12.
5. Леонтьев, Д.А. Очерк психологии личности / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1997. – 64 с.
6. Наприс, А.В. Теоретические и методические вопросы исследования личностных жизненных планов и их влияния на поведение осужденных молодежного возраста / А.В. Наприс. – Рязань : Узорочье, 2003. – 258 с.
7. Психология А-Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. – Москва : ФАИР-ПРЕСС; Майк Кордуэлл. 2000. – 448 с.
8. Розов, Н.С. Ценностное обоснование гуманитарного образования в современном мире : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Н.С. Розов. – М., 1993. – 341 с.
9. Серый, А.В. Ценностно-смысловая сфера личности / А.В. Серый, М.С. Яницкий. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 1999. – 92 с.

ТИПЫ ПСЕВДОДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЫСТРАИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Яновский Михаил Иванович

канд. психол. наук, доцент

Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)

(m.i.yanovsky@mail.ru)

В статье предложена модель анализа манипулятивных стратегий выстраивания социального пространства. Данные стратегии понимаются как формы псевдодеятельности, т.е. формы, имитирующие деятельность, но которые в силу отсутствия определённых свойств продуцируют лишь отношения, используемые для извлечения выгоды. Для иллюстрации приведен анализ форм социального поведения в двух больших социальных группах.

Ключевые слова: псевдодеятельность, пространство, социальное пространство, когнитивные операции, манипулятивные отношения.

TYPES OF PSEUDO-ACTIVITY MANIPULATIVE STRATEGIES FOR BUILDING SOCIAL SPACE

Yanovsky Mikhail Ivanovich

PhD. Psychology, Associate Professor

Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)

(m.i.yanovsky@mail.ru)

The article proposes a model for analyzing manipulative strategies for building a social space. These strategies are understood as forms of pseudo-activity, i.e. forms that mimic activity, but which, due to the lack of certain properties, produce only relationships used to extract benefits. To illustrate, an analysis of the forms of social behavior characteristic, as a trend, of two large social groups is presented.

Key words: pseudo-activity, space, social space, cognitive operations, manipulative relationships.

«Охватывание» и «прицеливание» – две операции формирования образа структуры пространства по Ж. Пиаже. Существует простая первичная структура продуктивного действия: держать объект и воздействовать на него. Синергия этих двух аспектов, «держать» и «воздействовать», реализуемых, например, левой и правой рукой, обеспечивает действию результативность. В этом заложен общий принцип, характерный для продуктивной деятельности,

сотрудничество стабилизирующего и активирующего элементов.

Но представим себе утрату их согласованного сотрудничества. Тогда возникают два вида действий, не производящих результат: 1) воздействие без объекта (объект отсутствует или подменяется имитацией), и 2) удерживание без воздействий на удерживаемое. Такие два вида непродуцирующих результат действий, но по каким-то причинам реализуемых людьми, могут характеризоваться как формы псевдодеятельности.

Псевдодеятельность не создаёт результат, однако может давать некоторый побочный эффект, и этот эффект может становится целью. Псевдодеятельность вводит субъекта в определённые взаимодействия со средой, и тем конфигурировать пространство его отношений с ней. Это можно уподобить подстройке среды под себя совокупностью движений для расположения себя в ней, – что в целом уместно оценивать, как своего рода средовый паразитизм.

Два аспекта действия, упомянутые выше, удерживание и воздействие, концептуально рассмотрены Ж. Пиаже, в его теории спонтанных представлений о пространстве в процессе когнитивного развития. Согласно Ж. Пиаже, в детстве человек использует на разных этапах два способа конфигурирования пространства: 1) пространство мест, топологическое пространство, 2) пространство проекций [4]. Пространство мест возникает из использования действия *охватывания* как метода ознакомления с пространством (место – это то, что *охватывает*, вмещает). Пространство проекций возникает из использования действия просматривания перспективы, т.е. как бы *прицеливания* для оценки направления, формы и т.п. (проекция – это то, что создаётся как бы *прицеливанием* из определённой точки зрения). Незрелое (по Пиаже – *эгоцентрическое*) сознание использует либо первое, либо второе представление, или какое-то эклектическое их сочетание. Зрелое представление о пространстве содержит в себе оба пространства в форме синэргии: одно обеспечивает бóльшие возможности другому.

Имитация деятельности человеком – псевдодеятельность – также социальна и конфигурирует пространство социальное. Наше сознание

использует набор доступных когнитивных операций. Значит, возможно представить операции *охватывания* и *прицеливания* как матричные и для способов выстраивания социального пространства. Значит, они, реализуемые врозь или эклектично, могут становиться формами генерирования псевдодеятельности и, соответственно, быть основой построения паразитарных псевдодеятельностных отношений.

Опишем модель таких типов выстраивания социального пространства.

Действие «охватывания» как основа стратегии организации социального пространства. При построении отношений посредством *охватывания* субъект заполняет собой всё пространство, ему доступное. С одной стороны, всеохватывание делает пространство максимально «своим» – «понятным», комфортным, позитивным. С другой стороны, поскольку кроме охватывания в данном случае нет других доступных когнитивных операций (или от них отказываются), то «несвоё» попросту не признаётся. Любое ограничение отрицается, и абсолютизированное охватывание ведёт к нетерпимости к чужому. В этом смысле возникает парадокс: охватывание вроде бы даёт нечто осязаемое, позитивное, но само по себе, без «противовеса», оно тождественно агрессивному негативизму с «невинным лицом».

Охватывание как стиль мышления – это экстенсивное движение ума, задаваемое постоянным соскальзыванием внимания в сторону. Возникает своеобразное «горизонтальное» мышление: движение ума не в суть объекта, а охватывание его проявлений, коллекционирование его и важных, и периферических свойств. Формируемые так понятия и суждения не подчиняются законам логики, например, поскольку в коллекции всё что угодно может сочетаться с чем угодно, то не действует закон противоречия и закон «исключённого третьего». Также скольжение ума затрудняет реализацию закона тождества (фиксированности объекта мысли). Соскальзывание ума создаёт склонность к постоянному сравнению (лучше-хуже, больше-меньше и т.д.). Сравнение в социальном пространстве порождает завистливость как сочетание чувства неполноценности с чувством превосходства, завистливость –

жадность, жадность – импульсивную страстность и раздражительность. Отказ в мышлении от поиска сущностных свойств и закономерностей в объектах, в сочетании с завистливостью и другими формами страстности, приводит к поиску злой или доброй воли за любым явлением, т.е. к паранойяльности.

Пример характера, продуцируемого *охватыванием* – «с.» (предоставим читателю возможность самостоятельно расшифровать аббревиатуру «с.»). Сферы деятельности, которые хорошо получались у «с.» – связанные с вариациями действия охватывания: собирание и хранение чего-либо, с возможностью дать кому-либо во временное пользование (книги, земли, деньги и т.д.), а также выстраивание социальных отношений по типу навязывания своих услуг: осторожное, но навязчивое присоединение, заполнение собой, предложение помощи, с ожиданием ответной симпатии.

Охватывание может быть и чисто психическим, или духовным. Так, охватывание себя сильной эмоцией – одно из характерных в повседневной жизни состояний у «с.» Эту же эмоцию они стремятся показать всем и так заполнить собою всё доступное социальное пространство. Поэтому сознанию «с.» присущи: и отрицание всего, что чужеродно этому состоянию, и чувство своей исключительности.

«С.» национальный характер в значительной мере связан с «экзистенциальным» вопросом: «Я жертва; кто виноват?» Это ведёт к охвату социального пространства вокруг себя («жертву» все должны жалеть).

Стиль мышления, изложения аргументации у «с.» реализует то же как охватывание – движение по горизонтали. Когнитивное скольжение по горизонтали – следствие невнимательности, но не в обычном смысле слова, а используемой как своеобразный приём работы сознания. Скользящее «невнимание» создаёт стратегию мысленного облегания объекта, вместо прямого контакта с ним. Такой приём продуцирует изолированность объекта сознания, и создаёт как бы чувство контроля, власти над ним. Когда объектом становится сам субъект, то он так мысленно изолирует себя. Это одна из причин, чисто когнитивная, чувства противопоставления всем и чувства «избранности».

Движение «с.» ума по горизонтали даёт вместо погружения в суть предмета нахождение всё новых и новых фактов о нём, аргументов (иногда неожиданных), их накопление, своего рода коллекционирование [1, с. 239]. «С.» юмор часто строится на нарушении закона противоречия и закона «исключённого третьего». А игнорирование закона тождества объекта стало основой для теории и для морального аргумента, на которых держится ростовщичество: теория самовозрастания денег. Суть теории в том, что если деньги размещены в «правильном» месте, они растут.

Охватывание в той или иной форме приводит к отрицанию всего неохваченного, т.е. к нетерпимости и нигилизму. Нигилизм же, обращённый на человека, возникающий как следствие переживаемой причастности какой-то абсолютизируемой силе и ценности, как бы служения ей, может реализовываться в своей крайней форме как расчеловечивание. Расчеловечивание – мысленное охватывание «ничем», и оно может иметь степени от презрительного пренебрежения к человеку с иными взглядами до отрицания как такового.

Действие «прицеливания» как основа стратегии организации социального пространства. В *прицеливании* субъект противоположен охватыванию: если в охватывании он как бы ассимилирует всё, игнорируя рамки и границы, то прицеливанием, наоборот, граница, форма объекта, утверждается. Вообще, исходный смысл прицеливания – подготовка воздействия и мысленное воздействие на объект. Но если прицеливание реализуется само по себе, без фиксации реального объекта (объективации), то это превращается – в социальном пространстве – в подмену социального объекта (т.е. субъекта) определённой *навязываемой* ему искусственной формы, «представление» её. Форма эта – либо по форме самого субъекта (тогда это проекция), либо по образцу какого-либо подобранного другого объекта (использование эталона). Навязанная форма может быть ловушкой, которой пользуется субъект прицеливания для когнитивной и поведенческой «парализации» своего объекта. Поэтому навязывание формы социальному объекту (в отличие от объективной фиксации формы) зачастую является компонентом манипуляции, как бы

дистанционным управлением, обманом, своего рода социальной магией. Поскольку это – псевдодеятельность, и реальность здесь отсутствует или не имеет значения, то «представление» становится парадигмой для построения всего социального пространства, в т.ч. себя. Поэтому субъект и себя замещает некой формой, и стремится ей *соответствовать* (реализовывать подходящие «ролевые модели», «когнитивные схемы»). В таком социальном пространстве действует норма: то, как ты себя представляешь, какому образу ты соответствуешь, то ты и есть. Лжи здесь нет, просто потому что здесь ложь – всё, т.е. здесь всё – форма, покрывающая содержание.

В этом смысле когнитивный стиль, создаваемый прицеливанием, состоит в наложении на объекты условных форм и имён, создании конвенциональной виртуальной реальности (в т.ч. конвенционального обмана, например, в форме шулерской игры). В ней действуют не законы логики, а приёмы воображения, реализуемые по конвенциональным общепринятым алгоритмам и автоматизмам (ср.: в американском образовании популярна идея, что учить нужно не мышлению, а алгоритмам цепочек действий при решении задач).

Пример типа, пользующегося *прицеливанием* как ключевой ментальной операцией – «а.» (также предоставим читателю возможность конкретизировать аббревиатуру «а.» самостоятельно). Даже в простом смысле: «а.» изобрели виды спорта, в которых прицеливание играет ключевую роль: футбол, бокс, баскетбол, крокет и др. Прицеливание включено у них и в способы построения отношений. Характерный стиль в решении деловых вопросов – точечные вмешательства, при имитации якобы либеральной позиции невмешательства, отстранённости. Один из ярких образов литературы фэнтези – «всевидящее око» (точнее было бы назвать его «подсматривающее око») – рождён «а.» воображением [3].

«А.» национальный характер во многом определяется процессом решения «экзистенциальной» (для «а.») проблемы, в которой заложено своего рода социальное прицеливание: «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей?» Как следствие, образ благородной, но как бы неформальной, элитарности, ореол референтной статусности и, одновременно, демократичности

– атрибут «а.». Поэтому «а.» эксплуатирует образ благородного «Спасателя» в тех или иных вариациях, но также легко совершает неожиданные переходы в позицию «Предателя» [там же], что, вероятно, даёт своеобразное самоутверждение от «победы» над доверчивыми «глупцами». Врагов «а.» как бы назначает, с долей произвола. Причиной является покрывание какого-либо субъекта заготовленным образом и подгонка его под этот образ.

Сознание «а.» работает почти исключительно посредством манипулирования образами [2]. Создание и трансформации образов – это способ создания виртуальной реальности, заменяющей объективную реальность. Чтобы это срабатывало, «а.» сознание выработало изощрённость в искусстве создания правдоподобий. Так, «а.» любит выдавать себя за разоблачителя лжи; но, обезоружив оппонента моральным «разоблачением», «а.» не преминет воспользоваться его растерянностью и что-то у него украсть (но делая это «благородно», с чувством собственного достоинства).

«А.» внешне всегда прагматичен, направлен на цель, адаптирован к правильно организованному процессу (в образовании, в экономике, в науке и т.д.). Однако в почете у «а.» – искусство воровства. Воровство у «а.» органическое проявление структуры ментальности: это своеобразное сочетание прицеливания с охватыванием того, на что нацелился. В «а.» классической литературе образ вора нередко имеет положительную коннотацию.

Интересны наблюдения, рефлексии субъективного опыта восприятия общения с «а.»: «а.» говорит по форме логично, прямо, но всегда с как бы сдвинутым смыслом; его умственный взор всегда идёт как бы в обход сути, иначе говоря, более или менее извращает суть происходящего, придаёт ему карикатурность. Позиция «а.» обычно формально правильна, но при этом всегда возникает явное или неявное впечатление, что «а.» лжёт и навязывает свою волю.

«А.» умело имитирует целенаправленность процессов жизнедеятельности. Особенно это проявляется в кинематографе: сюжеты и интриги «а.» кино имеют характер «бурного», насыщенного процесса, но при нейтральном анализе вскрывается, что это искусственные шоу, их целенаправленность имитационна,

после их завершения ничего не остаётся.

Стиль мышления, изложения аргументации у «а.» прямолинеен, как линия прицела [1, с. 239]. При этом «а.» склонны к оперированию не абстрактными понятиями, а эмпирическими образами [2], отсюда их склонность к замене реальности системой образов, т.е. к конвенциональной имитации реальности («виртуальной реальностью»). Неслучайно одно из занятий современных «а.» – игры с формами своей идентичности (выдумывание новых гендеров и т.д.).

Выводы. Таким образом два типа когнитивных операций – «охватывание» и «прицеливание», выделенные Ж. Пиаже, могут рассматриваться как основа выстраивания социальных пространств манипулятивного типа. Применение моделей таких социальных пространств к анализу реальных социальных групп подтверждает их эвристичность. Социальные пространства манипулятивного типа реализуют псевдодеятельность. Псевдодеятельность вредна блокировкой возможного развития, растратой энергии развития как общества в целом, так индивида.

Список использованных источников

1. Триандис, Г.К. Культура и социальное поведение / Гарри К. Триандис / Пер. В.А. Соснин. – Москва : Форум, 2007. – 384 с. – ISBN 978-5-91134-107-7.
2. Флоренский, П.А. Мысль и язык / П.А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. Т. 3(1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – Москва : Мысль, 2000. – С. 104-118. – ISBN 5-244-00241-4
3. Яновский, М.И. Гипотеза о когнитивной основе британского менталитета / М.И. Яновский // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 4. – С. 92-96.
4. Piaget, J., Inhelder, B. La représentation de l'espace chez l'enfant. – Paris: Presses universitaires de France, 1948. – 581 p.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МАТЕРИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ В ОТНОШЕНИЯХ «МАТЬ-ПОДРОСТОК»

Ярмыш Ирина Александровна

канд. психол. наук, доцент

Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)

(yarmyshia@mail.ru)

Проведен теоретический анализ литературы и эмпирическое исследование по проблеме соотношения образа матери и психологической дистанции в диаде «мать-подросток». Было подтверждено предположение о том, что представления о матери у подростков с оптимальной психологической дистанцией дифференцированы, эмоционально насыщены, объемны, а образ матери более реалистичен.

Ключевые слова: образ матери, психологическая дистанция, подростковый возраст.

IDEAS ABOUT THE MOTHER AND PSYCHOLOGICAL DISTANCE IN THE RELATIONSHIP «MOTHER-TEENAGER»

Yarmysh Irina Aleksandrovna

PhD in Psychology, Associate Professor

Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)

(yarmyshia@mail.ru)

A theoretical analysis of the literature and an empirical study on the problem of the relationship between the image of the mother and psychological distance in the «mother-teenager» dyad were conducted. The assumption was confirmed that the ideas about the mother in adolescents with an optimal psychological distance are differentiated, emotionally rich, voluminous, and the image of the mother is more realistic.

Key words: image of the mother, psychological distance, adolescence.

Актуальность. Образ в психологии рассматривается как субъективная картина мира или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. Исходя из этого, образ является основой для действий субъекта, направляя его в конкретной ситуации и помогая достичь желаемой цели. Среди множества категорий, составляющих образную сферу человека, образ матери занимает особое место как компонент индивидуального сознания.

Феномен «образ матери» – сложное психическое образование, представляет собой репрезентированную в сознании проекцию ценностно-смысловых и качественных характеристик материнского поведения и мировосприятия и представлен на перцептивном, понятийном и амодальном уровнях системы психического отражения. Исследование представлений о матери у подростка представляют особый научно-практический интерес, поскольку они играют важную роль в психической жизни подростка. Невзирая на то, что по мере взросления ребенка его отношения с родителями претерпевают изменения, а их образ претерпевает трансформацию, глубоко запечатленные особенности образа матери продолжают оказывать влияние на ребенка и в подростковом возрасте. Изучение этого аспекта имеет значение для понимания процесса становления личности подростка, его идентификации.

Основная часть. Образ матери, как реальная самоорганизованная структура рассматривается в работах А.Н. Леонтьева [1], а его развитие в онтогенезе описано в трудах Г.Г. Филипповой [2]. Анализ результатов психологических исследований И.В. Дубровиной и Р.В. Овчаровой [3] показывает, что образ матери формируется под влиянием реальных отношений, складывающихся в семье. Эти отношения регулируют содержание и форму взаимодействия с окружающими, побуждая ребенка к определенным действиям. Психологическая дистанция между членами семьи, в частности в диаде «ребенок-мать», оказывает влияние на поведение подростка в межличностных отношениях вне семьи и может стать фактором для формирования благополучия подростка в обществе.

Психологическая дистанция как показатель межличностных отношений проявляется в переживании и понимании близости или отдаленности между субъектами. Она регулируется как личностными особенностями, так и активностью взаимодействующих сторон.

Изучением психологической дистанции занимались отечественные и зарубежные психологи: А. В. Петровский [4] ввел понятие «индекс психологической дистанции» в межличностных отношениях. О. И. Калмыкова

[5] рассматривала психологическую дистанцию как личностное образование. А. Л. Журавлёв и А. Б. Купрейченко [6,7] предполагали, что психологическая дистанция – явление, охватывающее весь континуум взаимоотношений. К.Г. Юнг [8], Э. Эриксон, И. Ялом подчеркивали, что психологическая дистанция по отношению к окружающему миру во многом служит показателем личностной зрелости. Системное теоретико-эмпирическое исследование психологического пространства личности и ее суверенности представлено в работах С.К. Нартовой-Бочавер [9].

Однако проблема дистанционных отношений между родителями и подростками и сегодня остается еще недостаточно изученной.

Материалы и методы исследования. Цель исследования – выявление особенности образа матери у детей подросткового возраста с разной психологической дистанцией с матерью.

Объект исследования – образ матери у детей подросткового возраста.

Предмет исследования – особенности образа матери у детей подросткового возраста с разной психологической дистанцией с матерью.

Выдвинуто предположение, что у подростков с оптимальной психологической дистанцией образ матери будет более реалистичен, чем у подростков с отчуждённой дистанцией.

Для решения поставленных задач использовался пакт психодиагностических методик: «Методика измерения психологической дистанции» Е.И. Медведской (модифицированный вариант Т.А. Заеко); опросник «Подростки о родителях» Е. Шеффера, адаптированный для российской выборки (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Романицына); методика «Определение социально-психологической дистанции в межличностных отношениях» «СПД» С.В. Духновского [10]; методика «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского.

Объем выборки составил 52 человека – подростки в возрасте 13-14 лет: из них 18 мужского и 34 женского пола.

Результаты исследования. В ходе исследования были выделены три уровня психологической дистанции в диаде «мать-подросток»: близкая, средняя и умеренная. На основе результатов пилотажного исследования были сформированы две группы: группа подростков с оптимальной дистанцией (ОГ1) и группа подростков с отчуждённой дистанцией (ОГ2).

Было установлено, что 30% подростков из группы ОГ1 имеют близкую психологическую дистанцию с матерью, а 55% – среднюю. Это свидетельствует о тесной эмоциональной связи с матерью, которая даёт подросткам пространство и свободу для личностного развития. Такой уровень психологической дистанции является оптимальным для построения плодотворных отношений.

У 80% подростков из группы ОГ2 наблюдается удалённая психологическая дистанция с матерью. Нет ощущения взаимной поддержки и заинтересованности в жизненных проблемах. Мать проявляет отстранённость и замкнутость в общении, что создаёт атмосферу эмоциональной холодности в отношениях. Этот вид взаимоотношений указывает на отсутствие общности с окружающими и ощущение отстранённости.

У подростков с оптимальной дистанцией базовые параметры, отражающие степень взаимопонимания, доверия и эмоциональной близости, находятся на умеренном и высоком уровнях. Содержательно это проявляется в виде: когнитивная дистанция – присутствует понимание и принятие партнёра; коммуникативная и поведенческая дистанция – наличие совместной деятельности и доверия к партнёру; эмотивная дистанция – проявление дружелюбия, признательности и уважения в отношениях.

У подростков с отчуждённой дистанцией степень выраженности этих параметров значительно ниже. Их потребности игнорируются, отсутствует взаимопонимание, что негативно сказывается на отношениях с окружающими. Достоверные различия по U-критерию Манна-Уитни между испытуемыми с разной психологической дистанцией были выявлены по следующим параметрам: *позитивный интерес* ($U=111,0$ при $p \leq 0,01$); *директивность* ($U=174,5$ при $p \leq 0,01$); *враждебность* ($U=153,5$ при $p \leq 0,01$); *непоследовательность* ($U=66,0$

при $p \leq 0,01$). По параметру *автономность* различия на уровне статистической тенденции ($U=393,5$ при $p \leq 0,01$). Подростки, имеющие благоприятные отношения с матерью, обладают более дифференцированными, эмоционально насыщенными и объёмными представлениями о ней. У подростков с неблагоприятными, конфликтными отношениями эти представления менее дифференцированы и уплощены.

В результате корреляционного анализа (коэффициент корреляции r Пирсона), выявлены прямые связи: между *позитивным интересом и когнитивной дистанцией* ($r=0,337, p=0,05$): подростки с оптимальной дистанцией принимают свою мать как личность, разделяют ее мировоззрение, считают, что мать готова понимать их установки, мотивы, цели, личностные характеристики, а образ матери реалистичен; между *позитивным интересом и коммуникативной дистанцией* ($r=0,412, p=0,05$): подросток воспринимает себя как ценность и относится к матери как к равной себе, что формирует, в свою очередь, базовое доверие к миру, создает ощущение комфорта и позволяет подростку проявлять нежность и заботу к матери.

Прослеживается значимая обратная связь между *автономностью и поведенческой и деятельностной дистанцией*, между директивностью и *эмотивной дистанцией* ($r=-0,432, p=0,01$): чем более выражена директивность со стороны матери, тем меньше доверия между подростком и матерью, мать навязывает ребёнку чувство вины, сопровождаемое отсутствием базового доверия, в отношениях присутствует или диктат, или снисходительность, нетребовательность.

Выводы. Итак, после проведения эмпирического исследования образа матери у детей подросткового возраста с разной психологической дистанцией с матерью, можно утверждать, что подростки, имеющие благоприятные отношения с матерью, обладают дифференцированными, эмоционально насыщенными и объёмными представлениями о матери, а образ матери более реалистичен.

Список использованных источников

1. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2х томах Том II / А.Н. Леонтьев // под редакцией В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. – Москва : «Педагогика», 1983 – 320 с.
2. Филиппова, Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие / Г.Г. Филиппова. – Москва : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
3. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие / Р.В. Овчарова. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
4. Петровский, А.В. «Решетка противостояний позиций» как принцип диагностики уровня развития личностных отношений / А.В. Петровский // Вопросы психологии. –1985. – № 2. – С. 32-38.
5. Калмыкова, О.И. Психологическая дистанция как показатель успешности педагогического взаимодействия в системе «учитель-подросток»: автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.07 / Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2001. – 18 с.
6. Журавлев, А.Л. Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. – Москва : Изд-во “Социум”; “Институт психологии РАН”, 2001. – С. 36-59.
7. Купрейченко, А.Б. Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий / А.Б. Купрейченко // Социальная психология – XXI век. – Т. 1. – Доклады участников симпозиума. – Ярославль: “ДИА – пресс”. – 1999. – С. 358-360.
8. Юнг, К. О становлении личности / К. Юнг. – Самара // Психология личности : [хрестоматия]: учебное пособие / Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара : Бахрах. – Москва, 2004. – Том 1: [Зарубежная психология]: Психология личности : учебное пособие [хрестоматия] / ред. Д.Я. Райгородский. – Издание 3-е, дополненное. – Самара : Бахрах-М, 2004. – С. 128-148.
9. Нартова-Бочавер, С.К. Психология суверенности: десять лет спустя / С.К. Нартова-Бочавер. – Москва : Смысл, 2017. – 200 с.
10. Духновский, С. В. Диагностика межличностных отношений / С.В. Духновский. – СПб. : Речь, 2010. – С. 45-50.

Секция 2. Поведение человека в кризисных, экстремальных ситуациях и ситуациях неопределенности

УДК 159.9.07

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ С УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПО КОНВОИРОВАНИЮ В ФСИН

Агапова Дарья Сергеевна
студентка 5 курса

*Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры социологии и психологии*

Воронцова Евгения Геннадьевна
Байкальский государственный университет
(РФ, г. Иркутск) (nozdrina.dashuta@mail.ru)

В статье анализируются исследования учёных о взаимосвязи между механизмами психологических защит и уровнем тревожности у сотрудников подразделений по конвоированию Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. Особое внимание уделяется анализу специфики профессионального стресса и его влияния на психоэмоциональное состояние сотрудников, работающих в условиях постоянного взаимодействия с правонарушителями. Рассматриваются теоретические аспекты тревожности и психологических защит. На основании анализа делается вывод о том, что тревожность является устойчивым эмоциональным состоянием, возникающим в ответ на внешние угрозы и внутренние конфликты, тогда как психологические защиты представляют собой систему компенсаторных механизмов, помогающих справляться с негативными эмоциями и поддерживать стабильность психики.

Ключевые слова: тревожность, механизмы психологических защит, стресс, тревога, сотрудников подразделения по конвоированию в ФСИН.

THEORETICAL ISSUES OF THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL DEFENSES WITH THE LEVEL OF ANXIETY AMONG EMPLOYEES OF THE ESCORT UNIT IN THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

Agapova Daria Sergeevna
5th year student

*Scientific supervisor: Ph.D. psychol. Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology*

Vorontsova Evgenia Gennadievna
Baikal State University (RF, Irkutsk)
(nozdrina.dashuta@mail.ru)

The article analyzes the research of scientists on the relationship between the mechanisms of psychological protection and the level of anxiety among employees of the escort units of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia. Special attention is paid to the analysis of the specifics of occupational stress and its impact on the psycho-emotional state of employees working in conditions of constant interaction with offenders. The theoretical aspects of anxiety and psychological defenses are considered, based on the analysis, it is concluded that anxiety is a stable emotional state that arises in response to external threats and internal conflicts, whereas psychological defenses are a system of compensatory mechanisms that help to cope with negative emotions and maintain mental stability. The study hypothesizes that the active use of psychological defense mechanisms by employees of escort units can help reduce anxiety levels.

Key words: anxiety, mechanisms of psychological protection, stress, anxiety, employees of the escort unit in the Federal Penitentiary Service.

Актуальность статьи обуславливается тем, что в условиях службы ФСИН у сотрудников подразделения по конвоированию может быть значительно завышен уровень стресса и тревоги, поскольку существует необходимость взаимодействия с правонарушителями. Ежедневная коммуникация с заключенными может отрицательно отражаться на личности сотрудника, а также выполнении его служебных обязанностей. Исследование взаимосвязи механизмов психологических защит с уровнем тревожности у сотрудников подразделения по конвоированию может помочь в разработке методов по борьбе со снижением уровня личностной и ситуативной тревожности, а также профессиональным выгоранием, что в свою очередь, будет способствовать оптимизации работы. Целью данной статьи выступает представление основных теоретических выводов о взаимосвязи тревожности и психологических защит с позиций отечественных исследований.

Понятие тревожности занимает центральное место в рассматриваемой проблеме. Согласно определению, данному Зинченко В.П. и Мещеряковым Б.Г., тревожность представляет собой индивидуальную психологическую особенность, характеризующуюся склонностью к частому переживанию состояний тревоги, особенно при низком пороге её возникновения. Она рассматривается как личностное образование либо как свойство темперамента, обусловленное слабостью нервных процессов [3, 500 с.]. А.М. Прихожан акцентирует внимание на том, что тревожность проявляется через

эмоциональный дискомфорт, вызванный опасениями относительно неблагоприятного исхода тех или иных событий [4]. С.Л. Рубинштейн определяет тревожность как склонность человека испытывать тревогу в ситуациях неопределённости и опасности, сопровождающуюся ожиданием нежелательного исхода [2, 467с.].

Анализ приведённых выше определений позволяет заключить, что тревожность — это эмоциональное состояние, вызывающее дискомфорт и присутствующее у человека на протяжении всей его жизни. У сотрудников подразделений по конвоированию повышенный уровень тревожности может существенно затруднять выполнение служебных обязанностей, а также повлиять на безопасность их выполнения.

Для понимания того, каким образом тревожность связана с профессиональными стрессорами, необходимо рассмотреть механизмы психологических защит, исследуемых разными авторами. Так, Д.Б. Карвасарский рассматривает психологические защиты как адаптивные реакции личности, направленные на снижение психотравмирующего воздействия дезадаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов на "Я-концепцию" [5]. Ф.В. Басин, пионер в изучении проблемы психологической защиты в отечественной психологии, трактует её как механизм нормального функционирования психики, предотвращающий возникновение психических расстройств путём изменения значимости дезадаптивной информации с целью сохранения "Я-концепции" [1].

Эти подходы позволяют заключить, что психологические защиты играют важную роль в поддержании психической стабильности и адаптации личности в стрессовых ситуациях. Для сотрудников подразделений по конвоированию адекватное функционирование механизмов психологических защит критически важно, так как оно снижает вероятность развития психосоматических заболеваний и невротических состояний. Недостаточная активность этих механизмов может приводить к искажённому восприятию реальности и утрате контроля над ситуацией.

Однако, вопрос взаимосвязи механизмов психологических защит с уровнем тревожности личности у сотрудников подразделения по конвоированию недостаточно изучен.

Сотрудникам подразделения по конвоированию можно дать следующую характеристику: уверенность в себе, смелость, целеустремленность, настойчивость, терпеливость, умение владеть собой, а также моральная устойчивость, поскольку работа ведется со спец. контингентом. Конвоирование требует постоянной собранности, а также отличной физической подготовки, готовности моментально реагировать на внезапные действия со стороны заключенных. Все вышеперечисленное является стрессовыми факторами для сотрудников и при недостаточной работе механизмов психологических защит может привести к развитию личностной, ситуативной тревожности и даже тревожному расстройству. К опасным последствиям высокого уровня тревожности также можно отнести панические атаки, депрессивные состояния, соматические симптомы (такие как бессонница, мышечное напряжение и др.), что в совокупности может привести к общему снижению качества жизни, состояние сотрудника с большей долей вероятности отразится на работе, в таком случае опасности подвергается не только сотрудник с высоким уровнем тревожности, но и другие сотрудники, которые могут страдать от некачественного выполнения служебных обязанностей [7; 9 с.159-160].

На основании проведенного теоретического анализа исследований, посвящённых взаимосвязи механизмов психологических защит и уровня тревожности у сотрудников подразделений по конвоированию ФСИН, можно утверждать, что развитие и активизация данных механизмов способны снизить негативное влияние стресса, связанного с профессиональной деятельностью. Исследователи подчёркивают важность разработки и внедрения специализированных программ психологической поддержки и тренингов для укрепления психоэмоциональной устойчивости сотрудников и профилактики профессиональных деформаций. Разработка и внедрение специализированных программ психологической поддержки и тренингов для укрепления

психоэмоциональной устойчивости сотрудников и профилактики профессиональных деформаций представляются важными шагами в повышении эффективности их работы и обеспечении общей безопасности. Тем не менее, вопрос взаимосвязи механизмов психологических защит с уровнем тревожности у сотрудников подразделений по конвоированию остаётся недостаточно изученным. Поэтому на следующем этапе мы продолжим эмпирическим путём исследовать взаимосвязь тревожности и уровня психологических защит, чтобы глубже понять эти процессы и разработать эффективные методы поддержки сотрудников, работающих в условиях повышенного стресса.

Список используемой литературы

1. Бассин, Ф.В. О силе «Я» и психологической защите / Ф.В. Бассин // Вопросы философии. – Москва, 1969. – №2. – С. 118-126.
2. Психология. Словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского // 2-е изд., испр. и доп. – Минск : изд. Харвест, 1997. – 800 с.
3. Зинченко, В.П. Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.] ; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с. – ISBN 978-5-17-055693-9.
4. Прихожан, А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст [Текст] / А.М. Прихожан. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 191 с. – ISBN 978-5-469-01499-7.
5. Карвасарский, Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Изд-во: Питер, 1998. – 752 с.
6. Немов, Р.С. Общая психология [Текст] : учебник для студентов высших педагогических учебных заведений : [в 3 т.] / Р. С. Немов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2011. – 726. – ISBN 978-5-9916-0967-8.
7. Рогач, В.Г. Характеристика психологического благополучия сотрудников уголовно-исполнительной системы, реализующих профессиональную деятельность в условиях непосредственного взаимодействия с осужденными / В.Г. Рогач // Пенитенциарная наука. – 2019. – Т. 13. – №. 2. – С. 278-284.
8. Усикова, С.С. Психологическая устойчивость сотрудников отдела по конвоированию / С.С. Усикова. – Текст : электронный // NovaInfo, 2023. – № 137. – С. 159-160. – URL: <https://novainfo.ru/article/19864> (дата обращения: 29.11.2024).

ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Баев Павел Анатольевич

канд. социол. наук, доцент

Байкальский государственный университет (РФ, г. Иркутск)

(bayev.pa@mail.ru)

В статье рассматриваются особенности формирования трудовых ориентиров молодежи в условиях неопределенности. Анализируются формы социального построения жизненных траекторий и развития новых вариантов жизненного мира. В работе рассматриваются особенности воздействия условий риска и неопределенности на выбор трудовых ориентаций.

Ключевые слова: труд, молодежь, неопределенность, жизненный мир, жизненная траектория, трудовая траекторий, трудовой ориентир.

LABOR GUIDELINES OF YOUTH IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Baev Pavel Anatolyevich

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Baikal State University (Russia, Irkutsk)

(bayev.pa@mail.ru)

The article examines the features of the formation of labor guidelines of youth in conditions of uncertainty. The forms of social construction of life trajectories and the development of new options for the life world are analyzed. The paper examines the features of the impact of risk and uncertainty on the choice of labor orientations.

Key words: labor, youth, uncertainty, life world, life trajectory, labor trajectory, labor guideline

В современном мире множество неоднозначных процессов, которые влияют на ценности и мировоззрение людей. Особенно остро новые условия ощущает молодежь (так, как жили их родители уже не получается, а нового опыта еще нет). Адаптация к условиям неопределенности не может быть четко построенной и понятной, она всегда индивидуальна и очень многогранна, гибка и опирается не на проверенные принципы, а на новые условия и требует нетипичных решений.

Эти нестандартные условия сильно меняют установки молодежи и как следствие, меняется сам рынок труда (начиная от профессий, заканчивая

условиями труда). Они формируют новые идеалы и идолы, регулируют социальный контекст, определяющий нормы и табу и в целом смысложизненные ориентиры того или иного поколения. При рассмотрении трудовых ориентиров молодых людей включаются такие факторы как:

- изменяется список профессий, которые необходимы на рынке, следствием этого становится потребность в новом образовании и новых навыках;

- классические формы фундаментального обучения не попадают в ритм общих трансформаций, поэтому создаются более короткие формы и форматы обучения, позволяющие освоить новые навыки, не получая глубокого погружения к особенностям и нюансам;

- сочетание необходимых навыков не исчерпывается одной профессией, необходимо сочетание нескольких сфер и форматов знаний;

- требуется постоянное обучение и повышение квалификации (всю жизнь на одном месте практически не реально оставаться);

- существенно возросла роль удаленной занятости, а также полного формата фриланса (рождаются новые смыслы, где и как можно работать и за что получать деньги).

Это может опираться на иррациональные условия качества жизни (Р.Г. Ардашев [1,2]), на новые условия формирования жизненных ориентиров (И.А. Журавлева [3,4]) и социальные условия организации просоциальных практик (О.А. Полюшкевич [5,6]). В любом случае, формируются принципиально новые условия понимания труда, трудовой деятельности, мотивов и целей труда. Результат этого – новые смысложизненные ориентации, которые наполняют новым содержанием повседневный и профессионально-трудовой уровень жизни молодых людей. И это то, что меняет повседневность всех современников здесь и сейчас.

Мы провели исследование оценки трудового потенциала молодежи и выстраивания ими жизненных трудовых траекторий. Исследование проводилось методом снежного кома (n=650), 55% девушек и 45% юношей в возрасте от 18 до 35 лет; 75% проживает в городах, 25% в селах. Уровень образования: высшее – 52%, среднеспециальное – 30%, среднее – 18%. Учится – 43%, учится и работает – 32%,

работает – 25% респондентов. Ошибка выборки 3,2. Данные обрабатывались в системе SPSS.

В результате исследования мы выяснили, что условия неопределенности для большей части молодых людей выступают скорее деструктивным фактором (57%), 33% указали что это время максимальных возможностей, поэтому очень высоко оценивают неопределенность и 10% не смогли определиться с ответом.

Хотели бы работать на государственных предприятиях – 27% молодых людей, так как там *больше стабильности, больше уверенности в завтрашнем дне*. Хотели бы открыть свое коммерческое предприятие – 24% молодежи, так как там *больше денег, больше возможностей*. Хотели бы работать в крупной коммерческой компании 23% молодых людей так как там *возможность карьеры, финансовый рост*. Хотели бы работать в некоммерческом секторе – 10%, так как там *максимальное служение обществу, личная реализация*. Хотели бы быть самозанятым – 16%, так как там *максимум свободы и самореализации*. Данное распределение фиксирует различные ценностные приоритеты молодых людей и формирует новые ориентиры социального развития.

Неопределенность современного момента выражается в неуверенности в том, что: на рабочем месте задержишься и поэтому долгосрочное планирование может страдать (28%); нет стабильной финансовой определенности (27%), нет гарантий профессионального роста (становления мастерства) – 22%, нет возможности заниматься карьерным планированием (23%). Поэтому, неопределенность становится источником множества социальных трудностей и ограничений, которые не позволяют решать возникающие трудности.

Для того чтобы снять напряженность в трудовых ориентациях молодые люди надеются на государство (36%), на работодателя (34%), на самих себя (30%). Это указывает на достаточно размытую картину ответственности – большая часть молодежи ждет, что кто-то придет и начнет что-то для них делать. Это следствие опеки родителей, условий и форм образования, общих социальных тенденций общественного воспроизводства, где все должны кому-то, но мало кто за что-то отвечает.

Труд становится все более цифровым: 76% молодых людей видят себя работающими за компьютером и только 24% работающих руками. Это следствие нашего этапа исторического развития. Моменты виртуализации и удаленной занятости также все чаще меняют понимание труда и становятся приемлемыми удаленные формы работы, гибкие графики и т.д.

Также мы смогли выделить несколько типажей формирования трудовых ориентиров в условиях неопределенности.

Первый – рационально-прагматический (24%). Он опирается на прагматическое понимание выгоды от обучения по определенной специальности, важности прохождения в «нужных» местах практик и стажировок, увеличения социальных контактов и знакомств, которые помогут устроиться на желаемую должность и построить карьеру. Молодые люди данного типа легко меняют работу, идут за должностью и окладом, рассчитывают на быстрый успех здесь и сейчас, не видят себя работающим в одной компании всю жизнь, готовы быть гибкими и мобильными в трудовой сфере. Они постоянно обучаются не только непосредственно профессиональным навыкам, но и работают над собой, участвуя в коуч-сессиях, работая с психологом индивидуально и активно работая на тренингах и деловых играх. Это стратеги, которые воспринимают трудовую деятельность как поле игры, где можно разыграть разные партии, других людей (руководство, коллег, подчиненных) воспринимают как ресурсы, которые могут что-то дать или забрать.

Второй – романтически-идеалистический (22%). Он опирается на мечты и идеалы (часто сформированные фильмами и сериалами) об успешной трудовой деятельности, где они прикладывают минимум усилий и получают максимум результата. Часто они рассчитывают на успех стартапов (здесь и сейчас), они не ориентированы на длительную трудовую карьеру, скорее максимальная реализация и известность через разовые проекты. Среди данной группы много тех (86%), кто рассчитывает на онлайн деятельность в виде блогеров и самозанятых, опирающихся на успешную реализацию собственного хобби, либо, если опираться на более традиционные формы занятости, то это чаще семейные компании или реальная поддержка и протекция родственников, где самим молодым людям

необходимо приложить минимум усилий, так как за них сделают близкие люди все трудные или неоднозначные этапы прохождения трудовых будней.

Третий – нормативно-нейтральный (37%). Эта группа опирается, а существующие формальные рамки и условия работы. Они предпочитают гарантированную работу на государственных предприятиях или в органах власти, не стремятся к высоким зарплатам прямо сейчас, готовы постепенно выстраивать карьерную лестницу, зарабатывать социальное положение, профессиональную репутацию и профессионализм через реальные знания и опыт в профессии. При всех внешних переменах они стараются находить стабильные ориентиры и находиться в их рамках, соблюдая нормативные и правовые требования, пока не появится возможность перейти на следующий уровень (вертикальный рост) или перейти на другую вакансию (горизонтальный рост для получения новых навыков и компетенций).

Четвертый – альтруистический (17%). Эта группа опирается на частично идеалистические представления о своих возможностях и выполняемых ролях, но она ориентирована на внешнюю среду и также раскрывается высокий потенциал социальной ответственности за себя, своих близких, ту среду, где живет молодой человек. Социальное служение реализуется через просоциальную активность и помогает ему профессионально формироваться. Для этой группы важны личные принципы и убеждения, которые они доказывают и реализуют на практике через участие в публичном дискурсе (общественные слушания, выступления на собраниях, публикации в социальных сетях) на темы важные для человека (когнитивный уровень), через эмоциональную включенность в решение актуальных проблем (эмоциональный уровень) и через реальные действия, направленные на решение вопросов в виде организации мероприятий, проектов, акций в виде организатора и участника (поведенческий уровень).

Представленные типажы формируют основной профессионально-трудовой каркас современной молодежи. В условиях неопределенности они по-разному реагируют, но в целом формируют поле возможностей современников и тем

самым задают новые условия для трудового потенциала и профессионального развития молодых людей.

Трудовые ориентиры фиксируют морально-трудовой уровень развития общества. Без социального результата невозможно получить приемлемые одобряемые формы и стратегии личной реализации и социально-конструируемого поведения. Необходимо соответствовать требованиям современности, и одновременно формировать их – собственным повседневным поведением, притязаниями и личными ориентациями. Это необходимое условие внутреннего развития и внешнего продвижения в целом молодежи как социальной группы. Именно эти особенности трудовых ценностей станут основой для новых смыслов труда, профессии, профессионализма и мастерства. Благодаря осознанному отношению к труду и трудовой сфере формируются трудовые ориентиры целых поколений. Все вместе это изменяет нашу реальность в настоящем и будущем.

Список использованных источников

1. Ардашев, Р.Г. Иррациональная основа отклоняющегося поведения подростков и молодежи / Р.Г. Ардашев // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного суда Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2023. – С. 111-117.
2. Ардашев, Р.Г. Иррациональность городского сознания / Р.Г. Ардашев // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Минск, 2024. – С. 33-36.
3. Журавлева, И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира / И.А. Журавлева // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2024. – С. 371-374.
4. Журавлева, И.А. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи / И.А. Журавлева, Р.В. Иванов, В.В. Тетерин // Социология, 2020. – № 2. – С. 117-127.
5. Полюшкевич, О.А. Просоциальные практики как основа солидарности / О.А. Полюшкевич // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Вологда, 2023. – С. 180-182.

6. Полюшкевич, О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик / О.А. Полюшкевич // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. – Улан-Удэ, 2023. – С. 159-163.

УДК 159.9.07

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КРИЗИСНЫХ, ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ И СИТУАЦИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Бухарова Инна Сергеевна

канд. пед. наук

доцент кафедры педагогики и психологии детства

Уральский государственный педагогический университет

(РФ, г. Екатеринбург) (Inessa71@mail.ru)

Богомолова Полина Александровна

магистрант

Уральский государственный педагогический университет

(РФ, г. Екатеринбург) (polina_bogomolova_02@mail.ru)

В статье рассматривается проблема поведения человека в кризисных, экстремальных ситуациях и ситуациях неопределенности. Анализируются механизмы психологической адаптации и реагирования на стрессовые факторы. Особое внимание уделяется факторам, определяющим эффективность поведения в таких условиях, а также возможностям повышения устойчивости к стрессу. Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ психологической поддержки и подготовки специалистов, работающих в условиях повышенного риска. Описана работа по повышению психоэмоциональной устойчивости с помощью тренинга креативности.

Ключевые слова: кризисные ситуации, экстремальные ситуации, неопределенность, стресс, адаптация, устойчивость, психологическая поддержка, тренинг креативности.

ON THE PROBLEM OF STUDYING HUMAN BEHAVIOR IN CRISIS, EXTREME SITUATIONS AND SITUATIONS OF UNCERTAINTY

Bukharova Inna Sergeevna

Ph.D. ped. Sciences Associate Professor of the Department

of Pedagogy and Childhood Psychology Ural State Pedagogical University

(RF, Ekaterinburg) (Inessa71@mail.ru)

Bogomolova Polina Alexandrovna

master's student

Ural State Pedagogical University

(RF, Ekaterinburg) (polina_bogomolova_02@mail.ru)

The article deals with the problem of human behavior in crisis, extreme situations and situations of uncertainty. The mechanisms of psychological adaptation and response to stressful factors are analyzed. Special attention is paid to the factors determining the effectiveness of behavior in such conditions, as well as the possibilities of increasing stress resistance. The results of the study can be used to develop psychological support programs and train specialists working in high-risk environments. The work to increase psycho-emotional stability through creativity training is described.

Key words: crisis situations, extreme situations, uncertainty, stress, adaptation, resilience, psychological support, creativity training.

Современные реалии ставят перед человеком множество вызовов, связанных с необходимостью быстрого реагирования и принятия решений в условиях высокого уровня неопределенности и стресса. Кризисные и экстремальные ситуации становятся неотъемлемой частью нашей жизни, будь то природные катаклизмы, экономические кризисы, техногенные аварии или социальные конфликты. В таких обстоятельствах поведение человека играет ключевую роль в обеспечении личной и общественной безопасности, а также в эффективном решении возникающих проблем.

Целью данного исследования является изучение поведения человека в условиях кризиса, экстремальности и неопределенности, выявление факторов, влияющих на эффективность этого поведения, а также разработка рекомендаций по повышению устойчивости к стрессовым воздействиям. Актуальность темы обусловлена растущей значимостью вопросов психологической готовности и адаптации к сложным жизненным обстоятельствам в современном обществе.

Рассмотрим понятия «кризисные ситуации» и «экстремальные ситуации».

Кризисные ситуации характеризуются резкими изменениями в окружающей среде, которые нарушают привычное течение жизни и требуют от человека новых форм поведения и реакций. Они могут быть вызваны природными катастрофами, экономическими кризисами, социальными конфликтами и другими факторами. Отличительной чертой кризисных ситуаций является их непредсказуемость и высокая степень неопределенности [4].

Экстремальные ситуации представляют собой особо опасные условия, связанные с непосредственной угрозой жизни и здоровью человека. Они требуют

мгновенной реакции и максимальной мобилизации физических и психических ресурсов. Примеры экстремальных ситуаций включают аварии, пожары, землетрясения, террористические акты и военные конфликты [5].

Поведение человека в критических и экстремальных условиях определяется рядом факторов, среди которых можно выделить:

1. Индивидуальные психологические характеристики. Личностные качества, такие как уровень тревожности, эмоциональная стабильность, самооценка и мотивация, оказывают значительное влияние на способность человека адекватно реагировать на стресс. Люди с высокими показателями тревожности и низкой самооценкой склонны к панике и дезорганизованному поведению, в то время как уверенные в себе и эмоционально стабильные индивиды демонстрируют большую эффективность в принятии решений.

2. Социальный контекст. Поддержка со стороны близких людей, коллег и общества в целом способствует снижению уровня стресса и повышает вероятность успешного выхода из кризисной ситуации. Социальные связи и взаимодействие с окружающими являются важными ресурсами для преодоления трудностей.

3. Опыт и подготовка. Наличие предыдущего опыта преодоления аналогичных ситуаций или специальная подготовка (например, участие в тренингах по выживанию или оказанию первой помощи) способствуют более эффективной реакции на кризис. Опытные люди быстрее распознают угрозы и принимают меры для их нейтрализации.

4. Физическое и психическое здоровье. Физически здоровые и психически устойчивые люди легче переносят стрессовые нагрузки и быстрее восстанавливаются после них. Регулярные физические упражнения, правильное питание и поддержание психоэмоционального баланса являются важными составляющими устойчивости к стрессу [6].

Адаптация к кризисным и экстремальным ситуациям представляет собой сложный процесс, включающий физиологические, когнитивные и поведенческие аспекты. Основные механизмы адаптации включают:

1. Психофизическая активация. В момент возникновения угрозы организм реагирует повышением активности симпатической нервной системы, что проявляется в увеличении частоты сердечных сокращений, повышении артериального давления и выбросе адреналина. Это обеспечивает быстрое переключение организма на режим «борьба или бегство».

2. Когнитивная оценка ситуации. Человек оценивает ситуацию, анализирует доступные ресурсы и возможные варианты действий. Эффективность этого этапа зависит от уровня интеллекта, опыта и наличия необходимой информации.

3. Эмоциональная регуляция. Способность контролировать свои эмоции и сохранять спокойствие в условиях стресса является ключевым фактором успешного поведения. Эмоционально устойчивые люди реже поддаются панике и способны сосредоточиться на решении задачи.

4. Поведенческая реакция. В зависимости от оценки ситуации и эмоционального состояния человек выбирает стратегию поведения: активное действие, избегание или приспособление. Оптимальная стратегия выбирается исходя из конкретных условий и возможностей [4].

Перейдем к рассмотрению стратегий поведения в условиях неопределенности.

Неопределенность характеризуется отсутствием полной информации о текущем состоянии дел и прогнозируемости будущих событий. В таких условиях человек вынужден принимать решения на основе неполных данных, что создает дополнительную нагрузку на психику. Основными стратегиями поведения в ситуациях неопределенности являются:

1. Активное исследование. Человек стремится получить максимально полную информацию о сложившейся ситуации, используя доступные источники знаний и опыта. Это позволяет уменьшить уровень неопределенности и принять более обоснованное решение.

2. Планирование и прогнозирование. Создание альтернативных сценариев развития событий и разработка планов действий на случай каждого из них

помогает минимизировать риски и подготовиться к возможным неблагоприятным исходам.

3. Гибкость и адаптивность. Готовность к изменению плана действий в зависимости от новых обстоятельств и информации демонстрирует высокий уровень адаптивности и снижает вероятность неудачи.

4. Коллективное принятие решений. Включение других людей в процесс обсуждения и принятия решений позволяет учесть разные точки зрения и найти оптимальное решение [5].

Для улучшения способности человека справляться с кризисными и экстремальными ситуациями рекомендуется:

1. Тренировки и симуляции. Проведение регулярных тренировок и учений, имитирующих реальные кризисные ситуации, помогает выработать навыки быстрого реагирования и принятия правильных решений.

2. Разработка планов действий. Создание четких планов действий на случаи чрезвычайных ситуаций позволяет избежать паники и дезорганизации в моменты стресса.

3. Поддержка психоэмоционального здоровья. Регулярная физическая активность, здоровое питание, полноценный сон и использование техник релаксации способствуют поддержанию психоэмоциональной устойчивости [4;5;6;7].

Для поддержания психоэмоционального благополучия мы предлагаем использовать в работе различные упражнения и задания творческой направленности. К примеру, эффективным способом может быть участие как взрослых, так и детей в тренинге креативности. Особенно важным периодом в формировании и поддержании эмоционального благополучия является младший школьный возраст. Отметим, что «В формировании личности младшего школьника решающая роль принадлежит учителю и заключается в создании атмосферы эмоционального комфорта в процессе учения, обеспечении доброжелательных отношений в коллективе, проявлении по отношению к

обучающимся субъектной позиции, когда учитель верит в способности учеников и ожидает от них высоких результатов» [2, с. 27].

Поэтому тренинговая работа с обучающимися и взрослыми в направлении развития креативности нами будет рассмотрена более подробно.

Тренинг - это форма активной групповой работы с, которая позволяет дать практические знания и отработать умения при решении различных вопросов. Тренинги основываются на доброжелательном взаимодействии участников, способствуют личностной реализации [3].

Тренинг креативности – это форма работы, которая позволяет отработать и развить навыки творческого, нестандартного решения проблем и проблемных ситуаций. Тренинг развивает оригинальность, беглость и гибкость - основные показатели креативности. Одним из задания тренинга креативности может быть Инсценировка сказки. Участникам предлагается показать с помощью не вербальных средств общения известную сказку (например, «Колобок») и показать ее в определенном жанре – в виде детективной истории, мелодрамы, триллера, комедии т. д. Участники тренинга делятся на команды по 5-6 человек. И каждой команде дается свое задание. После подготовки каждая группа показывает сценку. Все остальные участники отгадывают название сказки и в каком жанре она была исполнена. Такие задания проходят в доброжелательной атмосфере, участники получают много положительных эмоций, снимается напряжение, развивается креативность и повышается уровень сплоченности группы. Более того, подготовка занимает всего 15-20 минут и возникает своего рода ситуация неопределенности, которая успешно разрешается благодаря творческой атмосфере и командной работе.

4. Психологическая поддержка. Доступ к квалифицированной психологической помощи и консультированию может существенно улучшить способность человека справляться с последствиями кризисных и экстремальных ситуаций.

Таким образом, исследование показало, что поведение человека в кризисных, экстремальных ситуациях и ситуациях неопределенности

определяется комплексом факторов, включая индивидуальные психологические характеристики, социальный контекст, опыт и подготовку, физическое и психическое здоровье. Эффективное поведение в таких условиях предполагает активную оценку ситуации, эмоциональную регуляцию и выбор оптимальной стратегии действий. Повышение устойчивости к стрессовым воздействиям возможно путем проведения тренировок и симуляций, разработки планов действий, поддержания психоэмоционального здоровья и обеспечения доступа к психологической поддержке.

Результаты исследования могут быть полезны для разработки программ психологической подготовки и поддержки специалистов, работающих в условиях повышенного риска, а также для повышения общей культуры безопасности и устойчивости населения к кризисным и экстремальным ситуациям.

Список использованных источников

1. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы / В.А. Бодров. – Москва : Пер Сэ, 2012. – 528 с.
2. Бухарова, И.С. Мотивационный аспект изучения личности младшего школьника // Детство, открытое миру. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / И.С. Бухарова, М.В. Бышева. – 2019. – С. 144-147. EDN: SSUJHR. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37074690> (дата обращения: 06.11.2024)
3. Бухарова, И.С. Формы организации работы с родителями: тренинг креативности / И.С. Бухарова // Новые результаты начального общего образования как проблема педагогической науки и практики: Материалы XIV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Педагогические чтения памяти профессора А.А. Огородникова). – Пермь : ПГГПУ, 2023.. – С. 47-52.
4. Гринберг, Дж. Управление стрессом / Дж. Гринберг. – Москва : Олимп-Бизнес, 1998. – 496 с.
5. Лазарус, Р.С. Теория стресса и копинга / Р.С. Лазарус. – Нью-Йорк : Springer Publishing Company, 1966. – 122 с.
6. Лебедев, В.И. Личность в экстремальных условиях / В.И. Лебедев. – Москва : Политиздат, 1989. – 304 с.
7. Маслоу, А.Х. Мотивация и личность / А.Х. Маслоу. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 352 с.
8. Петровский, А.В. Общая психология / А.В. Петровский. – Москва : Академия, 2006. – 608 с.

9. Селезнева, Е.В. Психология экстремальных ситуаций / Е.В. Селезнева. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 256 с.
10. Selye, H. The Stress of Life / H. Selye. – New York : McGraw-Hill, 1976. – 515 p.
11. Lazarus, R.S. Psychological stress and the coping process / R.S. Lazarus. – New York : McGraw-Hill, 1966. – 466 p.
12. Bandura, A. Self-efficacy: The exercise of control / A. Bandura. – New York: Freeman, 1997. – 604 p.

УДК 37.012

АКТИВНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ

Быстрова Екатерина Александровна
студент

Певзнер Михаил Наумович
д-р пед. наук, профессор

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(РФ, г. Великий Новгород)(ekaterinabystrova26@gmail.com)*

Статья посвящена влиянию студенческой активности на развитие коммуникативных компетенций будущих педагогов. Представлены результаты исследования уровня развития этих компетенций и мотивации студентов к участию в жизни вуза. Разработаны рекомендации по оптимизации организации студенческой деятельности для развития коммуникативных навыков.

Ключевые слова: активная студенческая жизнь, коммуникативные компетенции, студенты-педагоги, ВУЗ.

ACTIVE STUDENT LIFE AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENT TEACHERS STUDENT TEACHERS

Bystrova Ekaterina Alexandrovna
Student

Pevzner Mikhail Naumovich
Doctor pedagogical sciences, professor

*Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Veliky Novgorod)
(ekaterinabystrova26@gmail.com)*

The article is devoted to the influence of student activity on the development of communicative competences of future teachers. The results of the study of the level of development of these competencies and students' motivation to participate in the life

of the university are presented. Recommendations on optimization of the organization of student activity for the development of communicative skills are developed.

Key words: active student life, communicative competences, student teachers, HEI.

Введение. В современном мире возрастает потребность в квалифицированных педагогах, обладающих не только глубокими предметными знаниями, но и развитыми коммуникативными компетенциями. В современных условиях образования, ориентированного на активное взаимодействие и сотрудничество, важно, чтобы будущие педагоги обладали высоким уровнем коммуникативной культуры, умением эффективно взаимодействовать с учениками, коллегами и родителями. Активная студенческая жизнь, включающая в себя участие в множестве различных мероприятий, проектах и общественной деятельности, конкурсах и это предоставляет уникальную возможность для практического развития этих компетенций, способствуя формированию навыков публичных выступлений, работы в команде, грамотного выстраивание диалога, активного слушания и построения эффективной коммуникации в различных контекстах. Изучение данного вопроса позволит определить наиболее эффективные модели организации студенческой деятельности, направленные на развитие коммуникативных навыков, что позволит оптимизировать образовательный процесс и подготовить более компетентных и востребованных педагогов.

Целью нашей исследовательской работы является разработка практических рекомендаций по организации активной студенческой жизни, которые будут направлены на эффективное развитие коммуникативных компетенций у будущих педагогов.

Основная часть. Под «активной студенческой жизнью» понимается непосредственное участие студентов в различных мероприятиях, проектах, форумах, общественной деятельности, способствующих развитию их личностных и профессиональных компетенций.

Активная студенческая жизнь, охватывая многообразные сферы деятельности, способствует всестороннему развитию личности студента. При этом развитие коммуникативных навыков является одним из приоритетных направлений. К основным формам активной студенческой жизни относятся: участие в студенческих организациях и органах студенческого самоуправления, проектная и конкурсная деятельность, волонтерство, публичные выступления, участие в спортивных и творческих мероприятиях, работа в студенческих изданиях, международное сотрудничество, организация и проведение мероприятий, а также различные формы командной работы.

Е.Г. Ермакова анализирует сущность и значимость студенческих отрядов для развития личности студента [1].

Л.В. Альмяшева рассматривает студенческие объединения и организации как фактор формирования социальной активности молодежи [2].

Эффективная коммуникация – это фундаментальный аспект педагогической деятельности. Успешность учителя во многом зависит от его способности эффективно взаимодействовать со всеми субъектами образовательного процесса: с учениками, родителями и коллегами. Коммуникация в педагогической деятельности имеет свои виды: ученик-учитель, учитель-родитель, учитель-коллега, учитель-администрация. Методами развития коммуникативных компетенций могут выступать: обучающие тренинги и мероприятия, публичные выступления, саморазвитие, общение, а также рефлексия.

М.В. Стурикова исследует роль активной деятельности (дискуссии, риторика, общение и др.) в развитии коммуникативной компетентности [3].

Ю.Н. Емельянов определяет коммуникативную компетентность как «ситуативную адаптивность и свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения» [4].

М.С. Ружников трактует коммуникативную компетентность как «систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуаций межличностного взаимодействия», отмечая ее

универсальный характер в сочетании с исторической и культурной обусловленностью. Развитие коммуникативной компетентности в современных условиях, по мнению автора, требует гармонизации ее различных аспектов [5].

Основываясь на теоретическом анализе научной литературы и приведенных выше дефинициях, мы можем определить понятие «коммуникативная компетентность студента-педагога» как *интегративную характеристику личности, отражающую готовность и способность к эффективному взаимодействию в образовательной среде и включающую взаимосвязанные когнитивный, прагматический, эмоционально-волевой и ценностно-смысловой компоненты.*

Материалы и методы. Изучение проблемы развития эмоционального интеллекта у студентов Педагогического института потребовало комплексного подхода и применения разнообразных методов, соответствующих целям и задачам исследования. К таким методам отнесены теоретические методы (анализ специализированной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; изучение и обобщение передового психолого-педагогического опыта; сравнение и обобщение) и эмпирические методы (наблюдение и опрос в формате анкетирования). В исследовании приняли участие 78 студентов 1-5 курсов Педагогического института, Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Результаты и обсуждения. Активная студенческая жизнь рассматривается как фактор развития личностного потенциала, одним из индикаторов которого является участие в студенческих организациях. Результаты исследования показали, что большинство респондентов (72,7%) информированы о наличии разнообразных студенческих организаций в институте. Около трети опрошенных (27,3%) обладают лишь частичной информацией о таких возможностях. При этом студентов, полностью не осведомленных о деятельности студенческих организаций, не выявлено. Несмотря на высокий уровень осведомленности о студенческих организациях (72,7%), активное участие в них принимают лишь 42% респондентов.

Заинтересованность в участии проявили 24,2% опрошенных, тогда как 33,4% студентов отметили полное отсутствие интереса. Предполагается, что основными причинами незаинтересованности являются: ранняя профилизация, не согласующаяся с деятельностью студенческих организаций (студенты могут считать деятельность в объединениях отвлечением от основной учебной деятельности); отсутствие перспектив развития в рамках предлагаемых студенческими организациями стратегий (студенты могут не видеть реальной пользы от участия в объединениях для своего будущего); дефицит времени, обусловленный учебной и внеучебной нагрузкой (высокая нагруженность студентов может ограничивать их возможности для участия в дополнительных видах деятельности).

Доминирующим видом студенческой активности является творческая деятельность (42,4%). Участие в органах студенческого самоуправления (студенческий совет, профком и др.) и научная деятельность разделяют второе место по популярности (33,3%). Наименее востребованными формами активности оказались участие в студенческих отрядах и спортивная деятельность (6,1%). Предполагается, что низкий уровень спортивной активности обусловлен отсутствием необходимой инфраструктуры. Низкая популярность студенческих отрядов может быть связана с тем, что студенты не видят перспектив профессионального роста и развития компетенций в рамках данного вида деятельности.

Исследование показало, что большинство студентов (54,2%) готовы уделять активной студенческой жизни от одного до трех часов. Значительно меньше студентов рассматривают возможность тратить на это от четырех до десяти и более часов в неделю. Данные результаты свидетельствуют о необходимости организации краткосрочных форм студенческой активности.

Основными мотивами участия в студенческой жизни являются самореализация (66,7%) и общение с интересными людьми (60,6%). Наименьший интерес студенты-педагоги проявляют к повышению конкурентоспособности на рынке труда. Этот факт может быть объяснен

дефицитом педагогических кадров в регионе, что снижает конкуренцию среди выпускников педагогических специальностей. Кроме того, некоторые студенты, возможно, не планируют работать по профессии. Таким образом, мотивация к повышению конкурентоспособности не является значимым фактором для данной группы респондентов. Это позволяет студентам апробировать профессиональные компетенции в контролируемых условиях.

В соответствии с компетентностным подходом в образовании, требования к формированию профессиональных компетенций студентов определяются согласно ФГОС ВО. К ключевым коммуникативным компетенциям студентов-педагогов относятся: межличностное и межкультурное взаимодействие (ОК-5); работа в коллективе с учетом социальных и культурных различий (ОК-6); взаимодействие с родителями и коллегами по вопросам обучения и развития учеников (ПК-14); организация совместной и самостоятельной учебной деятельности школьников (ПК-7).

Результаты исследования свидетельствуют о преобладании среднего уровня развития коммуникативных компетенций у студентов-педагогов (58%). Ключевыми индикаторами среднего уровня выступают: сложности в построении конструктивного диалога с одноклассниками и преподавателями (42%); недостаточно развитое умение аргументировать свою точку зрения в дискуссии (30,3%); затруднения в организации и проведении публичных выступлений (33%). Высокий уровень развития коммуникативных компетенций отметили 27% респондентов.

Большинство опрошенных (69%) считают, что активная студенческая жизнь способствовала развитию их коммуникативных способностей. При этом 30% респондентов не отмечают влияния участия в студенческих организациях и объединениях на развитие коммуникативных навыков.

Наиболее значимое влияние на развитие коммуникативной компетентности, по мнению студентов, оказывают творческая и научная деятельность, а также участие в студенческом самоуправлении. Творческая деятельность предполагает интенсивное межличностное взаимодействие, обмен

идеями, распределение ролей и разрешение конфликтов. Научная деятельность способствует развитию навыков публичных выступлений и аргументации. Участие в студенческом самоуправлении позволяет совершенствовать навыки командной работы, взаимодействия с партнерами и руководством, а также предоставляет возможность непосредственно помогать другим людям.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает важность активной студенческой жизни для развития коммуникативных компетенций будущих педагогов. Выявлена высокая осведомленность студентов о возможностях участия в различных видах деятельности, однако уровень реальной вовлеченности остается недостаточным. Результаты исследования свидетельствуют о преобладании среднего уровня развития коммуникативных компетенций у студентов-педагогов, что указывает на необходимость совершенствования соответствующих образовательных практик. Наиболее эффективными для развития коммуникативных навыков студенты считают творческую, научную деятельность и участие в студенческом самоуправлении. Выявленные низкий уровень участия в спортивных мероприятиях и студенческих отрядах, а также факторы, обуславливающие незаинтересованность студентов в этих видах деятельности, требуют разработки специальных мер по их активизации.

Для более эффективного развития коммуникативных компетенций студентов-педагогов в рамках активной студенческой жизни рекомендуется:

- Разработать и внедрить программы, направленные на повышение мотивации студентов к участию в активной студенческой жизни, с учетом их профессиональных интересов и потребностей. Уделить особое внимание пропаганде перспектив и возможностей, которые открывает участие в студенческих объединениях, в том числе студенческих отрядах.

- Создать благоприятные условия для развития спортивной активности студентов, включая развитие спортивной инфраструктуры и организацию спортивных мероприятий различной направленности.

- Разработать и реализовывать тренинговые программы и практикумы, направленные на развитие навыков эффективной коммуникации, публичных выступлений, ведения дискуссии и разрешения конфликтов. Включить в учебные планы дисциплины, ориентированные на формирование коммуникативной компетентности будущих педагогов.

- Организовать систему наставничества и тьюторства, в рамках которой более опытные студенты и преподаватели могут оказывать поддержку младшекурсникам в развитии коммуникативных навыков и вовлечении в активную студенческую жизнь.

Список использованных источников

1. Калинин, Д.А. Формирование профессиональных качеств в процессе участия в деятельности медицинских студенческих отрядов / Д.А. Калинин // Scientist. 2024. №1 (27). – С. 94-95.
2. Лепешкина, Е.Ю. Студенческие общественные объединения как субъект воспитательной деятельности вуза: к вопросу о классификации / Е.Ю. Лепешкина // КПЖ. 2015. №5-2. – С. 334-337.
3. Стурикова, М.В. Активные формы обучения коммуникативной компетенции студентов профессиональных вузов / М.В. Стурикова // Вестник КГУ. 2009. №4. – С. 479-481.
4. Емельянов, Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение / Ю. Н. Емельянов. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. – 167 с.
5. Ружников, М.С. К вопросу о формировании коммуникативной компетентности педагога в условиях ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среды школы / М.С. Ружников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология, №16, 2016. – С. 85-90.

УДК 316.614.035

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ ПЕРВОГО КУРСА К УСЛОВИЯМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ветвинская Вероника Алексеевна
студент

Тимофеев Кирилл Александрович
студент

Ширин Александр Глебович
д-р пед. наук, профессор

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(РФ, г. Великий Новгород) (Vetnika2006@mail.ru)*

В статье исследуются особенности адаптации студентов-педагогов первого курса к вузовской среде. Представлены результаты эмпирического исследования, выявляющего трудности и специфику адаптационного процесса. Особое внимание уделено взаимодействию с одногруппниками и преподавателями, адаптации к дистанционному обучению и участию в студенческих объединениях. Сформулированы рекомендации по оптимизации адаптации первокурсников.

Ключевые слова: адаптация первокурсников, социальное взаимодействие, педагогическое образование, студенты, ВУЗ, образование.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF FIRST-YEAR STUDENT TEACHERS TO THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION

Vetvinskaya Veronika Alekseevna
Student

Timofeev Kirill Alexandrovich
Student

Shirin Alexander Glebovich
Doctor pedagogical sciences, professor
Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Veliky Novgorod)
(Vetnika2006@mail.ru)

The article studies the peculiarities of adaptation of first-year student teachers to the university environment. The results of the empirical study revealing the difficulties and specifics of the adaptation process are presented. Special attention is paid to the interaction with classmates and teachers, adaptation to distance learning and participation in student associations. Recommendations on optimization of freshmen adaptation are formulated.

Key words: adaptation of freshmen, social interaction, pedagogical education, students, university, education.

Введение. Поступление в высшее учебное заведение – значимый этап в жизни каждого человека, связанный с существенной трансформацией социальной ситуации развития. Этот процесс сопровождается выходом из зоны комфорта и адаптацией еще вчерашних школьников к новой среде – студенческой жизни.

Для студентов, выбравших педагогические специальности этот переход усложняется необходимостью не только адаптироваться к новым академическим требованиям, но и начать формировать профессиональную идентичность, осознавая будущую роль учителя. Успешность адаптации на первом курсе

является определяющим фактором для дальнейшего обучения, влияя на академическую успеваемость, мотивацию и психологическое благополучие студентов.

Целью нашей научно-исследовательской работы является выявить особенности и трудности адаптации студентов-педагогов первого курса к условиям высшего образования и разработать рекомендации по оптимизации данного процесса. В рамках данной цели, мы считаем целесообразно решить следующие задачи: проанализировать имеющиеся теоретические подходы к проблеме адаптации студентов к высшему образованию; изучить специфику адаптации студентов-педагогов первого курса; выявить факторы, влияющие на успешность адаптации студентов-педагогов первого курса; определить основные трудности и особенности, с которыми сталкиваются студенты-педагоги в процессе адаптации и разработать практические рекомендации по оптимизации процесса адаптации студентов-педагогов первого курса к условиям высшего образования.

Основная часть. Проблемы адаптации многократно рассматривались в педагогической и психологической литературе такими авторами, как: Л. Фестингер, Р. Мертон А.К. Гришанов, В.Д. Цуркан, А.В. Сиомичев и другими.

Значительный вклад в понимание адаптации студентов внесли такие зарубежные исследователи, как Л. Фестингер и Р. Мертон. В своих трудах они исследовали психологические аспекты адаптации, такие как самооценка, мотивация и потребности студентов [1,2]. Их работы помогли расширить научные знания о том, какие факторы могут способствовать или затруднять адаптацию студентов в университете.

Стоит отметить, что адаптация человека не является статистическим процессом. Личность постоянно развивается, приобретая новые знания и навыки, что позволяет ей лучше справляться с изменениями в окружающей среде. Более того, успешная адаптация требует гибкости и способности к обучению, чтобы эффективно реагировать на новые вызовы и возможности [3].

А.К. Гришанов, В.Д. Цуркан считают, что под адаптацией студента следует понимать процесс достижения динамического равновесия между социально-личностными характеристиками индивида и условиями вузовской среды, выступающей в качестве внешнего фактора [4].

А.В. Сиомичев рассматривает адаптацию студентов первого курса через призму преодоления трудностей, связанных с интеграцией в новую социальную среду, формированием внутригрупповых отношений и освоением новых образовательных технологий [5].

Опираясь как на вышеизложенные дефиниции, так и на срез научных исследований по данной теме, нами было сформулировано авторское определение понятия «адаптация студентов в среде вуза» как *динамичный, многомерный процесс активного приспособления индивида к новой социальной, образовательной и психоэмоциональной среде высшего учебного заведения, проявляющийся во взаимодействии личностных характеристик студента (когнитивных, мотивационных, эмоционально-волевых, поведенческих) с требованиями и ресурсами вузовской среды, и направленный на достижение состояния психологического комфорта, успешного усвоения образовательных программ, эффективной социальной интеграции в академическое сообщество и самореализации в рамках студенческой жизни.*

Материалы и методы. Изучение проблемы адаптации студентов-педагогов первого курса к условиям высшего образования потребовало комплексного подхода и применения разнообразных методов, соответствующих целям и задачам исследования. К таким методам отнесены теоретические методы (анализ специализированной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования; изучение и обобщение передового психолого-педагогического опыта; сравнение и обобщение) и эмпирические методы (наблюдение и опрос в формате анкетирования).

Результаты и обсуждения. В рамках исследования, посвященного адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе, было проведено анкетирование с использованием платформы Google Формы. Выборка

исследования составила 62 студента первого курса педагогического института. Анкета, включавшая девять вопросов, была направлена на выявление и анализ особенностей адаптационного процесса.

Результаты исследования демонстрируют, что большинство респондентов (62,5%) не испытывают трудностей в коммуникации с одногруппниками. Этот факт может быть связан с общностью профессиональных интересов и возрастной близостью студентов. Половина опрошенных (50%) отметили отсутствие проблем во взаимодействии с преподавательским составом, что предположительно обусловлено открытостью, спецификой человекоцентрированной профессии и готовностью преподавателей к диалогу. При этом существенная доля студентов (около 33%) сообщили о трудностях, связанных с дистанционным форматом обучения, что связано с недостаточным опытом онлайн-обучения и ограниченными возможностями для неформального взаимодействия в дистанционной среде.

Анализ данных анкетирования показал, что 60% студентов столкнулись с повышенной учебной нагрузкой, что объясняется переходом на новый уровень образования и необходимостью адаптации к более интенсивному учебному процессу. Аналогичная доля респондентов (60%) указала на сложности, обусловленные недостаточным пониманием требований преподавателей. Возможно, это связано с отсутствием четких критериев оценивания или недостаточной обратной связи со стороны преподавателей. Трудности в установлении межличностных контактов, отмеченные третьей опрошенных (33%), что связано с естественным процессом адаптации к новой среде и индивидуально-психическими особенностями студентов.

Опрос показал, что подавляющее большинство респондентов оценивают свои взаимоотношения с одногруппниками, как в неформальной, так и в профессиональной сфере, как приемлемые. Примерно четверть опрошенных (23,5%) характеризуют эти отношения как нейтральные. Такие результаты могут свидетельствовать о благоприятном социально-психологическом климате в студенческой группе и налаженном взаимодействии между студентами.

Результаты исследования также демонстрируют, что большинство студентов положительно оценивают свои взаимоотношения с преподавателями. 17% респондентов придерживаются нейтральной позиции в этом вопросе. Примечательно, что, аналогично ситуации с одноклассниками, ни один из опрошенных не дал негативной оценки взаимоотношениям с преподавательским составом. Это может указывать на конструктивный характер взаимодействия между студентами и преподавателями, а также на доверительную атмосферу в учебном процессе.

Анализ результатов опроса, касающегося проживания студентов вдали от дома, выявил неоднозначную картину. Более половины респондентов (более 50%) утверждают, что не испытывают трудностей, однако только меньшинство (16,7%) отметили беспроблемную адаптацию. Четверть опрошенных (25%) продолжают сталкиваться с трудностями. Несмотря на эти противоречия, исходя из общего показателя, можно заключить, что большинство студентов (75%) успешно адаптировались к новым условиям проживания в течение первых трех месяцев обучения. При этом, большая часть респондентов (75%) отмечают, что адаптационный период осложнен новым окружением и отсутствием близких. Финансовые трудности являются существенной проблемой для 58% опрошенных. Небольшой процент студентов (8,3%) сообщили о сложностях с поиском жилья.

Более трети респондентов (более 33%) сталкиваются с проблемой межкультурного взаимодействия, что обусловлено культурным разнообразием студенческого контингента.

Значительная часть студентов принимает активное участие в деятельности студенческих объединений. Наиболее популярными являются научные общества (75%) и органы студенческого самоуправления (58%). Наименьший интерес студенты проявляют к спортивным клубам. Основными мотивами вступления в студенческие объединения являются стремление к повышению самооценки и расширению круга общения (85,7%); академическая поддержка, предоставляемая объединениями, важна для 57,1% респондентов; организация досуга и культурных мероприятий мотивирует 35,7% опрошенных.

Наставничество со стороны преподавателей, как фактор привлекательности студенческих объединений, отметили 28,6% студентов.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить особенности адаптации студентов-педагогов первого курса к условиям высшего образования. Результаты анкетирования демонстрируют в целом успешную адаптацию большинства студентов к новой социальной и образовательной среде. Большинство респондентов позитивно оценивают взаимоотношения с одноклассниками и преподавателями, что свидетельствует о благоприятном социально-психологическом климате в вузе. Однако выявлен ряд трудностей, с которыми сталкиваются студенты в процессе адаптации. К ним относятся: сложности, связанные с дистанционным форматом обучения, повышенная учебная нагрузка, недостаточное понимание требований преподавателей, проблемы проживания вдали от дома, финансовые трудности, а также трудности межкультурного взаимодействия. Низкая востребованность наставничества со стороны преподавателей требует дальнейшего исследования и разработки мер по повышению ее эффективности.

Для оптимизации адаптационного процесса студентов первого курса педагогического направления к условиям высшего образования предлагается комплекс мер, включающий:

- Разработку программ адаптации к дистанционному обучению. Данные программы должны содержать тренинги по освоению цифровых образовательных платформ и мероприятия, направленные на фасилитацию неформальной коммуникации студентов в онлайн-среде.

- Оптимизацию учебной нагрузки с учетом специфики педагогического образования. Рекомендовано равномерное распределение нагрузки в течение семестра и внедрение инновационных образовательных технологий для повышения эффективности учебного процесса.

- Повышение прозрачности требований к студентам. Необходимо разработать четкие критерии оценивания учебной деятельности и обеспечить регулярную обратную связь от преподавательского состава.

- Создание интерактивной системы поддержки иногородних студентов. Система должна предусматривать консультационную помощь по вопросам проживания, финансового обеспечения и социально-бытовой адаптации.

- Разработку программ развития межкультурной компетенции. Программы должны быть ориентированы на формирование толерантного отношения к представителям различных культур и развитие навыков эффективной межкультурной коммуникации.

- Активизацию и повышение доступности менторских программ с участием преподавателей. При разработке программ необходимо учитывать индивидуальные потребности и интересы студентов.

Список использованных источников

1. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.
2. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер; (пер. С англ. А.А. Анистратенко, И. Знаешевой). – Москва : Э, 2018. – 251 с.
3. Трухан, Н.С. Адаптация студентов первого курса / Н.С. Трухан, Л.В. Мамедова // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – № 7 (54). – С. 267–275.
4. Гришанов, Л.К. Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов / Л.К. Гришанов, В.Д. Цуркан // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе: сборник материалов. – Кишинев, 2008. – С. 29-41.
5. Сиомичев, А.В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / А.В. Сиомичев. – Ленинград, 2009. – 17 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Голышева Надежда Викторовна
*старший преподаватель кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(golysheva-nadya@mail.ru)*

В статье проведен сравнительный анализ эмоциональной сферы подростков, проживающих в зоне военного конфликта. Установлено, что существуют некоторые особенности в эмоциональной сфере подростков, проживающих в зоне военного конфликта.

Ключевые слова: эмоциональные состояния, эмоции, эмпатия, тревожность, агрессия.

A STUDY OF THE EMOTIONAL SPHERE OF ADOLESCENTS LIVING IN A MILITARY CONFLICT ZONE

Golysheva Nadezhda Viktorovna
*senior lecturer of the Department of Psychology Donetsk National University
(Russian Federation, Donetsk) (golysheva-nadya@mail.ru)*

The article provides a comparative analysis of the emotional sphere of adolescents living in a military conflict zone. It has been established that there are some peculiarities in the emotional sphere of adolescents living in a military conflict zone.

Key words: emotional states, emotions, empathy, anxiety, aggression.

Актуальность исследования. Эмоции – особый класс субъективных состояний, отражающих отношение, оценку и значимость внешних и внутренних ситуаций для человека [1]. Они проявляются в виде переживаний и ощущений приятного или неприятного характера и являются субъективными по своей природе. Вместе с другими формами переживания, такими как чувства, настроение, стресс и др. они формируют эмоциональную сферу личности [4]. Каждый из этих аспектов имеет свою специфику и влияет на эмоциональное состояние и самоопределение личности.

Изложение основного материала.

Теоретико-методологической базой нашего исследования являются подходы к проблеме эмоций и эмоциональной сферы личности, представленные в трудах Н.Г. Гаранян, Б.И. Додонова, Е.П. Илина, Е.А. Личко, А.Б. Холмогорова. Исследования О.А. Карабановой, А.И. Подольского о психоэмоциональном благополучии современных подростков, исследования тревожности у детей и подростков А.М. Прихожан, теории эмпатии, ее виды и уровни в исследованиях И.М. Юсупова, В.В. Бойко, теория агрессии А. Басс, Э. Дарки.

Эмоциональная сфера представляет собой динамическую систему признаков эмоционального реагирования, определяющих индивидуальное отношение человека к воспринимаемой действительности и к самому себе [2].

В подростковом возрасте происходят существенные изменения в эмоциональной сфере личности. В исследовании С.С. Игнатович, Магдалиновой Ю.Д., Мамбеталиной А.С. выявлены следующие психологические новообразования эмоциональной сферы личности подростка:

- « - повышенная эмоциональная возбудимость;
- большая устойчивость эмоциональных переживаний;
- основа дружбы – общность интересов и нравственных чувств;
- «комплекс эмоциональности»;
- появление эмоциональных переживаний и противоречивости чувств» [3, с.186].

Целью данного исследования является изучения особенностей эмоциональной сферы подростков, проживающих в зоне военного конфликта.

В нашем исследовании мы применяли следующие психолого-диагностические методы: методика «Диагностика уровня эмпатических способностей подростков» В. В. Бойко, методика «Диагностика показателей и форм агрессии» А. Басс, Э. Дарки, «Шкала личностной тревожности учащихся» М. Прихожан. Сравнение средних показателей проводилось с применением t - критерия Стьюдента.

В исследовании приняли участие 42 испытуемых: 22 респондента, проживающих в условиях военного конфликта г. Донецк, из них 8 мальчиков и 14

девочек, в возрасте от 13 до 15 лет, 20 респондентов, проживающих в г. Снежное, г. Харцызск, г. Шахтерск, г. Мариуполь, из них 10 мальчиков и 10 девочек, в возрасте от 13 до 15 лет.

По результатам методики «Диагностика уровня эмпатических способностей подростков» В. В. Бойко выявлено, что у подростков, проживающих в г. Донецке по сравнению с их сверстниками, проживающими в тыловых городах ДНР, наиболее выраженными являются такие показатели как суммарный показатель эмпатии ($t_{\text{эмп}}=2,92$; $p \leq 0,05$), рациональный канал эмпатии ($t_{\text{эмп}}=2,21$; $p \leq 0,05$), эмоциональный канал эмпатии ($t_{\text{эмп}}=2,08$; $p \leq 0,05$), интуитивный канал эмпатии ($t_{\text{эмп}}=3,40$; $p \leq 0,01$), установки ($t_{\text{эмп}}=2,12$; $p \leq 0,05$).

Подростки, проживающие в г. Донецке, демонстрируют более высокие показатели эмпатии, что позволяет им быстрее и легче понимать внутренний мир других людей, проявлять сочувствие и сострадание, ставя себя на место другого и переживать из-за чувств другого человека.

Они обладают способностью к непредвзятому восприятию других людей, эмоционально отзывчивы и легко настраиваются на одну «волну» с окружающими. Подростки способны прогнозировать и воздействовать на поведение людей даже в условиях нехватки объективной информации о человеке, опираясь на свой прошлый опыт.

Сравнительный анализ результатов методики «Диагностика показателей и форм агрессии» А. Басс, Э. Дарки показал, что у подростков, проживающих в г. Донецке сильнее выражена вербальная агрессия ($t_{\text{эмп}}=2,50$; $p \leq 0,05$) и чувство вины ($t_{\text{эмп}}=5,05$; $p \leq 0,001$). Сравнительный анализ подтверждает, что подростки, проживающие в зоне военного конфликта более склонны к ссорам, конфликтам, к повышенному чувству вины и выражению негодования, чем подростки, проживающие в тыловых городах ДНР. По остальным показателям методики различия не установлены.

Анализ и интерпретация результатов исследования по методике «Шкала личностной тревожности учащихся» М. Прихожан показал, что средние показатели тревожности подростков, проживающих в г. Донецке, превышают

показатели подростков, проживающих в тыловых городах ДНР, однако статистически значимые различия подтвердились по шкале межличностной тревожности, по поводу ожидания негативных оценок от значимых других, чаще одноклассников, учителей и родителей ($t_{эмп} = 2,15$; $p \leq 0,05$). Подростки, проживающие в г. Донецке, испытывают большую тревожность в общении с взрослыми и сверстниками, в отличие от их сверстников, проживающих в тыловых городах.

Выводы. Таким образом, можем отметить, что существуют особенности эмоциональной сферы подростков, проживающих в зоне военного конфликта, которые выражены в более высоких показателях эмпатии, вербальной агрессии и аутоагрессии, межличностной тревожности.

Подростки, проживающие в г. Донецке в большей степени способны к проявлению сочувствия и сострадания, они более эмоционально отзывчивы, открыты к общению с другими людьми, им легче настраиваться на чувства и переживания других, прогнозировать их поведение даже в условиях нехватки объективной информации. Что в свою очередь делает их более внимательными и открытыми чужому горю, развивает способность к альтруистическому поведению в отношении других людей.

Можем отметить также, что эмпатия как положительное личностное свойство, помогает подросткам из обеих групп устанавливать тесные и доверительные социальные контакты, легче социализироваться в обществе, не смотря на сложные, а порой и экстремальные условия жизни.

С другой стороны условия проживания в зоне военного конфликта могут усиливать проявление вербальной агрессии и аутоагрессии у подростков. Что может выражаться в склонности к конфликтам, ссорам, к повышенному чувству вины и выражению негодования в отношении других, чаще близких, друзей и родственников.

Кроме того, мы отмечаем повышение межличностной тревожности у подростков, проживающих в г.Донецке, которая чаще возникает как реакция на оценки со стороны значимых других. Это может быть обусловлено тем, что в

условиях угрозы жизни и нестабильности подростки начинают переживать тревогу не только в реакции на конкретные ситуации, но и как характеристику своей личности в целом.

Поэтому на наш взгляд сейчас важно создание безопасных пространств для общения и выражения эмоций детей, повышение доступности поддержки психологической помощи, а также содействие восстановлению после травматических ситуаций особенно у подростков, проживающих в зоне военного конфликта.

Список использованных источников

1. Бреслав, Г. М. Психология эмоций: Учеб. пособие для вузов / Г.М. Бреслав. – Москва : Смысл, 2013. – 544 с.
2. Гурьев, М.Е. Сущность и структура эмоциональной сферы личности / М.Е. Гурьев // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2014. – Текст: Электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-emotsionalnoy-sfery-lichnosti> (дата обращения 25.11.2024).
3. Игнатович, С.С. Психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков / С.С. Игнатович, Ю.Д. Магдалинова, А.С. Мамбеталина // 2023. Том 6. № 1-2. С. 170-191 DOI: 10.17748/2686-9969-2023-6-1-2-170 – Текст: Электронный – URL: 191file:///C:/Users/User/Downloads/psihologicheskie-osobennosti-razvitiyaemotsionalnoy-sfery-podrostkov.pdf (дата обращения 28.11.2024).
4. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 392 с.

УДК 347.6

КРИЗИС БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ, КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН СНИЖЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Кириллов Николай Александрович

*док. биол. наук, проф. кафедры фармакологии
Чувашский государственный университет (РФ, г. Чебоксары)
(kna27zergut@mail.ru)*

В статье рассматриваются демографические проблемы в России и, в частности, в Республике Марий Эл. Авторы отмечают, что одними из причин снижения численности населения кроме повышения смертности и уменьшения рождаемости являются разводы, число которых не уменьшается. Вместо

создания крепкой семьи, подкрепленной официальным браком, все большее число молодых людей, в том числе и разведенных, предпочитает жить в гражданском браке.

Ключевые слова: разводы, гражданский брак, семья, рождаемость, смертность, демография.

THE CRISIS OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS AS ONE OF THE REASONS FOR THE DECLINE IN DEMOGRAPHIC INDICATORS

Kirillov Nikolai Alexandrovich

*doctor of biological sciences, professor of the department of pharmacology
Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)
(kna27zergut@mail.ru)*

The article examines demographic problems in Russia and, in particular, in the Republic of Mari El. The authors note that one of the reasons for the decline in population, in addition to an increase in mortality and a decrease in fertility, are divorces, the number of which is not decreasing. Instead of creating a strong family supported by an official marriage, an increasing number of young people, including divorced ones, prefer to live in a civil marriage.

Key words: divorce, civil marriage, family, fertility, mortality, demography.

Изучение литературы показывает, что разводы являются одним из причин снижения демографических показателей [4-8]. Под разводом понимается формальное прекращения (расторжение) действительного брака между живыми супругами. Ежегодное увеличение или сохранение высокого процента разводов во многих регионах России свидетельствует об актуальности данной проблемы [4-10]. Так, в 2020 г. в Республике Марий Эл было зарегистрировано 2648 браков и 2294 случаев брака [9].

Такое положение дел несколько снижает значимость института семьи, так как лишь в 40% случаях (по данным социологических исследований) развод может оказаться благом для пары, которая поторопилась с браком и действительно совершила ошибку. Не зря социологами предложена идеальная формула брака, согласно которой перед заключением супружеского союза пара должна иметь несколько месяцев отношений и как минимум один год проживать совместно на одной площади. За этот промежуток времени партнеры смогут

полностью разузнать о характере и склонностях партнёра, что в будущем будет способствовать увеличению продолжительности брака.

К весомым причинам расторжения брака также можно отнести алкоголизм [4] одного из супругов (40 процентах случаев развода), проживание с родителями или близкими родственниками супругов (15% случаев развода), отсутствие собственного жилья или элементарных удобств (14% случаев), отсутствие совместных детей из-за нежелания заводить детей одним из супругов или бесплодия (в 8% случаев развода) невозможность рождения по различным причинам [1-8;10].

Такие данные дают социологические исследования, хотя сами супруги при указании причины расторжения брака при подаче заявления на развод называют совершенно другие. Так, в 25 % случаев причиной развода супруги указывают на измену и сексуальную неудовлетворённость (в 15% случаев подачи заявлений), а также на несовместимость характеров (в 13% случаев) и социальные сети (таковых стало много в последние пять лет и этот процент ежегодно увеличивается).

Что касается причины развода из-за сексуальной неудовлетворённости, то, возможно, виной этому является высокий уровень ожиданий и притязаний партнеров, сложенный в результате просмотра порнофильмов и знаний, полученных из любовно-романтических фильмов, книг, из страниц «желтых» журналов и газет.

Даже рождение ребенка не останавливает некоторых супругов от развода, так как многие молодые пары не способны выдерживать постоянный недосып, связанный с необходимостью кормить и пеленать ребенка [7-8]. Как правило, при этом супруг уходит из семьи и заводит новую, не считая необходимым даже оформить документы на развод с первой и на повторный брак со второй, предпочитая в дальнейшем гражданский брак. Женщины-супруги при этом отказываются разводиться, пользуясь законом о недопустимости разводов до наступления ребенку одного года. К концу данного срока такая семья успевает

привыкнуть к подобному положению вещей и продолжает жить в прежнем ритме, ничего не меняя [3-8].

В последние годы значительно увеличилось число пар, решившись разойтись уже после одного года совместной жизни, хотя по статистике чаще расходятся люди, прожившие в браке от пяти до девяти лет (28%).

Около 22 % пар расходятся после 10-19 лет брака; 18% - в период от трех до четырех лет совместной жизни (этот период из-за такого высокого процента разводов получил название «первого кризиса семейной жизни») и около 16 % - в первые два года брака. В дальнейшем судьба брака становится более предсказуемой и крепкой. Так, после двадцати лет совместной жизни распадается лишь 12% супружеских пар.

Данные опросов, проведенных среди молодых людей в возрасте 20-25 лет, показали, что большинство из них предполагает создавать семьи в возрасте 25-30 лет (около 55%), хотя довольно много оказалось и мужчин, мечтающих о создании семьи в возрасте 20-25 лет (около 35%).

Лишь 15% опрошенных лиц мужского пола планируют жениться после тридцати пяти лет, после достижения ими карьерных планов, покупки собственного жилья и накопления достаточных материальных средств. При этом реальные цифры полностью совпадают с ожиданиями и планами молодых людей, так как самый большой процент вступающих в брак мужчин (33%) встречается в возрастной категории 25-30 лет, на втором месте – молодые люди в возрасте 20-25 лет и на третьем – мужчины в возрастной категории старше 35 лет.

Желание выйти замуж среди девушек 20-25 лет превалирует над остальными планами на жизненную перспективу, что подтверждается статистикой создания семей, согласно которой около 40% девушек данной возрастной категории заключает браки. На втором месте по числу заключаемых браков находятся девушки в возрасте 26-30 лет (27%) и на третьем – в возрасте 30-35 лет (12% от общего числа зарегистрированных браков).

С учетом некоторой разности возрастов мужчин и женщин при вступлении в брак, подавляющее число браков в России заключается молодыми людьми в возрасте 20-35 лет, что дает возможность им не только создать новую ячейку общества, но и успеть родить ребенка до конца фертильного возраста.

В целом, сегодня можно выделить две основные тенденции брачного поведения женщин. Согласно первой, высокий процент женщин до заключения брака стремится получить достойное образование, высокий социальный статус, материальный достаток, а для второй категории девушек характерны ранние браки, которые очень часто распадаются уже в первые два года совместной жизни. При этом до половины женщин считают возможным жить в гражданском браке, что объясняется желанием лучше узнать друг друга, отсутствием жилья (или страхом потерять его в случае официального брака), неуверенностью в партнере, повышением ответственности и страхом перед будущим.

Тенденция к жизни в гражданском браке пришла к нам из Франции и Швеции, где отмечается самый высокий процент людей, отвергающих официальный брак. В России число таких отношений также увеличивается с каждым годом. Так, согласно последним данным, свыше 70 % браков сегодня распадается и лишь около тридцати процентов разведенных женщин повторно вступают в официальный брак, отдавая предпочтение гражданскому.

Что касается Республики Марий Эл (РМЭ), демографическая ситуация здесь характеризуется снижением числа зарегистрированных браков и высоким процентом разводов. Показатели числа разводов в регионе, к сожалению, выше среднероссийских показателей. С 10,8 до 8,4 на 1000 человек снизилось число родившихся с 2018 по 2022 г., а число умерших с 2019 по 2021 гг. повысилось на с 12, 0 до 16,7 на тысячу населения. Общее число умерших на конец 2021 г. составило 11228, а родившихся – 6391 человек. Основными причинами смерти при этом врачи диагностируют болезни сердечно-сосудистой системы, новообразования и смерть от несчастных случаев.

Таким образом, сегодня в РМЭ наблюдается снижение популярности официальной регистрации брака и сокращение разницы между численностью

браков и разводов. В качестве альтернативы официальному браку все большее число молодых (и не очень) людей начинает выбирать гражданский брак. В качестве альтернативы официальному браку все большее число молодых (и не очень) людей начинает выбирать гражданский брак, что с точки зрения закона, представляет собой простой вид сожительства без наделения супругов правами и обязанностями по отношению друг к другу и детям.

Список использованных источников

1. Григорьев, С.Н. Распространенность осознанной бездетности и причины ее проявления в российском обществе / С.Н. Григорьев, Н.А. Кириллов // Молодежь и инновации: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2022. – С. 468-471.
2. Кацero, А.А. Предикторы успешного брака в представлениях личности разновозрастных групп / А.А. Кацero, А.В. Кобзарь // Известия Саратовского университета. Серия. Психология развития, 2014. – №1. – С.85-91.
3. Кириллов, Н.А. Роды в домашних условиях / Н.А. Кириллов //Сборник статей Всероссийской научной конференции: Современные проблемы медицины и естественных наук. 2018. – С. 75-79.
4. Кириллов, Н.А. Психологическая помощь молодым супругам в целях сохранения семьи / Н.А. Кириллов, Л.Е. Бубнова, С.Н. Григорьев // Социальные и психологические ресурсы личности в ситуации жизненных кризисов: Материалы Международной научно-практической конференции, Херсон, 16–17 мая 2024 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 191-195.
5. Кириллов, Н.А. Изучение возможных причин разводов в молодых семьях / Н.А. Кириллов, М.Н. Кириллова // Научно-образовательные и прикладные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 15 ноября 2023 года. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2023. – С. 829-835.
6. Кириллов, Н.А. Особенности переживания одиночества у мужчин и женщин / Н.А. Кириллов, М.Н. Кириллова // Современные проблемы аграрной экономики и пути их решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 17 октября 2023 года. – Чебоксары : Чувашский государственный аграрный университет, 2023. – С. 619-624.
7. Кириллов, Н.А. Роль и место измен в супружеской жизни и разводов / Н.А. Кириллов // Психология и социальная педагогика: современное состояние и перспективы развития: Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции.

Электронный ресурс, Чебоксары, 16 апреля 2020 года. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. – С. 195-199.

8. Кириллова, М.Н. Добровольный отказ от детей / М.Н. Кириллова, Н.А. Кириллов // Студенческая наука – первый шаг к цифровизации сельского хозяйства: Материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Чебоксары : Чувашский государственный аграрный университет, 2022. – С. 426-428.
9. Республика Марий Эл в цифрах: Краткий статистический сборник / Под редакцией Т.А. Кузнецова, Е.Е. Китаева, И.П. Петрова, А.В. Целищева. – Йошкар-Ола, 2018. – 433 с.
10. Семенова Е.В. Этиология женского бесплодия / Е.В. Семенова, Н.А. Кириллов // Сборник статей Всероссийской научной конференции: Современные проблемы медицины и естественных наук. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. – С. 79-83.

УДК 152.1

ФАКТОРЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И МЕТОДОЛОГИЯ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ С НИМИ

***Лох Константин Владимирович**
канд. психол. наук, доцент кафедры АФК
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(kvlokh23@gmail.com)*

В статье сделана попытка рассмотреть факторы психологической дезадаптации демобилизованных участников специальной военной операции. Также рассматриваются концепция идентичности Э. Эриксона в приложении к проблеме реадаптации военнослужащих и типология идентичности Ю.М. Караяни. Предлагается структура групповой работы с ветеранами СВО и некоторые её методологические принципы и методы.

Ключевые слова: дезадаптация, идентичность, кризис, Я-концепция, посттравматический рост.

FACTORS OF DISADAPTATION OF DEMOBILIZED SERVICEMEN AND METHODOLOGY GROUP WORK WITH THEM

***Lokh Konstantin Vladimirovich**
candidate of Psychological Sciences
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)
(kvlokh23@gmail.com)*

The article attempts to consider the factors of psychological maladaptation of demobilized participants in a special military operation. The concept of E. Erickson's

identity in the application to the problem of preadaptation of military personnel and the typology of Y.M. Karayani's identity are also considered. The structure of group work with veterans of the SVO and some of its methodological principles and methods are proposed.

Key words: maladjustment, identity, crisis, Self-concept, post-traumatic growth.

Постановка проблемы. В нашей и в других странах накоплен довольно большой объём исследований ветеранов и опыт практической работы с ними. Однако они сделаны преимущественно на материале локальных войн (Афганистан, Приднестровье, Чечня), или, при всей масштабности (США во Вьетнаме), проходили вдали от «метрополии». СВО же всё больше приобретает характер народной войны не только по количеству участвующих в ней военных, но и по степени вовлечённости гражданских, даже в «большой России», а ДНР в ней уже десять лет. Государственная поддержка ветеранов сейчас тоже не сопоставима с той, которая оказывалась «афганцам» в СССР, «чеченцам» в РФ и ополченцам и военнослужащим 1-го армейского корпуса в ДНР до воссоединения. Это создаёт хорошие условия для реадаптации ветеранов, но и ставит задачу выбора как можно более точных конкретных способов работы.

Задачи данной статьи – изложение психологического содержания факторов дезадаптации, рассмотрение продуктивных концепций для работы с ветеранами и, на этой основе, формулировка принципов и методов групповой работы с ними.

Мы предлагаем ещё одну классификацию факторов социальной дезадаптации военнослужащих, уволенных в запас. Подчеркнём, что факторы перечисляются не по значимости, и в реальности имеет место сочетание их всех, опосредствованное как индивидуальными особенностями, так и спецификой тех условий, в которых человек находился на СВО.

Во-первых, это следствия боевых психологических травм. Этот фактор занимает центральное место как в общественном представлении о психологических проблемах участников СВО, так и в работе исследователей и практиков. Здесь теоретической основой является понятие посттравматического стрессового расстройства – ПТСР. Следует согласиться, что потенциально у всех

воевавших оно есть, но далеко не обязательно и не у всех оно разворачивается и становится основным фактором дезадаптации. Для обсуждаемой в данной статье темы выделим одно из последствий – гибель товарищей, с которыми в силу необходимости на войне формируется очень высокая, по сравнению с «гражданкой», степень идентификации. То есть, каждая смерть товарища – в какой-то степени, собственная.

Второй фактор обусловлен принципиальным различием военной и гражданской среды. Здесь следует выделить «объективный» аспект – степень опасности, лишения, выполняемые задачи, чёткая армейская иерархическая структура, и обусловленный им социальный аспект – очень высокая степень взаимозависимости бойцов, доверительность отношений, забота друг о друге вплоть до спасения товарища с риском для собственной жизни (прикрытие, эвакуация и т.п.). Это же можно описать как различные системы ценностей. В частности, ведущей «гражданской» ценностью являлось, к сожалению, материальное благополучие и потребление, безопасность обеспечена, о ней мало задумываются. На войне ведущая ценность – выживание, причём коллективное, в условиях обязательного выполнения боевых задач. Нам кажется так же важным такой социальный фактор, как материальное обеспечение: военных кормят и одевают независимо от их поведения, а на карточку регулярно зачисляется такая зарплата, которую мало кто имел на «гражданке». Не выделяя в отдельный фактор, сюда же добавим то, что на войне жизнь каждого бойца организуется извне, способность к самоорганизации не востребована и угасает, а после демобилизации оказывается слишком много свободы, от которой человек отвык. Таким образом, за время службы происходит адаптация к военной среде, которая гражданским условиям не соответствует.

Третий – потеря значительной части социальных связей, которые были у участников до СВО. Здесь особо подчеркнём, что даже если не произошло объективного изменения социальной микросреды, в которой человек жил до ухода на войну, он уже не тот, и связи приходится выстраивать заново. Как часто

говорят жёны военных – «вернулся не тот человек, который уходил, я его не знаю».

Четвёртый – демобилизуют практически всегда по тяжёлым ранениям. Даже если это не инвалидность, то утрата значительной части здоровья и физических возможностей, изменение образа себя по сравнению с «довоенным», утрата защитной иллюзии «личной неуязвимости».

Пятый заключается в неизбежной актуализированности на войне психологических защит, преимущественно первичных. На «гражданке» они сохраняются и, как минимум, затрудняют адекватное восприятие гораздо более сложной и аморфной гражданской социальной среды. А гражданским такой ветеран кажется, как минимум, грубым и не чувствительным.

Перечислены далеко не все факторы дезадаптации, но те, которые автор считает основными. А их совокупное воздействие, на самом общем уровне, выражается в очень высокой степени психического напряжения. Причём это напряжение в большинстве случаев не осознаётся ветеранами, и является одной из причин злоупотребления алкоголем, нехимических зависимостей, компульсий и других подобных способов временного уменьшения напряжения. Ещё одно проявление этого напряжения – неадекватная и «немотивированная» агрессия, которую трудно или невозможно контролировать.

Одна из ведущих российских психологов по проблематике военнослужащих, Ю.М. Караяни, отмечает, что ветеранов, страдающих ПТСР, гораздо меньше, чем участников СВО с экзистенциальными расстройствами, с дисгармоничными Я-концепциями, и с разрушением или даже утратой идентичности. При этом их социальная дезадаптированность часто выше, чем у ветеранов, у которых разворачивается ПТСР [1].

На основе собственного опыта участия в СВО и, пока небольшого, опыта психологической работы с ветеранами, автору кажется наиболее практически применимой категория идентичности, которую, упрощая, мы здесь определим, вслед за Эриком Эриксоном, как систему идентификаций [с определёнными социальными группами]. Слово «система» в определении означает, что

идентификации гибко интегрированы. Это происходит, в норме, при переходе от подросткового возраста к юношескому. Автору нравится определение Э. Эриксоном формирования идентичности как «процесса преобразования всех прежних идентификаций в свете ожидаемого будущего» [4]. От себя добавим, что это происходит в определённой системе отношений личности, сформированная идентичность отражает эту систему отношений.

Если идентичность сформирована, она может испытывать кризисы, но обеспечивает тождество личности самой себе при изменениях личности (сохранение Я), непрерывности времени, и, на этой основе, контроль над собой.

Описанный Э. Эриксоном на ветеранах Второй мировой феномен «кризиса идентичности» проявлялся в утрате ими этих свойств. Проще говоря, ветераны переставали «себя узнавать» и управлять собою. Э. Эриксон объяснял это переходом от четко определенных, упорядоченных, понятных и предсказуемых отношений армейской жизни, от деятельности, имеющей определенные цели и ценности, заданные извне и одинаковые для всех, от ясного понимания своих функций, места в системе социальных отношений, возможностей, статуса, ролей к неопределенным и расплывчатым условиям мирной жизни [по 3]. В определённой степени это происходит и с отслужившими срочную в мирное время, но выше здесь была описана специфика участия в боевых действиях, и кризис идентичности после возвращения с войны многократно сильнее. Ветерану приходится самому определять свои новые цели, а ценности военные как-то интегрировать с гражданскими. На основе многочисленных бесед с действующими военнослужащими автор может утверждать, что практически все они мечтают о возвращении к прежнему образу жизни. И лишь действительно вернувшись, обнаруживают, что это невозможно.

Главным условием преодоления кризиса идентичности Эриксон называл достаточный уровень развития рефлексивных способностей [2,4], а указанная нами выше актуализированность психологических защит затрудняет доступ к ним.

Ю.М. Волобуева-Караяни на основе своих многочисленных исследований идентичности ветеранов выделила четыре типа Я-концепции: «созидательную», разрушительную», «застывшую» и «потребительскую», отличающиеся друг от друга степенью согласованности- рассогласованности Я-образов, целостности и протяженности исторического времени личности, локализацией субъективного контроля (УСК), активизирующим потенциалом Я-концепции, используемыми стратегиями совладания с кризисной ситуацией.

Созидательная Я-концепция характеризуется отсутствием выраженного конфликта между Я-образами, ориентацией на будущее, активностью, преимущественно интернальным УСК, сохранностью функций, обеспечивающих адаптацию личности в социуме.

Остальные три – дисгармоничные.

Потребительская Я-Концепция характеризуется конфликтом между Я-реальным, Я-зеркальным и Я-идеальным. Проще говоря, они не интегрированы, и в каждом конкретном моменте выбора управляет одна из них, а не их гармоничный синтез. При этом человек хронически не удовлетворён своим поведением. С некоторой натяжкой это можно проиллюстрировать знаменитой фразой В. Черномырдина «хотел, как лучше, а получилось как всегда». Динамически, под давлением этой неудовлетворённости, происходит трансформация Я-реального в Я-фантастическое, и, соответственно, теряется адекватность: «Я – супергерой, а все – гниды, которые мне должны». УСК, разумеется, экстернальный.

Разрушительная («волк войны»). В этом типе Я-концепции Я-реальное совмещается, а в совсем клинических случаях замещается Я-идеальным-прошлым. Человек живёт воспоминаниями о войне, продолжает носить военную форму. Если в потребительском типе человек с гражданским социумом конфликтует, то «волк войны» его игнорирует, общается только с боевыми товарищами, и часто пытается вернуться на службу. УСК интернальный.

Застраившая («чувство вины уцелевшего») характеризуется конфликтом между Я-реальным и Я-идеальным, совмещением Я-реального с Я-травматическим, Я-идеального с Я-предтравматическим-социальным, направленностью в прошлое и экстернальным УСК. Содержание переживаний весьма метко отражается образным названием в кавычках.

На основе этой типологии Ю.М. Волобуева-Караяни предлагает осуществлять индивидуальный подход, руководствуясь при этом проверенными на практике специальными принципами: «инкапсуляции жалости», «внутреннее через внешнее», интернализации [3].

Принцип «инкапсуляции жалости» запрещает выражать её по отношению к ветеранам, а неудачи рассматривать опыт, ведущий к личностному росту. Механизм очевиден: жалость, помимо того, что может восприниматься как оскорбление, выделяет ветеранов в особую категорию и затрудняет идентификацию с гражданскими.

Принцип «внутреннее через внешнее» требует формировать установки личности и Я-концепцию через его уверенное, самостоятельное внешнее поведение.

Принцип интернализации определяет необходимость формирования у демобилизованного военнослужащего восприятия себя как субъекта своей собственной судьбы, являющегося главной причиной своего поведения и ответственного за свои достижения и неудачи [3]. То есть, поддержка внутреннего локуса контроля.

Далее, на основе описанных нами факторов дезадаптации и типологии Я-концепции ветеранов, предложенной Ю.М. Волобуевой-Караяни, сформулируем цели и принципы психологической реабилитации в групповой работе. Они будут изложены последовательно, так как предыдущий является условием для последующего.

1. *Состав группы.* Очевидно, что все участники – ветераны, в идеале ведущий тоже. При этом желательно, чтобы хотя бы один из участников был с созидательной Я-концепцией, которую он мог бы транслировать.

2. *Уменьшение напряжения* может достигаться за счёт его обнаружения и отреагирования. Здесь возможно использование катарсических техник.

3. *Обнаружение и вербальное описание психологических защит*, позволяющее, хотя бы время, занять рефлексивную позицию по отношению к нему. В дальнейшем – расширение репертуара защит с доминированием вторичных.

4. *Обнаружение смыслов и развитие нового целеполагания* с учётом реального состояния здоровья и изменившейся Я-концепции.

5. На этой основе – *разработка новых вариантов поведения* по отношению к гражданским, начиная с членов семьи, а в дальнейшем – формирование содержательно новых отношений с ними.

6. *Развитие рефлексивности* за счёт обратных связей.

7. *Освоение навыков саморегуляции*, наиболее эффективно оно на основе восстановления телесной чувствительности.

Важно, чтобы всё вышеперечисленное происходило как совместный творческий процесс.

Работа по этим принципам позволяет надеяться на реализацию потенциала посттравматического роста, благодаря которому ветераны смогут не просто восстановиться, но и быть более полезными обществу, чем они были до СВО.

Список использованных источников

1. Караяни (Волобуева), Ю.М. Психологические особенности Я-концепций инвалидов боевых действий как субъектов образовательного процесса / Ю.М. Караяни (Волобуева) // Инновации в образовании. – 2008. – № 3. – С. 80-103.
2. Караяни, Ю.М. Психологическая помощь участникам боевых действий: уроки чужих войн / А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни, // Юридическая психология. – 2022. – №4. – С. 29-35.
3. Караяни, Ю.М. Особенности психологического сопровождения демобилизованных военнослужащих вследствие военной травмы в высших учебных заведениях / Ю.М. Караяни, А.В. Русалеев // Человеческий капитал. – 2024. – № 7(187). – С. 267-270.
4. Эриксон, Э. Идентичность / Эриксон Э. // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2003 – С. 517.

5. Шатровой О.В. Проблемы оказания психологической помощи военнослужащим / О.В. Шатровой, Н.С. Помогаева // Российский военно-психологический журнал. – 2024. – № 2(4). – С. 111-115.

УДК 159.9

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Майстепанова Дарья Романовна
ассистент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(khudokormovadaria@yandex.ru)

В статье рассматриваются теоретические основы городской идентичности: факторы формирования (образ города, городские мифы и истории, городские символы, знаковые места) и способы трансляции (специфическая лексика и топонимы, обрядовые традиции) идентичности, а также приведены результаты анализа городской идентичности жителей города Мариуполь.

Ключевые слова: городская идентичность, образ города, боевые действия.

URBAN IDENTITY IN THE PERIOD OF SOCIAL AND POLITICAL CHANGES

Maystepanova Daria Romanovna
Assistant of the Department of General Psychology
Donetsk State University (Russia, Donetsk)
(khudokormovadaria@yandex.ru)

The article examines the theoretical foundations of urban identity: factors of formation (image of the city, urban myths and stories, urban symbols, iconic places) and methods of transmission (specific vocabulary and toponyms, ritual traditions) of identity, and also presents the results of the analysis of the urban identity of residents of the city of Mariupol.

Key words: urban identity, image of the city, military operations.

В современных социально-экономических условиях в связи с общемировыми тенденциями миграционных процессов, с увеличением плотности городского населения, трансформациями территориальной организации городского пространства, изменениями образа жизни городского

жителя и условий его проживания в городе, городская среда и житель города становятся объектами пристального внимания исследователей в области психологии, социологии, культурологии, философии и других наук. Дискурс идентичности в ракурсе теоретических моделей и обоснований сложился в различных направлениях как зарубежного, так и российского научного знания – философии, психологии, социологии и др. При этом стоит отметить, что современные исследования направлены, в основном, на анализ городской идентичности больших городов в спокойных и стабильных условиях, тогда как тема городской идентичности в период социально-политических перемен либо не поднимается, либо поднимается достаточно редко.

В первую очередь необходимо определиться с понятиями, изучить сущность феномена городской идентичности и факторы ее конструирования. В психологии идентичность понимается как результат работы индивидуальных и социальных процессов. С одной стороны, идентичность как выражение внутренних процессов, «нечто» существующее внутри индивида, часть «персоны». С другой, по мнению О.Н. Павловой, общественные системы, контекст – это то, что может накладывать отпечаток на индивида [2].

В самом общем понимании идентичность означает «... осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием данного понятия является тождественность самому себе» [4]. Из этого следует, что идентичность – термин, выражающий систему отношений, обязательно предполагает наличие «другого». Этот термин определяет взаимоотношения двух или нескольких связанных между собой сущностей так, что провозглашает их тождество или равенство.

Городская идентичность определяется принадлежностью к обширной социальной группе, члены которой могут различаться по социальным и культурным признакам, включая этническую принадлежность, социальное положение и религиозные убеждения. Однако их объединяет связь с

символическим пространством города, чувство принадлежности к нему и эмоциональное восприятие его ценности и значимости.

Город как сложное социальное пространство отражается в многообразии форм городской идентичности, зависящих от специфики взаимодействия индивида с городской средой. Город становится ареной конкуренции идентичностей, где сталкиваются различные дискурсы и нарративы. Социолог Ш. Зукин отмечает, что имманентной составляющей культуры городов является конфликт по поводу аутентичных репрезентаций районов – «когда группы жителей, представляющие противоположные точки зрения, претендуют на одно и то же пространство» [1].

Прогуливаясь по знакомым местам, человек ощущает меньше стресса. Уникальное и легко узнаваемое окружение не только создает чувство безопасности, но и увеличивает глубину и интенсивность человеческого опыта, способствуя установлению гармоничных отношений между личностью и окружающим миром, как отмечает Линч в 1960 году [3]. Эта уникальность пространства играет ключевую роль в формировании привязанности к своему району. Район может быть как официальной административно-территориальной единицей, так и неформальной, воображаемой территориальной общностью людей.

Городская идентичность включает в себя значимую когнитивную составляющую для городского жителя: устойчивое представление о себе как о члене сообщества, о своем текущем положении и его перспективах в различных аспектах городской жизни. Эти аспекты включают географию и ландшафт (климат, экология, эстетика архитектуры), инфраструктуру (транспорт, образование, здравоохранение), экономику и занятость (доступность и качество жилья, возможности трудоустройства).

Особое место среди этих измерений занимает культура. Соглашаясь с представителями школы гуманитарной географии, можно подчеркнуть, что восприятие места через призму культуры играет ключевую роль в формировании городской идентичности. Первоначально место воспринимается человеком

визуально, как совокупность объектов, которые привлекают внимание. Затем, будучи объясненным и понятым индивидом, место наделяется особым значением и предстает через дух места, чувство места и личность места.

Различная интерпретация одного и того же городского пространства разными культурными, социальными и иными группами и индивидами является одной из причин конкуренции городских идентичностей.

Жители города Мариуполь с февраля по май 2022 года находились в условиях военного конфликта. Город подвергался массовым обстрелам, у жителей не было доступа к ресурсам, не удовлетворялись даже базовые потребности. С начала марта доля площади города, получившая серьёзные повреждения, увеличивалась в среднем на 0,8 процентных пункта в день. Сейчас она составляет 45%, что соответствует примерно 20 тысячам зданий по всему городу. Если оценивать по площади, то больше всего пострадали промышленные объекты, такие как металлургический завод, где укрываются украинские войска. Но с точки зрения количества более 90% повреждённых зданий были жилыми.

И даже сейчас, когда город Мариуполь был полностью освобожден, восстановительные работы еще продолжаются. В рамках данного исследования данные показатели имеют чрезвычайное значение. Городское пространство не просто изменилось, оно было разрушено полностью. Новая архитектура, память о старых и родных местах не могут не влиять на восприятие города.

Для анализа особенностей городской идентичности была сформирована выборка, состоящая из 63 жителя Мариуполя (27 мужчин и 36 женщин в возрасте от 15 до 47 лет). Все респонденты жили в городе до начала 2022 года, а также не выезжали из города в период активных боевых действий. Для диагностики использовались результаты методик «Незаконченные предложения» (в авторской модификации); Семантический дифференциал «Город в восприятии горожан» (Е.Е. Пронина и Н.С. Гончарова) и Неструктурированное фокусированное интервью «Мой город» (Н.К. Радина), где испытуемые должны были рассказать о своем городе трем людям: жителю обычного города, то есть

«своим», жителю столицы, то есть «другому» и жителю ЕС или США, то есть «чужому».

На основе результатов, полученных в результате анализа ответов респондентов, можно в целом оценить особенности представления жителей Мариуполя о городе.

Можно отметить, что жители считают свой город невинным (2,03), уникальным (1,78) и агрессивным (1,56). В целом в оценке города жители придерживаются двойственных ответов. Город кажется им невинным, спокойным и понятным, однако в то же время они отмечают его агрессивную среду (в противовес спокойствию), отмечают его конфликтность и искусственность. В целом, мы считаем, что данные результаты объясняются переходным периодом, «старый и понятный» город разрушен, он утратил свои отличительные характеристики, однако еще не успел получить новые. В восприятии горожан активен прошлый образ, а новый они отвергают, что подтверждается результатами следующих методик.

Для начала отметим, что большинство респондентов (92% ответов) чувствуют свою принадлежность к городу, они отмечают, что чувствуют себя не сколько жителями страны или региона, а города Мариуполь, то есть единство жителей и пространства находится на максимальном уровне. Быть жителем города для них – быть настоящим (56%), стойким (67%), мужественным (43%) и даже, в некоторых случаях, агрессивным в отстаивании своих границ (35%). Большинство респондентов (86%) говорят о том, что продолжают жить в городе и не планируют уезжать. Оставшиеся 14% респондентов среди причин выделяют желание жить ближе к семье (56% из данного числа респондентов), желание иметь больше возможностей для реализации базовых потребностей (67%) и страх того, что боевые действия могут повториться в будущем (45%).

При том, что в ответах респондентов Мариуполь является чем-то светлым (56%), домашним (32%) и родным (43%), многие (76%) говорят о том, что хотят вернуться в город до войны, называя его настоящим домом. При этом, как

отмечают сами респонденты, дело не в политической обстановке, а в том, что боевые действия навсегда разрушили то, что было дорого.

При рассказе о Мариуполе «для своих» (в данном случае – для жителя Донецка) жители говорят о стойкости и мужественности, о вере в силу и правду, а также о взаимопонимании и общей боли. Именно с этой категорией слушателей горожане больше делятся своей болью, «оплакивают» дома и Мариуполь в целом. Город «для других» (для столичных жителей, то есть жителей Москвы) и «для чужих» (жителей ЕС или США) – это также описание стойкости и несокрушимости, при чем в ответах респондентов чаще проявляются агрессивные высказывания, отражающие то, что данные категории слушателей не сделали ничего для спасения города и жителей.

Исходя из анализа результатов, можно говорить о том, что жители Мариуполя имеют сильный уровень городской идентичности, которая заключается не только в идентификации себя как горожанина, но и в желании разделять трудности и боль с Мариуполем, который для них как дом.

Список использованных источников

1. Зукин, Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств [Текст] / Шарон Зукин ; перевод с английского Андрея Лазарева и Николая Эдельмана под научной редакцией Вячеслава Данилова. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 353 с. – ISBN 978-5-93255-550-7.
2. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты [Текст]: коллективная монография / К.В. Патырбаева [и др.]; [науч. ред. К. В. Патырбаева]; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное бюджетное учреждение высш. проф. образования "Пермский гос. нац. исслед. ун-т", М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, Гос. образовательное бюджетное учреждение высш. проф. образования "Пермская гос. с.-х. акад. им. Д.Н. Прянишникова". – Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2012. – 249 с.
3. Линч К. Образ города / К. Линч; Перевод с англ. В.Л. Глазычева. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с
4. Садохин А.П. Этнология: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям и направлениям / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – Москва : Высш. шк.: Academia, 2000. – 302 с.

ПРАКТИКА ПСИХОЛОГА В РАБОТЕ С ПСИХОТРАВМОЙ И КРИЗИСНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ

Максименко Елена Георгиевна

*д-р психол. наук, профессор кафедры общей психологии
директор Ресурсного центра практической психологии*

Донецкий государственный университет

*Руководитель Донецкого отделения Российского психологического общества
(РФ, г. Донецк) (e.maksimenko.dongu@mail.ru)*

Статья посвящена опыту психоаналитически-ориентированной работе с последствиями психотравмирующей ситуации. Представлены размышления автора относительно психотерапевтических подходов в работе с психотравмой, акцентируется эффективность психодинамической психотерапии. В статье представлена авторская техника в работе с последствиями психотравмирующей ситуации – карта жизненного пространства. Отмечается эффективность проективных методов в глубинной проработке вытесненных переживаний, значимость психологической работы с последствиями психической травмы для постановки жизненных ресурсов человека.

Ключевые слова: кризисная ситуация, психическая травма, стабилизация эмоционального состояния, проработка психотравмы, постановка ресурсов.

PRACTICE OF A PSYCHOLOGIST IN WORKING WITH PSYCHOTRAUMA AND CRISIS STATES

Maksimenko Elena Georgievna

Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology

Director of the Resource Center for Practical Psychology

Donetsk State University

Head of the Donetsk branch of the Russian Psychological Society

(RF, Donetsk) (e.maksimenko.dongu@mail.ru)

The article is devoted to the experience of psychoanalytically oriented work with the consequences of a psychological traumatic situation. The author's thoughts on psychotherapeutic approaches in working with psychological trauma are presented, the effectiveness of psychodynamic psychotherapy is emphasized. The article presents the author's technique in working with the consequences of a psychological traumatic situation - a map of the living space. The effectiveness of projective methods in the deep processing of repressed experiences, the importance of psychological work with the consequences of mental trauma for the development of a person's vital resources are noted.

Key words: crisis situation, mental trauma, stabilization of emotional state, processing of psychological trauma, formulation of resources.

Практика глубинной психологии переживает период активного развития. Это связано, в первую очередь с тем, что в обществе растет уровень осознания значимости глубинных причин поведения и общения личности. В последние десятилетия психоаналитически-ориентированные методы получают все большее распространение в культуре, медицине, политике, в связи с направленностью метода как процесса познания, на «повторное открытие объекта, который способен принимать новый облик в момент... когда он достиг сознания благодаря прояснению...» [7, с. 7]. Стремительность развития современного общества, урбанизация, экспрессия жизни диктуют свои требования к поиску инноваций в психологической практике, ставя задачи оптимизации путей и методов, прежде всего, во временном аспекте. Особенное значение фактор времени терапевтического воздействия приобретает в кризисных и чрезвычайных ситуациях.

В отечественном психологическом пространстве используются различные модели оказания психологической помощи в психотравмирующей ситуации, наблюдается тенденция к их развитию в соответствии с требованиями практики и социума (А.Г. Асмолов, А.Н. Веракса, А.Г. Караяни, А.Ф. Ермошин, Ю.П. Зинченко, М.М. Решетников, Е.С. Шойгу, Т.С. Яценко и др.). Авторы подчеркивают, что одной из главных проблем современной психологической науки и практики является разработка и внедрение методологических подходов психологической интервенции, которые, с одной стороны, позволили бы обобщить и концептуализировать мировой опыт, а с другой стали бы основой для апробации эффективных моделей психологической коррекции и терапии, позволяющих достичь результата за оптимальный период времени.

Можно согласиться с Р. Фицджеральдом [8, с. 16], что «Теоретики психотерапии подчеркивают различия, существующие между школами и системами. Специалисты практики, однако, широко заимствуют друг у друга методы работы». Практика работы с психотравмой в нашем исследовании представляет собой относительно краткосрочную технику, интегрирующую прикладные подходы психоаналитического, гуманистического, структурного

подходов. Применяются методы и приемы транзактного анализа, психоаналитической психодрамы, техники семейной терапии.

Психическая травма как аффективный след переживаний некоего травмирующего события (смерть или угроза смерти, угроза серьезных телесных повреждений, насилие, утрата имущества, привычного образа жизни), переживается настолько интенсивно, что сознательная часть психики не способна их принять. Реакция индивида включает интенсивный страх, беспомощность или ужас в связи с основным признаком – внезапностью события, его неожиданностью для индивида [3]. Психическая травма оказывает негативное воздействие на всю психическую жизнь человека, прежде всего, его адаптивность [2; 5; 6].

Человек может получить психотравму в случаях непосредственного переживания, личностного свидетельства, получения известия о событии, которое произошло с близкими членами семьи или друзьями, или периодического повторения травмы в силу своей профессии.

В руководстве по психодинамической терапии [6, с. 245] выделены первичные и вторичные травмы. Типы первичной травмы: 1. Обезличенная/случайная/катастрофическая/шоковая травма. Конкретно необусловленная. Сюда входит и внезапное заболевание, реабилитация с болевыми ощущениями. 2. Межличностная травма, причиняемая другими людьми в качестве средства удовлетворения их потребностей за счет потребностей других. Может быть единичной, ограниченной во времени, но может быть и повторяющейся, когда жертва и преступник связаны между собой каким-то образом. Симптомы будут тяжелее, когда обидчик является близким человеком, в функциях которого защита и забота. 3. Травма идентичности, основанная на неизменных индивидуальных характеристиках (этническая/расовая принадлежность и особенности, пол, половая идентичность, сексуальная ориентация). Является основанием для развития виктимизации. 4. Травма сообщества. Основанная на групповой идентичности, культуре, верованиях, традициях и принадлежности к сообществу, являющихся основанием для религиозной и межгрупповой вражды и насилия. Продолжающаяся травма.

Многослойная и кумулятивная травма, основанная на ревиктимизации и ретравматизации.

Существуют различные типы вторичной травмы: 1. Дополнительная травматизация в сочетании с травмой типа 2 (межличностной травмой), когда жертва обращается к другим людям за помощью, но не получает ее, или когда жертву обвиняют за то, что она стала жертвой. Повторная травма становится частью травмы предательства. 2. Ретроактивная травма. Отстроченный эффект. Отложенное действие. Например, сексуальные домогательства родителя в детском возрасте воспринимаются не как травма, а как смущение, но с наступлением пубертата мотивация преступника становится понятной и весь ужас пережитого носит ретравмирующий характер.

Любой из видов первичной и вторичной травмы могут как привести к появлению острого стрессового расстройства, посттравматического стрессового расстройства, так и не привести. Исследования показывают, что два человека, которые были свидетелями одного события, пережили одинаковый травмирующий опыт, могут иметь абсолютно разные реакции, способные развиваться в различные формы ПТСР [5; 6]. Необходимо отметить, что психическая травма, полученная при переживании экстремальной ситуации по разворачиванию симптоматики ничем, не отличается от психотравмы, полученной в любых иных обстоятельствах [1; 2].

Последствия психической травмы мы обнаруживаем в аффективной, когнитивной, физиологической и коммуникативной сферах [3; 4]. Вся симптоматика разворачивается не одномоментно, а постепенно расширяется и усиливается, захватывая весь спектр психических процессов и состояний.

В классике экстренной психологической помощи этапность следующая: постановка, накопление актуальных ресурсов; проработка вторичных выгод; проработка травматического опыта [4]. Тогда как, классика психотерапии: стабилизация эмоционального состояния; проработка воспоминаний; постановка ресурсов. Кризисные психологи акцентируют [2], что нельзя погружать человека в переживания сразу, так как это чрезмерно растормаживает его нервную систему,

может развиваться аффект и психологическую помощь будет оказать сложно. Можно согласиться, что вообще нельзя на человека «нажимать» какой-либо техникой психологической помощи. Она скорее всего не поможет или поможет краткосрочно. В том числе и при постановке ресурсов до проработки воспоминаний.

Любая практика психотерапии и консультирования начинается с установления психологического контакта [1; 7-8]. В экстренной ситуации мы оказываемся в непривычных для психотерапии условиях, как правило нет кабинета, нет даже уединенного небольшого пространства. Более того, не человек к нам приходит, а мы к нему подходим и пытаемся установить контакт, который возможно станет диалогом.

Установление контакта, первичное интервью и в обычной терапевтической ситуации часто вызывает сложности, особенно у начинающих терапевтов, а в условиях чрезвычайных событий приобретает характер закрытых вопросов и однозначных ответов.

Стабилизация эмоционального состояния как правило предшествует всем последующим интервенциям. Очень сложно подобраться к человеку, который находится в состоянии шоковой травмы или переживания острого горя. Необходимость в поиске или создании эффективного способа начала общения с клиентом обусловила разработку методики «Карта жизненного пространства».

Немного выше центра листа бумаги размером А4 психотерапевтом рисуется небольшой овал, внутрь которого вписывается имя и возраст клиента. Далее предлагается представить, что этот лист символизирует жизненное пространство клиента и внести в него значимых для клиента лиц или интересов. Вопрос: «Кого или что Вы чувствуете рядом с собой?». Находясь в тревожном, подавленном, депрессивном состоянии, клиент может сказать: «Никого нет. Я – один». Дальнейшие вопросы не будут отличаться от обычных вопросов первичного интервью. Например: «Как давно Вы чувствуете, что Вы – один?». Постепенно лист начинает отражать психологическую информацию о жизни человека.

Методика дает возможность не только увидеть клиенту собственную жизненную ситуацию со стороны, объективировать ее, но и понять некоторые ее особенности, сформулировать запрос. Человек, а не проблема ставится в главу угла. Система его отношений разворачивается за очень короткий период времени, как некая история, наполненная эмоциями и переживаниями.

Особенности расположения объектов на рисунке расшифровывают систему отношений клиента: расстояние между объектами, их размер, положение, характер соединительных линий (прямая, пунктир или отсутствие линии); наличие или отсутствие среди ближайшего окружения родственников (родителей, супруга, детей); привнесение в пространство заместителей, людей, с которыми клиент не связан значимыми объектными отношениями (друзья, коллеги, знакомые, домашние животные) или которых уже нет в живых, но обладающих особым эмоциональным статусом для клиента.

Таким образом, негативные переживания переносятся на лист бумаги. Эмпатия и активное слушание терапевта, его точное отражение на листе бумаге жизненного пространства клиента эффективно контейнируют негативные переживания, обеспечивая необходимый уровень доверия.

Визуализация жизненного пространства создает возможность увидеть клиенту свою жизнь, отношения опосредованно, через абстрактные схематические формы, им самим эмоционально окрашенные и получившие, в связи с этим, особый статус и смысл. Помогает выйти, как на возможные точки опоры, так и на источник напряжения, выделить зону конфликта, определить актуальную проблему и построить гипотезы для дальнейшей работы.

Работа над картой проводится от 15-20 мин до часа. За это время отношения клиент-терапевт становятся достаточно близкими и доверительными для перехода на следующие этапы психологической помощи.

Вторым важным моментом в работе с пострадавшим человеком является психологическое просвещение, которое может осуществляться на протяжении всей работы с клиентом по мере необходимости. Хочется отметить, что значимость психоедукации недостаточно понимается в профессиональном сообществе.

Человеку важно понимать, что с ним происходит. Объяснение его состояния как нормального для той ситуации, которую он переживает, значительно снижает уровень тревоги. Описание эмоций и чувств, объяснение клиенту, что каждое из них имеет жизненно важное значение и связано с определенными потребностями, стремящимися быть удовлетворенными, смещает внимание клиента с аффекта на сферу желаний, с которыми уже можно работать дальше.

Иногда есть необходимость в пояснениях особенностей работы психического аппарата. Можно задать вопрос: «Как Вы себе представляете психику?» Обычно используется метафора «горшочка», рисуется рисунок. Объясняются такие феномены, как сознательное, бессознательное, инстинкты, потребности и их судьба, психическая энергия и ее истощение, причины запруженности, действие защитных механизмов, детерминанты агрессии и аутоагрессии, предикторы аддикций, психосоматики и пр. Обязательно нужно сказать о возможностях восполнения психической энергии. Предложенная метафора позволяет представить клиенту механизм психической травмы и ее последствия для функционирования психики субъекта.

Наиболее популярными темами психоэдукации являются особенности развития детей, детско-родительские отношения, супружеские конфликты. В завершающих этапах работы появляется запрос на темы саморазвития. Естественная потребность человека в познании должна быть удовлетворена. Обучая своего клиента, мы создаем ему точку опоры – знания, которые будут ему первыми помощниками в дальнейшей жизни. Собственно, психоэдукация позволяет активировать ресурсы человека, которые были истощены травматическим переживанием.

Этап проработки. Задача – привести человека в адаптивное состояние за максимально короткий срок. Именно требование ускорения процедуры обусловило в классической экстремальной психологии привлечение методик таких направлений, как когнитивно-поведенческая телесно-ориентированная терапии, психокатализ и т.п. Многие ограничиваются стабилизацией психофизиологических показателей через аутотренинг, дыхательные практики,

телесно-двигательные. Все это совершенно замечательные техники краткосрочного формата, но и такого же эффекта. Впрочем, для человека с актуальным переживанием они вполне подойдут, но, такой клиент способен и без помощи психологов справиться со своим состоянием.

Если через несколько недель после события человек остается в фабуле своих переживаний, то уже можно предполагать развитие психотравмы. Нами замечено, что воспоминания детства, отрочества позволяют анализанту значительно снизить напряжение от переживаний актуального события, (потери близкого человека, ограничение возможностей здоровья, инвалидность, потеря имущества и др.). Появляется осознание особой роли утраченного в жизни, своей зависимости от него, понимание фрустрированных потребностей в детстве и отделения их от сегодняшних реалий.

Остается вопрос, как осуществить глубинный анализ в краткосрочном формате. Известно, что содержание сферы бессознательного может быть познано только через определенные символические проявления (сновидения, оговорки, ошибочные действия, ассоциации, фантазии).

Описан процесс символизации – это маскировка содержания бессознательного от цензуры «Супер-Эго» с целью обеспечения возможности удовлетворения скрытых мотивов и потребностей. Любое содержание бессознательного не имеет санкций на прямой (не скрытый) выход в незашифрованном виде в сознательную сферу, то есть оно семантически закрыто.

В процессе символизации действуют механизмы, на которые впервые обратил внимание З. Фрейд в интерпретации сновидений: сгущение, смещение, намек. Можно дополнить этот перечень: гиперболизация, минимизация, количественные маскировки, схематизация, нарушение физических закономерностей предметов (отсутствие или искривление отдельных их частей), неестественный синтез их качеств, компиляция отдельных их элементов, локализация, генерализация и др. Наиболее ярко действие обозначенных механизмов проявляется в процессе психоанализа переживаний, ассоциативно связанных с представлениями клиента продуцируемых картинами художников,

рисунками самих клиентов, психодраматическими историями, построением пространственных моделей из камней, ракушек, игрушек, песка и т.п., что значительно способствуют сокращению времени для проявления содержания бессознательного «вовне».

Главной целью в работе – остается анализ защит и переноса. В рисунках клиентов на заданные темы отражается весь спектр защитного поведения человека в тех ситуациях, которые вызвали фрустрацию.

Особенный диагностико-коррекционный эффект обеспечивает комплекс тематических психорисунков Т. С. Яценко [9]. Методика Т. С. Яценко представляет собой современный усовершенствованный аналог метода свободных ассоциаций З. Фрейда и ассоциативного эксперимента К. Юнга.

Содержание сознательной и бессознательной сфер, детерминирующее личностную проблематику, оказывается на рисунке в «свернутом» виде, что значительно сокращает временной аспект психокоррекционной процедуры.

Интерпретация материала, полученного с помощью психорисунков, основывается на феноменологическом подходе, согласно которому учитывается понимание рисунка самим автором «здесь-и-теперь». При анализе рисунка художественный уровень его выполнения не принимается во внимание. Анализ фокусируется на представлении в тематических рисунках сложной проблематики и эмоциональных переживаний при помощи «художественных» средств – цвета, формы, образа, символа, выполняющих функцию свободного ассоциирования с последующей тщательной проработкой выделенных взаимосвязей, противоречий, отдельных элементов, воссоздающих историю и последовательность событий. Коррекционный эффект зависит, в частности, от психоаналитического умения реконструировать ту часть жизни анализанта, которая предопределяла появление выявленных интрапсихических противоречий [9].

Комплекс тематических рисунков для взрослых состоит из 35-40 тем, для детей – из 15-20 тем. Тематика комплекса построена так, чтобы можно было объективировать разнообразные сферы жизни человека, связанные с влиянием

семьи, отношением к другим людям, к самому себе, к пережитым событиям, к образованию, профессиональному росту, к своему будущему.

Кроме рисунков клиента в работе можно опираться на репродукции картин известных мастеров художников, метафорические ассоциативные карты, пространственные модели из камней, игрушек, кубиков, песка.

Хочется отметить описанный Т.С. Яценко [там же] механизм положительной дезинтеграции психики и вторичной интеграции на более высоком уровне. Психоанализ способствует ослаблению сформированных бессознательных конструкторов, основой которых являются защиты. Ослабление защит освобождает путь фантазиям, но и вызывает сильнейшую тревожность и деструктивные чувства страха, вины. Положительная дезинтеграция обеспечивается, с одной стороны, безусловным принятием деструктивных чувств клиента, терапевтическим холдингом, а с другой – мягким ослаблением защит посредством объективирования психического содержания через образы рисунков и других арт-средств. Происходит как бы «расчистка запруженности» бессознательного психики и одновременно получение, расширение конструктивного опыта взаимодействия с другими людьми. Последний этап – постановка ресурсов, обеспечивается целостным психоаналитическим подходом к проработке переживаний и воспоминаний клиента, ассоциативно связанных с актуальной чрезвычайной ситуацией.

В заключении, отметим, что описанные техники применяются нами и в работе с кризисными переживаниями, при которых, как правило, наступает ощущение «тупика жизни». Использование описанных техник позволяет в кратчайшие сроки (2-6 сессий) не только стабилизировать эмоциональное состояние, но и проработать вытесненные ранее переживания, продолжающие оказывать активное влияние на восприятие и осмысление реальности.

Список использованных источников

1. Волкан, В.Д. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению / В.Д. Волкан ; науч. ред. проф. М.М. Решетников. 2-е изд-е. – СПб. : Издательско-Торговый дом «Скифия», 2021. – 352 с.

2. Караяни, А.Г. Настольная книга военного психолога / А.Г. Караяни. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 332 с.
3. Максименко, Е.Г. Возможности психоанализа в экстремальной ситуации / Е.Г. Максименко // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию В.Д. Потаповой (г. Донецк, 08.12.2022). Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. – Донецк : ДонНУ, 2022. – С. 236 – 242.
4. Максименко, Е.Г. Практическая деятельность психологов в экстремальной ситуации: психоэдукация, травматерапия / Е.Г. Максименко // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ. – С.321-324.
5. Решетников, М.М. Психическая травма / М.М. Решетников. – СПб.: Институт психоанализа, 2006. – 322 с.
6. Руководство по психодинамической диагностике. Второе издание. PDM-2. Том 1 / Под ред. В. Линджарди, Н. Мак-Вильямс / Пер. с англ. О. Перфильевой [и др.]. – Москва : Независимая фирма «Класс», 2019. – 792 с.
7. Томэ, Х. Современный психоанализ / Х. Томэ, Х. Кэхеле ; пер. с англ. – Москва : Прогресс-Литера, Яхтсмен, 1996. – Т. 1. – 576 с., Т. 2. – 776 с.
8. Фицджеральд, Р. Эkleктическая психотерапия: [пер. с англ. А.И. Копытина] / Р. Фицджеральд. – СПб. : Питер, 2001. – 320 с.
9. Яценко, Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика: навч. посіб. / Т. С. Яценко – Київ : Вища шк., 2006. – 382 с.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ПАССИВНЫХ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Маштакова Светлана Васильевна

магистрант

(sv.mashtakova@yandex.ru)

Яровая Оксана Васильевна

магистрант

(ov_yarova@mail.ru)

Асаулюк Татьяна Валентиновна

ассист. кафедры практической психологии

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи

(РФ, г. Мариуполь)(asauliuk.t@mgumariupol.ru)

В статье изложена попытка раскрыть вопрос изучения стрессоустойчивости и психологической грамотности на примере подростков 15-16 лет, взрослых (пассивные участники боевых действий 2022 года). С помощью анкетирования психологической грамотности, методики «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых, выявлены особенности стрессочувствительности. Представлены результаты тестирования до, после программы психокоррекции, психопрофилактики. Обозначены перспективы.

Ключевые слова: психологическая грамотность, пассивные участники боевых действий, стрессоустойчивость, стресс, ПСТР.

FEATURES OF STRESS RESISTANCE AND PSYCHOLOGICAL LITERACY OF PASSIVE COMBATANTS

Mashtakova Svetlana Vasilyevna

Master's student

(sv.mashtakova@yandex.ru)

Yarovaya Oksana Vasilyevna

Master's student

(ov_yarovaya@mail.ru)

Asauliyuk Tatyana Valentinovna

As. of the Department of Practical Psychology

Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi,

(Russian Federation, Mariupol)

The article presents an attempt to uncover the issue of studying stress tolerance and psychological literacy using the example of teenagers aged 15-16 and adults (passive participants in hostilities in 2022). With the help of a questionnaire on psychological literacy and the «Stress Tolerance Test» methodology by Y.V. Shcherbatykh, it is possible to identify the features of their stress sensitivity. The results of testing before and after the application of the program of psychocorrection and psychoprophylaxis are presented. The prospects are outlined.

Key words: psychological literacy, passive combatants, stress tolerance, stress, PTSD.

Стресс является ежедневным спутником человека. То, как и насколько личность умеет справляться с возникающим напряжением, влияет на качество жизни, самочувствие, успехи и др. Сегодня мы живем в условиях постоянно меняющегося мира, поэтому актуальным является исследование аспектов стрессоустойчивости на примере пассивных участников боевых действий.

Вопрос психологической грамотности исследовали И.В. Дубровина, Э.Ф. Зеер и др. Стресс и стрессоустойчивость изучали А.А. Реан, В.А. Бодров, А.В. Михеева и др. Вопрос ПТСР исследовали Н.В. Тарабрина, А.И. Копытин и др.

Цель данного исследования — изучить особенности стрессоустойчивости пассивных участников боевых действий на примере подростков средней школы и взрослых жителей г. Мариуполя. Задачами этой работы являются:

- реализовать и описать практическую программу, целью которой является повышение уровня стрессоустойчивости и психологической грамотности жителей г. Мариуполя (подростков, взрослых);
- провести эмпирическое исследование до и после практической программы занятий по психологической профилактике и психокоррекции — измерить уровень стрессоустойчивости пассивных участников боевых действий на примере подростков и взрослых г. Мариуполя с помощью методики «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых;
- проанализировать результаты эмпирического исследования (по методике «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых), итоги анкетирования на тему психологической грамотности.

Методиками являются опрос на тему психологической грамотности (авторский), «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых. Нами уже рассмотрен вопрос актуальности профилактики социальных рисков детства на примере влияния родительских посланий [2]. И неосторожное обращение детей со взрывоопасными предметами может быть одним из признаков ПТСР у пассивных участников боевых действий, которыми является также и подрастающее поколение в регионах, где происходят или недавно происходили вооруженные конфликты. Данное предположение требует дальнейшего научного исследования в практической среде.

Итак, в данном исследовании нашей выборкой являются подростки и взрослые жители г. Мариуполя [1, 3]. В первом проведенном нами опросе и самой программе приняло участие 14 человек (ученики 10 класса) в возрасте 15-16 лет: 4 девушки и 10 парней. Программа длилась три недели и включала три

занятия (одно в неделю, по 35 минут). В начале программы мы наблюдали, что ученики 10 класса не проявляют должного внимания к вопросу повышения собственного уровня психологической грамотности и саморегуляции, самопомощи. Хотя, в своих анкетах подростки отметили актуальность и важность данного вопроса и выразили надежду, что эти знания по психологии им не пригодятся в повседневной жизни (5 из 14 участников опроса отметили подобный вариант в своей анкете). До начала программы проведено анкетирование учеников 10 класса на предмет психологической грамотности. Вопросы, заданные старшеклассникам, таковы: «Ваш возраст и пол», «Что такое психологическая грамотность? Напишите своими словами», «В каком вопросе вы хотели бы повысить свою психологическую грамотность?»

Старшеклассники ответили до начала программы на данные вопросы следующим образом: 3 из 14 участников смогли описать свое понимание психологической грамотности в максимальной приближенности к научным версиям данного термина; 5 из 14 участников исследования частично верно описали психологическую грамотность; 6 из 14 участников не сформулировали свое понимание данного термина до начала нашей программы. Такие результаты могут говорить о том, что уровень психологической грамотности у старшеклассников на среднем или низком уровне. Необходимо продолжать исследование данного вопроса, чтобы получить более точные данные. На вопрос о том, в какой тематике они хотели бы повысить собственный уровень психологической грамотности, ученики 10 класса ответили так:

- 5 из 14 участников отметили, что их волнует тревожность;
- 6 из 14 участников написали, что хотели бы лучше понимать себя;
- 3 из 14 участников ответили, что их все устраивает и у них нет потребности в помощи психолога.

Подобные результаты могут говорить о том, что необходимо провести психологическую программу на тему снижения уровня тревожности у старшеклассников. При этом, важно выявить причины тревожности, чтобы устранить не последствие тревоги (саму тревожность), а обнаружить ее

первопричину и, по возможности, скорректировать. Также актуально проведение тренинга на тему снижения уровня тревожности, освоение старшеклассниками упражнений самопомощи для профилактики тревожности и повышения уровня саморегуляции в этом вопросе. В ходе трех занятий, которые посетили участники практического исследования, они познакомились с упражнениями и техниками (Табл. 1), которые позволяют подросткам помогать себе и близким людям в стрессе.

Таблица 1.

Программа занятий с учениками 10 класса

Название программы	Содержание профилактической, психокоррекционной программы
«Психологическая грамотность подростков в условиях постоянно меняющегося мира». Лекционное занятие с элементами диагностики и практическими упражнениями	Вступительное слово. Пояснение аспектов стрессоустойчивости и ценности психологической грамотности человека. Прохождение тестов по трем методикам, анкетирование по теме понимания аспектов психологической грамотности.
«Стрессоустойчивость, как условие психологической грамотности подростков» практическое занятие	Теоретическая часть – пояснение основ психологической грамотности, психологической культуры и психологического просвещения. Рассмотрение базовых основ по теме «личные границы и важность их соблюдения», «ближний и дальний круг общения». Телесно-ориентированные упражнения «Дыхание по квадрату», «Поза горы», «Прогрессивная мышечная релаксация» по Э. Джекобсону.
«Эмоциональная и волевая регуляция подростков, как основа психологической грамотности», лекционное занятие с элементами диагностики и практическими упражнениями	Теоретические аспекты эмоциональной и волевой регуляции подростков. Практическая часть: техника направленного воображения «Сканирование тела» (Дж. Каббат-Зинн, модификация С.В. Маштаковой) [2], телесное упражнение «Дыхание по квадрату», «Прогрессивная мышечная релаксация по Э. Джекобсону»

После того как программа была завершена, мы снова провели опрос учеников 10 класса по методике Ю.В. Щербатых «Тест на стрессоустойчивость» и результаты в некоторых шкалах снизились. Можно предположить, что применяемая нами программа оказала позитивное влияние на уровень стрессоустойчивости подростков. Уместно продолжать апробацию программы, техник самопомощи на регулярной основе и, через 3-12 месяцев, снова замерить результаты с помощью различных методик исследования уровня стресса. Для наглядности мы сравнили данные до, а также после тестирования и получили

следующие данные (Табл. 2), которые показывают возможную эффективность применяемой нами программы для повышения уровня психологической грамотности и снижения стрессочувствительности.

Таблица 2

Результаты опроса по методике «Тест на стрессоустойчивость»
Ю.В. Щербатых до и после применения нашей Программы

Название шкалы	До	После	Разница
Базовый	72,5	67,14	5,36
Итоговый	52,57	48,29	4,28
Обстоятельства	21	17,64	3,36
Усложнение	21,29	19,79	1,5
Психосоматика	13,21	15,86	-2,65
Деструктивные способы преодоления стресса	16,14	13,86	2,28
Конструктивные способы преодоления стресса	26,64	29,57	-2,93

Итак, результаты по методике «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых показывает, что данные за три недели изменились. По всем шкалам, кроме психосоматических проявлений и задействия конструктивных способов преодоления стресса, заметно снижение результатов. Мы предполагаем, что данные по шкале «Психосоматика» показывает повышение уровня возможно по причине повышения силы осознания процессов, которые происходят в теле подростка и носит временный характер. Касательно повышения уровня применения конструктивных способов преодоления стресса, то это хороший признак. Вероятно, подростки чаще используют полезные для здоровья способы преодоления стресса.

Кроме работы с подростками, также проведено исследование с использованием методики «Тест на стрессоустойчивость» (Ю.В. Щербатых) на взрослой аудитории испытуемых. Как и в самой программе, в опросе приняли участие 15 человек: тренеры и участники спортивных секций МБУ МГЦФЗН «Спорт для всех» (в возрасте от 30 до 70 лет) — 12 женщин и трое мужчин. По результатам тестирования статистический результат стрессоустойчивости испытуемых в пределах нормы – 81,2, общая стрессоустойчивость на удовлетворительном уровне – 58,2, наблюдается отсутствие высоких показателей по шкале самооценки – 25,1, одновременно с невысокой склонностью к

психосоматике – 17,6. Стремление к конструктивным способам преодоления стресса достаточно высоко – 34,6. Готовность к деструктивным действиям – 16,2. Судя по суммам отдельных шкал, особое внимание надо уделить испытуемым с низким уровнем стрессоустойчивости.

У тренеров и участников секций спортивной организации (та же группа испытуемых), в ходе психодиагностических интерактивных занятий, включающих элементы тренинга на тему: «Психологическая грамотность – ресурс повышения жизнестойкости и стрессоустойчивости лиц с разным уровнем физической активности. Самопомощь при психологической травме», была возможность получить теоретические знания, повышающие психологическую грамотность, и опробовать методики самопомощи при психологической травме и острой стрессовой ситуации. Это были дыхательные упражнения, прогрессивная мышечная релаксация по Э. Джекобсону, техника «Сканирование тела» Дж. Кабат-Зинн, создание «Безопасного места», техника «Здесь и сейчас». После этих занятий, по результатам анкетирования (на основе нашей авторской методики), выявлена потребность в повышении уровня психологической грамотности и необходимости получения профессиональной помощи для испытуемых, которые являются пассивными участниками боевых действий, находившихся в период с февраля по май 2022 года в г. Мариуполе.

Большинство опрошенных (11 человек) в период с 2022 не обращались к психологу из-за отсутствия возможностей, хотя такая потребность была. На сегодняшний день у всех 15 испытуемых есть потребность повышать психологическую грамотность и 14 из них планирует обращаться к психологу. Четыре испытуемых – хотели бы повысить психологическую грамотность в вопросах повышения стрессоустойчивости; остальные испытуемые этой группы назвали приоритетными – повышения психологической грамотности в вопросах межличностных и семейных отношений и стрессоустойчивость — на втором месте. Сравнивая данные по психологической грамотности у подростков 15-16 лет и взрослых людей, можно предположить, что лояльность к профессии психолога наблюдается у подростков. Они чаще рассматривают этот вопрос — в

отличие от взрослых людей. Возможно, наблюдается взаимосвязь между возрастом испытуемых и психологической грамотностью.

Мы реализовали и описали практическую программу, целью которой является повышение уровня стрессоустойчивости и психологической грамотности жителей г. Мариуполя (подростков, взрослых). Учитывая уровень психологической грамотности населения, уместно повышение стрессоустойчивости пассивных участников боевых действий, актуально продолжение разработки данной тематики с расширением выборкой и задействование лонгтитюдного метода научного исследования.

Список использованных источников

1. Маштакова, С.В. Влияние телесно-ориентированной терапии на уровень стрессоустойчивости подростков г. Мариуполя / С.В. Маштакова, Е.В. Рынгач. // Психология личности в эпоху изменений: социализация, ценности, отношения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Калуга, 30–31 мая 2024 года. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2024. – С. 300–308.
2. Маштакова, С.В. Родительские установки в профилактике социальных рисков детства. / С.В. Маштакова, Е.В. Рынгач. // «Психология и право в современной России. Коченовские чтения». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – С. 271-273.
3. Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. / Ю.В. Щербатых – СПб. : Питер, 2006. – 256 с.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Репенко Мария Сергеевна

аспирант 1 курса

Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)

(mari_r8@mail.ru)

В статье рассмотрены основные факторы, оказывающие влияние на процесс принятия решения в условиях неопределенности. Выявлено, что существуют различия в личностных и ситуационных особенностях принятия

решения в условиях неопределенности. Разработаны рекомендации по преодолению тревоги из-за неопределенности и тренинговая программа, направленная на развитие личностных навыков эффективного принятия решения в условиях неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, принятие решения, тревожность, дилемма заключенного, фрейминг-эффект.

FEATURES OF DECISION-MAKING BY STUDENTS OF PSYCHOLOGICAL SPECIALTIES IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Repenko Mariia Sergeevna

First year postgraduate student

Donetsk State University (RF, Donetsk)

(mari_r8@mail.ru)

The article examines the main factors influencing the decision-making process under uncertainty. It is revealed that there are differences in personal and situational characteristics of decision-making under uncertainty. Recommendations for overcoming anxiety due to uncertainty and a training program aimed at developing personal skills for effective decision-making under uncertainty are developed.

Key words: uncertainty, decision making, anxiety, prisoner's dilemma, framing effect.

Одной из основных характеристик современного мира является состояние неопределенности и нестабильности общества в политической, экономической и социальной сфере, что требует от человека большей самостоятельности и ответственности при принятии решений. Неопределенность в различных жизненных ситуациях может вызывать у человека чувство неприятия, растерянности, замешательства, реакция на которые у каждого человека будет индивидуальной: игнорирование, подавление, избегание, разочарование и отказ от реализации замыслов. Ситуация неопределенности создает пространство, где существует множество вариантов развития событий, перед которыми человек зачастую теряется [1].

Зарубежные и отечественные исследователи уделяют большое внимание изучению процесса принятия решения в условиях неопределенности и факторов (как личностных, так и ситуационных), оказывающих на него влияние. Некоторые исследователи рассматривают личностные особенности как

доминирующие в процессе принятия решения (Дж. Пэйн, Дж. Бэттмен, Г. Олпорт, В.А. Ядов). В то же время, многие авторы указывают на большую роль ситуационных факторов в усложнении процесса принятия решения (Д. Янг, Д. Халл, Дж. Форгас, Т.В. Корнилова). В связи с этим, можно признать возможным совместное влияние личностных и ситуационных особенностей на принятие решения [2]. Однако открытым остается вопрос о том, какая группа особенностей оказывает приоритетное влияние. Таким образом, исследование особенностей принятия решения в условиях неопределенности является актуальным вопросом современной психологии.

В процессе исследования нами было выдвинуто предположение, что предпосылками принятия решения в условиях неопределенности являются: уровень тревожности, эмоциональное состояние, стиль принятия решения, уровень толерантности к неопределенности, уровни субъективной рациональности и личностной готовности к риску, уровень эмоционального интеллекта, уровень фрустрации, стиль саморегуляции поведения.

Нами было проведено эмпирическое исследование особенностей принятия решения в условиях неопределенности. В исследовании приняли участие 40 студентов психологических специальностей (3 юношей и 37 девушек) г. Донецка в возрасте 19 – 21 года.

Для проведения исследования были использованы: Опросник «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» Д. Уотсона, Л. Кларк, А. Теллегена (в адаптации Е.Н. Осина); Шкала тревожности Спилбергера-Ханина; Задача «Дилемма заключенного»; Задача «Азиатская болезнь»; Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Т.В. Корниловой); Методика «Определение состояния фрустрации» В.В. Бойко; Мельбурнский опросник принятия решения Л. Манна (в адаптации Т.В. Корниловой); Опросник «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» Т.В. Корниловой; Тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина; Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой. Для осуществления качественного и

количественного анализа были использованы показатели описательной статистики и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

На первом этапе исследования была проведена диагностика уровня тревожности и эмоционального состояния испытуемых. Затем испытуемым была предъявлена задача «Дилемма заключенного», в которой им, действуя без ограничений во времени от лица первого заключенного, необходимо было выбрать один из четырех возможных исходов. Далее испытуемым необходимо было выбрать одну из программ спасения людей в задаче «Азиатская болезнь». После решения задач испытуемым было предложено заполнить опросники на измерение уровня эмоционального интеллекта, фрустрации, толерантности к неопределенности, субъективной рациональности и личностной готовности к риску, выявление стиля принятия решения, стиля саморегуляции поведения. Через некоторое время после проведения исследования испытуемым было снова предложено выбрать одну из программ в задаче «Азиатская болезнь», но уже сформулированную в терминах потерь, а не спасения. Таким образом, каждый испытуемый дважды решил задачу «Азиатская болезнь».

Анализ результатов прохождения задачи «Дилемма заключенного» выявил, что 23 студента выбрали стратегию сотрудничества (вариант «хранить молчание»), при этом 17 из них считают, что второй заключенный тоже выберет эту стратегию; 17 – стратегию соперничества (вариант «дать показания»), при этом они считают, что второй заключенный тоже выберет эту стратегию. Среднее время принятия решения составило 83 секунды.

Анализ результатов опросника «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» Д. Уотсона, Л. Кларк, А. Теллегена (в адаптации Е.Н. Осина) выявил средний уровень субъективно переживаемой вовлеченности (значение позитивного аффекта составляет 31 балл, негативного – 25,7 балла), что может свидетельствовать о нейтральном эмоциональном состоянии испытуемых [4].

Анализ результатов шкалы тревожности Спилбергера-Ханина выявил высокий среднегрупповой уровень как личностной (48 баллов), так и ситуативной (46 баллов) тревожности, что свидетельствует о повышенном

уровне тревожности у большинства студентов, который может как мобилизовать их, так и повысить их уровень напряжения и неуверенности.

Анализ результатов шкалы толерантности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Т.В. Корниловой) выявил средний уровень среднегруппового значения интолерантности к неопределенности (6,2 станайна) и уровень немного ниже среднего толерантности к неопределенности (3,3 станайна), что может свидетельствовать о наличии высокого уровня тревожности в ситуациях неопределенности, даже если эта неопределенность означает развитие и позитивное изменение в будущем [3].

Анализ результатов Мельбурнского опросника принятия решения Л. Манна (в адаптации Т.В. Корниловой) выявил следующие среднегрупповые значения по шкалам: «бдительность» (15,6 балла), «избегание» (11,2 балла), «прокрастинация» (9,2 балла), «сверхбдительность» (10,1 балла), что может свидетельствовать о большем удельном весе продуктивного копинга в стиле принятия решения.

Анализ результатов методики «Определение состояния фрустрации» В.В. Бойко выявил, что среднегрупповое значение уровня фрустрации (6,3 балла) свидетельствует о наличии устойчивой тенденции к фрустрации у студентов.

Анализ результатов теста эмоционального интеллекта Д.В. Люсина выявил, что среднегрупповые значения межличностного эмоционального интеллекта (3,88 станайна), внутриличностного эмоционального интеллекта (3,85 станайна), шкалы «понимание эмоций» (3,9 станайна), шкалы «управление эмоциями» (3,88 станайна) соответствуют среднему уровню развития способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими.

Анализ результатов опросника «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» Т.В. Корниловой выявил, что среднегрупповые значения субъективной рациональности (4,65 балла) и личностной готовности к риску (0,98 балла) соответствуют среднему уровню, что может свидетельствовать о преобладании склонности обдумывать свои решения и избегать ситуации неопределенности у испытуемых.

Анализ результатов опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой выявил, что среднегрупповое значение общего уровня саморегуляции (29,48 балла) соответствует среднему уровню, что может свидетельствовать о среднем уровне овладения новыми видами активности, стабильности успехов испытуемых в привычных видах деятельности.

Анализ результатов прохождения задачи «Азиатская болезнь» выявил, что при первом прохождении задачи программу А выбрали 58,3%, при повторном прохождении противоположную программу Г – 66,7%, что свидетельствует о наличии фрейминг-эффекта. В результате сопоставления данных первичного и повторного прохождения задачи было выявлено, что 41,67% испытуемых проявили подверженность фрейминг-эффекту.

Для выявления связи подверженности фреймингу с личностными и ситуационными особенностями был проведен анализ различий между группой подверженных и не подверженных фреймингу. Было выявлено, что у группы подверженных фреймингу, оказались выше уровни следующих показателей: позитивный (на 3,53 балла) и негативный (на 6,94 балла) аффект; ситуативная (на 11,98 балла) и личностная (на 4,17 балла) тревожность; субъективная рациональность (на 0,82 балла) и личностная готовность к риску (на 1,68 балла); фрустрация (на 1,43 балла); стили принятия решений (бдительность на 0,71 балла, избегание на 0,04 балла, прокрастинация на 0,2 балла, сверхбдительность на 0,24 балла), общий уровень саморегуляции (на 0,87 балла). Также у данной группы оказались ниже уровни следующих показателей: толерантность (на 0,69 станайна) и интолерантность (на 0,65 станайна) к неопределенности; эмоциональный интеллект (внутриличностный на 1,16 станайна, понимание эмоций на 0,84 станайна, управление эмоциями на 0,48 станайна). Также испытуемые данной группы чаще выбирали вариант «хранить молчание» и быстрее (в 3,57 раза) принимали решение в задаче «Дилемма заключенного».

В результате проведенного корреляционного анализа данных было выявлено 90 значимых корреляционных связей между показателями методик (47 прямых, из них 22 на 1% уровне; 43 обратных, из них 25 на 1% уровне).

Приведем основные результаты корреляционного анализа.

Была выявлена прямая связь на 1% уровне между негативным аффектом и такими показателями: ситуативная тревожность ($r=0,78$; $p\leq 0,01$), личностная тревожность ($r=0,75$; $p\leq 0,01$), сверхбдительность ($r=0,52$; $p\leq 0,01$), фрустрация ($r=0,62$; $p\leq 0,01$). Также была выявлена прямая связь на 1% уровне между ситуативной тревожностью и такими показателями: сверхбдительность ($r=0,51$; $p\leq 0,01$), фрустрация ($r=0,58$; $p\leq 0,01$). Была выявлена прямая связь на 1% уровне между личностной тревожностью и такими показателями: избегание ($r=0,6$; $p\leq 0,01$), прокрастинация ($r=0,52$; $p\leq 0,01$), сверхбдительность ($r=0,58$; $p\leq 0,01$), фрустрация ($r=0,72$; $p\leq 0,01$).

По шкалам теста эмоционального интеллекта была выявлена прямая связь на 1% уровне между управлением эмоциями и такими показателями: общий уровень саморегуляции ($r=0,41$; $p\leq 0,01$), моделирование ($r=0,41$; $p\leq 0,01$), оценивание ($r=0,46$; $p\leq 0,01$); между пониманием эмоций и оцениванием ($r=0,54$; $p\leq 0,01$); между внутриличностным эмоциональным интеллектом и оцениванием ($r=0,5$; $p\leq 0,01$).

Была выявлена прямая связь на 1% уровне между фрустрацией и такими шкалами Мельбурнского опросника принятия решения: избегание ($r=0,48$; $p\leq 0,01$), прокрастинация ($r=0,57$; $p\leq 0,01$), сверхбдительность ($r=0,62$; $p\leq 0,01$).

По шкалам опросника «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-25)» была выявлена прямая связь на 1% уровне между субъективной рациональностью и такими показателями: бдительность ($r=0,7$; $p\leq 0,01$), программирование ($r=0,47$; $p\leq 0,01$); между личностной готовностью к риску и такими показателями: позитивный аффект ($r=0,6$; $p\leq 0,01$); гибкость ($r=0,52$; $p\leq 0,01$).

Нарастание неопределенности во всех сферах жизни человека оказывает непосредственное влияние на уровень его психологического благополучия. В ситуациях неопределенности у человека зачастую повышается беспокойство, уровень стресса и тревожности, что снижает продуктивность его деятельности. В связи с чем, нами были составлены рекомендации по преодолению тревоги из-за неопределенности, состоящие из следующего алгоритма работы: определение

типа тревоги; схема принятия решений; работа по определению тревоги (ведение дневника тревоги); время на тревогу; работа над собой.

На основании полученных эмпирических результатов была разработана тренинговая программа, направленная на развитие личностных навыков эффективного принятия решения в условиях неопределенности, целью которой является формирование толерантности (устойчивости) к неблагоприятному воздействию трудных, чрезвычайных ситуаций и выработку индивидуального стиля взаимодействия с неопределенностью. Программа предусматривает проведение цикла занятий (14 занятий с периодичностью 1–2 раза в неделю) продолжительностью по 2 часа [5].

Проведенный анализ показал, что предпосылками принятия решения в условиях неопределенности являются: уровень тревожности, эмоциональное состояние, стиль принятия решения, уровень толерантности к неопределенности, уровни субъективной рациональности и личностной готовности к риску, уровень эмоционального интеллекта, уровень фрустрации, стиль саморегуляции поведения. На основании полученных результатов была разработана тренинговая программа, направленная на развитие личностных навыков эффективного принятия решения в условиях неопределенности. Результаты данного исследования могут применяться для прогнозирования выбора лицами юношеского возраста с различными личностными особенностями стратегий поведения в условиях неопределенности.

Список использованных источников

1. Вотинцева, Т.С. Взаимосвязь уровня толерантности к неопределенности и психологического благополучия личности / Т.С. Вотинцева, В.Р. Петренко // Педагогика и психология образования. – 2016. – №4. – С. 145-149.
2. Корнилова, Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска / Т.В. Корнилова // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40.
3. Корнилова, Т.В. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова // Экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 92–110.

4. Осин, Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS / Е.Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – Т. 9, № 4. – С. 91–110.
5. Репенко, М.С. Личностные и ситуационные особенности принятия решения в условиях неопределенности лицами юношеского возраста / М.С. Репенко // Личностные и регуляторные ресурсы человека в условиях социальных вызовов: материалы VII Международной научно-практической конференции: сборник материалов / под ред. Т.Н. Банщиковой, М.Л. Соколовского. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2023. – С. 265-270.

УДК 141.5:159.9.016.1

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ

Сабирзянова Инна Викторовна
канд. филос. наук, доцент кафедры философии и психологии
Донецкая академия управления и государственной службы (РФ, г. Донецк)
(sabirzyanova_i_v@mail.ru)

В статье показано расширение сферы применения аксиологической методологии для изучения широкого круга социальных проблем, негативных явлений в обществе неопределенности, характеризующегося, с одной стороны, ускорением социальной динамики, вплоть до турбулентных состояний, а, с другой – новейшими революционными достижениями современной науки, повышением инновационного потенциала самого социального пространства, где субъект управления необходимо пребывает в ситуации бинарной оппозиции к самому себе, своей глубинной сущности в решении вопроса своей самоидентификации в цифровом пространстве, что в свою очередь требует выявления ценностных оснований социально-психологических механизмов регуляции деятельности субъектов управления.

Ключевые слова: аксиологическая методология, ценности, субъекты управления, социально-психологические механизмы, ценностное сознание, инновации.

VALUE BASES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS FOR REGULATING THE ACTIVITIES OF MANAGEMENT SUBJECTS

Sabirzyanova Inna Victorovna
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology
Donetsk academy of management and public administration (RF, Donetsk)
(sabirzyanova_i_v@mail.ru)

The article shows the expansion of the scope of application of axiological methodology to study a wide range of social problems, negative phenomena in the society of uncertainty, characterised, on the one hand, by the acceleration of social dynamics, up to turbulent states, and, on the other hand, by the latest revolutionary achievements of modern science, increasing the innovative potential of the social space itself, where the subject of management must be in a situation of binary opposition to itself, its deep essence in solving the issue of St. John's Day, where the subject of management is in a situation of binary opposition to itself, its deepest essence in the decision of the question of how to solve the problem of the social problems of the society of uncertainty.

Key words: axiological methodology, values, subjects of management, socio-psychological mechanisms, value consciousness, innovations.

Современное состояние проблемы выявления оснований социально-психологических механизмов регуляции деятельности субъектов управления является следствием масштабной трансформации ранее казавшихся незыблемыми основ социального бытия, которая необходимо затрагивает глубинные психические состояния, механизмы регуляции, личностные кризисы – все, что сопряжено с влиянием на деятельность человека личностных и ситуационных факторов, и требует конструктивного обсуждения, анализа и обобщения накопленных знаний в пространстве философского и психологического дискурсов. Более того, в отношении субъектов управления заявленная проблематика актуализируется в свете становления новых парадигм управления, среди которых – ценностная, сама становится основанием трансформационных процессов на всех уровнях управленческих пирамид, ибо ценности сегодня не только и не столько феномены культуры, сколько социально-функционирующие системы, опосредующие социальную активность и психическое здоровье индивида.

Развитие постнеклассической науки, техногенные сдвиги, деструктивные политические процессы как внешние вызовы «...активно вторгаются во все сферы бытия человека, включая его ментальный мир, личностное пространство, индивидуальные ценности и смыслы, переформатируют окружающий мир во взаимообусловленную систему с новыми моделями связей, обмена, иерархии» [1, с. 126], тем самым формируют социум неопределённости. «Становление и развитие техногенного мира характеризуется... столь существенной

трансформацией биосферы и человека, что это приводит к деформации и уничтожению прежних биосферных форм жизни, природы и человека. Речь идет в первую очередь о глубинных экотехнологических переменах в мире под воздействием достижений научно-технической революции, а также многих других факторах, вызывающих негативные социальные и экологические последствия» [2, с. 144].

Антропологический ренессанс, актуализированный в социально-гуманитарном дискурсе конца XX века, вплоть до сегодняшнего дня разворачивается в тени новейших достижений естественных наук. Приоритет здесь следует отдать физике с ее теорией квантовой механики; биологии и медицине – с дешифровкой генома человека, клонированием, совершенствованием технологий трансплантации. Достижения медицины, и прежде всего успехи в генной инженерии, привели к формированию в 60-70 годах XX века интегративного междисциплинарного направления – биоэтики, основным предназначением которой является систематический анализ действий человека в биологии и медицине с точки зрения соотнесения с нравственными ценностями и принципами, разработка новых гуманистических и моральных принципов научного исследования, например, в таких сферах как генная инженерия и клонирования человека. [3, с. 49]. Современные биотехнологии изменяют природу человека, стирают межвидовые барьеры. Изменения в геноме наследуются в поколениях, это обуславливает огромную социальную ответственность, как перед потомками, так и в глобальном экологическом плане. С прогрессом генной инженерии связано немало биотических проблем. Ученый-биотехнолог принимает селекционное решение, при этом ориентируется на желательное с его точки зрения строение генома, тем самым наблюдается исходное подчинение эмбриона власти другого человека. Субъект становится объектом, а по сути, и вещью, которая конструируется другим субъектом [4]. В ходе биотехнологического программирования ученый «в одностороннем порядке распоряжается генофондом другого человека, по-патерналистски задавая в отношении зависимой от него личности направление развития,

релевантное на протяжении всей истории ее жизни» [2, с. 78]. Имеем ли мы право навязывать свои образы совершенства будущим поколениям? Многие исследователи (А. Д. Керимов, Ю. Хабермас) задаются вопросом о том, что качества, считаемые идеальными сегодня, будут ли идеальными завтра? Разумно ли проектировать человека будущего, руководствуясь и стремясь к изменчивым идеалам? Ф. Фукуяма считает, что вмешательство в генотип человека будет иметь и политические последствия [5]. Создание ли новой элиты, или структурирование общества с помощью генной инженерии, в любом случае подобные эксперименты чреваты нарушением принципа всеобщего равенства.

Как социальный индивид человек обладает определенным социальным статусом; как определенная личность представляет собой некую высшую психологическую интеграцию жизнедеятельности; и, наконец, как организм представляет собой биологическую систему, тем самым связывается воедино три подхода к феномену человека: социологический, психологический и биологический, «...оставляя философской теории личности миссию диалектического синтеза концептуальных идей выше перечисленных наук» [6, с. 157].

Таким образом, автор приходит к выводу о необходимости расширения сферы применения аксиологической методологии для изучения широкого круга социальных проблем, негативных явлений в обществе неопределенности, характеризующегося, с одной стороны, ускорением социальной динамики, вплоть до турбулентных состояний, а, с другой – новейшими революционными достижениями современной науки, повышением инновационного потенциала самого социального пространства, где субъект управления необходимо пребывает в ситуации бинарной оппозиции к самому себе, своей глубинной сущности в решении вопроса своей самоидентификации в цифровом пространстве, что в свою очередь требует методологических оснований для формирования гуманистического отношения к человеку, создание в социальном пространстве такой атмосферы, которая, способствовала бы разрешению человеком сложнейших вопросов собственного существования, нацеливала бы

на воспитание нравственности, самосознания, самоопределения и ответственности личности и общества в ассимиляции общечеловеческих ценностей в повседневную общественную практику.

Список использованных источников

1. Сабирзянова, И.В. Ценностное сознание как динамическая система регуляции социального поведения / И. В. Сабирзянова // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии : сборник материалов Второй международной научно-практической конференции, Ялта, 08–10 октября 2020 года / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Гуманитарно-педагогическая академия. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 126-130. – EDN WKYWLA.
2. Гнатик, Е.Н. Проблемы ценности жизни и здоровья человека в свете перспектив генетической инженерии / Е. Н. Гнатик. – С. 144-169. – URL: [problemy-tsennosti-zhizni-i-zdorovya-cheloveka-v-svete-perspektiv-geneticheskoy-inzhenerii.pdf](#) (Дата обращения 10.11.202)
3. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. – Москва : Изд-во «Весь Мир», 2002. – 144 с.
4. Гнатик, Е.Н. Генетика человека: Былое и грядущее / Е. Н. Гнатик. – 2-е изд., стер. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – С. 125-127.
5. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; [пер. с англ. М.Б. Левина]. – Москва : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 349 с.
6. Сабирзянова, И.В. Ценностная природа характерообразующих функций личности / И.В. Сабирзянова // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека : Материалы международной научно-практической конференции, Донецк, 15 ноября 2018 года / Под общей редакцией А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. – Донецк: «Цифровая типография», 2018. – С. 156-159. – EDN VTREDK.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ У ЛИЦ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ НАРКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА

Сычева Анастасия Игоревна
студентка 6 курса
(stasyowl25@gmail.com)

Болучевская Валентина Викторовна
канд. психол. наук, доцент кафедры общей и клинической психологии
Волгоградский государственный медицинский университет (РФ, Волгоград)

Работа посвящена анализу мотивов потребления алкоголя, выявлению иррациональных установок и копинг-механизмов у алкогольных аддиктов в наркологическом диспансере. В статье применены методики: опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, методика «Мотивация потребления алкоголя» В.Ю. Завьялова, методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис).

Ключевые слова: алкогольная зависимость, иррациональные установки, копинг-стратегии.

INVESTIGATION OF BEHAVIORAL CHARACTERISTICS IN PEOPLE WITH ALCOHOL DEPENDENCE IN A DRUG DISPENSARY

Anastasia Igorevna Sycheva
6th year student
(stasyowl25@gmail.com)

Boluchevskaya Valentina Viktorovna
Candidate of psychological sciences, associate professor
of the Department general and clinical psychology
Volgograd State Medical University (Russian Federation, Volgograd)

The work is devoted to the analysis of the motives of alcohol consumption, the identification of irrational attitudes and coping mechanisms in alcohol addicts in a drug dispensary. The article uses the following methods: the questionnaire "Methods of coping behavior" by R. Lazarus, the methodology "Motivation of alcohol consumption" by V.Y. Zavyalov, the methodology for diagnosing irrational attitudes (A. Ellis).

Key words: alcohol dependence, irrational attitudes, coping strategies.

Введение. Алкогольная зависимость – это хроническое заболевание, вызванное частым употреблением спиртных напитков и характеризующееся

патологической тягой к алкоголю, которая приводит к психическому и физическому срыву, а также к социальной дезадаптации [1,2].

Цель исследования. Выявление особенностей мотивационно-поведенческого аспекта алкогольной аддикции.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось с помощью следующих психодиагностических методик: опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, методика «Мотивация потребления алкоголя» В.Ю. Завьялова, методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис). Объем выборки составил 32 человека: алкогольные аддикты. Возраст исследуемых: 25-66 лет. Исследование проводилась на лицах, имеющих алкогольную аддикцию, на базе Волгоградского областного клинического наркологического диспансера.

Результаты и их обсуждение. Для исследования копинг-стратегий у алкозависимых был использован опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (рис. 1, табл. 1). Шкала «Конфронтация» имеет наибольший процент по выраженности использования копинга. Это говорит о том, что 38% испытуемых часто используют модель поведения, при которой они предпринимают попытки разрешения проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности, они более ориентированы на противостояние с другим человеком/проблемой, которое может приводить к конфликтным ситуациям.

Таблица 1.

Процентное распределение по шкалам методики Р. Лазаруса

Шкала/уровень	Редкое		Умеренное		Выраженное	
	<i>абс.</i>	%	<i>абс.</i>	%	<i>абс.</i>	%
N=32						
Конфронтация	0	0	20	62,5	12	37,5
Дистанцирование	4	12,5	20	62,5	8	25
Самоконтроль	7	21,88	20	62,5	5	15,62
Поиск соц. поддержки	10	31,25	20	62,5	2	6,25
Принятие ответственности	9	28,12	21	65,63	2	6,25
Бегство-избегание	7	21,88	13	40,62	12	37,5
Планирование решения проблемы	6	18,75	17	53,13	9	28,13
Положительная переоценка	1	3,12	23	71,88	8	25

Кроме того, 37% исследуемых выражено используют копинг-стратегию «бегство-избегание». Это свидетельствует о склонности к избеганию стрессовых ситуаций посредством фантазирования, отрицания проблемы, отвлечения или же аддиктивного поведения. Помимо прочего, это может проявляться в безответственном поведении, прокрастинации и перекладывании ответственности на других.

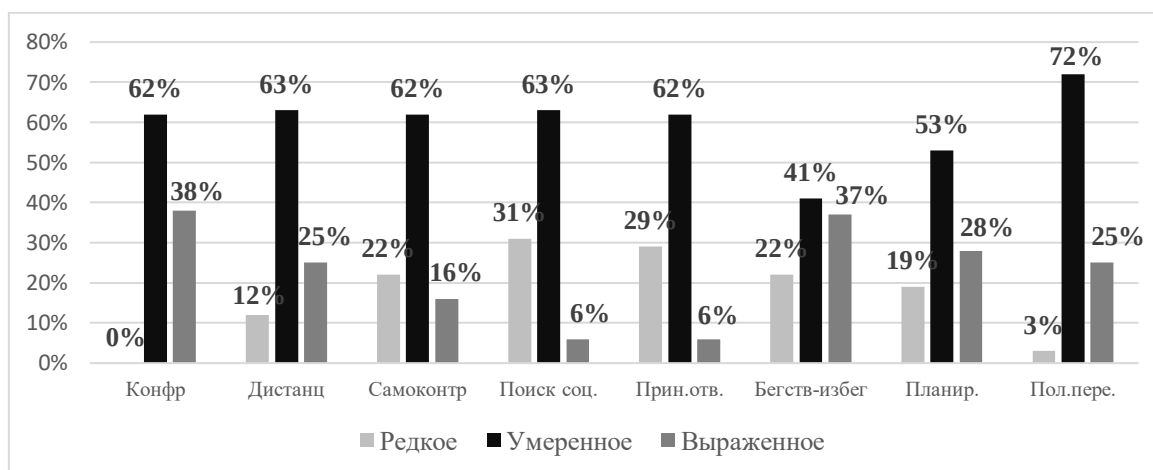

Рис. 1. Результаты по опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса

Стоит отметить, что по шкале «Конфронтация» редкое использование данного типа совладающего поведения не было обнаружено ни у одного исследуемого (0%). С одной стороны, это говорит о способности отстаивать свои интересы, добиваться желаемого, а с другой стороны, это свидетельствует о высокой вероятности возникновения конфликтов, наличии нецелесообразного поведения.

Полученные результаты иллюстрируют, что стоит обратить внимание на редкое использование социальной поддержки, 31% исследуемых не прибегает к разделению проблемы с кем-то, склонны переживать и справляться с ней самостоятельно, зачастую в ущерб своему психическому здоровью.

Обращаясь к результатам опросника «Мотивация потребления алкоголя» (МПА) В.Ю. Завьялова, можно сделать следующие выводы (рис. 2).

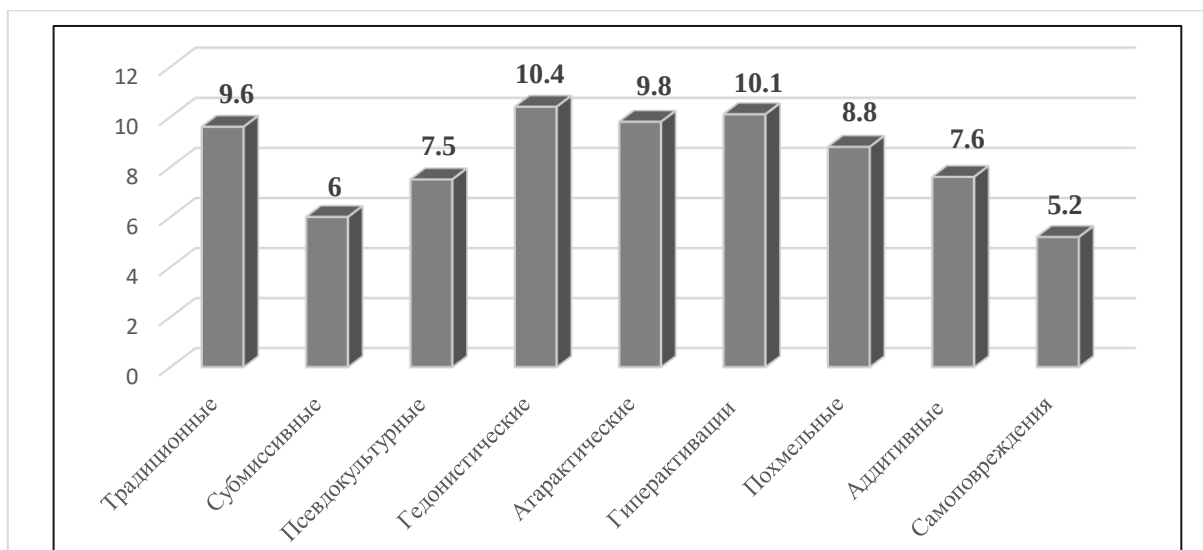

Рис. 2. Средние значения по шкалам опросника «Мотивация потребления алкоголя»

Высокие показатели средних значений выявлены по шкалам «Гедонистические мотивы», «Мотивы гиперактивации», «Атактические мотивы», «Традиционные мотивы». Из этого следует, что для исследуемых характерно употребление алкоголя в целях: получения психического и физического удовлетворения; желание добиться стимулирующего, растормаживающего эффекта; снять психологическое напряжение, тревогу или страх. При наличии традиционных мотивов потребления алкоголя человек употребляет его по праздникам, считает, что праздник не может обходиться без спиртного, видит в этом обычай, традицию.

Рассматривая результаты в парадигме триады мотивов, можно сделать вывод, что исследуемым в большей степени свойственны личностные, персональные мотивы потребления алкоголя (рис.3).

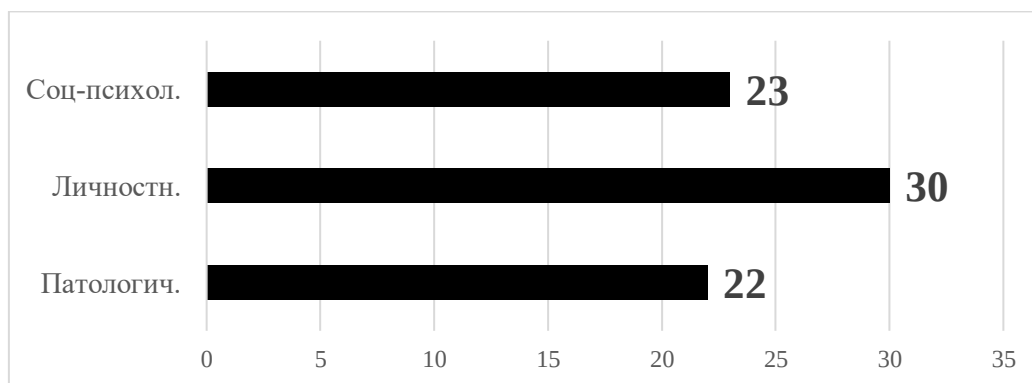

Рис. 3. Сложение средних значений по шкалам

Также при качественном рассмотрении результатов данной методики стоит упомянуть, что у 2-х исследуемых выявилось отсутствие алкогольной зависимости при наличии диагноза «синдром зависимости». Это может указывать на то, что существует некое отрицание своего заболевания, нежелание принять ответственность за зависимое поведение. При клинической беседе также были выявлены неосознавание своего зависимого поведения, мысли о том, что в следующий раз все будет по-другому.

Анализируя иррациональные установки у исследуемых, стоит отметить, что низкие значения определяют выраженное наличие иррациональной установки (табл. 2).

Таблица 2.

Процентное распределение по шкалам методики диагностики иррациональных установок (А. Эллис)

Шкала/показатели	Низкие		Средние		Высокие	
	<i>абс.</i>	<i>%</i>	<i>абс.</i>	<i>%</i>	<i>абс.</i>	<i>%</i>
Катастрофизация	22	68,75	9	28,13	1	3,12
Должествование в отношении себя	29	90,63	3	9,37	0	0
Должествование в отношении других	17	53,12	15	46,88	0	0
Оценочная установка	16	50	15	46,88	1	3,12
Оценка фрустрационной толерантности	19	59,38	10	31,25	3	9,37
Оценка степени рациональности мышления	24	75	8	25	0	0

Так, 91% испытуемых имеет иррациональную установку «Должествование в отношении себя», что характеризуется повышенными требованиями, обязанностями, предъявляемыми самому себе. Это может негативно сказываться на всех аспектах жизни, приводить к выгоранию или срывам, в случае исследуемых – к употреблению алкоголя.

У 69% исследуемых обнаружена иррациональная установка «Катастрофизация»; это свидетельствует о преувеличении негативного характера стрессовой ситуации, что может приводить к негативным эмоциональным реакциям в виде тревоги, чрезмерного страха.

Кроме того, 60% исследуемых имеют выраженную иррациональную установку «Фрустрационная толерантность», что указывает на проблемы со стрессоустойчивостью, умением справляться с конфликтами.

Стоит также отметить, что высокие показатели не достигают отметки в 10% ни в одной из шкал – это говорит о крайне высоком проценте наличия иррациональных установок у исследуемых.

Таким образом, пациенты с алкогольной зависимостью демонстрируют наличие разнообразных иррациональных установок. Наиболее свойственны установки катастрофизации стрессовых ситуаций, долженствования в отношении себя. Также отмечается достаточно низкая степень рациональности мышления и фрустрационная толерантность, что ведет к высокой вероятности возникновения и развития стресса. Аддиктам свойственны серьезные и длительные переживания, даже по незначительным событиям, они тяжело переживают малейшие ситуации невезения, прокручивают их в голове, чем усугубляют свое состояние.

Дальнейшая обработка результатов была проведена с использованием статистического пакета «IBM SPSS Statistics 21», Microsoft Excel. Примененный коэффициент корреляции Пирсона позволил установить наличие статистически значимых связей у мужчин, имеющих алкогольную зависимость между:

- показателями шкал «Конфронтация» и «Аддиктивные мотивы», «Мотивы самоповреждения», «Аттрактивные мотивы». Все связи оказались положительными, значимые на уровне 0,05. Следовательно, можно сделать вывод, что неадаптивный способ совладающего поведения «Конфронтация» используется исследуемыми, имеющими патологические мотивы потребления алкоголя (аддитивные мотивы, мотивы самоповреждения), а также желающими снять эмоциональные переживания при помощи алкоголя.

- шкалами «Самоконтроль» и «Аддиктивные мотивы». Выявилась отрицательная связь, значимая на уровне 0,05. Что свидетельствует о том, что у пациентов с патологическим пристрастием, «тягой» к алкоголю отсутствует стремление к самообладанию, наблюдаются проблемы с контролем поведения и эмоций, а также присуща неадаптивная реакция на стрессовые условия.

- между шкалами «Аттрактивные мотивы», «Бегство-избегание» (положительная связь, значимая на уровне 0,01). Следовательно, при наличии

аттрактивных мотивов потребления алкоголя пациенты избегают неприятных тем, откладывают дела на потом.

- между шкалами «Аттрактивные мотивы», «Планирование решения проблемы». Выявлена отрицательная связь, значимая на уровне 0,01. Лицам с выявленными аттрактивными мотивами не свойственна разработка плана действий для решения проблем, они не анализируют стрессовые ситуации, склонны действовать наугад, доверяя в большей степени интуиции.

Выводы. В результате исследования были выявлены особенности зависимых от алкоголя лиц. Так, им свойственны такие копинг-стратегии, как: бегство-избегание и конфронтация, что пагубно сказывается на целесообразности и целенаправленности их поведения. Касаясь мотивации потребления алкоголя, стоит отметить, что превалирующими мотивами стали: гедонистические, аттрактивные, традиционные и мотивы гиперактивации. При употреблении алкоголя зависимые лица снимают эмоциональное напряжение, достигают эйфорического состояния, ощущают себя более уверенными.

Говоря в целом об иррациональных установках, обнаружены низкие показатели по всем шкалам, что свидетельствует о повышенном неадаптивном поведении со стороны зависимых лиц.

При статистическом анализе были выявлены следующие особенности: для зависимых, принимающих алкоголь для снятия напряжения, не свойственны планирование своей деятельности и мысли о будущем, они склонны перекладывать ответственность и избегать проблем, не решая их. К тому же для алкозависимых, имеющих патологическую мотивацию потребления, обнаружен низкий уровень самоконтроля, они не могут остановиться в потреблении, отслеживать свои мысли и чувства, действуют импульсивно.

Список использованных источников

1. Осаковский, В.Л. Природа алкогольной зависимости / В.Л. Осаковский // Наука и техника в Якутии. – 2007. – №. 1 (12). – С. 46-51.

2. Шевченко, Е.А. Алкоголизм как фактор развития и распространенности заболеваний (обзор литературы) / Шевченко Е.А. [и др.] // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – №1. – С. 3-1.

УДК 159.923.2

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ КЛИЕНТОВ С ПРОБЛЕМОЙ СКЛОННОСТИ К РИСКУ

Трунова Евгения Сергеевна

Магистрант 3 курса

Черанёва Елена Константиновна

канд. психол. наук, доцент,

доцент кафедры прикладной психологии и развития личности

Херсонский государственный педагогический университет

(РФ, г. Херсон) (Jena2315@gmail.com)

Данная статья создана на основе исследования гендерных различий в восприятии риска и исследование их влияния на психологическое консультирование. В статье освещаются основные теоретические подходы к восприятию риска, а также результаты анализа склонности к риску у мужчин и женщин. На эмпирических данных показаны характерные особенности поведения клиентов, склонных к риску, в зависимости от их гендерной принадлежности. Даны рекомендации по улучшению консультирования с учетом гендерных различий.

Ключевые слова: гендерные различия, склонность к риску, психологическое консультирование, восприятие риска, профессиональная деятельность, гендерно-ориентированные методы.

GENDER CONSIDERATION IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING FOR CLIENTS WITH RISK TENDENCIES

Trunova Evgeniya Sergeevna

3rd year undergraduate student

Cheraneva Elena Konstantinovna

PhD in Psychology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Applied Psychology and Personality Development

Kherson State Pedagogical University

(Russian Federation, Kherson)

(Jena2315@gmail.com)

This article is based on the research of differences in gender perception of risk and its impact on psychological counseling. The article highlights the main theoretical

approaches to risk perception and presents the results of an analysis of risk propensity in men and women. Using empirical data, we identified the characteristic behavioral features of risk-prone clients, depending on their gender. We also provided recommendations to improve counseling by taking gender differences into account.

Key words: gender differences, risk tendencies, psychological counseling, risk perception, professional activity, gender-oriented methods.

Риск является неотъемлемой частью нашей жизни. Деятельность человека, в том числе профессиональная, так или иначе, связана с определенным риском, поэтому объективная реальность требует управление процессами учета уровня и степени риска.

Психология риска в настоящее время не рассматривается как самостоятельное направление психологического знания. Риск в психологии исследуется, преимущественно, в рамках теории мотивации достижения [2, с. 111], теории принятия решений [3, с. 86] и в концепции управления рисками [1, с. 203] в различных ситуациях. Сам феномен риска изучен недостаточно и вызывает много дискуссий.

В данном исследовании психология риска рассматривается: 1) как сама по себе 2) как характеристика мужчин 3) как характеристика женщин.

Объект исследования – склонность к риску как личностная характеристика. *Предмет исследования* – гендерные различия в восприятии и принятии риска, а также учет этих различий в психологическом консультировании.

Цель исследования – на основании анализа литературы и эмпирических данных описать тенденцию склонности к риску у мужчин и у женщин и выявить особенности их консультирования.

Методы исследования: теоретические методы (анализ, синтез, обобщение), эмпирические методы (анкетирование, тестирование), математико-статистические методы (двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA)).

Выборка исследования: 30 человек, включающая 15 мужчин и 15 женщин в возрасте 20–30 лет, из разных профессий и социального статуса.

Результаты исследования и их обсуждение

Рис. 1. Общий результат

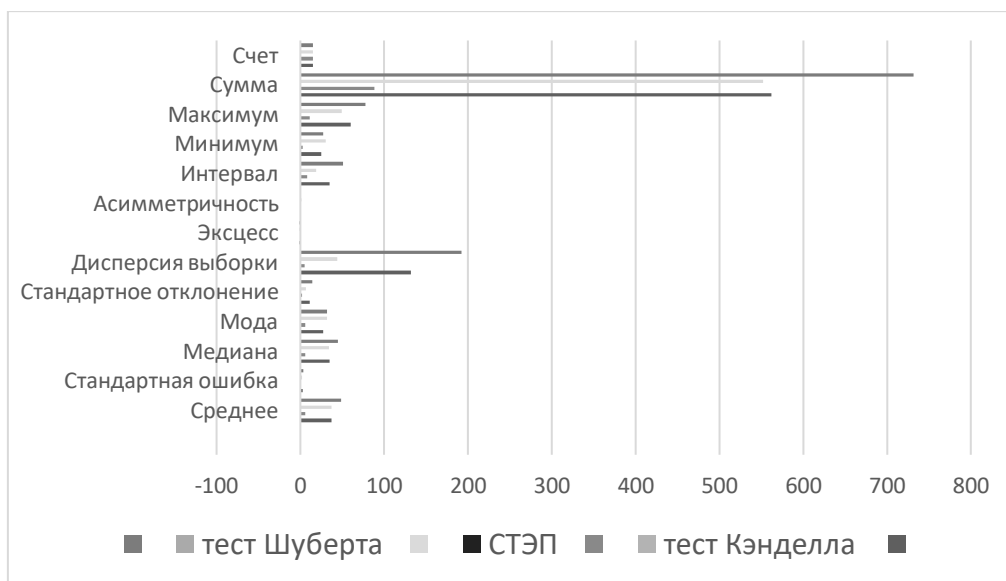

Рис. 2. Статистический показатели для женщин

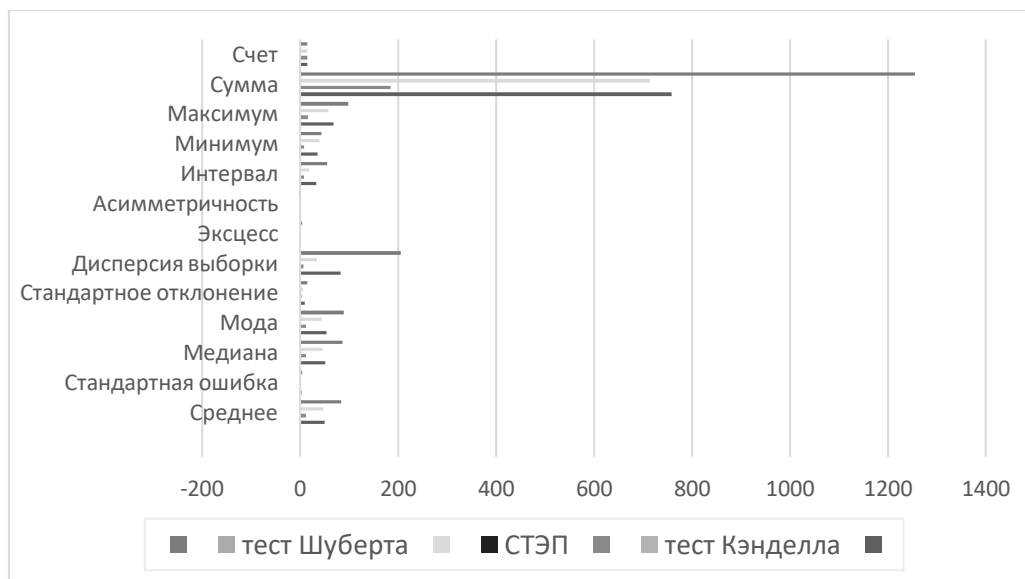

Рис.3. Статистический показатели для мужчин

Проведем параметрический анализ по каждому тесту, чтобы сравнить средние значения для двух групп нашей выборки.

В опроснике Шмелева статистическая значимость влияния пола респондентов составляет меньше 0.05, поскольку р-значение двухстороннего теста (0.00177), поэтому мы отвергаем нулевую гипотезу о равенстве средних. t-статистика равна -3.46, что указывает на то, что среднее значение переменной 1 (женщины) меньше, чем среднее значение переменной 2 (мужчины) (Рис. 4.).

Поскольку разница между средними значениями статистически значима на уровне значимости 5%, и можно заключить, что в контексте тестов склонности к риску, мужчины и женщины имеют различия в результатах. То есть мужчинам более свойственен риск как черта характера, свидетельствующая об авантюризме и решительности.

Мужчины показали более высокие результаты, что свидетельствует о сильной мотивации на достижение цели. Они чаще выбирали рискованные варианты, предполагающие потенциальную значимую выгоду.

Женщины также проявляли ориентацию на успех, но в меньшей степени. Их баллы показывают, что они склонны оценивать возможные препятствия и потери, прежде чем принимать решения.

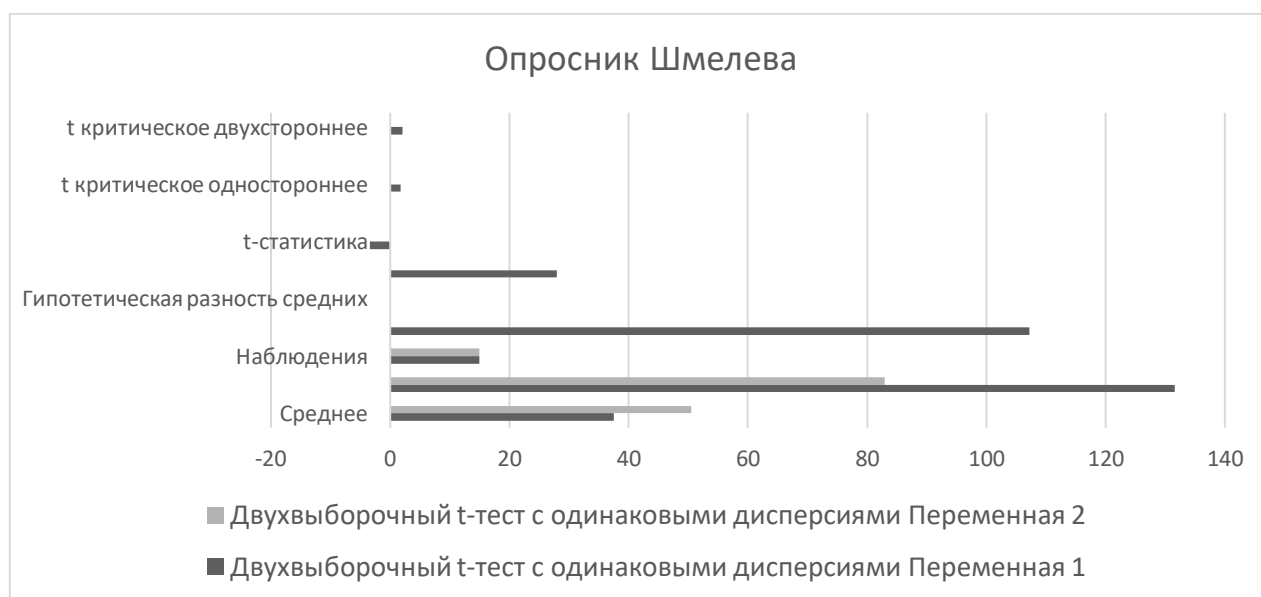

Рис. 4. Опросник Шмелева

В опроснике Кэнделла статистическая значимость меньше 0.05, поэтому мы отвергаем нулевую гипотезу о равенстве средних. t-статистика равна -7.21, что означает, что группа 1 (женщины) имеет значительно меньшие результаты, чем группа 2 (мужчины) (рис. 5.).

Таким образом, разница между средними значениями статистически значима. Мужчины имеют более высокие результаты по сравнению с женщинами в склонности к риску, и эта разница имеет высокую степень достоверности. То есть мужчины более склонны к финансовым и бизнес рискам, в то время как женщины менее склонны к рискованным шагам в предпринимательской деятельности и чувствуют себя уязвимо в ситуациях неопределенности.

У *мужчин* выявлен более высокий уровень уверенности в своих действиях в условиях неопределенности. Они чаще выбирали стратегии, предполагающие вероятность высокой выгоды, даже при наличии значительных рисков.

Женщины, напротив, показали склонность к более сбалансированным и аналитическим решениям. Они отдавали предпочтение опциям с меньшей потенциальной прибылью, но и с меньшими рисками.

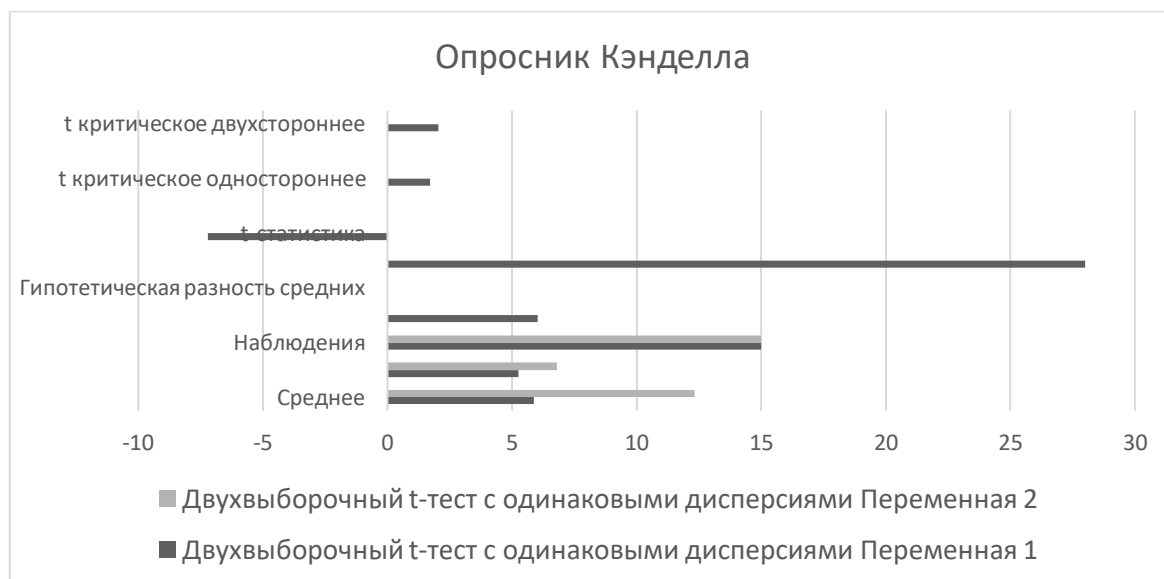

Рис. 5. Опросник Кэнделла

В методике СТЭП статистическая значимость p-значения для двухстороннего и одностороннего тестов меньше 0.05, поэтому мы отвергаем

нулевую гипотезу о равенстве средних. t -статистика равна -4.72 , что означает, что группа 1 (женщины) имеет значительно меньшие результаты, чем группа 2 (мужчины) (рис. 6.).

Мы видим, что разница между средними значениями статистически значима. Мужчины имеют более высокие результаты по сравнению с женщинами, и эта разница имеет высокую степень достоверности. Таким образом, согласно данной методики, женщины менее склонны к поиску адреналиновых развлечений, азартным играм и острым ощущениям.

Мужчины продемонстрировали более выраженную активацию физиологических реакций в стрессовых условиях (например, при моделировании рискованной ситуации).

Женщины, напротив, проявили большую устойчивость к стрессу, но при этом меньшую склонность к ненужному риску.

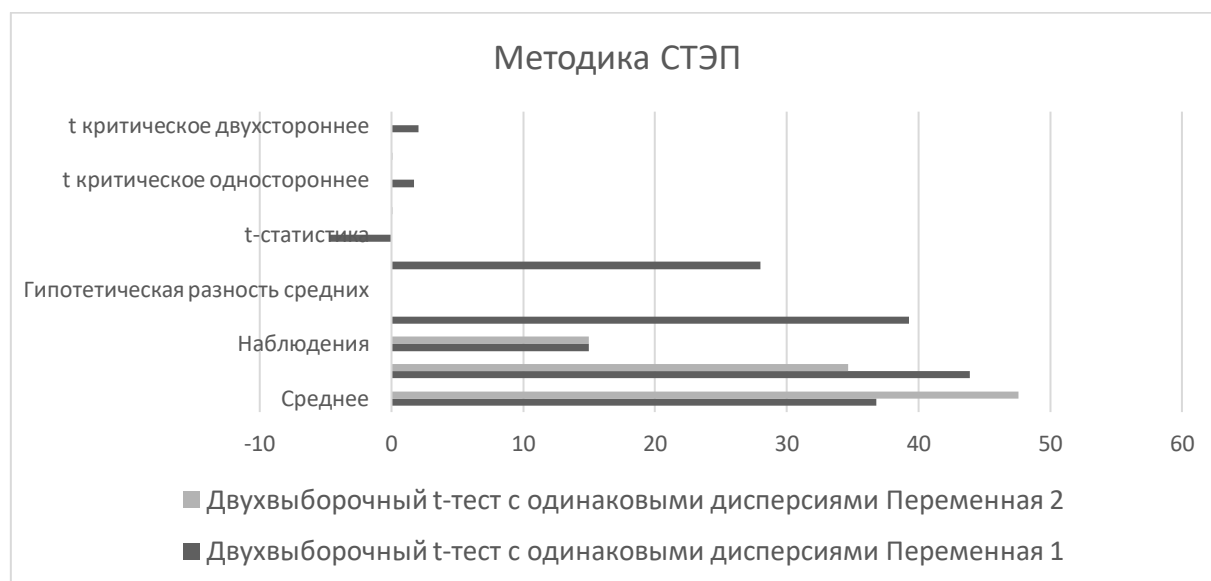

Рис. 6. Методика СТЭП

В опроснике Шуберта статистическая значимость p -значения для двухстороннего и одностороннего тестов меньше 0.05 , таким образом мы отвергаем нулевую гипотезу о равенстве средних. t -статистика равна -6.78 , что указывает на то, что группа 1 (женщины) имеет значительно меньшие значения по сравнению с группой 2 (мужчины) (рис. 7.).

Следовательно, разница между средними значениями статистически значима, и мужчины имеют более высокие показатели, чем женщины, соответственно большую склонность к риску. Эта разница имеет очень высокую степень достоверности.

Мужчины показали более высокие показатели по шкале импульсивности и готовности к быстрому принятию решений в рискованных ситуациях.

Женщины продемонстрировали более высокий уровень осторожности и эмоциональной рефлексии, что свидетельствует о стремлении минимизировать возможные негативные последствия.

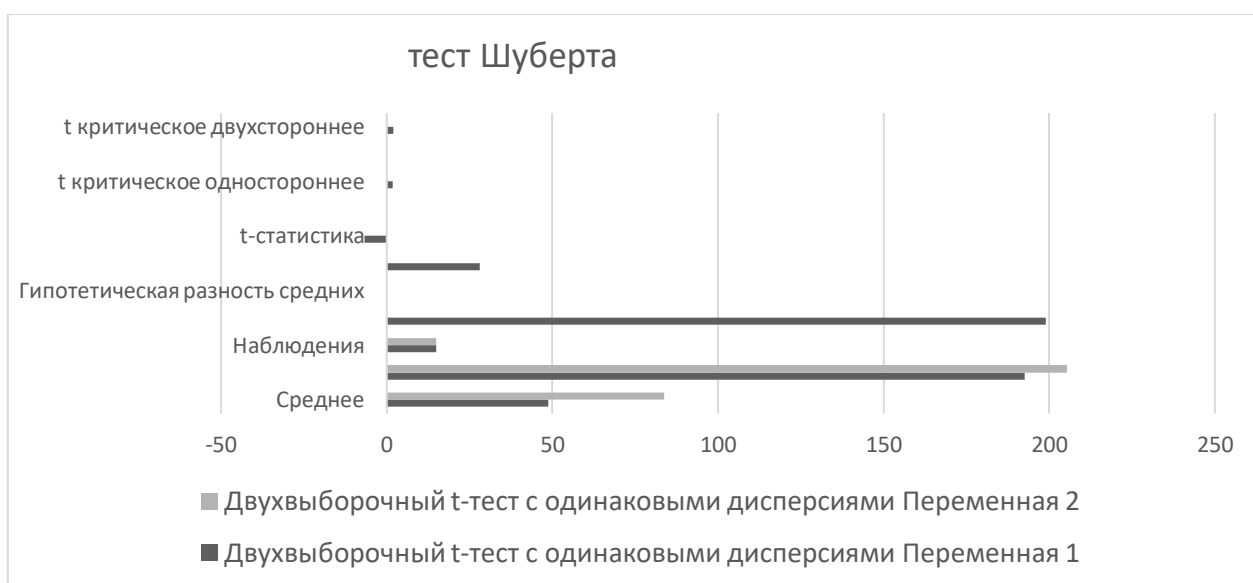

Рис. 7. Тест Шуберта

Такая разница во всех тестах может указывать на различные когнитивные и эмоциональные подходы к риску у мужчин и женщин, что важно учитывать при консультировании.

Таким образом, исследование подтверждает необходимость учета пола и используемых методик при изучении склонности к риску. Мужчины в среднем демонстрируют более высокий уровень риска, что следует учитывать при разработке психологических рекомендаций. Каждая из методик акцентирует внимание на разных аспектах склонности к риску, что важно для комплексного подхода в консультировании.

Список использованных источников

1. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Изд-во «Смысл»; Изд-во «Эксмо», 2005. – 1136 с.
2. Зинченко, Н.В. Психология восприятия риска. – Москва : Издательство "Наука", 2017. – 215 с.
3. Лурия, А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А. Р. Лурия. – 8-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2013. – 384 с.

УДК 159.9.01

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ТРАНЗИТА: СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В КНИГЕ А. ИГНАТЬЕВА «СИНДРОМ ВЕРТЕПА»

Хаустов Дмитрий Сергеевич

канд. экон. наук, доцент

доцент кафедры социологии и психологии

Байкальский государственный университет (РФ, г. Иркутск)

(dmitry.khaustov1982@mail.ru)

Синдром вертепа – это чувство никчемности настоящего в целом и жизни индивида в частности. Когда жизнь состоит только из недостижимого идеала красоты и омерзительного остатка – социального транзита не избежать. Одной из наиболее значимых в истории человечества социальных инноваций были утверждение патриархата и азиатского способа производства. Эти социальные изменения связаны с генезисом мировых религий и становления социальных институтов. Подобная постановка проблемы социального транзита позволяет о новому взглянуть на сущность социальных инноваций и методов исследования социальных явлений.

Ключевые слова: социальный транзит, социальная инновация, синдром вертепа, омерзительный остаток, патриархат, азиатский способ производства.

PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY OF SOCIAL TRANSIT: THE ESSENCE OF SOCIAL INNOVATIONS AND RESEARCH METHODS IN A. IGNATIEV'S BOOK «THE VERTEP SYNDROME»

Khaustov Dmitry Sergeevich

Ph.D. in Economics, Associate Professor

Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology

Baikal State University (Russian Federation, Irkutsk) (dmitry.khaustov1982@mail.ru)

Nativity scene syndrome is a feeling of worthlessness of the present in general and an individual's life in particular. When life consists only of an unattainable ideal of beauty and a disgusting remainder, social transit cannot be avoided. One of the most significant social innovations in human history was the establishment of patriarchy and the Asian mode of production. These social changes are associated with the genesis of world religions and the formation of social institutions. Such a formulation of the problem of social transit allows us to take a new look at the essence of social innovation and methods for studying social phenomena.

Key words: social transit, social innovation, nativity scene syndrome, disgusting residue, patriarchy, Asian mode of production.

Введение. В предложенной статье анализируются некоторые идеи, высказанные в опубликованной в время пандемии Covid-19 работе, предлагающей реконструкцию предпосылок и фабулы политического транзита на социологическом и психологическом материале.

Синдром вертепа: инновация и первичная катастрофа. Термин «синдром вертепа», вынесенный в название данной работы, предложен Андреем Игнатьевым в одноименной работе, посвященной социологии транзита. Под синдромом вертепа автор термина понимает переживание контекстов личной повседневной жизни индивида как места неволи и немощи, вынуждающее ждать перемен, на них уповать, их добиваться или поддерживать. Простое, неизбежное и достаточно распространенное следствие данного синдрома – обыкновенная скука. Отсюда вторым по значимости условием политической стабильности в любую эпоху являются зрелища, в том числе беллетристика книжная и кинематографическая [4, с.22]. Вертеп, упомянутый в формулировке понятия, – балаганчик с марионетками, а сам синдром – то, что чувствует осознающая себя марионетка или живой человек, находящийся в неволе.

В «Синдроме вертепа» интересна связь («единство») инновации и конверсии, артикулированное как откровение: любая настоящая инновация предполагает, как свое предварительное исходное условие достаточно основательную мотивацию к переменам – фактически кризис идентичности и проблему исполнения желаний, которую эта инновация решает, иначе она избыточна для социальной реальности [4, с.249–250]. Конечно, социальная

инновация (в том числе религиозная революция) может вырасти даже из ressentiment, о чем писал Фридрих Ницше – в частности, Вернер Зомбарт почитал обиду одним из источников духа капитализма [2].

Одной из таких инноваций в свое время стал патриархат и его хозяйственный эквивалент – так называемый «азиатский способ производства». В сущности, это интегральный диспозитив принуждения, обеспечивающий ведение обширного хозяйства в условиях теократии: самой важной особенностью азиатского способа производства было подчинение любого хозяйствующего субъекта директивам, исходящим от сакрализованного правителя или непосредственно из храма. Алгоритм формирования этих приказов на самом деле неизвестен, однако трудно представить, чтобы их основанием была рациональная системная аналитика, а не общезначимые предметы веры, ритуалы и практики гаданий [4, с.70].

Также автор пишет о «первичной катастрофе», когда домашнее натуральное хозяйство внезапно становится недостаточным. Следствием этого является переход от матриархальной «экономики дара» к патриархальной «рыночной экономике» мужских инициаций, насилия и теократий. Вероятно, отсюда уже конфликт оседлого населения и кочевников (Мансур Олсон [6] сказал бы – бандитов-гастролеров) или законопослушных обывателей и человека с ружьем, остающийся трансисторическим инвариантом любой подобной катастрофы, а также диспозитив его обычного разрешения на практике – экономика «дара», то есть централизованных экспроприаций и раздач, которую заведомо предполагает и блистательно оправдывает теократия [4, с.190]. Кстати, античные греки и римляне – потомки пиратов, то есть по сути морские кочевники. Отсюда, возможно, беспорядочный стиль в ведение финансов, типичный для этой цивилизации, что весьма остроумно отмечал еще во втором (нелюбимом широкой аудиторией) томе «Заката Западного мира» Освальд Шпенглер [9, с.933–963].

Из текста анализируемой нами книги не прояснены причина и характер этой «первичной катастрофы». Возможно, причина в том, что всякая настоящая революция, где бы и когда бы она не случилась, переживается ее свидетелями

как тотальная катастрофа, которая необратимо отменяет прежние правила жизни, учреждая совершенно новые перформативные контексты и устанавливая их нижнюю границу во времени, межевой знак между настоящим, которое надо знать, и прошлым, которое совсем необязательно помнить, интересным и важным только старшему поколению; это ее характерный различительный признак [4, с.66–67].

Революция Авраама. В крайне интересной пятой главе своего исследования Андрей Игнатьев пишет о «человеке Аврааме» (вероятно, историческом предшественнике и литературном последователе известной работы Зигмунда Фрейда [7]) – это рассказ об инициации героя, экспозиция классического «опыта удачи», рассказ об исходе из матриархального социального контекста. Кроме того, перед нами рассказ о конструировании, так сказать, из ничего нового, патриархального социального порядка, то есть об одной из важнейших и наиболее радикальных революций в истории человечества [4, с.214].

Сами рассуждения об обращении обывателя, вынужденного от чего-то бежать, как результат гаданий с помощью мобильного оракула – интересная и яркая гипотеза автора книги. Согласно А. Игнатьеву Авраам в конце дневного перехода практиковал дивинию: в подобных случаях многообразие религиозного опыта редуцируется до Голоса, который слышит пророк, или знаков, которые тот видит, то есть до интеракции с каким-то субъектом, который знает будущее и может о нем сообщить. Поскольку оракул мобильный, то речь идет о личном божестве. Скорее всего, Авраам не полностью отказался от пантеона Ура Халдейского, но существенно его упростил, сведя к практикам дивинии, – гипотеза тем более правдоподобная, что в ситуациях кризиса традиционных верований именно так обычно и бывает: ритуальный и догматический репертуар культовой практики редуцируется до молитв (по случаю) о помощи и защите, а также вопросов о будущем. А. Игнатьев высказывает предположение, что божество, к которому поначалу обращался Авраам, вовсе не бог иудаизма, ислама и христианства, которого еще предстояло

открыть (или которому открыться), а только одна из фигур в окружении Великой Госпожи, ответственная за знание будущего [4, с.217–218].

Возможный ответ предлагает Дэвид Гребер, в гипотетическом ключе рассуждая об истоках патриархата в Шумере: «...в истории войны, государства и рынки подпитывали друг друга. За завоеванием следуют налоги. Налоги, как правило, помогают создать рынки, которые выгодны солдатам и бюрократам. Непосредственно в Месопотамии все это оказалось тесно связано со взрывным ростом долгов, который грозил превратить все человеческие отношения, а с ними и женские тела в потенциальные товары. В то же время это вселило страх в победителей экономической игры (мужчин), которые со временем почувствовали, что должны предпринимать все большие усилия для того, чтобы их женщин ни в коем случае нельзя было ни покупать, ни продавать» [1, с.183].

Эра никчемности: омерзительный остаток и гламур. Синдром вертепа, как нам кажется, – это своего рода предтеча отказа от такого типа мышления, который И. Кувакин называет «омерзительным остатком», являющейся обязательным элементом «иллюзии конца идеологии»: по-другому автор данной концепции называет ее «эрой никчемности» [5, с.26–60]. Как нам кажется, синдром вертепа и эра никчемности – сопутствующие феномены.

Нам кажется важным отметить, что эра никчемности – это время безыдейной идеологии гламура, когда реальностью (то, чего не может не быть) признается только низменное, а все прекрасное считается недостижимым идеалом, стремиться к которому – невозможно, да и себе дороже. Сознание, находящееся в тенетах подобного мышления, испытывает тягу к бегству от реальности, что в целом характерно для фанатичного последователя любого социального движения на этапе его становления [8, с.92–102].

В работе, посвященной глэм-капитализму (то есть капитализму в эпоху глянца), говорится, что, с одной стороны, гламур – это «эстетическая форма, которую отличает яркость и незамысловатость и которую могут принимать любые процессы в сегодняшнем обществе», а с другой – это «безыдейная идеология, которую отличает огромное влияние на мышление и поведение все

большого числа людей и при этом абсолютное безразличие к ценностям, вовлекающим людей в общество, цивилизацию, историю» [3, с.8].

Несколько страниц И. Кувакин посвящает анализу психологии гламура. Настоящая жизнь всегда где-то в будущем или прошлом, но не сейчас. Гламур воплощает эту метафизичность – вневременность и внемирность. Гламур – это не просто красота, но идеальная ирреальная красивость, которая разрушается при всяком столкновении с реальностью и может сохраняться в особом изолированном пространстве, избегающем обычной жизни. Таким образом, глэм-мышление является одним из способов убеждаться в том, что «подлинный мир» совершенен таким совершенством, перед которым всякая реальность оказывается практически ничтожной [5, с.39–40].

Выводы. Эрик Хоффер в самой знаменитой своей работе писал: «Когда наши личные интересы, наши планы на будущее перестают казаться стоящими того, чтобы жить ради них, мы начинаем остро нуждаться в чем-то таком, что лежит вне нас и ради чего стоило бы жить» [8, с.34].

Синдром вертепа – именно то чувство никчемности настоящего в целом и нашей жизни в частности. Когда жизнь состоит только из недостижимого идеала красоты и омерзительного остатка – социального транзита не избежать.

Одной из наиболее значимых в истории человечества социальных инноваций были утверждение патриархата и азиатского способа производства. Эти социальные изменения связаны с генезисом мировых религий и становления социальных институтов.

Подобная постановка проблемы социального транзита позволяет о новому взглянуть на сущность социальных инноваций и методов исследования социальных явлений.

Список использованных источников

1. Гребер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Дэвид Гребер; пер. с англ. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 528 с.

2. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – С. 27–480 / Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 томах. Том I / Вернер Зомбарт; пер. с нем. – СПб. : «Владимир Даль», 2005. – 640 с.
3. Иванов, Д. Глэм-капитализм (Мир брендов, трендов и трэша). «Альтер-фабрика» / Дмитрий Иванов. – СПб. : ООО «Страта», 2015. – 138 с.
4. Игнатъев, А. Синдром вертепа: кризис как перформативный контекст / Андрей Игнатъев. – Москва : «Век XX и мир», 2020. – 400 с.
5. Кувакин, И. Эра никчемности и ее закат. Исследование современного мышления / Илья Кувакин. – Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. – 352 с.
6. Олсон, М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / Мансур Олсон; пер. с англ. – Москва : Новое издательство, 2012. – 212 с.
7. Фрейд З. Этот человек Моисей / Зигмунд Фрейд; пер. с нем. – Москва : Ломоносовъ, 2021. – 192 с.
8. Хоффер, Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения / Эрик Хоффер; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2017. – 200 с.
9. Шпенглер, О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. / Освальд Шпенглер; пер. с нем. – Москва : Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2014. – 1085 с.

УДК 612.063

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЖАРНОГО-СПАСАТЕЛЯ МЧС РОССИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ЛИКВИДАЦИИ ЧС

Черкесов Владимир Владимирович
д-р мед. наук, ст. науч. сотрудник
профессор кафедры аварийно-спасательных
работ и техники
(cherkesov.vv@gmail.com)
Хацько Михаил Сергеевич
подполковник внутренней службы
начальник кафедры аварийно-спасательных
работ и техники
Донецкий институт государственной противопожарной службы МЧС России
(РФ, г. Донецк) (cherkesov.vv@gmail.com)

Основными профессионально-производственными стресс-факторами, вызывающими нервно-психическое напряжение у пожарных-спасателей в обстановке ведения аварийно-спасательных и других неотложных работ (АСДНР) является факторы, создающие угрозу жизни, дефицит времени на принятие решений и выполнение спасательных операций, уникальность условий рабочей

среды (высокая температура, загазованность, шум, вибрация, высокая концентрация ксенобиотиков (промышленных ядов), как продуктов горения) [11,12]. Все вышеперечисленные аспекты профессиональной деятельности сотрудника Государственной противопожарной службы МЧС России негативно влияют на его здоровье как психологическое, так и соматическое. Это в свою очередь ведет к дезадаптации – снижению адаптационного потенциала, приводящей к нарушению физиологического функционирования, изменению форм поведения, развитию патологических процессов - что увеличивает вероятность развития необратимых морбидных и жизнеопасных состояний.

Ключевые слова: психологические факторы, адаптационный потенциал, пожарные-спасатели, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

PSYCHOLOGICAL FACTORS DETERMINING THE ADAPTIVE POTENTIAL OF A FIREFIGHTER-RESCUER OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA IN AN EXTREME EMERGENCY SITUATION

Cherkesov Vladimir Vladimirovich

*Doctor of Medical Sciences, Senior Researcher
Professor of the Department of Emergency Rescue*

Works and Technology

(cherkesov.vv@gmail.com)

Khatsko Mikhail Sergeevich

*Lieutenant Colonel of the Internal Service
Head of the Department of Emergency Rescue*

Works and Technology

*Donetsk Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
(Russian Federation, Donetsk) (cherkesov.vv@gmail.com)*

The main professional and industrial stress factors that cause neuropsychiatric stress in firefighters and rescuers in an environment of emergency rescue and other urgent work (ASDNR) are factors that pose a threat to life, lack of time for decision-making and performing rescue operations, the uniqueness of the working environment (high temperature, gas pollution, noise, vibration, high concentration of xenobiotics (industrial poisons), as gorenje products). All of the above aspects of the professional activity of an employee of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia negatively affect his health, both psychological and somatic. This, in turn, leads to maladaptation – a decrease in adaptive potential, leading to impaired physiological functioning, behavioral changes, and the development of pathological processes - which increases the likelihood of irreversible morbid and life-threatening conditions.

Key words: psychological factors, adaptive potential, firefighters, rescuers, natural and man-made emergencies.

Введение. Пожарные и спасатели МЧС России подвергаются воздействию комплекса стрессогенных профессионально-производственных факторов, основными из которых являются:

1. Угроза жизни и здоровью, вызванная опасными факторами чрезвычайной ситуации (разрушение конструкций зданий и сооружений, взрывы, пламя, воздействие химических веществ, радиационные поражения, поражения электрическим током);

2. Экстремальные физические нагрузки – продолжительные тяжёлые работы, отсутствие возможности полноценного отдыха, работа в средствах индивидуальной защиты, неудобное положение тела во время выполнения работ, вибрация, задымление, критическая температура среды, неблагоприятный шумовой фон, недостаток освещённости;

3. Необходимость быстрого принятия оперативных решений в непредсказуемой, постоянно изменяющейся опасной обстановке и высокая ответственность за их правильность;

4. Эмоциональные перегрузки, вызванные видом разрушений и пожарищ, обгоревших и искалеченных тел пострадавших и погибших, криками пострадавших о помощи, стонами умирающих людей.

В последнее время аварийно-спасательные и другие неотложные работы (АСДНР) на территории Донбасса проходят в условиях СВО, а работники МЧС России сталкиваются с высоким риском получения тяжелых комбинированных и сочетанных травм вследствие вторичных целенаправленных минно-ракетных обстрелов подразделений пожарных-спасателей. Наземные мины и боеприпасы взрывного действия, в том числе неразорвавшиеся и брошенные боеприпасы, а также ракетные и артиллерийские обстрелы при приведении спасательных работ направлены на причинение увечий и смерти и наиболее опасны как для спасателей, так и для мирных жителей, находящихся вблизи эпицентра взрыва. У всех, кто подвергся действию взрыва, осколков и высокой температуры, при условии выживания во время взрыва высок риск получения минно-взрывной травмы.

При выполнении работы в организме спасателя происходят определенные физиологические изменения. Понижается возбудимость коры головного мозга, нарушается условно рефлекторная деятельность [2,5].

При выполнении тяжелой работы в изолирующем снаряжении интенсивность перегрева настолько высока, что несвоевременное прекращение работы может привести к потере сознания вследствие теплового удара.

Комплексное воздействие экстремальных факторов аварийной ситуации приводит к существенным психосоматическим изменениям, которые могут иметь отдаленные последствия.

Сложность работы спасателей и пожарных связана не в последнюю очередь с тем, что им необходимо выполнить определенные действия, направленные на спасение и поддержание жизни пострадавшего, хотя и сами они испытывают экстремальное воздействие ситуации. Это может препятствовать адекватному оказанию помощи и ухудшить психологическое состояние.

Изложение основного материала. Для решения поставленных задач был обследовано 45 пожарных-спасателей пожарно-спасательных частей МЧС ДНР.

Проведено психологическое тестирование с использованием: теста ДОРС (дифференциальная оценка состояний сниженной работоспособности (Леонова А. Б., Величковской С. Б., 2002); теста для определения степени хронического утомления (Леонова А.Б., 1984); теста для оценки острого физического утомления (R. Kinsman, P. Weiser, 1973, в русскоязычной адаптации – Леонова А. Б., 1984); теста Ч.Д. Спилбергера «Шкала ситуативной тревожности»; теста для определения профессионального выгорания (Maslach C. & Jackson, 1986, в адаптации Водопьяновой Н.Е., Старченкова Е.С., 2008) [1;6-9].

По результатам тестирования была сформирована база данных в формате Excel и проведен математико-статистический анализ с выделением возрастно-стажевых групп.

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам.

Так, по индексу утомления (ИУ, тест ДОРС) в возрастной группе 30-39 лет при стаже работы более 10 лет формируется низкий уровень утомления у 14,2 %

работников. В целом, интегральный показатель – индекс стресса (ИС) -до 16 баллов установлен у пожарных-спасателей этой же возрастно-стажевой группы.

По мере роста показателя ИС от уровня – «низкий» до уровня – «умеренный» установлено достоверное увеличение психоэмоционального напряжения среди пожарных-спасателей в возрастных группах 20-29 лет и 30-39 лет со стажем более 5 лет.

Установлено, что интегральный показатель - «индекс стресса» является наиболее чувствительным и прогностически важным для выявления пожарных-спасателей с начальными признаками формирования психоэмоционального напряжения.

В группе риска прежде всего находятся работники МЧС наиболее трудоспособной и профессионально подготовленной группы 30-39 лет со стажем работы в своей профессии от 5 до 10 лет, хотя у ряда пожарных и спасателей данное психологическое состояние (предболезненный синдром) начинает формироваться в возрасте от 20 лет и старше, при стаже работы 5 лет и больше.

В ходе психологического исследования установлено, что испытуемые, составляющие группу пожарных-спасателей, имеют очень высокую самооценку, свидетельствующую о высоком самоуважении, уверенности в себе при несколько сниженной критичности в отношении себя. Наиболее высокая самооценка характерна для спасателей со стажем работы более 5 лет и уступающих только пожарным, стаж работы у которых в среднем 6-10 лет. Это указывает на то, что незначительное расхождение или его отсутствие между реальным и идеальным образами «Я» отражает удовлетворенность собой, слабо выраженное стремление к самосовершенствованию, что говорит о низком уровне притязаний. Высокая самооценка предполагает уверенность в себе, а соответственно уверенный в себе сотрудник не является высоко тревожным.

В связи с тем, что профессия требует не только гибкости и «свежих решений», но и осмотрительности, естественно, что пожарные и спасатели отличаются осторожностью и стремлением проверить все самому.

Наши данные согласуются с результатами исследований, проведенных ранее [3,4,10-12], которые свидетельствуют о том, что лица, принимающие участие в проведении АСДНР характеризуются высокой самооценкой.

По результатам нашего исследования установлено, что работники МЧС России из группы пожарных и спасателей в большинстве своем обладают средним уровнем притязаний, что свидетельствует о том, что они хорошо знают уровень своих возможностей и ставят цели и задачи, соответствующие собственным силам.

Выводы. Комплексный анализ психологического тестирования позволяет прийти к выводу, что пожарные-спасатели в возрасте 30-39 лет, со стажем работы 5 лет и более с одной стороны – перспективна в плане эффективной работы в своей профессии, но и она же наиболее «уязвима» в плане «срыва» высокого уровня адаптационного потенциала и требует наибольшего внимания на уровне профорientации и подготовки руководящих кадров МЧС России среднего и высшего звена. Эти работники должны проходить более углубленное, комплексное обследование и изучение психофизиологических, функциональных и общесоматических интегральных показателей, особенно в динамике наблюдения и своевременным включением, при необходимости, комплекса психофизических и функциональных методов повышения профессиональной адаптации, что позволит сберечь наиболее перспективный профессиональный ресурс МЧС России.

Список использованных источников

1. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. – Москва [и др.] : Питер, 2009. - 329 с. – ISBN 978-5-388-00542-7.
2. Дежкина, Ю.А. Развитие профессионально важных качеств сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России в процессе профессионализации : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.03 / Дежкина Юлия Александровна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2008. – 22 с.
3. Еремин, А.Л. Особенности развития эмоционального стресса у лиц с различными уровнями физической подготовленности / А.Л. Еремин // Гигиена труда и профессиональные заболевания. – Москва, 1989. – №8. – С.7–9.

4. Ильин, Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е. П. Ильин. - Москва [и др.] : Питер, 2008. – 428 с. – ISBN 978-5-91180-837-2.
5. Карпов, А.В. Понятие профессионально важных качеств деятельности / А.В. Карпов // Психология труда. – Москва : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 352 с.
6. Леонова, А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса / А.Б. Леонова // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2000. № 3. – С. 4-21.
7. Леонова, А.Б. Психологическая саморегуляция и профилактика неблагоприятных функциональных состояний / А.Б. Леонова // Психологический журнал. 1988. Т. 10. № 3. – С. 43–52.
8. Леонова, А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека / А. Б. Леонова. – Москва : Изд-во МГУ, 1984. – 199 с.
9. Леонова, А.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности. Психология психических состояний / А.Б. Леонова, С.Б. Величковская / Под ред. А.О. Прохорова. Вып. 4. – Казань, 2002. – С. 326–344.
10. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал, Москва, 2001. – Том 22. – № 1 – С. 28-36.
11. Психология экстремальных ситуаций [Текст] : [учебник для вузов : 16+] / под редакцией Ю.С. Шойгу. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2019. – 271 с. – ISBN 978-5-4461-0792-6.
12. Харисов, Г.Х. Организация и ведение аварийно-спасательных работ. / Г.Х. Харисов, А.Н. Калайдов, А.В. Фирсов // Учеб. пособие. – Москва : Академия ГПС МЧС России, 2011. – 271 с.

УДК 159.9

МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чуканов Евгений Валериевич
*старший преподаватель кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(e.v.chukanov@mail.ru)*

В статье анализируются подходы к исследованию структуры гражданской идентичности. Акцентируется внимание на сложности изучения феномена, связанного с его многогранностью. Применение метода семантического дифференциала позволяет изучать латентные переменные, которые трудно выявить доступными методиками. Целесообразность использования метода заключается в том, что сознание подчиняется психосемантическим постулатам, имеет психосемантическую структуру и содержание.

Ключевые слова: сознание, идентичность, гражданская идентичность, метод семантического дифференциала, социальные трансформации.

THE METHOD OF SEMANTIC DIFFERENTIAL IN THE STUDY OF CIVIC IDENTITY

Chukanov Evgeniy Valerievich

*Senior Lecturer, Department of General Psychology
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)
(e.v.chukanov@mail.ru)*

The article analyzes approaches to the study of the structure of civic identity. Attention is focused on the complexity of studying the phenomenon associated with its versatility. The use of the semantic differential method makes it possible to study latent variables that are difficult to identify using available techniques. The expediency of using the method lies in the fact that consciousness obeys psychosemantic postulates, has a psychosemantic structure and content.

Key words: consciousness, identity, civic identity, semantic differential method, social transformations.

В современном научном сообществе феномен гражданской идентичности чаще всего рассматривается с точки зрения социально-политических и философско-исторических аспектов. Однако гораздо реже его рассматривают как индивидуально–психологическое явление, наполненное личностным содержанием и занимающее определённое место в иерархии ценностей и смыслов личности.

В настоящее время становится всё более важным глубокое понимание гражданской идентичности как сложного и многогранного личностного феномена, а также изучение социально–психологического аспекта.

Гражданская идентичность воплощается в гражданских практиках, то есть реализации прав и свобод личности. Гражданские практики опираются на ответственность и свободу выбора, которые способствуют реализации активной жизненной позиции. Все это способствует нахождению равновесия между личным и общественным, становится основой для формирования социально-правовых практик и специфично для отдельных обществ. Сама суть гражданских практик включает в себя активность и самостоятельность, что способствует

личностной самореализации. Гражданская идентичность позволяет сплотить общество и, на основе общности целей объединяет индивида и общество [4].

Не смотря на множественность точек зрения, касаясь структуры гражданской идентичности, можно выделить следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный, поведенческий и семантико-символический.

Когнитивный компонент заключается в наличии образа «Я-гражданина», который формируется путем сравнения с другими. Составными элементами являются знания, гражданские представления, вера и моральные принципы. Блок знаний включает в себя образ «Я-гражданина», интериоризированные нормы и правила поведения, социальные роли. Блок гражданских представлений предполагает сформированные представления о государстве, гражданах, идеалах и нормах права. Моральные принципы рассматриваются как система жизненных смыслов и нравственных ценностей.

Эмоциональный компонент представлен рефлексией, целеполаганием. Переживанием принадлежности к обществу, принятием статусно-ролевой позиции, соответствием реального и идеального образов.

Поведенческий блок – реализация гражданского поведения. Важными элементами являются осуществление выбора поведенческих стратегий, гражданский поступок и вербальные гражданские проявления (презентация себя и государства).

Семантико-символический блок предполагает принятие собственной принадлежности по средствам элементов культуры, сформированную смысловую сферу куда включены «Я-гражданский идеал» и «Я-гражданские ориентиры» [1].

В современных исследованиях, метод семантического дифференциала получил широкое применение [7]. Данный факт связан с тем, что категория гражданской идентичности является многоаспектной, а современные методы и методики исследования не позволяют охватить ее структуру полноценно [2]. При помощи методов психосемантического исследования становится возможным изучение системы индивидуальных значений, корнящихся в сознании. В

контексте психологического восприятия, объектами изучения становятся не столько объекты внешней среды, а их смысл и значение для респондента, его субъективная интерпретация. Итогом проведения метода становится построение семантического пространства, которое отражает систему латентных факторов, в контексте которых реализуется оценочная функция и поведенческая активность личности. Стоит обратить внимание на тот факт, что для респондента выявленные факторы могут носить имплицитный характер и оказывать неосознаваемое воздействие на его когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы.

Психосемантический подход базируется на методе семантического дифференциала Ч. Осгуда и репертуарных решеток, а также на теории личностных конструкторов Дж. Келли. Как указывает В.Ф. Петренко, психосемантика позволяет исследовать разные формы существования значения в индивидуальном сознании, которые могут выступать в форме образов, символов, словесных понятий и др. Восприятие субъектом окружающего мира происходит через систему индивидуальных значений. Реконструкция, путем применения семантического дифференциала, позволяет изучить генезис, структуру и функционирование системы [5]. Путем воспроизведения категориальных структур индивидуального сознания, которые опосредуют восприятие объекта, становится возможным построение модели субъективной картины мира. Данная модель отражает представленность объекта или явления в индивидуальном сознании.

В работах С.Л. Рубинштейна, указывается на необходимость соотнесенности внешних и внутренних условий деятельности, опосредованность внешних причин внутренними условиями. При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. На себя обращает внимание тот факт, что внешнее воздействие не является первопричиной, которая определяет результат этого воздействия, а лишь обуславливается природой того, на кого или на что оно влияет [3,6].

Психосемантическая модель исследования позволяет эмпирически реализовать подход С.Л. Рубинштейна и исследовать факты группового

сознания по средствам индивидуального. Изучение индивидуальных закономерностей происхождения и формирования сознания предполагает поиск релевантной выборки носителей группового сознания, которые одновременно выступают его творцами. Семантический дифференциал становится исследовательской моделью индивидуального сознания человека, которая позволяет обнаружить основы, на которых происходит восприятие, классификация и сравнение объектов.

А.Н. Леонтьев указывает, что сознание является индивидуальной системой значений, которые соединены с чувственной тканью, связанной с предметным миром и личностными смыслами через восприятие. В.Ф. Петренко рассматривает данное определение как семиотическое, динамические аспекты значений, как компонента сознания, отражает динамику сознания в общем.

Закономерно, что прикладные экспериментальные исследования гражданской идентичности могут опираться на теоретические построения и объяснительные принципы психосемантического подхода. Обоснованием применимости может являться то, что сознание подчиняется психосемантическим постулатам, имеет психосемантическую структуру и содержание.

Продуктами сознания человека, проживающего в условиях социальных трансформаций, являются совокупные представления о государстве, его гражданах и их атрибутах. Данные представления разделяются гражданами, которые находились на одной территории и на протяжении определенного времени, в контексте социальных изменений. Содержание сознания человека, имеющего опыт переживания социальных трансформаций, воплощается в систему значений и смыслов, соответствующих контексту деятельности.

Список использованных источников

1. Безгина, Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности / Н.В. Безгина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3–1. – С. 241–249.
2. Беловол, Е.В. Теоретические подходы к разработке и апробации опросника «Профиль гражданской идентичности личности» / Е.В. Беловол, С.В. Мелков, Е.Б. Пучкова [и др.] //

Педагогика и психология образования. – 2021. – № 4. – С. 101–123. – DOI 10.31862/2500–297X–2021–4–101–123.

3. Брушлинский, А.В. Принцип детерминизма в трудах С.Л. Рубинштейна / А.В. Брушлинский // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С. 66–73.
4. Персиянцева, С.В. Гражданские практики как проявление гражданской идентичности у современной молодёжи / С.В. Персиянцева, М.К. Акимова, И.И. Иванова // Психология и психотехника. – 2014. – № 11(74). – С. 1142–1152.
5. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 207 с.
6. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб. [и др.] : Питер, 2003 (ГПП Печ. Двор). – 508 с.
7. Степнова, Л.А. Методология исследования гражданской идентичности в поликультурном пространстве российского общества / Л.А. Степнова, Е.П. Костенко // Акмеология. – 2017. – № 3 (63) – С. 17–22.

УДК: 376.4

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Шульга Валентина Васильевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры служебной психологии
Донбасский государственный университет юстиции, (РФ, г. Донецк)
(shulga55@rambler.ru)*

Проведение СВО влечет за собой многочисленные вызовы для всего российского сообщества. В статье рассматриваются проблемы, связанные с посттравматическим синдромом, который неизбежен для большей части военных и гражданских лиц, затронутых военными действиями. Подчеркивается междисциплинарный характер проблемы и необходимость комплексного подхода к ее решению.

Ключевые слова: военные действия, посттравматический синдром, психологическая помощь.

NEW CHALLENGES OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND PRACTICE

Shulga Valentina Vasilievna

*Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Service Psychology
Donbass State University of Justice, (RF, Donetsk)
(shulga55@rambler.ru)*

Conducting of SVO entails numerous challenges for the entire Russian community. The article examines the problems associated with post-traumatic stress disorder, which is inevitable for most military and civilians affected by military action.

The interdisciplinary nature of the problem and the need for a comprehensive approach to its solution are emphasized.

Key words: military operations, post-traumatic syndrome, psychological assistance

Широкий круг вопросов современной российской психологической науки и практики является своеобразным индикатором тех глубоких социально-психологических проблем, которые волнуют не только психологическую общественность, но и все российской общество в целом.

В фокусе внимания данной статьи находится сложная междисциплинарная проблема, которая уже зреет в недрах происходящих глобальных процессов современности, и которая вскоре займет свое актуальное место в ряду новых вызовов России. Речь идет о психологической помощи людям, пострадавшим в экстремальных ситуациях. Эскалация вооруженного конфликта на Донбассе и проведение СВО требует рассмотрения этих ситуаций не только с точки зрения историко-политических процессов, но и с учетом их психологического аспекта - реагирование и поведение людей в таких ситуациях.

Посттравматический стресс является одним из психологических последствий влияния на человека травматического события, связанного с угрозой жизни и сопровождающегося переживанием негативных эмоций - «интенсивного страха, ужаса или чувства беспомощности» [6].

Отечественная психологическая наука имеет глубокие и обширные по охвату анализируемых проблем исследования, связанные с посттравматическим стрессовым расстройством (далее - ПТСР). Среди них следует отметить работы Н.Л. Бундало, С.Н. Ениколопова, М.Ш. Магомед-Эминова, Е.Н. Рядинской, Н.В. Тарабриной, и др. исследователей, посвященные последствиям воздействия на психику людей психотравмирующих событий. Проблемы изучения ПТСР, а также использование накопленных знаний современной психотерапии в его лечении рассматривали в своих работах А.Л. Акулич, В.А. Агарков, В.В. Дударев, П.А. Корчемный, В.В. Кузовкин, В.А. Раздубов, А.Ю. Федотов, И.Г. Малкина-Пых, А.Н. Макаручук, М.А. Падун, Н.В. Тарабрина, Э. Г. Удачина и др.

ПТСР является состоянием, которое крайне тяжело и угнетающе действует как на самого человека, так и на окружающих его людей. При всяком внезапном остром стрессе, даже высокой интенсивности, нельзя предугадать, станет ли он в дальнейшем причиной ПТСР, т.е. будет ли продолжаться стрессовое расстройство, когда уже прекратилось воздействие стрессора.

ПТСР имеет две существенные особенности, отличающие его от обычного стресса. Первая состоит в том, что психологические, физиологические и социально-психологические расстройства продолжаются после устранения стрессора, когда человек, казалось, вернулся к мирному существованию, и вокруг него течет спокойная, привычная жизнь. Вторая особенность — ПТСР может возникать спустя несколько месяцев, даже лет, после пережитой психотравмы, когда стрессовое состояние, казалось бы, давно ушло.

В основе современных подходов к диагностике и коррекции психологических последствий вооруженных конфликтов лежит концепция отсроченных реакций на травматический стресс (ПТСР). Часто, при столкновении с природными катаклизмами, экономическим спадом, войной, у человека возникают отсроченные последствия пережитого им потрясения. Спустя месяцы, и даже годы, у индивида начинает складываться симптоматика, включающая эмоциональную подавленность, беспомощность, чувство ненужности, депрессию. Наблюдается состояние апатии и алекситимии, растет уровень тревожности, формируется комплекс раздражений и враждебности по отношению к окружающей действительности.

Население ДНР, ЛНР и вновь присоединившихся к РФ Запорожской и Херсонской областей, а также жители Воронежской, Белгородской, Брянской, Курской областей, затронутых военными действиями, находятся под воздействием хронических стрессоров и страхов, закономерным итогом которых является появление психоэмоциональных травм и соматических расстройств. В ближайшее время России придется столкнуться с явлением, превосходящим по своему масштабу и последствиям для общества феномены «афганского» и «чеченского» синдромов. И речь идет даже не о десятках тысяч граждан РФ.

Во-первых, это военные люди, участвующие в боевых действиях. Возвращение с передовой к мирной жизни всегда кризисно и трагично. С войны на востоке Украины ожидаемо будут приходить добровольцы и наемники, и вопросы: «Какими они вернутся в родные места и каково окружающим будет жить рядом с ними?» - скорее относятся к разряду риторических. Социально-психологический анализ поведения ветеранов военных конфликтов указывает на сформировавшийся у многих из них комплекс «военной психики», среди компонентов которого выделяется упрощение когнитивной сферы, усиление жестокости, бескомпромиссности и ригидности нравственных ориентиров.

Во-вторых, это гражданское население Донбасса, условия жизни которого суть условия затяжного 10-летнего вооруженного конфликта, что, безусловно, накладывает отпечаток на физическое и психическое состояние людей. Среди гражданских лиц – тысячи детей, рожденных в условиях войны, обыденной жизненной реальностью которых являются взрывы, гибель близких и знакомых людей, отсутствие полноценного детства. Длительность этих стрессовых воздействий детерминирует негативные изменения в психической деятельности человека, которые априори снижают эффективность его жизнедеятельности в мирных условиях. Мета анализ 129 эмпирических исследований показывает, что 22% жителей регионов, затронутых военными конфликтами, в течение последующих 10 лет страдают от депрессии, тревоги, посттравматического стрессового расстройства [3].

В-третьих, это вынужденные мигранты с территорий военных действий. Война разрушает социальные и экономические связи, вызывает массовое переселение и разделение семей, заставляет людей искать новые опоры в жизни, создает тем самым негативные динамические тенденции в обществе, ведет к значительным изменениям демографической и социальной структуры регионов, затронутых военными действиями.

Люди, попавшие в ситуацию военного конфликта, подвергаются массивному внешнему стрессовому воздействию, которое изменяет психоэмоциональное состояние каждого, находящегося в этой ситуации. Человек,

вырванный из привычной жизни, оказавшись в пограничном состоянии, когда условием его существования становится хаос и неопределенность, меняет психику, в ней начинают доминировать сильнейшие негативные эмоции: страх, истерическая тревожность, диаметральные колебания настроений с большой амплитудой. Переживания личного опыта становятся социальным фактором, военные события, теракты, внезапно возникающие экстраординарные ситуации формируют общественное самосознание, которое, в свою очередь, начинает определять индивидуальные чувства и поведение людей, и создает единое психологическое пространство, накаляющее социальную обстановку.

Осознание необходимости организации помощи и проведения комплексных специальных мероприятий для всех групп населения, переживших психотравмирующие события, в настоящее время становится реальностью для значительного количества наших сограждан, а также для органов законодательной и исполнительной власти на всех уровнях [1].

В.В. Путин на встрече с молодыми учеными в центре «Сириус» подчеркнул значимость психологической помощи участникам СВО. По его словам, службы психологической помощи в России не развиваются на должном уровне, несмотря на востребованность их военнослужащими в новых реалиях.

В Госдуме неоднократно обсуждались вопросы медико-психологической, социальной и профессиональной реабилитации участников СВО. Депутаты, чиновники, врачи и общественные деятели всесторонне дискутируют о новых подходах к разработке мер и программ реабилитации и абилитации. Сам факт проведения СВО дал мощный толчок для развития правового регулирования отношений, возникающих между государством и военнослужащим, привел к пересмотру основных Федеральных законов (ФЗ № 53 «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998, ФЗ № 5 «О ветеранах» от 12.01.1995). Можно утверждать, что на данный момент законодательство о военнослужащих РФ претерпевает радикальные изменения и активно развивается в сфере их социального обеспечения [4].

Ошибки и деструктивный опыт предыдущих взаимодействий государства с военнослужащими, исполнявшими свой профессиональный долг, должен быть пересмотрен самым кардинальным образом – об этом говорится на всех уровнях российского общества. «Когда наши герои возвращались после выполнения приказа родины, а им говорили, что не посылали их туда. Мы знаем эти страшные цифры и по количеству самоубийств, и по количеству осужденных афганцев. Мы должны делать выводы из того, что было, и быть готовыми проводить комплексную и медико-социальную, и психологическую, и иные виды реабилитации для наших воинов-победителей. Что они вернутся с победой, никто не сомневается», — сказал Сергей Миронов, председатель партии «Справедливая Россия» на расширенном (межфракционном) заседании «Реабилитация участников специальной военной операции (СВО) [5].

Основатель проекта «Своим» Игорь Гончаренко отмечает, что жёны, матери и дети военнослужащих нуждаются в психологической помощи не меньше, чем сами участники боевых действий. ««Очень многие афганцы ушли в бандитизм, алкоголизм и наркоманию, потому что страдали от сильнейшего посттравматического синдрома и им никто не помогал», – говорит специалист. – Спецоперация закончится, и в мирную жизнь вернутся сотни тысяч наших ребят, которые за это время привыкли к совсем другому укладу жизни. Им необходимо помочь. Прибавьте к ним всё население наших новых территорий: ДНР, ЛНР, Запорожье и Херсонщину. Эти люди тоже нуждаются в реабилитации, потому что они жили фактически под бомбёжками» [2].

Без полноценной реабилитации и психологической поддержки воинов СВО общество может столкнуться с серьёзными проблемами, как это было, когда после окончания афганской войны про многих солдат просто забыли. Переосмысление жизненных целей и ценностей, крушение идеалов и авторитетов, нередко приводящие к утрате «образа жизни», обнищание, затронувшее большую часть населения, неверие обещаниям руководства, отсутствие надежд на улучшение ситуации — все это создает определенную социально-психологическую атмосферу, накаляющую социальную ситуацию.

На сегодняшний момент проблема реабилитации военных и ветеранов, а также терапии ПТСР после СВО стоит очень остро и нуждается в деятельном участии не только властных структур, но и всего российского общества. Солдаты, прошедшие через боевые испытания, часто сталкиваются с физическими и психологическими травмами, требующими интегрированного и многогранного подхода к их реабилитации и лечению [1].

Реабилитация военных и ветеранов представляет собой комплексную систему мер, направленных на физическое, психологическое и социальное восстановление. Этот процесс включает следующие аспекты:

Физическая реабилитация предполагает, прежде всего, медицинское лечение, направленные на восстановление здоровья и функциональности.

Психологическая поддержка включает когнитивно-поведенческую терапию, экспозиционные методы и лекарственное лечение. Групповая терапия помогает справиться с симптомами и интегрироваться в повседневную жизнь.

Профессиональная адаптация направлена на обеспечение ветеранов возможностью вхождения в гражданскую жизнь через профессиональную переподготовку, обучение новым навыкам и поддержку в трудоустройстве.

Социальная интеграция заключается в поддержке со стороны семьи, друзей и общества. Создание безопасной среды, где ветераны могут делиться своим опытом, способствует снижению социальной изоляции.

Инновационные методы реабилитации предполагают возможность использования виртуальной реальности и разнообразных мультимедийных технологий в процессе восстановления [1].

Тем не менее, перспективные комплексные наработки и предложения с трудом реализуются на местах. Так, о реабилитации военнослужащих и членов их семей в ДНР официально объявили на брифинге в июле 2017 года, посвященном организации реабилитационного лечения, о чем сообщила пресс-служба Министерства здравоохранения ДНР: «в связи с ростом числа заболеваний и травм, приводящих к инвалидизации, особенно остро проявившихся на фоне ведения боевых действий, возникла необходимость

охватить дополнительные контингенты, нуждающиеся в реабилитации, к которым, в первую очередь, относятся военнослужащие армии Донецкой Народной Республики и члены их семей, а также население, пострадавшее во время боевых действий, с соматической и психосоматической патологией».

На данный момент в ДНР специальных профильных учреждений всего два – Республиканская клиническая психоневрологическая больница и медико-психологический центр, который организован на базе Республиканской клинической больницы профессиональных заболеваний. Стационар рассчитан на 400 коек, что ничтожно мало для десятков тысяч воюющих. А если учесть, что в Донецке проживает около 900 тысяч человек, и 35% населения находится на прифронтовых территориях, то становится ясно, что реабилитация военных проводится крайне слабо, социальная адаптация вообще не проводится, а о психологическая поддержка гражданского населения остается за скобками.

Решение проблемы реинтеграции и адаптации большой массы людей, затронутых военными действиями, требует комплексного подхода и усилий со стороны государства, международных организаций, психологического профессионального сообщества и общества в целом. Структурные психологические изменения участников СВО и населения территорий, непосредственно находящихся или примыкающих к районам боевых действий, требуют разработки масштабных программ на государственном уровне, и привлечения специалистов различного профиля и уровня подготовки.

Список использованных источников

1. Бонкало, Т. И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 / Т. И. Бонкало. – Электрон. текстовые дан. – Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – URL: <https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniyanii/daydzhest-meditinskiy-turizm-i-eksport-meditinskikh-uslug/> (дата обращения: 24.11.2024).
2. Дальше стоит жить // RT на русском: [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1090054-voennyi-ranenie-svo-reabilitaciya> (Дата публикации 26 декабря 2022).
3. Нестик, Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований / Т.А. Нестик // Социальная психология и общество.

– 2023. – Т. 14. – № 4. – С.5–22. - URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401> (дата обращения: 24.11.2024).

4. Семянникова, Д.А. Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военным-участникам специальной военной операции / Д.А. Семянникова // Юридические исследования. – 2023. – № 12. – С. 67-76. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.12.69154 EDN:EOZCYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69154 (дата обращения: 24.11.2024).
5. Социалистическая партия России: официальный сайт. – URL: WWW.SPRAVEDLIVO.RU (дата обращения: 24.11.2024).
6. Тарабрина, Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика: монография / Н.В. Тарабрина. – Москва : Институт психологии РАН, 2009. – 304 с. – ISBN 978-5-9270-0143-9. – Текст: электронный // Знаниум: электронно-библиотечная система. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1059129> (дата обращения: 24.11.2024).

УДК 378.9.075

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Шумарова Анастасия Юрьевна
аспирант кафедры общей психологии
Ереванский государственный университет (Республика Армения, г. Ереван)
(a.shumarova@ysu.am)

В статье изучаются защитные механизмы личности в условиях длительного вооруженного конфликта. Анализ основан на данных пилотного исследования с участием трех групп респондентов, различающихся по степени воздействия конфликта. Результаты показывают, что, несмотря на сложные условия, во всех группах преобладают адаптивные защитные стратегии. Выявлены различия в используемых механизмах и значимые корреляции между защитными стратегиями и факторами непрерывного травматического стресса.

Ключевые слова: защитные механизмы, длительный вооруженный конфликт, адаптация, непрерывный травматический стресс.

DEFENSE MECHANISMS OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF A PROLONGED ARMED CONFLICT

Shumarova Anastasiia Yuryevna
Postgraduate Student, Department of General Psychology
Yerevan State University (Republic of Armenia, Yerevan)
(a.shumarova@ysu.am)

This study explores personality defense mechanisms in the context of prolonged armed conflict. The analysis is based on pilot study data from three respondent groups differentiated by the level of conflict exposure. Findings indicate that adaptive defense strategies predominate across all groups, despite challenging conditions. Significant differences in employed mechanisms and notable correlations between defense strategies and factors of continuous traumatic stress are identified.

Key words: Defense mechanisms, prolonged armed conflict, adaptation, continuous traumatic stress.

Вступление. В условиях современных вооруженных конфликтов и социальных потрясений проблема адаптации человека к длительному непрерывному стрессу приобретает особую актуальность. Затяжные вооруженные конфликты создают уникальную среду постоянной опасности, в которой люди ежедневно сталкиваются с угрозой. Такие обстоятельства оказывают существенное влияние на личностные характеристики человека и процессы его адаптации, требующие глубокого изучения.

Теоретический обзор проблемы. Адаптация к экстремальным условиям в научной литературе определяется как процесс поиска, выбора и реализации стратегий, направленных на минимизацию негативных последствий сложных ситуаций [1]. Исследователи выделяют два типа экстремальных условий: кратковременные, при которых человек использует готовые адаптационные механизмы, и длительные, требующие значительной перестройки функциональных систем организма [3].

В условиях длительного стресса мобилизуются как поверхностные, так и глубокие адаптационные резервы, что сопровождается значительными психофизиологическими затратами. Психологическая адаптация в таких условиях опирается на два ключевых механизма: психологические защиты, представляющие собой бессознательные стратегии компенсации стресса и копинг-поведение как осознанный способ преодоления трудностей [2].

Интенсификация защитных механизмов является важной частью адаптационного ответа на длительный стресс. Она обеспечивает минимизацию внутриличностного напряжения и экономию психофизиологических ресурсов. Такие механизмы, как подавление, проекция и отрицание, играют ключевую

роль в поддержании внутреннего равновесия. Они входят в систему саморегуляции, помогая человеку справляться с возрастающими требованиями изменяющейся среды [4].

Длительный стресс, характерный для вооруженных конфликтов, часто принимает форму непрерывного травматического стресса (CTS). Концепция CTS была предложена Straker и коллегами в контексте политического насилия в эпоху апартеида в Южной Африке [8] и описывает состояние, при котором человек подвергается длительным, постоянным стрессорам, угрожающим психическому и физическому здоровью. В отличие от кратковременного стресса, CTS фокусируется на настоящих и будущих угрозах, требующих постоянной мобилизации ресурсов.

Lahad M. & Leykin D. подчеркивают, что постоянное ощущение угрозы держит людей в состоянии хронической настороженности и повышенного возбуждения. Эти группы населения «не имеют времени на передышку», и поэтому постоянно управляют своими физиологическими реакциями страха или бегства, либо прибегают к избеганию в попытке контролировать эти ощущения [6]. В условиях непрекращающейся опасности ключевую роль играют защитные механизмы, такие как избегание и настороженность, которые помогают человеку адаптироваться к сложным условиям, ограждая от реальной угрозы.

Реакции на длительный стресс в условиях непрекращающегося конфликта варьируются: от повышенной уязвимости до формирования устойчивости. Несмотря на угрозы, исследования показывают, что устойчивость — одна из наиболее частых реакций на травматический стресс. Например, работы Solomon и Bleich, Gelkopf, & Solomon [7] демонстрируют, что в условиях войны и терроризма возможно привыкание к постоянной угрозе, что свидетельствует о гибкости и адаптационных возможностях человеческой психики.

Таким образом, **цель данного исследования** — изучить, какие защитные механизмы используют люди в условиях CTS, и выявить различия в зависимости от длительности пребывания в зоне конфликта.

Участники. Выборка пилотного исследования составила 22 человека, средний возраст — 22,8 года ($SD = 6,3$). Распределение по полу: женский — 16 (72,7%), мужской — 6 (27,3%). Участники были разделены на три группы: Группа 1 (Г1): постоянно проживают в зоне конфликта с 2014 года; Группа 2 (Г2): покидали зону конфликта на срок более полугода и/или покинули зону конфликта окончательно; Группа 3 (Г3): не проживают в зоне конфликта.

Методы. В исследовании использовались: методы теоретического анализа; Биографический опросник, включающий вопросы, оценивающие наличие трех факторов CTS (чувство беспомощности, моральное истощение, предательство) на основе шкалы CTSR (Ben-Gurion University of the Negev) [5]; Методика измерения психологической защиты (МИПЗ) (Е.Р. Пилюгина, Р.Ф. Сулейманов), основанная на двухмерной классификации, включающей 20 механизмов, объединенных в 4 группы и 5 типов преодоления фрустрации. Статистическая обработка данных проводилась в SPSS Statistics 23.

Результаты и обсуждения.

1. Факторы CTS.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что факторы CTS более выражены в Группе 1: Чувство беспомощности — 50%; Моральное истощение — 80%; Чувство предательства — 70%. Высокий уровень Предательства также был выявлен у Г3 (60%), что может быть связано с влиянием СМИ.

Таблица 1.

Распределение ответов, определяющих факторы «Беспомощность», «Моральное истощение» и «Предательство» в группах респондентов

			Беспомощность		Моральное истощение			Предательство	
			нет	да	Свой вариант	да	нет	да	нет
Группы респондентов	Г1	Количество	5	5	0	8	2	7	3
		% в Группе	50,0%	50,0%	0,0%	80,0%	20,0%	70,0%	30,0%
	Г2	Количество	6	1	1	3	3	3	4
		% в Группе	85,7%	14,3%	14,3%	42,9%	42,9%	42,9%	57,1%
	Г3	Количество	4	1	0	1	4	3	2
		% в Группе	80,0%	20,0%	0,0%	20,0%	80,0%	60,0%	40,0%

2. Использование защитных механизмов.

Средние показатели по группам (таблица 2) показывают высокий уровень использования адаптивных защитных механизмов во всех группах. Однако наблюдаются различия по типу преодоления фрустрации. Наибольшее среднее значение в каждой группе: Г1 – Защита от вины, Г2 – Контролирующий тип, Г3 –Отвлекающий и Рационализирующий тип (таблица 3).

Таблица 2.

Средние значения групп защитных механизмов в группах респондентов

Группы респондентов	Психотические механизмы	Инфантильные механизмы	Невротические механизмы	Адаптивные механизмы
Г1	22,080	24,200	22,500	28,520
Г2	24,486	23,371	20,286	25,714
Г3	24,160	26,360	24,280	30,360
Всего	23,318	24,427	22,200	28,045

Таблица 3.

Средние значения типов преодоления фрустрации в группах респондентов

Группы респондентов	Отвлекающий тип	Защита от вины	Избегающий тип	Рационализирующий тип	Контролирующий тип
Г1	24,0250	25,5500	22,9250	24,5750	24,5500
Г2	23,3929	23,7857	21,4643	23,9643	24,7143
Г3	27,6500	26,5000	24,4500	27,1500	25,7000
Всего	24,6477	25,2045	22,8068	24,9659	24,8636

Сводные данные по всем защитным механизмам показывают различия в доминирующих защитных механизмах¹:

- Группа 1 (Г1): юмор (32,8; 40,0%), проекция (30,3; 40%), предвосхищение (29,6; 40,0%), альтруизм (29,1; 30,0%). Эти механизмы направлены на снижение эмоционального напряжения и поддержку через социальные связи.

- Группа 2 (Г2): проекция (27,4; 42,9%), предвосхищение (27,4; 14,3%), диссоциация (27,1; 14,3%), альтруизм (27,0; 14,3%). Участники защищаются от внутреннего напряжения через избегание и социальное взаимодействие.

¹ В скобках указываются средние значения и высокий уровень использования защиты в %.

- Группа 3 (ГЗ): юмор (32,8; 40,9%), компульсивное поведение (32,6; 40,0%), предвосхищение (31,0; 40,0%), сублимация (30,6; 60,0%), ипохондрия (30,0; 20%). Механизмы направлены на контроль стресса через конструктивные и компенсаторные действия.

3. Статистические различия.

Критерий Краскала-Уоллиса показал значимые различия между группами по механизму вытеснения ($p = 0,042$): самый высокий уровень вытеснения наблюдается у Группы 3 (28,0), самый низкий — у Группы 1 (21,0).

Также выявлены тенденции к различиям по механизмам избегания ($p = 0,131$), отрицания ($p = 0,125$) и диссоциации ($p = 0,168$). Эти механизмы связаны с избегающим типом преодоления фрустрации.

4. Корреляционный анализ.

Корреляционный анализ (по методу Спирмена) выявил следующие значимые взаимосвязи:

На уровне значимости 0,01:

- Положительная корреляция между чувством беспомощности и ипохондрией ($r = 0,663$).
- Положительная корреляция между чувством предательства и диссоциацией ($r = 0,558$).
- Отрицательная корреляция между чувством беспомощности и рационализацией ($r = -0,650$).

На уровне значимости 0,05: положительные корреляции между чувством беспомощности и регрессией ($r = 0,481$), а также между чувством беспомощности и замещением ($r = 0,438$).

Выводы. В условиях длительного вооруженного конфликта защитные механизмы играют важную роль в адаптации личности. Результаты пилотного исследования показали, что, несмотря на сложные условия длительного вооруженного конфликта, у всех групп преобладают адаптивные механизмы личности, что может свидетельствовать о процессе привыкания к стрессовым условиям. Основные различия между группами респондентов связаны выбором

типа преодоления фрустрации и преобладающими механизмами. Было выявлено значимое различие по показателю вытеснения ($p = 0,042$), а также тенденции к различиям по механизмам избегания ($p = 0,131$), отрицания ($p = 0,125$) и диссоциации ($p = 0,168$), что подчеркивает вариативность стратегий адаптации. Корреляции между механизмами защиты и факторами CTS подтверждают влияние непрерывного травматического стресса на адаптационные процессы. Выявленные закономерности требуют дальнейшего изучения и подтверждения на более широкой и репрезентативной выборке.

Список использованных источников

1. Антипов, В.В. Психологическая адаптация к экстремальным ситуациям / В.В. Антипов. — Москва : Изд-во ВЛАДОС ПРЕСС, 2002. — 176 с. — ISBN 5-305-00045-9.
2. Защитная система личности и стресс / под ред. Е.В. Куфтяк. — Москва : Мир науки, 2017. — URL: <http://izd-mn.com/PDF/18MNNPM17.pdf> / Загл. с экрана. — ISBN 978-5-9500228-5-2.
3. Ермаков, Е. Типология переживания стресса в условиях изоляции / Е. Ермаков // Развитие личности. 2011. № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-perezhivaniya-stressa-v-usloviyah-izolyatsii> (дата обращения: 26.11.2024).
4. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. — Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — 624 с. — ISBN 978-5-9270-0110-1.
5. Goral, A., Feder-Bubis, P., Lahad, M., Galea, S., O'Rourke, N., & Aharonson-Daniel, L. (2021). Development and validation of the Continuous Traumatic Stress Response scale (CTSR) among adults exposed to ongoing security threats. PLOS ONE, 16(5), e0251724. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251724>
6. Lahad, M., & Leykin, D. (2010). Ongoing exposure versus intense periodic exposure to military conflict and terror attacks in Israel. Journal of Traumatic Stress, 23, 691–698. <https://doi.org/10.1002/jts.20583>
7. Stein, J. Y., Levin, Y., Gelkopf, M., Tangir, G., & Solomon, Z. (2018). Traumatization or habituation? A four-wave longitudinal investigation of exposure to continuous traumatic stress in Israel. International Journal of Stress Management, 25, 137–153. <https://doi.org/10.1037/str0000084>
8. Straker, G., & the Sanctuaries Counselling Team. (1987). The continuous traumatic stress syndrome: The single therapeutic interview. Psychology in Society, 8, 48–78.

Секция 3. Влияние современных СМИ и компьютерных технологий на сознание и поведение человека

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СМИ НА ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Александрова Диана Николаевна
магистрант 1 курса
(diankaa_app@mail.ru)

Ефременко Александр Александрович
старший преподаватель кафедры философии и психологии
Донецкая академия управления и государственной службы (РФ, г. Донецк)
(alefblogs@ya.ru)

В статье сделана попытка раскрыть содержание психологических особенностей влияния средств массовой информации на личность. Проанализированы взгляды на проблему воздействия СМИ на человека, выделены положительные и отрицательные стороны деятельности СМИ на социализацию личности. Показано значение влияния СМИ и медиакommunikation в разрезе постоянно меняющегося характера самих СМИ в современном мире.

Ключевые слова: психологические особенности, личность, средства массовой информации, влияние на человека, теоретические подходы, коммуникация.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON A PERSON'S PERSONALITY

Alexandrova Diana Nikolaevna
1st year student of the Master's degree
Donetsk Academy of Management and Public Administration
(Russian Federation, Donetsk)
(diankaa_app@mail.ru)

Efremenko Alexandr Alexandrovich
Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Psychology
Donetsk Academy of Management and Public Administration
(Russian Federation, Donetsk) (alefblogs@ya.ru)

The article attempts to reveal the content of the psychological features of the influence of mass media on personality. The views on the problem of the impact of the media on a person are analyzed, the positive and negative sides of media activity on the socialization of personality are highlighted. The importance of the influence of the media and media communication in the context of the constantly changing nature of the media themselves in the modern world is shown.

Key words: psychological characteristics, personality, mass media, influence on a person, theoretical approaches, communication.

Актуальность проблемы. Актуальность проблемы психологических особенностей влияния СМИ на личность человека обусловлена тем, что в современном обществе медиа играют ключевую роль в формировании ценностей, убеждений и норм поведения. С раннего возраста человек подвергается воздействию различных информационных потоков, которые могут как формировать положительные качества, так и вызывать негативные последствия для психики. Взаимодействие с медиа пространством происходит ежедневно – через телевизор, интернет, радио и печатные издания. Такой постоянный поток информации может оказывать как когнитивное, так и эмоциональное воздействие, меняя наши представления о мире и самих себе. Важно понимать, как именно СМИ могут подчеркивать или изменять наше восприятие реальности, и какие механизмы психической защиты мы можем использовать для минимизации негативных влияний. Исследование этого взаимодействия особенно необходимо в условиях стремительного развития технологий и их повсеместного внедрения в быт современного человека, поскольку оно напрямую связано с психическим здоровьем и общим благополучием общества.

Сегодня средства массовой информации оказывают сильное влияние на многие аспекты жизни человека. Они способны изменить наши предпочтения на выборах, заставить нас пересмотреть свою позицию касаясь определённых вопросов или даже убедить нас в верности абсолютно ложной информации. Влияние СМИ на личность человека является многоплановым и глубоким процессом, который охватывает когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. В условиях современной информационной среды индивиды должны развивать критическое мышление и медиаграмотность, чтобы осознанно подходить к восприятию и интерпретации информации, тем самым минимизируя потенциальные негативные последствия [2, с. 145].

Люди давно заметили способность средств массовой информации влиять на общественное сознание. С развитием технологий возможности медиа существенно

расширились, усилив распространение влияния на аудиторию, которая часто оказывается восприимчивой и уязвимой к манипуляциям. По мнению А.Е. Исакова, в эпоху информации медиа играют всё более значимую роль в формировании общественных ценностей, стереотипов и мировоззрений. Средства массовой информации всё теснее интегрируются в повседневность, оказывая целенаправленное и динамичное воздействие на общественное мышление. Влияние медиа практически непрерывно, однако уровень его воздействия зависит от самого человека, его способности к сопротивлению, навыка извлечения пользы из позитивного контента и способности игнорировать негативный [3, с. 147].

Теоретический анализ работ, затрагивающих проблему воздействия СМИ на личность, показывает, что основное внимание исследователей направлено на изучение роли СМИ в коммуникативном процессе. Особую значимость в этой связи приобретает изучение психологической (психической) составляющей коммуникативного процесса. Так, Б.Г. Ананьев одним из первых учёный обратился к изучению коммуникативной составляющей, отмечая, что в процессе общения механизмом взаимодействия между людьми является знаковая система, состоящая из вербальных и невербальных средств обмена информацией. В своей работе «Основы социально-психологической теории» учёный Б.Д. Парыгин выделил две стороны коммуникационного процесса: внутреннюю (перцептуально-коммуникативную), связанную с психикой и взаимопониманием людей во время общения, и внешнюю (интеракционную), связанную с поведением и взаимодействием. А.А. Бодалев и Л.А. Петровская в своих трудах акцентировали внимание на перцепции, которая представлена как восприятие и понимание другого человека. Она подразумевает такие способы и уровни взаимодействия, при которых его субъекты познают друг друга.

Современное общество окружено информацией, поступающей из разнообразных источников, таких как телевидение, радио и социальные сети. Это многогранное влияние может оставлять заметный след на жизни и психическом состоянии людей – как положительный, так и отрицательный. Одним из ярких примеров воздействия СМИ является формирование убеждений и взглядов. Новости

часто содержат негативную информацию, что может спровоцировать чувство страха, тревоги и депрессии, особенно у тех, кто подвержен подобным расстройствам и переживаниям. Однако у медиа есть и вдохновляющая сила: просмотры спортивных событий или фильмов о приключениях способны мотивировать и пробуждать интерес к жизни [5].

Средства массовой информации также играют роль в формировании восприятия культур и людей. Например, увиденные стереотипные образы могут влиять на отношение зрителей, вызывая расистские или ксенофобские настроения, что сказывается на социальной динамике и межличностных отношениях.

Можно сказать, что психологические особенности влияния СМИ на личность человека представляют собой сложный и многослойный процесс, который активно изучается в современной психологии и социологии. Средства массовой информации оказывают мощное воздействие на формирование мнений, убеждений и социального поведения индивидов, зачастую незаметно проникая в глубинные слои нашего сознания. Во-первых, важно отметить, что СМИ играют ключевую роль в процессе социализации, особенно у молодого поколения. Учитывая к примеру, что современное молодое поколение часто проводят значительное количество времени за просмотром телевизора, использованием интернета и социальных сетей, то у личности формируется определённая картина мира, которая носит зачастую стереотипный характер. Это формирование происходит через содержание, которое часто навязывает стандарты красоты, успешности и счастья, основанные на массовой культуре [1, с. 359].

Кроме того, СМИ влияют на когнитивные процессы личности. Они способны изменять восприятие и интерпретацию событий, подавая информацию в выгодном для них свете или, напротив, скрывая значимые факты. Примером может служить феномен «эффекта повестки дня», когда средства массовой информации определяют значимость тех или иных событий в глазах общественности, воздействуя на наше внимание и иерархию интересов.

Одним из ключевых механизмов влияния СМИ является внушение и манипуляция. Информационные потоки, снабжённые яркими образами и

эмоционально окрашенными заголовками, часто приводят к некритическому восприятию информации. Это способствует формированию устойчивых мифов и стереотипов у аудитории, которые могут сохраняться даже при наличии противоположных фактов [4, с. 91].

Важно учитывать и эмоциональное воздействие СМИ на личность. Частое освещение негативных событий, таких как войны, катастрофы и преступления, может способствовать развитию тревожных состояний и депрессии у чувствительных индивидов. В то же время позитивные новости и вдохновляющие истории способны укрепить веру в добро и человечность.

Для того чтобы минимизировать негативное психологическое влияние СМИ, индивиду необходимо развивать критическое мышление и медиа-грамотность. Эти навыки помогут анализировать получаемую информацию, выделять факты из субъективных мнений и противостоять манипуляциям. Таким образом, личность сможет сохранять собственные ценности и убеждения в условиях информационного давления, поддерживая психологическое благополучие.

Следует согласиться с Л.Х. Урусовой, что деятельность СМИ должна иметь исключительно положительное влияние на личность, что выражается в следующих функциях [6, с. 31]:

1. Информирование граждан по важным вопросам в сфере образования (школ, колледжей, университетов и академий);
2. Критика и контроль, которые осуществляются на основе общественного мнения и закона;
3. Призыв к активной службе, который побуждает людей брать на себя определенные политические действия или, наоборот, бездействия;
4. Инновации – инициирование политических изменений путем постановки основных проблем для власти и общественности;
5. Формирование общественных взглядов на ключевые сферы общественной жизни;
6. Оперативная функция, облегчающая политику определенных партий и общественных движений.

Однако, как мы можем заметить, наряду с положительным воздействием, СМИ оказывают негативное влияние на сознание и социализацию личности. Следовательно, средства массовой информации легко манипулировать человеческим сознанием, так как они оказывают влияние на процессы социализации путём изменения сознания индивида, его потребностей и интересов, ценностных ориентаций, нравов и морали. К негативному психологическому влиянию СМИ на личность можно отнести: отрицательное влияние рекламы на воспитание личности; вытеснение отечественной культуры, доминирование образцов западной массовой культуры; проблема «телевизионного насилия»; снижение интеллектуального и художественного уровня ряда передач и программ и др.

Итак, подводя итог вышеизложенному, на основе анализа научной литературы и синтеза рассмотренных исследовательских подходов, можно выделить некоторые психологические особенности влияния СМИ на личность человека:

1. Комплексное восприятие информационного потока. Реципиент учитывает фон подачи информации, эмоциональную и моральную составляющие, личность коммуникатора или источника информации и другие характеристики.

2. Формирование мотивации. Информационные потоки в зависимости от когнитивных элементов, потребностей, интересов, уровня интеллекта, особенностей восприятия, мышления, эмоциональной сферы, прошлого опыта и многого другого формируют мотивацию для принятия решения.

3. Влияние на убеждения и взгляды на жизнь. Например, негативная информация может вызвать страх, тревогу и депрессию.

4. Формирование восприятия других людей и культур. Например, стереотипы о других группах людей, увиденные в СМИ, могут повлиять на отношение к ним.

5. Использование метода подкрепления. СМИ способны побуждать аудиторию к выбору того или иного способа реагирования на тот или иной стимул, а применение этого метода на периодической основе в однотипных ситуациях способно формировать шаблонное поведение аудитории.

6. Важно учитывать, что влияние СМИ на личность индивидуально и зависит от многих факторов, в том числе возраста, пола, врождённого интеллекта, уровня образования, опыта, конкретных обстоятельств просмотра медиаконтента.

В заключение стоит подчеркнуть, что интерес к влиянию СМИ на человека и общество значителен для социальных наук и различных социальных групп, чьи выводы, к сожалению, не всегда подкреплены эмпирическими данными – зачастую это домыслы и упрощения, преувеличивающие воздействие СМИ. Хотя влияние СМИ на человека и общество является доказуемым и эмпирически проверенным фактом, описать характер этого влияния и доказать его природу часто бывает нереально. Неопределенность в отношении характера действия СМИ и этого механизма вытекает из разнообразия взглядов на СМИ и современной медиакommunikации, из постоянно меняющегося характера самих СМИ и, что не менее важно, из социальной природы самой медиакommunikации.

Список использованных источников

1. Анхимова, Р.В. Психологические особенности влияния СМИ на личность / Р.В. Анхимова // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 3–3. – С. 359–365.
2. Исаков, А.Е. Воздействие средств массовой информации на человека / А.Е. Исаков // Молодой ученый. – 2022. – № 27 (422). – С. 144–146.
3. Исаков, А.Е. Особенности влияния средств массовой информации на формирование внешнего облика / А.Е. Исаков // Молодой ученый. – 2022. – № 27 (422). – С. 146–148.
4. Мухина, Ю.И. Исследование взаимосвязи самооценки личности с удовлетворенностью внешним видом / Ю.И. Мухина // Гуманизация образования. – 2018. – № 4. – С. 90–96.
5. Остапчук, Я.В. Влияние средств массовой информации на психологическое состояние людей: советы психолога / Я.В. Остапчук // Статьи психологов. – 2023 – URL: <https://www.b17.ru/article/421114/> (дата обращения: 20.11.2024).
6. Урусова, Л.Х. Влияние средств массовой информации на формирование современной личности / Л.Х. Урусова // Право и управление. – 2023. – №3. – С. 30– 37.

СТЕНДАП КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ И ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Антонова Дарья Юрьевна
аспирант

Кыштымова Ирина Михайловна
д-р психол. наук, профессор
кафедры психологии образования и развития личности
Иркутский государственный университет (РФ, г. Иркутск)
(darya_a35@mail.ru)

В статье рассматриваются структурные компоненты креолизованного текста. Показаны характеристики стендап-комедии как креолизованного текста. Стендап как текст имеет внешнюю и внутреннюю структуру, единицы которой описаны в рамках психолингвистического подхода к изучению структурных компонентов креолизованного текста. Показана значимость психологического анализа стендап-комедии.

Ключевые слова: стендап, дискурс, юмористический дискурс, креолизованный текст.

STAND-UP AS A CREOLIZED TEXT AND AN OBJECT OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Antonova Darya Yuryevna
Postgraduate

Kyshtymova Irina Mikhailovna
Doctor of Psychology, Professor
Department of Psychology of Education and Personality Development
Irkutsk State University (Russian Federation, Irkutsk)
(darya_a35@mail.ru)

The article examines the structural components of a creolized text. The characteristics of stand-up comedy as a creolized text are shown. Stand-up as a text has an external and internal structure, the units of which are described within the framework of a psycholinguistic approach to the study of the structural components of a creolized text. The importance of psychological analysis of stand-up comedy is shown.

Key words: stand-up, discourse, humorous discourse, creolized text.

Влияние разных форм медиадискурса на сознание и поведение человека сегодня несомненно. За последнее десятилетие произошла популяризация сравнительно нового для российского населения юмора – стендап-комедии, что

подтверждается высокими рейтингами телепередач и выступлений стендап-комиков (по данным «Яндекс. Афиша» за 2024 год)². Несмотря на значимость и популярность нового вида комедии, научных исследований юмористических текстов в жанре стендап недостаточно. В современной науке нет универсального определения стендапа и, соответственно, отсутствует анализ структуры юмористического текста в этом жанре, который мог бы стать основанием психологического анализа выступлений стендап-комедиантов.

В самом широком и привычном смысле стендап – это особый комедийный жанр, где выступающий, чаще в форме монолога и реже - диалога, рассуждает на злободневные темы в смеховой форме. Для научного определения данная трактовка является заурядной и не позволяет установить научный статус понятия. В данном исследовании будет предпринята попытка охарактеризовать стендап-комедию как креолизованный текст и определить его структуру.

Понятие «креолизованный текст» возникло сравнительно недавно, под ним понимается текст, который одновременно содержит в себе изображение, музыку, динамичный видеоряд, иначе говоря – разномодальные образы. В современной науке существует четыре подхода к исследованию такого текста: лингвистический, семиотический, психологический и психолингвистический. В рамках данного исследования стендап – комедия как креолизованный текст будет рассмотрена в пределах психолингвистического подхода.

Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин определяют креолизованный текст, как «текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)) [6]. Исходя из данного определения, к креолизованным текстам можно отнести рекламные баннеры и плакаты, фото с подписью, кинофильмы, видеозаписи, обложки газет, журналов и многое другое. Важным компонентом при анализе креолизованного текста выступает «условное» разделение на две составляющие: вербальная (словесная) часть

² <https://afisha.yandex.ru/info/show>

текста отвечает за воздействие на рациональную составляющую психики, а невербальная (изобразительная) часть отвечает за эмоциональную сферу личности [3]. Таким образом, анализ любого креолизованного текста требует двухпланового подхода.

Исследователи креолизованного текста при описании его структуры выделяют внешние и внутренние структуры, которые будут актуальны для любого креолизованного анализируемого объекта. Необходимо внести уточнения в описание структуры креолизованного текста. Демонстрируя принадлежность к данному понятию, авторы показывают структуру на разнообразных примерах: от рекламного баннера до кинематографа. Соответственно, для каждого вида креолизованного текста структура будет характеризоваться своими особенностями. Различие между устным и письменным текстом в рекламных роликах и изображениях определяет специфику анализа, предметом которого становятся презентованные в разных модальностях смыслы.

Мы провели анализ структуры выступления русскоязычного стендап-комика – Юлии Ахмедовой, которое рассматривалось как креолизованный текст³. При этом были использованы критерии анализа, предложенные разными исследователями [4,6]. Анализ креолизованного текста предполагает исследование его внешней и внутренней структуры. При описании внешней структуры креолизованного текста О.В. Пойманова характеризует тексты по следующим критериям:

1) степень гетерогенности:

- нулевая (вербальный или иконический текст) / ненулевая (сочетание вербального и иконического текстов);

2) характер иконичности компонента:

³ <https://rutube.ru/video/e65cea1b097113059843e7f0baf6c6ba/?ysclid=m3wewkn5v1527299759>

- статичный / динамичный;

3) характеристика вербального компонента:

- устный / письменный

- использование одного естественного языка / нескольких естественных языков [4].

Основываясь на внешней структуре креолизованного текста, можно сказать, что анализируемое выступление Ю. Ахмедовой, как и любое стендап-выступление, будет являться: нулевым, динамичным, устным, а критерий числа использования естественных языков может варьироваться в зависимости от владения несколькими языками выступающего и слушателей. В данном выступлении комик использовал один естественный язык.

О.В. Пойманова разработала собственную типологию видеовербальных текстов на основе роли невербального компонента в структуре текста [4]. Автор предлагает следующую классификацию текстов по соотношению объема информации, переданной различными знаками, и по роли изображения:

- а) репетиционные – изображение повторяет вербальный текст;

- б) аддитивные – изображение привносит значительную дополнительную информацию;

- в) выделительные – изображение подчеркивает и усиливает какой-то аспект вербальной информации, которая по своему объему значительно превосходит невербальную;

- г) оппозитивные – содержание, переданное картинкой, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе чего возникает комический эффект [5].

Стендап-комедия принадлежит к оппозитивному креолизованному тексту, при этом у стендап-комиков невербальный и вербальный компонент часто находятся в оппозиции. Например, в выступлении Ю. Ахмедовой противоречие зафиксировано в следующих интервалах монолога: «... *это моя жена, и охранник*: - «*Ну води ее домой, там и бей...*» (смеховой эффект). Текстовый отрывок в данном монологе можно охарактеризовать как склонение к

насильственному действию, при этом мимика выступающего транслировала вместо страха и враждебности – нейтральное и скептическое выражение лица. В отрывке «... в тот момент, когда он сказал, что это моя жена, – я так обрадовалась (смеховой эффект), это значит, что он хочет сделать мне предложение, возможно, он сейчас пробьет моей головой стену, а там кольцо...» (смеховой эффект). Так же, как и в прошлом отрывке, выступающий вербально транслирует насильственные деяния, но при этом мимика выражает радость и счастье.

Таким образом, к анализу внешней структуры креолизованного текста будут отнесены вербальный, иконический и аудиальный компоненты. Единообразия анализа выделяемых структурных компонентов нет, различные авторы используют критерии в зависимости от целевых установок анализа и особенностей самого анализируемого текста.

Особый интерес представляет анализ внутренних компонентов структуры креолизованного текста. Соотношение и взаимосвязи вербальной и невербальной информации раскрыты в классификации С.Д. Зауэрбир:

- а) параллельная корреляция – содержание невербальной и вербальной частей совпадают;
- б) комплементарная – анализируемые части частично перекрывают друг друга;
- в) субститутивная – невербальная информация замещает вербальную;
- г) интерпретативная – между частями нет прямых точек соприкосновения, и связь устанавливается на ассоциативной основе [3].

При анализе стендап-выступлений корреляции могут меняться, так как исследуемый объект динамичен. В некоторых отрывках монолога Ю.Ахмедовой наблюдается переход от параллельной корреляции к комплементарной. Например, в отрывке «...с подругами проще, да, тебя бросили, подругу, вы выпили вина, взяли торт – все, жизнь карнавал! Вот меня один раз в пост бросили, вот это была жесть, потому что капуста салат и греча, вообще не добавляют радости в жизни. Так что, мужики, будьте людьми – хочешь ее

бросить, не бросай в пост – дождись светлого праздника Пасхи (смех): приди и скажи: «Христос Воскрес, а я пошел – до свидания!» (смех и уход со сцены). В приведенном текстовом отрывке со слов «...с подругами...» до слов «...карнавал...» зафиксирована параллельная корреляция (текстовая и невербальная составляющие полностью совпадают). Далее указанный тип связи меняется на комплементарную. В монологе выступающего зафиксировано превосходство невербальной части над текстовой: текстовая информация транслировала циничный, жестокий и кощунственный подход к православной религии, при этом выражение лица говорящей выражало озарение, хитрость и коварство, что усилило смеховой эффект. Также важным элементом превосходства выступил уход со сцены, однако в этот отрезок времени выступающий уже проговорил текст, а смеховой эффект был получен после ухода со сцены, что подтверждает комплементарную корреляцию.

Как и внешняя структура, внутренняя не имеет единого подхода к своему изучению. При этом ключевыми элементами структуры анализа креолизованного текста выступают: смысловое единство компонентов, характер взаимодействия единиц, категория информативности, сильная позиция и др. [3].

Таким образом, опираясь на характеристику структурных элементов креолизованного текста, можно сделать вывод о том, что стендап-комедия может считаться полноправным креолизированным текстом. Использование структуры стендапа как текста помогает установить позицию говорящего к говоримому, оценить возможные смеховые реакции слушающего, которые были вызваны оппозиционными отношениями. Зачастую юмор стендап-комика носит циничный характер при высмеивании злободневных тем. Благодаря анализу структуры появляется возможность обосновано предположить характер восприятия потребителями стендап-контента той текстовой и визуальной информации, которая оказывает несомненное влияние на сознание и поведение человека. Понимание стендап – комедии как креолизованного текста дает основание для создания и реализации алгоритма психологического анализа

выступлений стендап-комедиантов с целью определения их психологического потенциала – особенностей воздействия на аудиторию.

Список использованных источников

1. Вербицкая, О.Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе: На материале английского языка: дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Иркут. гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2005. – 190 с.
2. Иванова, С.А. Особенности формирования прагматического потенциала выступлений в жанре «Стендап-комедия» / С.А. Иванова, Н.Г. Вельдина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №3. – С. 141-144.
3. Моисеева, И.Ю. Психолингвистическое исследование структуры креолизованного текста: монография / И.Ю. Моисеева, Э.П. Аргунеев. – Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург : ОГУ, 2018. – 97 с. – ISBN 978-5-7410-2117-0
4. Пойманова, О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: специальность 10.02.12 «Филологические науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пойманова Ольга Валентиновна; Учреждение образования «Моск. гос. лингвистический ун-т». – Москва, 1997. – 24 с.
5. Решетарова, А.М. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии / А.М. Решетарова // Вестник Донецкого Национального Университета. Серия Д: филология и психология. – 2020. – №2. – С. 108-111.
6. Сорокин, Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : Наука, 1990. – С. 180-186.

НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛИЯНИИ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ОБРАЗОВ НА ДЕТЕЙ

Атутова Любовь Львовна

магистрант 2 курса

(Atutova29@mail.ru)

Кыштымова Екатерина Сергеевна

канд. психол. наук

доцент кафедры рекламы и связей с общественностью

Иркутский государственный университет

(РФ, г. Иркутск) (Lread@mail.ru)

Статья посвящена проблеме влияния мультфильмов на эмоциональное и социальное развитие детей, начиная с раннего возраста. Мультфильмы не только развлекают, но и формируют у детей восприятие мира, систему ценностей и модели поведения. Проведено исследование популярного мультсериала «Буба» на детей дошкольного возраста. Для определения транслируемых мультфильмом смыслов и особенностях его воздействия на детей применялся метод имманентного анализа. Определено, что образ Бубы характеризуется привлекательностью, при этом отсутствие речевых элементов в диалогах персонажей и использование нечленораздельных звуков могут ограничивать развитие языковых навыков у зрителей и затруднять становление навыков социального взаимодействия. визуальная перегрузка, вызванная яркими и быстро меняющимися цветами может вызывать у детей чувство беспокойства и отвлечения от содержания. Подчеркнута необходимость осознанного подхода родителей к выбору мультфильмов для своих детей, чтобы минимизировать потенциальные негативные последствия медиаопосредствованной коммуникации.

Ключевые слова: Влияния медиа, мультфильмы, дети дошкольного возраста, мультфильм «Буба», имманентный анализ.

SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE INFLUENCE OF CARTOON IMAGES ON CHILDREN

Atutova Lyubov Lvovna

2nd year master's student

(Atutova29@mail.ru)

Kyshtymova Ekaterina Sergeevna

Ph.D. in Psychology

Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations

Irkutsk State University

(Russian Federation, Irkutsk) (Lread@mail.ru)

This work is devoted to the study of the influence of cartoons on the emotional and social development of children, starting from an early age. Based on the data of

sociologists, watching animation has become one of the most common activities among preschoolers. Cartoons not only entertain, but also form children's perception of the world, a system of values and behaviors. Based on this, we decided to consider the impact of the animated series "Booba" on preschool children, emphasizing its popularity and relevance in the modern children's media space. Using the method of immanent analysis, the meanings broadcast by the cartoon are revealed, as well as the mechanisms of their impact on children. It has been established that Booba's image itself is attractive. But the lack of speech elements in the characters' dialogues and the use of inarticulate sounds can limit the development of language skills in viewers and complicate social interactions. The issue of visual overload caused by bright and rapidly changing colors is also raised, which can cause children to feel anxious and distracted from the content. The work emphasizes the need for a conscious approach on the part of parents to choose cartoons for their children in order to minimize potential negative consequences and ensure the harmonious development of the child.

Key words: Media influences, cartoons, preschool children, cartoon «Booba», immanent analysis.

Согласно представленным в научной литературе данным [4; 8], просмотр мультфильмов в настоящее время является наиболее распространенным занятием детей, начиная с раннего возраста, и от 20 до 40% всего свободного времени ребенок-дошкольник проводит у экрана телевизора или компьютера за просмотром мультфильмов. Мультфильмы – это неотъемлемая часть детского досуга, привычная и знакомая форма развлечения детей на протяжении многих десятилетий. Причины, по которым дети охотно смотрят мультфильмы, многообразны. Во-первых, анимация создает яркие и красочные миры, которые привлекают внимание детей. Животные, персонажи и сказочные существа, представленные в мультфильмах, наполняют экран жизнью и обладают характерными чертами, что помогает детям устанавливать эмоциональную связь с героями. Дети дошкольного возраста воспринимают виртуальный мир как настоящий, а героев мультфильмов как реальных. Поскольку ребенок идентифицирует себя с персонажами мультфильмов, у него формируется их восприятие мира, система ценностей и особенности поведения. Исходя из этого, ученые делают выводы о том, что мультфильмы, в которых герои демонстрируют деструктивные модели поведения, негативно влияют на развитие детей. При этом отмечается, что «хорошие» мультфильмы можно

эффективно использовать в образовательных и воспитательных целях [2]. Стремление детей к приключениям и открытию нового делает мультфильмы особенно увлекательными, так как они предлагают уникальные истории, которые способствуют воображению и фантазии. Фильмы часто несут в себе важные уроки и транслируют значимые ценности, такие как дружба, честность, смелость и сострадание. События часто рассматриваются через призму комедийного сюжета, что делает их увлекательными и доступными для понимания юных зрителей. Кроме того, мультфильмы становятся мощным инструментом социализации. При этом значительная часть фильмов, которые сейчас являются популярными, могут провоцировать агрессию, негативно влиять на интеллектуальное и эмоциональное развитие детей. Поэтому исследования влияния телевизионных медиапродуктов на их потребителей становятся все более активными.

В работе И. М. Кыштымовой и соавторов «Мультипликационный образ матери, особенности его восприятия младшими школьниками и коррекция в процессе медиаобразования» [5] делается акцент на восприятии младшими школьниками образа матери в анимации. В рамках данного исследования был проведен психологический анализ трех мультфильмов: «Чуня» (СССР), «Барбоскины» (Россия) и «Свинка Пеппа» (Великобритания). Авторы подчеркивают, что мультипликационные персонажи могут формировать у детей как положительные, так и отрицательные стереотипы, влияя на их поведение и восприятие мира. Полученные данные позволили заключить, что дети воспринимают события медийного мира как реальные, и их реакция на них опосредована в большей степени эмоционально, чем когнитивно. На основе психологического анализа медиатекстов сделано заключение о том, что развивающим потенциалом характеризуется только мультфильм «Чуня», а «Сама невинность» и «Мама Свинка работает» в силу их формальных и семантических особенностей могут приводить к негативным психическим изменениям у маленьких зрителей.

Авторы исследования восприятия ценностно-смыслового кода образов героев анимационного дискурса [1] изучали понимание детьми и молодежью кодов, заложенных в поведении персонажей популярных мультфильмов: «Ну, погоди!» и «Том и Джерри». Данное исследование показало, что жанр анимации с его формой смеховой культуры может нивелировать разницу в восприятии и оценках детьми младшего школьного возраста поведения героев с позиции нравственной нормы. Просмотр детьми мультфильмов необходимо сопровождать обсуждением с участием взрослых поступков героев и комментариями их нравственно-этической сути.

Авторами проведен глубинный психологический анализ детских медиатекстов, который позволяет учитывать множество факторов, влияющих на детское восприятие мультфильмов, включая особенности их нарратива, вербальные и визуальные компоненты. Также было оценено, насколько доступен художественный мир, представленный в этих анимационных произведениях, для понимания детьми. Таким образом, просмотр мультфильмов, которые несут в себе деструкцию, может стать источником серьезных проблем для детей. Перспективным и насущно необходимым представляется дальнейшее исследование контента и влияния на детей мультфильмов, фильмов и других продуктов культуры, в частности транслируемых по каналам телевидения, интернета и других медиа.

В данное время популярностью у детей дошкольного возраста пользуется мультсериал «Буба», возрастная маркировка которого «0+» и он описывается авторами как фильм о безграничном любопытстве и веселых приключениях неуклюжего, но очаровательного существа Бубы, которое открывает для себя современный мир, изучает его с радостью и удивлением. Позитивная презентация, как и возрастная маркировка, располагает родителей к выбору этого фильма для просмотра детьми. На сайте YouTube, на канал Бубы подписаны 5,29 миллионов человек. Каждая серия набирает несколько миллионов просмотров, что позволяет сделать вывод о том, что данный мультсериал является в настоящее время популярным и актуальным. Для

построения гипотез о потенциальном влиянии мультфильма на детей мы использовали метод имманентного анализа [6], который определен как анализ, «не выходящий за пределы того, о чем сказано в тексте» [3, с. 8], что позволяет минимизировать субъективность интерпретатора.

Объектом нашего исследования послужила одна из серий мультсериала «Буба» - «Изобретатель». Целью психологического анализа является выявление транслируемых медиатекстом смыслов, механизма их трансляции, определение степени психологической безопасности и развивающего потенциала медийного продукта.

В процессе анализа определено, что мультипликационный образ Бубы красивый и приятный для детского восприятия. Внешность для детей имеет особое значение, положительные герои симпатичны или даже красивы. Белая шерсть, округлые, мягкие очертания Бубы делают его визуально привлекательным, актуализирует ассоциации с мягкостью, радостью, дружелюбием и безобидностью. Большие, прорисованные глаза позволяют детям легко идентифицировать себя с персонажем.

В простом и коротком сюжете 96 серии «Буба – Изобретатель» герой мультфильма старается изобрести для каждого из друзей удивительную машину – помощника и делает это из подручных материалов. Серия длится 6 мин. 20 сек., за это время сменяется 125 эпизодов, происходящие на экране действия нелогичны, хаотичны и очень быстры. Во всей серии Буба транслирует – это непрерывный поток неразумных и неоправданных действий, беготни, неуклюжих движений, спотыканий, падений с высоты. Такая скорость очевидно превышает ресурс сознания детей, не позволяя им осознанно воспринимать информацию и провоцируя измененные состояния сознания.

Анализируемый фильм характеризуется высоким качеством компьютерной анимации, при этом цвет является сильным раздражителем для зрительного восприятия ребенка: в мультфильме «Буба – Изобретатель» яркие насыщенные цвета красного, желтого, зеленого, голубого, оранжевого и быстро меняющихся оттенков способствуют визуальной перегрузке и напряжению,

могут вызывать у детей беспокойство или усталость. Музыка соответствует игривому настроению героя, присутствует также сложное звуковое сопровождение: рычание, мычание главных героев.

Во всей серии Буба и его друзья издают лишь нечленораздельные звуки, чтобы выражать свои эмоции, общаются жестами. Отсутствие речи может приводить к негативным последствиям для детей, ограничивать возможность развивать языковые навыки, понимание коммуникации и формирование навыков социальных взаимодействий

Анализ мультсериала «Буба» показал, что несмотря на его популярность среди детей дошкольного возраста и привлекательный визуальный образ главного героя Бубы, данный медийный продукт имеет особенности, которые могут негативно сказаться на развитии маленьких зрителей. Отсутствие четкой речевой коммуникации у персонажей и использование нечленораздельных звуков могут влиять на задержку формирования языковых навыков, а быстро меняющиеся картинки с яркими цветами способствуют «превышению ресурса сознания» [7] ребенка при восприятии так презентованной информации. Таким образом, мультсериал «Буба» обуславливает неправомерность официальной адресации мультфильма «0+».

Родителям стоит уделять внимание контенту, который потребляют их дети, чтобы избежать возможных негативных последствий для их психозэмоционального и интеллектуального развития. Исследование подчеркивает важность комплексного подхода к анализу детского медиа, учитывающего не только развлекательные, но и развивающие аспекты мультипликационного дискурса. Важно, чтобы мультфильмы, адресованные детям, не только развлекали, но и способствовали их гармоничному развитию и социальной адаптации.

Список использованных источников

1. Аникеева, Т.Я. Ценностно-смысловые культурные и цивилизационные коды в анимационном дискурсе (на примере восприятия школьниками американского и отечественного мультфильмов) / Т.Я. Аникеева, Л.В. Матвеева, Ю.В. Мочалова // Человек в информационном

пространстве: сборник научных статей, Ярославль, 14-16 ноября 2019 года / под общ. ред. Т.П. Курановой. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2019. – С. 20-27.

2. Аттард, Р., Кремона, Г. Влияние мультфильмов на представления детей младшего школьного возраста о социальной реальности: этнографическое исследование в мальтийской начальной школе / Р. Аттард // Образование 3-13. – 2021. – Т. 50, № 3. – С. 329–347.
3. Гаспаров, М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах / М.Л. Гаспаров. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 504 с.
4. Готовность родителей к регуляции вовлеченности дошкольников в медиапотребление // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: матер. VIII межд. науч. конф. – Красноярск, 24-27 сентября 2024. – С. 82-87.
5. Кыштымова, И.М. Мультипликационный образ матери, особенности его восприятия младшими школьниками и коррекция в процессе медиаобразования / И. М. Кыштымова, Л.В. Матвеева, Л.В. А.А. Дейнеко // Меняющиеся общества и личности. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 405–421.
6. Кыштымова, И.М. Психологическая безопасность в информационном пространстве: имманентный анализ текста и его семантика / И.М. Кыштымова // Психология в экономике и управлении. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 17–23.
7. Пронина, Е.Е. Психология журналистского творчества / Е.Е. Пронина. – 2-е изд. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 320 с. – ISBN 5-211-04533-5.
8. Собкин, В.С. Мультфильм как средство социально-психологического анализа морально-нравственного развития ребенка / В.С. Собкин // Социология дошкольного воспитания. – Москва : ЦСО РАО, 2006. – С. 73-101.

УДК 316.6

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Воскресенская Наталья Геннадьевна

канд. психол. наук

доцент кафедры социально-политических коммуникаций

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

(РФ, г. Нижний Новгород) (navoskr@mail.ru)

В исследование рассматриваются гендерные особенности вовлеченности в компьютерные игры, выявленные среди студентов первых-вторых курсов в процессе проведения интернет-опроса (387 студента, из них 192 девушки).

Игровая деятельность чаще воспринимается девушками через идентификацию с персонажами, позволяя в игре проживать чужую жизнь, тогда как для юношей игра в большей степени направлена на достижение успеха через преодоление препятствий, что дает ощущение собственной компетентности.

Ключевые слова: вовлеченность, компьютерные игры, гендер, игровая деятельность.

INVOLVEMENT IN COMPUTER GAMES AS PERCEPTED BY STUDENTS: GENDER ASPECT

Voskresenskaya Natalia Gennadievna

PhD in Psychology

Associate Professor of the Department of Social and Political Communications

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

(Russia, Nizhny Novgorod) (navoskr@mail.ru)

The study examines gender characteristics of involvement in computer games, identified among first- and second-year students during an online survey (387 students, including 192 girls). Girls often perceive gaming activity through identification with characters, allowing them to live someone else's life in the game, while for young men the game is more aimed at achieving success through overcoming obstacles, which gives a sense of their own competence.

Key words: involvement, computer games, gender, gaming activity.

Вовлеченность в компьютерные игры находится в ракурсе исследовательского внимания специалистов самых разных сфер деятельности, помогая прояснить критерии популярности игрового контента, возможность использования успешных игровых технологий в продвижении идей и продуктов деятельности, способы совершенствования педагогических практик, риски формирования и пути пресечения деструктивных форм поведения.

Само понятие вовлеченности часто отождествляют с «ощущением потока», описанном в теории Михая Чиксентмихайи, который рассматривал это состояние как удовлетворенность, возникающую при погружении в какую-либо деятельность, сопряженную с потерей чувства времени и своего Я и восприятием процесса деятельности как награды [1, 8]. Ощущение потока неоднократно исследовалось психологами, в том числе в контексте возникновения зависимости от видеоигр, хотя выводы относительно роли видеоигр в росте зависимого

поведения до сих пор являются предметом дискуссий [6]. В гейминге также выделяют термин «пространственное присутствие» – более глубокий уровень погруженности в игру, заставляющий в ней раствориться. В настоящее время существуют комплексные технологии виртуальной реальности, позволяющие наиболее остро ощущать эффект присутствия за счет воздействия визуальными стимулами, звуком и даже осязанием – например, вибрация от звука шагов приближающегося монстра.

Исследователи отмечают, что для пространственного присутствия важны не только детальный, проработанный мир, но и предметный интерес - термин, введенный Хофером, обозначающий насколько предмет, сеттинг, тематика и другие аспекты игры привлекают игрока [7]. Так, исследования Хофера показывают, что, если что-то вызывает особый интерес у игрока, это приводит к усилению вовлеченности и более полному погружению в виртуальный мир. Заинтересованность в том или ином игровом контенте во многом связана с гендерной предрасположенностью, при этом многие специалисты, исследующие проблемы гендера, отмечают, что на игровые предпочтения в большей степени играют не биологические особенности игроков, а социальные.

Гендерные игровые предпочтения начинают формироваться в дошкольном возрасте, определяя в дальнейшем как разницу времени, проводимом за компьютерными играми (так многими исследователями констатируется наличие «гендерного разрыва» в количестве вовлеченных в компьютерные игры мужчин и женщин с приблизительным соотношением 4 к 1) [3], так и различия при выборе игровых жанров [9]. Вместе с тем некоторые исследования позволяют говорить о тенденциях к феминизации молодежного игрового сегмента и возрастных изменениях в жанровых предпочтениях (особенно у женской аудитории) [4].

Исследование, проведенное нами в 2023 году среди студентов младших курсов ИМОМИ (опрошено 192 девушек и 184 юноши), с одной стороны, показывают различие в игровых аттрактивах у девушек и юношей, с другой позволяет говорить о том, что в определенных ситуациях игра у девушек может вызывать большую вовлеченность, чем у юношей. Последнее мы связываем с

большей склонностью девушек идентифицировать себя с игровыми персонажами, что влияет на качество погружения в игру, и по-видимому, связано с большей склонностью девушек-игроков к эскапизму, что отмечают и другие исследователи [3].

В ходе исследования студентам предлагалось ответить на вопросы анкеты с использованием шкалы осознанности Лангера [5], а также на вопросы, сформулированные в результате фокусированных интервью со студентами об особенностях их игровых пристрастий [2]. При обработке результатов использовались критерии значимости различий (Н-критерий Крускала-Уоллиса и U-критерий Манна-Уитни). Группами сравнения выступали юноши и девушки играющие периодически или постоянно, что измерялось средним количеством игровых часов в неделю.

Выявлено, что девушки и юноши значительно отличаются по количеству времени, проводимом за компьютерными играми ($p > 0,001$). 80% из опрошенных девушек играют время от времени (менее 3-х часов в неделю), а 20% - играют регулярно. Напротив, среди юношей выявлено 34% редко играющих и 68% играющих на постоянной основе. Анализ результатов позволяет говорить, что для девушек при восприятии игры в фокусе внимания находится персонаж, тогда как у юношей – игровая механика.

Среди игровых персонажей девушки чаще выбирают героев, которые должны проводить расследование («Детектив»: девушки $M=3,40$; $SD=3,07$; юноши $M=2,58$; $SD=2,77$; $p < 0,01$) или что-нибудь создавать («Создатель»: девушки $M=3,06$; $SD=2,53$; юноши $M=2,31$; $SD=2,57$; $p < 0,05$), а при выборе антагонистов чаще хотят видеть высшие силы (девушки $M=2,94$; $SD=2,79$; юноши $M=2,31$; $SD=2,53$; $p < 0,05$) или вовсе не иметь врагов (девушки $M=1,72$; $SD=2,12$; юноши $M=1,20$; $SD=1,71$; $p < 0,05$). Девушки не только придают особую важность развитию своего героя (девушки $M=5,42$; $SD=1,94$; юноши $M=5,23$; $SD=1,64$; $p < 0,05$), но и более болезненно переживают его «смерть», выше юношей ценя в игре возможность возродиться в определённой точке и времени игрового пространства (девушки $M=4,64$; $SD=2,05$; юноши $M=4,23$; $SD=1,66$;

$p < 0,01$), дают более подробные характеристики идеальных героев, высоко оценивая такие качества героев как разум (девушки $M=1,17$; $SD=1,50$; юноши $M=0,92$; $SD=1,29$; $p < 0,01$) и доброта (девушки $M=1,02$; $SD=1,39$; юноши $M=0,66$; $SD=1,23$; $p < 0,01$), а у антагонистов - безумие (девушки $M=0,79$; $SD=1,54$; юноши $M=0,43$; $SD=1,29$; $p < 0,05$) – демонстрируя тем самым большую склонность к вычерчиванию в игровой реальности границ «свой-чужой», что может говорить о большей идентификацией с персонажем. Острая боязнь поражения героя заставляет девушек с осторожностью относиться к новым версиям игры (юноши: $M=2,65$; $SD=2,52$; девушки: $M=1,92$; $SD=2,13$; $p < 0,05$), предпочитая знакомую механику и особо ценить способности героя побеждать (девушки - $M=1,48$; $SD=1,39$; юноши - $M=0,91$; $SD=1,15$, $p < 0,01$). При этом обнаружено, что регулярно играющие девушки чаще юношей склонны не замечать во время игры, чем занимаются другие люди (регулярно играющие девушки: $M=3,46$; $SD=2,59$; регулярно играющие юноши: $M=1,92$; $SD=2,25$; $p < 0,01$). У регулярно играющих девушек (в отличие от периодически играющих) характерен определенный консерватизм, проявляемый в приверженности одной игре (мало играющие девушки: $M=3,00$; $SD=2,80$; регулярно играющие девушки: $M=3,50$; $SD=2,63$; $p < 0,01$), а также более высокие обобщенные показатели осознания себя в игре по сравнению с мало играющими девушками (мало играющие девушки: $M=2,06$; $SD=1,89$; регулярно играющие девушки: $M=2,93$; $SD=2,05$; $p < 0,05$).

Юноши в играх ценят возможность решать боевые задачи и сражаться с врагом (юноши $M=4,78$; $SD=1,61$; девушки $M=3,36$; $SD=1,99$; $p < 0,001$), проводить виртуальные соревнования (юноши $M=4,17$; $SD=1,93$; девушки $M=3,28$; $SD=1,88$; $p < 0,001$), заниматься управлением и (или) добычей ресурсов (юноши $M=4,73$; $SD=1,61$; девушки $M=4,16$; $SD=1,91$; $p < 0,01$), становиться участником событий, относящихся к определенному историческому периоду (юноши $M=4,67$; $SD=1,98$; девушки $M=3,78$; $SD=1,99$; $p < 0,001$), работать в команде при прохождении разных уровней (юноши $M=4,11$; $SD=1,96$; девушки $M=3,32$; $SD=1,88$; $p < 0,001$). Они чаще в своих предпочтениях выделяют игры, в основе успешного прохождения которых лежит быстрая реакция игрока на внезапные события (юноши $M=4,26$;

SD=1,66; девушки M=3,73; SD=1,83; $p<0,01$), а само прохождение требует много времени (юноши M=4,42; SD=1,53; девушки M=4,02; SD=1,68; $p<0,05$). Таким образом, юноши склонны отмечать характеристики, свойственные играм в онлайн-формате, шутерам и стратегиям. При этом, если у девушек вовлеченность усиливается вместе с количеством времени, проводимом за компьютерными играми (не регулярно играющие девушки: M=2,06; SD=1,89; регулярно играющие девушки: M=2,93; SD=2,05; $p<0,05$), то у юношей статистически значимой взаимозависимости не отмечалось.

Таким образом, игровая деятельность чаще воспринимается девушками через идентификацию с персонажами, позволяя в игре проживать чужую жизнь, тогда как для юношей игра в большей степени направлена на достижение успеха через преодоление препятствий, что дает ощущение собственной компетентности. Вовлеченность в игру регулярно играющих девушек выше, чем у юношей, при том, что в количественном соотношении игроков обоего пола отмечается гендерный разрыв игроков в пользу юношей.

Список используемой литературы

1. Войскунский, А.Е., Общение и «опыт потока» в групповых ролевых интернет играх / А.Е. Войскунский, О.В. Митина, А.А. Аветисова // Психологический журнал. – 2005. – №26(5). – С. 47-63.
2. Воскресенская, Н.Г. Привлекательность компьютерных игр с точки зрения модели базовых человеческих ценностей С. Шварца / Н.Г. Воскресенская // Вопросы психологии. – 2023. – Т. 69. – № 6. – С. 78-88.
3. Галанина, Е.В. Гендерные исследования видеоигр / Е.В. Галанина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2023. – № 52. – С. 25-38.
4. Елютина, М.Э. Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр / М.Э. Елютина, А.А. Неруш // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 4-13.
5. Лангер, Э. Осознанность [Текст] : [ошеломляющие исследования сознания : 16+] / Элен Лангер ; [пер. с англ. М. Табенкина]. – Москва : Э, 2017. – 237с. – ISBN 978-5-699-94164-3.

6. Andrade, M. J., & Pontes, H. M. A brief update on videogame play and flow experience: From addiction to healthy gaming / M.J. Andrade, H.M. Pontes. // Mental Health and Addiction Research Journal. – 2017. - № 2(1). P. 1–3.
7. Hoffer M. Structural Equation Modeling of Spatial Presence: The Influence of Cognitive Processes and Traits / M. Hoffer, W. Wirth, R. Kuehne, A. Sacau // Media Psychology. – 2012. – № 15 (4). – P. 373-395.
8. Olson, C. K. Children's motivations for video game play in the context of normal development / C.K. Olson // Review of General Psychology. – 2010. – № 14(2). P. – 180–187.
9. Yee N. Beyond 50/50: Breaking Down The Percentage of Female Gamers by Genre / N. Yee // Quantic Foundry. January 19th 2017. – URL: <https://quanticfoundry.com/2017/01/19/female-gamers-by-genre/> (дата обращения: 12.04.2024).

УДК 159.9

ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

***Гнутова Анастасия Олеговна**
ассистент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(e-mail: a.gnutova.dongu@mail.ru)*

В статье говорится об актуальности изучения интернет-среды, как фактора, влияющего на формирование личности современного человека. Опираясь на теоретические исследования, сделана попытка раскрыть содержание понятия виртуальной идентичности. Проанализированы подходы разных авторов к соотношению реальной и виртуальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, виртуальная идентичность, сетевая идентичность.

THE PHENOMENON OF VIRTUAL IDENTITY: A MODERN VIEW OF THE PROBLEM

***Gnutova Anastasia Olegovna**
Assistant of the Department of General Psychology
Donetsk State University (RF, Donetsk)
(e-mail: a.gnutova.dongu@mail.ru)*

The article talks about the relevance of studying the Internet environment as a factor influencing the formation of a modern person's personality. Based on theoretical

research, an attempt is made to reveal the content of the concept of virtual identity. The approaches of different authors to the correlation of real and virtual identity are analyzed.

Key words: identity, virtual identity, network identity.

Исследование идентичности традиционно проводится в области социально-гуманитарного знания: психологии, социологии, философии. Тем не менее, именно психологическая наука призвана проанализировать вопрос идентичности в свете трансформаций личности, вызванных виртуализацией социальной жизни, которая активно набирает обороты в последние десять лет в условиях растущего информационного пространства.

Сегодня в развитых странах социальность во многом формируется информационными сетями, и их влияние на развитие общества возрастает, приобретая глобальный характер. В таких условиях осознание собственной идентичности становится опорой человека в попытке упорядочить жизнь, а неспособность чувствовать эту опору сама по себе может рассматриваться как симптом дезидентификации с обществом, или другими словами, кризис идентичности, который является индикатором глобальных проблем функционирования социальной системы в целом.

Идентичность формируется и развивается на пересечении социальной и личной реальности, представляя собой их противоречивое единство. Изучение этого феномена позволяет психологии лучше понять особенности функционирования современного общества. Анализ самоидентификации личности в условиях виртуализации общества помогает осознать её механизмы, поскольку в каждом человеке воплощается целый социальный контекст.

В то же время социально-психологический аспект виртуальности недостаточно проработан: во многих работах утверждается, что масштаб исследований в рамках данной проблемы не соответствует масштабу самого явления. Виртуальная реальность не просто открывает для нас новые возможности для совместного существования — она стала тем измерением социальной действительности, которое неизбежно охватывает каждого, кто пользуется современными коммуникационными технологиями. С одной

стороны, их постоянное развитие приближает нас к реальному миру (например, технологии 5-D), а с другой — выводят за его пределы (как это происходит с технологиями, имитирующими опыт). Это создает сложности в теоретическом осмыслении виртуального пространства и в понимании механизмов, по которым функционируют человек и общество в рамках этой уникальной реальности.

Таким образом, можно сказать, что работы в этой области необходимы для определения ориентиров, как методологических, так моральных и идеологических, во все более ускоряющемся процессе трансформации социальной инфраструктуры.

Идентичность индивида представляет собой «динамически изменяющуюся совокупность представлений о себе, возникающих в процессе самопознания и в результате взаимодействия с лицами, значимыми для данной личности» [6]. Влияние интернета на современное общество способствует формированию уникальных, относительно независимых аспектов идентичности [2], что придаёт специфические черты эго-идентичности и позволяет утверждать о наличии в структуре подлинной идентичности новой подкатегории — виртуальной идентичности. Она формируется из элементов интерфейса онлайн-пространства, предназначена для самовыражения в сети и отражает целостность и идентичность личности в виртуальной реальности [1]. С учетом различий между виртуальной и реальной средами, последняя имеет свою уникальную субкультуру, включающую нормы, ценности и традиции пользователей социальных платформ [5]. Субкультура пользователей социальных сетей значительным образом влияет на формирование виртуальной идентичности. Эти обстоятельства обуславливают качественно-своеобразные различия эго-идентичности с различной степенью выраженности компонента виртуальной идентичности. Наличие таких качественно-своеобразных различий служит стимулом к рассмотрению этого компонента идентичности как самостоятельного вида идентичности: сетевой, виртуальной, альтернативной и проч., описания которых нередко встречаются на страницах научных изданий (М. Бэк, Р. Уилсон, Н. Дёринг, И.В. Костерина, А.Е. Войскунский, О.Н. Астафьева).

В современном психологическом дискурсе можно выделить несколько мнений относительно соотношения подлинной идентичности личности и идентичности, формируемой в цифровом пространстве.

В научных работах таких авторов, как А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименко и Н.Ю. Федунина, виртуальная идентичность рассматривается как своего рода эксперимент с реальной идентичностью, а также как возможность создания альтернативной идентичности.

А.Е. Войскунский и его коллеги предлагают четко разграничить термины «виртуальная» и «сетевая идентичность». Они считают, что «виртуальная идентичность» должна употребляться для описания онлайн-активностей, связанных исключительно с использованием технологий виртуальной реальности. Это включает в себя виртуальные миры, создаваемые с помощью программ компьютерной графики и отображаемые через специальные устройства, такие как шлемы, наушники, 3D-мониторы и перчатки виртуальной реальности.

В отличие от этого, понятие «сетевая идентичность» охватывает образы, которые можно легко изменить или полностью заменить на противоположные. Таковую идентичность отличает разнообразие и множественность, что обусловлено функционалом сетевого интерфейса. Например, один интерфейс может побуждать пользователей делиться своими музыкальными предпочтениями, тогда как другой может фокусироваться на профессиональной деятельности [3].

В этой ситуации возникает вопрос о взаимосвязи виртуальной, сетевой и реальной идентичности. Можно ли рассматривать их как полностью альтернативные друг другу, или они представляют собой взаимодополняющие аспекты (маски, роли) единой личности, которая осознает это? Кроме того, если явления альтернативной идентичности в реальной жизни воспринимаются как проявления таких медико-психологических расстройств, как диссоциативное расстройство, то в виртуальной среде «альтернативные идентичности» могут сосуществовать без конфликтов. Это указывает на то, что человек осознает: это лишь продукт его фантазии, маска, а не его истинное «я» [4].

В публикациях О.Н. Астафьевой отмечается, что идентичность в виртуальном пространстве может быть интерпретирована как аспект реальной идентичности [2]. Тем не менее, актуальной остается задача описания проекции идентичности личности в виртуальном пространстве в среду социальных сетей.

Зарубежные исследователи, в частности R. E. Wilson [8], полагают, что процесс формирования идентичности в виртуальной среде действительно происходит, но это не самостоятельный феномен, а скорее проекция подлинной личности в цифровом пространстве. Он акцентирует внимание на том, что истинная личность проявляет стремление к самоактуализации как в реальном мире, так и в виртуальной реальности. Социальные сети привлекают пользователей благодаря своей доступности и простоте в создании образа, однако они все равно отражают элементы реальной идентичности. По мнению данного автора, виртуальное пространство социальных сетей рассматривается не как фактор формирования новой идентичности, а как инструмент для создания цифрового образа, который отражает реальные характеристики личности сквозь призму виртуальной среды и ее социальных норм.

N. Doering придерживается несколько отличной точки зрения. С его позиции новые альтернативные идентичности не подменяют настоящую идентичность, а создаются на ее основе. Разнообразные проявления истинной идентичности формируют цельную модель личности. Поэтому идентичность в социальных сетях выступает как разновидность реальной идентичности, отраженной в виртуальной среде. N. Doering характеризует этот процесс термином «Identitäts-Hopping» («быстрая смена идентичностей») [7].

Таким образом, термины «виртуальная идентичность» и «сетевая идентичность» стали частью научной лексики, хотя их точные определения до сих пор не сформулированы. В наш век, когда интернет прочно вошел в повседневность множества людей, а сетевые структуры получили широкую популярность в культуре, наблюдается глубокое перекрестное влияние реальной и сетевой идентичности. Это позволяет сказать, что реальная идентичность впитывает в себя элементы сетевой, а сетевая идентичность отражает реальные

аспекты. Интернет, как новая среда общения, становится площадкой для самовыражения и самореализации личности, открывая человеку новые горизонты. Люди стремятся утвердиться через блоги и активное участие в социальных сетях, желая расширить круг общения и заработать признание. При этом чаще всего виртуальное самовыражение в интернете тесно связано с реальной идентичностью пользователя.

Список использованных источников

1. Асмолов, А. Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире / А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2010. – № 1. – С. 3-21.
2. Астафьева, О.Н. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах / О. Н. Астафьева // Вісник Харківського національного університету: Теорія культури та філософія науки. – 2007. – № 776. – С. 120-133.
3. Войскунский, А.Е. Альтернативная идентичность в социальных сетях / А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименко, Н.Ю. Федунина // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2013. – № 1. – С. 66-83.
4. Косенчук Л.Ф. Концепции виртуальной или сетевой идентичности: критический анализ // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №5. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14630> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Омельченко, Е.Л. От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности / Е. Л. Омельченко // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 3-8.
6. Солдатова, Е.Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е.Л. Солдатова, Д.Н. Погорелов // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 5. – С. 105-124.
7. Döring, N. Sozialpsychologie des Internet: Die Bedeutung des Internet für Kommunikation sprozesse, Identitäten, soziale Beziehungen und Gruppen / N. Döring.- Göttingen, 2003. – P. 42-57
8. Wilson, R. E. Review of Facebook Research in the Social Sciences / R. E. Wilson, S. D. Gosling, L. T. A. Graham // Perspectives on Psychological Science. – 2012. – № 3. – P. 203-220. – DOI: 10.1177/1745691612442904.

ДИНАМИКА НОРМАТИВОВ ЛИЧНОСТНОЙ АДАПТАЦИИ К ТРАНСФОРМАЦИЯМ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Джерелиевская Мария Анатольевна

*канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры методологии психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова (РФ, г. Москва)
(madj@mail.ru)*

Статья посвящена проблеме изменения нормативов личностной адаптации в связи со все большей цифровизацией социума, в связи с чем традиционная и цифровая социализация совместно детерминируют развитие личности, сознания и образа Я. Опосредование развитие высших психических функций и личности происходит во многом через взаимодействие с цифровыми устройствами, что приводит изменению деятельности и межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: цифровая социализация, развитие, личность, адаптация к социальной среде, новая нормальность.

DYNAMICS OF STANDARDS OF PERSONAL ADAPTATION TO TRANSFORMATIONS OF THE SOCIAL ENVIRONMENT

Dzherelievskaya Maria Anatolyevna

*Ph.D. in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology Methodology
Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow)
(madj@mail.ru)*

The article is devoted to the problem of changing the norms of personal adaptation in connection with the increasing digitalization of society, in connection with which traditional and digital socialization jointly determine the development of personality, consciousness and self-image. Mediating the development of higher mental functions and personality occurs largely through interaction with digital devices, which leads to changes in activity and interpersonal interaction.

Key words: digital socialization, development, personality, adaptation to the social environment, new normality.

Введение. Принципиальные изменения социальной среды, связанные со все большей цифровизацией различных сфер жизни человека с полной очевидностью, оказывают влияние на личность и влекут за собой личностные изменения, а также трансформируют образ мира и образ Я. Уже накоплено немало доказательств в рамках исследований, которые убедительно доказывают данные трансформации. В частности, речь идёт о категориях «цифровое

детство», «цифровая социализация», которые отражают способы адаптации человека к новым вызовам техно-социальной среды, которая носит постоянный и непрерывный характер.

В связи с этим **проблема** состоит в изучении феноменов и тенденций, наблюдаемых в связи указанными трансформациями. А в качестве **задачи** выступает необходимость проследить и зафиксировать каким образом личностные изменения отражаются на уровне показателей конкретных методических средств. В частности, в нашем исследовании мы опирались на опросник ММИЛ (версия Ф.Б. Березина), а также на опросник МИС (С.Р. Пантеев). Важным моментом, в данном случае, является то, что большинство пунктов указанных опросников отражают в определенной степени явное или неявное указание на черты личности. Поэтому при заполнении опросников происходит процесс атрибуции респондентом самому себе качеств, зафиксированных в пунктах опросника. Иными словами, респондент категоризируя самого себя, демонстрирует готовность к устойчивым паттернам поведения в достаточно широком диапазоне ситуаций. Таким образом пункты личностных опросников психосоматически детерминированы, и так или иначе, отражают влияние социокультурного контекста на индивидуальную и групповую структуру семантического пространства личностных черт. Конечно, определенная часть вопросов, проективно составленных, может не рефлексироваться респондентами, и в связи с этим, такие вопросы не столь зависимы от имплицитной личностной теории. Однако, большая часть оказывается чувствительной к происходящим в социуме изменениям.

Основная часть. Итак, в настоящий момент, наблюдая за процессом социально-цифровой адаптации человека, мы фиксируем происходящие личностные и психические изменения, при которых сознание создает единство с разнообразными цифровыми системами, которые выступают в качестве внешних орудий человеческой культуры (то есть кем-то созданных и кем-то названных). Эта техническая среда, становясь принципиально важной основой социальной

среды интегрируется с когнитивной системой и, тем самым, подвергает ее изменениям.

Иными словами, становление, развитие личности происходит в новой среде, интегрирующей непосредственный контакт со значимым взрослым и on-line среду. При этом обе эти значимые среды находятся в конкурирующих отношениях между собой.

В связи с этим мы рассматриваем обновление стандартов жизни, связанных с новой реальностью существования, которые отражаются на специфике новых норм, новых нормативов личностной адаптации к социуму.

Обсуждая проблему «новой нормальности» в терминах Г.В. Солдатовой, мы так или иначе, видим, что психозэкологические ниши, существовавшие ранее, принципиально меняются, как у взрослых, так и у детей. Значит психозэкологическая система формирования ребенка обретает новое содержание и новые формы, порождая исторически новую форму детства. И опираясь, в первую очередь, на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского и дальнейшие ее разработки (экосистема У. Бронфенбреннера, историко-эволюционная теория А. Асмолова, и др.), мы наблюдаем, как новые системы опосредования – разнообразные гаджеты, цифровые системы, становящиеся обыденностью жизни, опосредуют развитие высших психических функций и личности. В связи с этим возникают новые виды деятельности и новые способы межличностного взаимодействия. И то, что считалось нормальным с точки зрения социальных ожиданий 10-ти, 20-ти, и, тем более, 40-летней давности в текущий момент серьезным образом изменилось, и продолжает подвергаться дальнейшей динамике.

Обращаясь к собственным исследованиям, мы находим иллюстрации того, как трансформации меняющейся реальности отражаются на трансформациях личностной адаптации, появляются новые нормы этой адаптации. В частности, сравнительный анализ нормативов (медиан и среднеквадратичных отклонений) по выборкам стандартизации, полученных в 70-е годы по шкалам ММИЛ (версия Березина Ф.Б.) и в 2023 году на выборке молодых респондентов (возраст 19-25

лет - 560 человек), показал, что максимальные отличия наблюдались по шкале 9 шкале (различия на 10 Т-баллов в сторону повышения), что означает увеличение импульсивности, обилие планов при недостатке целенаправленности в их завершении, стремление к впечатлениям, вплоть до экстремальных, большей социальной мобильности.

Чуть менее выражены различия по 8 и 0 шкалам (различия на 8 Т-баллов в сторону увеличения), однако тоже достаточно ощутимы, что свидетельствует об увеличении формальности контактов и их количества при своеобразном отношении к межличностным отношениям, которые лишены адекватности эмоционального реагирования. При этом несущественные препятствия на пути реализации целей могут приводить к длительным отрицательным эмоциям, с одновременным дистанцированием от социальной среды, уходом во внутренний или виртуальный мир, который выглядит более безопасным и ярким. При этом также имеет место игнорирование социальных ожиданий, поскольку регуляция поведения происходит с опорой на внутренние критерии, с трудностью интегрирования их с обратной связью от социального окружения. На этой почве возникают затруднения в коммуникациях с другими, ощущение отчужденности и непонимания со стороны других, трудности почувствовать себя эмоционально причастным к группе людей, к которым субъект причастен формально. И даже при наличии желания сближения с другими и стремлением избежать социального дистанцирования, затруднения в коммуникациях провоцируют амбивалентное отношение к людям. С одной стороны – ожидание внимания со стороны, с другой – опасение холодности по отношению к себе, что влечет дальнейшую отгороженность.

Различия были также обнаружены по 7 шкале (8 Т-баллов в сторону увеличения), что свидетельствует о нарастании устойчивых психастенических черт, с неуверенностью в себе, склонностью к беспокойству по мелочам, склонностью к самообвинению, постоянному ощущению тревоги, с ожиданием затруднений и неприятностей в будущем, что провоцирует ощущение слабости, беспомощности, сниженной энергии и стрессоустойчивости. Мотивация

избегания неудач превалирует, что приводит к ограничительному поведению, трудностям в принятии решений. Одновременно пристальное внимание к деталям для прогнозирования всех возможных вероятностей развития событий, в том числе и маловероятных, приводит трудностям выделения главного из обилия поступающей извне информации, неспособность дифференцировать малозначимую и реально значимую. Иерархия трудностей также нарушается, а значит все выглядит трудным и недостижимым, доминируют страхи перед потенциальной угрозой от каждого нового стимула. Поэтому предпочтительными выглядят уже известные и проверенные способы поведения. Желание избежать неудач и, насколько возможно, уменьшить их наступление, приводит к стремлению быть максимально информированным, а также следовать определенным заранее ритуалам поведения.

Различия в диапазоне 8-Т баллов наблюдалось также и по шкале F, которая отражает степень фрустрации, что свидетельствует об увеличении необычных физиологических ощущений, мыслей и чувств, что может быть индикатором увеличения диапазона приемлемости разнообразных психических проявлений, которые в 70-е годы прошлого века интерпретировались как признаки дезадаптации, что, повторимся, красноречиво свидетельствует о «новой нормальности» в эпоху перемен, непредсказуемости, неопределенности окружающего мира.

Важным результатом, рассматриваемым в данной плоскости, является и то, что наблюдаемые нами изменения образа Я, отражённого, в частности, в модели группового семантического пространства, сконструированного на базе пунктов популярного опросника МИС, показал, что факторное пространство представлений о себе претерпело изменение. По сравнению с 9-ти факторной моделью, лежащей в основе указанного опросника, по результатам исследования, проведённого нами в 2023 году на той же выборке (560 человек в возрасте 19-25 лет), получилась 8-ми факторная модель. Фактор «Самоуверенность» не воспроизводился. Факторы «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение» объединились в один фактор «Самоуничижение и противоречивость Я», который

набрал максимальный вес (за счет наибольшего количества пунктов с высокими нагрузками по данному фактору). Фактор «Самоценность» несколько изменил свое содержание и скорее отражал оппозицию «Интерес к себе – самонеприятие». Также вместо фактора «Самопринятие» появился фактор «Уважение себя в межличностных отношениях». Также появился фактор «Чувство несправедливого отношения к себе». А фактор «Открытость – закрытость» скорее отражал оппозицию «Самообман – откровенность с собой».

Эти результаты показывают доминирующее влияние на образ Я сложного цифрового, мозаичного, модульного гетерохронного, мультикультурного мира, который создает новые аспекты самоидентификации и формы представлений о себе.

Заключение. В итоге, наблюдаемая нами общая тенденция «новой нормальности» характеризуется с одной стороны, все большим разобщением людей, социальным отчуждением, с преобладанием формальности контактов, с уходом от социальной идентичности к внутриличностной, уходом в виртуальную среду, где «все возможно», увеличением недоверия к миру, с тревожным ожиданием грядущих неприятностей, а самоуничижение и противоречивость Я сочетается с подозрительностью к окружению и ощущением несправедливого отношения к себе.

УДК 004.89/37.011

ГИПЕРПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ – ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изосимова Снежана Александровна

младший научный сотрудник

(izosimova.snezhana@mail.ru)

Пигуз Валентина Николаевна

зав.отд. КИТ

(izosimova.snezhana@mail.ru)

Ивашко Кристина Сергеевна

Младший научный сотрудник

Институт проблем искусственного интеллекта (РФ, г. Донецк)

(izosimova.snezhana@mail.ru)

В работе рассматривается понятие гиперперсонализации процесса обучения. Дается обзорный анализ НИР, проводимой работниками ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта» в текущем (2024) году, под названием «Разработка теоретических основ и компьютерных интеллектуальных технологий диагностирования и безмедикаментозной саморегуляции психоэмоциональных состояний личности», формируется перспектива ее использования в процессе гиперперсонализации обучения.

Ключевые слова: гиперперсонализация процесса обучения; компьютерная система диагностики; эмоциональный искусственный интеллект; библиотерапия; арт-терапия.

HYPERPERSONALIZATION OF LEARNING AS A PSYCHOEMOTIONAL COMPONENT OF RESEARCH: PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH

Izosimova Snezhana Aleksandrovna

Junior Researcher

(izosimova.snezhana@mail.ru)

Piguz Valentina Nikolaevna

Head of the Department of KIT

(izosimova.snezhana@mail.ru)

Ivashko Kristina Sergeevna

Junior Researcher

Institute of Artificial Intelligence Problems (Russian Federation, Donetsk)

(izosimova.snezhana@mail.ru)

The paper considers the concept of hyperpersonalization of the learning process. A review analysis of the research conducted by employees of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Artificial Intelligence Problems" in the current (2024) year is given, entitled "Development of theoretical foundations and computer intelligent technologies for diagnosing and drug-free self-regulation of psychoemotional states of personality", the prospect of its use in the process of hyperpersonalization of learning is formed.

Key words: hyperpersonalization of the learning process; computer diagnostic system; emotional artificial intelligence; bibliotherapy; art therapy.

Гиперперсонализация обучения – процесс, обладающий значительной историей своего развития и изучения. Данная сфера процесса обучения интересовала человечество со времен Античности и изучение ее продолжается в наши дни. Гиперперсонализация процесса обучения объединила в себе систему принципов современного процесса обучения (рис.).

Цель работы – проанализировать взаимосвязь гиперперсонализации в

обучении и искусственного эмоционального интеллекта. Определить возможности их взаимодействия и взаимовлияния, а также наметить перспективы их дальнейшего развития.

В основе гиперперсонализации обучения лежит методология философии экзистенциализма: обучающийся – не объект, а субъект обучения. Именно человек принимает решение и несет ответственность за то, каким дисциплинам и в какой форме он будет учиться. Человек ставит перед собой цель обучения, далее индивидуально выбирает пути ее достижения, соответствующие его личным качествам и опыту. В идеале, образовательная программа должна помочь обучающемуся достичь этих целей. Таким образом, краеугольным камнем гиперперсонализации обучения является самоорганизация и самодисциплина обучающегося.

Рис. Система принципов современного процесса обучения

Именно «гипер» позволяет выйти за рамки персонализированного опыта, ставшего традиционным. Гиперперсонализация обучения в общем смысле представляет собой разработку индивидуального профиля обучения, включающего индивидуальную адаптацию материала для каждого конкретного обучающегося. Гиперперсонализация представляет собой детальный и глубокий анализ приоритетов и направленностей обучаемого в сфере обучения. В силу своих психофизиологических особенностей каждый человек обучается и усваивает материал с разной скоростью. Причем адаптация материала для обучающегося напрямую зависит от его опыта, склонности и способности к

определенным наукам и предпочтительного способа обучения. С этой целью производится сбор базовой пользовательской информации. Базовая пользовательская информация включает в себя имя пользователя (ник) и местоположение. В процессе гиперперсонализации (экстремальной персонализации) используются передовые методы анализа данных и базы. Для достижения гиперперсонализации последовательно используются три составляющие: искусственный интеллект (AI), машинное обучение (ML) и аналитика данных. С их помощью можно сформировать информационный контент, который способен заинтересовать обучающегося; информировать о намечающихся научных мероприятиях (конференции, симпозиумы, форумы и т.п.), которые могут его заинтересовать; информировать студента о льготах, планирующихся в процессе обучения. При этом профиль студента создается и корректируется в режиме реального времени [1].

Адаптируя информационный образовательный контент к рекомендациям обучаемых и организуя процесс взаимодействия с индивидуальными предпочтениями и поведением студентов/школьников, образовательное учреждение может создать уникальный, удовлетворяющий обучаемых опыт. Который может повысить вовлеченность обучаемых в процесс обучения, степень лояльности и общую удовлетворенность процессом обучения. Кроме того, некоторые образовательные организации уже используют специализированных виртуальных ассистентов или чат-боты, которые помогают обучаемым самим разобраться в образовательной сфере того или иного учреждения образования. Благодаря внедрению искусственного интеллекта, обучаемый получает подсказки онлайн по всем интересующим его в сфере обучения вопросам: начиная от предполагаемого расписания до выбора дисциплин и индивидуального графика обучения, практической специализации в области будущей профессии включительно [2-4].

Однако, необходимо также обратить внимание на нешуточную угрозу аспекта гиперперсонализации. Как пишет д.т.н. О. Соловьев, можно представить общество оцифрованной на 100% реальности. Где дети не ходят в школу и не

контактируют со сверстниками и окружением в реальности, а существуют в оцифрованной VR-реальности. Т.е. общаются исключительно с аватарами друзей и родителей. Студенты вместо посещения пар в реальном времени, «закачивают» в мозг и память знания напрямую. Либо постоянно участвуют в бесконечных игровых квестах онлайн [3]. Из вышесказанного возникает закономерный вопрос – получится ли из данного супа максимально авторизованных личностей аутентичный народ, обладающая собственной индивидуальностью нация или страна, обладающая способностью самозащиты от угроз внешнего и внутреннего плана, не говоря уже о возможности реализации крупных научных проектов?

Современность бросает процессу обучения настоящий вызов – необходимость органичного слияния и взаимодействия двух форматов образования – онлайн и офлайн. В этом заинтересованы, прежде всего государство и будущий работодатель, а также учреждения образования и, конечно, сам обучаемый. Лучшая государственная стратегия в данном случае – сохранение здорового консерватизма на начальном и среднем школьном уровне обучения.

При этом отдельного внимания требует следующий момент: хотя гиперперсонализация требует обширного сбора пользовательских данных, но это обязывает образовательное учреждение с максимальной ответственностью и осторожностью относиться к собранным БД обучаемых, соблюдать необходимый баланс между персонализацией и конфиденциальностью. В обязательном порядке должны соблюдаться законы и нормативные акты о конфиденциальности.

В рамках НИР, проведенных работниками ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», были разработаны теоретические основы исследования эффективного использования безмедикаментозных методов и средств интеллектуальной терапии и прагматических особенностей искусственного эмоционального интеллекта для целей саморегуляции психоэмоциональных состояний личности, обучающихся с целью совершенствования процесса гиперперсонализации обучения. А именно:

1) проведен анализ различных терапевтических аспектов библиотерапевтического лечения обучающегося, а также групп и процессов, обеспечивающих их функционирование;

2) проведена структуризация знаний обучаемых, используемых в ходе данного процесса, предложена модель библиотерапевтических произведений (специально разработанной интеллектуальной лирики), используемая в ходе данного процесса. Разработанная модель может использоваться как основа для интеллектуального ассистента, наблюдающего за ходом библиотерапевтического воздействия на личность, для организации взаимодействия тестируемого и куратора, осуществляющих переговорные протоколы в ходе функционирования групп;

3) на основании этого был предложен ряд специально разработанных библиотерапевтических лирических произведений, методов и моделей проведения психофизиологического тестирования и регуляции психоэмоционального состояния, обучающихся [5], [6].

Полученные результаты обеспечивают основу для повышения эффективности исследования плодотворного использования безмедикаментозных методов и средств интеллектуальной терапии и прагматических особенностей искусственного эмоционального интеллекта для целей саморегуляции психоэмоционального состояния обучаемых, а в результате более полного и глубокого восприятия полученной в результате образовательного процесса информации и также выработке необходимых знаний, умений и навыков для реализации в избранной профессиональной сфере.

Неоспоримым достоинством системы является то, что она предназначена как для коллективного, так и для индивидуального пользования. Позволяет любому пользователю, заинтересованному в нормализации своего психофизиологического и психоэмоционального состояния, осуществить данную коррекцию без особых усилий и напряжения. Позволяет разгрузить мозг и психику обучаемого от негативных воздействий окружающей среды, полагаясь при этом на естественные возможности человеческого организма и нервной

системы, без медикаментозного вмешательства. Кроме того, использование компьютерной системы способствует использованию интеллектуальных компьютерных технологий в более глобальных, индивидуальных, личностных масштабах.

Список использованных источников

1. Афшар, В. Как добиться гиперсонализации с помощью генеративных проблем искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / В. Афшар // ZDNET/ИННОВАЦИЯ. – URL: <https://www.zdnet.com/article/how-to-achieve-hyper-personalization-using-generative-ai-platforms/> (дата обращения: 05.02.2024 г.).
2. Фёдоров, К.Ф. EMOTION AI как результат развития интеллектуальных систем на принципах кибернетики [Электронный ресурс] / К. Ф. Федоров, Г. Ю. Пешкова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 12-2. – С. 319-323. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2657> (дата обращения: 05.02.2024 г.).
3. Мамина, Р.И. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины [Электронный ресурс] / Р.И. Мамина, Е.В. Пирайнен // Дискурс. 2023. № 9 (2). – С. 35–51. – URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51> (дата обращения: 05.02.2024 г.).
4. Персонализированное образование в проекции профессионального будущего: методология, прогнозирование, реализация: монография [Электронный ресурс] / Под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. // Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2021. – 120 с. – ISBN 978-5-8295-0791-6. – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/38199/1/978-5-8295-0791-6_2021.pdf (дата посещения: 06.02.2024 г.).
5. Сальников, И.С. Описание системы вербальной терапии и саморегуляции психофизиологических состояний личности / И.С. Сальников, Р.И. Сальников, Т.Д. Ключанова // Искусственный интеллект: теоретические аспекты, практическое применение : материалы Донецкого международного научного круглого стола. – Донецк : ФГБНУ «ИПИИ», 2023. – 252 с. – С. 192–196. – DOI 10.34757/dntsk.AI.2023.30.008.
6. Сальников, И.С. Методические и алгоритмические особенности комплекса средств психофизиологической диагностики психоэмоциональных состояний человека / И.С. Сальников, Р.И. Сальников // Международный научно-теоретический рецензируемый журнал «Проблемы искусственного интеллекта». – 2019. – № 4 (15). – С. 47–57.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ

Калюжная Дарья Сергеевна

магистрант 2 курса

(darya.kalyuzhnaya.02@mail.ru)

Гордеева Алла Валериановна

*канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)*

(a.valer@mail.ru)

В статье сделана попытка анализа влияния искусственного интеллекта на человека через призму коммуникации, рассмотрены коммуникативные компоненты и модель коммуникации, а также сферы использования искусственного интеллекта. Показаны негативные тенденции в психической сфере людей, использующих искусственный интеллект для общения.

Ключевые слова: коммуникативные умения, искусственный интеллект, коммуникация, цели коммуникации.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF COMMUNICATION

Kalyuzhnaya Darya Sergeevna

2nd year master's student

(darya.kalyuzhnaya.02@mail.ru)

Gordeeva Alla Valerianovna

*PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General Psychology
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)*

(a.valer@mail.ru)

The article attempts to analyze the influence of artificial intelligence on humans through the prism of communication, examines the communicative components and model of communication, as well as the areas of use of artificial intelligence. Negative trends in the mental sphere of people using artificial intelligence for communication are shown.

Key words: communication skills, artificial intelligence, communication, communication goals.

Введение. Ни для кого уже не новость, что новые технологии в формате искусственного интеллекта (далее ИИ) стали неотъемлемой частью человеческого общества. ИИ составляет весомую часть нашего цифрового пространства: он включен в алгоритмы поисковиков, предлагая нам более точные варианты запроса, он же дает нам обобщённые варианты ответов, автоматически собранных и проанализированных, на главной странице. Он же

подсказывают нам, где найти ту или иную кнопку в новом интерфейсе, откликается на наш голос, отвечает на заданные вопросы, обрабатывает массивы данных и в целом облегчает жизнь. Но есть и обратная сторона такого прогресса: люди начинают злоупотреблять облегчением жизни. Они делегируют общение с людьми или коллегами ИИ, или же вовсе предпочитают общение с искусственным интеллектом, человеческому.

Целью данной статьи является рассмотрение искусственного интеллекта как объекта в коммуникации с человеком.

Искусственный интеллект, понятие, которому так до сих пор так и не дали точного определения, по оценкам учёных к 2040 году сможет полностью заменить человека и стать полноправным участником коммуникации. Но каждый ли искусственный интеллект может стать участником коммуникации или же таковой будет лишь одна система?

С философской точки зрения проблему различия искусственного интеллекта, который сможет вступить в «равные» отношения с человеком от того, кто не сможет, рассматривал философ Джон Сёрл. Он разделил ИИ на «сильный» и «слабый». «Слабый» искусственный интеллект — это система, способная выполнять лишь заложенные в неё программы и изучать предоставленные проблемы, в то время как «Сильный» искусственный интеллект — интеллект, программа способная манипулировать теми же операциями и единицами, что и человек в своей работе.

Проверку на «человечность» ИИ проходит в тесте Тьюринга, суть которого заключается в том, что компьютер способен демонстрировать поведение не отличимое от человеческого. Если такое условие выполняется, тогда искусственный интеллект считается «сильным» и соответственно может выступать в роли участника «коммуникации», так как искусственный интеллект (ИИ) реализует познавательные способности и рациональное поведение человека [5].

Но, прежде чем говорить о том, как далеко может зайти искусственный интеллект в коммуникации и как он влияет на неё — стоит разобраться с тем, что же такое коммуникация и какие у неё компоненты.

Обращаясь к большой российской энциклопедии, мы получаем следующее определение: «Коммуника́ция (лат. communicatio, от communico – делать общим, делать сообща, связывать, общаться), взаимодействие людей и животных, предполагающее обмен информацией с помощью специализированных сигналов-посредников. В человеческом обществе коммуникация — общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками» [9].

Есть также немного иное определение, предложенное А. Тойнби, который определял коммуникацию как участие людей в каком-либо совместном деле [1].

Тойнби предполагал в качестве совместного дела любое политическое дело, а коммуникацию рассматривал в качестве государственного союза. Однако считая, что и к повседневной жизни это применимо, так как коммуникация происходит через совместную деятельность.

В дальнейшем в теорию коммуникации будет введено понятие коммуникации из психологии, что определит её как сложный процесс взаимодействия людей с целью обменом информацией и эмоциональной составляющей.

Целями коммуникации является потребность в социальном, в общности в группе. А если свести к более простому, то получается, что цель коммуникации – выживание человека среди людей. Таким образом человек как бы сохраняет свою причастность к жизни, он учится, устраивается на работу, находится в обществе и благодаря этому может успешно функционировать в нынешнем мире.

Участниками коммуникации могут выступать, как отдельные личности и группы, так и целые институты. Это разнообразие участников подчёркивает сложность коммуникационных процессов.

М.Ю. Коваленко дает такое описание процесса коммуникации: «Коммуникация — процесс обмена смысловой информацией между людьми (индивидами и группами) посредством знаков и символов, при котором

информация передается целенаправленно, принимается избирательно в соответствии с определенными правилами, независимо от того, приводит этот процесс к взаимопониманию или нет [108]» [7, с.9]. Он также выделил несколько элементов коммуникации: отправитель; сообщение; канал; получатель информации.

Однако помимо перечисленных элементов в компоненты коммуникации включаются и другие переменные, такие как вербальные и невербальные типы коммуникации. К вербальным относят речевые составляющие: тембр, интонацию, скорость и темп речи; невербальными же считаются: положение тела, мимика, движения, физиологические реакции (покраснения кожи, расширение или сужение зрачков, перехватывания дыхания).

В результате возникает вопрос, может ли искусственный интеллект стать полноправным участником коммуникации? Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что в личном общении может, но в упрощенном виде, когда человек отправляет запрос и получает ответ. Однако пока что до уровня коммуникации как «объект-объект» с использованием невербальных знаков ещё далеко.

По опросам ВЦИМО о знании и доверии ИИ 87% россиян знают об искусственном интеллекте, 55% доверяют ему. Самый высокий показатель доверия был зафиксирован среди молодёжи 18-24 лет – 75% опрошенных ответили, что доверяют искусственному интеллекту [8]. Соответственно, можно сделать предположение, что именно эта группа является наиболее активными пользователями ИИ. Но для какого рода коммуникации его использует молодёжь?

Опираясь на анализ, сделанный Поповым Д.Е., который выделил несколько моделей коммуникации человека с ИИ, можно предположить, что в основном люди используют искусственный интеллект для того, чтобы разъяснить какие-то понятия собеседнику или же разъяснить собственную мысль из-за отсутствия большого словарного запаса и понимания сути того, что хочется донести [6]. Такая концепция отвечает тому, что человек воспринимает

искусственный интеллект уже не как вспомогательный предмет, выполняющий определенную функцию, но и как субъект коммуникации.

Исследования показывают, что люди выбирают общение с искусственным интеллектом, заменяя им поддерживающие беседы с друзьями и родными. Возможны ситуации, когда человеку не к кому обратиться в сложных жизненных ситуациях, и поэтому он выбирает ИИ. При этом игнорирует службу телефона доверия или психологические службы онлайн. И чаще это делают молодые люди.

Всё дело в том, что искусственный интеллект и его системы устроены так, что чат-бот подстроится под своего собеседника, весь контекст общения будет соответствовать запросу человека, тема останется неизменной, а чат-бот будет ориентироваться только на человека. Реальное общение между людьми значительно отличается от беседы с ИИ. Коммуникация с искусственным интеллектом искажает у человека реальную картину общения с живыми людьми [3, с.11]. Из-за чего в последующем общении с реальными людьми происходит разочарование и человек снова возвращается к искусственному интеллекту в формате чат-бота.

Опираясь на анализ ChatGPT, мы можем сказать, что многие из пользователей зависимы от общения с чат-ботом, чат-системой. Они испытывают более яркие эмоциональные переживания и чувствуют себя более удовлетворенными, что способствует формированию зависимости.

Такая тенденция выбора общения с искусственным интеллектом вместо общения с человеком влечёт за собой формирования синдрома онлайн-одиночества или просто синдрома одиночества, что характеризуется ощущением покинутости, непониманием со стороны окружающих, социальной изолированностью [4].

Выбор в пользу общения с искусственным интеллектом может привести к снижению коммуникативных умений: снижению способности формулировать собственные мысли, ухудшению умения распознавать эмоции и жесты, трудности с разъяснением информации.

Выводы. Искусственный интеллект уже давно обосновался в нашей жизни и в последующие годы будет только усиливать своё влияние на разные сферы нашей жизни: учёбу, работу, быт, здоровье, коммуникацию. Как показывают исследования, в нём есть положительные стороны, которые помогут человеку лучше, точнее ставить диагнозы, формулировать задачи и даже помогать в коммуникации. Есть и негативные последствия влияния ИИ. Становясь активным участником коммуникации с человеком, искусственный интеллект может способствовать возникновению зависимости от него. Перед психологическим сообществом стоит ряд задач: предотвращение и контроль зависимости от ИИ, повышение коммуникативных навыков среди населения, информированность населения о пользе и вреде новых технологий и их влиянии на психику.

Список использованных источников

1. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. – Москва : Айрис-Пресс, 2010. – 640 с. – ISBN: 978-5-8112-3798-2.
2. Панфилова, А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности: учеб. пособ. / А.П. Панфилова. – СПб. : Знание, 2004. – 12-14 с. – ISBN 5-7320-072-0.
3. Алейников, Д.В. К проблеме общения человека с искусственным интеллектом / Д.В. Алейников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2023. – № 3 (848). – С. 9-15.
4. Salicetia Francesca Goldberg I. Internet addiction disorder: Diagnostic criteria. Available at / Francesca Salicetia. – Текст: электронный// Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2015. – №191. – С. 1372-1376. – URL: https://www.researchgate.net/publication/282535990_Internet_Addiction_Disorder_IAD (дата обращения 19.11.2024).
5. Серл, Дж. Разум мозга – компьютерная программа? / Дж. Серл // В мире науки. – 1990. – № 3. – С. 7-13.
6. Попов, Д.Е. КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ОБЩЕСТВОМ / Д.Е. Попов // Вестник науки. – 2023. – №11 (68). – С 643-649. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-mezhdu-iskusstvennym-intellektom-i-obschestvom> (дата обращения: 20.11.2024).

7. Коноваленко, М.Ю. Теория коммуникации: учебник для вузов / М.Ю. Коноваленко, В.А. Коноваленко // 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 415 с. – ISBN 978-5-534-00428-1.
8. ВЦИОМ «Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее?» / URL: ВЦИОМ. Новости: Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее?
9. Большая российская энциклопедия / URL: Портал. Большая российская энциклопедия
10. Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного российского общества. Выпуск 3 : монография /под ред. В.В. Кафтана, коллектив авторов. – Москва : Русайнс, 2023. – 444 с. – ISBN 978-5-466-03523-0. – URL: <https://book.ru/book/950500> (дата обращения: 19.11.2024). – Текст: электронный.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Коноваленко Дарья Владимировна
студент

Ковальчишина Наталья Ивановна
канд. психол. наук, доцент
доцент кафедры психологии и конфликтологии
Филиал Российского Государственного
Социального Университета в г. Минске
(Республика Беларусь, г. Минск) (d.v-konovalenko@mail.ru)

В статье рассматривается проблема интернет-зависимости подростков. Анализируются взгляды отечественных и западных авторов относительно аддикции. Приводятся результаты эмпирического исследования психологических особенностей подростков с разным уровнем интернет-зависимости. Установлено, что подросткам, склонным к интернет-зависимому поведению в большей степени свойственно проявление личностной тревожности и косвенной агрессии. Обозначены пути профилактики негативного использования интернета среди подростков.

Ключевые слова: аддикция, агрессивность, интернет-зависимость, подростки.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS TEENAGERS WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ADDICTION

Konovalenko Darya Vladimirovna
Student

Kovalchishina Natalya Ivanovna
Ph.D. in Psychology, Associate Professor

The article examines the problem of internet addiction among teenagers. The views of domestic and Western authors regarding addiction are analyzed. The results of an empirical study of the psychological characteristics of teenagers with different levels of internet addiction are presented. It has been established that teenagers prone to internet-dependent behavior are more likely to display personal anxiety and indirect aggression. The ways of preventing negative use of the internet among teenagers are outlined.

Key words: addiction, aggression, internet addiction, teenagers.

В настоящее время компьютерные технологии развиваются быстрыми темпами, набирая обороты с каждым годом. Интернет становится доступнее для детей уже с самого раннего возраста. Но чаще всего ресурсами интернета пользуются подростки, причём, как в положительном ключе: для учёбы, общения, поиска необходимой информации, так и в отрицательном: много времени посвящено компьютерным играм, социальным сетям, деструктивным контентам, что может приводить к зависимости от интернета, т.е. аддикции [4].

Важно отметить, что интернет-зависимость является проблемой современного общества, которая с каждым годом набирает обороты. И, несмотря на достаточно большое количество исследований в данной области, интернет-зависимость остается проблемой номер один, которая мало изучена и ограничена по тематике, особенно в отечественной психологии. А поскольку, как показывает практика, наиболее подвержены данному феномену дети в подростковом возрасте, актуальность этого явления не теряет своей значимости и нуждается в детальном изучении.

Цель статьи: выявить психологические особенности подростков с разным уровнем интернет-зависимости. Исходя из цели статьи обозначены задачи исследования: рассмотреть теоретические подходы отечественных и зарубежных авторов относительно проблемы интернет-зависимости человека; эмпирически исследовать проявление интернет-зависимости у подростков.

В наше время невозможно представить общество без интернета, так как интернет-технологии являются сильным средовым фактором, который особенно влияет на формирование личности подростков, учитывая их активное пользование им. В связи с увеличением количества интернет-зависимых подростков и негативных последствий, которые вызывает данная зависимость, многих авторов интересуют в большей степени изучение их психологических особенностей.

Проблему интернет-зависимости в своих трудах рассматривали многие зарубежные и отечественные учёные такие, как К.С. Янг, А.К. Гольдберг, А.Ю. Егоров, В.А. Бурова, В.Л. Малыгин и др.

Первые исследования интернет-зависимости были проведены в США в 1994 году. К.С. Янг разработала тест для выявления интернет-аддикций и провела исследование, поместив тест на веб-сайте [7].

Сам термин «интернет-зависимость» был предложен А.К. Гольдбергом, смысл которого он понимает как поведение с низким уровнем самоконтроля и непреодолимой тягой использовать интернет, что оказывает пагубное воздействие на все сферы деятельности человека [1].

Психологи М. Шоттон, Ш. Текл, К. Янг в своих исследованиях выявили основные признаки интернет-зависимости подростков: отвлечение от гаджетов вызывает у них агрессию и раздражительность; невозможность спланировать время, которое он проводит в гаджетах; отвлекаясь на интернет, полностью забывает о своих домашних и школьных обязанностях; в интернете он ощущает себя счастливым, испытывая чувство эйфории; предпочтение виртуальному миру; отсутствие мотивации к чему-либо, кроме интернет-сетей; тратит большую часть карманных денег на игры и программы; пренебрегает своим здоровьем, нарушая режим питания и сна [4; 6; 7].

Отечественный исследователь В.А. Бурова считает, что «интернет-зависимость развивается с момента фиксации на самом интернете, далее уже формируется аддикция (навязчивая потребность в определённой деятельности), затем развивается и в конечном итоге происходит удерживание аддикции» [3].

Отечественный исследователь А.Ю. Егоров связывает интернет-зависимость с низкой самооценкой и наличием симптомов депрессии [2]. М.А. Жукова и Р.Ф. Теперик указывают, что интернет-зависимость тесно переплетаются с алекситимией и уровнем эмпатических способностей [6].

О.В. Литвиненко, В.А. Юренкова и В.Ю. Рыбников отмечают соединение высокого психического напряжения, высокого уровня ситуационной тревожности, суммарного отклонения от аутогенной нормы, снижения работоспособности и вегетативного коэффициента с компьютерной игровой зависимостью [5].

Обобщая результаты отечественных и зарубежных исследований, можно заключить, что интернет-зависимость оказывает опасное и пагубное влияние на психику и личность подростка. Впоследствии такой зависимости подростки могут столкнуться с различными психологическими проблемами, такими как, одиночество, депрессия, понижение самооценки, трудности в живом общении, конфликтное и агрессивное поведение, замкнутость, фрустрация и др.

Для выявления психологических особенностей подростков с разным уровнем интернет-зависимости нами было проведено исследование по методикам: шкала интернет-зависимого поведения (Chen Internet addiction Scale, CIAS) (адаптация В.Л. Малыгина); шкала самооценки ситуативной и личностной тревожности (автор Ч. Спилбергер, адаптация Ю. Ханина); опросник агрессивности Басса – Дарки (адаптация А. А. Хвана, Ю. А. Зайцева и Ю. А. Кузнецовой).

В исследовании приняли участие подростки в возрасте 13-15 лет, в количестве 89 человек: 49 девочек и 40 мальчиков.

Исходя из цели и задач статьи, на первом этапе исследования проводилась методика «Шкала интернет-зависимого поведения (Chen Internet addiction Scale, CIAS)». Полученные результаты показывают, что большинство подростков (52%) имеют склонность к возникновению интернет-зависимого поведения, у 20% респондентов выявлено устойчивое интернет-зависимое поведение, лишь у 28% - минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство подростков (72%) имеют склонность к интернет-зависимому поведению или уже сформированную и устойчивую интернет-зависимость.

Для выявления психологических особенностей подростков с разным уровнем интернет-зависимости респонденты были условно разделены на 3 группы: 1-ая – те, у кого минимальный риск возникновения интернет-зависимого поведения, 2-ая – те, кто имеют склонность к возникновению интернет-зависимого поведения, 3-я – те, у кого наблюдается сформированное и устойчивое интернет-зависимое поведение.

Далее было проведено исследование ситуативной и личностной тревожности по шкале самооценки ситуативной и личностной тревожности (автор Ч. Спилбергер, адаптация Ю. Ханина). Результаты представлены на рисунке 1.

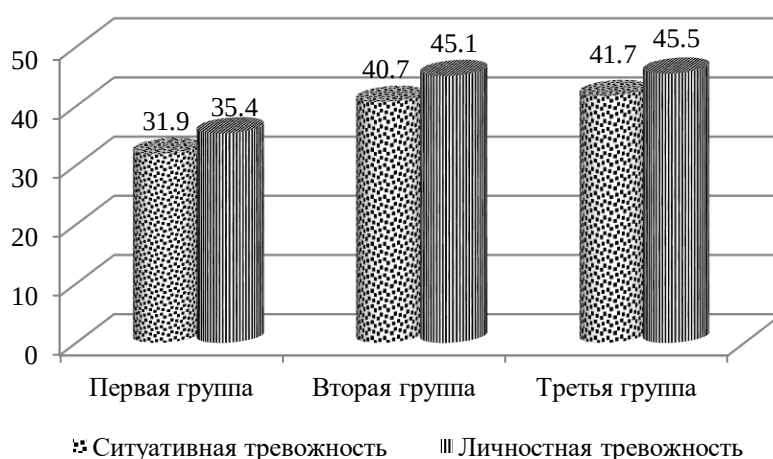

Рисунок 1. Средние показатели подростков по методике Ч. Спилбергер, Ю. Ханина

Результаты по шкале самооценки ситуативной и личностной тревожности показывают, что подростки, склонные к интернет-зависимому поведению, и интернет-зависимые подростки имеют высокую личностную тревожность. Эти две группы подростков, склонны воспринимать угрозу в большом диапазоне ситуаций, каждая из которых будет вызывать стресс у индивида и ярко выраженную тревогу. Также по результатам видно, что у респондентов из 2-ой и 3-ой групп показатель ситуативной тревожности значительно выше, чем у подростков 1-ой группы, несмотря на одинаковые значения.

На следующем этапе исследования нами изучался уровень агрессивности подростков по опроснику агрессивности Басса – Дарки (адаптация А.А. Хвана, Ю.А. Зайцева и Ю.А. Кузнецовой), результаты которого продемонстрированы на рисунке 2.

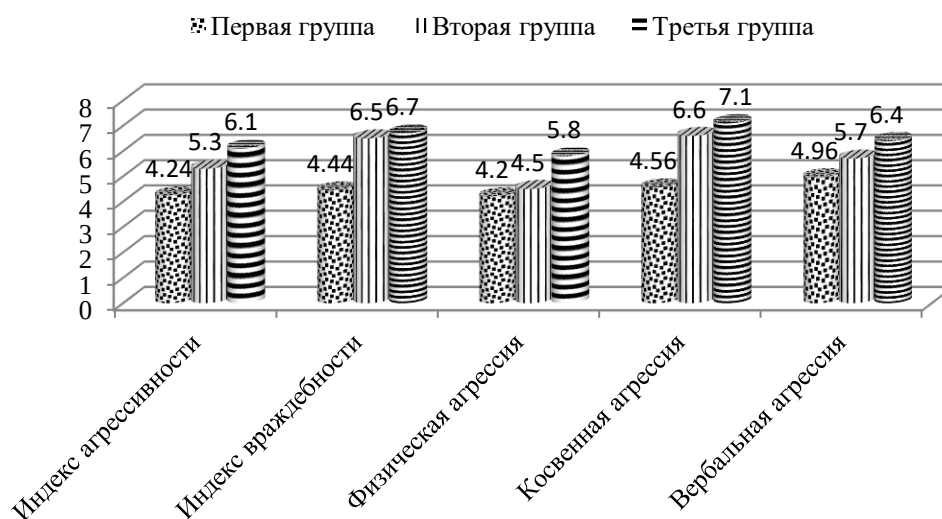

Рисунок 2. Средние показатели подростков по методике Басса – Дарки (адаптация А.А. Хвана, Ю.А. Зайцева и Ю.А. Кузнецовой)

По результатам опросника агрессивности Басса-Дарки видно, что средние показатели по каждой шкале в группах, начиная с первой (подростки с минимальным риском возникновения интернет-зависимости), увеличиваются. т.е., чем выше уровень интернет-зависимости, тем выше показатели уровня агрессивности и враждебности, а также физической, косвенной и вербальной агрессии. Это подтверждается и наличием корреляционных связей по Спирмену (при $p < 0,05$).

Полученные данные демонстрируют, что подростки, склонные к интернет-зависимому поведению, и интернет-зависимые подростки имеют высокий уровень индекса враждебности. Больше всего в этих двух группах проявлена косвенная агрессия (высокий уровень). Такие подростки склонны направлять свою агрессию косвенным путём на другого индивида, или же ни на кого, проявляясь взрывами ярости (крики, удары кулаком по столу, хлопанье дверями и т.д.).

Стоит отметить также, что у интернет-зависимых респондентов показатели по всем шкалам находятся на высоком уровне. И, даже, если показатели имеют одинаковое значение с остальными группами, сами показатели выше.

Таким образом, делая вывод, подчеркнем, что компьютерные технологии могут оказывать негативное влияние на подростков, что связано, скорее всего, с несформированностью их психики, разрушают процесс социализации и адаптации в обществе. На основании результатов эмпирического исследования, можно подытожить, что у подростков, склонных к интернет-зависимому поведению и интернет-зависимых подростков наблюдаются высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, агрессивности и враждебности, а также физической, косвенной и вербальной агрессии. Негативные факторы интернет-зависимости способствуют, прежде всего, снижению успеваемости подростков, ухудшению здоровья, проявлению личностных проблем, ограничению и изоляции от внешнего мира.

С целью профилактики неблагоприятного влияния интернет-технологий на личность подростков, необходимо разрабатывать эффективные программы по контролю и ограничению их нахождения в интернете, проводить упреждающие мероприятия в школе, задействовав школьников в различных спортивных и воспитательных событиях, с обязательным привлечением к этому процессу родителей, известных людей, депутатов, представителей администрации района и города.

Список использованных источников

1. Войскунский, А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 1. – С. 90–100.
2. Егоров, А.Ю. Особенности личности подростков с интернет-зависимостью / А.Ю. Егоров, Н.А. Кузнецова, Е.А. Петрова // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2005. – Т. 5, № 2. – С. 20–27.
3. Котляров, А.В. Другие наркотики или HomoAddictus: Человек зависимый / А.В. Котляров. – Психотерапия, Москва, 2006. – 480 с.

4. Малыгин, В.Л. Интернет зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / В.Л. Малыгин. – Мнемозина, Москва, 2010. – 136 с.
5. Малыгин, В.Л. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения / В.Л. Малыгин, Н.С. Хомерики, А.А. Антоненко. – Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 7(30). – Текст: электронный // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-svoystva-podrostkov-kak-factory-riska-formirovaniya-internet-zavisimogo-povedeniya> (дата обращения 12.11.2024).
6. Теперик, Р.Ф. Особенности общения интернет-зависимых пользователей / Р.Ф. Теперик, М.А. Жукова // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / под ред. А.Е. Войскунского. – Москва, 2009. – С.165–187.
7. Young, K.S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder / K.S. Young // CyberPsychology and Behavior. – 1998. – Vol. 1. – P. 237–244.

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Коротаева Анастасия Игоревна

*канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики
и психологии начального обучения,*

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
(РФ, г. Ярославль) (tiger77706@mail.ru)*

Статья посвящена проблеме гендерных особенностей формирования интернет-зависимости у дошкольников. Выявлены особенности развития данного вида аддикции в дошкольном возрасте с учетом гендерных особенностей. Игровая зависимость в дошкольном возрасте формируется значительно быстрее, чем в последующих возрастных периодах. Так, несформированность познавательной и эмоционально-личностной сферы приводят к заполнению всей жизнедеятельности ребенка миром игр, происходит формирование экранной зависимости. совместное время с семьей, родительское участие в жизни ребенка.

Ключевые слова. дошкольники, интернет-зависимость, гендерные особенности, аддикции, профилактика зависимости.

GENDER-SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION OF INTERNET ADDICTION IN PRESCHOOLERS

Korotaeva Anastasia Igorevna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russian Federation, Yaroslavl) (tiger77706@mail.ru)

The article is devoted to the problem of gender characteristics of the formation of Internet addiction in preschoolers. The features of the development of this type of addiction in preschool age, taking into account gender characteristics, are revealed. Thus, the lack of formation of the cognitive and emotional-personal sphere leads to the filling of the entire life activity of the child with the world of games, the formation of screen dependence occurs. Time together with the family, parental involvement in the child's life. Gambling addiction will not form if the parents control the child's daily routine and hobbies. It is important to note that categorical prohibitions do not bring results, but increase dependence.

Key words: preschoolers, Internet addiction, gender characteristics, addictions, addiction prevention.

Согласно ФГОС ДОУ, образовательная деятельность с использованием компьютерных технологий для детей 5-7 лет возможно не более трех раз в неделю в течение 10-15 минут один раз в день. Повсеместное распространение гаджетов еще в раннем возрасте знакомит ребенка с миром виртуальной реальности и игр, адаптированных под конкретный возраст, пол и интересы. Создатели предлагают дизайн, содержание и динамику игры доступную дошкольнику и предоставляют возможность проживать успех и победы, а вместе с ними эмоциональное удовольствие, подкрепленное физиологической основой – гормонами радости и удовольствия. Игровая зависимость в дошкольном возрасте формируется с турбо скоростью. Так, несформированность познавательной и эмоционально-личностной сферы, неустойчивость самооценки приводит к заполнению всей жизнедеятельности ребенка миром игр, погружением в киберпространство. Что происходит с личностью ребенка? Начнем с того, что игра - ведущий вид деятельности в дошкольном возрасте. Это значит, что в игре формируются новообразования: иерархия мотивов, устойчивость самооценки, умение действовать по правилам (будущая

произвольность деятельности) – которые способствуют готовности к школьному обучению и переходу на следующий этап – младший школьный возраст. Игра проходит несколько последовательных этапов-предметная, сюжетно-ролевая, режиссерская. Каждый из них происходит во взаимодействии со взрослыми, сверстниками и миром предметов. Игровая зависимость дошкольника нарушает развитие нормотипичной игровой деятельности:

- формируется астения, нервное истощение: повышенная утомляемость, немотивированные капризы, нарушения сна и приема пищи;
- нарушается познавательная и эмоциональная сфера личности: клиповое мышление, расстройство устойчивости внимания, скудное воображение, примитивное фантазирование, нарушение сенсорных эталонов;
- возникают трудности коммуникации со взрослыми и сверстниками: дошкольник может требовать и манипулировать. Бедность и стереотипность интересов формируют непривлекательность для дружбы.

Под термином интернет зависимости Л. Н. Юрьева и Т. Ю. Больбот, понимают такое «нехимическое» расстройство личности, при котором обычные привычки и интересы перестают занимать основную часть свободного времени, отходя на второй план. По мнению Л.А. Белоглазовой, игровая зависимость – термин, встречающийся в исследовательской литературе, который фиксирует феномен патологического влечения к игре, посредством которой происходит замещение, имитация реальных жизненных потребностей и результатов.

Интернет-зависимость традиционно относят к технологической, нехимической аддикции. Основными признаками аддикции являются желание уйти из реальной жизни через навязчивую потребность определенной деятельности. Для дошкольников обоего пола формирование интернет - зависимости проходит одинаковые этапы. Однако сам механизм и содержание данного вида зависимости отличаются у мальчиков и девочек. Под гендером понимается социальный конструкт, в основе которого лежит биологический пол. Подавляющее большинство исследований указывает на то, что мальчики значительно чаще проявляют признаки интернет-зависимости, начиная с дошкольного

возраста. Более высокая степень зависимости от компьютерных игр у мальчиков может быть связана с гендерными особенностями развития. Детский сад и школа традиционно представляют собой феминную среду, где доминируют типично «женские» ценностные ориентации и модели поведения. Следовательно, социализация девочек проходит менее кризисно. Барьеры в общении и дезадаптированность в образовательных учреждениях возникают чаще именно у мальчиков.

Известно, что мир компьютерных игр – это элемент массовой культуры, следовательно, имеет коммерческую характеристику. Отметим, что содержание игр, ориентированных на младших школьников, предполагает онлайн участие нескольких игроков, постепенное улучшение внешнего вида и появления новых навыков (скиллов) у персонажей за определенные «подвиги» или решение головоломок. Использование новых скинов и скримеров захватывает интерес мальчика моментально, усиливаясь сетевым вариантом игры. Подобные условия быстро увлекают и не отпускают ребенка от игры. Для дошкольников мужского пола создаются условия для реализации потребности в высокой самооценке, утрированной значимости его участия в определенном сюжете. Реальный мир становится менее значимым, чем виртуальный.

В ходе исследования родителям дошкольников 5,5- 7 лет г. Ярославля была предложена анкета, в которой предлагалась ответить на вопросы, посвященных взаимодействию их и ребенка с миром интернета, и игр. В исследовании приняли участие 89 родителей. Выявлено, что 48% процентов родителей увлечены интернет-серфингом: пролистыванием новостной ленты, социальных сетей, что ущемляет их общение с детьми. Около 23% признались, что избегают общения с сыном или дочкой, так как предпочитают «посидеть в телефоне». Очевидно, что дети в таких семьях попадают в группу риска, велика вероятность развития интернет-зависимости. 12% опрошенных родителей отметили, что предпочитают совместное использование гаджетов. Около 35% матерей и отцов не контролируют использование гаджета, то есть они не смогли ответить на вопрос о том, сколько часов ребенок играет. Общеизвестен факт, что дети

дошкольного возраста подражают родителям, некритично воспринимают модели поведения. Дошкольники не способны объективно оценить вред физическому и психическому развитию при неконтролируемом, спонтанном использовании гаджетов. Подражая взрослым, проводящим время за виртуальной игрой, дошкольники начинают воспринимать такое времяпрепровождение как норму.

Таким образом, современные родители сталкиваются с серьезным вызовом: балансировать между собственными увлечениями и обязанностями по воспитанию детей. Как правило, увлечение компьютерными играми и онлайн-коммуникацией может затмевать важность личного общения и совместного времяпрепровождения с детьми. В итоге, дети остаются без внимания, что может негативно повлиять на их психоэмоциональное развитие.

Заключение. Вопросы профилактики и преодоления зависимости остаются актуальными. Один из самых важных компонентов данной деятельности является мотивация и осознанность родителей. Прежде всего, совместное время с семьей, родительское участие в жизни ребенка. Игровая зависимость не сформируется, если распорядок дня и увлечения ребенка контролируются родителями. Время, проведенное с гаджетом, всегда должно быть лимитировано. Возможность найти для ребенка альтернативную деятельность доступна. Конечно, сразу возникает вопрос: «А что, если его больше ничего не интересует?» Категоричные запреты не приносят результатов, а усиливают зависимость.

Здесь мы обязаны исходить из принципа педагогического оптимизма – каждый ребенок талантлив по-своему. Родителям необходимо настраиваться на положительный результат. Вид спорта, творчество, другая деятельность определяются для него совместно. Основная задача - формирование у ребенка осознанности и понимания необходимости самореализации в разных сферах жизнедеятельности. Любой дошкольник – индивидуален и неповторим. Важная задача взрослых – сопровождать, а не изменять ребенка. Разумное использование гаджетов, сформированное в дошкольном возрасте, будет способствовать развитию ребенка, гармоничному вхождению в мир IT – технологий. Не

вызывает сомнения, что развитие информационных технологий определяет будущее всего человечества.

Список использованных источников

1. Белоглазова, Л.А. Игромания как феномен отчуждённой реальности / Л.А. Белоглазова // Вестник ВГТУ. – 2012. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igromaniya-kak-fenomen-otchuzhdyonnoy-realnosti> (дата обращения: 10.05.2024).
2. Войскунский, А.Е. Феномен зависимости от Интернета: актуальная проблема / А.Е.Войскунский // Зависимость от Интернета: актуальная проблема – CYBERPSY (дата обращения: 20.10.2025).
3. Жукова, М.В. Компьютерная зависимость как один из видов аддиктивной реализации / М.В. Жукова // Вестник ЮУрГГПУ. – 2013. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-zavisimost-kak-odin-iz-vidov-addiktivnoy-realizatsii> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Малиновская, М.А. Потенциальные риски для детей и подростков в интернет-среде: анализ проблематики и профилактика интернет-аддикций / М.А. Малиновская // Информатика и образование. – 2018. – № 5. – С. 31-34.
5. Юрьева Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика / Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот. – Днепропетровск : Пороги. 2006. – 196 с.

УДК 159.9

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОДРОСТКОВ В МОВА-ИГРЫ

*Потанов Роман Сергеевич
аспирант*

*Байкальский государственный университет
(РФ, г. Иркутск) (nftw@mail.ru)*

Статья посвящена анализу популярного жанра видеоигр МОВА (Multiplayer Online Battle Arena) и их возможному влиянию на личностные особенности подростков. В эмпирической части исследования приняли участие 355 человек ($M=14,3$). Оценивалась их вовлеченность в игровую деятельность. Рассмотрены возрастные изменения предпочтений платформ (мобильные или ПК), психологическое содержание МОВА-игр и их предположительная роль в удовлетворении потребностей игроков. Анализ показал, что игры жанра МОВА могут стимулировать развитие когнитивных и социальных навыков.

Ключевые слова: МОВА-игры, подростки, когнитивные навыки, командная работа, видеоигры, психологическое влияние.

INVOLVEMENT OF TEENAGERS IN MOBA GAMES

Potapov Roman Sergeevich

Postgraduate student

Baikal State University

(Russian Federation, Irkutsk) (www.nftw@mail.ru)

The article examines the popular video game genre MOBA (Multiplayer Online Battle Arena) and its potential impact on the personal characteristics of adolescents. The empirical part of the study involved 355 participants ($M=14.3$), assessing their engagement in gaming activities. Age-related changes in platform preferences (mobile or PC), the psychological content of MOBA games, and their presumed role in fulfilling players' needs were analyzed. The findings suggest that MOBA games can stimulate the development of cognitive and social skills.

Key words: MOBA-games, adolescents, cognitive skills, teamwork, video games, psychological impact.

В последние десятилетия в психологической науке активно исследуется вопрос влияния видеоигр на личностные особенности геймеров. Полемика относительно характера этого влияния не приблизила научное сообщество к консенсусу – до сих пор активно публикуются исследования, презентующие данные как о негативном, так и о позитивном влиянии видеоигр; как о наличии влияния, так и о его отсутствии. Согласно Е.С. Пономаревой, в данной сфере исследования «отмечается противоречивость получаемых результатов и необходимость более глубокого рассмотрения проблемы» [7, с.169]. И.М. Кыштымова и С.Б. Тимофеев отмечают критические несовершенства в методологии исследования влияния видеоигр на личность [4].

Исследование характера влияния видеоигр актуально в связи с ростом вовлеченности населения в этот вид игровой деятельности: по данным НАФИ, уже на момент 2023 года 60% жителей Российской Федерации старше 18 лет являлись активными пользователями видеоигр [6]. Одним из наиболее популярных жанров многопользовательских соревновательных видеоигр становится жанр MOBA (Multiplayer Online Battle Arena): по данным сайта ESCharts, анализирующего популярность киберспортивных игр, аудитория игроков в Dota 2 насчитывает более 81 миллионов пользователей, из них более 23 миллионов (около 30%) – из России, пиковые значения одновременно

играющих игроков доходят до 1,3 миллионов пользователей [14]. Популярность МОВА-игр обуславливает важность изучения их психологического значения, а также характера их влияния на личностные характеристики активных игроков подросткового возраста.

МОВА-игры – это игровой жанр, сочетающий в себе элементы стратегий в реальном времени и компьютерных ролевых игр. В играх жанра МОВА две команды игроков сражаются друг с другом на карте особого вида. Каждый игрок управляет одним персонажем из определённого списка доступных героев, отличающихся характеристиками и способностями. Конечной целью в ходе матча является уничтожение главного здания вражеской команды.

Основные задачи настоящего исследования:

1. Анализ вовлеченности подростков в МОВА-игры с учетом возрастных предпочтений платформ.
2. Изучение психологического содержания МОВА-игр.

Нами было организовано и проведено на базе образовательной организации г. Иркутска эмпирическое исследование вовлеченности подростков в возрасте от 12 до 17 лет в игры жанра МОВА. В целях исследования мы разработали опросник, в рамках которого подросткам предлагалось выбрать из представленного перечня те игры, в которые они регулярно играют. В перечне были представлены только игры жанра МОВА, которые в ходе обработки полученных данных были разделены на две группы: РС-МОВА (МОВА-игры, представленные на ПК) и М-МОВА (МОВА-игры, представленные на мобильных платформах). В исследовании приняли участие 355 подростков, из которых 215 активно играют в МОВА-игры. Среди них 152 человека выбирают М-МОВА, а 111 предпочитают РС-МОВА. Выявлена тенденция к переходу с мобильных устройств на ПК с возрастом: так, 81,6% подростков 12-13 лет играют на мобильных устройствах, среди 14-15-летних этот показатель снижается до 65,4%, а в группе 16-17 летних — до 51,4%. Мы предполагаем, что эта тенденция демонстрирует тот факт, что по мере взросления подростки оказываются всё более склонны к предпочтению более сложных форм деятельности, активно задействующих

когнитивные и социальные навыки, что и выражается в переходе старших подростков к РС-МОВА, которые предлагают более глубокие механики и требуют большего времени на освоение. Степень вовлечения подростков в МОВА-игры до 14-летнего возраста характеризуется как очень высокая, затем, по мере взросления, она постепенно снижается, но остается высокой: в то время как из группы подростков 12-13 лет активно играют в МОВА-игры 75,2%, из группы старших подростков 16-17 лет 35,7% продолжают активно играть в МОВА-игры.

Видеоигра представляет собой многоуровневую многокомпонентную структуру; представленность уровней, выраженность компонентов и соотношение между ними характеризуют её особенности [5]. Основываясь на классификации И.М. Кыштымовой и С.Б. Тимофеева, в МОВА-игре можно выделить два ключевых уровня: геймплейный уровень, определяющий правила и механики, и межличностный уровень, отражающий взаимодействие игроков. Игровой процесс МОВА-игр характеризуется следующими компонентами и особенностями: вид направленности игровой деятельности (ВНД) – «достижение», «соревнование»; импульсивность-рефлексивность (ИР) – высокая выраженность, преобладает рефлексивность; сложность геймплейных условий (СГУ) – высокая; характер коммуникации с другими игроками (ХК) – «разнообразный», предполагается сотрудничество с товарищами по команде и вражда с противниками; последствия проигрыша (ПП) – высокие; событийная насыщенность (СН) – высокая.

Высокие требования к когнитивным и социальным навыкам, предъявляемые игрокам МОВА-игр, а также особенности межличностных взаимодействий внутри игры позволяют рассматривать их как инструмент формирования личностных качеств. Игровая мотивация обусловлена возможностью в процессе игры удовлетворять значимые потребности и ожиданием эмоционального подкрепления. Попытаемся рассмотреть, во-первых, какие потребности могут быть удовлетворены в процессе участия в МОВА-играх, и какие требования предъявляют МОВА-игры к игроку для достижения успеха. Н.А. Иванова, исследующая игры в жанре МОВА, заключает, что для игроков свойственна высокая мотивация достижения, а также игровой мотив соревнования,

преодоления и эскапизма [3]. Таким образом, основными потребностями, которые удовлетворяют МОВА-игры, являются потребности в конкуренции, выполнении сложных задач, достижении высокого результата в деятельности, а также в избегании неприятных раздражителей в повседневной жизни.

О.В. Рубцова, А.С. Панфилова, С.Л. Артеменков [8-9] предоставляют данные о значимой статистической взаимосвязи между игровым поведением в МОВА-играх и личностными особенностями игроков и делают вывод о том, что для подростков и юношей, активно играющих в «Dota 2», характерно наличие противоречий в структуре ролевой идентичности. На основе полученных результатов они делают предположение о том, что игровая реальность привлекает молодых людей как площадка для экстериоризации внутренних ролевых противоречий, где они «могут экспериментировать с различными образцами ролевого поведения» [9, с.145]. Можно предположить, что одной из потребностей, которые удовлетворяются при игре в МОВА-игры, является потребность в ролевом опыте, в чувстве собственной значимости, при этом эта потребность удовлетворяется через «прилипание» игрока с ролевыми противоречиями к той или иной игровой роли: «наличие у подростков (14-18 лет) внутриличностного конфликта... обнаруживает стремление игрока к выбору персонажей определенного типа, а также способствует достижению высоких результатов по ведению игровой сессии выбранным «героем»» [9, с.145].

Рассмотрим условия и требования игры, предъявляемые к игроку на пути к удовлетворению обозначенных потребностей: во-первых, МОВА-игры относятся к группе соревновательных командных игр и предполагают, с одной стороны, командное взаимодействие с целью обеспечения успешного результата игры (победы), с другой - конкуренцию с командой противника. Исследования киберспортивных команд, сформированных для участия в специально проводимых киберспортивных турнирах, [1-2] показали сложную социальную динамику внутри команды, которая предполагает распределение формальных и неформальных ролей участников в команде: с одной стороны, в сложных МОВА-играх, представленных на ПК как игровой платформе, используется

распределение ролей и функций между участниками команды, а также совместное игровое взаимодействие, исходящее из функций, закрепленных за этими ролями; с другой стороны - между участниками команды существуют неформальные отношения, основанные на симпатии-антипатии, лидерстве-подчиненности, которые косвенно влияют на игровое взаимодействие, а следовательно – на эффективность командной работы и вероятность победы. Это позволяет заключить, что сложные МОБА-игры предъявляют высокие требования к коммуникативным и медиативным навыкам, к способности к лидерству (для определенных ролей) и эмпатии, а также к навыкам командной работы и эффективного сотрудничества.

С.Э. Боровских и А.К. Осницкий указывают на изменение функционального состояния игроков в случае субъективно-значимого поражения: фиксируется повышение агрессивности и враждебности у всех игроков, кроме того, который играл на так называемой «пятой позиции», то есть в роли поддержки, совмещенной в киберспортивных командах с ролью капитана команды, на которого ложатся медиативные функции и функции стратегического планирования [2]. Выявлены изменения личностных характеристик после субъективно-значимой победы в игре, выражающиеся в снижении индексов агрессивности у всех игроков и враждебности - у всех игроков, кроме игрока «пятой позиции» [1]. Таким образом, рассматривая вопрос влияния МОБА-игр, важно учитывать не только влияние самой игры на личностные особенности игрока, но и влияние принимаемой им роли в рамках игрового процесса.

В исследовании Н.А. Симоновой, Н.П. Петрушкиной, А.В. Дегтярева и Е.П. Врублевского изучалось влияние Dota 2 на тактическую подготовленность хоккеистов. Исследователи обнаружили, что включение игры в Dota 2 в ходе подготовки было целесообразным, повысило скорость и эффективность решения тактических задач [10]. Согласно результатам исследования, проведенного Athanasios V. Kokkinakis с соавторами [13], средний интеллект игрока, активно играющего в League of Legends и Dota 2 (две наиболее популярные МОБА-игры) значительно превышает средний интеллект игрока, активно играющего в Destiny 2 и

Battlefield 3 (игры в жанре FPS - «First Person Shooter»). Это объясняется тем, что МОВА-игры в силу сложности игрового процесса, во-первых, способны ограничивать частоту успеха для игроков, которые не обладают достаточными аналитическими, тактическими и стратегическими способностями, во-вторых, МОВА-игры способны выступать «тренажером» для развития таких способностей, - этот вывод согласуется с результатами исследования Н.А. Симоновой и соавторов [10].

Проведенное исследование выявило высокую популярность МОВА-игр среди подростков и возможность их влияния на развитие личностных характеристик игроков. Показано, что возрастные изменения предпочтений платформ отражают склонность к более сложным когнитивным и социальным вызовам. Теоретический анализ демонстрирует, что МОВА-игры удовлетворяют важные психологические потребности игроков: в достижении, конкуренции, самоидентификации и признании. Они также предъявляют высокие требования к когнитивным способностям, коммуникации и лидерским качествам, особенно в контексте командных взаимодействий. Полученные результаты показывают перспективность дальнейшего изучения МОВА-игр как инструмента для формирования социальных и когнитивных навыков.

Список использованных источников

1. Боровских, С.Э. Устойчивость высоких психологических показателей игроков как предпосылка успешного командообразования / С.Э. Боровских, А.К. Осницкий // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2020. – №2. – С. 56-62.
2. Боровских, С.Э. Устойчивость психологических показателей игроков киберспортивной команды / С.Э. Боровских, А.К. Осницкий // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – № 1-2. – С. 121-129.
3. Иванова, Н.А. Мотивация игроков в компьютерные игры и киберспорт / Н.А. Иванова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2017. – №11 (153). – С. 321-325.
4. Кыштымова, И.М. Влияние видеоигр на геймеров: к проблеме определения трансформационного потенциала игровой активности / И.М. Кыштымова, С.Б. Тимофеев // Baikal Research Journal. – 2019. – Т.10. – №4. – DOI : 10.17150/2411-6262.2019.10(4).3.

5. Кыштымова И.М. Психологическая модель компьютерных игр / И.М. Кыштымова, С.Б. Тимофеев // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 160-174.
6. Поздеева, Е.М. Что ждет рынок видеоигр в 2022 году? / Е.М. Поздеева // ФИНАМ. – URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/chto-zhdet-rynok-vi-deoigr-v-2022-godu-20220119-183308/> (дата обращения: 21.11.2024).
7. Пономарева, Е.С. Видеоигры и агрессия: Основные тенденции зарубежных исследований / Е.С. Пономарева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2022. – № 3. – С. 169-199.
8. Рубцова, О.В. Сетевой анализ взаимосвязи личностных особенностей игроков подросткового и юношеского возраста с их поведением в виртуальном пространстве (на примере групповой компьютерной игры «Dota 2») / О.В. Рубцова, С.Л. Артеменков, А.С. Панфилова, А.М. Токарчук // Психологическая наука и образование. – 2023. – Том 28. – № 4. – С. 5-19.
9. Рубцова, О.В. Исследование взаимосвязи личностных особенностей игроков подросткового и юношеского возраста с их поведением в виртуальном пространстве (на примере групповой компьютерной игры «Dota 2») / О.В. Рубцова, А.С. Панфилова, С.Л. Артеменков // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23. – №1. – С. 137-148.
10. Симонова, Н.А. Оценка влияния компьютерных игр на тактическую подготовленность хоккеистов пубертатного возраста / Н.А. Симонова, Н.П. Петрушкина, А.В. Дегтярев, Е.П. Врублевский // Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и туризма: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 239-241.
11. Тимофеев, С.Б. Инструмент прогнозирования и проверки трансформирующего потенциала видеоигр / С.Б. Тимофеев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. – 2021. – Т. 37. – С. 46-56.
12. Demediuk S., York P., Drachen A., Walker J.A., Block F. Role Identification for Accurate Analysis in Dota 2 // Proceedings of the Fifteenth AAAI Conference on Artificial Intelligence and Interactive Digital Entertainment (AIIDE-19). 2019. P. 130—138.
13. Kokkinakis A.V., Cowling P.I., Drachen A., Wade A.R. Exploring the relationship between video game expertise and fluid intelligence // PLoS ONE. № 12(11). 2017.
14. Murko D. League of Legends vs. Dota 2 esports — popularity dynamics, pandemic effect, top regions, teams and broadcast languages / ESCharts: information and reference portal. –URL: <https://escharts.com/news/comparison-league-legends-and-dota-2> (Accessed: 21 November 2024).

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ ОБРАЗОВ ГЕРОЯ И РОССИИ

Слепнева Елена Валерьевна
канд. геогр. наук, доцент кафедры географии
картографии и геосистемных технологий
Иркутский государственный университет (РФ, г. Иркутск)
(evslepneva@mail.ru)

Представлены результаты исследования особенностей восприятия образов героя и России студентами Иркутского государственного университета. Данные образы являются важными элементами духовного развития молодежи и оказывают определяющее значение в формировании её менталитета. Отмечается, что в текущей сложной внешнеполитической ситуации необходимо уделять особое внимание патриотическому воспитанию студентов, формируя положительные образы героя и России в сознании молодежи. Выявлено отсутствие четкого представления образа героя и трансформация традиционной семантики архетипического образа у студентов. Показана ее связь с презентацией образа героя в медиапространстве.

Ключевые слова: архетип, герой, Россия, патриотическое воспитание, традиционные ценности, медиапространство.

FEATURES OF STUDENTS PERCEPTION OF IMAGES HERO AND RUSSIA

Slepneva Elena Valeryevna
Candidate of Geographical Sciences,
Associate Professor of the Department of Geography,
Cartography and Geosystem Technologies
Irkutsk State University (Russian Federation, Irkutsk)
(evslepneva@mail.ru)

The results of a study of the peculiarities of perception of the images of the hero and Russia by students of Irkutsk State University are presented. These images are important elements of the spiritual development of young people and have a decisive role in shaping their mentality. It is noted that in the current difficult foreign policy situation, it is necessary to pay special attention to the patriotic education of students, forming positive images of the hero and Russia in the minds of young people. The lack of a clear representation of the hero's image and the transformation of the traditional semantics of the archetypal image among students are revealed. Its connection with the presentation of the hero's image in the media space is shown.

Key words: archetype, hero, Russia, patriotic education, traditional values, media space.

Введение. Отношение молодежи к традиционным ценностям, в том числе, образу героя, определяет особенности ее самоидентификации и является индикатором благополучия общества. Кроме того, с представлениями о герое тесно связана проблема формирования и развития у молодёжи чувства национальной идентичности.

Обострившаяся в последнее время международная обстановка способствует поиску и обоснованию эффективных способов формирования чувства патриотизма у молодежи (от греч. *patris* – отечество). Под патриотизмом понимается гордость за достижения родной страны, потребность защищать её интересы, формирование представлений о её героях, преданность национальным традициям, уважительное отношение к государственной символике и т.д.

В отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе понятие патриотизма дефинируется по-разному, но стоит отметить два общих релевантных феномена: отношение человека к отечеству или народу (эмоциональная составляющая) и наличие не столько сознательных, сколько бессознательных норм поведения, способов деятельности и привычек. Очевидна эмоциональная составляющая, поэтому для формирования патриотизма недостаточно интеллектуального воздействия в виде убеждения и обоснования необходимости и важности любви к своей родине. Никакими логическими рассуждениями невозможно объяснить возникающие у человека эмоции и никакими чувствами нельзя объяснить правомерность логических конструктов [1]. Опора на феномен бессознательного имеет явные преимущества. При неосознаваемых процессах фильтр контроля отсутствует и человек довольно легко принимает новые психологические установки.

Целью данного исследования является выявление психологического содержания категориальной структуры образов «герой» и «Россия» у студентов Иркутского государственного университета. Предметом исследования выступают представления студентов об образах Россия и герой.

Задачи исследования: проанализировать основные теоретические подходы и результаты эмпирических исследований в изучении представлений об образах

России и героя; выявить особенности восприятия в сознании студентов вуза образов героя и России; рассмотреть влияние медиапространства на трансформацию образа национального героя.

Теоретико-методологической основой работы являются положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского; модель культурных представлений, основанная на концепции культурного программирования Г. Хофстеде.

Теоретические основания исследования образов России и героя. В современных условиях специальной военной операции в интернет-пространстве идет мощная информационная война с целью дискредитации руководства РФ и формирования негативного отношения населения к своей стране. В связи с этим, важной является задача формирования положительного отношения к России и национальным героям.

По результатам психологических исследований было установлено, что образ современной России представлен в сознании респондентов следующими категориями: «неоднозначная», «сильная», «просторная», «родная», «неспокойная» [2, 3, 4]. Дальнейшие исследования категориальной структуры представлений о России позволили определить [5] лидирующую позицию фактора «благополучие и авторитет», выраженный в характеристиках прогрессивности страны, её богатства, авторитета и устремлённости в будущее. Представления о стране также включают категории, определяющих целостность, самостоятельность и многогранность.

По данным научных исследований, образ родины формируется на основе знания достижений страны на разных исторических этапах развития и образов героев, как носителей идеалов и ценностей [6, 7, 8]. Именно из этих представлений складываются особенности отношения к родной стране, степень её принятия и формируется чувство патриотизма.

Герой, по мнению античных философов «полубог», отличается от обычного человека способностью совершать невозможное. В современном понимании героя – человека, совершающего подвиги, необычного по своей

храбрости, доблести, самоотверженности, привлекающего внимание, вызывающего восхищение и желание подражать [9], отражена созидательная сторона и культурно значимая семантика. Образ героя в данном случае представляет собой идеал национального и личного самосознания.

В психоаналитике Юнга образ героя рассмотрен как архетип. К.Г. Юнг подчеркивал важное значение символических архетипических образов коллективного бессознательного и считал, что, забывая архетипичные образы, люди теряют смысл жизни и морально разлагаются, и наоборот, помня героические нарративы, человек совершенствуется и сохраняет свою национальную идентичность. Трансформация символических образов может привести к деструктивным последствиям – уничтожению национальной культуры и ценностей этноса.

Образ героя формируется в процессе длительного исторического развития этноса и затрагивает глубинные психические механизмы индивидуума. Герой символизирует готовность к преодолению препятствий в экстремальных условиях или к экстремальным действиям. Ориентация на общественное благо определяет ценностный статус «героя», который становится прототипом, а его поступок – образцом, задающим направленность поведения людей в критических ситуациях, поэтому образ героя имеет созидающее значение как для личности, так и для культуры. В сложных жизненных ситуациях функция образа героя определяет детерминанту поведения человека. Именно эта категория является наиболее уязвимой к разного рода влияниям и психологическому воздействию медиапространства [10].

Современные исследования указывают на трансформационные процессы традиционных символов героев. Благодаря воздействию медиапространства место героического в сознании молодежи занимают иные образы. Культурный образ героя претерпевает изменения, связанные с его медийной интерпретацией [10].

Гипотетическим предположением, легшим в основу исследования, было суждение о том, что семантика образа героя подвержена трансформациям, зависящим от транслируемых в медиапространстве нарративов, в условиях

трансляции базовых ценностей образ героя будет сохранять черты культурного (созидающего) героя, а в условиях медийного размывания традиционных представлений о героическом семантика образа героя будет претерпевать значимые изменения; структура представлений о герое и о России отличаются у студентов разных направлений подготовки, эффективное формирование чувства патриотизма должно опираться не столько на рациональные, сколько на иррациональные психологические феномены – эмоциональный и бессознательный.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в г. Иркутске Иркутской области с применением ассоциативного метода. В опросе приняли участие студенты трех фокус-групп (n=110), обучающиеся на дневном отделении Иркутского государственного университета: географический факультет (30 чел.), факультет бизнес-коммуникаций и информатики (37 чел.), отделение гуманитарно-эстетического образования педагогического института (43 чел).

Результаты исследования и их анализ. На первом этапе исследования были выявлены представления испытуемых о России. Участники опроса, согласно установке, называли ассоциации, связанные с представленным образом. Ответы распределились следующим образом: «моя страна» (30%), «родина» (26%), «могущественная, великая, сильная» (17%), «большая, необъятная» (11%), «красивая, живописная» (9%), «семья, дом» (7%). Выявлено, что наиболее значимыми компонентами образа родины для студентов Иркутского государственного университета стали: «моя родина», «моя страна дом», «образ чего-то, чем нужно гордиться», «образ семьи (матери, отца)». Следует отметить, что образ России выступает важным ценностным ориентиром для всех трех фокусных групп и не имеет значения, на каком направлении подготовки обучается студент.

На втором этапе были установлены ассоциативные связи с образом героя. Анализ полученных данных выявил, что образ героя в сознании студентов обладает профессиональной спецификой. В ответах студентов гуманитарно-

эстетического отделения чаще присутствовали качественные характеристики, восхваляющие героя. В ответах студентов географического факультета в 2 раза чаще встречались упоминания о супергероях и в 1,5 раза больше ассоциаций патриотического содержания. Студенты факультета бизнес-коммуникаций и информатики чаще героями называли членов своих семей, однако только в этой фокус-группе, встречались ассоциации «смерть», «жертва» и отсутствовало упоминание национальных героев.

К сожалению, очень мало участников опроса в качестве героев называли реальных людей (из 110 участников опроса 2 студента географического факультета называли М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина, и только 1 студент-психолог указал нашего современника – героя России, Алдара Цыденжапова).

Отсутствие персонифицированных представлений о национальном (культурном) герое очень настораживает. Согласно полученным нами данным, в сознании студентов высшей школы образ героя персонифицируется с Человеком-пауком или другим всемогущим супергероем, но не с национальными героями, которые представлены обобщенно «герои ВОВ, герои России, герои Отечества». Это связано с направленной дегероизацией отечественного информационного пространства, обесцениванием роли национального героя, а также значительной ролью голливудской медиапродукции в жизни студентов.

Традиционная семантика архетипического образа героя в ряде случаев трансформирована и размыта. Так, 37% респондентов считают, что герой – «тот, кем восхищаются» (смелый, отважный, мужественный и др.), 17% называли героями патриотов (участников военных действий, героев Великой Отечественной войны, героев России), 13% указали, что герой – это защитник и помощник; 11% считают, что героями являются они сами или их родители (отец, мать); 9% называли супергероев и актера голливудских фильмов (Человек-паук, Железный человек, Вин Дизель), 6% – наименования произведений, имена литературных героев и религиозных лидеров (Герой нашего времени, Онегин, Иисус, Мухаммед), 4% респондентов называли представителей опасных и

помогающих профессий (летчик, космонавт, спасатель, учитель и врач) и 3 % респондентов считают, что герой – это глупый, высокомерный человек и жертва обстоятельств.

В качестве героя студенты преимущественно называли неперсонифицированный, обобщенный образ: «патриот, герой Великой Отечественной войны или герой России»; среди персонифицированных образов представлены персонажи голливудских фильмов, упоминается сказочный герой Баба-Яга и религиозные лидеры (Иисус, Мухаммед), определены существенные отличия в восприятии образа героя в группах, дифференцированных по критерию профессиональной направленности. Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о трансформации камертонных представлений о герое у студентов Иркутского государственного университета.

Заключение. Проведенное исследование было направлено на выявление особенностей восприятия образов героя и России студентами трех направлений подготовки Иркутского государственного университета.

Становление и развитие национальной культуры связано с формированием в сознании людей образа созидającego культурного национального героя. Традиционная культурная семантика героя отражена в качественных характеристиках героя.

Полученные результаты свидетельствуют об активности процессов дегероизации в российских СМИ, что отражается в трансформации представлений о герое и в отсутствии персонифицированных образов в ответах студентов. Делегирование голливудским киногероям функции героического, как и отсутствие в ответах отечественных персоналий является тревожным сигналом и может привести к потере национальной идентичности.

Образ России воспринимается студентами различных направлений подготовки практически одинаково, восприятие же образа героя зависит от профессиональных предпочтений. Образы героя и России имеют большое значение для формирования личности и ее поведения в сложных жизненных

ситуациях, поэтому должны быть ключевыми в патриотическом воспитании молодежи.

Список использованных источников

1. Каплунович, И.Я. Психологические закономерности формирования чувства патриотизма / И.Я. Каплунович, С.М. Каплунович // Международный журнал экспериментального образования. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=10414> (дата обращения: 25.11.2024).
2. Петренко, В.Ф. Политическая психология: психосемантический подход / В.Ф. Петренко, О.В. Митина – Москва: Наука, 2018. – 590 с. – ISBN: 978-5-02-040156-3.
3. Матвеева, Л.В. Категориальная структура образа России в молодежной аудитории / Л.В. Матвеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – Т. 4, № 2. – 2010. – С. 83-98.
4. Кыштымова, И.М. Образ России и русских: особенности восприятия молодежью России и Замбии / И.М. Кыштымова, Сеюба Эсанжу // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. – Т.13. – № 3. – 2022. – С. 28.
5. Матвеева, Л.В. Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете 131 жителей страны и союзного государства Белоруссии / Л.В. Матвеева, Ю.В. Мочалова, Е.Е. Петракова, Т.Я. Аникеева // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография / науч. ред. А.Д. Карнышев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – С. 64-112. – ISBN 978-5-9624-1019-7.
6. Емельянова, Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход / Т.П. Емельянова. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 299 с.
7. Литвинов, В.Ю. Образ героя России как фактор формирования гражданской идентичности: гендерный аспект / В.Ю. Литвинов, Л.В. Матвеева // Человек в информационном пространстве. – РИО ЯГПУ, Ярославль, 2020. – С. 238 - 243.
8. Евгеньева, Т.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева. – Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – № 4. – 2017. – С. 48-64.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / С.И. Ожегов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. – Москва : Мир И образование, 2015. – 1375 с.

10. Кыштымова, И.М. Семантика образа героя: межкультурные различия (на примере российских и македонских подростков) / И.М. Кыштымова, С.Н. Ангеловска // Сибирский психологический журнал. – 2018, (70) – С.103-117.

УДК 378.014:15

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Требушенкова Олеся Юрьевна

аспирант

преподаватель кафедры специальной психологии,

дефектологии и социальной работы

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н. Толстого (РФ, г. Тула)

(olesya.u.tre@yandex.ru)

В статье сделана попытка проанализировать современные подходы к изучению влияния СМИ на формирование патриотических ценностей личности молодых людей. Показано влияние современных геополитических и социально-экономических условий и представлений их в массмедиа, посредством распространения информации в социальных сетях и мобильных приложениях, на ценности патриотизма.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера личности, патриотические ценности, личность, медиа, молодежь.

INFLUENCE OF MEDIA ON THE FORMATION OF PATRIOTIC VALUES OF THE PERSONALITY OF MODERN YOUTH

Trebushenkova Olesya Yuryevna

Postgraduate student,

Lecturer of the Department of Special Psychology,

Defectology and Social Work

Tula State Pedagogical

University named after L.N. Tolstoy (Russian Federation, Tula)

(olesya.u.tre@yandex.ru)

The article attempts to analyze modern approaches to studying the influence of the media on the formation of patriotic values of the personality of young people. The influence of modern geopolitical and socio-economic conditions and their representations in the mass media, through the dissemination of information in social networks and mobile applications, on the values of patriotism is shown.

Key words: Value-semantic sphere of personality, patriotic values, personality, media, youth.

В современном Российском обществе наряду с нравственно-идеологическими, экономическими и национальными проблемами выступает как одна из актуальных на данный момент проблема формирования ценностных ориентаций человека. Именно ценностно-смысловая сфера представляет собой один из важнейших компонентов личности, который аккумулирует весь жизненный опыт индивида и формирует вектор его поведения и отношения к окружающему миру [10].

Проблема ценностных ориентаций активно изучалась в 70-80 гг. XX столетия такими учеными, как А.Г. Здравомыслов, Б.С. Круглов, В.А. Ядов, и др. В этих исследованиях ценностно-смысловая сфера человека представляет собой психологическое образование в структуре личности, которое формируется на основе высших социальных установок и потребностей [6].

Ценностные ориентации развиваются под влиянием внутренних и внешних социально-психологических факторов на протяжении всей жизни человека. С возрастом ценностно-смысловая сфера оформляется в целостную, интегрированную систему, которая формирует тесную связь с остальными структурами личности и, тем самым, увеличивает свое влияние на внешнее проявление активности личности.

Ценностно-смысловая сфера оказывает большое воздействие на стабильность личностных установок и ориентаций человека, что не мало важно в современных условиях смены духовно-нравственных идеалов [8].

Одной из главных ценностей личности, как члена социума, связанных с исторической памятью, нравственностью, вехами воинской славы, является патриотизм.

Вопросами влияния СМИ на сознание человека и формирования его личности, занимались такие ученые как М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, Ю.Н. Тыняков, А.К. Якимович и др. Они считали, что медиакультура играет большую роль в жизни человека, поэтому она неразделима со всеми психологическими структурами личности, включая ценностный ее компонент [12].

СМИ оказывают влияние на сознание и поведение больших групп людей. При помощи средств массовой информации реализуется государственная политика и отражаются результаты этой политики. В связи с этим положением, мы проанализировали взгляды российских исследователей, изучающих вопрос влияния массмедиа на патриотические ценности молодых людей [4].

И.П. Немчинова, в своих работах пишет о том, что в советское время патриотические ценности главным образом прививались семьей и социальными институтами. Влияние СМИ тоже было значимым, поскольку с помощью телевидения и газет проводилась патриотическая пропаганда. В то время фильмы, музыка, литература, все информационное поле вокруг интересов молодых людей, было пропитано духом героизма, а патриотические идеи транслировались повсеместно [7].

В своих исследованиях Д.С. Дурягин, А.А. Дроздова, А.А. Золотухин отмечают, что в постсоветском пространстве тема патриотизма, любви к родине и гордости за свою страну практически исчезло из тем, затрачивавшихся в СМИ. Такие патриотические ценности, как любовь к родине, национальное единство, преданность своей стране и культуре, постепенно подменялось ценностями западного индивидуализма. По мнению авторов, самое большое влияние на формирование патриотических чувства и ценностных ориентаций личности в это время, оказывали военные документальные и художественные фильмы [3, 5].

На современном этапе влияние медиакультуры на ценностные ориентации личности непрерывно растет, поскольку является главным инструментом познания и освоения мира в его интеллектуальных, творческих и психологических аспектах.

Говоря о перспективах влияния СМИ на формирование патриотизма и патриотических ценностных ориентаций, мы опираемся на работы А.В. Возженикова и А.Н. Кузнецова. По их мнению, в современном обществе, средства массовой информации стали эффективным инструментом для социализации индивида, поскольку именно массмедиа в значительной мере пропагандируют образцы поведения, ценности, традиции и моральные нормы,

которые в свою очередь влияют на сознательные и бессознательные процессы психики человека [1].

На сегодняшний день наиболее популярными у молодежи являются новые медиа, такие как интернет-ресурсы, социальные сети и мобильные приложения. Однако, обращаясь к СМИ-источникам молодые люди, в большей степени, оставляют запросы, имеющие развлекательный характер. Это отрицательно влияет на формирование духовно-нравственных, патриотических ценностных ориентаций молодежи.

Несмотря на это, информационное пространство активно пополняется информационными компонентами, которые призваны повысить интерес молодежи к патриотической тематике. Во всех социальных сетях появились государственные и региональные проекты патриотической направленности, а также просторы интернета стали пополняться мобильными приложениями на данную тему [7].

Пропаганда патриотических ценностей в средствах массовой информации является не только стремлением повысить престижность военных профессий и привлечением молодых людей к защите Родины, но и выполняет функцию защиты граждан от деструктивного идеологического и психологического воздействия в ходе развернувшейся в мире информационной войны [2].

Таким образом, в современных геополитических и социально-экономических условиях усилилась роль средств массовой информации в формировании патриотических ценностей личности молодежи. Многие современные исследователи отмечают, что социализация молодежи происходит за счет новых медиа, таких как интернет, мобильные приложения и социальные сети. За счет популярности данных источников, появилась возможность усилить эффект от проведения различных мероприятий, которые призваны формировать патриотические ценности личности. Этот эффект достигается посредством создания различных каналов и сообществ в социальных сетях на тему патриотизма и разработки мобильных приложений, помогающих реализовать проекты государственного и регионального уровня.

Список использованных источников

1. Барабанщикова, В.В. Ценностная ориентация «патриотизм»: сущность, содержание и оценка сформированности / В.В. Барабанщикова, С.А. Иванова, Н.А. Арёфьева, М.С. Гузеев, А.В. Третьяков, А.А. Зеленский, Н.В. Мажников, А.С. Пантюхов, А.А. Федоров // Национальный психологический журнал. – 2023. – Т. 18. – № 4. – С. 99-114.
2. Возжеников, А.В. СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности: исторический опыт и перспективы / А. В. Возжеников, А. Н. Кузнецов // Коммуникология. – 2022. – №1. – С. 107-118.
3. Дурягин, Д. С. Патриотизм – основа формирования гуманистических ценностей у молодежи / Д. С. Дурягин, А. А. Дроздова // Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Посвящается Великой Победе : Материалы и доклады Всероссийской научно-практической конференции школьников, студентов, аспирантов и молодых учёных. – Севастополь: ООО "Рибест", 2017. – С. 159-161.
4. Зеркаль, Д.А. Средства массовой информации как инструмент государственной информационной политики: модели взаимодействия власти и СМИ / Зеркаль Д.А. // Антиномии. – 2016. – №2. – С. 94-104.
5. Золотухин, А. А. Сегмент деловых СМИ в системе современного отечественного медиарынка / А. А. Золотухин, Ю. Н. Мажарина // Трансформация медиасреды в XXI веке : Материалы международной научно-практической конференции / под ред. Д.В. Неренц. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2019. – С. 219-226.
6. Лапин, Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег / Н.И. Лапин // Экономическая социология. – 2009. – №3. – С. 82-93.
7. Немчинова, И.П. Влияние медиа на воспитание патриотических ценностей у молодежи / И.П. Немчинова // Молодой исследователь Дона. – 2017. – №5 (8). – С. 199-203.
8. Плугатырева, Е. О. Ценностные ориентации, как один из основных компонентов структуры личности / Е. О. Плугатырева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – №7. – С. 217-221.
9. Рудакова, О. В. Специфика формирования ценностных ориентаций современной молодежи / О. В. Рудакова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2022. – № 5(47). – С. 10-14.
10. Прокопкин С.Н. Ценностные ориентации российского война XXI века / С.Н. Прокопкин, В.И. Лубяной // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – Москва, 2019. – № 2. – С. 40-58.
11. Филиппова, С. А. Осознанность как фактор снижения риска возникновения негативных последствий взаимодействия учащихся с современной информационной средой / С.А.

Филиппова, С.В. Пазухина // Психологическое сопровождение безопасности образовательной среды школы в условиях внедрения новых образовательных и профессиональных стандартов : Материалы Всероссийской заочной научной интернет-конференции : Сборник научных статей, Москва, 02 октября 2015 года / Центр экстренной психологической помощи МГППУ ; Под ред. И.А. Баевой, Л.А. Гаязовой, О.В. Вихристюк, В.В. Коврова. – Москва : Московский городской психолого-педагогический университет, 2015. – С. 90-94.

12. Штильников, Д.Е. Влияние средств массовой коммуникации на формирование ценностных ориентаций молодёжи / Д.Е. Штильников // Актуальные вопросы современной психологии : материалы IV Междунар. науч. конф. - Краснодар : Новация, 2017. – С. 26-31.

УДК 159.9.075

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АУДИТОРИЕЙ

Шайкина Елена Александровна

канд. пед. наук, доцент кафедры психологии

Луганский государственный педагогический университет (РФ, г. Луганск)

(lugelenalug@gmail.com)

В статье изложены результаты исследования отношения современной аудитории к средствам массовой информации. Отмечены новые особенности восприятия разных каналов информации, рассмотрены формы реагирования населения на информационные технологии работы с массовым сознанием. В ходе анализа полученных данных выделены сильные и слабые стороны современных средств массовой информации.

Ключевые слова: информационные технологии, массовое сознание, медиаобразование, средства массовой информации.

FEATURES OF PERCEPTION OF MASS MEDIA BY MODERN AUDIENCE

Shaikina Elena Aleksandrovna

PhD, Associate Professor of the Department of Psychology

Lugansk State Pedagogical University (Russian Federation, Lugansk)

(lugelenalug@gmail.com)

The article presents the results of a study of the attitude of modern audiences to mass media. New features of perception of different information channels are noted, forms of population response to information technologies of work with mass consciousness are considered. During the analysis of the obtained data, strengths and weaknesses of modern mass media are identified.

Key words: information technologies, mass consciousness, media education, mass media.

Средства массовой информации давно вошли в нашу жизнь и стали неотъемлемой ее частью. На протяжении десятилетий мы можем наблюдать процесс взаимодействия личности с информационным пространством. Информационные каналы не только помогают нам быть в курсе всех мировых событий, но и активно влияют на формирования мировоззрения своей аудитории, консолидируют или разобщают общество, формируют культурные ценности или разрушают их.

Как отмечает Е.И. Барышева «в зависимости от того, каким является мировоззрение личности, какие взгляды у человека на то, что происходит в окружающем мире, какие ценности она исповедует и какими руководствуется в своем поведении, какими являются ее моральные принципы и направленность, от этого, по нашему мнению, будут зависеть содержательные характеристики жизненного пространства личности. Очевидно, что у каждого человека они будут иметь свое индивидуальное содержательное своеобразие». [1. с.62]

Однако, за последнее десятилетие информационное пространство претерпело ряд изменений, что привело к новому формату взаимодействия средств массовой информации с аудиторией.

Этой проблеме посвящены работы ряда ученых. Е.Д. Павлова поднимает проблему изменения сознания в информационном обществе именно под влиянием средств массовой информации, Ю.Д. Бабаева обращает внимание на психологические последствия влияния информационных технологий, М. Фасслер, А. Бюль, Ш. Вебер говорят об особенностях формирования нового типа личности и типа общества под воздействием информационной среды

С целью изучения особенностей восприятия средств массовой информации современной аудиторией нами было проведено исследование с использованием метода анонимного письменного опроса.

Выборку составили 207 человек в возрасте от 18 до 60 лет.

По результатам опроса мы выяснили, что для 78,5% респондентов каналом получения информации является Интернет, для 18,6% помимо Интернета, каналом получения информации является телевизор. Только 2,9% выбрали телевизор как основной источник получения информации.

Особенность информирования через Интернет является большое разнообразие каналов, которые имеют разную направленность в подаче и трактовке событий. Люди склонны выбирать психологически комфортный источник информации, т.е. тот канал, на котором ракурс подаваемой информации совпадает с мнением пользователя. Имеет значение и первичность получения информации, т.е. человек склонен воспринимать информацию в той трактовке, в которой услышал или прочитал ее впервые. В отличие от телевидения, Интернет не дает возможности средствам массовой информации вырабатывать и поддерживать единую идеологическую линию. В то же время у пользователя есть возможность сравнивать разные точки зрения и интерпретации событий, тем самым развивая критическое мышление.

Таким образом, Интернет как канал информации, с одной стороны препятствует формированию единой установки, с другой – активно способствует развитию критического мышления. Как видим из вышеприведенных данных, телевидение как канал информации практически утратило влияние на население.

О критическом отношении к получаемой информации говорит и тот факт, что в среднем респонденты доверяют информации, полученной из СМИ всего лишь на 46,5%. Для анализа полученной информации 46,4% опрошенных просматривают альтернативные источники постоянно, 20,3% делают это время от времени и только 33,3% не перепроверяют информацию. Таким образом, можно сделать вывод о том, что большая часть опрошенных склонна к анализу получаемой информации даже из психологически комфортных источников и вырабатывает свою точку зрения на события.

Имеет значение и тот факт, что 84,1% респондентов считают, что СМИ не могут быть свободными. Они в любом случае выполняют социальный или

политический заказ. При этом 10,1% опрошенных верят в свободные СМИ, а 5,8% считают СМИ свободными на половину.

На вопрос «Как часто Вы просматриваете каналы СМИ?» мы получили следующие ответы: больше одного раза в день – 23,2%, раз в день – 27,5%, несколько раз в неделю – 14,5%, раз в неделю – 11,6%, реже одного раза в неделю – 20,3%, когда слышны взрывы – 2,9%. Из полученных ответов можно сделать вывод о том, что только половина респондентов являются постоянными потребителями информации. Вторую половину опрошенных можно отнести к сторонникам информационной экологии.

Самыми популярными темами у населения, по результатам опроса, являются «Политика», «События в своем городе», «Светские новости из жизни селебрити и новости моды», «Новости науки». Такое сочетание тем можно объяснить, с одной стороны, потребностью быть в курсе происходящих событий в достаточно нестабильной социальной ситуации, с другой – уйти от этой ситуации в более психологически комфортное информационное пространство.

В ходе исследования нами были выявлены признаки подверженности респондентов влиянию средств массовой информации.

Воздействие на эмоциональную сферу населения по-прежнему остается эффективным приемом по влиянию на аудиторию. Так, 50,7% респондентов ответили, что контент СМИ всегда вызывает у них эмоциональный отклик. У 27,5% респондентов иногда появляются эмоциональные реакции на информацию и только 21,3% ответили, что получаемый контент не вызывает у них никаких эмоций. О потребности в эмоциях (даже отрицательных) говорит и тот факт, что 70,6% респондентов утвердительно ответили на вопрос «Открываете ли вы «замыленные» картинки в Интернете?».

При этом, 30% опрошенных склонны отстаивать позиции услышанные или прочитанные в СМИ, 18,8% делают это иногда, 50,1% при анализе ситуации опираются только на свои суждения. Мы можем предположить, что при достаточно высоком уровне развития критического мышления эмоциональная сфера личности является той ахиллесовой пятой, которая не всегда может

контролироваться личностью и по-прежнему остается объектом воздействия при работе с массовым сознанием. Так, 47,8% респондентов отметили тот факт, что ссорились с друзьями, близкими или знакомыми из-за несовпадения взглядов и позиций, предложенных СМИ. При анализе этих конфликтов впоследствии отмечалось, что в большей степени была задействована эмоциональная сфера нежели обращение к логическим доводам.

Опрос показал, что 66,7% респондентов используют в речи или мышлении услышанные, или увиденные в СМИ словесные штампы, что является показателем проникновения этой информации в подсознание личности.

Результаты нашего исследования показали, что такой прием работы по изменению общественного мнения как дискуссия с переходом от телевидения к интернет-пространству утрачивает свои позиции. Так, 69,6% респондентов ответили, что не вступают в дискуссии на интернет-форумах и не читают комментарии, 15,9% делают это редко и только 14,5% являются активными участниками дискуссий на форумах.

На вопрос «Чего, на Ваш взгляд, категорически не должно быть в СМИ?» самым популярным был ответ: «Информации не соответствующей действительности». Респонденты отметили, что сталкиваются с этим достаточно часто, что снижает кредит доверия к средствам массовой информации. Второй по популярности ответ (с равным количеством баллов) – насилия и пропаганды. В связи с этим, следует обратить внимание на то, что тенденция подстраиваться под конъюнктуру информационного рынка вызывает недовольство аудитории и приводит к ее потере. На третьем месте ответы «Реклама» и «В СМИ должно быть все. Должен быть внутренний контроль у самой личности при выборе контента». Четвертую позицию занял протест респондентов против пропаганды (часто косвенной) вредных привычек. Пятую строку антирейтинга заняли ответы: «Не должно быть публичного унижения личности», «Не должно быть мата», «Не должно быть безграмотных дикторов и блогеров». Как видим, эти тенденции нового времени в средствах массовой информации не находят отклика у аудитории.

Исходя из того, что современное общество живет в насыщенном информационном пространстве, 85,5% респондентов считают, что в учебных заведениях необходим курс по медиаобразованию. Детей необходимо обучать адаптивному поведению и психологической экологии в условиях постоянного воздействия информационных технологий. Этот курс так же будет способствовать развитию критического мышления личности.

Подводя итоги проведенного исследования, можно выделить следующие особенности восприятия средств массовой информации современной аудиторией:

1. Основным каналом для получения информации стал Интернет. Телевидение, радио, газеты практически утратили свои позиции.

2. Альтернативность каналов в Интернете способствует развитию критического мышления аудитории и снижает жесткость идеологического контроля.

3. Эмоциональная сфера личности по-прежнему остается слабым звеном в работе с массовым сознанием.

4. Средства массовой информации утрачивают доверие аудитории из-за информации несоответствующей действительности.

5. Жизнь в информационном обществе предполагает наличие медиаобразоваия для обеспечения психологической безопасности личности.

Список использованных источников

1. Барышева, Е.И. Оптимистический/пессимистический локус отношения как отражение субъективного жизненного пространства личности / Е.И. Барышева / Человек. Наука. Социум. – 2021. – №3(7). – С. 57-77.
2. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве / Е.Д. Павлова. - Москва : Academia, 2007. – 684 с. – ISBN 978-5-87444-276-7

Секция 4. Адаптационные детерминанты психофизического здоровья человека

УДК 159.944

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

*Ангелина Эльвира Александровна
канд. филос. наук, доцент кафедры клинической психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(adjon@yandex.ru)*

В статье сделана попытка обобщить взгляды ученых на проблему причин эмоционального выгорания и профессиональной деформации личности психолога-консультанта. Перечислены методы профилактики эмоционального выгорания и профессиональной деформации психолога-консультанта.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональная деформация.

EMOTIONAL BURNOUT AND PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE PERSONALITY OF A CONSULTING PSYCHOLOGIST: CAUSES AND PREVENTION

*Angelina Elvira Aleksandrovna
PhD, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology
Donetsk State University (Russia, Donetsk)
(adjon@yandex.ru)*

The article attempts to summarize the views of scientists on the problem of the causes of emotional burnout and professional deformation of the personality of a consulting psychologist. The methods of preventing emotional burnout and professional deformation of a consulting psychologist are listed.

Key words: emotional burnout, professional deformation.

Актуальность. Научный и практический интерес к синдрому эмоционального выгорания обусловлен тем, что этот синдром является непосредственным проявлением проблем, связанных с самочувствием работников и эффективностью их труда. По мнению Н.Е. Водопьяновой [3], Е.С. Старченковой [6] и М.М. Скугаревской [5], профессиональный стресс

приводит к формированию у работников системы «человек-человек» эмоционального выгорания. Эмоционально выгоревшие работники прибегают к неконструктивным, неэффективным моделям поведения, тем самым усугубляя переживание стресса и усиливая напряженность вокруг себя.

Как известно, в психоконсультировании большую роль играет личность психолога-консультанта. Именно практикующий психолог для успешного процесса взаимодействия с клиентом и положительного эффекта в работе должен быть способен устанавливать контакт с ним. Важно подчеркнуть, что взаимодействие психолога с клиентом всегда сопровождается интенсивным эмоциональным напряжением. Длительное эмоциональное напряжение может привести к эмоциональному истощению, что может оказать влияние на развитие синдрома эмоционального выгорания и профессиональной деформации.

По мнению Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, эмоциональное выгорание является деформацией личностных качеств человека и негативно влияет на его психофизиологическое состояние. Профессиональная деятельность психолога-консультанта отличается своей спецификой: жесткое следование этическим принципам, отсутствие возможности рассказать подробно о своей практике, завышенные ожидания клиентов и многое другое. Поэтому для практикующих психологов в подавляющем большинстве обязательна такая форма работы, как супервизия и/или личная терапия. На сегодняшний день существует достаточно исследований, которые доказали эффективность процесса супервизии для психологов-консультантов [3].

Таким образом, эмоциональное выгорание и профессиональная деформация негативно сказывается на практикующих психологах, снижая эффективность их труда и оказывая негативное влияние на его психофизиологическое здоровье.

Цель данного исследования – проанализировать существующие подходы к эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации личности психолога-консультанта, рассмотреть причины и направления профилактики.

Изложение основного материала. Впервые о выгорании как о научном понятии, заявил Г. Фрейденбергер. Среди личностных особенностей, способствующих эмоциональному выгоранию, ученый выделил эмпатию, гуманность, увлекаемость, интровертированность [7]. По мнению Н.Е. Водопьяновой, синдром выгорания включает эмоциональные, физические и познавательные симптомы, которые испытывает человек в случае невозможности разрешить проблемную ситуацию или нивелировать стресс-факторы, если это связано с трудностями на пути достижения цели [3].

В.В. Бойко считает, что выгорание – это механизм психологической защиты, сопровождающийся притупленностью эмоциональной сферы при влиянии стресс-факторов. В процессе выгорания человек начинает проявлять эмоции дозированно, экономно. При этом выгорание – это конструктивное явление, а неконструктивными считает последствия выгорания, отрицательно сказывающиеся на профессиональной деятельности личности и ее межличностных отношениях. Все это закономерно приводит к профессиональной деформации. Выгорание – это относительно устойчивое негативное явление, которое сопровождается эмоциональным истощением, развитием деструктивного поведения на работе, потерей мотивации к работе [2].

Синдром выгорания также изучали К. Маслач и С. Джексон. По мнению К. Маслач, синдром выгорания формируется как реакция на стресс-факторы, которые приводят к эмоциональному отгораживанию от клиента и снижению эффективности работы [4]. Психологи-консультанты в рамках своих профессиональных обязанностей должны находиться в постоянном взаимодействии с клиентами, которые приходят к психологу с различными проблемами, испытывая при этом спектр негативных эмоций. Психолог-консультант должен быть эмпатичным, чтобы быть эффективным. К. Маслач и С. Джексон [4] предложили модель выгорания, которая включает: 1) эмоциональное истощение (экономия эмоций, человек не может выполнять работу на должном уровне); 2) деперсонализацию (негативное отношение к

клиентам); 3) редукцию личных достижений (неверие в свои силы справиться с рабочими задачами, уничижительное отношение к себе).

В научных трудах как отечественные, так и зарубежные специалисты, называют факторы синдрома выгорания, которые влияют на его возникновение (К. Маслач, О.В. Крапивина и др.). К таким факторам они относят: личностный фактор (индивидуально-психологические особенности личности); профессиональный фактор (многочасовая работа, монотония, однообразие, отсутствие карьерного роста); ролевой фактор (ролевая неопределённость, нечеткость должностных инструкций) [4].

Среди личностных особенностей, способствующих выгоранию, Г. Фрейденбергер выделяет увлекаемость, жесткость к другим людям, низкий уровень самоуважения, очень высокую или низкую мотивацию к достижению успеха, трудоголизм, высокий уровень эмпатии [7]. По мнению отечественного ученого В.В. Бойко, личностными особенностями, которые способствуют развитию синдрома выгорания, являются эмоциональная холодность, сильные и длительные негативные эмоциональные переживания из-за отсутствия субъективного переживания неуспеха в профессиональной деятельности, низкий уровень мотивации к работе [2]. Как отмечает М.М. Скугаревская, развитию синдрома выгорания способствуют такие индивидуально-личностные особенности, как высокий уровень тревожности, неуверенность в себе и своих силах, чувство вины, импульсивные черты. И, напротив, добросердечность, вариативность поведения, гибкость, экстравертированные черты характера помогают более эффективно справляться со стрессовыми ситуациями [5].

Психологическая нагрузка у практикующих психологов велика, что зачастую приводит к накоплению усталости, которая затем перерастает в хроническую. Накопленная усталость приводит к снижению работоспособности человека и к проблемам в сфере его психофизического здоровья. У психологов-консультантов при эмоциональном истощении отмечается нежелание общения с клиентами, отмечаются ошибочные действия в процессе работы. В таких обстоятельствах психологи-консультанты могут проявлять нетерпение,

раздражительность, агрессию в отношении клиентов. Совокупность указанных причин может привести к эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации.

Стоит отметить еще одну причину выгорания – это работа с большим количеством клиентов, на которых практикующий психолог тратит время сверх нормы, испытывая при этом регулярную усталость и напряжение. При этом недостаточное количество часов для практики также может приводить к выгоранию, так как психолог-консультант может быть обеспокоен поиском клиентов, тратя большое количество времени и энергии на договоренности по размещению рекламы, на посты в социальных сетях, проводя вебинары и т.п. Если практикующий психолог не получает ожидаемый результат, то он может разочароваться не только в профессии, а и в собственных способностях, что также приведет к выгоранию и профессиональной деформации.

Также к причинам формирования синдрома выгорания психологов-консультантов учёные относят и сферу межличностных отношений: с клиентами (недовольство клиентов, агрессия, манипуляции и др.), вследствие чего профессионал может испытывать раздражение, разочарование, агрессию; с коллегами по работе (соперничество, конфронтация, конфликты, отсутствие уважительного отношения руководителя); с близкими людьми (отсутствие поддержки, внимания) и т.п.

К причинам профессиональной деформации психологов-консультантов специалисты относят: многовекторность позиции практикующего психолога: нейтральность с одной стороны, проявление эмпатии к клиенту – с другой; непроработанные, неосознаваемые или нерешенные личные проблемы психолога-консультанта; неоправданные ожидания практикующего психолога и неадекватность запроса клиента; эмоциональное истощение, накопленная усталость, стресс-факторы; отсутствие поддержки от коллег, отсутствие супервизии.

Профессиональная деформация психологов-консультантов проявляется следующим образом: желание поддерживать других, давать советы, помощь в

решении проблем других людей при том, что психолога они не просят им помогать; желание быть вездесущим, браться за любые случаи, даже, если они находятся вне компетенции практикующего психолога; отсутствие способности разграничить личное и профессиональное пространство; навязчивое желание помогать и приносить пользу другим; переживание глубокого разочарования в случае невозможности оказать психологическую помощь клиентам, близким людям, коллегам; притупленность эмоций и дистанцирование от проблем пациентов; неуважительное отношение и обесценивание чувств клиента, его ценностей, образа жизни.

Таким образом, обозначенные выше факторы могут приводить к формированию синдрома выгорания и, как следствие, к профессиональной деформации, что сопровождается: нежеланием выполнять свои профессиональные обязанности, усталостью, раздражительностью, повышенным уровнем агрессии, конфликтами с коллегами и руководством, низким уровнем инициативы, разочарованием, головными болями, нарушениями ритма сна и бодрствования.

Таким образом, можно утверждать, что несомненным фактором в формировании синдрома профессионального выгорания являются индивидуальные особенности личности. Мнения отечественных и зарубежных исследователей по данному вопросу в целом построены в одном ключе, и отличаются лишь различным вкладом индивидуально-психологических особенностей специалистов в процесс формирования феномена синдрома выгорания.

На сегодняшний момент существует достаточное количество исследований, посвященных профилактике эмоционального выгорания и профессиональной деформации психологов-консультантов. По мнению Л.И. Анцыферовой, для предупреждения развития синдрома выгорания психологу необходимо развивать в себе личную ответственность за свой труд, за стиль своего общения с клиентами и коллегами, принимать активное участие в группах встреч профессиональных практикующих психологов, создавать

возможности на рабочем месте для творческого подхода, заботиться о своем физическом и психологическом здоровье, брать только те обязательства, которые адекватны профессиональной квалификации и личностным компетенциям [1].

Для профилактики эмоционального выгорания важно развивать в себе рефлексию, умение распознавать свои эмоции, свое поведение, их взаимосвязь, умение посмотреть на себя, свои качества, свою работу со стороны. Очень важно развивать в себе компоненты осознанной саморегуляции поведения (умение ставить цели и добиваться их, умение расставлять приоритеты, умение моделировать, программировать и прогнозировать различного рода ситуации), умение делать перерывы в работе, личное и профессиональное самосовершенствование. Отлично зарекомендовали себя медитация, мышечная релаксация, дыхательные техники.

Для предупреждения выгорания и профессиональной деформации очень важны условия труда психолога-консультанта, куда входит: эргономичное рабочее место, грамотно расставленная мебель, удобное расположение техники, достаточное освещение и комфортный температурный режим.

Некоторые специалисты в рамках профилактики эмоционального выгорания и профессиональной деформации предлагают психоконсультантам помимо практики заниматься еще и другими видами деятельности: участие в психологических научных исследованиях, преподавательская деятельность, написание научных статей, методических пособий и т.п. Другие специалисты предлагают пройти индивидуальный коучинг, чтобы прокачать недостающие психологу навыки и умения для предотвращения развития эмоционального выгорания. Также предлагается придерживаться этического кодекса психолога, где четко обозначены в том числе особенности прав и обязанностей собственно практического психолога и клиента.

Если эмоциональное истощение все же сформировалось, то тогда наиболее хорошее зарекомендовавшим себя методом его преодоления будут различного рода тренинги, групповая психотерапия.

Выводы. Таким образом, необходима систематизированная работа по учету эмоционального выгорания и дистанцирования от других, чтобы свести к минимуму изоляцию на работе. Нужно поощрять поддержание профессиональных отношений, супервизию, групповые консультации, неформальную поддержку, наставничество, что в итоге должно способствовать большему самосознанию и пониманию собственных чувств и реакций. Супервизия специалиста и личная терапия могут также способствовать выработке у практических психологов собственных способов/стилей преодоления трудностей для выявления проблем и более эффективной борьбы с ними с целью разработки более конструктивных методов преодоления трудностей.

Список использованных источников

1. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психол. журн., 1994. – Т. 15, № 1. – С. 3-19.
2. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 105 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова. – Санкт-Петербург : Питер. – 2008. – 338 с.
4. Маслач, К. Профессиональное выгорание: как люди справляются: практикум по социальной психологии / К. Маслач. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 528 с.
5. Скугаревская, М.М. Синдром эмоционального выгорания / М.М. Скугаревская // Медицинские новости, 2002. – № 7. – С. 3-9.
6. Старченкова, Е.С. Программа обучения конструктивному совладающему поведению в профессионально трудных ситуациях / Е.С. Старченкова // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Вып. 2. Психология. Педагогика, 2016. – С. 122-134.
7. Фрейденбергер, Г. Копинг-компетенции / Г. Фрейденбергер // Теория на практике, 2004. – С. 53-54.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ

Безродный Владимир Иванович

канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии

Чеграхчи Анна Владимировна

студентка магистратуры

Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)

(bezrodnuy@rambler.ru)

В статье сделана попытка раскрыть содержание психологических особенностей саморегуляции у студентов с избыточным весом, проанализировать существующие проблемы и перспективы коррекции их эмоционально-волевой сферы в процессе обучения. Рассматривается влияние личностных и социальных факторов на саморегуляцию данной категории студентов, а также возможность использования инновационных методов психологической поддержки и саморегуляции в образовательной среде. Показано значение развития навыков саморегуляции для успешной адаптации студентов с избыточным весом к учебной и социальной деятельности.

Ключевые слова: саморегуляция, избыточный вес, эмоционально-волевая сфера, студенты, психологическая поддержка, адаптация, инновационные методы.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF OVERWEIGHT STUDENTS' SELF- REGULATION

Bezrodnuy Vladimir Ivanovich

candidate of Psychological Sciences

associate professor of the Department of Psychology

Chehrakhchi Anna Vladimirovna

Master's student

Donetsk State University (RF, Donetsk)

(bezrodnuy@rambler.ru)

The article attempts to reveal the content of the psychological features of self-regulation in overweight students, analyze existing problems and prospects for correcting their emotional and volitional sphere in the learning process. The influence of personal and social factors on the self-regulation of this category of students is considered, as well as the possibility of using innovative methods of psychological support and self-regulation in the educational environment. The importance of developing self-regulation skills for the successful adaptation of overweight students to educational and social activities is shown.

Key words: self-regulation, overweight, emotional and volitional sphere, students, psychological support, adaptation, innovative methods.

Современная образовательная среда предъявляет высокие требования к психофизиологической устойчивости и саморегуляции студентов. Особую группу среди студентов составляют лица с избыточным весом, которые, помимо общего стресса, связанного с учебной деятельностью, сталкиваются с дополнительными сложностями. Эти сложности могут включать социальное давление, снижение самооценки, трудности в межличностной коммуникации, а также проблемы в эмоционально-волевой сфере [1].

Саморегуляция является ключевым фактором, позволяющим студентам управлять своими эмоциями, поведением и мотивацией для достижения поставленных целей. Однако у студентов с избыточным весом этот процесс может быть затруднён из-за различных психологических и социальных факторов.

В данной статье предпринимается попытка изучить особенности саморегуляции студентов с избыточным весом и определить перспективы использования инновационных методов психологической поддержки для повышения их адаптивности [3].

Понятие саморегуляции занимает центральное место в современной психологии личности и здоровья. По определению А. Бандуры, саморегуляция представляет собой способность индивида устанавливать и достигать целей, управлять своими действиями, эмоциями и состояниями через контроль над внутренними процессами и внешним поведением. Согласно теории функциональных систем, П. К. Анохина, саморегуляция является системой взаимодействия физиологических и психологических механизмов, обеспечивающих адаптацию человека к изменяющимся условиям среды. В контексте образовательного процесса саморегуляция студентов включает когнитивные, эмоциональные и мотивационные компоненты, которые позволяют им эффективно справляться с учебными нагрузками.

Студенты с избыточным весом находятся в зоне повышенного риска возникновения проблем в сфере саморегуляции. Это обусловлено сложным взаимодействием психофизиологических, эмоциональных и социальных факторов. Избыточный вес связан с изменениями в работе эндокринной и нервной

систем, что может отрицательно сказываться на уровне энергии, внимания и способности концентрироваться. Лица с избыточным весом часто испытывают повышенную тревожность, низкую самооценку и склонность к депрессивным состояниям, что затрудняет управление эмоциональными реакциями. Стереотипы и предвзятое отношение к людям с избыточным весом в обществе могут вызывать у студентов чувство социальной изоляции, усиливать переживания стыда или вины, что ещё больше снижает их способность к саморегуляции [5].

Особенности саморегуляции студентов с избыточным весом также проявляются в поведенческих стратегиях. Часто у них наблюдается избегающее поведение в стрессовых ситуациях, что препятствует выработке адаптивных навыков преодоления трудностей. Эти студенты могут сталкиваться с проблемами в постановке учебных целей и их достижении, что связано с внутренними конфликтами, недостаточной мотивацией и склонностью к прокрастинации [4].

Для повышения уровня саморегуляции у студентов с избыточным весом необходимы целенаправленные меры психологической поддержки. Одним из перспективных направлений является использование интерактивных методов, которые позволяют вовлечь студентов в активный процесс самопознания и саморефлексии [2].

Такие методы включают тренинги личностного роста, арт-терапию, когнитивно-поведенческую терапию, направленную на изменение негативных убеждений и развитие адаптивных стратегий поведения. Кроме того, важным компонентом работы с данной категорией студентов является обучение навыкам управления стрессом и развития эмоциональной устойчивости.

Применение инновационных технологий в обучении, таких как цифровые платформы для мониторинга эмоционального состояния и управления целями, также может способствовать формированию навыков саморегуляции. Например, использование мобильных приложений для отслеживания психологического состояния или онлайн-курсов по стресс-менеджменту позволяет студентам самостоятельно работать над развитием своих способностей.

Особое внимание в процессе психологической подготовки студентов с избыточным весом должно уделяться созданию поддерживающей образовательной среды. Это включает в себя формирование культуры принятия и инклюзии, а также развитие у преподавателей навыков работы с разными категориями студентов. Психологическая поддержка со стороны педагогов и кураторов способствует снижению уровня тревожности и помогает студентам вырабатывать эффективные механизмы адаптации.

Таким образом, развитие саморегуляции у студентов с избыточным весом является сложным, но важным процессом, требующим комплексного подхода. Использование инновационных методов психологической поддержки, формирование навыков управления эмоциями и поведения, а также создание благоприятной социальной среды позволяют студентам улучшить качество своей жизни и повысить уровень успешности в образовательной и социальной деятельности.

Список использованных источников

1. Анохин, П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. – Москва : Наука, 1975. – 448 с.
2. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
3. Васильев, В.Л. Психологическая саморегуляция: теория и практика / В.Л. Васильев. – СПб.: Речь, 2007. – 272 с.
4. Линде, И.В. Психология здоровья: учебное пособие / И В. Линде. – Москва : Академический проект, 2011. – 416 с.
5. Сыромятникова, Е. В. Личностные особенности и эмоциональные состояния у людей с избыточным весом / Е. В. Сыромятникова // Психология и медицина. – 2017. – № 3 (24). – С. 58–64.
6. Шадриков, В.Д. Саморегуляция психических состояний: основы теории и методология / В. Д. Шадриков. – Москва : МГУ, 2008. – 328 с.
7. Фельдштейн, Д.И. Психология индивидуального и группового поведения / Д.И. Фельдштейн. – Москва : Педагогика, 1982. – 208 с.

СВЯЗЬ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СО СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬЮ У КАРДИОЛОГИЧЕСКИХ И ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

Будик София Андреевна

студент 2 курса магистратуры

Устинова Наталия Валериевна

канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии

Донецкий государственный университет (г. Донецк, РФ)

(sofiyabudik@gmail.com)

Проведено исследование особенностей защитных механизмов и совладающего поведения у больных с кардиологическими и онкологическими заболеваниями, выявлена их связь со стрессоустойчивостью. Полученные результаты могут быть использованы для профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с людьми, имеющими кардиологические и онкологические заболевания.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, защитные механизмы, совладающее поведение, кардиологические патологии, онкологические заболевания.

THE RELATIONSHIP OF PROTECTIVE MECHANISMS AND COPING BEHAVIOR WITH STRESS RESISTANCE IN CARDIOLOGICAL AND ONCOLOGICAL PATIENTS

Sofia A. Budik

is a 2nd year student of the Master's degree, Department

Ustinova Nataliya Valerievna

candidate of Psychological Sciences,

associate professor of the Department of Psychology

Donetsk State University (RF, Donetsk)

(sofiyabudik@gmail.com)

A study of the features of protective mechanisms and coping behavior in patients with cardiological and oncological diseases was conducted, their relationship with stress resistance was revealed. The obtained results can be used for preventive, correctional and rehabilitation work with people with cardiological and oncological diseases.

Key words: stress, stress resistance, protective mechanisms, coping behavior, cardiological pathologies, oncological diseases.

Актуальность данного исследования связана с тем, что стресс является одной из значимых причин развития различных заболеваний, включая онкологические и кардиологические. Стресс - это психическое состояние человека, которое появляется как ответная реакция на различные экстремальные воздействия, целостный ответ организма и личности на экстремальные влияния или на повышенную нагрузку. Стресс может негативно влиять на иммунную систему организма, что увеличивает риск развития раковых заболеваний. Кроме того, он может способствовать развитию воспалительных процессов, которые также могут увеличить риск онкологии. Стресс часто становится причиной развития сердечно-сосудистых заболеваний, таких как ишемическая болезнь сердца, гипертония, инфаркт миокарда и другие. Психологический стресс может вызвать увеличение давления, изменение сердечного ритма и другие негативные изменения, которые могут привести к кардиологическим заболеваниям.

Когда человек сталкивается со стрессом, у него на бессознательном уровне запускаются защитные механизмы, которые помогают ему справиться с нагрузкой [1]. Также при негативном воздействии стресса на человека включается совладающее поведение, которое помогает преодолеть трудную жизненную ситуацию с помощью осознанных действий [2]. Понимание особенностей данных механизмов позволит вырабатывать оптимальные способы борьбы со стрессом, что будет способствовать улучшению качества жизни пациентов и повышению эффективности лечения.

Целью исследования является изучение связи защитных механизмов, совладающего поведения и стрессоустойчивости у кардиологических и онкологических больных.

В исследовании приняли участие люди с различными видами и степенью кардиологических патологий. Кардиологические патологии – это группа болезней сердца и кровеносных сосудов. В эту группу входит: гипертония, ишемическая болезнь сердца (ИБС), ревматическая болезнь сердца, церебральный атеросклероз, аритмия, хроническая сердечная недостаточность, порок сердца и другие множественные патологии [3].

В отечественной психологии особенности кардиологических больных изучали В.Н. Ильина, Е.А. Григорьева, В.В. Николаева и Е.И. ИONOва, И.В. Алдушина, В.П. Зайцев и др.

В исследовании также приняли участие люди с онкологическими заболеваниями разной степени и локализации. Онкологическое заболевание (злокачественная опухоль, рак) – это новообразование, обусловленное патологическим ростом клеток (обычно возникает из одной патологической клетки). Клетки утрачивают нормальный механизм контроля и приобретают способность непрерывно размножаться, вторгаться в близлежащие ткани, мигрировать в отдаленные участки организма и способствовать возникновению новых кровеносных сосудов, которые обеспечивают клетки питательными веществами. По строению клеток опухоли делятся на: карциному (рак в эпителии), лейкоз (развитие ракового процесса в кровеносной системе), меланому (рак кожи), саркому (рак в соединительной ткани), лимфому (рак в лимфатической системе) и глиому (рак головного мозга и др.) [4].

Особенности онкологических больных изучали А. Лоуэн, С. Саймонтон, Г. Айзенк, Н. Непомнящая, Н. Пезешкиан, Н.А. Русина и др.

Исследование проводилось в городской больнице № 2 «Восточная» города Макеевки Донецкой Народной Республики. В нем приняли участие 45 больных с кардиологическими патологиями в возрасте от 30 до 75 лет и 35 онкологических больных в возрасте от 40 до 75 лет.

В исследовании был использован тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана. С целью выявления особенностей стрессоустойчивости использовались: методика «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т. Холмса и Р. Раге, тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона и тест на стрессоустойчивость К. Шнайера.

По результатам опросника «Индекс жизненного стиля» было выявлено, что чаще всего кардиологические больные используют такие механизмы

психологической защиты, как отрицание (27%) и гиперкомпенсацию (22%). Это говорит о том, что информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не воспринимается больными. Также они стараются предотвращать выражение неприятных или неприемлемых для них мыслей, чувств или поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений. В меньшей степени испытуемые используют проекцию (13%), что свидетельствует о склонности приписывать окружающим различные негативные качества и искать причины своих проблем во внешнем мире.

Онкологические больные также склонны использовать гиперкомпенсацию (30%). В отличие от кардиологических больных, им свойственно использовать регрессию (30%), что может проявляться в инфантильном поведении, демонстративной беспомощности, капризах и т.п. В меньшей степени онкологические больные используют замещение (20%), что говорит о тенденции снимать свое напряжение, обращая агрессию на более слабый одушевленный или неодушевленный объект, или на самого себя.

Проанализировав полученные результаты опросника «Способы совладающего поведения», можно отметить, что кардиологические (22%) и онкологические (30%) пациенты часто прибегают к копинг-стратегии дистанцирования. Это свидетельствует о том, что они пытаются преодолеть негативные переживания за счет субъективного снижения их значимости и степени эмоциональной вовлеченности в них. Онкологические больные также часто прибегают к самоконтролю (20%) и поиску социальной поддержки (20%) и таким образом преодолевают негативные переживания за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, а также стремятся разрешить проблемы за счет привлечения внешних ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки. У кардиологических больных выражена копинг-стратегия конфронтация (20%), им свойственно разрешение проблем путем противостояния сложившейся ситуации. В меньшей степени кардиологические (15%) и онкологические (10%) больные используют бегство-избегание, что говорит о попытках преодолеть

негативные переживания, возникшие в связи с трудностями, за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения.

Анализ результатов диагностики по методике «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» показал, что большинство кардиологических больных (70%) и больше половины онкологических больных (60%) имеют низкую степень сопротивляемости стрессу, что приводит к значительным трудностям в преодолении стрессовых ситуаций. У них выражена эмоциональность и импульсивность, что приводит к вынужденной необходимости тратить большое количество энергии и ресурсов на борьбу с негативными психологическими состояниями, возникающими в процессе стресса.

Результаты по тесту самооценки стрессоустойчивости и тесту на стрессоустойчивость показали, что большинство испытуемых с кардиологическими патологиями (65%) и половина испытуемых с онкологией (50%) плохо справляются с трудностями и стрессом в повседневной жизни.

Для статистической проверки полученных результатов был использован линейный коэффициент корреляции Пирсона.

В результате корреляционного анализа показателей по тесту самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, защитных механизмов и копинг-стратегий, у больных с кардиологическими патологиями была выявлена прямая значимая на 5% уровне связь между уровнем сопротивляемости стрессу и защитным механизмом реактивное образование ($r = 0,29, p \leq 0,05$). Связь на 1% уровне выявлена с вытеснением ($r = 0,51, p \leq 0,01$), регрессией ($r = 0,48, p \leq 0,01$), компенсацией ($r = 0,41, p \leq 0,01$), проекцией ($r = 0,48, p \leq 0,01$) и замещением ($r = 0,42, p \leq 0,01$).

Также была выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегиями конфронтация ($r = 0,32, p \leq 0,05$), дистанцирование ($r = 0,30, p \leq 0,05$), самоконтроль ($r = 0,32, p \leq 0,05$) и поиск социальной поддержки ($r = 0,36, p \leq 0,05$). Связь на 1% уровне выявлена со стратегией бегство-избегание ($r = 0,38, p \leq 0,01$).

В результате корреляционного анализа показателей по тесту стрессоустойчивости К. Шнайера была выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и защитными механизмами вытеснение ($r = 0,31, p \leq 0,05$), регрессия ($r = 0,31, p \leq 0,05$) и компенсация ($r = 0,32, p \leq 0,05$).

Также выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегией дистанцирование ($r = 0,35, p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ показателей онкологических больных по тесту самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, показал прямую значимую на 5% уровне связь между уровнем сопротивляемости стрессу и защитным механизмом рационализация ($r = 0,35, p \leq 0,05$).

Статистически значимая связь между уровнем сопротивляемости стрессу и совладающим поведением не была выявлена.

В результате корреляционного анализа результатов диагностики по тесту стрессоустойчивости К. Шнайера, защитных механизмов и копинг-стратегий, была выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и защитными механизмами вытеснение ($r = 0,33, p \leq 0,05$) и гиперкомпенсация ($r = 0,38, p \leq 0,05$).

Также была выявлена значимая на 5% уровне связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегиями принятие ответственности ($r = 0,36, p \leq 0,05$) и бегство-избегание ($r = 0,41, p \leq 0,05$).

Практическая значимость данного исследования проявляется в возможности разработки стратегий психологической поддержки, которые могут быть интегрированы в медицинский процесс. Понимание индивидуальных особенностей совладания у кардиологических и онкологических больных поможет медикам и психологам улучшить качество жизни пациентов, предложив им адаптивные техники для преодоления эмоциональных трудностей. Полученные результаты исследования могут стать основой для создания программ психоэмоциональной реабилитации, что актуально в свете растущего числа пациентов с данными патологиями.

Список использованных источников

1. Демина, Л.Д. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – 2-е изд. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 132 с. – ISBN 5-7904-0451-0.
2. Перре, М. Стресс и копинг как факторы влияния / М. Перре, А.-Р. Лайрейтер, У. Бауман ; под ред. М. Перре, У. Бауманна // Клиническая психология. – СПб. : Питер, 2002. – С. 358-392.
3. Смулевич, А.Б. Психокardiология и основные аспекты психосоматической медицины [Текст] / А.Б. Смулевич // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2005. – Том 7. – № 3. – С. 120-122.
4. Соухами Р., Тобайс Р. Рак и его лечение / Р. Соухами, Р. Тобайс. – Москва : БИНОМ, 2009. – 437 с. – ISBN 978-5-94774-288-6.

УДК 159.9.07

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ И НЕАДАПТИВНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Бухарова Инна Сергеевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры
педагогики и психологии детства*

*Уральский государственный педагогический университет
(РФ, г. Екатеринбург) (Inessa71@mail.ru)*

В статье рассмотрено понятие неадаптивная активность личности и креативность как одно из проявлений неадаптивной активности личности. Представлены результаты корреляционного исследования взаимосвязи креативности и неадаптивной активности личности в юношеском возрасте. Анализ результатов показал наличие статистически значимой связи только между показателем креативности разработанность и неадаптивной активностью.

Ключевые слова: неадаптивная активность, креативность, взаимосвязь креативности и неадаптивной активности личности, выход за пределы.

ON THE PROBLEM OF STUDYING CREATIVITY AND MALADAPTIVE PERSONALITY ACTIVITY

Bukharova Inna Sergeevna

*candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of the Department
of Pedagogy and Childhood Psychology,
Ural State Pedagogical University
(RF, Ekaterinburg) (Inessa71@mail.ru)*

The article examines the concept of maladaptive personality activity and creativity as one of the manifestations of maladaptive personality activity. The results of a correlation study of the relationship between creativity and maladaptive

personality activity in adolescence are presented. Analysis of the results showed the presence of a statistically significant connection only between the indicator of creativity and maladaptive activity.

Key words: maladaptive activity, creativity, relationship between creativity and maladaptive personality activity, going beyond.

В современной психологии актуальной является проблема неадаптивной активности личности. Одним из проявлений неадаптивной активности личности является креативность, как способность личности создавать оригинальные идеи, как способность находить неординарные решения, как способность решать проблемы в ситуациях неопределенности.

Как считает В.А. Петровский, все, что касается творчества, новаторства в различных сферах – это все проявления неадаптивности человека. Именно благодаря «неприспособительному» поведению и происходит прогресс во всех сферах человеческой жизни. Но не всегда проявления творчества являются неадаптивно-активными. Да, в процессе творчества человек действует, согласно В.А. Петровскому, неадаптивно. Но это, по сути, вполне адаптивная активность. Неадаптивная активность – это не болезненное отклонение от нормы, а связывается с активной позицией человека в жизни [6; 7; 8].

Неадаптивность состоит в том, что цель и результат не совпадают и в этом несовпадении есть источник динамики личности, так как если цель не достигнута, то это побуждает индивида действовать дальше в заданном или ином направлении. Поэтому неадаптивность рассматривается как условие, обеспечивающее человеку «выход за пределы» его собственных устремлений, что в конечном итоге способствует самореализации личности [1; 2; 3; 4; 5].

Данная статья посвящена расширению феноменологии неадаптивной активности и изучению взаимосвязи неадаптивной активности и креативности.

Одной из форм проявления неадаптивности является направленность целеполагания индивида, состоящая в привлекательности для него действий с непредрежденным исходом. Существуют тенденции в проявлении активности человека, которые содержат в себе ориентацию индивида на возможные неблагоприятные исходы в сфере его витальных отношений с миром.

Для решения поставленных задач нами было проведено пилотажное исследование на выборке 42 человека. В опытной работе участвовали студенты 1 курса ИП и ПД УрГПУ. Для диагностического исследования были использованы следующие методы и методики.

Определение креативности осуществлялось с помощью теста креативности Е.П. Торренса в адаптации Е.Е. Туник [9]. Анализ результатов проводился по показателям беглость, гибкость, оригинальность и разработанность.

Для оценки неадаптивной активности был использован метод субъективных оценок (мнений) [1]. После того как испытуемых ввели в феноменологию неадаптивной активности, им было предложено назвать тех членов группы, которых они считают неадаптивно-активными.

Для более полного представления о соотношении креативности и неадаптивной активности остановимся на результатах корреляционного анализа.

Корреляционный анализ выявил наличие статистической значимой связи между показателем креативности «разработанность» и неадаптивной активностью ($r = 0,435$). Разработанность – это такой показатель креативности, который показывает насколько личность готова дорабатывать тщательно возникшие идеи, готова доводить начатое дело до конца, особое внимание уделяет деталям, мелочам. Когда возникает творческая идея, человек старается завершить работу и выполнить ее как можно лучше. Это своего рода перфекционизм, который свойственен одаренным личностям. Для неадаптивно активной личности важно также дойти до самой сути, дойти до конца, увидев результат, пусть даже исходные намерения не совпадают с изначальными. Поэтому Разработанность и неадаптивная активность взаимосвязаны. Между остальными показателями креативности (беглость, гибкость и оригинальность) и неадаптивной активностью статистически значимой связи не обнаружено. Это объясняется тем, что излишняя увлеченность детализированием идеи, доведением ее до совершенства не позволяет творческой и неадаптивной

личности создавать большое количество идей, а также создавать оригинальные идеи и делать их разнообразными.

Беглость, гибкость, оригинальность и разработанность – это показатели, которые характеризуют различные стороны творческого мышления, поэтому мы не можем сводить креативность к какому-либо одному из этих показателей (например, разработанности). Анализ результатов в нашем исследовании показал наличие статистически значимой связи только между показателем креативности разработанность и неадаптивной активностью, следовательно, предположение о связи креативности и неадаптивности не подтвердилось данными нашего исследования. Однако, чтобы сделать обоснованные выводы, необходимо дополнительное исследование на большей выборке испытуемых.

Для того чтобы говорить о существовании взаимосвязи между креативностью и неадаптивностью, необходимо, как нам представляется, наличие статистически значимой связи между всеми показателями креативности и неадаптивной активности.

В заключение отметим, что феноменология неадаптивной активности требует дальнейшего изучения и исследования. Последующую работу в данной проблематике мы предполагаем вести по следующим направлениям:

- проведение исследования на большей выборке испытуемых – 60-70 человек;
- ограничение сферы исследования феномена неадаптивной активности (изучение креативности как проявления неадаптивной активности человека в младшем школьном возрасте, так как данный возраст является благоприятным для формирования неадаптивной активности и креативности);
- разработка и апробация процедуры применения метода экспертных оценок для исследования неадаптивной активности человека в младшем школьном возрасте;
- использование для диагностики креативности не только образной части теста творческого мышления Е.П. Торренса, но и вербальной.

Итак, в психологических исследованиях открывается новая область трансфинитной психологии личности, это изучение самоценных и ненасыщаемых форм активности человека, его устремленности за пределы наличного. Один из видов и принципов – принцип неадаптивности, т. е. нетождественности того, к чему стремится субъект, тому, чего удастся достигнуть. Суть состоит в том, что, действуя, человек неизбежно выходит за пределы своих первоначальных стремлений и для него привлекательна сама непредрешенность результата действия. Приметы неадаптивности («адаптивность как неизбежность» или «активно-неадаптивная» тенденция) прослеживаются во всех сферах бытия человека: в его взаимоотношениях с природой, предметным миром, другими людьми и самим собой, а также во взаимопроникновении этих сфер. Неадаптивность служит здесь моментом динамики личности и вместе с тем обеспечивает ее целостность. Когда лидерство в этих процессах берут на себя активно-неадаптивные тенденции, мы сталкиваемся с актами полагания человеком самого себя как свободного существа. Движение деятельности предстает здесь как особая деятельность человека, побуждаемая мотивом «границы» и другими мотивами выхода за пределы наличного. Таковы феномены риска, игры, творчества, познавательного и эмоционального освоения мира («чувствование»), проявления и раскрытия своего Я, обретения себя в другом и другого в себе как самоценные проявления активности человека.

Список использованных источников

1. Бухарова, И.С. Проблемный подход в развитии неадаптивной активности старших дошкольников / диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / И.С. Бухарова. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург, 2005. – 202 с.
2. Бухарова, И.С. Проблемный подход в обучении: «Выход за пределы» / И.С. Бухарова // Начальная школа плюс До и После. – 2014. – № 1. – С. 33-37.
3. Бухарова, И.С. Возможности системно-деятельностного подхода в развитии неадаптивной активности детей младшего школьного возраста / И.С. Бухарова // Нижегородское образование. – 2016. – № 2. – С. 76-81.

4. Бухарова, И.С. «Выход за пределы» в личностном и творческом развитии ребенка-дошкольника / И.С. Бухарова // Детский сад от А до Я. – 2018. – № 2 (92). – С. 18-25.
5. Бухарова, И.С. «Выход за пределы» в личностном и профессиональном развитии педагога / И.С. Бухарова // Педагогическая перспектива. – 2021. – № 4. – С. 28-36.
6. Петровский, В. А. Личность в психологии: Парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону : Издательство «Феникс», 1996. – 272 с.
7. Петровский, В.А. Феномены субъективности в развитии личности/ В.А. Петровский. – Самара, 1997. – 388 с.
8. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский. – Москва : ТОО Горбунок, 1992. - 224 с.
9. Фигурная форма А теста творческого мышления П. Торренса: Методические рекомендации по работе с тестом (для школьных психологов). Пер. с англ. и общая ред. Е.И. Щебланова. – Москва, 1993.

УДК 159.97

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДДИКТИВНЫХ ЛИЦ В ПРОЦЕССЕ ТЕРЦИАРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Вильдгрубе Светлана Александровна
канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(s.vildgrube@mail.ru)

В статье рассмотрены понятия терциарной социализации, ее особенностей, проанализирован процесс трансформации психологических особенностей личности при выходе из аддикции, представлены результаты исследования.

Ключевые слова: аддикция, терциарная социализация, алкоголизм, личностные особенности, ценностные ориентации.

PERSONAL CHARACTERISTICS OF ADDICTS IN THE PROCESS OF TERTIARY SOCIALIZATION

Wildgrube Svetlana Alexandrovna
PhD. Doctor of Psychology, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology
Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)
(s.vildgrube@mail.ru)

The article examines the concepts of tertial socialization, its features, analyzes the process of transformation of psychological characteristics of a person when exiting addiction, and presents the results of the study.

Key words: addiction, tertial socialization, alcoholism, personality traits, value orientations.

Актуальность темы исследования. В современной России алкоголизм и наркомания вышли в разряд проблем, требующих первоочередного решения. Употребление психоактивных веществ (ПАВ) имеет серьезные медицинские, социальные, психологические и экономические последствия. Оно обуславливает антисоциальное поведение, деградацию личности и ухудшение здоровья. В настоящее время отсутствует обоснованная модель возвращения аддиктивной личности к социализации после деградации, возникшей в связи с заболеванием алкоголизмом или наркоманией. В какой мере сочетание внешних (стихийных) и целенаправленных (социализирующих) влияний среды оказывает воздействие на внутренние проявления личности страдающего алкоголизмом или наркоманией, процесс его социализации после деградации? Такая постановка вопроса выдвигается нами в качестве одной из ключевых гипотетических посылок проводимого исследования. Под терциарной социализацией лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, мы понимаем процесс, в результате которого происходят: уход из специфической социальной группы лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, возвращение личности в нормальную социальную среду, восстановление социального статуса, который был утрачен, введение в свою личностную систему тех норм и шаблонов поведения, которые приняты в обществе, возвращение к здоровому образу жизни. На наш взгляд, избранный подход позволяет продуктивно подойти к разработке проблемы терциарной социализации личности алкоголика и наркомана на этапе устойчивой ремиссии, тем самым способствуя устранению проблемы, сложившейся в этом направлении исследований в психологической науке. В качестве исходной теоретической позиции мы опирались на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, согласно которой истоки формирования высших психических функций кроются в особенностях взаимодействия индивида с социальным окружением. Первоначально эти функции выступают как формы внешнего взаимодействия между людьми и лишь постепенно, в процессе освоения

индивидом существующего социального опыта, преобразуются в реальное содержание его внутренней психической жизни.

Объект исследования – терциарная социализация личности. *Предмет исследования* – личностные особенности и ценностные ориентации аддитивных лиц в процессе терциарной социализации. *Цель исследования* – изучение личностных особенностей и ценностных ориентаций аддиктивных личностей в процессе терциарной социализации. *Гипотеза исследования*: личностные особенности и ценностные ориентации лиц с низким уровнем склонности к зависимому поведению имеют тенденцию к социализации (общительности, смелости в социальных контактах, ценность активной и деятельной жизни). *Выборку исследования* составили лица, посещающие «Группу анонимных алкоголиков» г. Донецк в феврале-апреле 2023 года с алкогольной зависимостью (период зависимости более 5 лет), находящихся в ремиссии более 2 лет, а также лица, никогда не страдавших алкогольной зависимостью. В исследовании принимали участие 60 мужчины в возрасте 30-45 лет. Для проверки выдвинутой гипотезы были сформированы две выборки (после первичной диагностики склонности к зависимому поведению): первую выборку составили 30 испытуемых-мужчин, возрастом 30-45 лет, страдавших в прошлом алкогольной зависимостью (более 5 лет) и находящихся в стойкой ремиссии более 2-х лет; вторую выборку составили также 30 испытуемых-мужчин, возрастом 30-45 лет, не страдавшие алкогольной зависимостью. *Методики исследования*: 1) 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла для определения особенности характера, склонностей и интересов личности; 2) методика М. Рокича «Ценностные ориентации» для исследования направленности личности и определения ее отношение к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, восприятие мира, ключевые мотивы поступков, основу «философии жизни»; 3) тест-опросник «Склонность к зависимому поведению» (В.Д. Менделевич) применили с целью выявить психологическую склонность индивида к развитию у него алкогольной и наркотической зависимости.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: идеи культурно-исторической концепции о социальной детерминированности психики (Л.С. Выготский); идеи психологии отношений о развитии и проявлении субъективных психологических отношений и свойств личности, интегрированных и реализуемых в ее направленности (В.Н. Мясищев); идеи о типологии направленности личности (Б.Ф. Ломов); идеи различных социально-психологических теорий личности и социальных групп (Г.М. Андреева, Л.И. Анцыферова, Е.С. Кузьмин, В.А. Мазиллов, В.В. Новиков, Б.Д. Парыгин, А.Л. Свенцицкий); идеи и концепции, описывающие процессы ценностной регуляции поведения (А.Н. Бодалев, А.Л. Журавлев, А.В. Петровский, М.Г. Рогов, В.Е. Семенов, Р.Х. Шакуров, Е.В. Шорохова, В.А. Ядов); идеи и концепции профилактики, коррекции и реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом (В.М. Бехтерев, Л.О. Даркшевич, В.Д. Менделевич, Л.К. Шайдукова).

На первом этапе эмпирического исследования нами была исследована склонность к аддиктивному поведению у зависимых лиц, воздерживающихся от употребления алкоголя более двух лет и посещающих группу анонимных алкоголиков. Результаты, полученные в ходе исследования тест-опросника «Склонность к зависимому поведению» (В.Д. Менделевич) показатели алкогольной зависимости в выборке мужчин, находящихся в процессе выхода из аддикции, на среднем уровне (86,5 баллов в среднем по выборке). Эти показатели говорят о том, что признаков фанатичной зависимости от алкоголя нет, однако и об отсутствии зависимости также нельзя говорить. Испытуемые, не смотря на отсутствие актов употребления алкоголя более двух лет, все еще чувствуют тягу к употреблению алкоголя. Также данная методика позволила проанализировать склонность испытуемых к таким видам зависимости как наркотическая, спортивный и музыкальный фанатизм. Данные виды зависимости развиты в выборке в значительно меньшей степени: признаков наркотической зависимости не выявлено (100% испытуемых имеют низкий уровень наркотической зависимости), спортивный и музыкальный фанатизм присущ в незначительной

степени лишь 1,7% испытуемых выборки. Однако стоит сказать, что зависимость от компьютерных игр на среднем уровне присуща 18,3% и на высоком уровне 18,3% испытуемых. Полученные результаты могут объясняться тем, что в процессе выхода из алкогольной зависимости, аддикты могут переключаться на иной вид зависимости. В данном случае такой зависимостью выступила зависимость от компьютерных игр.

Результаты по данной методике дали возможность разделить выборку на две части: в первую группу вошли испытуемые с низким уровнем алкогольной зависимости (53,3% испытуемых), во вторую группу вошли те, чей уровень алкогольной зависимости характеризуется как средний (20%) и высокий без признаков фанатизма (26,7%). Данное разделение позволило проанализировать различия признаков терциарной социализации у лиц с различным уровнем алкогольной зависимости.

Анализ личностных особенностей и ценностных ориентаций аддиктивных лиц осуществлялся с помощью двух методик: методика «16-факторный личностный опросник» Р. Кеттелла и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Терминальные ценности автор методики определяет, как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования (например, счастливая семейная жизнь, мир во всем мире) с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. Так в выборке преобладают такие терминальные ценности как: счастье других (11,5 баллов в среднем по выборке), уверенность в себе (10,8 балла), активная деятельная жизнь (10,7 балла), счастливая семейная жизни (10,5 баллов), развлечения (10,0 балла). Для лиц в процессе выхода из аддикции важным является возвращение к прежней жизни, обретение уверенности в себе, получение семейного благополучия и положительных взаимоотношений с другими людьми. Однако, стоит сказать, что среди ранжируемых испытуемыми ценностей в процессе тестирования, наименее выбираемыми оказались такие ценности как: познание (8,1 балла), наличие хороших и верных друзей (8,4 балла), здоровье (8,6 балла). Представленные результаты могут говорить о том, что такие виды деятельности

как обучение, межличностное общение, забота о своем здоровье не выступают первостепенными ценностями для лиц, выходящих из аддикции. Полученные результаты позволяют сказать, что наиболее выраженными инструментальными ценностями в выборке являются чуткость (11,4 балла в среднем по выборке), честность (11,0 балла), эффективность в делах (10,7 балла), твердая воля (10,2 балла), широта взглядов (10,2 балла), самоконтроль (9,2 балла). Эти данные говорят о том, что в процессе выхода из зависимости от алкоголя испытуемым важно овладеть качествами, обеспечивающими дальнейшую трезвую жизнь – честность, сила воли, самоконтроль, широта взглядов. Эти ценности важны как для самих испытуемых, так и для людей, которые их окружают. При этом в достаточно меньшей степени для аддиктивных лиц важны такие ценности как образованность (8,1 балла), рационализм (8,2 балла), высокие запросы (8,5 баллов), смелость (8,5 баллов). Данные ценности важны для испытуемых в связи с тем, что данные ценности не являются актуальными в процессе терциарной социализации и требуют более глубокого личностного роста, который на данном этапе не доступен испытуемым.

Таким образом, можно сказать, что среди наиболее актуальных ценностей для лиц в процессе терциарной социализации являются уверенность в себе, счастливая семейная жизнь, активная деятельная жизнь, развлечения, а также честность, эффективность в делах и твердая воля. Данные ценности совпадают с образом того будущего Я, которое выстраивается зависимыми на занятиях в клубе анонимных алкоголиков. Данные ценности позволяют аддиктивным лицам вернуться к прежней жизни, восстановить отношения с семьей, приобрести качества, необходимые для активной жизни.

Ведущими личностными чертами являются: уравновешенность (8,6 баллов в среднем по выборке), экстраверсия (7,8 балла), высокий самоконтроль (7,5 баллов), напряженность (7,5 балла), высокая тревожность (7,4 балла), независимость (7,3 балла), радикализм (7,3 балла), нонконформизм (7,3 балла). Данные показатели говорят о том, что процесс выхода из аддикции сопряжен с описанными выше качествами личности: избавление от зависимости требует от

человека самоконтроля, напряженность, уравновешенность. Однако, помимо этих качеств личность также испытывает высокий уровень тревожности и напряженности. Наименее выраженными в выборке аддиктивных лиц являются такие качества как общительность (5,1 балла), высокий интеллект (5,2 балла), самоутверждение (6,0 балла), эмоциональная стабильность (6,1 балла), подозрительность (6,4 балла).

Таким образом, можно сказать, что у аддиктивных лиц в процесс терциарной социализации, отказавшихся от употребления алкоголя на протяжении более двух лет, ведущими чертами личности являются самоконтроль, напряженность, уравновешенность, тревожность (черты, связанные с процессом совладания с зависимостью).

С целью проверки гипотезы, нами было произведено сравнение двух групп испытуемых по показателям терциарной социализации, а именно – ценностные ориентации и личностные особенности. Для проверки различий двух групп был использован U-критерий Манна-Уитни. Сравнение двух групп испытуемых дают возможность охарактеризовать выявленные различия показателей терминальных ценностей: значимые различия в группах найдены по шкале «жизненная мудрость» ($U_{\text{эмп}}=332,5$, $p \leq 0,05$), по критерию «красота природы и искусства» ($U_{\text{эмп}}=307,5$, $p \leq 0,05$), по показателю «счастливая семейная жизнь» ($U_{\text{эмп}}=333,5$, $p \leq 0,05$), а также по показателю «счастье других» ($U_{\text{эмп}}=328,5$, $p \leq 0,05$). Полученные результаты говорят о том, что у испытуемых с низким уровнем алкогольной зависимости в большей степени выражена ценность жизненной мудрости, созерцания красоты природы и искусства, а также ценности счастливой семейной жизни, счастья для других. В то время как для лиц со средним и высоким уровнем алкогольной зависимости данные категории не имеют ценности. На следующем этапе полученные сравнения показателей инструментальных ценностных ориентаций лиц с низким и высоким уровнем алкогольной зависимости, позволяют сказать, что найдены значимые различия в оценке таких ценностей как исполнительность ($U_{\text{эмп}}=290$, $p \leq 0,01$), а также эффективность в делах ($U_{\text{эмп}}=336$, $p \leq 0,05$). Эти результаты говорят о том, что у

лиц с низким уровнем зависимости в большей степени выражена ценность такого качества личности как исполнительность, способность достигать успеха во всех начинаниях, продуктивность деятельности, стремление доводить начатое до конца, добиваться поставленных целей. Оценка различий ценностных ориентаций у лиц с высоким и низким уровнем алкогольной зависимости в процессе терциарной социализации говорит о том, что у лиц, преодолевших алкогольную зависимость, в большей степени сформирована ценность активной и продуктивной жизни, положительных семейных отношений, культурного развития, восстановления ключевых морально-духовных личностных качеств. Полученные результаты сравнение личностных качеств двух групп испытуемых (с низким и высоким уровнем алкогольной зависимости) дают возможность сказать, что значимые различия наблюдаются по таким качествам как экспрессивность ($U_{кр}=333$, $p \leq 0,05$) и тревожность ($U_{кр}=219,5$, $p \leq 0,05$). И позволяют сделать вывод, что в процессе терциарной социализации испытуемые с низким уровнем алкогольной зависимости характеризуются такими характеристиками как высокая нормативность, сильный характер, добросовестность, настойчивость, уравновешенность, ответственность, решительность, дисциплинированность. Кроме того, для этой группы испытуемых характерна ситуационная тревожность, неудовлетворенность достигнутым, которая может нарушать деятельность.

Таким образом, лица, проходящие процесс терциарной социализации на выходе из аддикции испытывают определенного рода трудности, связанные с опасениями относительно будущего, тревогой и страхом возвращения к зависимости. Однако, вместе с тем, они обладают такими чертами как дисциплинированность, настойчивость, решительность, которые, с одной стороны, способствуют качественному выходу из зависимого поведения, с другой стороны – выход из зависимого поведения формирует описанные качества в личности. Гипотеза исследования подтвердилась.

Список использованных источников

1. Вильдгрубе, С.А. Психологические особенности больных алкоголизмом и их динамика в процессе психотерапевтической коррекции / С.А. Вильдгрубе, Г.М. Фирсова // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2019. – № 2 (46). – С. 91-64.
2. Грязнов, А.Н. Тerciарная социализация личности больных алкоголизмом и наркоманией: специальность 19.00.05 «Специальная психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Грязнов Алексей Николаевич ГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова». 2008. – 36 с.
3. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич. – Городец., 2016. – 386 с. – ISBN 978-5-90681-594-1.
4. Менделевич, В.Д. Руководство по аддиктологии / В.Д. Менделевич, Г.В. Старшенбаум, Г.В. Аддиктология: – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 320 с. – ISBN 5-9268-0543-0.

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У ОСУЖДЕННЫХ

Гришаева Елена Михайловна
студентка

Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры социологии и психологии

Воронцова Евгения Геннадьевна
Байкальский государственный университет
(РФ, г. Иркутск) (grishayeva01@inbox.ru)

В статье рассматривается проблема взаимосвязи волевой сферы и ценностно-смысловой организации у осужденных. Рассматриваются особенности волевой сферы, включающей настойчивость, самоконтроль и решительность, и её влияние на поведение человека. Особое внимание уделяется тому, как условия изоляции и ограничения свободы могут повлиять на мотивацию, активность и адаптацию у осужденных. Анализируется процесс трансформации ценностно-смысловой организации личности в условиях заключения, включая изменение системы ценностей и смыслов, поиск новых ориентиров и адаптацию к условиям заключения.

Ключевые слова: волевая сфера, ценностно-смысловая организация, осужденные, социальная адаптация, реабилитация, пенитенциарная система, мотивация, саморегуляция, личность.

RELATIONSHIP OF THE VOLITIONAL SPHERE AND THE VALUE AND MEANING ORGANIZATION IN CONVICTED INDIVIDUALS

Grishaeva Elena Mikhailovna

Student

*Scientific supervisor: PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology*

Vorontsova Evgeniya Gennadyevna

Baikal State University

(Russian Federation, Irkutsk) (grishayeva01@inbox.ru)

The article deals with the problem of the relationship between the volitional sphere and the value-semantic organization of convicts. The features of the volitional sphere, including perseverance, self-control and determination, and its influence on human behavior are considered. Special attention is paid to how conditions of isolation and restriction of freedom can affect motivation, activity and adaptation in convicts. The process of transformation of the value-semantic organization of a person in conditions of imprisonment is analyzed, including a change in the system of values and meanings, the search for new guidelines and adaptation to conditions of imprisonment.

Key words: volitional sphere, value-semantic organization, convicts, social adaptation, rehabilitation, penitentiary system, motivation, self-regulation, personality.

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска новых подходов к работе с осужденными, направленных на развитие их личностных ресурсов и повышение шансов на успешную адаптацию после освобождения. Проблема взаимосвязи волевой сферы и ценностно-смысловой организации у осужденных является актуальной в контексте современной пенитенциарной системы. Эффективность исправительных мер и возможность успешной ресоциализации осужденных зависят от понимания психологических механизмов, лежащих в основе их поведения. Исследование волевых процессов и системы ценностей позволяет глубже понять причины девиантного поведения и разработать эффективные программы реабилитации. Волевая сфера обеспечивает способность человека к саморегуляции, преодолению трудностей и достижению целей, тогда как ценностно-смысловая организация формирует систему убеждений, ценностей и смыслов, определяющих направленность деятельности и выбор жизненных стратегий.

В отечественной психологии ценностно-смысловая сфера исследуется многими авторами и рассматривается как функциональная система,

формирующая смыслы, ценности и цели жизнедеятельности человека, регулирующая способы их достижения. Так теория ценностно-смысловой сферы, разработанная Борисом Сергеевичем Братусем, рассматривает ценности и смыслы как центральные элементы психологической структуры личности. Согласно Б.С. Братусю, ценностно-смысловая сфера представляет собой совокупность устойчивых представлений человека о мире, других людях и самом себе, которые определяют его поведение и отношение к различным аспектам жизни [1, 58с.].

Юлия Михайловна Кузнецова предлагает подход к исследованию ценностно-смысловой сферы личности, который фокусируется на роли социальных и культурных факторов в формировании и развитии ценностей и смыслов, подчеркивая, что ценности и смыслы не существуют изолированно, но всегда находятся в контексте социальных отношений и культурного окружения. Ю.М. Кузнецова определяет ценностно-смысловую сферу как систему устойчивых представлений и установок, которая определяет мировоззрение человека и его отношение к миру, другим людям и самому себе. Эта система включает в себя ценности, которые имеют субъективную значимость для человека, и смыслы, которые представляют собой индивидуальные интерпретации и понимания значений объектов, событий и явлений. Ценностно-смысловая сфера формируется и изменяется в процессе взаимодействия с окружающим миром, включая социальные и культурные факторы, и играет ключевую роль в управлении поведением и принятии решений человеком [2].

Алексей Николаевич Леонтьев, выдающийся советский психолог, разработал теорию деятельности, в которой особое внимание уделялось понятию "личностный смысл". Теория А.Л. Леонтьева подчеркивает важность деятельностного подхода к изучению ценностно-смысловой сферы личности, показывая, как через взаимодействие с окружающим миром человек формирует свои ценности и смыслы, которые затем определяют его поведение и мировоззрение [4].

Из определений данных авторов можно сделать вывод, что ценностно-смысловая сфера личности – это система устойчивых представлений, убеждений, ценностей и смыслов, формирующаяся в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, которая определяет его мировоззрение, отношение к миру, другим людям и самому себе, а также управляет его поведением и принятием решений.

М.В. Чумаков уделяет особое внимание взаимосвязям между эмоциями и волей, а также их влиянию на поведение и деятельность человека. Эмоции могут усиливать или ослаблять волевые усилия, влиять на мотивацию и целеустремленность. В свою очередь, волевые качества могут помогать человеку контролировать свои эмоции и использовать их в конструктивных целях [8].

Рассмотрим понятие «волевая сфера личности» применительно к реалиям пенитенциарного социума.

Волевая сфера личности в понимании Виктора Франкла — это способность человека сознательно выбирать свой путь и смысл жизни, несмотря на тяжелые обстоятельства и ограничения, характерные для пребывания в местах лишения свободы. В. Франкл утверждал, что даже в самых экстремальных ситуациях, таких как заключение, человек сохраняет свободу внутреннего выбора и ответственность за свои поступки. Волевая сфера включает в себя стремление к поиску и реализации смысла, а также способность сохранять духовную устойчивость перед лицом страданий и ограничений [7].

Таким образом, в контексте пенитенциарной системы волевая сфера личности по В. Франклу может быть определена как способность осужденного сохранять внутреннюю свободу, искать и реализовывать смысл своего существования, несмотря на внешние ограничения и лишения, присущие тюремному заключению.

Л.В. Скрипка рассматривает волевою сферу как важный аспект психического состояния осужденных, который влияет на их адаптацию к новым условиям жизни и возможности ресоциализации. Воля определяется как способность человека сознательно регулировать свое поведение, преодолевать

внутренние и внешние препятствия и достигать поставленных целей. Волевые качества включают целеустремленность, настойчивость, самоконтроль и решительность [5].

Среди данных определений можно выделить схожие черты. Из чего можно сделать вывод, что волевая сфера личности - это способность человека сознательно регулировать свое поведение, преодолевать внутренние и внешние препятствия, достигать поставленных целей, а также сохранять внутреннюю свободу и духовную устойчивость в сложных обстоятельствах. Волевая сфера включает в себя целеустремленность, настойчивость, самоконтроль и решительность, и она влияет на адаптацию человека к новым условиям жизни, его мотивацию и возможность реализации смысла своего существования.

Вопросы волевой сферы и ценностно-смысловой организации у осужденных были изучены во многих работах различных авторов. Так, например, в работе Талалаевой А.А. «Особенности эмоционально-волевой сферы личности осужденных на длительные сроки лишения свободы: диагностика и коррекция» было выявлено, что выработка важных волевых качеств у осужденных — это прежде всего развитие умений преодолевать трудности путем применения сотрудниками исправительных учреждений и самих осужденных методов и приемов воспитания воли, где важно использование труда, а также участие в учебной, профессиональной и общественно полезной деятельности. Для развития волевой сферы личности осужденных очень важна правильная организация их общественно полезной деятельности в исправительном учреждении [6].

Исследований о проблеме взаимосвязи волевой сферы и ценностно-смысловой организации у осужденных достаточно мало, поэтому этот вопрос остается неизученным.

Гипотеза исследования заключается в том, что у осужденных существует прямая связь между состоянием волевой сферы и изменениями в ценностно-смысловой организации. Снижение волевых качеств, вызванное условиями лишения свободы, способствует разрушению прежней системы ценностей и

смыслов, что, в свою очередь, усиливает апатию, снижает мотивацию и затрудняет процесс ресоциализации. Напротив, сохранение и укрепление волевых качеств способствует формированию новой, более адаптивной системы ценностей и смыслов, что облегчает процесс адаптации к условиям заключения и повышает шансы на успешную ресоциализацию после освобождения.

Условия лишения свободы значительно влияют на обе эти составляющие личности. Волевая сфера, представляющая собой способность человека сознательно регулировать свое поведение и достигать целей, испытывает сильное давление в условиях изоляции от общества. Осужденные сталкиваются с потерей привычных целей, снижением мотивации и интересом к жизни, что может привести к апатии и снижению волевых качеств.

Ценностно-смысловая организация личности, включающая систему убеждений, ценностей и смыслов, также претерпевает изменения. Лишение свободы приводит к утрате многих прежних ценностей и смыслов, связанных с жизнью на свободе. Новые ценности и смыслы могут формироваться под влиянием условий заключения, иногда приводя к погружению в криминальную субкультуру, где доминируют ценности силы, власти и насилия.

Взаимосвязь между волей и ценностно-смысловой организацией проявляется в том, что воля служит инструментом реализации ценностей и смыслов. Если человек имеет четкую систему ценностей и ясно понимает свои жизненные цели, то он будет стремиться к их достижению, проявляя волю и настойчивость. Утрата смысла жизни и разрушение системы ценностей может привести к ослаблению волевых качеств и снижению мотивации.

Некоторые осужденные, несмотря на трудности, сохраняют свою систему ценностей и продолжают стремиться к достижению личных целей, демонстрируя высокую степень волевого контроля и самоорганизации. Другие же, потеряв веру в будущее, погружаются в состояние безысходности, отказываясь от любых попыток изменить свою жизнь, что приводит к атрофированию волевых качеств и пассивности [3].

Выводы. Исследование вопросов волевой сферы и ценностно-смысловой организации у осужденных приобретает особую значимость в контексте пенитенциарной системы, поскольку они напрямую связаны с процессом адаптации и ресоциализации лиц, находящихся в заключении. Анализ работ отечественных и зарубежных ученых показал, что ценностно-смысловая сфера личности представляет собой сложную систему убеждений, ценностей и смыслов, формирующихся в процессе взаимодействия с окружающей средой и определяющих мировоззрение и поведение человека. Волевая сфера, в свою очередь, отражает способность человека сознательно регулировать свое поведение, преодолевать внутренние и внешние препятствия и достигать поставленных целей.

Установлено, что условия лишения свободы оказывают значительное влияние на обе эти составляющие личности. Ограничения, связанные с изоляцией от общества, приводят к потере привычных целей, снижению мотивации и интереса к жизни, что может способствовать развитию апатии и снижению волевых качеств. Одновременно происходит разрушение прежней системы ценностей и смыслов, что усиливает чувство безысходности и затрудняет процесс ресоциализации.

Взаимосвязь между волей и ценностно-смысловой организацией проявляется в том, что воля служит инструментом реализации ценностей и смыслов. Сохранение и укрепление волевых качеств способствует формированию новой, более адаптивной системы ценностей и смыслов, облегчая процесс адаптации к условиям заключения и повышая шансы на успешную ресоциализацию после освобождения. Напротив, утрата веры в будущее и разрушение системы ценностей ведет к атрофированию волевых качеств и пассивности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для разработки программ психологической помощи и коррекции поведения осужденных, направленных на укрепление их волевых качеств и формирование позитивной ценностно-

смысловой ориентации. Это, в свою очередь, будет способствовать улучшению процесса адаптации и ресоциализации, снижению уровня рецидивизма и повышению социальной безопасности общества.

Список использованных источников

1. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – С. 58-109.
2. Кузнецова, Ю.М. Структурные и содержательные характеристики ценностных образований личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ю. М. Кузнецова. – Москва, 2006. – 22 с.
3. Кузнецова, Ю.М. Ценностно-смысловая сфера личности: подходы и перспективы исследования / Ю.М. Кузнецова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2015. – № 2. – С. 16-25.
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с.
5. Скрипка, Л. В. Особенности изучения воли впервые осужденных к лишению свободы / Л. В. Скрипка. – Москва : Юрист, 2012. – С. 159-162.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1990.
7. Чумаков, М. В. Эмоционально-волевая сфера личности: учебное пособие для вузов / М. В. Чумаков. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 106 с. – ISBN 978-5-534-13994-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/544068> (дата обращения: 29.11.2024).
8. Талалаева, А.А. Особенности эмоционально-волевой сферы личности осужденных на длительные сроки лишения свободы: диагностика и коррекция / А.А. Талалаева // NovaInfo. – 2024. – № 142. – С. 77-78.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА У ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ

Дронова Анна Алексеевна

магистрант 1-го курса

Ковальчишина Наталья Ивановна

канд. психол. наук., доцент,

доцент кафедры психологии и конфликтологии

*Филиал Российского Государственного Социального Университета в г. Минске
(Республики Беларусь, г. Минск)(nkovalchishina@mail.ru)*

Статья посвящена изучению особенностей переживания одиночества у иногородних студентов. Рассмотрены основные критерии проявления одиночества в юношеском возрасте. Представлены эмпирические результаты исследования степени переживания одиночества у иногородних студентов. Предложены эффективные методы для коррекции эмоционального состояния студентов, проживающих вне дома.

Ключевые слова: переживание одиночества, иногородние студенты, социальная фрустрация, удовлетворенность.

FEATURES OF THE EXPERIENCE OF LONELINESS IN OUT-OF-TOWN STUDENTS

Dronova Anna Alekseevna

1st year master's student

Kovalchishina Natalia Ivanovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Psychology and Conflictology

Branch of the Russian State Social University in Minsk

(Republic of Belarus, Minsk)(nkovalchishina@mail.ru)

The article is devoted to the study of the peculiarities of experiencing loneliness in out-of-town students. The main criteria of manifestation of loneliness in adolescence are considered. The empirical results of the study of the degree of experiencing loneliness in out-of-town students are presented. Effective methods for correcting the emotional state of students living away from home are proposed.

Key words: experience of loneliness, out-of-town students, social frustration, satisfaction.

В наш век стремительного развития компьютерных технологий, трансформации социально-экономических и политических систем государств, изменения устоявшихся психологических стереотипов и ценностных

ориентаций личности, особое значение приобретает психологическое состояние молодых людей в период получения образования.

В настоящее время, как показывает практика, люди часто ощущают себя одинокими в социальном пространстве, поскольку они так или иначе включены в достаточно неоднозначную систему коммуникации.

По сведениям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проводившего опрос россиян в августе 2021 года на тему одиночества показал, что 23% россиян чувствовали себя одинокими, при этом 19% испытывают это чувство время от времени (37% 18-24-летних).

Подобные факты заставляют задуматься о том, что мы имеем дело с очень серьезной проблемой, требующей своего осмысления и практического решения. Многие ученые констатируют, что у людей наблюдается некое размывание духовных ценностей, превалирование мотивации поведения в сторону биологического вектора, удовлетворения базовых потребностей [7; 9].

Проблема одиночества всегда интересовала ученых из разных научных сфер (философия, психология, социология и др.) Важно осознавать, что одиночество – это многоаспектное явление, которое касается многих элементов нашей жизни, а не просто чувство изоляции. Одиночество можно рассматривать как «комплексное переживание, которое может вызывать различные чувства и эмоции, а также разнообразные психические состояния» [2, с. 25].

Изучением и исследованием проблемы одиночества занимались многие отечественные и зарубежные авторы: К.Х. Агнаева, Р. Вейс, Т.И. Гольман, С. Гроф, С.Г. Корчагина, О.В. Левина, Д. Мейерс, Л.А. Пьянкова, В.И. Слободчиков, Л.И. Старовойтова, В. Франкл, К. Хорни, Г.Р. Шагивалеева, Ю.М. Швабл, и др. Вопросы же одиночества студенческой молодежи рассматривались в трудах немногих ученых: Дж. Бельнер, Дж. Мур, Ж.В. Пузанова, Н. Шмидт, К. Эллисон, Дж. Янг и др.

Наряду с большим количеством исследований проблемы одиночества переживание данного явления среди студентов, особенно иногородних является мало изученной, актуальной и требует более детального рассмотрения.

Цель статьи – проанализировать особенности переживания одиночества у иногородних студентов. В качестве задач можно определить следующие: рассмотреть теоретические аспекты переживания одиночества студенческой молодежи; эмпирически выявить основные критерии проявления одиночества среди иногородних студентов.

Согласно мнению Ж.В. Пузановой можно выделить три основных подхода к определению «сущности» и происхождения одиночества: «одиночество свойственно людям, обладающим определенными личностными качествами; одиночество присуще человеку от природы; одиночество – социально приобретенное чувство» [9, с. 133].

Согласно С.Г. Корчагиной одиночество – это «психическое состояние человека, отражающее переживание своей деятельности субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми» [7, с. 14].

Жизнедеятельность современной молодежи, как известно, в настоящее время организуется в основном в интернет-пространстве, что в какой-то мере ограничивает живое общение в социуме. Безусловно, использование современных технологий облегчает процесс получения информации, освоения необходимых профессиональных навыков и умений, но для гармоничного развития человека необходимо полноценное общение друг с другом.

Следует подчеркнуть, что многие авторы свидетельствуют о том, что наиболее уязвимой категорией людей, переживающих одиночество, является студенческая молодежь, особенно иногородняя. Этому есть объективное объяснение. Так, И. Кон отмечает, что «подростковый и юношеский возраст, когда человек ищет себя, – это самый социальный, общительный и одновременно самый психологически одинокий период в жизни» [6, с. 267].

Как указывает К.Х. Агнаева, переживание одиночества выражается в «тревожности, возбудимости и демонстративности характера, противоборстве в конфликтах личной направленности, сочетании высокой и низкой эмпатии,

эгоистичности и подчиняемости в межличностных отношениях, что, безусловно, является противоположными тенденциями» [1, с. 53].

Е.Н. Заворотных рассматривает феномен одиночества как субъективное переживание, которое стимулирует определенные позитивные или негативные чувства и эмоции [3].

В. Франкл отмечает, что одиночество имеет определенный смысл. Для человека это нормальное чувство, оно помогает ему искать других людей, чтобы выстроить благоприятное взаимодействие. Однако если одиночество затягивается и становится хроническим, то это может приводить к различным психологическим и психиатрическим симптомам [12].

Таким образом, большинство исследователей настаивают на том, что основными факторами одиночества в юношеском возрасте являются: личностные особенности, уровни социальной фрустрации, степень удовлетворенности основных потребностей, уровень коммуникативных установок и степень потребности в общении [8; 11].

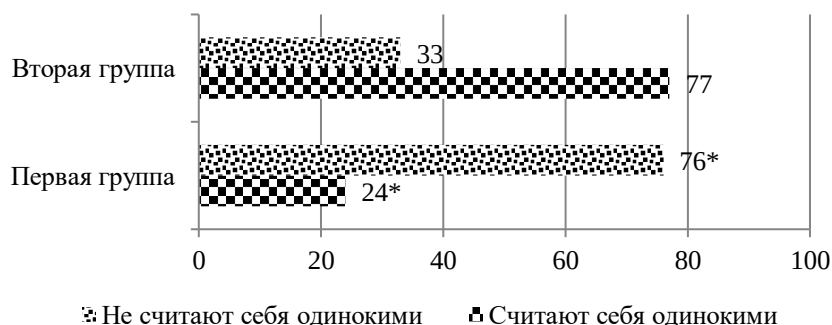
Для реализации цели и задач исследования нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 68 студентов различного направления обучения (социологи, психологи, юристы, экономисты), 32 – юноши, 36 – девушек, возраст студентов составил 18-22 года.

Условно мы образовали две исследовательские группы: первая группа – студенты, проживающие дома, с родителями (41 человек), вторая группа – приезжие студенты, проживающие в общежитии или снимающие комнату (27 человек). В ходе исследования, было выдвинуто предположение, что у иногородних студентов в большей степени проявляется переживание одиночества.

Вначале был проведен опрос студентов относительно их отношения к одиночеству по трем вопросам: считаете ли вы себя одиноким?; стремитесь ли вы избежать одиночества?; как часто у вас возникает желание остаться одному?

Результаты ответов на вопрос «Считаете ли вы себя одиноким?» показал, что большинство студентов первой группы (76%) не считают себя одинокими.

Во второй группе лишь треть респондентов (33%) отметили, что не чувствуют себя одинокими (рис. 1).

Примечание: *статистически значимые различия по ϕ -критерию Фишера, при $p < 0,01$.

Рисунок 1. Результат ответов студентов двух групп на вопрос «Считаете ли вы себя одиноким?», в %

Далее нами анализировались ответы на вопрос «Стремитесь ли вы избегать одиночества?» (рис. 2).

Как показано на рисунке большинство студентов первой группы (71%) стремятся избегать одиночества, стараются больше общаться с друзьями, посещать молодежные мероприятия и т.д. Во второй группе около половины студентов (45%) наоборот, не стремятся избегать одиночества.

Примечание: *статистически значимые различия по ϕ -критерию Фишера, при $p < 0,05$

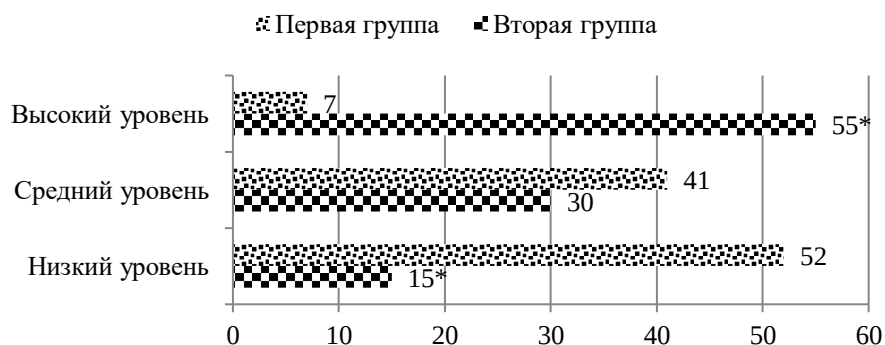
Рисунок 2. Результат ответов студентов двух групп на вопрос «Стремитесь ли вы избежать одиночества? в %

Полученные данные говорят о том, что респонденты, проживающие дома в основном живут обычной для молодежи жизнью. Приезжие студенты также стремятся к общению, но вместе с тем многие не избегают одиночества. Возможно, это связано с проживанием вне семьи, в незнакомой обстановке и отсутствием привычного окружения.

Анализ ответов на третий вопрос «Как часто у вас возникает желание остаться одному?» показал, что многие студенты не хотят находиться в одиночестве. У студентов первой группы мало у кого возникает желание оставаться одному (20%), во второй же группе практически половина респондентов (49%) появляются такие мысли.

Далее нами было проведено изучение степени субъективного переживания одиночества у студентов по методике Д. Рассела и М. Фергюсона (рис. 3).

Как видим на рисунке у большинства студентов (55%), проживающих вне дома (вторая группа) наблюдается высокий уровень переживания одиночества, в отличие от респондентов первой группы (7%). Полученные данные могут говорить о том, что молодым людям свойственно стремление к уединению.

Примечание: *статистически значимые различия по критерию Фишера, при $p < 0,05$
 Рисунок 3. Выраженность степени субъективного переживания одиночества студентами двух групп, в %

Средний уровень выраженности одиночества практически одинаково выявлен у студентов двух групп (41% и 39% соответственно). Низкий уровень переживания одиночества проявился у более половины студентов (52%) первой группы и лишь у 15% иногородних молодых людей из второй группы. Полученные статистически значимые различия (по χ^2 -критерию Фишера, при $p < 0,05$) подтверждают наше предположение, что у иногородних студентов степень выраженности переживания одиночества выше, чем у студентов, проживающих дома, в городе, где находится учебное заведение.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что у иногородних студентов в большей степени проявляется склонность к одиночеству. Им сложнее адаптироваться в новом городе, они не часто

посещают молодежные мероприятия, многие учатся и работают, чтобы самостоятельно оплачивать жилье.

Для коррекции состояния одиночества иногородних студентов можно использовать разнообразный спектр эффективных методов (арт-терапия, НЛП). В частности, хорошо зарекомендовали себя тренинговые технологии, где есть возможность тщательно проработать различные негативные эмоциональные состояния и деструктивные паттерны поведения.

Перспективами дальнейшего исследования проблемы может быть изучение использования арт-терапевтических методов для коррекции переживания состояния одиночества у молодежи.

Список использованных источников

1. Агнаева, К.Х. Копинг-стратегии и переживание одиночества у студентов / К.Х. Агнаева, М.В. Верещагина // Вектор науки ТГУ. – 2014. – № 2 (28). – С. 51–54.
2. Власова, Т.В. Одиночество как залог возрождения / Т.В. Власова // Spbqotic propect. – 2008.
3. Заворотных, Е.Н. Социально-психологические детерминации одиночества как субъективного переживания / Е.Н. Заворотных // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 91. – С.26-30.
4. Ковальчишина, Н.И. Одиночество как форма социальной депривации сотрудников органов внутренних дел / Н.И. Ковальчишина // Юридическая психология. – 2010. – № 3 – С. 26-29.
5. Колмогорова, Л.С. Преодоление переживания одиночества / Л.С. Колмогоров. – Барнаул: Алтайский гос. пед. университет, 2015. – 56 с.
6. Кон, И.С. Психология юношеского возраста: проблема формирования личности / И.С. Кон. – Москва : Просвещение, 1979. – 174 с.
7. Корчагина, С.Г. Психология одиночества: учеб. пособие / С.Г. Корчагина. – Москва: МПСИ, 2008. – 228 с.
8. Неумоева, Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте / Е.В. Неумоева. – Самара: Вектор-Бук, 2015. – 42 с.
9. Пузанова, Ж.В. «Одиночество» как предмет эмпирического анализа / Ж.В. Пузанова // Социология: методология, методы, математические модели. – 2009. – № 29. – С. 132-154.
10. Пьянкова, Л.А. Проблема одиночества в молодежной студенческой среде / Л.А. Пьянкова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Томск, 2012. – № 6. – С. 102-107.

11. Слободчиков, В.И. Переживание одиночества в контексте проблем психологической адаптации студентов психолого-педагогических вузов / В.И. Слободчиков // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 4. – С. 71-77.
12. Франкл, С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – Москва: Республика, 1992. – 511 с.

УДК 159.9:613.67

ОПТИМИЗАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД РЕАБИЛИТАЦИИ: ОПЫТ ГРУППОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Ковальчишина Светлана Владимировна

канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии

(s.kovalchishina.dongu@mail.ru)

Палагута Наталия Владимировна

магистр 1 курса

Донецкий государственный университет

(РФ, г. Донецк) (natalia_palaguta@mail.ru)

В статье описывается опыт групповой психологической работы в медицинском реабилитационном центре для раненных военнослужащих и инвалидов, участников специальной военной операции. Выделены основные направления в организации реабилитационных мероприятий, отражены различные аспекты в проведении групповой психологической работе, ее цели, задачи и возможности.

Ключевые слова: медико-психологическая реабилитация, военнослужащие, реабилитанты, групповая психологическая работа, психологическая поддержка, психологический ресурс.

OPTIMIZATION OF MENTAL RESOURCES OF MILITARY PERSONNEL DURING REHABILITATION: EXPERIENCE OF GROUP PSYCHOLOGICAL WORK

Kovalchishina Svetlana Vladimirovna

PhD. Doctor of Psychology, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology

(s.kovalchishina.dongu@mail.ru)

Palaguta Natalia Vladimirovna

1st year master student

Donetsk State University (Russian Federation, Donetsk)

(natalia_palaguta@mail.ru)

The article describes the experience of group psychological work in a medical rehabilitation center for wounded servicemen and disabled people, participants in a special military operation. The main directions in the organization of rehabilitation measures are highlighted, various aspects of group psychological work are reflected, as well as indications for its implementation.

Key words: medical and psychological rehabilitation, military personnel, rehabilitators, group psychological work, psychological support, psychological resource.

Вопросы психофизиологического восстановления военнослужащих в настоящее время являются приоритетными во многих областях науки и практики. Некоторые аспекты охраны и восстановления здоровья военных закреплены на законодательном уровне, однако нет единого подхода в оказании медико-психологической реабилитации. Концепция построения и организации реабилитации военнослужащих сформировалась более 70-ти лет назад и включает комплекс государственных, медицинских, профессиональных, педагогических, психологических и ряда других мероприятий, направленных на эффективное возвращение военного в профессиональную деятельность. Приказом Министра обороны РФ от 27 января 2017 г. № 60 "О медико-психологической реабилитации военнослужащих" определены категории военнослужащих, подлежащих медико-психологической реабилитации, перечень показаний к ее оказанию, временные интервалы, места и порядок проведения. Учеными и практиками проведены исследования в области эффективности применения определенных психологических форм работы и методов оказания эффективной психологической помощи, однако данное направление продолжает быть актуальным [2,3].

Реабилитация военнослужащего является сложным многоэтапным и многокомпонентным процессом, в результате которого у раненого военнослужащего формируется активное отношение к своему выздоровлению, а обеспечение своевременной морально-психологической поддержки способствует восстановлению положительного отношения ко всем сферам жизни.

По поручению Президента РФ в Донецкой Народной Республики был создан центр реабилитации инвалидов, а также разработана программа по

профессиональной переподготовке, трудоустройству, реабилитации и психологическому сопровождению участников СВО. Отдельным поручением специальной рабочей группой под руководством вице-спикера Совета Федерации Андрея Турчака была разработана «Концепция комплексной реабилитации участников СВО» [2].

Важной частью этой программы выделена работа с клиническим психологом. Участие клинического психолога предусмотрено на всех этапах реабилитации. В этом году в медицинском реабилитационном центре для военнослужащих г. Амвросиевка в психологическую составляющую комплекса реабилитационных мероприятий была добавлена групповая психологическая работа. Амвросиевский Медицинский Реабилитационный центр является одним из первых и ведущим медицинским учреждением в области реабилитации опорно-двигательного аппарата военнослужащих и инвалидов участников специальной военной операции. Вся работа центра организована в согласии с вышеупомянутыми законодательными актами и реализуется на очень высоком профессиональном уровне.

Стоит отметить, что групповая психологическая работа с военнослужащими в период реабилитации долгое время вызывала скептический настрой со стороны некоторых медицинских работников. Учитывая, что медицинский центр начал свою работу с 2020 года, долгое время уклон в программе был направлен только на восстановление опорно-двигательного аппарата и улучшение общих физических показателей, и медикаментозную поддержку тревожных расстройств.

Однако за последние годы центр расширил сферы реабилитационных мероприятий. На данный момент в программу включены обучение, профилактику и лечение посттравматического стрессового расстройства, занятия по актуализации социально значимых навыков (знание иностранного языка, финансовая грамотность, предпринимательство и др.).

Практика реализации всего комплекса восстановительных мероприятий и наблюдения клинических психологов, осуществляющих индивидуальную

психотерапию, подтолкнули к идее включить групповой формат психологической поддержки в процесс реабилитации.

Опыт групповой работы с военнослужащими в течении шести месяцев позволил выделить ряд аспектов, которые стоит учитывать при проведении данной работы, определить приоритетные цели и задачи. Среди важных аспектов в данной работе, на наш взгляд, стоит учитывать следующее: общее физическое состояние военнослужащего в реабилитационный период, характер полученной травмы, период реабилитации, время и продолжительность проведения групповой работы, личностные и профессиональные качества ведущих группы. Рассмотрим каждый из перечисленных аспектов подробнее.

Общее физическое состояние военнослужащего является определяющим в его возможности физически и психологически выдерживать два и более часов групповой психологической работы. Свое участие реабилитант определяет сам. Так же он сам определяет время ее завершения для себя.

Режим жизни и атмосфера в реабилитационном центре максимально приближена к санаторно-курортной. Это обуславливает формат и содержание групповой психологической работы, проходящий в виде беседы, дискуссии, обмена мнениями и опытом. Главная цель данной работы актуализировать психологический ресурс выздоровления и сформировать оптимистичное отношение к дальнейшей жизни и службе. Во многом опора в работе идет на поддержание внутригрупповых конструктивных убеждений, моделей выздоровления и настроения на будущее, а также положительный опыт самих участников группы в вопросе выживания в экстремальных условиях и проживания различных кризисов.

Характер травмы и увечий накладывает определенные ограничения на выбор методов психологической работы и коммуникации в группе. Например, нарушения речи военнослужащего после тяжелых контузий, черепно-мозговых травм, инсульта и других патологий, проявленные в процессе групповой работы могут усилить комплекс негативных чувств и ухудшить психоэмоциональное состояние. Однако опыт работы показал, что несмотря на нарушения, такие

военнослужащие могут проявить интерес к этой форме работы. В этом случае необходимо заранее узнать информацию о пациентах, для того, чтобы быть к этому готовым. Когда участнику с нарушениями удастся проявиться в группе, и он встречает поддержку и внимание со стороны ее участников, то тогда он получает положительный опыт проживания своих физических ограничений, повышается уверенность в себе и снижается тревога.

Стоит отметить период реабилитации, в котором проходит групповая психологическая работа. Практика показала, что реабилитанты лучше воспринимают и включаются в групповой процесс в конце реабилитационного периода, который составляет 21 день. Если проводить в начале, на 7-10-й день пребывания в реабилитационном центре, в группе может чувствоваться напряжение, включаются защитные механизмы в виде сопротивления, юмора и агрессии. В первую очередь, это связано с общим физическим состоянием раненого военнослужащего и пока еще незначительными сдвигами в восстановлении, а во вторую – с внутригрупповой динамикой межличностных взаимоотношений, собственно, реабилитантов. К концу пребывания они успевают пройти этап знакомства и оказываются готовыми к оказанию групповой поддержки, которую организывает ведущий группы. Оптимальный период для групповой психологической работы 18-19-й день реабилитации или за 2-3 дня до выписки, если реабилитация длится дольше.

Время и продолжительность работы группы существенно определена общим режимом медицинского учреждения. Групповая работа должна органично вписываться в режим и не может его нарушать, в ином случае она просто не получается. Оптимальное время проведения психологических мероприятий после обеда и послеобеденного «перекура». Практика проведения данного формата психологической работы показала, что наиболее комфортно для участников, и продуктивно с точки зрения их психофизиологических возможностей, два часа без перерыва, но со сменой видов психологической работы. Более продолжительный формат может вызывать сопротивление и нарушать групповые процессы.

В завершении стоит упомянуть о профессиональных и личных качествах, ведущих групповой психологической работы. Военные реабилитанты категория специфическая, с огромным, многочисленным травматическим опытом, что сразу обязывает ведущих быть максимально внимательными, доброжелательными, спокойными, чувствительными и самое главное искренними в проявлении всех описанных выше чувств. Опыт военных психологов, сестер милосердия, морально-психологическая поддержка которых положительно зарекомендовала себя, показал, что комплекс таких положительных чувств как самосострадание (способность посочувствовать самому себе и принять боль от случившегося), человечность и доброта окружающих способны снять симптомы ПТСР. Василюк Ф.Е. исследовав работу сестер милосердия в военном госпитале по оказанию морально-психологической поддержки раненных военнослужащих назвал их метод «материнской психотерапией» [1]. Это объясняется регрессом психики до ресурсного возраста в бессознательной стратегии пережить психотравмирующую ситуацию жизни, ведь в детстве многие искали утешения и успокоения на груди или коленях именно женской фигуры (матери, бабушки, старшей сестры). Мягкость, ненавязчивость, принятие различных высказываний, личностных проявлений и неподдельный интерес к тому, что говорят участники. Главная задача данной работы создать безопасные условия, в которых реабилитанты смогут отреагировать негативные чувства, мешающие полноценному восстановлению, обнаружить ресурс выздоровления и оказать психологическую поддержку в проживании травматического опыта.

Список использованных источников

1. Беланова, А.М. Опыт оказания психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий, находящимся в военном госпитале: взгляд врача, психолога и сестры милосердия / А.М. Беланова, Т.А. Фаттахова, Д.А. Тарумов // Пастырская психиатрия: научно-просветительский портал. – URL: <https://psyreligion.ru/archives/1612> (дата обращения 29.11.2024).
2. Бонкало, Т.И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 [Электронный ресурс] / Т. И. Бонкало. – Электрон. текстовые дан. – Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – URL:

<https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditinskiy-turizm-i-eksport-meditinskikh-uslug/>. – Загл. с экрана. – 39 с (дата обращения: 29.11.2024).

3. Приказ Министра обороны РФ от 27 января 2017 г. № 60 "О медико-психологической реабилитации военнослужащих". – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71523460/?ysclid=m47irekdd5617035804> (дата обращения: 29.11.2024).

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И СКЛОННОСТИ К ОТКЛОНЯЮЩЕМУСЯ ПОВЕДЕНИЮ У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

*Кожевина Анна Павловна
канд. психол. наук, доцент
доцент кафедры социологии и психологии
Байкальский государственный университет
(РФ, г. Иркутск) (apkozhevina@mail.ru)*

В статье представлены результаты исследования взаимосвязь нервно-психической устойчивости и склонности к отклоняющемуся поведению у сотрудников правоохранительных органов. Полученные результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что для сотрудников правоохранительной деятельности характерны высокий уровень эмоционально-волевой регуляции и нервно-психической устойчивости, которые в полной мере обеспечивают предотвращение формирования склонности к отклоняющемуся поведению.

Ключевые слова: нервно-психическая устойчивость, поведение, отклоняющееся поведение, сотрудники правоохранительной деятельности.

THE RELATIONSHIP BETWEEN NERVOUS-MENTAL STABILITY AND THE TENDENCY TO DEVIANT BEHAVIOR IN LAW ENFORCEMENT OFFICERS

*Kozhevina AnnaPavlovna
PhD in Psychology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology
Baikal State University (Russian Federation, Irkutsk)
(apkozhevina@mail.ru)*

The article presents the results of a study on the relationship between neuropsychic stability and the tendency to deviant behavior in law enforcement officers. The obtained results of the empirical study indicate that law enforcement officers are characterized by a high level of emotional-volitional regulation and

neuropsychic stability, which fully ensure the prevention of the formation of a tendency to deviant behavior.

Key words: neuropsychic stability, behavior, deviant behavior, law enforcement officers.

Уникальной чертой профессиональной деятельности сотрудников Министерства внутренних дел является то, что выполнение служебных задач часто происходит в условиях неопределенности, что накладывает на них повышенную ответственность за принимаемые решения. Сотрудникам необходимо обладать высоким уровнем нервно-психической устойчивости, которая обеспечит сохранность физического и психического здоровья, а также обеспечит успешную социально-психологическую адаптацию к постоянно меняющимся условиям работы.

Проблема отклоняющегося поведения всегда рассматривается в качестве одного из значимых социальных феноменов. В настоящее время, отличающееся от привычного на наш взгляд, поведение, которое вызвало огромный исследовательский интерес так и не обрело общепринятого понятия «отклоняющегося поведения». Вопреки этому, было разработано много важных терминологических определений, которые предполагают, что понять «отклоняющееся поведение» можно только путем понимания различных структур и процессов, при которых это явление возникает и поддерживается. Взгляды зарубежных исследователей на феномен отклоняющегося поведения способствовали появлению и укоренению в науке слов-синонимов. Так, в настоящее время аналогичными понятиями отклоняющегося поведения в зарубежной психологии являются: девиантное поведение, делинквентное поведение, деструктивное поведение, аддиктивное поведение, асоциальное или антиобщественное поведение и т. д. [6].

Е.В. Змановская определяет отклоняющееся поведение как: «Отклоняющееся поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от важнейших социальных норм, наносящее существенный

ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [1].

Г. В. Апинян считает, что девиантность всегда связана с любым несоответствием действий человека, поступков, активности, а также правилами и стереотипами поведения, которые распространены в обществе или его группах.

Современные требования, которые предъявляются к сотрудникам правоохранительных органов, диктуют обязательное наличие таких индивидуально-психологических особенностей личности, как: нервно-психическая устойчивость, волевая регуляция поведения, умение действовать в различных стрессовых, чрезвычайных ситуациях.

Кроме того, в настоящее время проблема нервно-психической устойчивости человека занимает доминирующее место в психологической науке, поскольку ситуация в нашей стране, как и во всем мире, демонстрирует, насколько важна психическая готовность людей адаптироваться к преобладающим стрессовым условиям [3].

Постоянное пребывание в чрезвычайных ситуациях приводит к снижению умственной активности и физических сил, к психосоматической усталости, а также эмоциональному истощению, что впоследствии вызывает повышенную раздражительность и ажитацию. В некоторых случаях наблюдается снижение работоспособности, трудности, возникающие при концентрации внимания и принятии самостоятельных решений, психическая неустойчивость и психическое истощение. В других — гнев, агрессивные наклонности. В профессиональном плане усиливается негативное самовосприятие, появляется склонность злоупотреблять табаком, кофе, алкоголем [5].

Независимо от того, находится ли сотрудник правоохранительных органов в экстремальных условиях или в совершенно обычных, можно сказать, обремененных рутинной деятельностью, он в равной степени должен сохранять бдительность и уравновешенность [4].

Помимо этого, ежедневно сотрудникам приходится сталкиваться с физическими и психическими перегрузками, которые при отсутствии

достаточных условий для полного восстановления умственных и физических сил оказывают неблагоприятное воздействие на субъект труда, иногда полностью дезорганизуя его деятельность.

Следствием таких перегрузок в ходе профессиональной деятельности, может являться, апатия, рассеянность, повышенная тревожность и вспыльчивость, частая головная боль и нарушение сна, все это может привести к развитию синдрома хронической усталости.

Основываясь на теоретико-методологическом анализе отечественной и зарубежной литературы, можно сделать вывод, что низкая нервно-психическая устойчивость предполагает формирование дезадаптивных психических состояний. Впоследствии сотрудники столкнутся со снижением продуктивности своей профессиональной деятельности. Стоит отметить, что проявление нервно-психической нестабильности будет отражаться не только в экстремальных условиях служебной деятельности, но и оказывать влияние на повседневную профессиональную деятельность. Кроме того, это риск формирования склонности к девиантному поведению.

В связи с вышесказанным было принято решение провести исследование, целью которого стало выявить взаимосвязь нервно-психической устойчивости и склонности к отклоняющемуся поведению сотрудников правоохранительных органов.

Объект исследования: нервно-психическая устойчивость. Предмет исследования: взаимосвязь нервно-психической устойчивости и склонности к отклоняющемуся поведению сотрудников правоохранительных органов.

Методики исследования: методика «Анкета прогноз–1», разработанная В.Ю. Рыбниковым; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным; методика склонности к отклоняющемуся поведению, разработанная А.Н. Орлом в адаптации Н.П. Фетискина [2].

В ходе эмпирического исследования, были изучены взаимосвязи нервно-психической устойчивостью и склонности к отклоняющемуся поведению сотрудников правоохранительных органов.

Результаты диагностики уровня нервно-психической устойчивости по методике В. Ю. Рыбникова получились следующие: для сотрудников не характерно давать социально желаемые ответы и представлять себя исключительно с положительной стороны (4,6). Особенности профессиональной деятельности сотрудников определяют склонность поступать согласно установленным правилам и нормам (7). Необходимо добавить, что для сотрудников правоохранительных органов характерна зависимость поведения от волевого контроля, то есть служащим необходимо корректировать свое поведение посредством волевых усилий (6,7). Отсутствует склонность к реализации агрессивных тенденций в поведении и проявлении нервного состояния (4). Не выявлены тенденции к аддиктивному поведению, психотическим проявлениям и депрессии.

Результаты, полученные с помощью опросника «Адаптивность» (МЛО-АМ), разработанного А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным сведены по каждой из шкал в средний показатель. Исходя из результатов исследования адаптивных возможностей сотрудников правоохранительных органов, следует отметить, что среднестатистические данные определяют высокий уровень адаптационных способностей. Выявленный показатель свидетельствует о том, что сотрудники правоохранительных органов имеют способность без затруднений адаптироваться к регулярно меняющимся условиям деятельности, за достаточно короткий срок «вливаются» в новый коллектив, свободно и адекватно ориентируются в ситуации, а также могут за небольшой промежуток времени выработать стратегию своего поведения и социализации. Стоит отметить, что для таких сотрудников силовых структур не характерна конфликтность, как правило, они обладают высокой эмоциональной устойчивостью. Также стоит сказать, что функциональное состояние испытуемых в период адаптации остается в пределах нормы, что позволяет сохранять работоспособность.

Необходимо отметить, что при среднем и низком уровне личностного потенциала социально-психологической адаптации для сотрудников были бы характерны: признаки различных акцентуаций и некоторые признаки психопатий, асоциальные и нервно-психические срывы, а также длительные нарушения функционального состояния, низкая нервно-психическая устойчивость и склонность к девиантному поведению.

Опираясь на полученные данные исследования склонности к отклоняющемуся поведению с помощью тест-опросника «Склонность к отклоняющемуся поведению (СОП)» А. Н. Орла мы получили: по шкале «Социальная желательность» наблюдаются средние среднестатистические показатели, указывающие на умеренную склонность испытуемых представлять себя в наиболее выгодном свете с точки зрения социальной желательности.

Усредненное значение по шкале «Нонконформизм» составляет 28,9 балла. Данное значение говорит о том, что испытуемым свойственны конформные установки, а также наблюдается тенденция следовать стереотипам и общепринятым нормам поведения. Можно предположить, что данный показатель обусловлен строго регламентированной спецификой профессиональной деятельности, а также определяет высокий уровень социализации индивидов, в частности, сотрудников Министерства внутренних дел, их ответственность перед обществом, нормативность поведения.

По шкале «Самоповреждение» средний результат составляет 33,2 балла, что указывает на отсутствие у сотрудников склонности к саморазрушающему поведению, а также на отсутствие тенденций к соматизации тревоги и реализации комплексов вины в их поведенческих реакциях.

Средний показатель по шкале «Агрессивность» составляет 28,1 балла, что свидетельствует о слабовыраженных агрессивных наклонностях и неприемлемости насилия как способа решения проблем, а также о том, что агрессия не является типичным способом выхода из фрустрирующих ситуаций.

Средний балл по шкале «Склонность к делинквентному поведению» у сотрудников составляет 34,6, что указывает на отсутствие предрасположенности

к асоциальному поведению, при котором испытуемые регулярно совершают действия, наносящие ущерб обществу и считающиеся правонарушениями.

По шкале «Аддиктивное поведение» средний показатель испытуемых составил 33,3 балла. Это значение указывает на то, что тенденция к реализации аддиктивного поведения не выражена, а также на отсутствие у сотрудников предрасположенности к бегству от реальности путем изменения своего психического состояния и склонности к иллюзорному компенсаторному способу решения личных проблем.

Таким образом, на основании результатов, полученных в ходе исследования, было определено, что сотрудники правоохранительных органов не имеют склонности к таким компонентам девиантного поведения, как нонконформизм, агрессивность, контроль эмоциональных реакций, агрессивность, а также делинквентное и аддиктивное поведение.

Далее был проведен корреляционный анализ результатов нервно-психической устойчивости и склонности к отклоняющемуся поведению. Для выявления взаимосвязи применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Данный коэффициент ранговой корреляции, помог установить статистически значимую умеренную отрицательную корреляционную связь между шкалой «Нервно-психическая устойчивость» и «Склонность к делинквентному поведению». К тому же, существует статистически значимая слабая отрицательная корреляционная связь между шкалой «Контроль эмоциональных реакций» и шкалой «Агрессивность». Шкала «Волевой контроль» имеет статистически значимую умеренную отрицательную корреляционную связь с такими шкалами отклоняющегося поведения, как: «Склонность к аддиктивному поведению» и «Склонность к делинквентному поведению».

Исходя из результатов эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что для сотрудников правоохранительных органов характерны высокий уровень эмоционально-волевой регуляции и нервно-психической устойчивости, которые в полной мере обеспечивают предотвращение формирования склонности к отклоняющемуся поведению.

Список использованных источников

1. Змановская, Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие / Е. В. Змановская. – Москва : СИНТЕГ, 2023. – 88 с.
2. Козлов, В.В. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.В. Козлов, В.А. Мазилов, Н.П. Фетискин. – Издание 2-е, дополненное и переработанное. – Москва : Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. – 720 с. – ISBN 5-89939-086-7. – EDN ZUAQOO.
3. Козырева, В.В. Особенности нервно-психической устойчивости волонтеров / В.В. Козырева // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции 04.03.2018 г.– 2018. – № 26 – С.94.
4. Малахаева, С.К. Исследование надежности личности в ситуации риска / С.К. Малахаева, Т.И. Никулина, О.А. Карнышева // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 165-177. – DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(1).165-177. – EDN QDWLSP.
5. Малахаева, С.К. Взаимосвязь локуса контроля с профессиональной мотивацией сотрудников МВД / С.К. Малахаева // BaikalResearchJournal. – 2022. – Т. 13, № 1. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).21. – EDN MWKWUA.
6. Четверикова, Н.А. Особенности мотивации поведения несовершеннолетних лиц с девиантным поведением (результаты одного исследования) / Н.А. Четверикова, Д.В. Синьков // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2012. – № 3. – С. 36. – EDN PCVFHJ.

УДК 615.849

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛАХ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Маслаков Сергей Игоревич

канд. психол. наук, старший преподаватель

кафедры педагогики и физической культуры

Старооскольский филиал НИУ «БелГУ» (РФ, г. Старый Оскол)

(madagaskar82@yandex.ru)

Глоба Анна Владимировна

студент

(annagloba96@gmail.com)

Павлюк Галина Дмитриевна

студент

Старооскольский филиал НИУ «БелГУ» (РФ, г. Старый Оскол)

(galinapavluk132@gmail.com)

В статье сделана попытка раскрыть особенности обучения детей с нарушением слуха в специализированных учреждениях, более подробно рассмотреть работу коррекционных учреждений, принципы работы и обучения, а также плановое освоение учебной программы для слабослышащих детей.

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, нарушения слуха, слабослышащие дети, глухие дети, речевое развитие.

FEATURES OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN SCHOOLS FOR STUDENTS WITH HEARING IMPAIRMENT

Maslakov Sergey Igorevich

*Candidate of Psychological Sciences,
Senior Lecturer at the Department
of Pedagogy and Physical Education*

*Starooskolsky branch of the National Research University «BelSU»
(Russian Federation, Stary Oskol) (madagaskar82@yandex.ru)*

Globa Anna Vladimirovna

Student

(annagloba96@gmail.com)

Pavlyuk Galina Dmitrievna

Student

*Starooskolsky branch of the National Research University «BelSU»
(Russian Federation, Stary Oskol)
(galinapavluk132@gmail.com)*

The article attempts to reveal the features of teaching children with hearing impairment in specialized institutions, to consider in more detail the work of correctional institutions, the principles of work and education, as well as the planned development of the curriculum for hard of hearing children.

Key words: limited health, hearing impairment, hard of hearing children, deaf children, speech development.

Лица с ограниченными возможностями здоровья – самая уязвимая категория людей. С гуманизацией общественного сознания права и равные возможности людей с ограниченными возможностями все чаще оказываются в центре внимания: усиливаются аспекты их интеграции в различные сферы социально-экономической жизни страны. Доступ к образованию и профессиональной подготовке является важнейшей предпосылкой для обеспечения наиболее эффективной самореализации и социализации людей с ограниченными возможностями и успешного развития их личности и полноценного участия в общественной жизни.

Образование детей и лиц с ограниченными возможностями здоровья является одним из важнейших и востребованных критериев их эффективной социализации, дающих им возможность полноценно интегрироваться в социальную жизнь, а также успешно реализовывать себя в различных видах профессиональной и общественной деятельности.

Цель проводимого анализа – раскрыть особенности обучения детей с нарушением слуха в специализированных учреждениях, более подробно рассмотреть работу коррекционных учреждений, принципы работы и обучения, а также плановое освоение учебной программы для слабослышащих детей.

Слабослышащие дети – это категория детей со стабильным двусторонним нарушением слуха. Они испытывают трудности в обычном речевом общении. В зависимости от степени потери слуха их классифицируют как глухих или слабослышащих.

Уровень потери слуха у детей с такими нарушениями может варьироваться от легкой до глубокой степени (включая умеренную и тяжелую). Это может проявляться от незначительных проблем с распознаванием шепота до серьезного ограничения способности воспринимать речь на обычном разговорном уровне. Потребность в слуховых аппаратах и их использование, особенно в образовательной среде, определяется специалистами, такими как врачи, аудиологи и преподаватели, работающие с такой категорией детей. В отличие от полностью глухих детей, дети с нарушениями слуха имеют возможность развивать хотя бы базовый словарный запас и обучаться устной речи.

У таких детей наблюдается специфическое когнитивное развитие: замедление перцептивного развития и доминирование зрительного восприятия. Это приводит к повышенной нагрузке на зрительный анализатор при обработке информации. Кроме того, у них часто наблюдается задержка развития памяти, формирования целей и игровой деятельности.

Долгое время дети думают в образах, а не словами, что может привести к задержке развития мышления, способности узнавать общие и специфические признаки предметов, а также затруднению распознавания сходства и различия

между объектами. Они могут испытывать трудности в повседневных ситуациях и нуждаются в дополнительном времени для овладения навыками самообслуживания.

В связи с этими особенностями, дети с нарушениями слуха сталкиваются с трудностями при восприятии вербальной информации и письменного текста. Для них существуют специализированные коррекционные учреждения, такие как школы I и II типов, которые реализуют дифференцированный подход к обучению, учитывая степень нарушения слуха, особенности речевого развития и познавательной деятельности.

В таких школах предусмотрено два уровня: для детей с относительно хорошо развитой речью, у которых присутствуют лишь незначительные дефекты, такие как неправильное произношение или отклонения от грамматических норм, и для детей с выраженным отставанием в речевом развитии, характеризующимся искаженным произношением, ограниченным словарным запасом и отсутствием связной речи.

Школы для глухих и позднооглохших детей обеспечивают общее образование, соответствующее государственным стандартам. В них реализуются программы начального, основного общего и среднего общего образования с учетом индивидуальных потребностей учащихся. Программа начальной школы для глухих детей включает в себя общеобразовательные предметы (язык, обществознание, математика, естественные науки, искусство, спорт, технологии) и дополнительный блок индивидуальных занятий по развитию слуха, произношения и музыкально-ритмических навыков.

Программы обучения для глухих предусматривают больше времени на изучение таких предметов, как математика и окружающий мир, а также коррекционную работу по преодолению речевых трудностей. Образовательный процесс направлен на развитие мультисенсорного восприятия материала, используя слуховизуальный подход, при котором учителя контролируют понимание учащимися с нарушениями слуха и корректируют слоговую структуру слов.

В образовательной среде особое внимание стоит уделить индивидуальному подходу к каждому ребенку. Учитывая степень потери слуха, необходимо создать условия, способствующие максимальному восприятию информации. Это может

включать использование визуальных вспомогательных материалов, таких как жестовый язык, графики и субтитры, что позволяет детям лучше усваивать учебный материал.

Также важным аспектом является вовлеченность семьи в процесс обучения. Родители должны активно участвовать в разработке домашних заданий и поддерживать языковую практику вне школы. Создание языковой среды дома, где ребенок имеет возможность слушать речь и общаться с родными, значительно ускоряет его развитие.

В результате, с правильной поддержкой и ресурсами дети с нарушениями слуха могут достигать успехов и развивать свои навыки, что открывает перед ними больше возможностей в будущем.

Обучение детей с нарушениями слуха является важным аспектом в процессе их социализации. Их когнитивное развитие специфично: замедлено перцептивное развитие, что приводит к затруднениям в распознавании объектов и формированию навыков самообслуживания. В специализированных школах I и II типов применяются дифференцированные подходы к обучению, учитывающие уровень речевого развития. Образовательные программы охватывают разные уровни (I-III), где проводятся коррекционные занятия и обучение основным предметам. Важными компонентами являются развитие слуха, произношения и музыкально-ритмические занятия.

Список использованных источников

1. Зыкова, Т.С. Методика предметно-практического обучения в школе для глухих детей: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.С. Зыкова, М.А. Зыкова. – Москва : Академия, 2002. – 176 с. – ISBN 5-7695-0841-8.
2. Методика преподавания русского языка в школе глухих: Учебник для студентов пед. вузов / под ред. Л.М. Быковой. – Москва : ВЛАДОС, 2002. – 400 с. – ISBN 5-691-00832-3.
3. Речицкая, Е.Г. Формирование учебной деятельности глухих школьников младших классов / Е.Г. Речицкая. – Л.: ЛВЦ ВОГ, 1990. – 135 с.
4. Специальная педагогика: учебное пособие в 3-х томах. Т.3: Педагогические системы специального образования / под ред. Н.М. Назаровой, Л.И. Аксеновой, Л. В. Андреевой и др. – Москва : Академия, 2008. – 400 с. – ISBN 978-5-7695-4701-0.

5. Яхнина, Е.З. Методика музыкально-ритмических занятий с детьми, имеющими нарушения слуха: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.З. Яхнина. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 272 с. – ISBN 5-691-01002-6.

УДК 159.9.072.42

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ СТРЕСС ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Некрасова Илона Николаевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии
(inn1769@mail.ru)*

Хмеленко Марина Павловна

*магистрант 2 курса
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(Marina-x-9@mail.com)*

Представлены результаты изучения содержательно-смысловых и эмоционально-динамических характеристик субъективной модели образа жизни людей, переживших стресс военного времени. Показана принципиальная разница структурной организации образа жизни людей с разным уровнем успешности адаптации в постстрессовый период жизни.

Ключевые слова: адаптация, образ жизни, поведение, смыслы, стресс военного времени, ценности, эмоции.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE LIFESTYLE OF PEOPLE WHO HAVE EXPERIENCED WARTIME STRESS

Nekrasova Ilona Nikolaevna

*PhD in psychology, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology
(inn1769@mail.ru)*

Khmelenko Marina Pavlovna

*2nd year undergraduate
Donetsk State University (RF, Donetsk)
(Marina-x-9@mail.com)*

The results of studying the content-semantic and emotional-dynamic characteristics of the subjective lifestyle model of people who experienced wartime stress are presented. The fundamental difference in the structural organization of the lifestyle of people with different levels of successful adaptation in the post-stress period of life is shown.

Key words: adaptation, lifestyle, behavior, meanings, wartime stress, values, emotions.

Актуальность исследования. Война является мощным стресс-фактором и сопряжена с неизбежным переживанием остро травматичных для психики человека событий. Стресс накладывает свой отпечаток на образ жизни человека: снижает субъективное качество жизни, понижает самооценку, блокирует позитивные эмоции и продуктивную саморегуляцию, нарушает продуктивное смыслообразование, формируя вредные компенсаторные привычки, разрушающие психосоматическое здоровье [2;5]. Успех постстрессовой адаптации зависит от жизненного опыта личности, определяется ее индивидуальной жизненной историей и адаптационным ресурсом. Очевидно, что психологическая помощь людям, пережившим стресс военного времени, должна охватывать все аспекты организации их жизни, аккумулированные в понятии образа жизни (ОЖ) в целом [1;4;7;12;].

Однако, ОЖ как отдельная категория мало разработан в современной психологии [3;4;9-13]. Несмотря на то, что оптимизация смысловых моделей организации ОЖ личности является важной прикладной задачей, неисследованными применительно к тематике ОЖ человека, пережившего стресс военного времени, остаются вопросы деформации ценностно-смысловых, содержательных и эмоционально-регуляторных компонентов субъективной модели его ОЖ. Поэтому, *цель* нашего исследования: изучить психологические особенности изменения ОЖ людей среднего возраста, переживших стресс военного времени. *Актуальность* определяется необходимостью оказания психологической помощи населению Донбасса посредством изучения нежелательных изменений в ОЖ людей, переживших стресс военного времени.

Постановка проблемы исследования. Влияние стресса военного времени на личность традиционно рассматривается в контексте посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), в его метапсихологическом и онтогенетическом контекстах (В.А. Бодров, М.Ш. Магомед-Эминов, Ф.З. Меерсон) [2;5;6]. Регулирующая роль ценностно-смысловой сферы личности в борьбе со стрессом и его последствиями изучается в контексте взаимосвязи «личность ↔ стресс» и без выхода в сферу коррекции структурных компонентов

ОЖ травмированного человека, что несколько методически редуцировано и сужает возможности оказания коррекционной помощи таким людям. Так как в психологии ОЖ понимается как система поведенческих, социокультурных, идентификационных и физиологических факторов, определяющих уникальный способ жизнедеятельности индивида [7;8-11], которому предстоит организовать свою «жизнь после стресса», то, с точки зрения целей продуктивного коррекционного вмешательства, верным представляется изучить какие деформации приобретает ОЖ как модель жизненных отношений после психотравмы. В этой связи, исследование-дескрипция содержательно-динамических трансформаций ОЖ с выходом в область описания конкретных содержательных и эмоционально-динамических характеристик субъективной модели ОЖ после переработки стресса военного времени представляется тем форматом исследования, который позволит понять как пережитая человеком критическая жизненная ситуация (стресс военного времени) отражается в различных содержательно-смысловых и эмоционально-динамических характеристиках субъективной модели его ОЖ.

Теоретико-методологические основы исследования. Являясь социально-психологической категорией, ОЖ отражает социально-деятельностный контекст человеческой жизни: что и как делает человек, с кем и как взаимодействует, к кому и как относится (Б.Ф. Ломов, Б. Д. Парыгин) [4;10]. В нашем исследовании ОЖ рассматривается как соответствующая система устойчивых способов организации людьми своей жизнедеятельности, проявлений активности в системе определенных общественных отношений, его направленность отражается в системе жизненных ценностей индивида, что, в свою очередь, позволяет выделить ценности и смыслы личности в отдельный критерий диагностики ОЖ [7;8]. Поэтому, диагностическими показателями изучения ОЖ в работе выступили: когнитивные (содержательно-смысловые) характеристики, эмоциональные (динамические, стилевые, ценностные, регуляторные) особенности и поведенческие (привычки, модели реагирования, паттерны реакций) отличия жизни испытуемых. Анализ структурно-

содержательных характеристик ОЖ проводился в рамках социально-психологического подхода.

Рассматривая психологический аспект ОЖ, исследователь выходит в область личностных смыслов, ценностно-смысловых установок, мотивов и потребностей человека как социокультурной единицы [9]. Еще С.Л. Рубинштейн указывал, что невозможно понять человека в отрыве от его жизни, поэтому мы не можем изучать вопросы оказания помощи человеку в ситуации стресса, если не понимаем, как стресс влияет на его жизнь. В процессе коррекции невозможно вывести личность на новый показатель качества ее жизни, если коррекция осуществляется в отрыве от преобразования модели жизненных отношений [1;7;12]. В этой связи, основными принципами организации исследования являются следующие утверждения:

- ОЖ имеет *многоуровневую детерминацию и множественную индикацию* (диагностика поведенческих паттернов, содержательных модусов через системы ценностно-смысловых и мотивационно-потребностных установок, смысло-жизненных ориентаций, а также эмоционально-динамической составляющей посредством изучения самоотношения и эмоциональной направленности);

- ОЖ имеет *динамически стабильные* структурные образования – глубинные ментальные структуры психики, характеризующиеся инертной динамикой (образ мира, Я-концепция, менталитет, мировоззрение, «краевые» жизненные ценности и смыслы, конструктивный жизненный опыт), поэтому, исследуются при помощи личностных опросников и проективных техник;

- ОЖ характеризуется *адаптивными* структурными образованиями – ценности и смыслы актуальных жизненных ситуаций, обслуживающие текущую жизнедеятельность человека, они имеют лабильную динамику, участвуют в формировании актуального перцептивного опыта, их можно исследовать как при помощи личностных опросник, так и при помощи, самоотчетом, контент анализа или при помощи интервью).

В этой связи, референтами *содержательной структуры* ОЖ являются: ценности и смыслы, апперцептивный опыт, самосознание, самопредставление, идентичности и стереотипы жизни личности. Установки и автоматизмы поведения, стили деятельности, эмоциональные и регуляторные характеристики поведения, рефлексия выступают референтами *эмоционально-динамической структуры* ОЖ.

В исследовании использовались: опросник смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО) (в комплекте с результатами диагностического интервью «Мой образ жизни» (расспрос испытуемого о его жизни)); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой (1998 г.); методика «Шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS-21)» С. Левибонда и П. Левибонда; методика для диагностики ПТСР и его симптомов «Миссисипская шкала для оценки посттравматических стресс-реакций (модификация для гражданского населения)» (С. Klean, 1987 г.); тест-анкета эмоциональной направленности Б.И. Додонова.

Обсуждение результатов исследования и выводы. Изучение жизненных историй испытуемых показало, что пребывание человека на территории ведения боевых действий уже само по себе является стресс-фактором. Независимо от того, конструктивно ли переработан стресс, или же он оказывается сильнее человека (ситуация дистресса), когда формируются длительные последствия в виде ПТСР, всегда меняются содержательно-смысловые приоритеты организации человеческой жизни, что отражается на изменении характеристик ОЖ. В исследовании был выделен *феномен «первого удара»*, который как регистрируемое состояние человека в первые дни после полученного стресса позволяет создать прогноз постстрессовой адаптации. Так, чем более дезорганизовано и болезненно человек воспринимал стресс в первое время после его воздействия, тем более деструктивные последствия потом наступают в его ОЖ, тем ярче ПТСР закрепляется на дальнейшее. Регистрируемые в первые часы после воздействия стресса поведенческие, когнитивные, деятельностные и эмоциональные реакции по содержанию и силе своей выраженности могут рассматриваться как индикаторы возможных в последствии серьезных изменений

жизненного уклада человека. *Феномен «первого удара»* показывает важность адаптационного ресурса личности как предварительной готовности к восприятию стрессовой ситуации, что определяется силой «Я» личности и возможностями индивидуальной эмоционально-волевой саморегуляции. Однако, не все, кто получил стресс военного времени имеют одинаковые деформации содержательно-смысловых и эмоционально-регуляторных характеристик ОЖ. Так, по результатам кластеризации все испытуемые разделились на две группы: тех, кто характеризовался относительно благополучной картиной постстрессовой адаптации, и тех, кто не смог справиться с полученным стрессом (их оказалось подавляющее большинство). Следовательно, психологическая помощь в преодолении последствий стресса военного времени является актуальной прикладной проблемой.

Разбиение испытуемых на группы в зависимости от успешности переработки полученного стресса, а также последующее сравнение групп с использованием критерия Манна-Уитни и критерия Хи-2 ($p=0,05$) показало, что неконструктивно переработанный стресс деформирует индивидуальную модель ОЖ, возвращается травматическими воспоминаниями, дезорганизирующими социальные взаимодействия и нарушающими их эмоционально-волевую саморегуляцию. Если стресс переработан конструктивно, то в ОЖ человека происходит переоценка ценностных приоритетов, преобладает копинговая направленность поведения, появляются новые продуктивные жизненные смыслы, а полученный опыт жизни не отрицается, а встраивается в программу успешной жизненной саморегуляции. Сравнительный анализ содержательно-смысловых и эмоционально-динамических характеристики ОЖ выделенных групп испытуемых на основе применения критерия Манна-Уитни ($p=0,05$), а также критерия Хи-2 ($p=0,05$) как процедуры фиксации изменения в характеристиках индивидуальной модели жизненных отношений до и после полученного стресса военного времени показали, что по своим психологическим характеристикам группы успешно и неуспешно переживающих стресс людей существенно отличаются (табл.).

Таблица

Особенности образа жизни испытуемых с разным уровнем успешности постстрессовой адаптации в условиях получения стресса военного времени

Модус организации образа жизни	Кластер 1 «Стрессовая дезадаптация»	Кластер 2 «Норма постстрессовой адаптации»
Когнитивный аспект		
Модус 1. Субъективное отношение к себе	– чувство вины, деперсонализация и утрата целостности чувства «Я»; – негативная Я-концепция, отношение к себе как к человеку не способному повлиять на жизнь; – демонизация и обесценивание себя как личности через приписывание себе отрицательных характеристик; – разрушение самоидентичности.	– сохранение гармоничной и целостной Я-концепции; – поиск себя через саморазвитие; – духовный рост и позитивная переоценка происшедшего; – обретение новых интересов и смыслов в отношении к себе самому; – сохранение «лучшего» как опыта жизни.
Модус 2. Субъективное отношение к окружающим	– демонизация роли окружающих людей, недоверие; – деструктивные установки вреда, чужого вмешательства, противодействия; – социальная агрессия и редукция.	– доверие к миру и людям; – установка на толерантность и принятие других безусловно; – осознанный поиск социальной поддержки и стремление к социальной кооперации.
Модус 3. Отношение к миру предметных вещей и социальных явлений	– пользовательское отношение к людям, ценностная аномия; – самоограничение и аскеза или склонность к импульсивно-компульсивному потреблению; – ангедония или накопительство; – неразборчивость в социальных связях, тревожная самоизоляция.	– рефлексивное отношение к людям и вещам; – стремление получать положительные эмоции, осуществлять потребительские выборы в соответствии с пониманием себя и с ориентацией на получение положительных эмоций; – рациональное потребление.
Модус 4. Субъективная оценка себя и своих возможностей влиять на мир	– мышление отрицательными шаблонами, утилитарное мышление; – ригидность установок и стереотипность восприятия себя как неудачника (жертвы).	– высокий уровень когнитивной креативности, изобретательность; – позитивное, гибкое, продуктивное мышление; – вера в свои способности влиять на мир.
Эмоционально-динамический аспект		
Модус 1. Субъективное отношение к себе	– отрицательная самооценка; – самодеструктивное отношение вследствие ущербной и отрицательно окрашенной Я-концепции; – страх смерти и одиночества.	– самоуважение, позитивное самоотношение; – стремление жить в гармонии с самим собой; – ориентация на самопонимание.
Модус 2. Субъективное отношение к окружающим	– ориентация на соперничество или оборону, недоброжелательность; – низкая толерантность, зависть; – эгоцентризм и эмоциональный формализм в отношениях с другими; – «вещное» отношение другому; – упрощение морально-этических норм.	– блокирование экзистенциального вакуума; – толерантность и доброжелательность; – позитивная оценка других, обретение чувства сострадания; – ориентация на сотрудничество, открытость и взаимопомощь.

Модус 3. Отношение к миру предметных вещей и социальных явлений	– обеднение привычных интересов; – ценностно-смысловая аномия, гедонизм/ангедония, прагматизм, цинизм; – отрицание красоты и эстетики; – пренебрежение нормами и общественными ценностями, редукция гуманизма.	– позитивные жизненные перспективы на основе стремления к гармонии и гуманизму; – способность радоваться жизни и открывать в ней новые позитивные смыслы; – понимание ценностей образования и стремление к самоактуализации.
Модус 4. Субъективная оценка себя и своих возможностей влиять на мир	– деструктивное самоотношение; – безразличие к себе и своей жизни; – неуверенность в своих силах, ригидность саморазвития; – самоуничтожение и ожидание от жизни только плохих перемен, комплекс вины, неврозы и депрессия.	– позитивное отношение к себе и к своим возможностям влиять на жизнь; – стремление самореализоваться; – умение строить перспективные планы и добиваться их решения; – самокритичность, уверенность в себе и оптимизм.
Поведенческий аспект		
Модус 1. Субъективное отношение к себе	– поведенческий регресс, экстернальность; – аутоагрессия, самоедство; – внутренняя несвобода, бегство «в доброту», «в религию», «в работу» и т.п. декомпенсации.	– гуманное и социально зрелое поведение, интернальность; – совершение зрелых и осознанных нравственных поступков; – духовное (религиозное) поведение (обретение себя в служении другим);
Модус 2. Субъективное отношение к окружающим	– немотивированная конфронтация или подчинение другим доходящая до самопожертвования своими интересами; – немотивированная или несоизмеримая со стимулом-раздражителем импульсивная агрессивная или тревожная реакция; – выраженная депрессия.	– вера в позитивное будущее и в доброжелательность мира; – стремление к кооперации и сотрудничеству; – умение использовать помощь и просить о помощи; – благодарность и уважение к другому.
Модус 3. Отношение к миру предметных вещей и социальных явлений	– фасадное или формальное поведение; – компенсаторное импульсивное и спонтанное поведение; – социальная изоляция; – компенсаторное поведение (избегания мест, людей и разговоров, напоминающих травму); – сужение диапазона социально-ценных конструктивных реакций.	– включенность в ситуацию, альтруистическое поведение; – стремление к кооперации и взаимопомощи; – эмпатичность и доброжелательность; – доверие к миру и окружающим, разумный эгоизм; – умение продуктивно отстаивать свои интересы, миролюбие.
Модус 4. Субъективная оценка себя и своих возможностей влиять на мир	– выраженное снижение интереса к социально значимым ранее видам деятельности и аспектам социальной жизни; – отношение к себе по типу «выученной беспомощности»; – оценка жизни с позиций «удаление» или «приближения» к травме.	– вера в себя и свои силы; – отношение к себе как к человеку, способному принимать решения и реализовывать задуманное; – социальная харизма, способность быть гибким и готовность к компромиссу; – аутентичность поведения в любой ситуации.

Можно резюмировать, что образ жизни людей, не способных конструктивно переработать стресс военного времени, характеризуется ригидностью социальных отношений, дефицитом конструктивного целеполагания, люди становятся зависимыми от мнения других людей или обстоятельств. Типичными характеристиками образа жизни человека в затяжном дистрессе является внушаемость, ригидность, социальная изоляция, отношение к себе как к жертве обстоятельств, сниженная самооценка, окружающие рассматриваются как угроза своей безопасности, условия жизни выбираются исходя из минимальных запросов и под воздействием чужого мнения, люди характеризуются низкой рефлексией и ответственностью перед собой, избегают новых обстоятельств, неуверенны в себе, испытывают тревогу и депрессию, преобладает экстернальный локус контроля.

Люди, которые смогли конструктивно справиться с полученным стрессом, характеризуются ответственностью и рефлексивностью, имеют оптимистический взгляд на жизнь, способны быстро адаптироваться в незнакомых ситуациях, гибко и продуктивно строят свои отношения с другими людьми, ведут достаточно открытый образ жизни, не цепляются за прошлое, оптимистичны, предпочитают сотрудничать с другими, высоко оценивают себя и свои силы, самостоятельны в принятии решений и предпочитают не подстраиваться под обстоятельства, а преобразовывать их.

Можно достоверно утверждать, что у людей, по-разному (успешно/неуспешно) переживших стресс военного времени, структурная организация ОЖ также носит различный характер. В зависимости от степени конструктивности переработки стресса и силы адаптационного ресурса личности наблюдается разное субъективное отношение к себе, к другим и к миру предметных вещей и явлений, сам стресс и содержание стрессовой ситуации по-разному отражаются в содержательно-смысловых деформациях системы жизненных отношений. Последствия стресса минимизированы у тех людей, где в структурных компонентах ОЖ которых преобладают ярко выраженные ориентации на ценности альтруизма, общения и кооперации, познания нового и

ценности труда как такового. Перечисленные ценности в сочетании с гуманизмом, духовностью, аутентичностью, оптимизмом и стремлением к саморазвитию образуют ценностно-смысловой базис, на основе которого отстраивается новая модель жизненных отношений человека в постстрессовый период адаптации. Главным механизмом успешной постстрессовой адаптации является способность человека принять стресс как ценный опыт и встроить его как защитный паттерн в новые модели взаимодействия с жизнью.

Список использованных источников

1. Анцыферова, Л.И. Психологическая опосредованность социальных воздействий на личность, ее развитие и формирование [Текст] / Л. И. Анцыферова // Психологические исследования социального развития личности. / Отв. ред. И. А. Джидарьян. – Москва : ИП АН СССР, 1991. – С. 5-38.
2. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление [Текст] / В. А. Бодров. – Москва : ПЕР СЭ. – 2006. – 528 с.
3. Лебедева, А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке [Текст] / А. А. Лебедева // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 1. – С. 3-19.
4. Ломов, Б.Ф. [Текст] / Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – Москва : Наука. –1984. – 232 с.
5. Магомед-Эминов, М.Ш. Экстремальная психология: От психической травмы к психотрансформации [Текст] / М. Ш. Магомед-Эминов. – Москва : ПАРФ. – Т.2. – 2006. – 576 с.
6. Меерсон, Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика [Текст] / Ф. З. Меерсон. – Москва : Наука. – 1981. – 278 с.
7. Некрасова, И.Н. Каузальность восприятия мира как индикатор успешности трансформации образа жизни личности [Текст] / И. Н. Некрасова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: Материалы I Международной научной конференции (Донецк, 16-18 мая 2016 г.). – Том 6. – Психологические и педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета». – 2016. – С.52-56.
8. Некрасова, И.Н. Структурно-функциональный анализ образа жизни как интегральной характеристики смысловой сферы личности [Текст] / И. Н. Некрасова // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам 1 Международной научно-практической

конференции «Психологическая наука и образование». – Москва : Научный журнал «Chronos» . –2016. – С. 26-31.

9. Образ жизни: Теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования [Текст] / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. - Киев: Наукова думка. – 1980. – 298 с.
10. Парыгин, Б.Д. Советский образ жизни и социально-психологические проблемы формирования личности [Текст] / Б. Д. Парыгин. – Москва : Мысль. – 1975. – 23 с.
11. Петров, И.Ф. Детерминанты образа жизни человека [Электронный ресурс] / И. Ф. Петров // Философские науки. International Journal of Humanities and Natural Sciences.– Вып. 7-1.– (46) . – 2020. – URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2021/08/Petrov2-1.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
12. Резник, Ю.М. Стратегия жизни [Текст] / Ю. М. Резник, Е. А. Смирнов. – Москва : Наука, 2002. – 370 с.
13. Ядов, В.А. Взаимосвязь социологических и социально-психологических подходов к исследованию образа жизни [Текст] / В. А. Ядов // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е.В. Шорохова. – Москва : Наука. –1987. – С. 89-93.

УДК 159.9.072.42

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫМ СТАЖЕМ УЧАСТИЯ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

***Некрасова Илона Николаевна**
канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(inn1769@mail.ru)*

Представлены результаты прикладного исследования содержательных особенностей структуры Я-концепции военнослужащих с продолжительным стажем участия в боевых действиях в зоне локального военного конфликта. В зависимости от продолжительности стажа военной службы выделены типологические группы военнослужащих, которым соответствуют разные типологические характеристики Я-концепции.

Ключевые слова: мотивация, смыслы, самооценка, самоотношение, ценности, Я-концепция, Я-реальное, Я-идеальное.

FEATURES OF THE SELF-CONCEPT OF MILITARY PERSONNEL WITH LONG-TERM EXPERIENCE OF PARTICIPATION IN COMBAT OPERATIONS

Nekrasova Ilona Nikolaevna

*PhD in psychology, Associate Professor
of the Department of Clinical Psychology
Donetsk state university (RF, Donetsk)
(inn1769@mail.ru)*

The results of an applied study of the content features of the Self-concept structure of military personnel with various experience of participation in combat operations in the zone of local military conflict are presented. Depending on the length of military service, typological groups of military personnel are identified, which correspond to different types of Image design-I and I-concepts.

Key words: motivation, meanings, self-esteem, self-attitude, values, I-concept, I-real, I-ideal.

Актуальность исследования. В настоящее время в военной психологии наблюдается смещение акцента исследований от деятельностно-центрированной (ориентация исследователей на изучение психологических законов ведения успешных боевых операций) к личностно-центрированной проблематике, когда в центр исследования помещается сама личность военнослужащего [4;6;10;12]. В таких работах личность комбатанта рассматривается как целостная психобиосоциальная структура от ценностно-смысловых и мотивационно-потребностных характеристик которой зависят не только содержание и успех осуществляемых боевых действий, но и субъективный выбор военнослужащего продолжать военную службу в течении длительного периода времени. В связи с этим, главной задачей психологической диагностики является выделение определенных характеристик Я-концепции как факторов, во-первых, успешной военно-профессиональной деятельности военнослужащих, выбирающих службу по контракту, а, во-вторых, как профессионально пригодных характеристик, препятствующих личностным деформациям комбатанта вследствие продолжительного пребывания в стрессовых условиях войны.

В трудах А.А. Устюганова, И.В. Сыромятникова, М.Ю. Петровой, А.А. Ковалева, А.Г. Караяни, А.В. Барабанщикова и др. показано, что

особенности личностной структуры военнослужащих (ценности, смыслы, смысловые установки, иллюстрирующие субъективное отношение к себе и к окружающему миру и аккумулированные в содержательных блоках Я-концепции) отражают не только жизненный опыт военнослужащего как человека, но и являются мощными регуляторами его деятельности в различных боевых ситуациях [3-11]. Данные характеристики достаточно важны для кадрового отбора при оценке психологом личности военнослужащего, зачисляющегося на контрактную службу. При этом, как показывает практика, контрактники с большим стажем участия в военных операциях характеризуются специфическим набором перечисленных личностных особенностей, что значительно отличает их от военнослужащих с коротким сроком службы.

Однако, проблема сравнительных отличий применительно к стажу военной службы неполно разработана в военной психологии. Учитывая это, *актуальность* выбранной темы определяется необходимостью изучения Я-концепции военнослужащих как целостной и относительно динамичной системы содержательно-смысловых, эмоционально-оценочных представлений человека о себе, а также как набора адекватных им моделей поведения, что существенно влияет на возможность продуктивно осуществлять не только военно-профессиональную деятельность, но и принимать важные решения в различных жизненных сферах, что всегда необходимо учитывать при оптимизации кадровых ротаций в военных частях и, особенно, в военное время.

Постановка проблемы исследования. Диагностика структурных характеристик Я-концепции военнослужащих контрактной службы имеет важное прикладное значение, так как связана с совершенствованием подготовки комбатантов в целом. В военной психологии широко учитываются разработки по феноменологии, структуре, закономерностям проявления и развития Я-концепции во взаимосвязи с жизненным опытом личности военнослужащего [3-6], уделяется внимание практической адаптации исследований самооценки и профессионального становления военнослужащего к целям и задачам военной практики [8;11;12]. Особое внимание фокусируется на развитии

профессионализма с позиций комплексного психолого-акмеологического подхода [8]. Достаточно глубоко разработана проблема субъективного контроля и самооценки как условий продуктивности ведения боя [11;12]. Вместе с тем, в анализируемых работах не исследованы особенности структурных изменений Я-концепции военнослужащих с большим сроком участия в боевых операциях, не изучалась взаимосвязь стажа участия в военных действиях с особенностями изменения ценностно-смыслового и поведенческого компонентов Я-концепции военнослужащих контрактной службы в условиях длительного несения воинской службы в зонах локальных военных конфликтов и с продолжительным сроком участия в боевых операциях, что и составило проблемное поле поиска в нашем исследовании. В этой связи *цель* представленного исследования: понять как взаимосвязаны срок службы и содержательно-динамические характеристики Я-концепции военнослужащих с продолжительным стажем участия в боевых действиях, для чего выполнен сравнительный анализ различий в ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной структурах Я-концепции личности комбатантов с различным сроком участия в военном конфликте.

Теоретико-методологический базис исследования. Основным методологическим положением исследования выступили идеи Л.И. Анциферовой, К.А. Абульхановой и др. авторов относительно сложной и многоуровневой структуры Я-концепции личности, формирование когнитивных, поведенческих и эмоциональных компонентов которой осуществляется в ходе ассимиляции субъектом пережитого ментального опыта [1-3]. Поэтому, в работе Я-концепция рассматривается как сложная структурированная картина восприятия себя в контексте жизни, которая оформляется в сознании субъекта и аккумулирует в себя как собственное «Я», так и те отношения, в которые «Я» может вступать (различные ценности и смыслы, порожденные воспринимаемыми качествами и отношениями «Я» в прошлом, настоящем и будущем). Любая информация проходит через фильтр Я-концепции, поэтому выбирая определенные поведенческие или смысловые модели взаимодействия с миром, человек исходит из своих представлений о том, каков он есть в своем

представлении, какими качествами и способностями он обладает, как на него реагируют окружающие, соответственно, у него складывается образ своего «будущего Я» и «реального Я». Учитывая сложную трехкомпонентную структуру Я-концепции личности военнослужащего (когнитивный, эмоциональный и поведенческий) компоненты, нами использован диагностический инструментарий: анкета для выяснения индивидуальной информации о военнослужащем и о тех социально-психологических условиях, которые оказали влияние на формирование Я-концепции и жизненного опыта комбатанта; методика диагностики самооценки личности Дембо-Рубинштейн (эмоционально-оценочный компонент Я-концепции); опросник самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева (открытость, самоуверенность, саморегуляция, самопринятие и особенности «Я-зеркальное»); методика Q-классификация В. Стефенсона (оценочный компонент Я-концепции, исследование основных тенденций поведения личности в реальной группе и ее представлений о себе как о субъекте социальных взаимодействий: система субъективных установок по отношению к себе в аспектах «Я-реальное» и «Я-идеальное»), а также Шкала «SACS – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»» (С. Хобфолл, адаптированный Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой) для изучения поведенческих паттернов, характерных для личности как проявление «Я-реальное» в стрессовой ситуации (динамический компонент Я-концепции (критическое поведение)) и опросник межличностных отношений Т. Лири для изучения поведенческих паттернов как проявлений «Я-реальное» в обычной ситуации (динамический компонент Я-концепции (адаптивное поведение)). Обоснованность выводов исследования обеспечивалась опорой на общенаучные принципы познания, подтверждалась процедурами математической статистики (кластерный, факторный и корреляционный) анализ.

Обсуждение результатов исследования и выводы. Военнослужащие с длительным стажем участия в боевых действиях характеризуются отличительными особенностями Я-концепции, что выражается в различных содержательно-смысловых, эмоционально-динамических и оценочных

характеристиках их самоотношения. Содержательная структура Я-концепции военнослужащих с большим стажем участия в боевых действиях отличается большей гармоничностью и целостностью по сравнению с военнослужащими с малым стажем участия в боевых действиях, поэтому, длительный стаж военной службы в условиях ведения боевых действий может рассматриваться как парадоксально позитивно мотивирующий стресс-фактор трансформации Образа-Я, задающий для личности комбатанта постоянную ситуацию жизненного напряжения (ситуативного микро-кризиса), конструктивное разрешение которой возможно посредством согласования подструктур Я-концепции «Я-реальное» и «Я-идеальное». Однако, не смотря на множественность регуляторных подструктур Я-концепции («Я-реальное», «Я-идеальное», «Я-фактическое», «Я-динамическое» и т.п.), содержательные и динамические характеристики системы самоотношения трансформируются именно под воздействием процесса взаимного согласования двух основных компонентов: «Я-реальное» и «Я-идеальное». Содержание и особенности взаимодействия данных компонентов определяются жизненным опытом личности и ее ментальными особенностями, а достижение взаимной согласованности двух указанных компонентов рассматривается как условие психологической целостности Я-концепции и как механизм трансформации Образа-Я и Я-концепции, инструмент их самооптимизации, укрепления силы и активности Эго военнослужащего.

В процессе исследования было сформировано две группы комбатантов: группа 1 «Военнослужащие с малым стажем службы» (стаж службы от 1 года до 3-х лет) и группа 2 «Военнослужащие с большим стажем службы» (стаж свыше 3-х лет). Несмотря на то, что решение поступить на военную службу чаще сопряжено с житейской утилитарной мотивацией, тем не менее, по мере накопления опыта участия в боевых операциях, мотивация продолжения военной службы претерпевает социально ценные трансформации, вследствие чего, утилитарная мотивация снижается, а активизируются мотивы гуманистической, социально ценной и патриотической ориентации. Поэтому, можно утверждать, что длительный срок службы в экстремальных условиях морально закаляет

человека и приводит не только к усилению его волевых и рефлексивных качеств, но содержательно обогащает социально ценные мотивы службы (патриотизм, альтруизм, героизм и т.п.)

Военнослужащие с большим сроком военной службы характеризуются более высоким уровнем самопринятия и самоуважения, в структуре их Я-концепции в меньшей степени выражены конфликтные аутокоммуникации и внутриличностные конфликты, что связано с переоценкой ценностей и жизненных приоритетов в условиях каждодневной экзистенциальной угрозы. Военнослужащие с большим стажем участия в боевых действиях переживают собственное «Я» как некий внутренний стержень, интегрирующий самоорганизацию собственной личности в ответ на средовые вызовы. Такие военнослужащие уверены в своей социальной привлекательности, характеризуются высоким самоуважением и ярко выраженной аутосимпатией, а их Я-концепция становится более гармоничной и целостной, внутренние конфликты изживаются за счет достижения успеха в совладании с актуальными критическими ситуациями военной жизни, что и является условием позитивной трансформации Я-концепции личности военнослужащего.

Сопоставление данных корреляционного анализа и результатов сравнение групп военнослужащих с различным сроком службы позволяет обнаружить не только отличия в структуре самоотношения, но и понять причину этой разницы. Так, получившие опыт выживания в критических ситуациях с угрозой для жизни (боевой опыт с угрозой полного физического уничтожения или получения физического ущерба) комбатанты, переоценивают жизнь в сторону преобладания простых жизненных ценностей, они становятся более терпимыми по отношению к слабостям и несовершенствам окружающих (феноменом «безусловного принятия другого»), научаясь ценить простые вещи: мир, семья, дружба, жизнь сама по себе. В то же время, комбатанты со стажем приобретают и большую нетерпимость к тем, кто занимает противоположные позиции в области моральных и нравственных ценностей и смыслов. Так, в структуре Я-концепции таких военнослужащих более ярко выражены социальная тревожность,

непримиримость к антисоциальным и антигуманным проявлениям, прямолинейность, принципиальность, вследствие чего в общении наблюдаются амбивалентные тенденции: при ориентации на глубину и толерантность в межличностных контактах с членами своей референтной группы, по мере накопления стажа экстремальной службы, одновременно возрастает жесткость, ригидность и бескомпромиссность. В случае высокой изначальной мотивации в поиске социального признания и личностной самореализации в рамках военной службы, полученный боевой опыт, если он будет конструктивно переработан, приводит не столько к формированию психологической травмы, сколько к укреплению силы Эго. Под воздействием критических переживаний в экстремальных ситуациях происходит рост самоуважения и признания собственных служебных заслуг, что приводит к переоценке субъективного отношения к себе, способствует формированию ответственности и уверенности в себе, обогащает жизненный опыт, трансформирует неконструктивные агрессивные импульсы в упорство и настойчивость, придает силы для поиска аутентичной ниши в воинском коллективе, стимулирует к обретению своего «профессионального лица», в чем проявляется парадоксальное психотерапевтическое воздействие длительной экстремальной военной службы.

Процедура факторного анализа (выявление в структуре Я-концепции базовых групп переменных (факторов)), позволила выделить характеристики профессиональной пригодности при отборе кадров для несения военной службы в условиях экстремальных боевых действий:

– *фактор 1 «Аутогармоничность»*: центральным в структуре личности комбатанта является умение сочетать черты независимости и ответственности с чертами уверенности и умения подчиняться групповым правилам;

– *фактор 2 «Социальная прямолинейность»*: в структуре Я-концепции комбатанта наиболее развитыми должны быть такие характеристики как упрямство, настойчивость, упорство и энергичность в сочетании с высокой критичностью к себе и по отношению к другим;

– *фактор 3 «Социальная аттракция»*: выбор военной специальности более аутентичен, если в структуре личности наряду с ориентацией на групповые нормы будут преобладать установки на социальное одобрение. Так, для военной службы более подходят личности с авторитарным и одновременно социально ориентированным складом характера (они лучше приспосабливаются к уставному типу отношений), при этом, в структуре личности комбатантов должны присутствовать развитые механизмы вытеснения и подавления в сочетании с некоторой истероидной саморепрезентацией (демонстративность как своеобразный «боевой кураж» в хорошем смысле);

– *фактор 4 «Социальная интроверсия»*: рефлексивность рассматривается как важное для профессии военного личностное качество, разделяя групповые нормы и подчиняясь им, в то же время, важно уметь быть сдержанным, наблюдательным и эмоционально устойчивым, верным своим внутренним правилам, что может рассматриваться как показатель психического здоровья военнослужащего.

Можно обобщить, если опыт военной службы переработан конструктивно, то стаж службы в целом продуктивно сказывается на личности военнослужащего, формируя социально ценные новообразования в структуре его Я-концепции.

Список использованных источников

1. Абульханова, К.А. Субъектная парадигма отечественной психологии [Текст] / К.А. Абульханова // Субъектность в личностном и профессиональном развитии человека. – Казань, 2004. – С. 4-5.
2. Анцыферова, Л.И. Психологическая опосредованность социальных воздействий на личность, ее развитие и формирование [Текст] / Л.И. Анцыферова // Психологические исследования социального развития личности. / Отв. ред. И. А. Джидарьян. – Москва : ИП АН СССР, 1991. – С. 5-38.
3. Барабанщиков, А.В. Военно-педагогическая диагностика [Текст] / А.В. Барабанщиков, Н.И. Дерюгин. – Москва : Воениздат, – 2005. – С. 37.
4. Дьяченко, М.И. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях. Психологический аспект [Текст] / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Пономаренко. – Минск : Изд-во «Университетское», 1985. – 205 с.

5. Караяни, А.Г. Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в боевой обстановке [Текст] / А.Г. Караяни, С.Л. Евенко. – Москва : ВУ, 2006. – 445 с.
6. Ковалев, А.А. Совершенствование саморазвития лидерских качеств молодых офицеров [Текст] / А.А. Ковалев, А.П. Мироненко, Д.А. Сорокалет, А.В. Мигачев // Молодой ученый. – 2016. – № 3. – С. 847-850.
7. Ковалев, В.В. Мотивы поведения и деятельности [Текст] / В.В. Ковалев. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
8. Петрова, М.Ю. Социально-психологические условия развития военно-профессиональной направленности курсантов вузов [Текст] / М.Ю. Петрова. – Москва : ВА РВСН им. Петра Великого, 2005. – С. 123-130.
9. Резник, Ю.М. Стратегия жизни [Текст] / Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. – Москва : Наука, 2002. – 370 с.
10. Сыромятников, И.В. Психология девиантного поведения военнослужащих и его профилактика [Текст] / И.В. Сыромятников, В.Г. Чайка. – Москва : ВУ, 2001. – 107 с.
11. Устюганов, А.А. Ценностно-смысловые составляющие последствий боевого стресса [Текст] / Устюганов А.А. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2007. – №1(29). – С. 81-84.
12. Щедилов, А.В. Организация и методика психологического сопровождения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, выполнявших служебно-боевые задачи экстремального характера [Электронная версия] / А.В. Щедилов, И.В. Юдин // Психология и Психотехника. – 2024. – № 3. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68721. – DOI: 10.7256/2454-0722.2024.3.68721. – EDN: FSXOXM

УДК-141.319.8+159.9

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ ЗРИТЕЛЬНОЙ АГНОЗИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ АМБЬЕНТНЫХ И ФОКАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ЗРЕНИЯ

Папков Валерий Евгеньевич

канд. мед. наук, доцент кафедры философии и психологии
Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького
(РФ, г. Донецк) (parkovvalery@rambler.ru)

Пацкань Игорь Иванович

д-р. мед. наук, профессор кафедры анатомии им. Н.Д. Довгяло,
декан леч. факультета №2
Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького
(РФ, г. Донецк)

Станина Валерия Михайловна

студент магистратуры
Донецкий государственный университет
(РФ, г. Донецк) (staninavaleriya@mail.ru)

Кравченко Виктория Андреевна
студент
Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького
(РФ, г. Донецк)
Трутаев Герман Павлович
студент
Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького
(РФ, г. Донецк)

Анализируемый клинический случай зрительной агнозии имеет определенную уникальность в связи пароксизмальным характером нарушения зрительного восприятия, а также его парциальностью. Представляется актуальным, вследствие необходимости разграничения офтальмологических, нейропсихологических аспектов нарушения зрительной функции, а также классификации последних, выбора стратегии и тактики лечения. Понимание того, как эмоциональные и когнитивные компоненты взаимодействуют в процессе формирования образов и действий, может иметь в данном случае практическое значение для терапии и нейропсихологической коррекции.

Ключевые слова: нейропсихология, когнитивная психология, зрение, восприятие, агнозия.

A CLINICAL CASE OF VISUAL AGNOSIA IN THE CONTEXT OF THE PARADIGM OF AMBIENT AND FOCAL MODES OF VISION

Papkov Valery Evgenievich
PhD, Associate Professor, Department of Philosophy and Psychology
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
(Russian Federation, Donetsk) (papkovvalery@rambler.ru)
Patskan Igor Ivanovich
Dr. of Medicine, Professor, and Department of Anatomy named after N.D. Dovgyalo,
Dean, Faculty of Medicine No. 2
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
(Russian Federation, Donetsk)
Stanina Valeria Mikhailovna
Master's student
Donetsk State University
(Russian Federation, Donetsk) (staninavaleriya@mail.ru)
Kravchenko Victoria Andreevna
Student
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
(Russian Federation, Donetsk)
Trutaev German Pavlovich
Student
Donetsk State Medical University named after M. Gorky
(Russian Federation, Donetsk)

The analyzed clinical case of visual agnosia has a certain uniqueness due to the paroxysmal nature of the visual perception disorder, as well as its partiality. It seems

relevant, due to the need to distinguish the ophthalmological, neuropsychological aspects of visual impairment, as well as the classification of the latter, the choice of treatment strategy and tactics. Understanding how emotional and cognitive components interact in the process of forming images and actions may be of practical importance in this case for therapy and neuropsychological correction.

Key words: neuropsychology, cognitive psychology, vision, perception, agnosia.

Анализируемый клинический случай зрительной агнозии имеет определенную уникальность в связи пароксизмальным характером нарушения зрительного восприятия, а также его парциальностью. Представляется актуальным, вследствие необходимости разграничения офтальмологических, нейропсихологических аспектов нарушения зрительной функции, а также классификации последних, выбора стратегии и тактики лечения.

Материалы и метод. Анализируется клинический случай парциальной зрительной агнозии пациентки К., 18 лет. От пациента получено письменное добровольное информированное согласие на публикацию описания клинического случая. Применен метод генетической эпистемологии в изучении навигационных процессов с их двухкодовым семиотическим взаимодействием [1-5].

Обсуждение и результаты. Пациентка К., 18 лет, обратилась с жалобами на пароксизмальные нарушения зрительного восприятия, с фрагментацией целостной зрительной картины, распадающиеся на отдельные фрагменты во время ходьбы, процесса учебы, бытовой или профессиональной деятельности. Пароксизмы обычно провоцируются эмоциональным волнением либо зрительным восприятием небезразличных предметов (людей или вещей), нахождением в незнакомых местах. При этом приступы практически отсутствуют при письме, рисовании, когнитивной деятельности. В момент приступа возникает выраженный симметричный нистагм обоих глаз. В анамнезе «перинатальное поражение ЦНС», приступы начались в дошкольный период, прогрессирующая миопия. Диагноз: «амблиопия». На ЭЭГ: доминирует альфа-ритм, на втором месте – тета-ритм, без выраженной асимметрии, пароксизмальной активности не выявлено, «диффузные неспецифические изменения». Полагаем, что моторный

нистагм может возникать из-за преходящих нарушений в зрительных путях, затрудняющих медленное слежение за объектом, что вызывает компенсаторные толчкообразные или маятникообразные движения глаз, имеющие вторичный характер. Пароксизм преимущественно затрагивает систему зрительного восприятия «что» или «кто» («фокальное зрение»). Амбьентные и фокальные зрительные фиксации были обнаружены в серии прикладных исследований по заказу автомобильного автоконцерна BMW [6, 7], напоминающие разделение двух потоков переработки зрительной информации на дорсальную систему, определяющую пространственную локализацию, и на вентральную систему, идентифицирующую объекты («кто», «что»). Эти наблюдения также связывают с латерализацией механизмов локальной и глобальной обработки зрительной информации в левом и правом полушариях [6, 8]. Сдвиг от амбьентного к фокальному режиму движений глаз совпадает со сдвигом преимущественного потребления энергии от правого к левому полушарию. Это указывает на правополушарную природу ранней, амбьентной, фазы восприятия сложных изображений. Данная идея методологии исследования мозговых механизмов амбьентного и фокального режимов зрения состояла в модификации нейрофизиологической парадигмы, связанной с событиями измерения, чтобы можно было рассматривать отдельные зрительные фиксации в качестве «событий», а не физические стимулы [6]. Амбьентные фиксации сопровождаются активацией структур дорсального потока, а фокальные фиксации коррелируют с активацией вентральных отделов задней коры. Активированные структуры дорсального потока обнаруживают правостороннюю латерализацию, а структуры вентрального потока расположены главным образом, хотя не исключительно, в левом полушарии [6]. Фокальное восприятие играет центральную роль в процессе внимания, позволяя индивиду сосредоточиться на конкретных объектах или событиях, что является важным для реализации сознательной деятельности [6, 9]. В то же время, ощущение волевого усилия, возникающее при выполнении произвольных действий, демонстрирует, как чувственный опыт и когнитивные процессы взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Это подчеркивает

важность понимания не только отдельных процессов восприятия, но и их интеграции в целостную структуру сознания и зрительного восприятия.

Выводы. Понимание того, как эмоциональные и когнитивные компоненты взаимодействуют в процессе формирования образов и действий, может иметь в данном случае практическое значение для терапии и нейропсихологической коррекции.

Список использованных источников

1. Папков, В.Е. Проект картезианской антропологии / В. Е. Папков // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире : Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Сибай, 24 ноября 2023 года. – Сибай : Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 205-207. – EDN VZORBE.
2. Папков, В.Е. Очерк картезианской антропологии / В. Е. Папков // Антропосфера. Герменевтика. Интеракция: Сборник трудов Всероссийской научной конференции, Орел, 16–17 ноября 2023 года. – Орёл : Орловский государственный институт культуры, 2023. – С. 236-254. – EDN EEIEWV.
3. Папков, В.Е. Эпистемология антропогенеза, глоттогенеза и гендера в контексте навигации и картезианской антропологии / В.Е. Папков // Карбышевские чтения. Наше дело правое - победа будет за нами!: Сборник научных трудов молодых ученых Международной научно-практической конференции, Тюмень, 06–08 декабря 2023 года. – Тюмень : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова» Министерства обороны Российской Федерации, 2023. – С. 324-331. – EDN EYDAST.
4. Папков, В.Е. Семиотика рефлексорного и пострефлексорного поведения как проблематика экологической навигации / В. Е. Папков // Вестник гигиены и эпидемиологии. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 215-223. – EDN AXZDDG.
5. Папков, В.Е. Эволюционно-экологические аспекты когнитивного оператора опорно-двигательной системы человека / В.Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 78-87. – EDN NOQZRV.
6. Величковский Б.М. Перспективные направления когнитивных исследований / Б.М. Величковский // "Психологическая газета" от 26.06.2022. – URL: <https://psy.su/pubs/9726/?ysclid=lt2qoa786r140500454>.

7. Velichkovsky B. M., Rothert A., Kopf M., Dornhöfer S. M., Joos M. Towards an express-diagnostics for level of processing and hazard perception // *Transportation Research Part F*. 2002. V. 5 (2). P. 145–156.
8. Mills M., Alwatban M., Hage B., Barney E., Truemper E. J., Bashford G. R., Dodd M. D. Cerebral hemodynamics during scene viewing: hemispheric lateralization predicts temporal gaze behavior associated with distinct modes of visual processing // *J. Exp. Psychol. Hum. Percept. Perform.* 2017. V. 43 (7). P. 1291–1302.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Е.Е. Соколова. – Москва : Смысл, 2005. – 431 с. – ISBN 5-89357-113-4.

ФАКТОРЫ ТРАВМАТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПОСЛЕ УХОДА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ УКРАИНЫ

Ситнова Ирина Валерьевна

канд. социол. наук

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(РФ, г. Москва) (i.sitnova2016@yandex.ru)*

Статья посвящена исследованию факторов травматизации жителей присоединённых территорий после ухода ВСУ. Цель статьи – описать травматические факторы, влияющие на адаптацию жителей новых регионов к новым реалиям в ситуации СВО.

Ключевые слова: травматические факторы, травматическая ситуация, фрустрации, травматическая идентичность, психологическая травма.

FACTORS OF TRAUMATIZATION OF THE POPULATION OF NEW TERRITORIES AFTER THE DEPARTURE OF THE ARMED FORCES OF UKRAINE

Sitnova Irina Valerievna

Ph.D. in Sociology

*Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
(Russian Federation, Moscow) (i.sitnova2016@yandex.ru)*

The article is devoted to the study of the factors of traumatization of residents of the annexed territories after the departure of the Armed Forces of Ukraine. The purpose of the article is to describe the traumatic factors affecting the adaptation of residents of new regions to new realities in the situation of their own.

Key words: traumatic factors, traumatic situation, frustrations, traumatic identity, psychological trauma.

Актуальность. В ситуации проведения СВО наибольшие риски внешнего деструктивного военно-технического и информационно-психологического воздействия испытывают на себе жители приграничных регионов России, включая новые регионы, находящиеся в эпицентре не только информационного, но и военно-политического противоборства. В связи с этим исследование взаимосвязи внутренних (социально-психологических) и внешних (военно-технических) факторов травматизации населения этих территорий является весьма актуальным.

Введение. Самым суровым испытанием психологических и физических возможностей человека, его плоти и духа является война, характеризующаяся исключительной мощью, многообразием и чрезвычайной травматичностью событий. Война включает в себя события, связанные со смертью (получения увечий), ситуации, связанные с сильным унижением, которые оказываются иногда более травмирующими, чем физическая опасность, ситуации «краха», «провала», «утраты всех надежд» [15, с.51]. У каждого человека, прошедшего через горнило войны, неповторимые история и опыт, которые включают множественность психотравмирующих факторов, разную продолжительность психотравмирующих событий, сочетание которых и становится психотравмой.

Проблема исследования. Поскольку воздействие внешних деструктивных военно-технических и информационно-психологических рисков имеют разную интенсивность, то в разных регионах проведения СВО степень уязвимости к травматическим воздействиям разная (разная степень психологической депривации). В основе такой дифференциации лежат особенности присоединения новых территорий к России: *во-первых*, территории ставшие самостоятельными после провозглашения независимости Л/ДНР в 2014 году (сплочение граждан на фоне пережитых потрясений военного времени); *во-вторых*, территории, которые отошли к России мирным путём (Крым в 2014 г. и части Херсонской и Запорожской областей в 2022 году); *в-третьих*, территории, которые были присоединены в ходе военных действий (часть Херсонской и Запорожской

областей, части ЛНР и ДНР после начала СВО в 2022 году), которые находились до 2022 года под патронажем антироссийских СМИ [1, с.347].

Методологические походы к пониманию психотравмы. В рамках психоаналитического подхода, З. Фрейд определяет психическую травму как «прорыв гипотетического защитного слоя психики внешним травматическим агентом, проникновение его в психическую структуру личности и дезорганизацию психической деятельности человека изнутри» [17]. В рамках когнитивного подхода психическая травма есть «разрушение системы базовых ценностей, касающегося понимания окружающего мира и себя в нём» [10], сопровождающийся аварийным расходом энергетических, психических, духовных ресурсов адаптации, сломом его системы психологической устойчивости [6, с.73]. В рамках анатомо-психологического подхода психическая травма представляется как «формирующийся в центральной нервной системе очаг патологической регуляции адаптивной активности» с погружением в болезнь на разное время и разную «глубину» [6, с.74].

По результатам проведённого исследования мы выделили восемь деструктивных факторов травматизации, следствием которых являются разные уровни фрустрации.

Фактор 1. Воздействие военно-технических факторов, которые характеризует «интенсивность» травматизации, психо-травматическую насыщенность, направленную на разрушение психики и организма человека. **Результатом являются физические и материальные фрустрации⁴.** В ситуации военных действий качестве характеристик интенсивности насилия выступают неожиданность, стремительный темп развития катастрофических событий (обстрелов), длительность и повторяемость воздействия. Признаками, психотравмирующей насыщенности являются тяжёлые психотравмирующие факторы: влияние мощного негативного воздействия обстрелов на психическое здоровье человека, многократные стрессы на определённом временном отрезке;

⁴Физические и материальные фрустрации - формируется при нехватке финансов и разнообразных материальных благ для достижения элементарных потребностей в гигиене, в старом образе жизни.

неопределённость отдалённых последствий экстремального события; длительность тяжёлой психотравмирующей ситуации, выходящей за рамки обычного человеческого опыта (от эмоций страха, ужаса и беспомощности помочь себе и окружающим – до развития характерных эго-состояний, содержащих травматический опыт [15]). Чем сильнее интенсивность внешнего деструктивного военно-технического воздействия и опасность насилия, тем сильнее физические и материальные фрустрации.

Фактор 2. Воздействие информационно-психологических факторов.

Следствием становится изменение когнитивной компоненты психологической устойчивости, а результатом – **когнитивная фрустрация**⁵. После воссоединения с Россией новые регионы столкнулись с интенсивным применением сетецентрических операций в информационном поле со стороны центров, управляемых украинской стороной и действующих в тесном контакте со спецслужбами США и других государств НАТО [11]. Основным направлением их работы является управление информационными потоками с целью не только создания у населения антироссийских установок, но и образования антироссийских дискурс-направлений, которые, являясь продуманными действиями, направлены на внушение мысли, что безопасное существование людей в новых регионах будет возможным только в составе Украины, а риски – от физических до ментальных – создаются и распространяются российской властью и ее представителями [14]. В результате одновременного наличия противоречивых, логически несовместимых представлений, взаимоисключающих мнений, может стать когнитивная фрустрация, которая приводит к тому, что люди совершают поступки, которые они не намеревались совершать, либо ведут себя в противовес высказанным установкам. Чем интенсивней это воздействие во времени и пространстве, тем сильнее когнитивная фрустрация (когнитивный диссонанс).

Фактор 3. Длительный, затянувшийся аффект от «шока войны», результатом становится **психическая фрустрация**⁶. Чем меньше информации о

⁵ Когнитивные фрустрации – деформация когнитивных процессов: памяти, внимания, мышления, воли и др.

⁶ Психические фрустрации формируются при утрате стабильного состояния психики, сюда входят: страхи, стрессы, тревожные состояния, печаль.

средствах, которыми человек располагает в данный момент по сравнению с информацией о средствах, «прогностически» необходимых для удовлетворения существующей потребности, тем сильнее негативная эмоция⁷. Если информации недостаточно, то возникает беспокойство, тревога и страх. Дальнейший рост эмоциональной составляющей приводит к психической фрустрации. На фоне глубокого социального шока от войны, «шока от обстрелов», переживания «утомлённости от боёв» и продолжительного сочетания этих событий, снижаются рациональные суждения и увеличивается влияние эмоциональной составляющей, порой доведённой до аффекта. Продолжительное воздействие «токсичной» среды приводит к привыканию и рутинизации травмирующих событий. Это неизбежно приводит к нарушению базовых норм, тревоге, боязни неизвестности в будущем, ведёт к обесцениванию индивидуального развития, к формированию эмоциональной закрытости, к эмоциональной выхолощенности ценностей, когнитивному упрощению правил взаимодействия, с выраженным оттенком девиации в поведении индивидов, что и приводят в итоге к синдрому «выгорания» (симптомы, описываемыми критерием ПТСР⁸) [15]. Чем сильнее воздействие аффекта, тем сильнее психическая фрустрация.

Фактор 4. Снижение объёма потребностей (вита́льных, социальных, духовных), в результате формируется **биологическая фрустрация**⁹. Признаки: изменение механизмов удовлетворения потребностей, утрата регулятивной составляющей поведения, связанной с изменением уровня энергетических и интеллектуальных возможностей человека. В отсутствии контроля за ситуацией, тревожность трансформируется в переживание утраты безопасности и формирование беспомощности. Согласно П. Блау и Т. Лукману, во время военных

⁷ См. формулу информационной теории П.В. Симонова: $\mathcal{E} = \Pi(\text{Ис} - \text{Ин})$, где $\mathcal{E}$ - эмоция, ее сила и знак; Π – сила и качество актуальной потребности; Ин – информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения существующей потребности; Ис – информация о средствах, которыми человек располагает в данный момент.

⁸ Причиной посттравматического стрессового расстройства (синонимы «вьетнамский синдром», «афганский синдром») является перенесённый человеком крайне тяжёлый психосоциальный стресс, который по своей интенсивности выходит за пределы обычного человеческого опыта и связан с воздействием экстраординарной силы в ходе военных действий, жестокого обращения с людьми.

⁹ Биологические фрустрации - ограничение возможностей человека биологическими факторами: лишение сна, пищи и др.

действий сопротивление организма всё более ломается в процессе адаптации к экстремальным условиям жизни, оно (сопротивление) сохраняется как биологическая фрустрация во всех тех случаях, когда «общество запрещает голодному есть, а сонному отправляться в постель» [3, с.294]. Регресс психики становится формой адаптации к стрессу, снижая психологическое воздействие экстремальной ситуации (тревогу и депрессию) для человека. С изменением уровня энергетических и интеллектуальных возможностей человека происходит к изменению биологических потребностей (витальных или жизненных) и адаптивных инстинктов человека, меняются физиологические функции, связанные с рефлексом. Это включает мобилизацию личных ресурсов и целый ряд защитных механизмов (агрессию, регрессию, фиксацию, интенсификацию), срабатывающих при переживании людьми трудно контролируемой угрозы. Это подтверждается социально-антропологическими исследованиями С. Кавтарадзе, который утверждает, что в условиях войны психика индивида регрессирует в сторону архаичной нормы. Элементы архаической психики включаются для усиления индивидуальной адаптации в условиях нового бытия войны, повышая коэффициент выживания во внутривидовой борьбе за существование [5]. Чем сильнее истощение и беспомощность, тем сильнее биологическая фрустрация, тем сильнее травматизация.

Фактор 5. Снижение вариативности поведения, результатом является **социокультурная фрустрация**¹⁰. Признаки: социальные упрощения; простые, повторяющиеся копинг-стратегии; паттерны продолжать безопасные повседневные практики и поддерживать простые решения – решают проблему безопасности. Чем более осмысленна повседневная деятельность, тем меньше подверженность разрушительным психологическим воздействиям. Даже при невыносимых переживаниях страдания и страха (доходящих до отчаяния), наличие смысла в каждодневной деятельности, снижает негативные переживания¹¹. В результате адаптации к боевым условиям повседневности

¹⁰ Социокультурные фрустрации – социальный и культурный вид стрессового воздействия извне, связанный с ограничениями на пути к цели с помощью общепринятых норм и правил.

¹¹ См. формулу В.Франкла: О=П-С, где О – отчаянье, П – негативное переживание (страдание), С- смысл.

формируются важные для сохранения жизни и успешных действий навыки и стереотипы поведения: «сидеть по подвалам» во время обстрелов, усиление авторитарных установок («старший всегда прав»), потерны поддерживать простые решения («чем проще, тем безопасней») и социальные упрощения («лучшие в аду»). Интенсивность рисков неизбежно приводят к снижению вариативности поведения [8]. Иррациональное восприятие угрозы утратить самооценку становится мощным средством мобилизации психики. В основе адаптивного стиля реагирования, обеспечивающего выживание в условиях войны, лежит ресурсоёмкость личности и устойчивые параметры психологической структуры жизнедеятельности, такие как личная зрелость, уровень развития компенсаторных механизмов, позитивный жизненный опыт, морально-нравственное развитие личности, системная рефлексия, эмоциональный интеллект, адаптивные ценности и интеллектуальный ресурс. Так регионы, ставшие самостоятельными после провозглашения независимости Л/ДНР в 2014 году, испытали на себе наибольшую интенсивность военно-технического воздействия. В МВД республик Л/ДНР зафиксированы множество ситуаций, в которых жители этих территорий (врачи скорой помощи, работники МЧС, электроснабжения, водоснабжения и ЖКХ городов, волонтеры и военкоры) делали свою профессиональную работу, становясь мишенями и умирая под пулями снайперов ВСУ. Перед лицом смерти жизнь приобретает иной смысл, стресс трансформируется в каждодневный подвиг. Чем ниже вариативность человеческого поведения, тем сильнее социокультурная фрустрация.

Фактор 6. Утрата безопасности и прежних связей (риски как коммуникативные факторы). В условиях войны неизбежно ограничение связей с широким социальным окружением (социальная депривация), обычные узы, связывающие людей, распадаются, новые выдвигаются на первое место, результатом становится **коммуникативная фрустрация**¹². Факторами риска при высоком уровне тревожно-депрессивной симптоматике с уже задействованными

¹²Коммуникативная фрустрация – утрата прежних связей, потеря возможностей интернет-, теле-, радиокоммуникаций.

механизмами совладания (копинг-стратегиями) становятся увеличение травматического опыта и отсутствие возможности контролировать ситуацию, идентификация себя с жертвой, наличие зависимости от алкоголя и наркотиков и др. [9]. В мирной жизни эти особенности поведения рассматриваются как паталогические. Согласно теории Бека, в продолжительных экстремальных ситуациях риск становится коммуникативным процессом, при котором «культурные универсалии испытывают повышенную нагрузку» [2], на фоне привыкания к обстрелам и потерь родственников, друзей, соседей происходит вытеснение страха, риск становится коммуникацией: «кровь-за-кровь», «боль-за-боль», стремление отомстить за гибель родственников, друзей, товарищей, формируется привычка к негативным событиям и рутинизации (обсуждению) рисков [16, с.64]. Чем интенсивней переживание и проговаривание рисков, тем быстрее адаптация и привыкание к негативным событиям (рутинизация рисков).

Фактор 7. Разрушение психологической устойчивости человека. В новой ситуации, в незнакомых ролях личные переменные меняются [4, с.336], новые правила и роли создают новую реальность [4, с.337], дополняя друг друга, формируя новые сценарии жизни [4, с.342]. Повторяющиеся травматические действия (обстрелы) приводят к разрушению базовых ценностей личности и формированию патологических механизмов регуляции поведения, который в военной психологии называется **боевой психической травмой (БПТ)**¹³ [6, с. 24]. В основе **БПТ** лежит разрушение когнитивной, эмоционально-волевой, мотивационный, регулятивной составляющей психологической устойчивости человека [6, Караяни, с. 28], наводящегося под обстрелами. Повторяющийся характер действия становится связывающим фактором человека с реальностью [7]. Признаками **БПТ** являются: восприятие окружающей среды как враждебной, гиперактивация внимания, настороженность, автоматизм навыков, готовность к импульсивному защитному реагированию на угрожающий фактор в виде поиска укрытия; бегство либо агрессия, либо физическое уничтожение источников

¹³ Боевая психологическая травма (БПТ) - (300-е) формируется при активном или пассивном (в качестве наблюдателя) участии в боевых действиях, последствия такого участия приводят человека в ступор, невозможности выполнять профессиональную, бытовую, социальную деятельность.

угрозы; снижение восприимчивости к страданиям и смерти; «уход» от решения нравственных проблем и др. [7]. Социально-психологические условия (такие как *деиндивидуализация, дегуманизация, образ врага, групповое мышление, отключение внутреннего контроля, фактор присутствия других*), способствуют тому, что включается «эффект Люцифера», когда «хорошие люди превращаются в злодеев» [4]. Давление ситуации, системы, группы – одна из самых мощных социальных сил, которая часто заставляет людей делать странные вещи, на которые они бы никогда не решились в мирное время. Убийства, мародёрство, изнасилования становятся последствиями эгоистического решения личных биологических задач. На этом же уровне находятся «недружественные» отношения местных жителей к российским военным после ухода военных ВСУ на освобождённых территориях [13, с.428]. Формирование беспомощности и утраты контроля за ситуацией приводят к изменениям качества личности.

Фактор 8. Групповые эффекты (факторы сплочения, поддержки, доверия, взаимопомощи членов группы друг другу). У войны нет полутонов: окружающие либо друзья, либо враги, хорошие или плохие, на нашей стороне или на чужой стороне. В условиях затяжного конфликта общество приобретает черты закрытой социальной группы с жёсткими групповыми нормами [12]. Лояльность к своей группе и обращение к религиозным практикам («в окопах нет атеистов»), усиливает групповую идентификацию («мы-донецкие», «мы-православные, с нами Бог»), повышает значимость коллективного будущего для личности (правоты в отстаивании своей позиции), эффективное межличностное взаимодействие в виде коллективной индукции, способность к моментальной полной мобилизации сил с последующей быстрой реакцией. Напряжение, испытываемое под воздействием различных сил (внутренних и внешних), включает ряд групповых защитных механизмов: потребность в принадлежности к коллективу, повышение приверженности ценностям своей группы, противопоставление «своих» и «чужих», склонность к риску и поддержка решительных лидеров, потребность в аффилиации (сплочение перед лицом враждебного окружения). Так с 2014-2024 гг. всё мужское население (вплоть до

студентов Вузов и колледжей) территорий Л/ДНР встало в строй на защиту республик, это способствовало росту кооперации в переломные моменты, сплочению граждан на фоне пережитых потрясений военного времени, росту лояльности к своей группе как моральному основанию оценки своего и чужого поведения. Чем слабее групповые эффекты, тем сильнее травматизация.

Заключение. В ситуации ведения военных действий степень *уязвимости населения к травматическим факторам* может быть разной, поскольку может быть разная степень внешнего деструктивного военно-технического и информационно-психологического воздействия. Комбинации перечисленных травматических синдромов могут стать основой для формирования травматической идентичности.

Список использованных источников

1. Башмаков, И.С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования / И.С. Башмаков // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 347-349.
2. Бек, К. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / Ульрих Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва : Прогресс-традиция, 2000. – 381 с. – ISBN 5-89826-059-5.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социол. знания : [Перевод] / Питер Бергер, Томас Лукман. – Москва : Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с. – ISBN 5-85691-036-2.
4. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера [Текст] : почему хорошие люди превращаются в злодеев / Филип Зимбардо ; пер. с англ.: [А. Стативка]. – Москва : АНФ, 2013. – 738 с. – ISBN 978-5-91671-106-6.
5. Кавтарадзе, С. Архетипы войны [Текст] : [насилие, бессознательное и борьба за базовые потребности] / Сергей Кавтарадзе. – Москва : [б. и.], 2015. – 381 с. – ISBN 978-5-9770-0883-9.
6. Караяни, А.Г. Настольная книга военного психолога: практическое пособие / А.Г. Караяни. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 332 с. – ISBN 978-5-534-00263-8.

7. Литвинцев, С.В. Боевая психическая травма : руководство для врачей / С.В. Литвинцев, Е.В. Снедков, А.М. Резник. – Москва : Медицина, 2005. – 430 с. – ISBN 5-225-04063-2.
8. Милгрэм, С. Подчинение авторитету [Текст] : научный взгляд на власть и мораль : [16+] / Стэнли Милгрэм ; пер. с англ. [Г. Ястребов]. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2016. – 281 с. – ISBN 978-5-91671-503-3.
9. Нестик, Т. «Психологическое состояние российского общества в условиях СВО» / Т. Нестик. – URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviyakh-svo> (дата обращения: 25.07.24).
10. Падун, М.А. Психическая травма и картина мира [Текст] : теория, эмпирия, практика / М.А. Падун А.В. Котельникова; Российская акад. наук, Ин-т психологии. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2012. – 204. – ISBN 978-5-9270-0231-3.
11. Пасти, С. «Российско-украинский кризис в телевизионных новостях стран БРИКС и Запада» / С. Пасти. – URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiisko-ukrainskii-krisis-v-televizionnykh-novostyakh-stran-briks-i-zapada> (дата обращения: 25.07.24).
12. Радина, Н.К. Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу» / Радина Н.К. // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 45-58. – URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070104> (дата обращения 25.07.24).
13. Стадник, В.А. Обоснование борьбы с неонацизмом как одна из целей СВО / В.А. Стадник // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 426-429.
14. Сурмин, Ю.П. Теория социальных технологий учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Ю.П. Сурмин, Н.В. Туленков; Межрегион. акад. упр. персоналом МАУП. – Киев : Межрегиональная академия управления персоналом, 2004. – 605 с. – ISBN 966-608-449-X.
15. Тарабрина, Н. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова, М.А. Падун, И.С. Хажуев, Н.Н. Казымова, Ю.В. Быховец, М.В. Дан // Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 344 с. – ISBN 978-5-9270-0359-4.
16. Трубицына, Л.В. Процесс травмы / Л. В. Трубицына. – Москва : Смысл : ЧеРо, 2005. – 218 с. – ISBN 5-89357-211-4.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У СТУДЕНТОВ

Яйкуненко Яна Николаевна

магистрант

Херсонский государственный педагогический университет

(РФ, г. Херсон) (ya.yakunenko@khogov.ru)

Кириллова Екатерина Павловна

канд. психол. наук, доцент кафедры прикладной

психологии и развития личности

Херсонский государственный педагогический университет

(РФ, г. Херсон) (ekaterina_pk@mail.ru)

В данной статье исследуется взаимосвязь между психологическим благополучием и социально-психологической адаптацией у студентов. Актуальность темы обусловлена растущими требованиями к студентам в условиях современного образовательного процесса и социальной среды. Статья анализирует теоретические аспекты психологического благополучия, включая его компоненты, такие как эмоции, отношения и восприятие жизни, а также факторы, влияющие на социально-психологическую адаптацию студентов в учебной среде.

Ключевые слова: психологическое благополучие, социально-психологическая адаптация, студенты, образование, эмпирическое исследование, рекомендации.

RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND SOCIO- PSYCHOLOGICAL ADAPTATION IN STUDENTS

Yaikunenko Yana Nikolaevna

Master's student

Kherson State Pedagogical University

(Russian Federation, Kherson) (ya.yakunenko@khogov.ru)

Kirillova Ekaterina Pavlovna

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Applied

Psychology and Personality Development

Kherson State Pedagogical University

(Russian Federation, Kherson) (ekaterina_pk@mail.ru)

This article examines the relationship between psychological well-being and socio-psychological adaptation in students. The relevance of the topic is due to the growing demands on young people in the modern educational process and social environment. The article analyzes the theoretical aspects of psychological well-being, including its components such as emotions, relationships and perception of life, as well as factors influencing the socio-psychological adaptation of students in the educational environment.

Key words: psychological well-being, socio-psychological adaptation, students, education, empirical research, recommendations.

Исследование взаимосвязи психологического благополучия и социально-психологической адаптации у студентов становится особенно актуальным в условиях современных образовательных учреждений, где студенческое сообщество сталкивается с большим количеством стрессовых факторов.

Проблема заключается в том, что низкий уровень психологического благополучия может негативно сказаться на процессах социальной адаптации, что, в свою очередь, ведет к снижению академической успеваемости и общему качеству жизни студентов. Основной задачей данного исследования является выявление ключевых факторов, влияющих на психологическое благополучие и социальные взаимодействия среди студентов [7].

Взаимосвязь психологического благополучия и социально-психологической адаптации у студентов является актуальной темой. Психологическое благополучие, включающее такие аспекты, как эмоциональная стабильность, удовлетворение жизнью и наличие позитивных социальных связей, играет ключевую роль в процессе адаптации студентов к условиям учебного заведения [2].

В рамках исследования использовались метод тестирования, что позволило получить качественные и количественные данные о состоянии психологического благополучия и уровне социальной адаптации. Полученные результаты показали, что существует прямая корреляция между высоким уровнем психологического благополучия и адаптацией в учебной среде.

Студенты сталкиваются со множеством стрессоров, таких как новизна учебного окружения, социальные взаимодействия и академические требования. Эти факторы могут значительно влиять на их психологическое состояние. Препятствия в социальной адаптации, такие как трудности в налаживании знакомств и формировании социальных групп, способны снижать уровень психологического благополучия студентов [8].

С другой стороны, высокое психологическое благополучие способствует улучшению социальных навыков, что, в свою очередь, облегчает процесс интеграции в новую среду. Таким образом, существует двусторонняя связь: успешная социализация студентов положительно влияет на их психологическое состояние, а высокие уровни психологического благополучия способствуют более эффективной адаптации. Понимание этой взаимосвязи может помочь разрабатывать программы поддержки студентов, направленные на улучшение их психозэмоционального состояния и социального функционирования [9].

Для эффективного решения проблем, связанных с психологическим благополучием и социальной адаптацией, важно учитывать индивидуальные особенности студентов. Уровень их социального взаимодействия, личностные характеристики, а также предшествующий опыт играют значительную роль в формировании общих адаптационных стратегий [11].

Психологическое благополучие и социально-психологическая адаптация являются взаимосвязанными аспектами жизни студентов, которые играют ключевую роль в их учебном процессе и личностном развитии. На этапе обучения в вузе молодые люди сталкиваются с различными стрессовыми факторами, такими как высокая учебная нагрузка, необходимость формирования новых социальных связей и адаптация к самостоятельной жизни. Эти факторы могут оказывать значительное влияние на их психологическое состояние и общее чувство удовлетворенности жизнью [12].

В ходе проведенного исследования была изучена взаимосвязь психологического благополучия и социально-психологической адаптации у студентов. В выборку вошли 37 студентов ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», для работы с которыми использовались: методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого; Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко; методика диагностики субъективного благополучия по шкале Перуэ-Баду в адаптации М. В. Соколовой; методика «Адаптированность студентов в вузе» (Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылов).

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют сделать заключение о том, что доминирующие аспекты в структуре психологического благополучия участников исследования занимают шкалы личностного роста и цели в жизни. Также заметен высокий уровень показателей по шкалам самопринятия и управление средой (или, говоря другими словами, обладание умениями экологической компетентности, а именно способностью человека эффективно использовать доступные ресурсы среды, социума, предоставляемые возможностей, заложенных в окружающем мире для успешной организации собственной жизни).

Установлено, что позитивные установки, такие как оптимизм и надежда, способствуют лучшей социальной интеграции и формированию поддерживающих отношений с сокурсниками. Напротив, студенты, испытывающие трудности с психологическим благополучием, чаще сталкиваются с чувством одиночества и изоляции, что негативно сказывается на их академической успеваемости и общем уровне удовлетворенности жизнью.

Для выявления взаимосвязи между психологическим благополучием и адаптацией студентов мы использовали метод ранговой корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи психологического благополучия и социально-психологической адаптации представлены ниже, в таблице.

Таблица.

Корреляционный анализ взаимосвязи психологического благополучия и социально-психологической адаптации

Параметры	Личностный рост	Позитивные отношения	Цели в жизни
Адаптированность к учебной деятельности	0,66*		0,91*
Адаптированность к учебной группе		0,77*	
Примечания 1 ** корреляция значима на уровне 0,01 2 * корреляция значима на уровне 0,05			

В результате обработки психодиагностических данных была обнаружена значительная положительная связь между шкалой «Адаптированность к учебной деятельности» из методики «Адаптированность студентов в вузе» и шкалой

«Личностный рост» опросника «Шкала психологического благополучия»: $r_s=0,66$ ($r_{кр}=0,64$ при $p \leq 0,05$).

Это указывает на то, что у студентов, стремящихся к саморазвитию и личностному прогрессу, наблюдается более выраженная позитивная адаптация к учебному процессу в вузе.

Таким образом, у студентов наблюдается прямая зависимость: чем сильнее их желание развиваться и расти как личности, тем заметнее их положительная адаптация к образовательному процессу в университете.

Значимые корреляционные взаимосвязи установлены между шкалой «Адаптированность к учебной группе» и шкалой «Позитивные отношения», т.е. установлена статистически достоверная взаимосвязь между шкалой «Адаптированность к учебной группе» методики «Адаптированность студентов в вузе» и шкалой «Позитивные отношения» опросника «Шкала психологического благополучия»: $r_s=0,77$ ($r_{кр}=0,64$ при $p \leq 0,05$).

Это свидетельствует о высокой вероятности того, что студенты с более ярко выраженным положительным отношением к окружающим легче и быстрее адаптируются в своей новой учебной среде.

Установлена статистически достоверная взаимосвязь между шкалой «Адаптированность к учебной деятельности» методики «Адаптированность студентов в вузе» и шкалой «Цели в жизни» опросника «Шкала психологического благополучия»: $r_s=0,91$ ($r_{кр}=0,64$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, чем более четко и осознанно сформулированы жизненные цели студентов, тем эффективнее они адаптируются к учебному процессу в вузе.

Результаты исследования подчеркивают необходимость внедрения программ психологической поддержки в образовательные учреждения, направленных на повышение уровня благополучия студентов. Это может включать тренинги по развитию навыков общения, программы менторства и обратную связь от преподавателей, что в свою очередь будет способствовать оптимизации процесса адаптации к учебной среде.

Важным элементом является также роль сообществ и групп поддержки, которые могут помочь студентам в процессе адаптации. Участие в клубах, организациях или активностях на факультете способствует созданию стабильных социальных связей и укреплению чувства принадлежности. Это не только облегчает процесс интеграции, но и усиливает чувство благополучия, способствуя формированию положительного образа себя [5].

Кроме того, учебные заведения могут внедрять программы, направленные на развитие навыков управления стрессом и повышение уровня психологической устойчивости. Подобные инициативы помогут студентам не только адаптироваться к новым условиям, но также сформируют ресурсы для их эмоционального и социального благополучия [1].

Не менее важным является индивидуальный подход к каждому студенту.

Психологи и педагогические работники должны учитывать разнообразие социально-культурного фона учащихся, их уникальные жизненные опыты и предпочтения. Понимание этих факторов способствует созданию более эффективных методов поддержки и вовлечения студентов в учебный процесс, что в свою очередь улучшает их адаптацию и благополучие.

Также стоит отметить влияние семейной среды на психологическое состояние студентов. Наличие поддержки со стороны родителей или близких людей может значительно повысить уровень уверенности и способности к адаптации. Поэтому важно, чтобы образовательные учреждения сотрудничали с семьями, предоставляя информацию и ресурсы, необходимые для поддержки студентов.

Кроме того, университеты могут организовывать тренинги по коммуникативным навыкам и эмоциональной грамотности, что станет полезным инструментом в решении межличностных конфликтов и улучшении взаимодействия с окружающими. Комплексный подход к вопросам психологического благополучия и социальной адаптации студентов, включая поддержку со стороны сообществ и программ развития, может существенно повысить качество их учебного опыта и общее самочувствие.

Высокий уровень психологического благополучия способствует более успешной социальной адаптации. Студенты, которые чувствуют себя психически здоровыми и уверенными, легче устанавливают контакты с другими, участвуют в групповых занятиях и интегрируются в студенческую культуру. В свою очередь, положительные социальные взаимодействия укрепляют внутреннее благополучие, создавая поддерживающую среду и уменьшая чувство одиночества и тревожности [10]. Важно отметить, что недостаток социальной поддержки может привести к снижению уровня психологического благополучия. Студенты, испытывающие трудности в социальной адаптации, чаще сталкиваются с депрессивными симптомами и сниженной мотивацией к учебе. Таким образом, создание комфортной и поддерживающей атмосферы в учебном заведении, а также развитие программ по психологической помощи, становятся важными задачами для руководства вузов [4].

Выводы исследования подтверждают необходимость разработки программ, направленных на улучшение психологического благополучия студентов, что будет способствовать их более успешной интеграции в образовательную среду и общество в целом. Такие инициативы могут значительно повысить качество жизни студентов и их академические достижения.

Список использованных источников

1. Асмолов, А.Г. Кросскультурный мониторинг образов пандемии и инфодемии. Антропологические последствия / А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, Т.М. Малева, Т.М. Алдошина, С.С. Сорокина // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2020. – Т. 114. – №12. – С. 40-48.
2. Белинская, Е.П. Социальная психология и общество / Е.П. Белинская, 2017. – Т. 6. – № 4.
3. Белинская, Е.П. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии / Е.П. Белинская, С.Н. Илюхина // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. – №4 (14). – С.81-95.
4. Войскунский, А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // Психология.

Журнал Высшей школы экономики. – Вып. 18. – №3, 2021. С. 431-450. – DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.

5. Голубева, Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе / Н.А. Голубева // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». - №1, 2020. С. 130-150.
6. Гордеева, Т.О. Оптимистический атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм: эмпирическая проверка сходства и различия двух конструктов / Т.О. Гордеева, С.О. Сычев, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – Вып. 14. – №4, 2017. – С. 756-765.
7. Емельянова, Т.П. Проблема глобальных рисков в социально- психологических исследованиях / Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик // Психология человека как субъекта познания и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев – Москва : ИП РАН, 2018. – С. 696-705.
8. Карпов, А.В. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени / А.В. Карпов, Т.А. Воронова // Человеческий капитал. – 2021. – №8 (152). – С. 22-28.
9. Леонтьев, Д.А. Жизнестойкость и ее диагностика / Е. И. Рассказова, Д. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2016. – 158 с. – ISBN 978-5-89357-364-0.
10. Личностный потенциал : структура и диагностика / [А.Ж. Аверина, Л.А. Александрова, И.А. Васильев, Т.О. Гордеева и др.]; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2011. – 679 с. – ISBN 978-5-89357-285-8 : 800.
11. Нестик, Т.А. Отношение к глобальным рискам: социально- психологический анализ / Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев // Психологический журнал, 2018. – Т. 39. – № 1.- С. 127-138.
12. Радаев, В.В. Миллениалы : как меняется российское общество / Вадим Радаев. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 221 с. – ISBN 978-5-7598-1985-1.
13. Соболева, М.О. Особенности построения исследований виртуальной идентичности пользователей социальных сетей / М.О. Соболева // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2021. – №4. – С. 14-23.

РОЛЬ ЮМОРА В ЛОГОТЕРАПИИ В. ФРАНКЛА

Яновская Лариса Владимировна

*канд. психол. наук, доцент кафедры клинической психологии
Донецкий государственный университет (РФ, г. Донецк)
(yanovlar1@mail.ru)*

В статье рассматриваются культурное и психологическое значения юмора. Отмечаются основные черты комического и анализируется его роль в обществе. Уделяется внимание пониманию роли юмора в психологических концепциях. Исследуется способность комического изменять отношение человека к событию и обнаруживать в нем другой смысл.

Ключевые слова: юмор, смех, комическое, смысл, логотерапия, метод «парадоксальной интенции».

THE ROLE OF HUMOR IN V. FRANKL'S LOGOTHERAPY

Yanovskaya Larisa Vladimirovna

*Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology
Donetsk State University (Russia, Donetsk)
(yanovlar1@mail.ru)*

The article examines the cultural and psychological significance of humor. The main features of the comic are noted and its role in society is analyzed. Attention is paid to understanding the role of humor in psychological concepts. The ability of the comic to change a person's attitude to an event and to find another meaning in it is studied.

Key words: humor, laughter, comic, meaning, logotherapy, the method of «paradoxical intention».

Тема юмора, смеха и остроумия была объектом рассуждения философов еще с древних времен. Первым, кто уделил внимание изучению смешного, принято называть Платона (427-348 до н.э.). Платон не объяснял природу смешного, но приходил к выводу о том, что смех может иметь различные последствия, даже для жизни целого государства. Аристотель (384-322 до н.э.) в «Риторике» отмечал две основные черты комического: «Смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее вреда и ни для кого не пагубное». В отличие от Платона, Аристотель допускал, что в умеренных количествах юмор может быть полезным. Идеи Лукиана о природе смешного

восходят к идеям Аристофана. Он говорит о воспитательной цели смешного - это исправление пороков и развитие умения воздерживаться от них.

Центральное место юмору в своей концепции отдает мыслитель и писатель Жан Поль. Понятие юмора для него основано на бесконечном контрасте идеи разума и самого мира, конечного в целом. Автор говорил, что юмор – это творческий динамический принцип, основанный на свободе, способный преодолевать все конечное и относительное с точки зрения бесконечности, признак самой жизни в ее развитии, движении, переломах и конфликтах, противостоящий всякой статике и теоретизированию [6].

Понимая человека как существо духовное, а не только биологическое и психологическое, мы предполагаем в нем наличие определенных духовных характеристик – способностей и качеств. К таким особенностям относится и чувство юмора, свойственное только человеку. Юмор представляет собой способность воспринимать, а также подмечать и творить *смешное*. Само слово *восходит к латинскому humor, umor* = «влажность, влага, жидкость», что объясняет противоположное значение – сухарь, сухой человек, и делает близким чувству юмора гуморальную регуляцию (рассматриваемую в древности как основу темперамента) человека. Эмоциональным выражением чувства юмора является *смех*, который определяется как положительное эмоциональное *проявление ощущения превосходства* над чем-либо или кем-либо.

А. Бергсон отмечает, что не существует комического вне собственно человеческого. Смех представляет собой определенное культурное явление. Как правило – смешно то, что смешено всем – какой-то определенной группе. Отсюда – национальные различия в определении смешного. И в том случае, когда человек смеется сам – мысленно он обращается к другому, другим, кому бы эта ситуация показалась настолько же смешной. По этому поводу А. Бергсон пишет: «как бы ни был смех искренен, он всегда скрывает заднюю мысль о соглашении, я скажу даже – почти о заговоре с другими смеющимися лицами, действительными или воображаемыми» [1, с.188].

О. Розеншток-Хюсси также говорит о важности критической функции юмора в современном информационно-ориентированном обществе. Исследователь подчеркивает, что юмор помогает не только взглянуть на общепринятые теории, но и отсеять из огромного потока поступающей со всех сторон информации нечто действительно важное и относящееся к делу. В своей статье «Значение юмора для выживания» автор пишет: «...Научный прогресс в области социального познания зависит от уравнивающей силы юмора. Юмор исключает все ложные методы именно потому, что он делает их смешными...» [4, с.148].

Диапазон смешного широк. Смешными могут оказаться наружность человека, его лицо, фигура, движения; комическими могут представляться его суждения, в которых он проявляет недостаток ума; особенности характера человека. Смешной может оказаться речь человека как проявление таких его качеств, которые были незаметны, пока он молчал [3]. Смешное проявляется вообще через поступки, через действия, которые в данной обстановке кажутся нелепыми или неуместными, или несоответствующими. Короче говоря, физическая, умственная и моральная жизнь человека может стать объектом смеха. Но... не может быть смешным то, что не относится к области человеческих проявлений. Не смешна природа сама по себе, сами по себе не смешны повадки животных, лишь наделяя объекты *не-социальной* окружающей среды человеческими свойствами, мы обнаруживаем в них смешное.

Если мы представим себе верхнюю и нижнюю границы смеха, то нижней границей будет выступать природный, *несоциальный*, *некультурный* мир. Верхней границей будут являться религиозные чувства, проявления высокой духовности как особо серьезного отношения к жизни. Так, В.Я. Пропп приводит пример высказывания художника В. Иванова (при работе над картиной «Явление Христа народу») – «Христос никогда не смеялся», и подчеркивает: «область религии и область смеха взаимоисключаются» [3].

Кроме того, можно назвать и еще два ограничения области смешного. «Правая» граница пространства смеха представляет страдание. Не смешно

трагичное. «Левая» - фанатизм. Л. Витгенштейн отмечает, что в нацистской Германии юмор был истреблен. И это, говорит он, не признак отсутствия хорошего настроения, а особое мировоззрение. Отсутствие смеха отмечается и у душевно больных людей. Это «особое мировоззрение» заключается в неспособности отстранения от своих позиций, от своего отношения к жизни.

С.Л. Рубинштейн рассматривает чувство юмора как одно из мировоззренческих чувств, связанного со способностью к рефлексии. Действительно, в психологии развития отмечается, что чувство юмора у ребенка появляется в период формирования его инициативности, творческой способности к символизации, и, следовательно, рефлексии. Он надевает неправильно обувь – чтобы другим стало смешно, он переносит фразу из одного контекста – в другой, в качестве шутки. Тем самым он начинает «играть» со смыслами. Чувство юмора постепенно становится регулятором смысловых отношений. Причем, неумение отнестись к ситуации с юмором нередко сопровождается осуществлением агрессивных действий.

Психоанализ рассматривает юмор как защитный механизм от проявления агрессии. Действительно, если агрессия разрушает объект, то юмор (смех, ирония) «разрушает» смысл этого объекта. Однако, чувство юмора – это не просто «замещение» агрессии на более приемлемую в обществе форму разрушения. Чувство юмора указывает на способность человека к отстраненной по отношению к объекту позиции. Это духовная способность, позволяющая видеть смешным, то, что находится «ниже», что нелепо, что абсурдно (лишено смысла). Когда человек занимает эту позицию, он поднимает себя выше, он обретает иные смыслы. Проявление агрессии бездуховно и эгоистично. Юмор освобождает человека, он таким образом переформирует отношение субъекта к объекту, что он становится свободным определять смысл этого отношения.

Суть соотношения трагического и комического, по мнению С.Л. Рубинштейна, состоит в определении добра и зла. Однако, он замечает, что «трагическое, юмористическое и т.д. отношение к жизни, чтобы быть адекватным должно основываться на соответствующей характеристике самой

жизни» [5, с.80]. Гипертрофия, абсолютизация того или иного отношения приводит к дисгармонии личности, к нарушениям развития. Но для каждого человека соотношение трагического и комического различны, даже если речь идет об одной и той же ситуации. С.Л. Рубинштейн видит человека субъектом жизнедеятельности, и «потому, что он входит в ситуацию» «этим своим отношением (*трагическим или комическим*) изменяет ее» [5, с.81].

В. Франкл [7] в своей теории утверждает взгляд на человека как на существо в первую очередь духовное. Он утверждает, что «быть человеком – значит выходить за пределы самого себя» (себя – как закрытой системы биологических и психологических реакций). Он говорит, что сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции. Способность к самотрансценденции основывается на интенциональности как основной характеристике человеческого сознания. Субъективные основания – смыслы обретаются в актах самотрансценденции. Направленность на смысл, стремление к смыслу определяют отношения человека к жизненным ситуациям, объектам. Смысл жизни постоянно меняется, но никогда не исчезает.

Юмор может выполнять роль трансцендентной функции. Благодаря юмору субъект может изменять отношение к собственной проблеме, выходя за рамки собственной смысловой системы. Посмеяться вместе с кем-то, кому доверяешь, или идентифицируешь себя, над своими проблемами, изменить смысл и значение этих проблем, - значит освободиться от их гнетущей власти.

Однако, человек иногда оказывается в плену своих фобий и страхов. Слишком ответственное («трагическое») отношение к социальным нормам или догматическая приверженность к определенному рода знаниям внушают тревожные переживания и страхи. Само тревожное состояние, реально не связанное с ситуацией, уже говорит о нарушениях (о «разрывах») в смысловом пространстве человека.

В этих случаях логотерапия и применяет свою методику, называемую «парадоксальной интенцией». В рамках данной методики фобическому пациенту предлагается хотя бы на миг возжелать того, чего он боится. Так кардинально

меняется отношение к объекту, что дает возможность обрести иной смысл в тревожащей ситуации.

В. Франкл отмечает, что применение данного приема должно основываться на специфически человеческой способности к отстранению, лежащей в основе *чувства юмора*. Эта важная способность отстраняться от себя задействуется всякий раз, когда применяется логотерапевтический прием «парадоксальной интенции» [7]. При этом пациент обретает способность отстраниться также от своего невроза. Когда человек способен "посмеяться над собой", это ставит его на путь к самообладанию, а, следовательно, к выздоровлению.

Возможность иронически относиться к нежелаемым, угнетающим переживаниям и реакциям высмеивать их, *разрывает порочный круг* (делает возможной самотрансценденцию), симптом ослабевает и исчезает. В благоприятных случаях, т.е. когда отсутствует вызывающий и проявляющий симптом экзистенциальный вакуум, пациент оказывается в состоянии не только высмеивать свой невротический страх, но, в конце концов, и полностью его игнорировать.

Таким образом, чувство юмора в логотерапии В. Франкла играет существенную роль, способствующую субъекту через самоотстранение обрести иное отношение и иной смысл. Различные формы проявления тревожности являются компонентами психологической системы человека, а чувство юмора, как характеристика его духовной сферы, как измерение более высшего порядка, способно изменить систему психологических реакций.

Список использованных источников

1. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – Москва : МГУ, 1984. – С.186-191.
2. Лук, А.Н. Юмор, остроумие, творчество /А.Н. Лук. – Москва : Искусство, 1977. – 186 с.
3. Пропп, В.Я Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – Москва : Лабиринт. – 2002. – 210 с.
4. Розеншток-Хюсси, О. Значение юмора для выживания/ О. Розеншток-Хюсси // Вопр. Философии, 1997. – № 8. – С. 147-150.

5. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн; [Послесл. К. А. Абульхановой-Славской, А. Н. Славской]; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. – Москва : Наука, 1997. – 189 с. – ISBN 5-02-013635-2.
6. Тамберг, Ю.Г. Как развить чувство юмора / Ю.Г. Тамберг. – Москва : Флинта, 2005. - 272 с.
7. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 340 с.

Секция 5. Проблемы развития лиц с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в современной образовательной и социальной среде

УДК 376.42

**ОСОБЕННОСТИ АКТИВНОГО СЛОВАРЯ У ДЕТЕЙ 3,5-4 ЛЕТ ПРИ
ТЕМПОВОЙ ЗАДЕРЖКЕ РЕЧИ**

Асмаловская Оксана Анатольевна
*старший преподаватель Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(РФ, г. Тула)(oksana.as@mail.ru)*

В данной статье представлены результаты исследования состояния активного словаря младшего дошкольного возраста с диагностированной темповой задержкой речевого развития.

Ключевые слова: младшие дошкольники, темповая задержка речевого развития.

**FEATURES OF THE ACTIVE DICTIONARY IN CHILDREN 3.5-4 YEARS
OLD WITH SPEECH RATE DELAY**

Asmalovskaya Oksana Anatolevna
*Senior teacher Tula State
Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
(RF, Tula)(oksana.as@mail.ru)*

This article presents the results of a study of the state of the active vocabulary of primary preschool children with a diagnosed tempo delay in speech development.

Key words: younger preschoolers, tempo delay in speech development.

Развитие речи детей младшего дошкольного возраста – один из важнейших разделов педагогики, направленный на умственное развитие ребенка, развитие мышления и интеллекта, которому предстоит жить в XXI веке. Речь – способность, данная людям, как великий дар Природы. Становление речи в раннем детстве имеет свои закономерности, с которыми должны быть знакомы взрослые. Речевая функция столь важна для ребенка, что овладение ею можно считать одной из ведущих линий развития в первые годы жизни.

Развитие словаря – это длительный процесс количественного накопления слов, освоение их значений информирование умение использовать их в конкретных условиях общения. В отечественной методике развития речи задачи словарной работы в детском саду были определены в трудах Тихеевой Е.И., Гербовай В.В., и др. Эти исследователи подчеркивали необходимость проведения специально организованной работы, направленной на расширение, уточнение и активизацию словаря.

Обследование было проведено с детьми младшего дошкольного возраста в количестве 10 человек.

Диагностический комплекс, направленный на выявление особенностей словарного запаса у детей 3,5–4 лет при темповой задержкой речи решает следующие задачи:

1. Определение объема номинативного словаря;
2. Определение объема атрибутивного словаря;
3. Определение объема предикативного словаря;
4. Выявление наличия общих категориальных названий.

В комплекс вошли методики следующих авторов (Приложение 2).

Методика №1 «Определение объема номинативного словаря».

Использована методика Р.И. Лалаевой, Н.В. Серебряковой адаптированная для детей 3.5–4 лет.

Целью этой методики является выявление уровней сформированности словаря существительных. Материалом исследования служит набор картинок с изображением предметов. Вниманию ребенка предлагаются картинки и дается словесная инструкция: к заданиям, направленным на исследования уровня сформированности пассивного словаря задается вопрос «Покажи, где...», задания на исследование активного словаря сопровождаются вопросом «Что это?». В случае отсутствия слова в активном словаре, проверяется наличие слова в пассивном.

После выполнения всех заданий, предложенных методикой, подсчитывается сумма баллов за выполнение заданий и сопоставляется с критериями оценки запаса слов номинативного словаря.

Качественный анализ результатов проведенного обследования показал, что у детей младшего дошкольного возраста с низким уровнем сформированности словаря отсутствует правильное наименование предметов. Характерно наличие лепетных слов. Некоторые дети Нина В., Юлия М. затрудняются при употреблении относительных прилагательных. Например: Ваза, какая? Мяч, какой? Шуба, какая? В подборе антонимов вызвало затруднение у детей: Миша М., Ваня Т., Рома В., Вася У. Дети не смогли сказать о действиях людей некоторых профессий. Например: «Малляр что делает? - (красит)», «Швея что делает? - (шьет).

Качественный анализ результатов проведенного обследования показал, что дети данной группы не всегда могут назвать предмет по его описанию. Дети неуверенно выполняют задание, долго думают, перед тем как ответить. Особенно много ошибок допускалось при назывании действий людей различных профессий. Следовательно, у детей 3,5-4 лет имеет место несформированность словаря.

В результате проведенного диагностического исследования, направленного на выявление особенностей словарного запаса у детей 3,5-4 лет при темповой задержке речи нами были получены данные, отраженные в дальнейшем ходе работы.

Анализ данных показал, что усредненный показатель по результатам исследования уровней предметного словаря в группе детей при темповой задержке речи соответствует характеристикам низкого уровня. В целом характер выполнения заданий участниками эксперимента неодинаковый. Так, Денис С., Юлия М., Нина В., имеют средний уровень сформированности номинативного словарного запаса. Это объясняется тем, что номинативный словарь усваивается детьми гораздо раньше. Выполнение заданий проходило с небольшими затруднениями.

В связи с темповой задержкой речи распознавание ответов у отдельных лиц оказалось невозможным. Так, на картинку с изображением машинки Нина В. дала ответ «спыш», который невозможно засчитать, как правильный. Для того чтобы удостовериться в точном понимании значения слова, Нине В. было предложено показать в беспорядочно разложенном картинном материале карточку с изображением машинки. Похожие случаи наблюдались и у других детей с низким уровнем номинативного словаря, это говорит о небольшом запасе слов в активной памяти. Так, Юлия М. при рассмотрении изображений указывала на любой предмет и называла фразой «во!»

Миша М., Ваня Т., Рома В., Вася У. в ходе исследования показали средние результаты. Особое затруднение вызвали слова «ботинки» и «колготки». Вербальный ответ заменялся показом ребенка этих вещей на самом себе. Для того чтобы проверить, находится ли это слово в пассивном словаре, детям задавался уточняющий вопрос: «Это штаны? Это брюки? Это колготки?». Правильный ответ на уточняющий вопрос оценивался в 1 балл.

Далее обратимся к результатам выполнения методики №2, направленной на изучение объема атрибутивного словаря.

Представленные данные свидетельствуют о том, что у этой группы детей низкий уровень сформированности словаря качеств. Дети с наименьшими результатами не справились с заданиями. Дети со средними показателями охарактеризовали куклу как «красивая» и «добрая». Используя контекстную подсказку, некоторыми детьми были даны ответы что кукла «смешная». Такие ответы были оценены в 2 балла. Так же испытуемым было предложено назвать цвета одежды куклы, изображенной на картинке. Миша М. успешно определил синий цвет, проблематичным оказалось называние остальных цветов. Ребенок путал названия цветов.

Группа в целом получила низкий результат. Ваня Т. и Вася У. справились с заданием с помощью экспериментатора. В выполнении заданий допускались ошибки, отмечались затруднение в подборе нужного слова и трудности процесса

поиска нужного слова. Так, на вопрос «Как можно играть с мячом?» Ваня Т. дал ответ «прыгать».

Заключающим в серии диагностических методик стало задание отражающее умение детьми подбирать однородные слова, обобщать понятия. В таблице 6 отражены данные эксперимента в группе детей при темповой задержке речи.

Дети, показавшие средний уровень обобщения (Миша М., Ваня Т., Рома В., Вася У.) в выполнении заданий допускали незначительные ошибки, которые самостоятельно устранялись при помощи подсказки экспериментатора. У Вани Т., Васи У. в ходе выполнения заданий были выявлены трудности, возникла необходимость в контекстной подсказке и неоднократное повторение инструкции. При работе над заданиями, в которых требовалось назвать конкретные существительные одним словом встречались такие типичные ошибки, как: слово «одежда» заменялось ответами «это вещи», «на себя...одевать», слово «обувь» – «это...на ноги», «ботинки», самым затруднительным оказалось понятие «посуда», чаще ее ассоциировали с «есть(кушать)», «(кушать)суп».

Юлей М. и Ниной В. при рассматривании изображений темы «посуда» были даны ответы: «мама делает», «ням–ням». Дальнейший просмотр картинок ограничивался эпизодичным перечислением увиденных предметов. За каждую попытку выполнения задания детьми получен 1 балл.

Исходя из полученных данных целостная картина состояния лексической стороны речи в исследуемой группе не обладают высоким уровнем сформированности лексической стороной речи ни один из испытуемых; средний уровень имеют 6 детей, низкий уровень – 4 человека.

Общий анализ результатов показал, что словарный запас группы детей при темповой задержке речи имеет следующие специфические черты:

- недостаточно сформированный номинативный словарь;
- ограниченность атрибутивного и предикативного словарей;
- трудности овладения обобщающими понятиями;

Исходя из этого, необходимо подчеркнуть необходимость проведения работы по обогащению и актуализации словарного запаса у детей 3,5–4 лет при темповой задержке речи.

Список использованных источников

1. Алексеева, М.М. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников / М.М. Алексеева, И.В. Яшина // - Москва, 2008. – 400 с.
2. Волкова, Г.А. Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушениями речи. Вопросы дифференциальной диагностики: учебно-метод. пособие / Г.А. Волкова. – СПб. : Детство-пресс, 2008. – 144 с.
3. Гербова, В.В. Использование детьми третьего года жизни словарного запаса в повседневной жизни и деятельности / В.В. Гербова. // Ученые записки: МГЗПИ. – 1970. – № 31.
4. Захарова, А.В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи / А.В. Захарова. – Москва : Златоуст, 2007. – 283 с.

УДК 376.42

ВЫЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО РЕЧЕВОГО НЕДОРАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ 5-7 ЛЕТ

*Асмаловская Оксана Анатольевна
старший преподаватель Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(РФ, г. Тула)(oksana.as@mail.ru)*

В данной статье представлены результаты изучения импрессивной и экспрессивной речи дошкольников с общим недоразвитием речи. Эмпирическим путем доказано, что у детей экспериментальной группы имеется системное недоразвитие речи.

Ключевые слова: экспрессивная речь, импрессивная речь, системное недоразвитие речи.

IDENTIFICATION OF SYSTEMIC SPEECH UNDERDEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN AGED 5-7 YEARS OLD

*Asmalovskaya Oksana Anatolevna
Senior teacher Tula State
Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
(RF, Tula)(oksana.as@mail.ru)*

This article presents the results of studying the impressive and expressive speech of preschoolers with general speech underdevelopment. It has been empirically proved that the children of the experimental group have systemic speech underdevelopment.

Key words: expressive speech, impressive speech, systemic speech underdevelopment.

В современной отечественной логопедии под общим недоразвитием речи (ОНР) у детей с нормальным слухом и первично сохранным интеллектом понимается такая форма речевой патологии, при которой нарушается формирования как импрессивной, так и экспрессивной форм речи: понимание речи, ее звуко-произносительной стороны, наполняемость слоговой структуры слова, бедность словарного запаса, несформированность грамматического строя, недостаточная сформированность связной речи.

С целью эмпирическим путем проверить данное утверждение, нами был подобран контингент исследования, в состав которого входили 173 дошкольника с заключением психолого-медико-педагогической комиссии –ОНР III уровня речевого развития, в возрасте 5-7 лет.

Исследование проводилось на базе детских дошкольных учреждений компенсирующего и комбинированного вида г. Тулы и Тульской области.

На первом этапе исследования был проведен анализ медицинской и психолого-педагогической документации исследуемого контингента.

Данные исследования помогли получить сведения об особенностях раннего развития детей, о наличии патологических факторов, влияющих на их речевое и физическое развитие. Анализ изучения речевых карт детей показал, что развитие речи детей происходило с существенной задержкой. В анамнезе указано позднее появление гуления, лепета, первых слов (от 1,5 до 4 лет), простой фразы (после 3-5 лет)

В результате изучения медицинской документации были получены данные о психоневрологическом развитии детей, которое, по заключению специалистов, находилось в пределах возрастной нормы.

Первичные представления об особенностях речи обследуемых дошкольников мы получили в ходе специально организованной беседы.

Содержание беседы определялось возрастом и речевыми возможностями ребенка. В процессе общения проявлялась незаинтересованность в контакте, отсутствовало достаточное внимание к собеседнику, познавательный интерес наблюдался крайне низкий. Дошкольники с ОНР в процессе диалогического взаимодействия использовали высказывания, не соответствующие общей логике беседы, не адекватно использовались средства вербального и невербального общения. В ходе общения проявляется его низкая культура: дети расторможены, крикливы, непоседливы, не чувствуют дистанцию со взрослыми.

Диагностическая методика по данному направлению разрабатывалась на основе комплекса приемов обследования коммуникативно-речевой деятельности, представленного в специальной литературе.

Обследование импрессивной речи включало в себя изучение особенностей понимания слов, грамматических конструкций, предложений.

Для выявления понимания слов предлагались задания, направленные на актуализацию их значений: подбор синонимов, антонимов, многозначных слов (подобрать предмет к определению, к действию, назвать слова с противоположным значением, заменить слово близким по значению).

Для изучения понимания грамматических форм использовалась серия заданий на понимание форм единственного и множественного числа существительных, глаголов, прилагательных; понимание форм мужского, женского и среднего рода различных частей речи; понимание значения предлогов.

Обследование понимания предложений осуществлялось через выполнение инструкций различной степени сложности (2-х, 3-х, 4-х ступенчатых), а также понимание предложений, содержащих подчинительную связь (предлагается закончить предложение, выбрать нужный вариант окончания из нескольких предложенных, исправить деформированное предложение).

Качественный анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы об особенностях импрессивной речи детей, участвовавших в эксперименте: дети понимают обращенную речь, но это понимание

осуществляется либо на бытовом уровне, либо ограничено ситуацией обследования.

Изучение состояния экспрессивной речи осуществлялось по следующим направлениям:

1. Исследование произносительной стороны речи:
2. Исследование словообразовательных процессов
3. Исследование сформированности грамматического строя речи
4. Исследование связной речи

Нами был проведен анализ результатов исследования экспрессивной речи дошкольников с ОНР III уровня речевого развития. Анализируя результаты, полученные при изучении произносительной стороны речи, необходимо отметить следующее:

- у 63% детей – движения доступны, объем полный, тонус в норме, темп выполнения и переключаемость несколько замедленны, 1-2 движения выполняются со 2-ой попытки;

- у 39% детей - движения доступны, темп выполнения и переключаемость снижены, объем движений неполный, отмечается замедленный поиск позы в упражнениях, напряженное удержание артикуляционного положения, требуются повторные показы движений.

Анализ полученных данных изучении звукопроизношения показал следующее:

- 87% обследованных детей имеют недостатки произношения свистящих звуков;

- 79% детей, недостатки произношения шипящих звуков;

- 83% детей, нарушение произношения сонорных звуков;

- 38% детей, нарушение произношения звонких согласных;

- 24% детей, недостатки произношения заднеязычных звуков;

- 44% из обследуемых детей, нарушение произношения йотированных звуков;

Таким образом, наиболее распространенный дефект - нарушения произношения свистящих звуков (87%), который проявился в искажении (боковое, межзубное), замене звуков и пропуске; также у большинства детей нарушено произношение шипящих и сонорных звуков, реже отмечены нарушения произношения звонких и заднеязычных согласных.

Анализируя качество выполнения заданий на исследование словообразовательных процессов, было установлено, что дошкольники с ОНР испытывают определенные трудности, которые проявляются в образовании существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами (вместо стульчик – «*стулик*», вместо куколка – «*куклика*», вместо кабачок – «*кабачонок*» и др.), согласовании прилагательных с числительными (*пять стулов, пять ушов, три платьев* и др.), образовании прилагательных от существительных (*шапка из меха – мховая, сумка из кожи – кожаная* и др.), притяжательных прилагательных (чей хвост? – *волковый, лисовый, лисячий* и др.).

Нами было установлено, что у исследуемого контингента детей активный словарь достаточно беден. Дети путают цвета и формы предметов, некоторые не знают основных цветов, словарь признаков весьма ограничен. Большая часть дошкольников заменяют слова по семантике («*мыть*» - вместо «стирать», «*кофта*» – вместо рубашка).

Анализ умения детей строить словосочетания и согласовывать в них имена прилагательные с существительными единственного числа в роде и падеже показал, что большинство детей с ОНР (около 70%) имеют нарушения в согласовании имён прилагательных и существительных мужского и среднего рода («*Красная платья*»). Большое количество ошибок дети с ОНР допускали в использовании и простых предлогов (*в, на, под, с*), и сложных (*из-за, из-под и т.д.*)

У дошкольников отмечалась недостаточная сформированность навыков использования грамматических форм – ошибки в падежных окончаниях, смешении временных и видовых форм глаголов, в согласовании и управлении. Многие дети с речевым недоразвитием не испытывали трудностей в

самостоятельном составлении высказываний на уровне простой законченной фразы, но в некоторых случаях возникла необходимость в дополнительном вопросе, требующем назвать изображенное действие (*«Что ты видишь на картинке? Что делает мальчик, девочка?»*). У испытуемых при этом отмечались ошибки на употребление словоформ, трудности с поиском нужного слова, нарушение порядка слов в предложении, длительные паузы, трудности смыслового программирования.

Таким образом, анализ результатов изучения состояния импрессивной и экспрессивной речи показали наличие у всех детей экспериментальной группы системного речевого недоразвития (ОНР).

Список использованных источников

1. Основы теории и практики логопедии.: Учебное пособие/ ред. Р.Е. Левина. – Москва : Альянс, 2013. – 367 с.
2. Основы логопедической работы с детьми: Учебное пособие для логопедов, воспитателей детских садов, учителей начальных классов, студентов педагогических училищ / Под ред. Г.В. Чиркиной. – Москва : АРКТИ, 2005. – 240 с.
3. Эльконин, Д.Б. Детская психология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений – Москва : Издательский центр Академия, 2006. – 384 с.

VB-MAPP КАК ОДНО ИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ ВЫЯВЛЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Богова Екатерина Алексеевна
магистрант

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
(РФ, г. Тула)(ekaterina.bogova@yandex.ru)*

Васина Юлия Михайловна

*канд. пед. наук, доцент кафедры специальной психологии
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
(РФ, г. Тула)(j_m_vasina@mail.ru)*

В статье освещаются особенности развития зрительного восприятия у детей с расстройствами аутистического спектра. Рассматривается классификация зрительного восприятия. Описана технология использования программы VB-MAPP для выявления уровня развития зрительного восприятия у детей данной категории.

Ключевые слова: зрительное восприятие, дошкольный возраст, расстройство аутистического спектра, ограниченные возможности здоровья, электронный ресурс VB-MAPP.

VB-MAPP AS ONE OF THE ELECTRONIC RESOURCES FOR IDENTIFYING THE LEVEL OF VISUAL PERCEPTION DEVELOPMENT IN CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS

Bogova Ekaterina Alekseevna
Undergraduate student

*Tula State Pedagogical University them. L.N. Tolstoy
(RF, Tula) (ekaterina.bogova@yandex.ru)*

Vasina Yulia Mikhailovna

*Cand. ped. Sciences
Associate Professor of Specialty Psychology
Tula State Pedagogical University them. L.N. Tolstoy
(RF, Tula)(j_m_vasina@mail.ru)*

The article discusses the features of the development of visual perception in children with autism spectrum disorders. The classification of visual perception is considered. The technology of using the VB-MAPP program to identify the level of visual perception is described.

Key words: visual perception, preschool age, autism spectrum disorder, limited health opportunities, electronic resource VB-MAPP.

Деятельность детей дошкольного возраста подчинена одной главной потребности: воспринимать окружающий мир и себя в нем.

Развитие восприятия у детей раннего возраста имеет огромную важность, поскольку именно восприятие является основой для формирования представлений о мире и развития умственных способностей и психических процессов.

Успех в физическом, умственном и творческом развитии ребенка во многом зависит от того, как он воспринимает мир. Сначала он учится устанавливать связи между предметами, а потом узнает их по характерным признакам. В дошкольном возрасте восприятие определяет поведение и мышление ребёнка.

Проблемой изучения зрительного восприятия детей дошкольного возраста занимались такие ученые, как Л.В. Фомичева, А.М. Витковская, Л.И. Плаксина, Л.А. Дружинина, А.П. Григорьева и ряд других авторов.

Так, в своих исследованиях В.П. Зинченко считает, что «восприятие – это отражение в сознании человека не отдельных свойств, а целого комплекса свойств предметов и явлений, когда они непосредственно воздействуют на органы чувств».

А.В. Запорожец видит в восприятии процесс освоения все более сложных действий, основанных на сравнении характеристик воспринимаемых объектов с уже имеющимися в сознании эталонами.

В трудах А.Н. Леонтьева восприятие рассматривается как чувственное познание, которое кажется непосредственным, и включает в себя познание предметов (вещей, живых существ, людей) и ситуаций (взаимоотношений между предметами, движениями, событиями).

Таким образом, в нашем исследовании под процессом восприятия мы будем понимать процесс отражения в сознании человека предметов и явлений во всей их сложности, с учетом их свойств и частей, который происходит в результате прямого воздействия этих предметов на органы чувств.

Говоря о детях с расстройствами аутистического спектра (РАС), можно сказать, что компоненты зрительного восприятия сформированы недостаточно и искажены, что мешает их успешной адаптации, развитию, социализации, полноценному восприятию целостной картины мира. Дети с РАС не способны интегрировать все поступающие из среды сигналы так, как это делают дети, не имеющие диагноза. Они постоянно испытывают трудности во всех сенсорных сферах: в восприятии, интеграции, обработке сигналов.

Это свидетельствует об актуальности проблемы и необходимости коррекционной помощи детям с данным диагнозом для их дальнейшего приспособления к окружающему миру.

Проблемой формирования и развития восприятия у детей с расстройствами аутистического спектра занимались такие ученые как Т.В. Рогачева, Е.И. Михайлова, И. И. Мамайчук, М. Б. Ульд Семета, В. Е. Каган, К. С. Лебединская, О. С. Никольская, Д. Н. Исаев и другие.

Целью нашего исследования является обоснование эффективности программы VB-MAPP для выявления уровня развития зрительного восприятия у детей с РАС.

Задачи исследования: а) определение понятия «зрительное восприятие»; б) подбор и обоснование критериев выявления уровня развития зрительного восприятия ребенка, выявление особенностей развития восприятия у детей с РАС, составление диагностической программы; в) описание алгоритма применения программы VB-MAPP для выявления уровня развития изучаемого процесса; г) анализ результатов констатирующего этапа эксперимента.

Зрительное восприятие — это совокупность процессов, которые строят визуальный образ мира на основе сенсорной информации, получаемой с помощью зрительной системы. На ранних этапах филогенетического развития зрительное восприятие обеспечивает получение информации в основном о пространственном положении и движении объектов. Позднее эта информация дополняется сведениями о форме и структуре объектов. Наряду с задачей отражения предметов и их свойств оно выполняет также важную

кинестетическую функцию, участвуя в восприятии и регуляции собственных движений наблюдателя [1].

Исходя из исследований многих ученых можно выделить следующую классификацию зрительного восприятия [3]: а) восприятие яркости и цвета; б) восприятие пространства; в) восприятие движения; г) восприятие формы.

Б. Нейсон, английский нейропсихолог, выделяет основные проблемы восприятия детей с РАС [6]: а) фрагментированное или искаженное восприятие; б) трудности интегрирования/обработки множественных сенсорных стимулов; в) сенсорная дефензивность (гиперчувствительность); г) пониженная сенсорная чувствительность; д) сенсорная перегрузка; е) модулирующая стимуляция (возбуждение).

По мнению О. Богдашиной, необъяснимые, непонятные нам причины нарушения произвольной организации, нарушения самосохранения, эмоциональной сферы и фрагментарность восприятия у детей с расстройством аутистического спектра как раз и могут стать доступными и понятными в результате исследования и изучения особенностей зрительного восприятия, играющего важную роль в жизни данной категории детей [2].

Взгляд «сквозь» объект; отсутствие слежения взглядом за предметом; «псевдослепота»; фрагментарность восприятия окружающего, «клиповость» восприятия, сосредоточенность взгляда на «беспредметном» объекте – все эти особенности могут встречаться у дошкольников с РАС и характеризовать их зрительное восприятие [4, 5].

С целью выявления уровня развития зрительного восприятия у детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра нами была использована программа VB-MAPP (Verbal Behavior Milestones Assessment and Placement Program) Л.М. Сандберга [7]. Методика применяется с использованием компьютерных средств, в частности программы Microsoft Excel. Программа основана на исследованиях Б.Ф. Скиннера в области анализа вербального поведения, этапов развития ребенка и анализа поведения. Навыки оцениваются по трем уровням, которые отражают основные этапы развития

типично развивающихся детей: навыки 1 уровня - 0-18 месяцев; навыки 2 уровня - 18-30 месяцев; навыки 3 уровня - 30-48 месяцев.

Программа включает в себя ряд параметров, оценивающих различные языковые навыки и смежные области. Каждый пункт оценивается по пятибалльной шкале. Задача специалиста, проводящего оценку, - определить, какой уровень наиболее близок к текущему уровню развития навыков ребенка.

Программа удобна для диагностики детей с РАС, так как разбивает каждый навык на умение, которым должен обладать ребенок, чтобы освоить проверяемый навык.

Для нашего исследования мы использовали категорию «Визуальное восприятие».

Представим результаты использования данной методики в таблице. В исследовании приняли участие 5 детей в возрасте от 3–6 лет. Каждому испытуемому, в целях сохранения конфиденциальности, был присвоен индивидуальный код: К1, Т2, Р3, Д4, Б5.

Таблица.

Уровни развития навыков визуального восприятия по методике VB-MAPP

Параметр	Испытуемые				
	К1	Т2	Р3	Д4	Б5
Способность сосредоточить внимание на визуальном стимуле	0	1	1	0,5	1
Умение складывать предметы в контейнеры	0	1	1	0,5	1
Умение сопоставлять идентичные объекты	0	1	1	0,5	1
Умение сопоставлять идентичные картинки	0	1	0,5	0	0,5
Умение сортировать по цветам предметы и картинки	0	1	0,5	0	0,5
Умение сортировать по формам предметы и картинки	0	0,5	0	0	0,5
Общее количество баллов	0	5,5	4	1,5	4,5

Для проверки первого параметра ребенку предъявлялись различные яркие игрушки и картинки, которые бы могли привлечь его внимание. Отслеживался взгляд ребенка, а также отмечался временной промежуток, за который ребенок может удержать свой взгляд на предмете. 0 баллов ставится, если ребенок

смотрит сквозь предмет, не замечает предмет. 0,5 балла, если ребенок сопровождает взглядом движущийся стимул в течении двух секунд, 2 раза в течении наблюдения. 1 балл, если ребенок сопровождает взглядом движущийся стимул в течении двух секунд, 5 раз в течении наблюдения. 2 балла, если ребенок может сосредоточить внимание и рассматривать игрушку в течении 1 минуты.

После демонстрации и игры с игрушками, ребенку давали инструкцию «Собери», после чего испытуемый должен был сложить все в контейнер. 0 баллов, если ребенок не выполняет инструкцию, 1 балл, если ребенок может разложить 3 предмета в разные контейнеры.

Чтобы исследовать третий параметр, ребенку предлагалось сгруппировать предметы по контейнерам. Детям предлагались пластмассовые вилки, игрушки – коровы, бусины – яблочки. 0 баллов – ребенок не сличает одинаковые предметы. 0,5 балла – может сопоставить 5 одинаковых предметов. 1 балл – может сопоставить 10 одинаковых предметов.

Далее предлагается сопоставить идентичные картинки. Система оценки идентична предыдущему параметру.

Для оценки следующего параметра ребенку предлагались цветные стаканчики и камушки. Он должен был положить камушек в соответствующий по цвету стаканчик. 0 баллов – испытуемый не различает цвета. 0,5 балла – раскладывает с ошибками из выборки из 4 основных цветов. 1 балл – раскладывает правильно из выборки из 6 цветов.

Последний параметр оценивается с помощью карточек с изображением форм и предметов. Ребенку нужно наложить форму на изображение предмета, который имеет аналогичную форму. Например, испытуемый накладывает круг на картинку с мячом, прямоугольник на картинку с книгой. 0 баллов – испытуемый не различает формы. 0,5 балла – раскладывает картинки с ошибками. 1 балл – без ошибок раскладывает более 10 картинок.

В ходе анализа результатов констатирующего этапа исследования нами было выявлено, что обучающиеся набрали количество баллов, соответствующее

первому и второму уровню развития визуального восприятия, что свидетельствует о том, что данные показатели развиты ниже возрастной нормы.

У большинства испытуемых возникли затруднения в сортировке предметов и картинок по формам, дети старались сопоставить предложенный стимульный материал по цвету, либо же сложить все в одно место. С сопоставлением идентичных картинок и объектов дети в среднем справились хорошо, некоторым испытуемым потребовалась помощь взрослых.

В целом 60% тестируемых способны сосредотачивать внимание на визуальных стимулах и самостоятельно складывать предметы в контейнеры. Испытуемые К1 и Д4 испытывали трудности в выполнении данных заданий. В их поведении преобладает полевое поведение и при демонстрировании визуального стимула они смотрели мимо предмета, по сторонам или уходили. Положить предмет в контейнер, так же вызвало трудности. К1 самостимулировался предлагаемым предметом, тряс в руках, не реагировал на инструкцию и разбрасывал окружающие предметы. Д4 справился с заданием только с подсказкой взрослого.

Из констатирующего этапа исследования следует, что обучающиеся обладают лишь начальными навыками визуального восприятия и нуждаются в том, чтобы тренинг по развитию данного процесса был включён в программу коррекции.

Таким образом, нами доказана эффективность данного электронного ресурса. Методика VB-MAPP, предложенная М. Сандбергом, может быть использована для более точного и корректного построения индивидуальных коррекционных программ для детей с РАС в целях более точного определения уровня развития зрительного восприятия детей.

Список использованных источников

1. Барабанов, Р.Е. Психологические механизмы зрительного восприятия формы и пространства / Р.Е. Барабанов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2023. – Т. 12. – № 8А. – С. 64-75. – DOI: 10.34670/AR.2023.35.80.009

2. Богдашина, О.Б. Аутизм. Определение и диагностика / О.Б. Богдашина. – Донецк, 1999. – 213 с.
3. Грегори, Р.Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия / Р.Л. Грегори. – Москва : «Прогресс», 1970. – 223 с.
4. Гринина, Е.С. Современные подходы к коррекции расстройств аутистического спектра / Е.С. Гринина // Инклюзия в образовании. – 2016. – № 2. – С. 159-174.
5. Лебединская, К.С. Диагностическое исследование ребенка первых двух лет жизни при предположении у него раннего детского аутизма / К.С. Лебединская // Диагностика раннего детского аутизма. – Москва: Просвещение, 1991. – 3 с.
6. Нейсон, Б.О ключевых проблемах аутизма. Сенсорные проблемы аутизма / Б. Нейсон // Аутизм и нарушения развития. – 2016. – Т. 14. – № 3(52). – С. 42–48.
7. Сандберг, М. VB-MAPP. Программа оценки навыков речи и социального взаимодействия для детей с аутизмом и другими нарушениями развития / М. Сандберг // Ришон ле-Цион : Medial, 2013. – 281 с.
8. Чухутова, Г.Л. Восприятие детьми зашумленных изображений / Г.Л. Чухутова, А.О. Прокофьев, В.В. Грачев, Т.А. Строганова // Вопросы психологии. – 2010. – № 5. – С. 114–124.

УДК 159.95

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЛИЦ С ОВЗ (НА ПРИМЕРЕ РАЗРАБОТКИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ «ПРЯНИК ТУЛЬСКИЙ ЛИТЕРНЫЙ»)

Васина Юлия Михайловна

*канд. пед. наук, доцент кафедры специальной психологии
Тульский педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(РФ, г. Тула)(j_m_vasina@mail.ru)*

В статье раскрываются направления разработки стимульного материала для развития познавательных процессов у детей с ограниченными возможностями здоровья. Описана авторская разработка дидактического пособия «Пряник Тульский литерный», включающая в себя описание внедрения данного материала в образовательный процесс специализированных учреждений. Исследование, представленное в статье, проводилось в рамках реализации гранта правительства Тульской области в сфере науки и техники (договор № ДС/106 от 27.09.2023 г.).

Ключевые слова: нетрадиционная технология, познавательные процессы, дидактическое пособие, дети с нарушениями развития, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ).

**POSSIBILITIES OF USING NON-TRADITIONAL TECHNOLOGIES IN
THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF PERSONS WITH DISABILITIES
(ON THE EXAMPLE OF DEVELOPING
THE DIDACTIC GUIDE «TULA LITERATED GINGERBREAD»)**

Vasina Yulia Mikhailovna

Ph.D. ped. Sciences

Associate Professor of the Department of Special Psychology

Tula Pedagogical University them. L.N. Tolstoy

(RF, Tula) (j_m_vasina@mail.ru)

The article reveals the directions of development of stimulus material for the development of cognitive processes in children with disabilities. The author's development of the didactic manual "Tula Letter Gingerbread" is described, which includes a description of the introduction of this material into the educational process of specialized institutions. The study presented in the article was carried out within the framework of the implementation of a grant from the government of the Tula region in the field of science and technology (agreement No. DS / 106 dated September 27, 2023).

Key words: non-traditional technology, cognitive processes, didactic aid, children with developmental disabilities, disabilities.

Основные приоритеты современной педагогики – это направленность на дифференциацию образования, развивающее обучение, личностно-ориентированный подход, предполагающий создание условий для развития личности каждого ребёнка, его способностей, интересов, творческого самовыражения в различных видах деятельности [4]. Внедрение нетрадиционных технологий обучения не только значительно повышают заинтересованность детей, особенно с нарушениями развития, в процессе обучения, но и способствует вовлечению их в активную речевую деятельность, что эффективно сказывается на всем коррекционном воздействии на них [2].

Проект «Нетрадиционные технологии в обучении детей с ограниченными возможностями здоровья как средство реализации образовательной области «Познание»», реализуемый в рамках гранта правительства Тульской области в

сфере науки и техники [1], имеет важное значение для системы общего, специального и инклюзивного образования, ориентируемого на инновационные стратегии в организации педагогического процесса. *Целью данного проекта* является разработка, изготовление и апробирование дидактического пособия, способствующего развитию психических процессов (внимания, памяти, восприятия, мышления, воображения) у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в рамках реализации образовательной области «Познание».

Несмотря на усиление поиска эффективных педагогически обоснованных подходов к решению назревших дидактических проблем, мы попытались конструктивно подойти к разрешению ряда противоречий между:

- необходимостью создания условий, обеспечивающих познавательное развитие детей с ОВЗ, и недостаточными возможностями сложившейся системы профессионально-педагогического образования обеспечить ее удовлетворение;

- необходимостью совершенствования профессиональной подготовки будущего педагога и недостаточной разработанностью методологических и теоретических основ создания дидактической системы, обеспечивающей развитие познавательной сферы детей с ограниченными возможностями здоровья [5].

В ходе научно-исследовательской работы нами была разработана серия развивающих занятий с использованием стимульного материала «Пряник Тульский литерный», которые позволили выявить не только дидактическую (развитие зрительного, тактильно-двигательного восприятия ребенком объектов действительности), но и мотивационную составляющую образовательного процесса. Использование коммуникативно – игровых ситуаций с пряниками, напоминающих ребенку о базовой потребности в еде, воспринимались, как сладкое, это еще больше влияло на выработку дофамина, что в какой-то степени затрагивает и развитие вкусового восприятия окружающего мира.

В качестве средства, используемого в работе с детьми с нарушениями развития, был использован, сделанный своими руками, символ Тульской области пряник (варианты представлены различной формы и изготовлены из

скульптурной глины).

Различные варианты формы пряников, которые были разработаны по принципу ассоциативных связей со звуками русского алфавита, были использованы в ряде заданий на развитие внимания, памяти, мышления, восприятия и воображения ребенка. Так, например, в упражнении *«Пряничная цепочка»* ребенка учат анализу и синтезу, умению делать логические построения, выстраивать ассоциативные связи (Рис.). Педагог просит посмотреть внимательно цепочку из пряников и дает задание продолжить ее, не нарушая последовательности. Возможны различные уровни сложности при выполнении данного задания.

Рис. Упражнение «Пряничная цепочка»

Игры с дидактическим пособием *«Пряник тульский литерный»* через усвоение социального опыта, посредством речевого взаимодействия в предметной деятельности, не только развивают познавательные процессы, но и способствуют формированию потребности в самоактуализации. Освоив этап манипуляции с пряниками, далее можно подключить и таблицы Н.А. Зайцева для самопроверки знаний ребенка, позволяющие с помощью цвета выстроить ассоциации со звуком: серые кубики, значит звонкие, а коричневые, деревянного цвета, значит глухие; в серых - звонкий звук железных пробок, а в коричневых - деревянный наполнитель, с глухим шумом.

Полученные результаты проекта свидетельствуют о том, что наиболее эффективным для развития познавательной сферы детей с ограниченными возможностями здоровья является такое средство, которое является *универсальным* в данной сфере применения, то есть может быть использовано не

только для развития различных видов восприятия окружающего мира, но и для развития внимания, памяти (на изделиях из полимерной глины можно выжигать, рисовать различные сюжеты), мышления (в ходе работы присутствуют вопросы-рассуждения, то есть ребенок стремится получить не только поверхностные знания о предмете или явлении, но и более качественную характеристику предмета), а также *безопасным средством*, позволяющим вовлечь ребенка в игру за счёт включения различных персонажей (котика, зайчика, медвежонка, жирафа и других животных) и замотивировать его к выполнению определенных заданий, разработанных по мере усложнения. Данное пособие в значительной степени позволяет развивать любознательность, инициативность, интерес к объектам окружающего мира, способствует формированию самостоятельного поиска ответов на интересующие вопросы, проявлению не только волевых усилий в образовательном процессе, но и умений освоения определённых алгоритмов поиска информации и их применения в различных разделах сферы «Познание».

Список использованных источников

1. Васина, Ю.М. Развитие познавательной активности ребенка в структуре общей способности к учению / Ю.М. Васина // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. – №4/1, 2023. – С.92-96.
2. Неретина, Т.Г. Нетрадиционные методы коррекции нарушений: учебное пособие / Т.Г. Неретина. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им Г.И. Носова, 2015 – 157 с.
3. Особенности учебной мотивации у младших школьников с разным уровнем успеваемости // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 6 (часть 2) – С. 290-301.
4. Шамова, Т.И. Активизация учения школьников / Т.И. Шамова. – Москва : Педагогика, 1982. – 208 с.
5. Щетинина, В.В. Формирование познавательной активности детей старшего дошкольного возраста в процессе поисковой деятельности: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.07 / Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – Москва, 2006. – 26 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВНИМАНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

Журавлева Александра Олеговна

магистрант 2 курса

ТГПУ имени Л.Н. Толстого (РФ, г. Тула)

(juravlevaalex71@gmail.com)

Кацера Анжелика Александровна

канд. психол. наук, доцент кафедры специальной психологии

ТГПУ имени Л.Н. Толстого (РФ, г. Тула)

(katsero@list.ru)

В статье даётся определение понятия «цифровые образовательные ресурсы» (ЦОР) и сопутствующей терминологии. Рассмотрен спектр вопросов, связанных с эффективным применением ЦОР и технологий в образовательных организациях, реализующих адаптированные основные образовательные программы. В работе обоснованы общие преимущества использования коррекционно-развивающего мультимедийного инструментария в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями по развитию компонентов произвольного внимания. Помимо этого, определены ориентиры для дальнейшей разработки нового информационно-методического инструментария для обучения лиц данной категории.

Ключевые слова: обучающиеся с интеллектуальной недостаточностью, цифровая инклюзия, цифровые образовательные ресурсы и технологии, мультимедийная презентация.

THE POSSIBILITIES OF USING A DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCE IN THE DEVELOPMENT OF VOLUNTARY ATTENTION IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Zhuravleva Alexandra Olegovna

2nd year undergraduate

TSPU named after L.N. Tolstoy (RF, Tula)

(juravlevaalex71@gmail.com)

Katsero Angelika Alexandrovna

cand. Psychology, Associate Professor of the Department of Special Psychology

TSPU named after L.N. Tolstoy (RF, Tula)

(katsero@list.ru)

The article defines the concept of «digital educational resources» and related terminology. The range of issues related to the effective use of SDR and technologies

in educational organizations implementing adapted basic educational programs is considered. The paper substantiates the general advantages of using correctional and developmental multimedia tools in working with children with intellectual disabilities on the development of components of voluntary attention. In addition, guidelines have been identified for the further development of new information and methodological tools for training people in this category.

Key words: students with intellectual disabilities, digital inclusion, digital educational resources and technologies, multimedia presentation.

Внедрение цифровых технологий в систему образования активно развивается на протяжении последних лет, создавая новые возможности для улучшения обучения и повышения его качества. Усовершенствованные цифровые технологии и технологии электронного обучения привели к многочисленным рассуждениям о средах обучения с поддержкой инноваций, в целом о возможностях цифровизации в образовании (включая мультимодальность, асинхронность и новые формы взаимодействия). Также обсуждаются ключевые проблемы и сложности цифрового образования, и прогрессирует дискурс о том, как цифровые образовательные технологии и ресурсы могут поддерживать и продвигать инклюзивность в образовательном пространстве [1].

На сегодняшний день разрабатываются новые образовательные платформы для различных смарт-устройств специалистами ИКТ и организациями, принимающими концепцию «цифровой инклюзии». Цифровая инклюзия предполагает устранение цифрового неравенства, которое включает в себя такие факторы, как доступность, цифровая грамотность и возможность получения актуального и полезного контента, и применение его.

Развитие цифровых технологий в образовательном процессе обеспечивает новую парадигму обучения: революционизирует построение знаний, расширяет и обогащает учебную среду для улучшения образовательного опыта обучающихся. В то время как, сегодня ФГОС предъявляет высокие требования к развитию познавательных процессов у детей, в том числе к развитию произвольного внимания [6].

Использование интерактивного психолого-педагогического инструментария в коррекционно-развивающей работе: тренажёры электронных

учебников; аудиокниги; развивающие компьютерные игры для соответствующего возраста; мультимедийные презентации с анимированными историями и т.д.

Коррекционно-развивающий мультимедийный инструментарий направлен на развитие сенсомоторных, перцептивных и высших психических функций, в том числе произвольного внимания у лиц с ООП.

Однако, школьникам с интеллектуальной недостаточностью (ИН) свойственны следующие специфические характеристики произвольного внимания: малая устойчивость, низкий объём, замедленная переключаемость, трудности при распределении, доминирование непроизвольного внимания, слабость его целенаправленности, трудность при распределении [7].

Актуальность исследования определяется противоречием между: необходимостью осуществления целенаправленной работы по развитию компонентов произвольного внимания у обучающихся с интеллектуальной недостаточностью и слабой проработанностью современных качественных, электронных образовательных ресурсов для обучающихся с интеллектуальной недостаточностью, в том числе технологий развития произвольного внимания у детей данной категории [2].

В связи с этим проблема исследования заключается в изучении цифровых образовательных ресурсов, их возможности применения для обучающихся с интеллектуальной недостаточностью и определении проблемного поля данного вопроса.

Цель представленного исследования – изучение применения цифровых образовательных ресурсов в коррекционно-развивающей работе обучающихся с интеллектуальной недостаточностью. Задачи исследования: информационно-аналитический обзор терминологии в предметной области «Цифровые образовательные ресурсы»; определение проблемного поля реализации цифровых образовательных ресурсов и технологий в коррекционно-развивающей работе обучающихся с интеллектуальной недостаточностью; определение стратегических ориентиров, способствующих эффективной

реализации цифровых образовательных ресурсов и технологий в коррекционно-развивающей работе обучающихся с интеллектуальной недостаточностью.

Для решения первой задачи проведён анализ научно-педагогической литературы. Он показал, что цифровые образовательные ресурсы, сокращённо называемые ЦОР, представляют собой цифровые инструменты, помогающие обучающимся и педагогам. Доступ к большинству цифровых ресурсов осуществляется через подключение к Интернету [1]. Цифровые ресурсы открывают широкий доступ к знаниям для пользователей с ООП, в том числе – лицам с интеллектуальными нарушениями.

Большинство отечественных исследователей в области специальной педагогики и психологии считает, что более интенсивное внедрение цифровых технологий в коррекционной помощи детям с ОВЗ будет способствовать его совершенствованию (И.В. Больших, Г.В. Васенков, В.И. Голод, Е.Л. Гончарова, Ю.Б. Зеленская, О.И. Кукушкина, И.А. Никольская, Е.Г. Речицкая, И.В. Речицкий, И.Ф. Федосова и др.)

В последние годы мультимедиа–технологии заняли одно из ведущих мест в сфере образования, в частности специального (коррекционного) [5].

Изучением особенностей использования мультимедиа– технологии в учебном процессе занимались С.Г. Григорьев, Ю.Г. Молоков, А.В. Осин, Н.Г.Семенова и др. Описание опыта активного внедрение мультимедиа – технологий в работу с детьми с ОВЗ, где особую группу представляют дети с нарушениями интеллектуального развития, содержится в работах О.И. Кукушкиной, Ю.Б. Зеленской и др.

В проводимом нами исследовании особенностей развития произвольного внимания у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью было определено, что эффективной формой представления материала в работе с детьми следует отнести мультимедийные презентации [2, 3]. Использование таких презентаций осуществлялось на разных этапах занятий. Презентация даёт возможность педагогу-психологу проявить творчество, индивидуальность, избежать формального подхода к проведению коррекционно-развивающей

работы. Данная форма позволяет представить материал как систему ярких опорных образов, наполненных исчерпывающей структурированной информацией в алгоритмическом порядке. В этом случае задействуются различные каналы восприятия обучающихся. Это обусловлено тем, что в мультимедийной презентации существует возможность сочетания целого ряда важных функций: демонстрационной, контролирующей, моделирующей, справочной, функции тренажера и других. При этом материал, представленный в виде разнообразных форм предъявления информации: тексты, иллюстрации, видеофрагменты, музыкальное сопровождение, компьютерная анимация, способствует активизации познавательной деятельности и повышению интереса к выполнению задания.

Что касается определения ориентиров, способствующих эффективной реализации ЦОР в коррекционно-развивающей работе детей с интеллектуальной недостаточностью, то необходима дальнейшая разработка и обоснование нового качественного информационно-методического инструментария для обучения лиц данной категории, направленного на содействие развитию произвольности познавательной сферы (умение строить собственное поведение в соответствии с требованиями конкретной ситуации; способность придерживаться поставленной задачи / плана; проявление и более длительное удержание интереса на конкретном действии и т.д.).

Ведь цифровые образовательные ресурсы позволяют широко использовать визуальный и аудиальный каналы восприятия информации. Разнообразие цветовой гаммы, анимационные эффекты, инструментарий электронного микроскопа, трехмерная графика – всё это позволяет длительное время удерживать произвольное внимание обучающихся на познавательной деятельности [1].

Психологическое преимущество цифровых технологий заключается в мультимодальном обучении, которое способствует инклюзивному подходу с помощью визуальных, кинестетических и слуховых стратегий. Эти стратегии

активируют все каналы представления информации, чтобы обучающиеся с ИН могли испытать разнообразие представления контента.

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что у цифровых ресурсов – широкий потенциал для использования в коррекционно-развивающей работе педагога-психолога с особыми детьми. Но роль – вспомогательная, поддерживающая. Такие ресурсы не являются единственным и даже основным средством развития детей с интеллектуальной недостаточностью. При этом, совершенствуя цифровые технологии, можно существенно увеличить их коррекционно-развивающую эффективность и значительно улучшить качество жизни обучающихся с ОВЗ.

Список использованных источников

1. Анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ / И.А. Карлов, Н.М. Киясов, В.О. Ковалев, Н.А. Кожевников, Е.Д. Патаракин, И.Д. Фрумин, А.Н. Швиндт, Д.О. Шонов; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 72 с.
2. Журавлева, А.О. Использование цифровых и информационных технологий в психолого-педагогическом сопровождении лиц с особыми образовательными потребностями / А.О. Журавлева, А.А. Кацero // XVIII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 26-28.
3. Журавлева, А.О. К вопросу о разработке электронного контента для обучающихся с интеллектуальными нарушениями: сборник трудов конференции. / А.О. Журавлева, А.А. Кацero // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ИД «Среда», 2024. – С. 277-278.
4. Интернет-технологии в образовании: Учебно-методическое пособие / Р.Н. Абалуев, Н.Е. Астафьева, Н.И. Баскакова, Е.Ю. Бойко, О.В. Вязовова, Н.А. Кулешова, Л.Н. Уметский, Г.А. Шешерина. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 136 с.
5. Калмыкова, Е.А. Психология лиц с умственной отсталостью: учеб.-метод. пособ. / Е.А. Калмыкова. – Курск : КГУ, 2019. – 121 с.

6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. N 1598 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья" (с изменениями и дополнениями).
7. Щербакова, А.М. Дискуссионные вопросы развития личности ребёнка с интеллектуальной недостаточностью / А.М. Щербакова, А.Ю. Шеманов // Психологическая наука и образование. 2010. – С. 63-71.

УДК 378.17

ЛИЧНОСТНО-СБЕРЕГАЮЩИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ И ОВЗ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВО «БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»)

Зими́на Екатерина Викторовна
канд. социол. наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии и психологии
Байкальский государственный университет (РФ, г. Иркутск)
(ZiminaEV@bgu.ru)

В статье анализируются факторы социальной адаптации студентов с инвалидностью и ОВЗ в высших учебных заведениях через призму личностно-сберегающего подхода, основанного на защите студента с инвалидностью и учете его потребностей и прав как индивида. Этот подход наиболее согласован с принципами современной инклюзивной образовательной среды. Представлены результаты социологического исследования проблем социально-психологической адаптации студентов с инвалидностью и ОВЗ в ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

Ключевые слова: социальная адаптация, личностно-сберегающий подход, студенты с инвалидностью и ОВЗ.

A PERSONAL-SAVING APPROACH IN THE SOCIAL ADAPTATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES AND HIA IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE BAIKAL STATE UNIVERSITY)

Zimina Ekaterina Viktorovna
PhD.sociol.Associate Professor, Head of the Department
Baikal State University (Russian Federation, Irkutsk)
(ZiminaEV@bgu.ru)

The article analyzes the factors of social adaptation of students with disabilities and HIA in higher education institutions through the prism of a personality-saving approach based on the protection of a student with a disability and taking into account his needs and rights as an individual. This approach is most consistent with the principles of a modern inclusive educational environment. The results of a sociological study of the problems of socio-psychological adaptation of students with disabilities and disabilities at the Baikal State University are presented.

Key words: social adaptation, personal-saving approach, students with disabilities and HIA.

Во всех гуманитарных научных направлениях особое внимание уделяется изучению особенностей жизни такой социальной группы, как молодые люди с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья. Данные исследования являются основой для разработки адаптивных стратегий указанной группы в системе высшего образования, которые не только способствуют профессиональному обучению, но и создают условия для социального общения и углубления жизненного опыта в равноправной среде ровесников. Однако для успешной интеграции в образовательный процесс необходимо учитывать индивидуальные особенности и потребности этих студентов. Поддержка со стороны преподавателей, атмосфера в учебном заведении и отношения со сверстниками влияют как на психологический, так и на учебный аспект студенческой жизни. Психологическая устойчивость играет значительную роль в преодолении трудностей, с которыми сталкиваются студенты при вхождении в новую среду. Кроме того, важным аспектом является создание поддерживающей обстановки, в которой студенты могут чувствовать себя комфортно и защищенно.

Адаптация охватывает несколько ключевых сегментов. Один из них мотивационно-личностный аспект, который касается настроек человека на успех в обучении [1, с.100-105]. Важно также приспособление к ритму жизни и физиологическим изменениям, что относится к психофизиологическому аспекту [2, с.82]. Социально-психологическая сторона проявляется через вливание в новую социальную группу.

Личностно сберегающий подход в адаптации студентов-инвалидов в университете основывается на принципах, направленных на сохранение и

развитие индивидуальности каждого студента, а также на его психологическом и социальном благополучии. Этот подход учитывает уникальные потребности и особенности студентов с инвалидностью, стремясь создать поддерживающую и инклюзивную образовательную среду, его ключевыми аспектами являются: индивидуализация обучения; поддержка психологического здоровья; создание инклюзивной среды; социальная интеграция; развитие навыков самоуправления мониторинг и обратная связь.

Личностно сберегающий подход акцентирует внимание на том, что каждый студент — это уникальная личность с собственными потребностями и потенциалом. Такой подход помогает не только улучшить академическую успеваемость студентов-инвалидов, но и способствует их личностному росту, социализации и общей удовлетворенности жизнью в университете [3,4].

В ФГБОУ ВО «БГУ» предприняты значительные шаги к созданию инклюзивной образовательной среды, уделяется особое внимание интеграции студентов с ограниченными возможностями. Университет внедрил различные программы, нацеленные на доступность обучения, среди которых — модификация оборудования аудиторий и внедрение специализированных технических устройств. Кроме того, для повышения компетенции преподавательского состава в области работы со студентами с инвалидностью регулярно проводятся обучающие сессии и тренинги. Функционирует Центр развития инклюзивного образования, занимающийся обеспечением равного доступа к образовательным ресурсам для студентов с ограниченными возможностями и инвалидностью. Важным аспектом работы Центра является создание специальных условий и адаптация учебных планов и программ под потребности студентов с инвалидностью и ОВЗ. Благодаря этому студенты получают возможность полноценно осваивать учебный материал и принимать участие во всех аспектах учебной жизни.

Кроме того, Центр развития инклюзивного образования проводит тренинги и консультации для преподавателей, помогая им развивать навыки работы с

студентами с ОВЗ. Это помогает создать более комфортную и поддерживающую образовательную среду.

Важным направлением работы Центра является социальная адаптация студентов с инвалидностью и ОВЗ. Центр оказывает помощь и консультации в решении практических вопросов, связанных с проживанием, передвижением по территории университета, получением доступа к необходимым ресурсам и услугам. Важно отметить, что успешная социальная адаптация студента с инвалидностью и ОВЗ возможна только при совместных усилиях всех участников образовательного процесса: преподавателей, администрации университета и самого студента. Поддержка со стороны Центра развития инклюзивного образования и создание благоприятной образовательной среды способствуют полноценной адаптации студентов и их успешному обучению. Важным аспектом работы с этой категорией студентов является принцип добровольности, который позволяет им получить специальные условия обучения без обязательного сообщения о своей инвалидности. Университет оказывает социальную поддержку в виде государственных стипендий и материальной помощи, а также предоставляет возможность проживания в общежитиях с учетом их потребностей. Работа с инвалидами в БГУ осуществляется в рамках целевой программы, направленной на обеспечение доступности образования для всех студентов, вне зависимости от их физических возможностей. Университет предоставляет социальную поддержку студентам с ограниченными возможностями в виде государственных социальных стипендий и материальной помощи. Также им предоставляется возможность проживания в общежитиях с учетом их потребностей. В целом, университет прилагает усилия для обеспечения равных возможностей образования и адаптации для студентов с ограниченными возможностями, что способствует их успешной социальной интеграции и будущей трудовой занятости.

Университет активно работает над обеспечением социальной интеграции и трудоустройства студентов с ограниченными возможностями. Программа Доступная среда в ФГБОУ ВО «БГУ» на 2024-2029 годы создает благоприятные

условия для студентов с инвалидностью. Университет стремится обеспечить равные возможности для всех студентов в образовании и адаптации, но имеет потенциал для улучшения. Учебные заведения не всегда учитывают все потребности студентов с ограниченными возможностями, хотя поддерживается активная идея их включения в учебный процесс. Важной целью образования является развитие личности, способной успешно адаптироваться в современном обществе, что отражается в растущей роли студентов с инвалидностью в образовательном процессе. Для них особенно важно обучение, способствующее формированию мировоззрения и развитию адаптационных навыков. Важность образования заключается в том, чтобы воспитывать личности, которые могут успешно интегрироваться в современное общество. Это особенно значимо для студентов с инвалидностью, поскольку образование помогает им формировать устойчивое мировоззрение и развивать необходимые адаптивные навыки. Проблема социальной адаптации студентов с инвалидностью остается актуальной из-за специфики их ограничений и социального статуса. Они могут сталкиваться с низкой самооценкой, отсутствием стимулов к самореализации и социальной изоляцией из-за стереотипов и стигматизации. Поэтому важно создать в вузах условия, которые учитывали бы потребности студентов с инвалидностью и способствовали бы их адаптации к учебной среде.

В рамках исследования, проведенного в Байкальском государственном университете, был рассмотрен процесс социальной адаптации студентов с инвалидностью и особыми образовательными потребностями. Исследование фокусировалось на аспектах их взаимодействия с преподавателями и однокурсниками, доступности учебных и инфраструктурных ресурсов, а также на подходах к адаптации в образовательной среде. Исследуемый объект заключается в адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью, обучающихся в Байкальском государственном университете. Анализируемый предмет охватывает процесс социальной интеграции в академическую среду, взаимодействие с преподавательским

составом и студентами, осуществление доступа к образовательным и инфраструктурным услугам.

Основной целью было выявить трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся в процессе социальной адаптации в университете.

Для решения задачи был использован метод SWOT–анализ который позволил изучить внутренние и внешние факторы процесса социальной адаптации студентов с инвалидностью и ОВЗ в Центре развития инклюзивного образования. Проведение SWOT-анализа факторов процесса социальной адаптации студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в Центре развития инклюзивного образования Байкальского государственного университета помог выявить основные сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы, с которыми сталкивается университет в данной области.

Таблица.

SWOT-анализ «Центра развития инклюзивного образования»

S (сильные стороны)	W (слабые стороны)
1. Наличие высококвалифицированных специалистов и преподавателей, имеющих опыт работы с студентами с ОВЗ 2. Наличие специализированных программ поддержки и адаптации и для с студентов с ОВЗ. 3. Центр предлагает каждому студенту индивидуальный подход с учетом его конкретных потребностей и особенностей. 4. Наличие адаптированных аудиторий, оборудования и технических средств для обеспечения комфортного и эффективного обучения 5. Участие администрации университета в создании благоприятной среды для студентов с инвалидностью что способствует успешной адаптации. 6. Обучения персонала и преподавателей по вопросам инклюзивного образования и работы со студентами ОВЗ	1. Низкая мотивация студентов обращения в центр 2. Ограниченные финансовых ресурсов, что может ограничить способность центра оказывать высококачественную поддержку учащимся с ОВЗ. 3. Негативные стереотипы и предвзятость общественного мнения, которые могут осложнить социальную адаптацию студентов с ОВЗ
О (возможности)	Т (угрозы)

1. Внедрение современных технологий и методов в учебный процесс для повышения эффективности приспособления для учащихся с ОВЗ 2. Установление партнерских отношения и обмен опытом и ресурсами с организациями, специализирующихся на поддержке студентов с ОВЗ 3. Разработка специализированных образовательных программ и курсов для студентов с ограниченными возможностями 4. Возможность участвовать в проектах по инклюзивному образованию	1. Возможные изменения в законодательстве могут повлиять и условия обучения, и поддержку учащихся с ОВЗ, а также на финансирование и условия работы центра. 2. Конкуренция с другими учебными заведениями и центрами, предлагающими аналогичные услуги, может уменьшить количество обращающихся студентов в центр. 3. Негативное отношение со стороны некоторых студентов к студентам с инвалидностью

Из проведенного анализа видно, что Центр отличается высоким уровнем квалификации персонала, наличием специализированной инфраструктуры и применением индивидуального подхода к студентам.

Для улучшения процесса социальной адаптации студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями в университете критически важно уделить внимание увеличению финансирования, подготовке персонала, развитию партнерств и применению инновационных методов обучения. Эффективное использование выявленных возможностей и работа над устранением выявленных проблем помогут улучшить качество поддержки и условий для успешной социальной адаптации студентов с инвалидностью в университете.

С целью выявления проблем и сложностей, с которыми сталкиваются студенты с инвалидностью и ОВЗ в процессе обучения и адаптации в ФГБОУ ВО «БГУ» было проведено количественное исследование с использованием метода анкетного опроса. В исследовании участвовали студенты, относящиеся к категориям инвалидов и лиц с ОВЗ, в количестве 45 человек, возраст которых варьируется от 17 до 26 лет.

Исследование показало, что большинство из 85,2 % студентов самостоятельно принимали решение о выборе учебного заведения. По вопросу об управлении учебной нагрузкой ответы разделились следующим образом: только 33,3 % студентов чувствуют себя комфортно, оставшиеся 66,7 % столкнулись с

трудностями. Из этой группы 11,1 % указали на большой объем подготовки к занятиям как причину своих затруднений, 33,3 % признались в лени, хотя работают над собой, и 14,8 % заявили, что борются с трудностями из-за ограничений здоровья. Было выявлено, что большинство учащихся, а именно 63 %, успешно влились в академическую жизнь без особых трудностей. Однако 33,3 % столкнулись с неожиданными препятствиями на начальном этапе их учебы. В преодолении этих проблем студентам оказали значительную поддержку их кураторы, работники деканата, а также личная устремленность к достижениям.

Большая часть студентов, 85,8 % считает, что отношения в их учебной группе строятся на принципах взаимопомощи и совместной работы. В то же время, несмотря на благоприятную обучающую обстановку 37 % студентов с особыми потребностями выразили интерес к личным встречам с психологом. При этом отсутствуют жалобы на излишне интенсивную учебную нагрузку или недовольство выбором данного образовательного учреждения со стороны студентов.

В ответ на вопрос о том, какую помощь считают необходимой для адаптации новых студентов, большинство указало «на необходимость поддержки со стороны преподавателей и однокурсников, а также на важность проведения мероприятий для сплочения коллектива»; «чтобы на первом курсе был наставник у группы. Помогал им сплотиться и преодолевать трудности, конфликтные ситуации»; «более развитая система кураторства»; «в зависимости от формы ограничений здоровья, может требоваться разная помощь. Но, в целом, понимание возможных проблем без заикленности на них (отсутствие жалости, лишних вопросов).»; «поддержка»; «кураторы».

Успешная адаптация первокурсников в университете зависит от комплексного подхода, включающего поддержку со стороны преподавателей, друзей, наставников, организацию мероприятий на сплочение коллектива, наличие развитой системы кураторства и индивидуальную поддержку для студентов с различными потребностями. Важно создать дружественную и понимающую образовательную среду, где новички смогут чувствовать себя

комфортно, получать необходимую помощь и преодолевать возможные трудности адаптации на первом курсе [5].

Отвечая на вопрос «О препятствиях для ведения активного образа жизни выявил следующие причины» большинство, 51,9 %, указали на сложности с передвижением и болевые ощущения; 25,9 % отметили отсутствие квалифицированных тренеров для людей с ограниченными возможностями; а 22,2 % упомянули нехватку спортивных сооружений. Для улучшения ситуации необходимо работать над созданием доступной инфраструктуры, обеспечением качественных спортивных площадок и обучением специализированных тренеров. Устранение этих препятствий может значительно повысить уровень физической активности и качество жизни инвалидов. В целом, студенты выразили удовлетворение, но также подчеркнули возможность улучшения определенных аспектов для повышения комфорта и удобства обучения.

Можно сделать вывод о том, что студенты с инвалидностью и ОВЗ в Байкальском государственном университете успешно приспосабливаются к условиям обучения, как показывают результаты анкетирования. Они получают поддержку от центра развития инклюзивного образования, преподавателей и своих товарищей по группе. В группах царит атмосфера взаимопонимания, взаимопомощи.

Список использованных источников

1. Баданина, Л.П. Анализ современных подходов к организации психолого- педагогического сопровождения студентов на этапе адаптации к вузу / Л. П. Баданина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2021. – № 83. – С. 99-108.
2. Бисалиев, Р.В. Психологические и социальные аспекты адаптации студентов / О.А. Куц, И.А. Кузнецов, И.Ф. Деманова // Современные наукоемкие технологии. – 2023. – № 5. – С. 82-83.
3. Трохирова, У.В. Готовность к инклюзивному взаимодействию студентов в образовательном процессе / У.В. Трохирова. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(1).119-128. – EDN LLJJGE // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 119–128.
4. Жигунова, Г.В. Условия для независимой жизни людей, имеющих инвалидность (по результатам исследования) / Г.В. Жигунова // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10, № 4.

5. Никулина, Т.И. Взаимосвязь академической прокрастинации и учебной мотивации у студентов на начальном этапе обучения в вузе / Т.И. Никулина, А.И. Гуляева, В.А. Канцыба // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2.

УДК: 378:22

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ В
СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНОГО (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОГО)
ОБРАЗОВАНИЯ В ПГУ ИМ. Т.Г. ШЕВЧЕНКО**

Иовва Ольга Андреевна
канд. пед. наук, доцент кафедры
специального, дошкольного образования и
педагогического менеджмента
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(ПМР, Молдова, г. Тирасполь) (olea_74@mail.ru)

В статье сделана попытка раскрыть проблему подготовки магистров в системе специального (дефектологического) образования в ПГУ им. Т.Г. Шевченко, проанализировать имеющиеся проблемы в подготовке будущих дефектологов. Показано значение дефектологической подготовки в формировании профессиональной компетентности педагогов-дефектологов на этапе профессионального обучения.

Ключевые слова: магистр, профессиональная подготовка, специальное (дефектологическое) образование, кафедра дошкольного, специального образования и педагогического менеджмента.

**MODERN TRENDS IN TRAINING MASTERS IN THE SYSTEM OF
SPECIAL (DEFECTOLOGICAL) EDUCATION AT PSU NAMED AFTER
T.G. SHEVCHENKO**

Iovva Olga Andreevna
Ph.D., Associate Professor of the Department of
special, preschool education and
pedagogical management
Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko
(PMR, Moldova, Tiraspol) (olea_74@mail.ru)

The article attempts to reveal the problem of training masters in the system of special (defectological) education at PGU named after T.G. Shevchenko, to analyze the existing problems in the training of future defectologists. The importance of defectological training in the formation of professional competence of teachers-defectologists at the stage of professional training is shown.

Key words: master, professional training, special (defectological) education, department of preschool, special education and pedagogical management.

Современная образовательная парадигма сформировала новые представления об организации, процессе и качестве отечественного высшего образования. Сегодня многоуровневость образовательной системы реализует принцип обеспечения профессионального роста человека, его продвижение по карьерной лестнице. Во многом это обеспечивается за счет сопоставимости дипломов степени магистра в разных странах, что определяет мобильность в трудоустройстве и открывают перспективы профессионально реализовываться как в Приднестровье, так и за рубежом [1].

Важно отметить, что в настоящее время получение магистерского образования — это не только вопрос престижа, но и реальная необходимость для расширения своих знаний, что способствует более успешному трудоустройству и профессиональной самореализации.

В условиях обновления государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нашим университетом рассматривается реализация магистерской программы подготовки как одно из приоритетных направлений своей деятельности. Вместе с тем наш Вуз столкнулся с проблемой формы и содержания магистерских программ, которые были бы востребованы на рынке труда. С одной стороны, они должны соответствовать стандартам образования, с другой — обогащать региональные образовательные системы, развивать, сохранять культуру и самобытность национальной науки и образования.

Одним из приоритетных и востребованных направлений магистерской подготовки в системе педагогического образования является специальное (дефектологическое) образование. Это связано с тем, что во всем мире, включая Приднестровскую Молдавскую республику, акцент делается на проблему людей с ограниченными возможностями здоровья. По статистике, доля детей с различными ограничениями в здоровье значительно увеличивается с каждым годом, и эта тенденция продолжает нарастать. Данное обстоятельство

определяет востребованность дефектологических знаний всеми специалистами, занимающимися проблемами детского возраста. В связи с этим возрастает интерес к специальному (дефектологическому) образованию, которое в настоящее время становится особенно важным.

Идея подготовки магистров по направлению 44.04.03 «Специальное (дефектологическое) образование» основывается на основных методологических и теоретических принципах личностно-ориентированного обучения, психолого-педагогических исследований, а также современных разработок по проблематике специальной педагогики и психологии (Р.Г. Аслаева, Е.В. Бондаревская, И.А. Коробейников, Н.Н. Малофеев, Н.М. Назарова, В.В. Сериков, И.М. Яковлева и другие).

Основным условием подготовки магистра по направлению 44.04.03 – «Специальное (дефектологическое) образование», является соблюдение ряда принципов: фундаментальности научного знания и развития научной школы; преемственности и структурного единства содержания на разных ступенях обучения, что реализуется нашей кафедрой при подготовке бакалавра по данному направлению; соответствия содержания общим целям магистерского образования; вариативности, мобильности и научно-исследовательской ориентации обучения; учета содержательной и процессуальной сторон обучения; взаимообусловленности теоретического знания и его практического внедрения, учета международных тенденций развития и региональных условий.

Цель подготовки специалистов в данной области заключается в формировании современного конкурентоспособного педагога-дефектолога, обладающего широкой образованностью и углубленной профессиональной специализацией. Введение магистратуры в систему специального (дефектологического) образования направлено на решение специфических задач: освоение научных знаний с акцентом на их применение как элемента передачи социального опыта и средства развития личности, а также как важного компонента подготовки педагогов-дефектологов; развитие и совершенствование

навыков коррекционно-развивающей деятельности у педагогов в организациях, работающих с лицами с ограниченными возможностями здоровья [4].

Эффективность разработки и внедрения образовательной программы для магистров-дефектологов во многом зависит от внимательной проработки вопросов, связанных с теоретическим, методическим, дидактическим и практическим обеспечением содержания образования, соответствующего современным профессиональным квалификационным требованиям. Сдвиг акцента с содержания образования на его результаты создает настоятельную необходимость проектирования образовательного содержания в соответствии с обязательными компетенциями, установленными в ФГОС ВО.

Система дефектологического образования обладает значительным опытом и является частью глобальной системы специального образования. С одной стороны, подготовка специалистов-дефектологов уже достаточно устоялась и имеет прочные содержательные, организационные и технологические основы. В то же время существует объективная необходимость в обновлении, расширении и углублении научно-методической базы коррекционно-развивающего образования, а также в изменении его форм и методов, модернизации технологий и способов организации.

Таким образом, преобразование действующей системы специального образования становится необходимым, и подготовка таких специалистов может осуществляться только на уровне высшего образования — в магистратуре. Это требует тесного сотрудничества между педагогической наукой и практикой, изучения передового мирового опыта в области специальной педагогики, а также интеграции образовательных пространств разных уровней [3, с.44-50].

На наш взгляд, дефектологи с магистерской степенью способны полностью удовлетворить кадровые потребности специализированных учреждений Приднестровья и стать конкурентоспособными специалистами, готовыми к выполнению сложной и многогранной профессиональной деятельности в условиях внедрения инклюзивного образования.

Кафедра дошкольного, специального образования и педагогического менеджмента (ДСОиПМ) обосновала необходимость открытия с 2023-2024 учебного года нового направления подготовки магистров в связи с тем, что важными задачами в области доступности образования являются подготовка и переподготовка кадров для работы с детьми с особыми потребностями жизнедеятельности.

Учитывая изложенное выше и принимая во внимание необходимость переопределения целей современного специального (дефектологического) образования, а также модернизации его содержания и образовательных технологий в соответствии с требованиями инновационных изменений в обществе, кафедра ДСОиПМ проводит подготовку магистров по образовательной программе в данной области.

Миссия подготовки специалистов в рамках образовательной магистерской программы заключается в удовлетворении потребностей регионального образования в высококвалифицированных кадрах, способных оказывать педагогическую поддержку и сопровождение людям с задержкой психического развития, нарушениями речи и другими отклонениями, а также родителям и педагогам, работающим с адаптированными основными образовательными программами. Кроме того, важным аспектом является формирование педагога-дефектолога как профессионала, который занимается коррекционно-развивающей деятельностью в области образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Это осуществляется в рамках различных государственных и частных образовательных, социальных и медицинских учреждений.

Магистр по направлению 44.04.03 «Специальное (дефектологическое) образование» должен уметь проектировать и проводить научно-исследовательскую и педагогическую деятельность, а также обеспечивать сопровождение этих процессов. При разработке и реализации магистерской программы были учтены научно-исследовательские и материально-технические ресурсы нашего университета и кафедры, а также требования рынка труда.

Задача образовательной программы специального (дефектологического) образования состоит в концептуальном обосновании и моделировании условий подготовки высокопрофессиональных современных специалистов, способных работать эффективно, с использованием фундаментальных теоретических знаний и инновационных методов в условиях инклюзивного образования. [2, с.8-10].

Учебный план подготовки магистров включает как блоки дисциплин медико-биологического, лингвистического и педагогического циклов, так и дисциплины профессионального блока: актуальные проблемы дефектологического образования; нормативно-правовые, психолого-педагогические и методические основы дефектологического образования; организация и работа с семьей в условиях инклюзивного образования и др.

Магистранты кафедры ДСОиПМ являются работниками различных специальных (коррекционных) организаций образования различных видов. Нужно отметить, что в республике функционирует 13 специальных (коррекционных) организаций образования различных видов (3 государственных, 9 муниципальных), на 1 больше, чем в 2023 году (с 1 сентября 2023 года МДОУ «Рыбницкий детский сад комбинированного вида» перепрофилирован в МДОУ «Рыбницкий детский сад компенсирующего вида»), 9 общеобразовательных учреждений: 6 школ-интернатов (3 государственных, 3 муниципальных), 3 комплекса «Общеобразовательная школа-детский сад»; 4 организации дошкольного образования компенсирующего вида. 12 С(К)ОО расположены в городской местности и 1 - в сельской (село Глиное Слободзейского района). Для детей с тяжелыми сложными нарушениями развития в республике функционирует 3 Центра реабилитации дневного пребывания: структурное подразделение ГУ «Республиканский реабилитационный центр для детей – инвалидов» г. Бендеры, МУ «Центр реабилитации детей с особыми потребностями жизнедеятельности» г. Дубоссары, МУ «Центр дневного пребывания для детей с ограниченными возможностями жизнедеятельности» с. Чобручи Слободзейского района.

Необходимость подготовки магистров по данному направлению подтверждает еще тот факт, что Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко с 2023 года курирует студентов БПФ (Бендерский политехнический филиал), ПГУ им. Т.Г. Шевченко, выпускников специальной (коррекционной) общеобразовательной школы-интернат для детей сирот и детей оставшиеся без попечения родителей VIII вида. Поэтому согласно приказу №949-ОД от 20.09.23 кафедра ДСОиПМ была разработчиком программы социализации и дорожной карты данной категории студентов. Нужно подчеркнуть, что в качестве психолога с данным контингентом студентов работает магистрант данного направления нашей кафедры.

Таким образом, на сегодняшний день можно сказать, что кафедра ДСОиПМ является научным, методическим и практическим центром развития дефектологического образования в регионе, где консолидированы основные информационные, кадровые, методические ресурсы, способствующие развитию специального образования.

Подводя итоги краткому обзору современного состояния и перспектив организации магистерской подготовки в системе специального (дефектологического) образования, отметим следующее.

Высокая потребность общества в специалистах, владеющих интегральными и фундаментальными знаниями в области коррекционно-развивающей, реабилитационной и учебно-воспитательной работы для детей с ограниченными возможностями здоровья, а также в области инклюзивного образования привели к изменению содержания профессиональной подготовки будущего дефектолога в системе высшего профессионального образования.

Улучшение структуры управления магистерской подготовкой в области специального (дефектологического) образования, а также высокий уровень организации научно-исследовательской и научно-методической деятельности, достигаемый благодаря применению лучших практик отечественных и зарубежных специалистов, способствует повышению качества подготовки дефектологов.

Анализируя организацию магистерской подготовки в области специального (дефектологического) образования, реализуемой кафедрой ДСОиПМ, можно с уверенностью утверждать, что эта подготовка соответствует указанным ранее критериям, что, в свою очередь, способствует удовлетворению общественных потребностей в новом уровне высшего специального образования как части общего педагогического образования.

Список использованных источников

1. Гретченко, А.И. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство / А.И. Гретченко, А.А. Гретченко. – Москва : Кнорус, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-390-00364-0.
2. Демиденко, О.П. Подготовка педагогических кадров к работе в системе инклюзивного образования / О.П. Демиденко // Современные проблемы педагогики и психологии инклюзивного образования: сборник научных статей. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. – С. 8-10.
3. Никифорова, А.В. Перспективы высшего дефектологического образования в связи с переходом на уровневую систему подготовки / А.В. Никифорова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9 (137). – С. 44-50.
4. Сариева, К.Н. Развитие профессиональных компетенций педагога-дефектолога как основа повышения качества специального образования / К.Н. Сариева, А.М. Саякова// Инновации в науке. – 2014. – № 32.

**ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И
СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ КАЗАЧЬЕЙ ШКОЛЫ**

Калинина Светлана Брониславовна

*канд. психол. наук, педагог-психолог
казачья школа № 24 (РФ, ст. Раевская, Краснодарский край)
(klenova_s@mail.ru)*

Коробейникова Наталья Валерьевна

*педагог-психолог
казачьей школы № 24 (РФ, ст. Раевская, Краснодарский край)
(natulya.sonata@mail.ru)*

В статье проводится анализ существующего положения дел относительно жизненных условий людей-инвалидов в нашей стране, социальной ситуации развития детей с ограниченными возможностями развития и детей-инвалидов в современной образовательной среде. Показаны результаты опроса в группе детей с особыми потребностями, обучающихся в казачьей школе Краснодарского края, в которой внедрена практика создания инклюзивных классов. Представлены результаты социометрического исследования положения детей с ограниченными возможностями здоровья в классе. Описаны основные цели и философия психологической работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, дети-инвалиды, инклюзивное образование, безопасная образовательная среда.

**PROBLEMS OF SCHOOLCHILDREN WITH DISABILITIES IN THE
EDUCATIONAL AND SOCIAL ENVIRONMENT OF THE COSSACK
SCHOOL**

Kalinina Svetlana Bronislavovna

*Candidate of psychological sciences, teacher-psychologist of school no. 24
(rayevskaya, krasnodar territory)
(klenova_s@mail.ru)*

Korobeynikova Natalia Valeryevna

*Teacher-psychologist of school no. 24
(rayevskaya, krasnodar territory)
(natulya.sonata@mail.ru)*

The article analyzes the current state of affairs regarding the living conditions of people with disabilities in our country, the social situation of the development of children with developmental disabilities and children with disabilities in the modern educational environment. The results of a survey in a group of children with special

needs studying at the Cossack school of the Krasnodar Territory, which introduced the practice of creating inclusive classes, are shown. The results of a sociometric study of the situation of children with disabilities in the classroom are presented. The main goals and philosophy of psychological work with children with disabilities are described.

Key words: students with disabilities, children with disabilities, inclusive education, safe educational environment.

Как известно, основная стратегия в отношении воспитания детей с ограниченными возможностями, отражённая в Проекте федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», предполагает их совместное воспитание с остальными детьми, нежелательность их изоляции от общества. Такой подход принят во многих странах мира и основывается на предположении о том, что совместное обучение и воспитание дает таким детям ощущение равных возможностей, чувство уверенности в благополучном будущем [3].

При этом сам подход к оцениванию своего состояния и положения в обществе у детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов может быть различным. Многие из них в процессе жизнеустройства ориентируются на получение социальной поддержки от государства, признавая свой статус и связанные с ним определенные льготы. Другая часть людей, будучи инвалидами, хотели бы стать частью общества по принципу «равный среди равных», им неприятно упоминание об их болезни и связанных с ней ограничениях. Они не пользуются или даже зачастую не интересуются положенными им льготами. При этом, соответственно, такие люди могут попадать в сложные или даже опасные ситуации вследствие неполного осознания или отрицания реальности. Психологам учебных заведений при работе с этой категорией обучающихся необходимо проводить диагностику представлений таких обучающихся о себе и своей болезни или нарушении [2].

Уровень жизни инвалидов в нашей стране, по оценкам различных исследователей, в сравнении со средней популяцией является низким. У инвалидов обычно невысокая заработная плата, ниже уровень образования и уровень участия в общественных процессах. Они гораздо реже позволяют себе

приобретение качественных продуктов и услуг, реже путешествуют и, соответственно, пользуются железнодорожным и авиационным транспортом.

Люди с ограниченными возможностями часто сталкиваются с трудностями в различных сферах. Довольно часто для них затруднен поиск работы, ограничены возможности встретить спутника жизни, приобрести желаемую профессию, получить качественную медицинскую помощь и пройти курс реабилитации. Согласно статистическим данным из почти 12 миллионов россиян с инвалидностью, трудоустроены только около 14 % инвалидов [3].

Распространенные в обществе и некоторых СМИ стереотипы в отношении людей с ограниченными возможностями часто могут приводить к социальной изоляции или даже исключению таких людей из значимых общественных сфер. Например, огромное количество людей с ограниченными возможностями здоровья хотели бы заниматься спортом, но специализированных спортивных секций для инвалидов крайне мало. В нашей стране организовано паралимпийское движение, но доступ в профессиональный спорт, безусловно, для людей с ограниченными возможностями здоровья крайне ограничен. Из-за ограниченной физической активности многие инвалиды испытывают проблемы с лишним весом, что в свою очередь, часто приводит к диабету и сердечно-сосудистым заболеваниям.

Социальная изоляция, низкий показатель занятости, ограниченность доступа к информационным источникам, медицинскому обслуживанию довольно часто способствуют возникновению проблем с психическим здоровьем, например, связанным с хроническим алкоголизмом.

В нашей стране, безусловно, есть проекты и законы, защищающие права таких людей, направленные на создание дополнительных рабочих мест для людей-инвалидов. В мировой практике уже достаточно давно на государственном уровне организовано сопровождение людей-аутистов и людей с ДЦП, а также их дальнейшее трудоустройство. Например, компания с мировой известностью Microsoft в своё время приняла на вооружение задачу сократить неравенство между уровнем безработицы среди людей с ограниченными

возможностями и людей без инвалидности. В компании сделано достаточно много для того, чтобы сделать и само рабочее место, и рабочий функционал более доступными для сотрудников с ограниченными возможностями.

Основная цель психолого-педагогической и медико-социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью – обеспечение возможности вести соответствующий их возрасту и особым потребностям образ жизни [1]. Организовать максимальное приспособление таких детей к обществу и среде можно следующими способами:

- обучение навыкам самообслуживания;
- получение знаний и приобретение профессионального опыта;
- участие в общественно-полезном труде.

В нашей школе внедрена практика инклюзивных классов, когда в классе обучается 1-2 ребенка с ограниченными возможностями здоровья или инвалида. На данный момент обучается 37 детей с ограниченными возможностями здоровья и 13 детей с инвалидностью.

С целью изучения представлений детей с особыми потребностями мы провели в этой группе опрос (50 человек) по составленной нами анкете. Были получены следующие результаты:

Больше половины опрошенных (62%) считают, что для детей с ОВЗ и инвалидов существуют ограничения для работы с источниками информации, для получения профессии, для занятий внеурочной деятельностью, прохождения реабилитационных программ по конкретным заболеваниям в нашем населенном пункте, для создания полноценной семьи.

Дети с ограниченными возможностями здоровья и дети-инвалиды младшего возраста (до 13 лет) ничего не знают о положенных статусу детей с ОВЗ льготах.

30 % опрошенных школьников с особыми потребностями сообщили, что часто не испытывают ощущение безопасности, когда находятся в школе и даже сталкивались с проявлениями жестокости или равнодушия при попытке обратиться к кому-то за помощью.

80 % опрошенных заявили, что часто чувствуют себя изолированными от других людей, а также согласны с тем, что существуют негативные установки по отношению к инвалидам в обществе.

Мы видим, что какая-то часть школьников с особыми потребностями даже во вполне благополучной казачьей школе испытывают психологические проблемы и сталкивались с негативными проявлениями со стороны участников образовательного процесса.

Наша казачья школа является единственной школой станицы, в ней учится большое количество детей, но для детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов предусмотрены достаточно важные условия: дополнительное бесплатное питание, пандусы, цветовые отметки, дидактический материал в младшей школе. Многие дети проходят обучение по индивидуальному плану на дому. Особое значение в школе придается обеспечению доступа к информационным технологиям, творческим кружкам и секциям для возможно полного развития способностей детей.

В школе уже несколько лет действует система сопровождения обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, включающая современные образовательные технологии, адаптивные технические средства. Психологическая служба школы располагает оборудованием для проведения реабилитационных и коррекционных мероприятий. Для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата организовано тьюторское сопровождение.

Так как школа имеет статус казачьей, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья и дети-инвалиды имеют дополнительные возможности для включения в мероприятия патриотической направленности, специальные проекты, организуемые казачьим сообществом станицы. Мы считаем, что участие в таких мероприятиях активизирует элементы жизнестойкости, укрепляет позитивную Я-концепцию, помогает преодолевать социальную изоляцию детей с особыми потребностями, помогает раскрыть творческие способности детей.

Мы знаем, что у детей с ограниченными возможностями здоровья и у детей-инвалидов есть психологические особенности [4]. Они иногда проявляют больше усердия в приобретении знаний, ищут возможности для самореализации, им важно чувствовать себя востребованными, нужными для общества. При этом обычно такие дети более ранимы, они остро реагируют на насмешки и намеки о их состоятельности, их самооценка крайне неустойчива и зависит от множества факторов. Психологи знают, что самооценка у подростков мальчиков и девочек в подростковом возрасте имеет разную динамику. Многие девочки демонстрируют снижение самооценки в связи с негативной оценкой своей внешности. Мальчики имеют более стабильную самооценку. Дети с ограниченными возможностями здоровья и дети-инвалиды чаще всего имеют заниженный уровень самооценки именно с связи с ограничениями, которые накладывает их болезнь или особенности развития. В связи с этим обучение таких детей должно основываться на применении индивидуального подхода с учетом возрастных, половых, физиологических и личностных особенностей.

Психологическая реабилитация обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов в инклюзивной образовательной среде в первую очередь должна быть направлена на формирование чувства безопасности и комфорта, элементов жизнестойкости, положительного образа Я, адекватной самооценки, проработку концепции будущего [5]. Негативные эмоциональные состояния могут закрепляться в виде привычного стереотипа реагирования и в дальнейшем влиять на поведение и самочувствие детей с особыми потребностями. Дети с пониженным фоном настроения часто демонстрируют робость и многочисленные страхи, у них с трудом формируется самостоятельность, и они редко проявляют инициативу, например, для вступления в контакт. Поэтому дети с ОВЗ и дети-инвалиды обычно с трудом вливаются в школьные коллективы, держатся особняком.

В рамках мониторинга психоэмоционального состояния обучающихся психологи школы провели исследование положения и статуса ребенка в школьном коллективе. Мы знаем, что в общении со сверстниками каждый

школьник развивает свои коммуникативные качества, выстраивает отношения в коллективе, приобретает статус, который является показателем его потребности в общении. Для изучения межличностных отношений в группе мы выбрали методику социометрии.

В исследовании участвовало 8 классов (параллель 8-х и 9-х классов), 304 человека. В состав выборки вошли 16 детей с ограниченными возможностями здоровья, которые учатся в этих классах. Сроки проведения исследования: октябрь 2022 г.

Анализ результатов диагностики показал следующее:

Ни один из детей с особыми потребностями в своем классе не имеет статуса «звезды», т.е. есть наиболее эмоционально привлекательного человека для других членов группы;

Только 50 % (8 чел.) детей с ограниченными возможностями здоровья относятся к группе «Принимаемых» в своих классах, имеют некоторое количество положительных выборов и не имеют отвержений со стороны других участников группы;

Около 31% (5 чел.) детей с особыми потребностями относятся к группе «Пренебрегаемых». Это дети, получившие очень мало положительных выборов и много отвержений со стороны других участников группы. Пренебрегаемые относятся к категории непопулярных учащихся.

Около 20% (3 чел.) учащихся из группы детей с ограниченными возможностями здоровья оказались в группе «Изолированные» и «Отвергаемые». Одноклассники избегают общения с ними, не включают в свои игры или открыто проявляют агрессию по отношению к ним.

Как мы видим, обучающиеся с особыми потребностями занимают не самое высокое положение в классе, могут страдать от равнодушия или неприязни одноклассников. Мы можем предполагать, что основной причиной этого являются психологические особенности детей с ОВЗ, в частности, неразвитые коммуникативные навыки.

Организуемые школьной психологической службой коммуникативные тренинги и тренинг жизнестойкости призваны помочь школьникам с особыми потребностями в развитии их личностного потенциала, в расширении поведенческого репертуара и возможностей для обретения новых друзей. В том числе на тренингах обсуждаются основные принципы инклюзивного образования, а именно:

- Ценность человека зависит не только от его способностей и достижений.

Каждый человек уникален!

- Каждый человек способен чувствовать и думать!

- Каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным.

- Подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений: все люди нуждаются друг в друге, все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников и наставников.

- Для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, чего не могут.

Проведя анализ особенностей социальной ситуации развития детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов в условиях образовательной среды казачьей школы, мы можем сделать вывод о необходимости изменения существующей системы образования, как средства социальной реабилитации, в сторону ее большей открытости для детей с ограниченными возможностями для достижения основных задач учебных заведений и формирования жизнестойкой личности детей с особыми потребностями.

Список использованных источников

1. Интегрированное и инклюзивное обучение в образовательном учреждении. Инновационный опыт / Авт.-сост. А. А. Наумова, В. Р. Соколова, А. Н. Седегова. – Волгоград : Учитель, 2012. – 147 с.
2. Педагогика и психология инклюзивного образования. Учебное пособие / Под редакцией доктора педагогических наук, профессора Д.З. Ахметовой. – Казань : Познание, 2013. – 204 с.

3. Письмо Министерства образования и науки РФ от 18.04.2018 № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами».
4. Белявский, Б.В. Состояние и перспективы развития образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации / Управление федерального имущества и развития материально-технической базы Федерального агентства по образованию. – URL: <http://perspectiva-inva.ru>. (дата обращения: 20.09.2024).
5. Гордеева, А.В. Реабилитационная педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / А.В. Гордеева. – Москва : Академический проект, 2015. – 320 с.
6. Екжанова Е.А. Основы интегрированного обучения / Е.А. Екжанова, Е.В. Резникова. – Москва : Дрофа, 2018. – 286 с.

УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ В УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖАННЫМ ТЕМПОМ РАЗВИТИЯ

Кацера Анжелика Александровна
канд. психол. наук, доцент кафедры специальной психологии
ТГПУ имени Л.Н. Толстого (РФ, г. Тула)
(katsero@list.ru)

Статья знакомит с теоретическими и прикладными историко-педагогическими и психолого-педагогическими исследованиями по обсуждаемой теме. Сделан анализ понятия саморегуляции. Показано, что произвольная психическая саморегуляция у детей с задержанным темпом развития имеет специфические качественные особенности. Указано на необходимость проведения системной и целенаправленной коррекционно-развивающей работы по формированию произвольной саморегуляции, обеспечивающей расширение личностного потенциала обучающихся с ЗПР.

Ключевые слова: саморегуляция, самоконтроль, младшие школьники, познавательная и учебная деятельность, развитие и коррекция.

THEORETICAL BACKGROUND TO THE STUDY OF SELF-REGULATION IN THE EDUCATIONAL AND COGNITIVE ACTIVITIES OF CHILDREN WITH DELAYED DEVELOPMENT

Katsero Anzhelika Aleksandrovna
Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Special Psychology
TSPU named after L.N. Tolstoy
(Russian Federation, Tula)
(katsero@list.ru)

The article introduces theoretical and applied historical-pedagogical and psychological-pedagogical research on the topic under discussion. The analysis of the concept of self-regulation is made. It is shown that voluntary mental self-regulation in children with a delayed rate of development has specific qualitative features. The need for systematic and targeted correctional and developmental work on the formation of voluntary self-regulation, ensuring the expansion of the personal potential of students with mental retardation, is proven.

Key words: self-regulation, self-control, primary school students, cognitive and educational activities, development and correction.

Введение. Современный процесс обучения и воспитания детей с особыми образовательными потребностями требует обязательный учет психофизиологических особенностей каждого ребёнка и создания условий для становления его как субъекта учебно-познавательной деятельности. Особую актуальность эти задачи приобретают в период начального школьного обучения, так как именно тогда у ребёнка формируется общая способность к учению (З.И. Калмыкова, Н.А. Менчинская, У.В. Ульенкова, В.А. Шмакова и др). Неспособность быть субъектом своей учебной деятельности порождает проблемы школьной хронической неуспеваемости и ее последствия: невротизм, негативизм, девиантность (В.В. Давыдов) [7, 9].

В психолого-педагогической науке особое место занимают работы, посвященные изучению саморегуляции и вопросам роли специально организованной работы по ее формированию (О.В. Буланова, В.В. Кисова, Т.Н. Князева, У.В. Ульенкова и др.). Имеются значительные сведения о ее природе, механизмах, видах, однако вопросы специфики регуляции познавательной деятельности и условий ее развития у детей с задержанным развитием раскрыты недостаточно.

Изложение основного материала. В ведущих фундаментальных и прикладных исследованиях саморегуляция учебно-познавательной деятельности

рассматривается в контексте концепций произвольной регуляции. По мнению С.Л. Рубинштейна, сознательный контроль деятельности способствует эффективности познавательных процессов. В теории установки Д.Н. Узнадзе объективация, как сознательное управление поведением, построенное на наблюдении со стороны человека, позволяет личности перейти от импульсивных поступков к контролируемым действиям. Роль внутреннего плана речи в когнитивной регуляции Л.С. Выготским раскрывается через понятие вербализации внимания для осуществления контроля за деятельностью. Его взгляды расширяются в исследованиях А.Р. Лурии. Доказано, что в регуляции когнитивных процессов задействованы умения ребёнка пользоваться различными способами опосредования своей деятельности: образами, графическими и предметными символами, речью [3, 9, 10].

Теория поэтапного формирования умственных действий, автором которой является П.Я. Гальперин, помогает понять, что в произвольной деятельности обязательно присутствует контроль: все начинается с выстраивания плана действия, далее действие выполняется и контроль ведется на каждом этапе исполнения, чтобы в случае отклонения от задуманного (задачи, плана) – провести корректировку, и далее выполнять действие с учетом поправки.

Основой психической саморегуляции произвольного познания является умственный образ-цель – идеальное представление будущего результата деятельности (Б.Ф. Ломов, Н.Д. Завалова, В.А. Пономаренко). Собственно, образ-цель – это специальный формат цели, в котором ребенок может представить картинку, как будто бы цель достигнута, представить, что произойдет, когда это случится. Формулировку цели начинают с вопроса «Чего я хочу» и задачи «Как мне этого достичь».

Процесс инициации, построения и управления психической активностью для достижения целей деятельности называют саморегуляцией. Ее структурно-функциональная модель описана О.А. Конопкиным: принятие цели; субъективная модель условий деятельности; программа собственных исполнительских действий; субъективная система критериев успешности

деятельности; информация о достигнутых результатах – контроль и оценка, решение о коррекции системы саморегуляции [5].

А.О. Конопкина, наряду с Н.А. Бернштейн и Д.А. Ошаниным принято считать в отечественной науке основоположниками психологии саморегуляции. Н.А. Берштейном сформулирован принцип саморегуляции психических процессов [2]. Слово – орудие, с помощью которого создается модель желаемого будущего. Далее эта модель сличается человеческим мозгом с картиной реальной ситуации. И именно различие между моделью будущего и реальностью образует движущую силу произвольного действия. Д.А. Ошанин исследовал регуляцию предметных действий. Он предложил понятие оперативного образа – специфического образа объекта, формирующегося в процессе выполнения конкретного действия и выполняющего регулируемую функцию.

Конопкиным А.О., учеником Д.А. Ошанина, выделены регуляторные функции (планирование, программирование, контроль), психические средства их реализации (умственные операции, умения), специфический источник информации, используемый при регуляции (самооценка, Я-образ), условия, активирующие и поддерживающие процесс саморегуляции – эмоциональные, мотивационные и др.

Моросанова В.И. продолжила изучение феномена осознанной саморегуляции произвольной активности в рамках дифференцированного подхода. Изучались индивидуальные особенности саморегуляции. Были охарактеризованы различия в осуществлении регуляторных функций и регуляторно-личностные свойства (инструментальные и оперативные). Доказано, что личностные свойства влияют на деятельность не непосредственно, а через сформировавшиеся индивидуальные способы саморегуляции. К таким свойствам относят адекватность, гибкость, осознанность, инициативность, надежность, критичность, ответственность самостоятельность и др. [8, 9].

Д.А. Леонтьев обосновывает необходимость рассмотрения саморегуляции в контексте развития личностного потенциала. В его модели названы три

функции саморегуляции. Первая и вторая – самоопределение и реализация в ситуациях достижения, третья – сохранение в стрессовых ситуациях.

Таким образом, в процессе развития, в ходе овладения новыми разнообразными и усложняющимися видами произвольной активности личность приобретает базовые умения и навыки саморегуляции, общую способность произвольного построения своей целенаправленной активности, в том числе, такого ее вида как учебно-познавательная деятельность.

В исследованиях У.В. Ульенковой, Е.Б. Аксенова, В.В. Кисова, Н.Л. Росина, Л.А. Митеевой условием становления младших школьников с задержанным психическим развитием как субъектов учебно-познавательной деятельности называется формирование регуляторного компонента общих способностей к учению – саморегуляции.

Саморегуляция у детей с ЗПР имеет специфические качественные особенности: низкие показатели активности в учебно-познавательной деятельности; низкая оценка своих возможностей и умений саморегуляции в учебе; несформированность умения моделировать условия для решения учебных задач; отсутствие умений и навыков оценки собственной деятельности [1, 6].

Развитие самоконтроля в учебно-познавательной деятельности может быть оценено по пяти уровням (оценочно-критериальный подход У.В. Ульенковой) [11]. Первый, высший уровень сформированности – младший школьник принимает задание полностью, сохраняет его до конца занятия; работает сосредоточенно, самостоятельно замечает и устраняет ошибки; аккуратен; окончив работу, внимательно ее проверяет и дает адекватную оценку результату. Пятый уровень: ученик совсем не принимает задание, не понимает смысла задачи; манипулирует предложенным материалом, исходя из собственных желаний; саморегуляция деятельности и ее адекватная самооценка не осуществляется.

Проведение системной и целенаправленной коррекционно-развивающей работы по формированию произвольной саморегуляции способствует более эффективной школьной адаптации, предупреждает возникновение трудностей в обучении, в дальнейшем обеспечивая расширение личностного потенциала.

Обеспечение психолого-педагогического сопровождения является необходимым условием такого развития.

Выводы. Современные представления о саморегуляции учебно-познавательной деятельности являются синтезом научных идей различных теорий и направлений, зародившихся в физиологии, психофизиологии, психологии и пр. Развитие этих идей нашло продолжение и в коррекционной психологии и педагогике через актуализацию положения о регулирующей роли сознательного управления собственным поведением и деятельностью.

Список использованных источников

1. Бабкина, Н.В. Формирование саморегуляции познавательной деятельности у детей с ЗПР в различных условиях обучения / Н.В. Бабкина.- Москва : Владос. 2003. – 143 с.
2. Бернштейн, Н.А. Физиология движений и активность / Н.А. Бернштейн // Под ред. академика О.Г. Газенко. – Москва : Наука, 1990. – 496 с.
3. Выготский, Л.С. Игра и ее роль в психологическом развитии ребенка. Психология развития ребенка / Л.С. Выготский. – Млсква : Смысл, 2004. – С. 200–235.
4. Кацero, А.А. Развитие компонентов личностной саморегуляции у студентов с инвалидностью в образовательной среде вуза / А.А. Кацero // Университет XXI века: научное измерение: Тула: ТГПУим. Л.Н. Толстого, 2022. – С. 27-30.
5. Конопкин, О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности / О.А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2008. – №3. – С. 22-34.
6. Лубовский, В.И. Задержка психического развития // Спец. психология / под ред. В.И. Лубовского. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 598 с
7. Менчинская, Н. А. Проблемы обучения, воспитания и психического развития ребенка / Н.А. Менчинская ; под ред. Е. Д. Божович // Избранные психологические труды. – Москва : Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 512 с.
8. Моросанова, В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010. – №1. – С.36-45.
9. Моросанова, В.И., Фомина Т.Г., Ованесбекова М.Л. Возрастная специфика взаимосвязи осознанной саморегуляции, академической мотивации и личностных особенностей учащихся / В.И. Моросанова, Т.Г. Фомина, М.Л. Ованесбекова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2017. – №3. – С.34-44.

10. Рубинштейн, Л.С. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – Москва [и др.] : Питер, 2012. – 705 с. – ISBN 978-5-459-01141-8 с.
11. Ульenkова, У.В. Дети с задержкой психического развития / У.В. Ульenkова. – Нижний Новгород : НГПУ, 1994. – 230 с.

УДК 376.42

РАЗВИТИЕ ПАССИВНОЙ ЛЕКСИКИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УМЕРЕННОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛОГОПЕДА И РОДИТЕЛЕЙ

Лещенко Светлана Геннадьевна

канд. психол. наук, доцент,

зав. кафедрой специальной психологии, дефектологии и социальной работы

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

(РФ, г. Тула) (svet-lanal@mail.ru)

В статье называются особенности развития пассивного словаря у данной категории детей, определяются основные направления работы учителя-логопеда и говорится о важности участия родителей в развитии пассивного словаря у младших школьников с умеренной степенью умственной отсталости, предлагаются приемы развития пассивного словаря у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью в процессе семейного воспитания.

Ключевые слова: словарный запас, пассивный словарный запас, дети младшего школьного возраста, интеллектуальная недостаточность, умеренная степень умственной отсталости, взаимодействия логопеда и родителей.

THE DEVELOPMENT OF PASSIVE VOCABULARY IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN WITH A MODERATE DEGREE OF MENTAL RETARDATION IN THE INTERACTION OF A SPEECH THERAPIST AND PARENTS

Leshchenko Svetlana Gennadievna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Special Psychology at Tolstoy State Pedagogical University

(Russian Federation, Tula) (svet-lanal@mail.ru)

The article identifies the features of the development of passive vocabulary in this category of children, defines the main areas of work of a speech therapist teacher and talks about the importance of parents' participation in the development of passive vocabulary in younger schoolchildren with a moderate degree of mental retardation,

suggests techniques for the development of passive vocabulary in younger schoolchildren with intellectual disabilities in the process of family education.

Key words: vocabulary, passive vocabulary, primary school children, intellectual disability, moderate degree of mental retardation, interaction between a speech therapist and parents.

Работа над развитием и совершенствованием лексики младших школьников с умеренной степенью умственной отсталости является одной из актуальных проблем современной логопедии. Нарушения словаря у детей с патологией интеллекта весьма затрудняют процесс адаптации данной категории детей в обществе, ограничивают возможности в общении и понимании речи окружающих, понятном изложении своих мыслей. Актуальность проблемы нарушений лексики у детей с умственной отсталостью связана с процессами развития речи и познавательной деятельности, а также с влиянием использования слова как средства общения на процесс коммуникации [1].

Ситуация осложняется в том случае, если у детей с умственной отсталостью почти полностью отсутствует речь. Данная группа обучающихся в активном словарном запасе имеют лишь несколько или минимальную группу обиходных слов, с помощью которых происходит коммуникация с окружающим миром. При этом пассивный словарь обретает особенно важную функцию – представляет собой основу для понимания и взаимодействия ребенка с внешним миром.

Умственная отсталость определяется как задержка или неполное развитие психических процессов, характеризующаяся нарушением способностей, проявляющихся в период созревания и обеспечивающих общий уровень интеллектуальности [3].

У обучающихся с умеренной степенью умственной отсталости наблюдаются нарушения познавательной деятельности, что влияет на формирование словарного запаса и проявляется в неточностях употребления слов, трудности актуализации словаря, несформированности структуры значения слова. Выбор слова у данных детей осуществляется чаще всего по случайным, звуковым ассоциациям. Их лексический запас ограничен, имеет качественное своеобразие, преобладание существительных с конкретным

значением [4]. В дальнейшем, в процессе развития лексики у обучающихся на разных этапах происходит освоение разным количеством лексических единиц, которых им недостаточно для осуществления полноценной коммуникации.

Особенности развития речи детей с умеренной степенью умственной отсталости связаны с недоразвитием высших форм познавательной деятельности, поверхностностью и конкретностью мышления, качественным своеобразием речи, незрелостью эмоционально-волевой сферы.

Речевое развитие детей с умеренной степенью умственной отсталости в младшем школьном возрасте несет системный характер. У данных детей нарушены все компоненты речи: ее фонематическая сторона, семантика, грамматический строй и лексика.

Обучающиеся начальной школы с умеренной степенью умственной отсталости часто значение слова соотносят с определенным предметом или человеком (если собака, то именно их, а чужая собака другого цвета и размера уже не воспринимается как собака, если мама, то непременно их мама и т.д.). Поэтому усвоение слов с абстрактным значением вызывает большие трудности, которые проявляются в элементарном и примитивном восприятии этих слов [5].

Умственно отсталые дети часто смешивают слова одного рода и вида. У рассматриваемой нами категории детей отсутствуют в речи слова обобщающего характера. Много ошибок присутствует в обозначении детенышей животных. В активном словаре практически отсутствуют глаголы, обозначающие передвижения животных, все передвижения озвучиваются как «идет». Глаголы с приставками почти отсутствуют в речи, в основном, заменяются бесприставочными глаголами.

Школьники с умеренной степенью умственной отсталости в речи мало используют слова, обозначающие признаки предмета. Они знают основные цвета, величину предметов, вкус. Прилагательные на противопоставление по объему, высоте, длине – в речи практически не встречаются. Все части речи употребляются в начальной форме без согласования между собой в роде, числе, падеже. Существительные употребляются только в именительном падеже.

Для детей с данной степенью интеллектуальных нарушений характерно грубое искажение звуко-слоговой структуры слова, грамматически неправильное оформление слов, наблюдаются персеверации, парафразии.

Все неточности в употреблении слов у детей с умеренной степенью умственной отсталости объясняются нарушениями в дифференциации предметов и их обозначении. Они сходство предметов (*например, назначение – ложки и вилки*) воспринимают лучше, чем их различие.

Для обучающихся в начальных классах рассматриваемой категории недоступно использование способов обогащения словарного запаса таких, как подбор синонимов и антонимов. Они не способны найти однокоренные слова, похожие по смыслу. Вся речь сводится к озвучиванию основных бытовых потребностей ребенка. [7]

Пассивный словарь у детей с умственной отсталостью намного больше активного, но процесс актуализации происходит с большим трудом, с помощью наводящего вопроса. Такие сложности связаны с замедленным формированием семантических полей, лексической системности.

Таким образом, у детей с умеренной степенью умственной отсталости в сочетании с системным недоразвитием средней и тяжелой степени основой словаря является его пассивная часть, которая особенно нуждается в расширении и обогащении.

Коррекционная работа по расширению пассивного словарного запаса не ограничивается лишь запоминанием новых слов, а включает в себя и уточнение значения известных ученику слов, и развитие семантики слова; формируется лексическая системность. Особое внимание уделяется изучению предикативного словаря, глаголов и прилагательных.

Развитие пассивной лексики у младших школьников с умеренной степенью умственной отсталости во взаимодействии логопед и родителей вденется по нескольким направлениям:

Обогащение словаря – усвоение новых, ранее не изученных слов или изучение новых значений слов. Существуют способы толкования слов такие, как:

наглядный контекстуальный, логическое определение, способ подстановки синонимов, антонимов, развернутое описание, анализ морфологической структуры и словоизменения. Задействуются большое количество анализаторов для прочного понимания слова. Основной упор приходится на приобретенный опыт ребенка.

Уточнение словаря – углубление понимания известных ребенку слов, выяснение различий между похожими словами, синонимами, подбор антонимов.

Активизация словаря – введение слова в речь ребенка, использование его в предложениях, усвоение сочетаемости данного слова с другими словами, уместность его употребления в контексте. Слово считается активизированным, если ребенок употребил его хотя бы один раз в своей повседневной речи или пересказах.

Владение словом означает понимание его семантики, сферы употребления и сочетаемости с другими словами. [6]

В начальных классах работа над существительными ведется в определенном порядке: постепенно вводятся наиболее значимые для обучающегося конкретные существительные, вводятся наименее значимые для ребенка конкретные существительные, добавляются обобщающие существительные наиболее важные для ученика, вводятся наименее значимые для школьника обобщающие существительные.

Обогащение глагольного словаря происходит в определенной последовательности: сначала происходит изучение продуктивных глаголов (движение, состояние человека, животных); затем включают в работу звукоподражательные глаголы; после этого, в занятия включают глаголы, обозначающие профессиональные действия; далее - глаголы, обозначающие действия с предметами; глаголы совершенного и несовершенного вида рассматривают после усвоения всех предыдущих. Далее идет работа по дифференциации семантически близких глаголов.

Последовательность работы над прилагательными выглядит таким образом: изучается обозначение цвета, затем - вкусовые ощущения, далее идет –

температура, вес, сила, размер (высота, толщина, длина, ширина), форма, и завершается работа изучением прилагательных на тактильные ощущения.

При работе над усвоением глаголов и прилагательных важно употреблять их в словосочетаниях, фразах, предложениях и тексте.

В последнюю очередь ведется работа над словарем наречий и предлогов. Наречия вводятся наиболее употребительные, которые необходимы для понимания состояния обстановки (холодно-жарко, хорошо-плохо) или положения (высоко, далеко). Предлоги же изучаются в последнюю очередь в виде игры и выполнений простых инструкций сначала по образцу, потом – самостоятельно. При этом, очень важно использовать изученные предлоги в быту [7].

Коррекционно-логопедическая работа с детьми с интеллектуальными нарушениями в обязательном порядке сопровождается игровыми действиями. Так же существуют требования для проведения занятий с данной категорией детей такие как: соблюдение санитарно-гигиенических требований, не менее двух физкультминуток на одном занятии, наличие яркого, эстетичного, реалистичного наглядного материала, соблюдение соответствия дидактического материала по размеру и цвету [2].

Важнейшими участниками процесса развития пассивной лексики у младших школьников с умеренной степенью умственной отсталости являются родители и члены семьи. Повышение компетентности родителей, овладение ими знаниями о природе нарушения в развитии своего ребенка и приемами, методами оказания ему педагогической помощи способствует положительным изменениям и дальнейшей социализации ребенка с умеренной степенью умственной отсталости. Члены семьи могут создавать речевые ситуации, которые потребуют вовлеченности ребенка в ежедневные разговоры. Поводом к разговору может стать реклама, песня или новости, чтобы у ребёнка был стимул познакомиться с новыми словами, включать их в пассивный словарь и актуализировать при необходимости. Создание семейной традиции чтения книги, которое включает объяснение значения незнакомых слов, а также обсуждение прочитанного. Рассматривание картинок позволит пополнить описательную

лексику ребенка, научить его вербализации изображенного на иллюстрации, а также актуализировать новую лексику при ответах на наводящие вопросы.

Еще одним из действенных приемов может быть проведение время с ребёнком за каким-нибудь делом. Например, взять с собой на кухню, где можно вместе приготовить семейный ужин. Демонстрировать и называть ребёнку имеющиеся кухонные предметы, рассказывать, для чего именно они нужны. Рекомендуется играть в словесные игры, которые рекомендует логопед, работающий с младшим школьником с умеренной степенью умственной отсталости.

Значимость компетентности родителей в воспитании и обучении детей с данной патологией развития обусловлена тем, что именно семья может создать наиболее благоприятные условия для развития пассивного словаря. Привнесение коррекционной составляющей в процесс семейного воспитания создает условия для развития ребенка в естественных жизненных ситуациях.

Список использованных источников

1. Боскис, Р.М. Аномальные дети / Р.М. Боскис // Основы обучения и воспитания аномальных детей. – Москва, 2009. – 146 с.
2. Быстрова, Г.А. Логопедические игры и задания / Г.А. Быстрова, Э.А. Сизова, Г.А. Шуйская – Москва, 2007. – 96 с.
3. Власова, Т.А., Певзнер М.С. О детях с отклонениями в развитии / Т.А. Власова, М.С. Певзнер. – Москва : Просвещение, 2010. – 176 с.
4. Гаркуша, Ю.Ф. Коррекционно-педагогическая работа в дошкольных учреждениях для детей с нарушениями речи: Учеб. пособие для студентов пед. ВУЗов по спец. "Логопедия" / [Ю.Ф. Гаркуша, доц., к.п.н., А.А. Харитончикова, А.Т. Бордо и др.; Под ред. Ю.Ф. Гаркуши]. – Москва : Секачев В.Ю., 1999.
5. Зикеев, А.Г. Развитие речи учащихся специальных образовательных учреждений / А.Г. Зикеев – Москва : Академия 2012. – 200 с.
6. Логопедия: Учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. – Москва : Гуманит.изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 680 с.
7. Петрова, В.Г. Обучение учащихся 1-4 классов вспомогательной школы / В.Г. Петрова. – Москва. –2011.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ АНИМАЦИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ
ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ «ПРЯНИК ТУЛЬСКИЙ ЛИТЕРНЫЙ»
В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОВЗ**

*Мартынова Ирина Сергеевна
старший преподаватель*

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(РФ, г. Тула) (irina_chukanova@mail.ru)*

Целью этого исследования является изучение влияния анимации на процесс обучения детей старшего дошкольного возраста. Исследуемый вопрос предполагает, что анимация улучшает процесс обучения, внимание, запоминание, и мотивации у детей дошкольного возраста. Исследование, представленное в статье, проводилось в рамках реализации гранта правительства Тульской области в сфере науки и техники (договор № ДС/106 от 27.09.2023 г.).

Ключевые слова: анимация, дидактическое пособие, дошкольники, дети с ОВЗ.

**USING ANIMATION TOOLS IN DEVELOPING THE DIDACTIC MANUAL
«TULA LITERATED GINGERBREAD» IN WORKING WITH CHILDREN
WITH DISABILITIES**

*Irina Sergeevna Martynova
Senior Lecturer*

*Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
(Russian Federation, Tula) (irina_chukanova@mail.ru)*

The purpose of this study is to examine the influence of animation on the learning process of senior preschool children. The research question suggests that animation improves the learning process, attention, memorization, and motivation in preschool children. The study presented in the article was conducted within the framework of the implementation of a grant from the Government of the Tula Region in the field of science and technology (agreement No. DS / 106 dated September 27, 2023).

Key words: animation, didactic manual, preschoolers, children with disabilities.

Дошкольное образование – это одна из форм образования, которая фокусируется на закладывании основ для физического роста и развития интеллекта, эмоционального становления. А также способствует формированию языковых навыков и общению.

Технологии коренным образом изменили общество, сделав их использование и необходимость их применения неотъемлемой частью повседневной деятельности людей. С появлением новых технологий дети дошкольного возраста всё чаще предпочитают получать информацию или знания с помощью картинок и иллюстраций, часто делая выбор в пользу анимированных видеороликов на соответствующие темы.

Учащиеся с разными способностями могут извлечь пользу из интеграции привлекательных и увлекательных анимированных видео в дошкольной группе, которые дают преимущество в понимании как детьми, так и дошкольными педагогами.

Дошкольники этого поколения растут в мультимедийной среде, где они часто переключают своё внимание между различными источниками информации и развлечений. Это постоянное переключение способствует снижению толерантности к скуке, достигая высокого уровня стимуляции для поддержания сосредоточенности. Традиционных методов обучения недостаточно, чтобы идти в ногу с изменениями нашего времени.

В настоящее время одним из факторов, которые оказывают влияние на становление личности дошкольника, его познавательную и речевую активность является развитие информационно-коммуникационных технологий. Информационно-коммуникативные технологии используются при создании конечного продукта реализации образовательных проектов. Успешность реализации ФГОС дошкольного образования невозможна без обновления методик и педагогических технологий, совместного планирования и организации деятельности педагога и детей как равноправных партнеров [2].

Поэтому дошкольным педагогам необходимо внедрять новые педагогические инструменты, которые являются более интересными, эффективными и актуальными для современных детей.

Анимация, созданная с помощью технологий, способствует лучшему пониманию и привлекает внимание дошкольников, предоставляя информацию с помощью невербальных, привлекающих внимание жестов, контента, звука и

фоновой музыкой в приятной обучающей обстановке, которая повышает вовлечённость в процесс обучения на более длительное время и повышает мотивацию.

Анимация может преобразовывать сложные или абстрактные концепции в понятные визуальные представления. Это одна из её самых убедительных сильных сторон как учебного инструмента. Она способна вдохнуть жизнь в идеи и теории, которые в противном случае могли бы показаться непостижимыми.

В условиях стремительного развития технологий, которые коренным образом меняют способы восприятия информации дошкольниками, анимация стала играть важную роль в образовании.

Анимация, термин, происходящий от латинского слова «animus», что означает «оживлять» или «давать жизнь», обладает множеством преимуществ по сравнению со статичными изображениями, в том числе новизной и непосредственностью. Такие форматы, как GIF (формат обмена графикой) и MP4, являются не просто альтернативой фотографиям, диаграммам и таблицам, а мощными инструментами для повышения эффективности обучения. Вот что анимация может принести в учебный процесс.

Новизна и вовлечённость: анимация привлекает внимание учащихся благодаря своей увлекательной и визуально привлекательной природе. Это свойство особенно ценно при отказе от традиционных методов обучения, делая образование более интересным и увлекательным.

Визуализация информации: с помощью анимации преподаватели могут превращать сложные темы в доступные повествования, облегчая понимание учащимися и улучшая усвоение знаний.

Внимание: динамическая природа анимации – это мощный инструмент для привлечения и удержания внимания учащихся. Она может направлять их внимание на конкретную информацию или концепции, тем самым улучшая их понимание.

Временное представление: анимация особенно эффективна при передаче концепций, связанных с динамикой или изменениями во времени, поскольку она

может иллюстрировать процессы и преобразования. Благодаря визуальному представлению таких изменений анимация может быть полезна в дисциплинах, где динамические концепции играют ключевую роль.

На базе ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н.Толстого» (г. Тула) нами было разработано и внедрено дидактическое пособие «Пряник тульский литерный» для развития познавательных процессов детей с особыми образовательными потребностями. Рассматривая классификации восприятия предметов окружающего мира по различным анализаторам (слуховому, тактильному, зрительному и др.), а также исходя из видов восприятия (по форме, величине и цвету), мы изготовили разные по размеру пряники с целью знакомства детей с эталонами формы (треугольник, квадрат, овал, круг, прямоугольник) и разработали комплекс упражнений на исследуемые процессы. Так, например, для развития восприятия с данным стимульным материалом были разработаны упражнения: «Узнай фигуру», «Сладкая дорожка», «Найди предмет такой же формы», «Волшебный паровозик», «Пряничный домик» и др. Для развития мышления были смоделированы упражнения «Четвертый лишний?», «Найди закономерность», «Недостающая фигура», «Сложи картинку», «Кубики Кооса» и др. [1].

Для большего обучающего эффекта мы создали мультипликационные фильмы на основе техники перекладка. Данная техника позволяет создавать мультипликационный фильм на основе плоских персонажей (пряники, герои-животные), плоского фона. Передвижение происходит путем перемещения объектов по фону.

В упражнении «Сладкая дорожка» ребенка учат анализу и синтезу, умению делать логические построения, выстраивать ассоциативные связи (рис.). Анимационное животное предлагает ребенку посмотреть внимательно на цепочку из пряников и помогает продолжить ее, не нарушая последовательности.

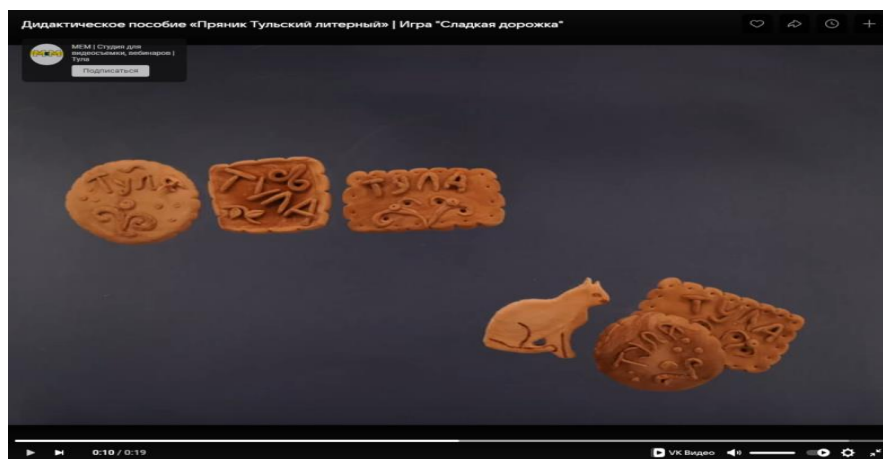

Рис. Упражнение «Сладкая дорожка»

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что деятельность по созданию мультфильмов может выступать эффективным средством комплексного развития детей дошкольного возраста, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования.

Список использованных источников

1. Васина, Ю.М. Возможности развития мыслительных операций детей с особыми образовательными потребностями / Ю.М. Васина, И. С. Мартынова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 9(180). – С. 65-69.
2. Хижуховская, Татьяна Вячеславовна, Лешкунова Елена Юрьевна ДЕТСКАЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДОУ // Уникальные исследования XXI века. 2017. №7 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskaya-multiplikatsiya-v-obrazovatelnom-protsesse-dou> (дата обращения: 02.12.2024).

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ С ОВЗ СРЕДСТВАМИ ХАТХА-ЙОГИ И ЙОГАТЕРАПИИ

Маштакова Светлана Васильевна
магистрант

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи
(РФ, г. Мариуполь) (sv.mashtakova@yandex.ru)

Богачев Алексей Михайлович

ст. преподаватель, научный сотрудник

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи,
научный сотрудник Российского государственного педагогического университета
имени А.И. Герцена (РФ, г. Санкт-Петербург) (amb1976@mail.ru)

Проанализированы аспекты психологической работы с детьми и подростками с ОВЗ с помощью хатха-йоги и йогатерапии. Исследованы теоретические и прикладные научные исследования в вопросе познания возможностей йоги, йогатерапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ. Представлена программа для занятий детей и подростков ОВЗ с родителями. Систематизирован и обозначен круг дальнейших научных поисков о возможностях хатха-йоги и йогатерапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ.

Ключевые слова: ОВЗ, хатха-йога, йога, сказкотерапия, позитивная куклотерапия, арт-терапия, мандалотерапия, дети, подростки.

PSYCHOLOGICAL WORK WITH CHILDREN AND ADOLESCENTS WITH HATHA YOGA AND YOGA THERAPY

Mashtakova Svetlana Vasilyevna

Master's student

Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi (Russian Federation, Mariupol)

(sv.mashtakova@yandex.ru)

Bogachev Alexey Mikhailovich

Senior lecturer, researcher

Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi,

Researcher at the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

(Russian Federation, St. Petersburg) (amb1976@mail.ru)

The aspects of psychological work with children and adolescents with disabilities using hatha yoga and yoga therapy are analyzed. Theoretical and applied scientific research on the issue of cognition of the possibilities of yoga, yoga therapy in working with children and adolescents with disabilities has been studied. A program for teaching children and adolescents with disabilities with their parents is presented. The range of further scientific research on the possibilities of hatha yoga and yoga therapy in working with children and adolescents with disabilities is systematized and outlined.

Key words: limited health opportunities, hatha yoga, yoga, fairy tale therapy, positive doll therapy, art therapy, mandalotherapy, children, teenagers.

Необходимость расширения теоретико-практической, методологической научной базы для ее последующего применения в индивидуальной и групповой работе с детьми с ОВЗ обуславливает актуальность нашего исследования. Вопрос применения хатха-йоги и йогатерапии, как телесно-ориентированной терапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ все еще мало изучен, что создает предпосылки для научного поиска в данной тематике.

Исследованием особенностей работы с детьми с ОВЗ занимались Л.С. Выготский, А.Ф. Лазурский, С.Я. Рубинштейн, Т.И. Бонкало, Н.Т. Джайнакбаев, Т.А. Асимова, О.Г. Приходько, И.А. Филатова, А.С. Павлова, С.В. Алехина, К.К. Мирзоева, Е.В. Багарадникова, С.А. Войтас, М.М. Прочухаева, В.Н. Феофанов, Ю.А. Королева, А.Г. Самохвалова, О.Б. Алпатова, Г.В. Сорокоумова, В.В. Делибалт и др.

Объект нашего исследования – средства хатха-йоги и йогатерапии, как инструменты телесно-ориентированной терапии в психологической работе с детьми и подростками. Предмет нашего научного поиска – аспекты психологической работы с детьми и подростками с ОВЗ с применением хатха-йоги и йогатерапии, как телесно-ориентированной терапии.

Цель – рассмотреть особенности психологической работы с детьми и подростками с ОВЗ средствами хатха-йоги и йогатерапии, презентовать программу для занятий детей и подростков с ОВЗ совместно с их родителями (опекунами).

Задачами нашего исследования являются: проанализировать аспекты психологической работы с детьми и подростками с ОВЗ с помощью хатха-йоги и йогатерапии; исследовать теоретические и прикладные научные исследования в вопросе познания возможностей йоги, йогатерапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ; составить и предложить программу занятий с детьми и подростками с ОВЗ совместно с родителями (опекунами); систематизировать и обозначить круг дальнейших научных поисков о возможностях хатха-йоги и йогатерапии, как телесно-ориентированной терапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ.

Методами нашей работы являются дедукция, индукция, анализ, синтез, обобщение, наблюдение, контент-анализ.

Если ребенок в РАС не получает своевременную помощь и диагностику, то у него возникают большие трудности в обучении и социальной адаптации. Это актуально как для детей, которые живут в семье, так и тех, кто живет в условиях школы-интерната [1]. Поэтому важным является ведение коррекционно-

профилактической работы, направленной на оптимизацию психических и психологических характеристик ребенка с РАС и его значимых взрослых (родителей, опекунов). При этом, другие дети и подростки в ОВЗ также нуждаются в квалифицированной своевременной помощи и психологической поддержке.

Для достижения позитивных целей актуально применять невербальные методики в работе с детьми с ОВЗ, т.к. они уже доказывали свою эффективность и действенность. Это обуславливает наш научный интерес к телесно-ориентированной терапии, которая может быть эффективной в работе с детьми с ОВЗ и, в частности, в работе с детьми с РАС (и их семьями или опекунами).

Телесно-ориентированная терапия позволяет повышать стрессоустойчивость [2, 3], способна исследовать и развивать психику человека с помощью телесных ощущений и состояний физического тела, применяя невербальные методики. Когда чувствительность тела ослаблена, психика также развивается медленно. Для оптимизации данного вопроса существуют сенсорные методы работы. К ним можно отнести и телесно-ориентированную терапию, сказкотерапию [4].

Мы рассмотрим схему (Таб. 1), которая предусматривает применение телесно-ориентированных методов в работе с детьми с ОВЗ. Уместным является пение звуков (вокалотерапия), выполнение техник и упражнений для концентрации внимания, медитации (дхарана, дхьяна — в йоге).

Таблица 1.

Схема применения поз тела и дыхательных упражнений для составления программы для работы с детьми и подростками с ОВЗ средствами хатха-йоги и йогатерапии, как телесно-ориентированной терапии

Асаны йоги (позы тела)	Пранаямы (дыхательные упражнения)
Динамические позы для тела	Динамическое диафрагмальное дыхание
Статические позы тела	Дыхательные техники для расслабления и саморегуляции (дыхание по квадрату, диафрагмальное дыхание)
Позы тела для силы мышц	Ровное свободное дыхание
Позы тела для гибкости	Ровное дыхание, свободное

Итак, вышеупомянутая таблица может служить опорой или подсказкой в процессе составления программы занятий с детьми и подростками с ОВЗ. При

этом, в занятиях с подрастающим поколением важно применять другие методы работы. К примеру, актуально задействование сказкотерапии [5] в работе с ОВЗ [6] и применение данного метода в одном занятии с телесно-ориентированными техниками с целью создания интерактивной программы (Таб. 2).

Таблица 2.

Программа для занятий детей и подростков с ОВЗ совместно с родителями

Название упражнения, техники, методики	Длительность выполнения	Особенности и примечания
Приветственное слово ведущего. Приглашение к занятию.	1-3 минуты	Ведущий приветствует всех собравшихся, анонсирует программу занятия, выражает намерение о том, что занятие подарит всем участникам приятный опыт и возможность развивать себя с помощью телесной и арт-терапии.
Разминка из хатха-йоги «Приветствие Солнцу» по версии Свами Шивананда	5-12 минут	Повторение комплекса из йога-упражнений за инструктором, коррекция тренером правильности выполнения поз. Предложение альтернативных упражнений и поз, если участники не способны выполнить одну или несколько поз из комплекса «Приветствие Солнцу»
Дыхательное упражнение «Диафрагмальное дыхание»	2-5 минут	Повторение за инструктором, коррекция тренером техники выполнения упражнения участниками
Арт-терапевтическая методика «Позитивная куклотерапия»	10-20 минут	Создание куклы «Волшебный помощник» по методике В.Ю. Слабинского и Н.М. Воищева
Вокалотерапия «Колыбельная песня для куклы» с применением звука «Ом»	2-4 минуты	Пение колыбельной с помощью одного звука «Ом» в распевке «А-О-У-М-М»
Рассказ терапевтической сказки о кукле «Волшебный помощник» по кругу с применением вербального и невербального описания сюжета	2-8 минут	Ведущий рассказывает сюжет терапевтической сказки «Волшебный помощник», участники тем временем невербально показывают сюжет сказки по кругу, по очереди. Эстафетная палочка передается через «волшебную палочку» ведущего — у кого эта палочка, тот сейчас рассказывает сюжет сказки.
Вибрационная йога-гимнастика	2-3 минуты	С помощью ладоней, похлопывающими движениями участники выполняют вибрационную легкую разминку для всего тела.
Ритуал прощания «В кругу друзей»	2-8 минут	Каждый участник по кругу, передавая «волшебную палочку» ведущего, рассказывает или показывает свои впечатления о сегодняшней встрече, выражает слова благодарности и пожелания на следующее занятие.

Продолжительность такого занятия может быть от 28 до 40 минут, чтобы каждый участник мог сосредоточить внимание на упражнениях и техника. Но, при этом, получил пользу от участия в групповой программе. Поэтому некоторые части данной программы могут применяться отдельно (или можно исключать то или иное упражнение, если недостаточно времени или участники не заинтересованы, на данный момент, в выполнении предложенной техники) — это обуславливает актуальность высокого уровня рефлексии и саморегуляции у ведущего (психолога) занятия.

Учитывая важность прохождения пути индивидуации [7], в том числе для детей с ОВЗ, актуально применение арт-терапевтических методик и техник вместе с телесно-ориентированными упражнениям [8] – это может усилить позитивный эффект от занятий, позитивно влияя на нервную систему и психику ребенка. В частности, научный и прикладной интерес представляет применение позитивной куклотерапии, разработанной В.Ю. Слабинским и Н.М. Воищевой [9].

Несмотря на наличие критических оценок в вопросе применения отдельных элементов йоги в работе с людьми разного возраста, весьма актуальным является вопрос научной апробации йога-комплексов и упражнений с целью отслеживания влияния данного вида телесно-ориентированной терапии на психологические характеристики детей с ОВЗ. В частности, уместным является проведение занятий и, параллельно этому, лонгтитюдного исследования с привлечением квалифицированного йогатерапевта для изучения вопроса влияния йоги, йогатерапии на психологические проявления подростков и детей с ОВЗ на базе автономных некоммерческих организаций и др.

Итак, мы рассмотрели особенности психологической работы с детьми и подростками с ОВЗ с помощью средств хатха-йоги. Также проанализированы аспекты психологической работы с детьми и подростками с ОВЗ с помощью хатха-йоги и йогатерапии. Исследованы теоретические и прикладные научные исследования в вопросе познания возможностей йоги, йогатерапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ. Систематизирован и обозначен круг дальнейших научных поисков в вопросе возможностей хатха-йоги и йогатерапии, как

телесно-ориентированной терапии в работе с детьми и подростками с ОВЗ: актуально применение различных техник. Также мы предложили программу занятий с детьми и подростками с ОВЗ совместно с родителями с задействованием хатха-йоги, йогатерапии, сказкотерапии, позитивной куклотерапии, вокалотерапии.

Таким образом, вышеупомянутая программа может быть эффективной в создании интерактивных занятий. И, вероятно, такой набор упражнений и техник привлечет внимание детей и подростков с ОВЗ, повышая уровень их вовлеченности и интереса к долгосрочным занятиям с психологом. Данное предположение уместно проверить на истинность в прикладном научном исследовании.

Список использованных источников

1. Смолюга, С.С. Использование метода «фотография дня» в психологическом сопровождении детей с ОВЗ в условиях школы-интерната / С.С. Смолюга, А.А. Кацера // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. – С. 370-373.
2. Маштакова, С.В. Влияние телесно-ориентированной терапии на уровень стрессоустойчивости подростков г. Мариуполя / С.В. Маштакова, Е.В. Рынгач // Психология личности в эпоху изменений: социализация, ценности, отношения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Калуга, 30–31 мая 2024 года. Калуга : Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2024. – С. 300–308.
3. Маштакова, С.В. Потенциал телесно-ориентированной терапии в работе со взрослыми / С.В. Маштакова, Е.В. Кустова, А.М. Богачев // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2024. – С. 157-159. – EDN GJSALS.
4. Маслаков, С.И. Метод сказкотерапии в обучении детей с ОВЗ / С.И. Маслаков, А.А. Алферова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2024. – С. 354-357. – EDN BXNIUQ.

5. Вачков, И.В Введение в сказкотерапию, или Избушка избушка, повернись ко мне передом... [Текст] : электронный ресурс. - 3-е изд. – Москва : Генезис, 2017. – 285 с. – ISBN 978-5-98563-498-3.
6. Кемпбелл, Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кемпбелл. – Москва : Ваклер, 1997. – 384 с.
7. Болгарина, Т.А. Телесно-ориентированные подходы в коррекции социального взаимодействия аутичных детей / Т.А. Болгарина, О.Г. Нугаева // Психология телесности: теоретические и практические исследования. – URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/psytel2009/contents/psytel2009_40846.pdf (дата обращения: 29.11.2024).
8. Слабинский, В.Ю. Введение в позитивную куклотерапию: структурные архетипы / В.Ю. Слабинский // Антология Российской психотерапии и психологии : материалы научно-практических конгрессов Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги и Национальной саморегулируемой организации «Союз психотерапевтов и психологов», Санкт-Петербург, 31 марта – 01 2023 года / Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига и Национальная саморегулируемая организация «Союз психотерапевтов и психологов». Том Выпуск 11. – Санкт-Петербург: Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига», 2023. – С. 84-88.

УКД 376.42

РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ 6-7 ЛЕТ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Мельникова Елизавета Витальевна
студент

(louise.vmmm@mail.ru)

Асмаловская Оксана Анатольевна
старший преподаватель

кафедры специальной психологии,
дефектологии и социальной работы

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(РФ, г. Тула)

В статье освещается вопрос развития словообразования у дошкольников 6-7 лет с общим недоразвитием речи. На основе экспериментального изучения выявлена специфика процесса словообразования у детей 6-7 лет с общим недоразвитием речи, описаны этапы логопедической работы по развитию словообразовательных навыков.

Ключевые слова: развитие, словообразование, дошкольники, общее недоразвитие речи.

THE DEVELOPMENT OF WORD FORMATION IN PRESCHOOLERS 6-7 YEARS OLD WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

Melnikova Elizaveta Vitalievna

Student

(louise.vmmm@mail.ru)

Asmalovskaya Oksana Anatolyevna

Senior lecturer

Departments of Special Psychology,

Defectology and Social Work

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

(RF, Tula)

The article highlights the issue of the development of word formation in preschoolers 6-7 years old with general speech underdevelopment. On the basis of experimental study, the specificity of the word formation process in children 6-7 years old with general speech underdevelopment was revealed, the stages of speech therapy work on the development of word formation skills are described.

Key words: development, word formation, preschoolers, general underdevelopment of speech.

Под словообразованием понимают, с одной стороны, процесс образования новых слов на основе уже существующих в языке морфем и лексических единиц по определённым моделям и правилам, а с другой, неотъемлемую часть морфологической системы языка, так как оно осуществляется путём соединения и комбинирования морфем - минимальных значимых частей слова.

В современной логопедии проблема развития навыков словообразования у дошкольников с общим недоразвитием речи (ОНР) является одной из наиболее актуальных. Актуальность исследования определяется тем, что развитие навыков словообразования в дошкольном возрасте является одним из ключевых условий полноценного овладения родным языком, активного обогащения словарного запаса, формирования грамматически правильной речи и развития языковой компетенции ребенка в целом. Как показывают многочисленные исследования (Р.Е. Левина, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, Н.С. Жукова, Р.И. Лалаева и др.), у детей с общим недоразвитием речи процесс усвоения

словообразовательных моделей и правил протекает со значительными специфическими трудностями на всех этапах речевого развития.

Несмотря на значительную теоретическую и практическую разработанность проблемы, представленную в трудах Н.С. Жуковой, Р.И. Лалаевой, Л.Ф. Спировой, Т.Б. Филичевой, Г.В. Чиркиной, Т.В. Тумановой, С.Н. Шаховской и других авторов, до настоящего времени остается актуальным вопрос поиска новых научно обоснованных путей совершенствования методов коррекции нарушений словообразования у дошкольников с речевой патологией.

Целью исследования являлось разработка и апробация коррекционно-логопедической программы по развитию словообразования у дошкольников 6-7 лет с общим недоразвитием речи.

Для реализации цели исследования, экспериментальная работа проводилась в три этапа:

- на первом этапе в ходе констатирующего эксперимента проходило диагностирование дошкольников 6-7 лет, где определялся их исходный уровень развития навыков словообразования;

- вторым этапом исследования стал формирующий эксперимент, в ходе которого была разработана и апробирована коррекционно-логопедическая программа по развитию словообразования у детей с общим недоразвитием речи;

- третьим этапом исследования стал контрольный эксперимент, в ходе которого была проведена повторная диагностика после апробации коррекционно-логопедической программы, направленная на выявление динамики развития словообразовательных навыков у детей экспериментальной группы.

В ходе констатирующего эксперимента, у детей с ОНР были выявлены существенные различия в состоянии словообразовательных процессов по сравнению с детьми, имеющими нормальное речевое развитие.

У детей с общим недоразвитием речи обнаружены значительные трудности в понимании и дифференциации словообразовательных моделей, что подтверждается результатами обследования по методике Г.А. Волковой, где

66.7% детей экспериментальной группы продемонстрировали низкий уровень понимания морфологической структуры слова.

Психолингвистическое исследование по методике Р.И. Лалаевой выявило несформированность базовых операций словообразования у дошкольников с ОНР. У 66.7% детей отмечаются выраженные трудности морфологического анализа слов, неспособность выделять значимые части слова, смешение понятий "родственные слова" и "слова-синонимы".

Результаты обследования по методике Т.В. Тумановой свидетельствуют о преобладании низкого уровня владения различными способами словообразования у детей с ОНР. Особые трудности выявлены при образовании притяжательных прилагательных и сложных слов (83.3% детей показали низкий уровень). Дети демонстрируют стойкие нарушения в выборе словообразовательных аффиксов, нарушения акцентуации производных слов, замены словообразования описательными конструкциями.

Диагностика по методике Т.Б. Филичевой и Г.В. Чиркиной подтвердила системный характер нарушений словообразования у дошкольников с ОНР, проявляющийся на морфемном, семантическом и грамматическом уровнях. У 75% детей экспериментальной группы выявлены выраженные трудности использования производных слов в самостоятельной речи.

Качественный анализ словообразовательных ошибок у детей с ОНР выявил их множественный характер у 66.7% обследованных. Доминируют нарушения выбора мотивирующей основы, пропуски и смешения словообразовательных морфем, нарушения семантических отношений между производным и производящим словом.

Таким образом, в ходе констатирующего эксперимента было выявлено, что подавляющее большинство детей экспериментальной группы имеют низкий и средний уровни развития навыков словообразования. Между тем, большинство детей контрольной группы безошибочно справились с аналогичными заданиями, что соответствует возрастным нормам и высокому уровню сформированности навыков словообразования.

Полученные результаты подтверждают необходимость разработки коррекционно-логопедической программы, направленной на развитие словообразования у дошкольников 6-7 лет с общим недоразвитием речи и дают основание для проведения формирующего эксперимента.

Содержание коррекционно-логопедической программы по развитию словообразования у дошкольников 6-7 лет с общим недоразвитием речи предусматривает последовательное и системное формирование словообразования имен существительных, глаголов, имен прилагательных и разработано с учетом современных представлений о механизмах нарушений словообразования и закономерностях развития словообразовательной системы языка в онтогенезе.

В рамках подготовительного блока основное внимание уделяется развитию базовых предпосылок словообразовательной деятельности. Работа направлена на развитие фонематического восприятия, навыков морфемного анализа, понимания значений словообразовательных морфем. Данный этап является фундаментом для дальнейшего освоения словообразовательных моделей.

Основной блок программы представляет собой систематическую работу по развитию различных способов словообразования. Последовательность работы определяется онтогенетическим принципом и данными о закономерностях усвоения словообразовательных типов в норме. Особое внимание уделяется развитию семантических связей между производящими и производными словами.

Закрепляющий блок направлен на автоматизацию сформированных навыков в различных коммуникативных ситуациях. На данном этапе акцент делается на развитии языкового контроля и формировании навыков самостоятельного словообразования. Важным аспектом является включение производных слов в активный словарь ребенка.

Содержание коррекционной работы реализуется через систему специально разработанных упражнений и заданий, которые постепенно усложняются и модифицируются в зависимости от этапа работы и индивидуальных особенностей

детей. Используемые методы и приемы обеспечивают высокую познавательную активность детей и поддержание устойчивого интереса к занятиям.

Организация коррекционного процесса осуществлялась с учетом требований СанПиН и особенностей психофизического развития детей старшего дошкольного возраста. Фронтальные занятия проводились в первой половине дня, в период наибольшей работоспособности детей. Структура занятий имела гибкий характер и включала динамические паузы, смену видов деятельности, что способствовало поддержанию познавательной активности и работоспособности детей. Подгрупповые занятия организовывались на основе дифференцированного подхода с учетом сходных нарушений словообразовательных навыков, а индивидуальные занятия проводились с учетом специфики нарушений словообразования каждого ребенка.

После реализации коррекционно-логопедической программы был проведен контрольный эксперимент с использованием диагностического инструментария констатирующего этапа. Полученные результаты свидетельствуют о положительной динамике развития словообразовательных навыков у детей экспериментальной группы.

Анализ результатов контрольного эксперимента по методике Г.А. Волковой свидетельствует о значительном улучшении показателей речевого развития у детей экспериментальной группы. Дети стали лучше дифференцировать значения словообразовательных морфем, понимать семантические различия между производными словами, стали активнее использовать различные способы словообразования, демонстрируют меньше ошибок при образовании новых слов.

Анализ результатов контрольного эксперимента по методике Р.И. Лалаевой демонстрирует существенные изменения в развитии морфологических представлений и словообразовательных операций. Дети стали лучше ориентироваться в морфемной структуре слова, понимать значения словообразовательных аффиксов, стали успешнее выделять общие элементы в родственных словах, группировать слова по морфологическому признаку, стали

активнее использовать различные способы образования родственных слов, демонстрируют понимание семантических связей между однокоренными словами, стали лучше определять правильность образования производных слов, способны находить и исправлять словообразовательные ошибки.

Анализ результатов контрольного эксперимента по методике Т.В. Тумановой демонстрирует значительную положительную динамику в развитии различных способов словообразования у детей экспериментальной группы. Дети стали успешнее использовать различные суффиксы, понимать их значения, образовывать существительные с уменьшительно-ласкательным значением, названия детенышей животных, профессий. У детей улучшилось понимание значений приставок, способность дифференцировать глаголы с различными приставками, использовать их в речи. Дети стали правильнее использовать различные суффиксы при образовании относительных прилагательных, понимать их значения, стали лучше понимать принцип образования сложных слов, правильнее использовать соединительные гласные.

Анализ результатов контрольного эксперимента по методике Т.Б. Филичевой и Г.В. Чиркиной показывает существенные позитивные изменения в развитии словообразовательных навыков у детей экспериментальной группы. Дети стали успешнее различать значения слов с различными словообразовательными аффиксами, понимать семантические различия между производными словами. У детей улучшилось понимание значений различных морфем, способность дифференцировать близкие по значению словообразовательные элементы. Дети стали успешнее использовать предложенный образец при образовании новых слов, демонстрируют способность к переносу усвоенной модели на новый речевой материал, стали активнее включать производные слова в самостоятельную речь, правильнее использовать их в контексте.

Качественный анализ результатов контрольного эксперимента показал существенные изменения в развитии словообразовательных навыков у детей экспериментальной группы. Значительно улучшилось понимание значений

словообразовательных морфем, повысился уровень владения различными способами словообразования, сократилось количество словообразовательных ошибок.

Наиболее значимые изменения отмечены в области понимания значений словообразовательных морфем и дифференциации словообразовательных моделей.

У детей экспериментальной группы наблюдается существенное расширение спектра используемых словообразовательных моделей, повышение самостоятельности в образовании новых слов, развитие навыков языкового контроля. Дети стали активнее использовать производные слова в самостоятельной речи, демонстрируют способность к переносу усвоенных навыков в новые речевые ситуации.

Таким образом, результаты контрольного эксперимента подтверждают эффективность разработанной и реализованной коррекционно-логопедической программы по развитию словообразования у дошкольников 6-7 лет с общим недоразвитием речи.

Список использованных источников

1. Лалаева, Р.И. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя) / Р.И. Лалаева, Н.В. Серебряков. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 160 с.
2. Логопедия: учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. – Москва : ВЛАДОС, 1998. – 680 с.
3. Туманова, Т.В. Формирование словообразовательной компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста с общим недоразвитием речи : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.03 / Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – Москва, 2005. – 45 с.
4. Филичева, Т.Б. Особенности словообразовательной и коммуникативной активности детей дошкольного возраста с нарушениями речи / Т.Б. Филичева, Т.В. Туманова, Ю.Р. Гущина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15751>.

КОРРЕКЦИЯ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ И МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДОШКОЛЬНИКОВ СО СТЕРТОЙ ДИЗАРТРИЕЙ ПРИ ПОМОЩИ ИГРОВЫХ ПРИЕМОВ

Ярцева Наталья Игоревна
студент

(Gudkova19981998@mail.ru)

Асмаловская Оксана Анатольевна

старший преподаватель кафедры специальной
психологии, дефектологии и социальной работы

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(РФ, г. Тула)

В статье обозначены основные направления коррекции артикуляционной и мелкой моторики у дошкольников со стертой дизартрией игровыми приемами. Своевременная коррекция нарушений речи является необходимым условием психологической готовности детей к обучению в школе, создает предпосылки для наиболее ранней социализации дошкольников с нарушениями речи. От постановки правильного заключения зависит выбор направлений коррекционно-логопедического комплекса для ребенка со стертой дизартрией и эффективность этого воздействия.

Ключевые слова: артикуляционная моторика, мелкая моторика, стертая дизартрия, логопедия, дошкольники.

CORRECTION OF ARTICULATION AND FINE MOTOR SKILLS IN PRESCHOOLERS WITH ERASED DYSARTHRIA USING GAME TECHNIQUES

Yartseva Natalia Igorevna
Student

(Gudkova19981998@mail.ru)

Asmalovskaya Oksana Anatolyevna

Senior lecturer of the Department of Special
Psychology, Defectology and Social Work

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
(Russian Federation, Tula)

The article outlines the main directions of correction of articulatory and fine motor skills in preschoolers with erased dysarthria by playing techniques. Timely correction of speech disorders is a necessary condition for the psychological readiness of children to study at school, creates prerequisites for the earliest socialization of preschoolers with speech disorders. The choice of directions of the correctional and

speech therapy complex for a child with erased dysarthria and the effectiveness of this effect depend on the formulation of the correct conclusion.

Key words: articulatory motor skills, fine motor skills, erased dysarthria, speech therapy, preschoolers.

Для изучения состояния артикуляционной моторики у детей со стертой дизартрией была использована методика Е.Ф. Архиповой, в которую входили задания, которые рекомендовались Л.В. Лопатиной и Г.В. Денюхиной.

В комплекс заданий для исследования артикуляционной моторики, включены:

- исследование кинетического орального праксиса;
- исследование мышечного тонуса;
- исследование кинестетического орального праксиса;
- исследование мимической мускулатуры.

В процессе изучения результатов исследования по выявлению особенностей артикуляционной моторики у детей со стертой дизартрией были выявлены затруднения при выполнении заданий по словесной инструкции.

Во время обследования пристальное внимание обращалось на: объем выполнения движений (полный, неполный); темп (нормальный, быстрый, замедленный); активность (нормальная, заторможенность, двигательное беспокойство); координация движений (нормальная, некоординированность); длительность удержания позы.

Моторная функция тесно связаны с функциями речи. Мелкая моторика необходима для стимуляции развития речи. Важно сформировать у детей дошкольного возраста мелкую моторику, артикуляционную моторику, общую моторику и мимическую.

По результатам обследования, мы пришли к выводу, что представленные детям задания выполнены преимущественно на низком уровне, т.е. словообразовательные и моторные умения у детей с дизартрией сформированы недостаточно. В связи с чем, детям требуется работа с логопедом.

На основе обследования и анализа работ авторов, которые занимались исследованием стертой дизартрии, нами был разработан комплекс логопедических заданий, направленный на развитие артикуляционной моторики у дошкольников со стертой дизартрией при помощи игровых приемов.

При разработке комплекса упражнений по преодолению нарушений артикуляционной моторики были использованы игровые дидактические средства и приемы развития мелкой и артикуляционной моторики у детей со стертой дизартрией, а также методики Е.Ф. Архиповой, М. Монтессори, М.М. Кольцовой.

Данные занятия по развитию мелкой и артикуляционной моторики проводятся в индивидуальной форме. А также включают в себя логопедические занятия в качестве дополнительных.

Нами было составлено 5 комплексов. Каждый комплекс включает в себя 5 заданий:

- 3 задания направлены на развития мелкой моторики;
- 2 задания направлены на развития артикуляционной моторики.

Одно из игровых средств развития мелкой моторики это «бизиборд». Бизиборд – это специальная развивающая доска, которая включает в себя различные задания и упражнения, направленные на развития мелкой моторики. Первую доску разработал итальянский врач и педагог Мария Монтессори в 1907 году. С каждым годом доску усовершенствовали, и она приобретала новые задания, а старые – становились более сложными. Бизиборд подходит для детей разного возраста.

Для младших дошкольников в заданиях используются предметы, в повседневной жизни к которым родители ограничивают доступ: выключатели, розетки, телефоны, дверные цепочки, дверные защелки и так далее. Именно они и вызывают особый интерес у детей.

Для детей старшего возраста используются упражнения более сложного уровня. Эти задания направлены на развитие памяти, логики, мышления, изучения цветов, цифр, букв, значений много – мало, больше – меньше и т.д.

Таким образом, бизиборд развивает мелкую моторику детей, а также расширяет кругозор, развивает логическое мышление, творческие способности, улучшает усидчивость и внимательность. Дети, выполняя задания на бизиборде с мелкими предметами, развивают пальчиковую активность.

При работе с детьми с нарушением речи особенно важно уделить внимание пальчиковой гимнастике. Использовать в логопедических занятиях нетрадиционные формы проведения пальчиковой гимнастики с элементами массажа, можно достичь отличного результата. Пальчиковая гимнастика способствует формированию и развитию моторных умений и навыков, что позволяет в дальнейшем корректировать речь и устранить дефект.

К современной форме проведения пальчиковой гимнастики можно отнести гидрогимнастику. Различные задания выполняются в воде. Для проведения такой гимнастики потребуется: различные емкости для воды, термометр, полотенце, салфетки.

Занятия проводятся в первой половине дня, длительность не превышает 10-15 минут, 3 раза в неделю.

Выполнение массажа проводится от простых движений к более сложным, образуя тесную связь между тонкими движениями пальцев рук и речевой зоной. При выполнении используются следующие предметы: карандаши, колпачки от фломастеров, мячики, массажеры и т.п.

Все упражнения сопровождаются стихами, скороговорками, чистоговорками, которые произносит логопед. Движения выполняются синхронно с текстом и выдерживаются паузы.

Во время работы с водой обязательное использование контрастных ванн. В прохладной воде, при температуре 17 градусов, упражнения выполняются 3-4 секунды, в теплой воде, при температуре 36 градусов – 7-8 секунд.

При развитии мелкой моторики эффективнее проходит работа по постановке и автоматизации звуков, быстрее развивается речь.

М. М. Кольцова в своих исследованиях выделяет биэнергопластический метод коррекционной работы с детьми над развитием артикуляционной

моторики. Основная цель этого метода – обеспечение сопряженной работы пальцев, кистей рук и артикуляционного аппарата.

Выполняя артикуляционную гимнастику с использованием движений рук, активизируется внимание, мышление, развивается чувство ритма, ориентировка в пространстве. Важно отслеживать точность, синхронность, ритмичность речевых органов и кистей рук. Для достижения этой цели возможно использование на занятиях музыкального сопровождения, счета, либо стихотворных строк.

Статические упражнения способствуют развитию мышечной силы, помогают ребенку найти и принять правильную артикуляционную и пальчиковую позу.

Динамические упражнения способствуют нормализации мышечного тонуса, развитию переключаемости движений, плавности и точности выполнения.

Бионэргопластика помогает коррекции звукопроизношения, улучшает моторные возможности детей. За счет параллельного развития усиливается результативность артикуляционной и мелкой моторики, сокращается вдвое время занятий. Методика позволяет перейти от зрительной опоры к выполнению движений по ощущениям.

Для улучшения результативности и привлечения большего интереса старших дошкольников возможно использование бионэргопластики в сопровождении со сказками. В 1932 году профессором Э. Кунце был представлен метод «Каталога», который является основой в создании артикуляционных сказок. Смысл данной методики заключается в создании рассказа, в которой ребенок в праве сам выбирать героев. Дети с интересом придумывают сюжеты сказок и углубляются в игру. Метод направлен на снятие психологической инерции и стереотипов в придумывании сказочных героев.

Данная методика направлена на:

- развитие артикуляционной моторики;

- формирование умения связывать в единую сюжетную линию случайно выбранные объекты;
- развитие концентрации внимание;
- развитие творческих способностей;
- обогащение словарного запаса;
- закрепление и развитие навыков речевого общения;
- формирование навыков построения связных монологических высказываний.

Итак, нами были предложены комплексы логопедических заданий для развития мелкой и артикуляционной моторики у дошкольников со стертой дизартрией на логопедических занятиях. В процессе логопедического обследования использовалась игровая и продуктивная деятельность, что позволило разнообразить методы логопедического воздействия и оптимизировать процесс коррекции.

Список литературных источников

1. Архипова, Е.Ф. Коррекционно-логопедическая работа по преодолению стертой дизартрии у детей / Е. Ф. Архипова. – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 254 с. – ISBN 978-5-17-052722-9.
2. Бушлякова, Р. Г. Артикуляционная гимнастика с биоэнергопластикой [Текст]: конспекты индивидуальных занятий по коррекции нарушений произношения свистящих, шипящих и сонорных звуков с включением специальных движений кистей и пальцев рук на каждое артикуляционное упражнение / Р. Г. Бушлякова. – Санкт-Петербург : Детство-Пресс, 2011. – 238 с. – ISBN 978-5-89814-643-6.
3. Волкова, Г.А. Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушениями речи. Вопросы дифференциальной диагностики: Вопросы дифференциальной диагностики: учебно-методическое пособие / Г. А. Волкова. – Санкт-Петербург : Детство-Пресс, 2008. – 133 с. – ISBN 5-89814-207-X.
4. Кольцова, М.М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка [Текст] : (Роль двигат. анализатора в формировании высш. нервной деятельности ребенка) / Акад. пед. наук СССР. Науч.-исслед. ин-т физиологии детей и подростков. – Москва : Педагогика, 1973. – 143 с.
5. Сумнительный, К.Е. Развитие речи, навыков письма и чтения у детей-дошкольников с помощью дидактических материалов М. Монтессори: учебное пособие / К.Е. Сумнительный, С.И.

Сумнительная // под общ. ред. д-ра пед. наук К.Е. Сумнительного. – Москва : МПГУ, 2021. – 172 с. – ISBN 978-5-4263-0990-6.

6. Нищева, Н.В. Блокнот логопеда. Секреты развития мелкой моторики = Секреты развития мелкой моторики [Текст] : с 4 до 7 лет / Н.В. Нищева ; художник Н. Жигалкина. – Москва : Детство-Пресс, 2017. – 48 с. – ISBN 978-5-906937-13-1.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ И СИТУАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В ПОВЕДЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

<i>Александровская В.Н., Боцан Е.В., Кучковая Я.В.</i> Идеальные образы личности: культурная природа и полифункциональная организация	3
<i>Александровская В.Н., Куликова Н.В., Боцан Е.В.</i> Обобщение понятий как макродинамическая закономерность познания	6
<i>Андрюшкова Н.П.</i> Нравственная зрелость: обзор и систематизация компонентов	11
<i>Ануфриев Е.Г., Яновский М.И.</i> Индивидуальные особенности человека как фактор, влияющий на конструктивное-неконструктивное поведение в конфликте	16
<i>Балакишина Е.В.</i> Психологические предикторы адаптации человека в ситуации неопределенности: теоретический аспект	22
<i>Безродный В.И., Святенко Е.А.</i> Мотивация к обучению у студентов гуманитарного и естественно-научного профиля в ДНР	27
<i>Безродный В.И.</i> Гендерные различия психологических характеристик частных коммерческих предпринимателей малого индивидуального бизнеса	32
<i>Бухарова И.С., Булатова О.А.</i> К вопросу изучения взаимосвязи креативности и лидерства в младшем школьном возрасте	41
<i>Головлёва Е.В.</i> Модернизация системы мотивации в современном управлении	48
<i>Данилова С.В.</i> Конфликтологическая компетентность специалистов социальных служб как предмет теоретического анализа	53
<i>Зубова А.В.</i> Эгоцентризм и канцеляризм в речи старших школьников как факторы развития эмоционального интеллекта	59
<i>Исмагилова Э.Ш., Тимофеев К.А., Ширин А.Г.</i> Развитие эмоционального интеллекта у студентов педагогического института	63
<i>Каранетова А.В.</i> Дискурсивные модели счастья	70
<i>Когай И.А., Эйфир М.М., Шукина Л.В.</i> Взаимосвязь инновационной готовности и удовлетворенности жизнью у сотрудников образовательных организаций	78
<i>Комарова Л.Р., Тимофеев К.А., Ширин А.Г.</i> Вредные привычки как фактор деструктивного развития профессиональной идентичности педагога	86
<i>Коротаева А.И.</i> Особенности социально-психологической адаптации делинквентных младших школьников	92
<i>Кучковая Я.В., Куликова Н.В., Александровская В.Н.</i> Феномен идеального образа в психологии К. Юнга	99
<i>Монтаньо Андраде Мариукси Элисабет</i> Теоретические аспекты субъективного благополучия личности в Эквадоре и России	103
<i>Ничепорук Е.В.</i> Философские основания нарциссизма как психологического феномена	112
<i>Оленникова М.В., Лучишева Л.М.</i> Психологические особенности отношения к собственной внешности у религиозно-ориентированных девушек	120
<i>Папков В.Е., Станина В.М., Дзадзамия С.Д., Христуленко А.А., Ларионов К.К., Боечко С.Д.</i> Распределенный мозг – распределенная нейропсихология навигационно-гендерной системы семьи (к проблематике гендерного разрыва)	126
<i>Папков В.Е., Станина В.М.</i> Распределенные системы сознания и навигации: брачные структуры К. Леви-Строса и менопауза (к проблеме гендерного разрыва)	133
<i>Пеклун И.А., Буланая Ю.В.</i> Эффективная коммуникация – основа успешного консалтинга	140
<i>Рогозина М.Ю.</i> Прокрастинация в структуре временных отношений личности студентов ...	146
<i>Руденко С.В.</i> К вопросу соотнесения феномена макиавеллизма и различных форм интеллекта	154

Самсоненко Л.С. Особенности жизнестойкости будущих педагогов	162
Сарычева О.В. Психологические детерминанты готовности к профессиональной деятельности студентов специальности «Психология служебной деятельности»	168
Тимофеев В.А., Монченко К.И. Психолого-правовой анализ профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории субъектов Российской Федерации	174
Устинова Н.В. Совместная деятельность со сверстниками как механизм формирования гуманных взаимоотношений у старших дошкольников	180
Цурко Е.С., Ковальчишина Н.И. Социально-психологические особенности проявления трудоголизма у современной молодежи	188
Черных Л.А., Левков А.Г. Взаимосвязь родительских конфликтов с навязчивыми грезами	193
Черных Л.А., Сухобрус Я.М. Особенности ценностно-смысловых представлений о будущем у старших школьников	200
Яновский М.И. Типы псевдодеятельностных манипулятивных стратегий выстраивания социального пространства	207
Ярмыш И.А. Представления о матери и психологическая дистанция в отношениях «мать-подросток»	215

СЕКЦИЯ 2. ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КРИЗИСНЫХ, ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ И СИТУАЦИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Агапова Д.С. Теоретические вопросы проблемы взаимосвязи психологических защит с уровнем тревожности у сотрудников подразделения по конвоированию в ФСИН	221
Баев П.А. Трудовые ориентиры молодежи в условиях неопределенности	226
Бухарова И.С., Богомолова П.А. К проблеме изучения поведения человека в кризисных, экстремальных ситуациях и ситуациях неопределенности	232
Быстрова Е.А., Певзнер М.Н. Активная студенческая жизнь как фактор развития коммуникативной компетентности студентов-педагогов	239
Ветвинская В.А., Тимофеев К.А., Ширин А.Г. Проблемы адаптации студентов-педагогов первого курса к условиям высшего образования	246
Голышева Н.В. Исследование эмоциональной сферы подростков, проживающих в зоне военного конфликта	254
Кириллов Н.А. Кризис брачно-семейных отношений, как одна из причин снижения демографических показателей	258
Лох К.В. Факторы дезадаптации демобилизованных военнослужащих и методология групповой работы с ними	264
Майстепанова Д.Р. Городская идентичность в период социально-политических перемен	272
Максименко Е.Г. Практика психолога в работе с психотравмой и кризисными состояниями	278
Маиштаква С.В., Яровая О.В., Асаулюк Т.В. Особенности стрессоустойчивости и психологической грамотности пассивных участников боевых действий	288
Репенко М.С. Особенности принятия решения студентами психологических специальностей в условиях неопределенности	295
Сабирзянова И.В. Ценностные основания социально-психологических механизмов регуляции деятельности субъектов управления	303
Сычева А.И., Болучевская В.В. Исследование поведенческих особенностей у лиц с алкогольной зависимостью в условиях наркологического диспансера	308
Трунова Е.С., Черанёва Е.К. Гендерные особенности в психологическом консультировании клиентов с проблемой склонности к риску	315
Хаустов Д.С. Психология и социология социального транзита: сущность социальных инноваций и методов исследования в книге А. Игнатьева «Синдром вертепа»	322
Черкесов В.В., Хацько М.С. Психологические факторы, определяющие адаптационный потенциал пожарного-спасателя МЧС России в экстремальной ситуации ликвидации ЧС ...	328

Чуканов Е.В. Метод семантического дифференциала в исследовании гражданской идентичности	334
Шульга В.В. Новые вызовы психологической науки и практики	339
Шумарова А.Ю. Защитные механизмы личности в условиях длительного вооруженного конфликта	347

СЕКЦИЯ 3. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Александрова Д.Н., Ефременко А.А. Психологические особенности влияния СМИ на личность человека	354
Антонова Д.Ю., Кыштымова И.М. Стендап как креолизованный текст и объект психологического анализа	361
Атутова Л.Л., Кыштымова Е.С. Научные представления о влиянии мультипликационных образов на детей	368
Воскресенская Н.Г. Вовлеченность в компьютерные игры в восприятии студенческой молодежи: гендерный аспект	374
Гнутова А.О. Феномен виртуальной идентичности: современный взгляд на проблему	380
Джерелиевская М.А. Динамика нормативов личностной адаптации к трансформациям социальной среды	386
Изосимова С.А., Пигуз В.Н., Ивашко К.С. Гиперперсонализация обучения – психоэмоциональная составляющая исследования: проблемы и перспективы исследования	391
Калюжная Д.С., Гордеева А.В. Искусственный интеллект как объект коммуникации	398
Коноваленко Д.В., Ковальчишина Н.И. Психологические особенности подростков с разным уровнем интернет-зависимости	404
Кортаева А.И. Гендерные особенности формирования интернет-зависимости у дошкольников	411
Потапов Р.С. Вовлеченность подростков в МОБА-игры	416
Слепнева Е.В. Особенности восприятия студентами образов героя и России	424
Требушенкова О.Ю. Влияние СМИ на формирование патриотических ценностей современной молодежи	432
Шайкина Е.А. Особенности восприятия средств массовой информации современной аудиторией	437

СЕКЦИЯ 4. АДАПТАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Ангелина Э.А. Эмоциональное выгорание и профессиональная деформация личности психолога-консультанта: причины и профилактика	443
Безродный В.И., Чеграхчи А.В. Психологические особенности саморегуляции студентов с избыточным весом	451
Будик С.А., Устинова Н.В. Связь защитных механизмов и совладающего поведения со стрессоустойчивостью у кардиологических и онкологических больных	455
Бухарова И.С. К проблеме изучения креативности и неадаптивной активности личности ...	461
Вильдгрубе С.А. Личностные особенности аддиктивных лиц в процессе терциарной социализации	466
Гришаева Е.М. Взаимосвязь волевой сферы и ценностно-смысловой организации у осужденных	474
Дронова А.А., Ковальчишина Н.И. Особенности переживания одиночества у иногородних студентов	482
Ковальчишина С.В. Оптимизация психических ресурсов военнослужащих в период реабилитации: опыт групповой психологической работы	489
Кожеева А.П. Взаимосвязь нервно-психической устойчивости и склонности к	

отклоняющемуся поведению у сотрудников правоохранительных органов	495
Маслаков С.И., Глоба А.В., Павлюк Г.Д. Особенности учебного процесса в школах для учащихся с нарушением слуха	502
Некрасова И.Н., Хмеленко М.П. Психологические особенности образа жизни людей, переживших стресс военного времени	507
Некрасова И.Н. Особенности Я-концепции военнослужащих с продолжительным стажем участия в боевых действиях	517
Папков В.Е., Пацкань И.И., Станина В.М., Кравченко В.А., Трутаев Г.П. Клинический случай зрительной агнозии в контексте парадигмы амбьентных и фокальных режимов зрения	526
Ситнова И.В. Факторы травматизации населения новых территорий после ухода вооруженных сил Украины	531
Яйкуненко Я.Н., Кириллова Е.П. Взаимосвязь психологического благополучия и социально-психологической адаптации у студентов	542
Яновская Л.В. Роль юмора в логотерапии В. Франкла	550

СЕКЦИЯ 5. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Асмаловская О.А. Особенности активного словаря у детей 3,5-4 лет при темповой задержке речи	557
Асмаловская О.А. Выявление системного речевого недоразвития дошкольников 5-7 лет	562
Богова Е.А., Васина Ю.М. VB-MAPP как одно из электронных ресурсов выявления уровня развития зрительного восприятия у детей с расстройствами аутистического спектра	568
Васина Ю.М. Возможности использования нетрадиционных технологий в процессе развития лиц с ОВЗ (на примере разработки дидактического пособия «Пряник Тульский литературный»)	575
Журавлева А.О., Кацера А.А. Возможности использования цифрового образовательного ресурса в развитии произвольного внимания у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью	580
Зими́на Е.В. Личностно-сберегающий подход в социальной адаптации студентов с инвалидностью и ОВЗ в высших учебных заведениях (на примере ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»)	586
Иовва О.А. Современные тенденции подготовки магистров в системе специального (дефектологического) образования в ПГУ им. Т.Г. Шевченко	595
Калинина С.Б., Коробейникова Н.В. Проблемы школьников с ограниченными возможностями здоровья в образовательной и социальной среде казачьей школы	603
Кацера А.А. Теоретические предпосылки исследования саморегуляции в учебно-познавательной деятельности детей с задержанным темпом развития	611
Лещенко С.Г. Развитие пассивной лексики у младших школьников с умеренной степенью умственной отсталости во взаимодействии логопеда и родителей	617
Мартынова И.С. Использование средств анимации при разработке дидактического пособия «ПряникТульский литературный» в работе с детьми с ОВЗ	624
Маштакова С.В., Богачев А.М. Психологическая работа с детьми и подростками с ОВЗ средствами хатха-йоги и йогатерапии	628
Мельникова Е.В., Асмаловская О.А. Развитие словообразования у дошкольников 6-7 лет с общим недоразвитием речи	635
Ярцева Н.И., Асмаловская О.А. Коррекция артикуляционной и мелкой моторики у дошкольников со стертой дизартрией при помощи игровых приемов	643

Научное издание

Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Донецк, 05.12.2024).

Под общ. ред. А.В. Гордеевой, С.А. Вильдгрубе, Э.А. Ангелиной

Технический редактор: Э.А. Ангелина

Дизайн обложки: Е.В. Чуканов

Издательство Донецкого государственного университета
283001, Донецк, ул. Университетская, 24